This is a reproduction of a library book that was digitized by Google as part of an ongoing effort to preserve the information in books and make it universally accessible.

Google™ books

https://books.google.com

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

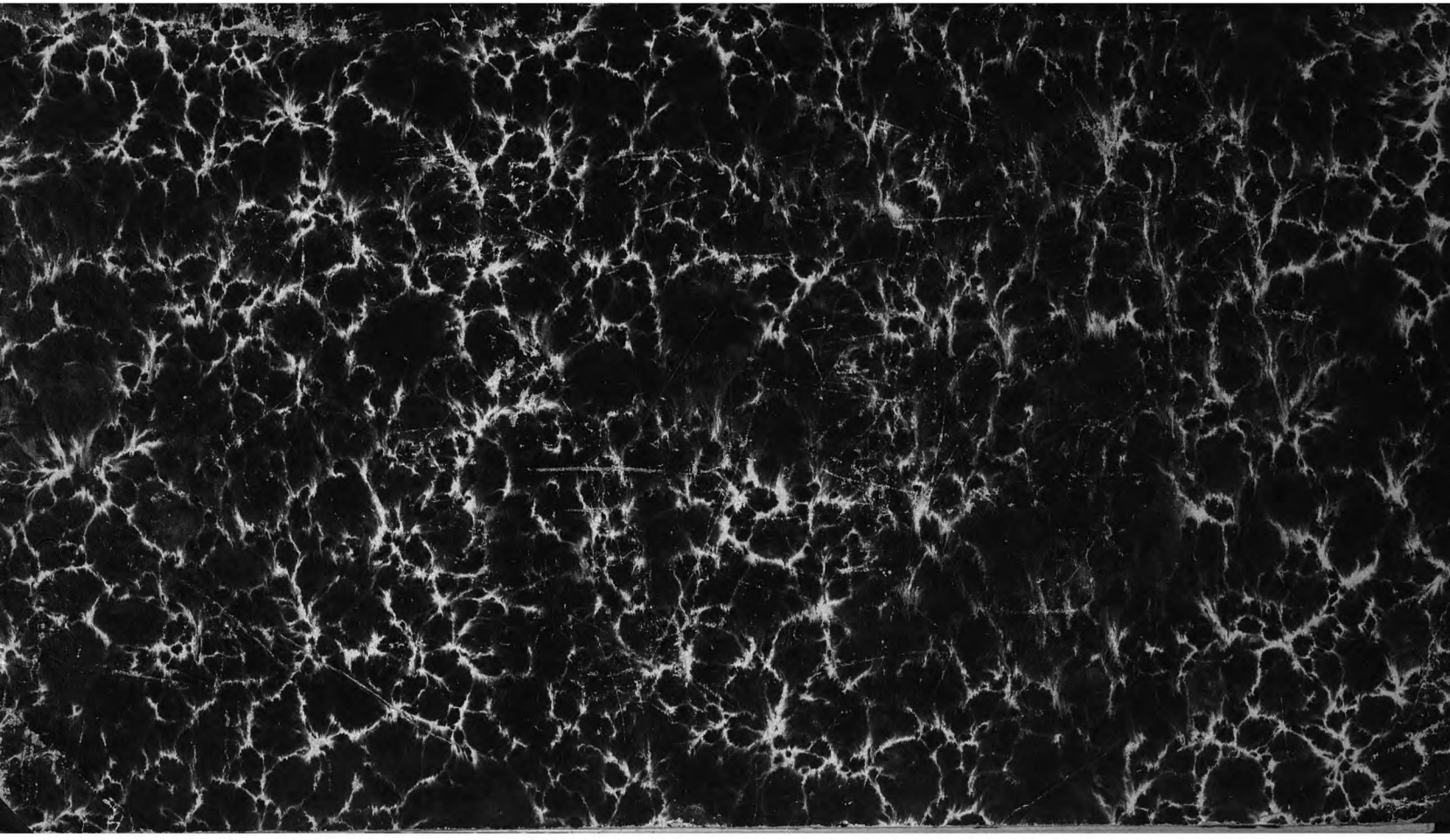
В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.



Фундам. библіот.
ЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ
Шк. 30
Полка 4
№ 5

AP
50
R95
v.305
Sept 1906

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

Digitized by Google

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY
3 1924 106 788 338
1923
3592

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИСТА ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

1906.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій пр., 1[illegible]6
1906.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. ЗЛАЯ СИЛА. I–IX. **Ѳ. Ѳ. Тютчева.** 3

II. МАНЧЖУРСКІЙ ВОПРОСЪ. **Семигорова.** 81

III. ПОДЪ ЗНАКОМЪ СОЛНЦА. Романъ. XXXI—LXI. **Николая Энгельгардта.** 108

IV. БОЛѢЗНЬ ГОГОЛЯ. **Д-ра Каченовскаго.** 157

V РАЗРЫТЫЙ КУРГАНЪ. Стихотвореніе **К. Гребенскаго.** 192

VI. ПОДЪ НАТИСКОМЪ РЕВОЛЮЦІИ. Повѣсть **Путника (Н. Н. Лендера).** 195

VII. 1. КО МНѢ ВЪ БАРАКЪ, ВЪ ОТКРЫТОЕ ОКОШКО...— 2. НОЧЬ ПРИШЛА, ПОДОБРАЛАСЬ ТАЙКОМЪ... Стихотворенія **В. Глинки.** 232

VIII. ПАУТИНА. Романъ. Часть II. XIV—XVII. **В. Крыжановской (Рочестеръ).** 234

IX. ХАОСЪ и СВѢТЪ. Проф. **Вл. Никольскаго.** 278

X. ЖУРНАЛЬНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Скифа.** 308

XI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Приведены ли ослушники закона къ подчиненію „всею силою государственной мощи»?—Возстановленъ ли «быстро, твердо и неуклонно» порядокъ?—Итоги грабежей по имперіи за истекшій съ 9 іюля мѣсяцъ.—Итоги убійствъ и бунтовъ за тотъ же срокъ. — Военные бунты въ Полтавѣ и Красноводскѣ.—Возстаніе въ свеаборгской крѣпости, въ Кронштадтѣ и на крейсерѣ «Память Азова» близъ Ревеля.—Подвиги «красной гвардіи» и капитана Кока.—Звѣрство матросовъ.—Убійство бывшаго члена Г. Думы М. Я. Герценштейна.—Убійство самарскаго губернатора.—Убійство генерала Маркграфскаго. — Избіеніе полицейскихъ и солдатъ въ Польшѣ 2 августа.—Покушеніе на жизнь генерала Скалона и убійство Вонлярлярскаго. — Покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина 12 августа.—Жертвы взрыва — Убійство командира семеновскаго полка генерала Мина 12-го августа.— «Максималисты». — Распространеніе «Выборгскаго воззванія».—Слѣдствіе по обвиненію бывшихъ членовъ Думы по 129 ст. —«Требованія» партіи «ка-детовъ»—Воззваніе Союза 17 октября и партіи Мирнаго Обновленія.—Программа правительства въ оффиціозной „Россіи“.—Возможно ли „законопроектами“ удовлетворить анархистовъ, соціалистовъ, кадетовъ и сепаратистовъ?—Единственный выходъ. **Н. А. Энгельгардта.** 348

XII. ОБЗОРЪ ВНѢШНИХЪ СОБЫТІЙ. — Марокко и алжезирасская конференція. **В. А. Теплова.** 382

Digitized by Google

136609

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИСТА ПЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

СЕНТЯБРЬ.

1906.

VYTAUTO
DIDŽ. UNIV.
BIBLIOTEKA

Dz.258

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій, 136.
1906.

Digitized by Google

1958

181402C
186

Digitized by Google

Злая сила.

(Изъ жизни на русской окраинѣ).

I.

Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Денисьевъ, молодой подпоручикъ N. пѣхотнаго полка, возвращался къ себѣ домой, весь охваченный какимъ-то особеннымъ, восторженнымъ настроеніемъ. Всего только недѣль шесть, какъ онъ переведенъ въ городъ К., и до сихъ поръ переживаетъ свой медовый мѣсяцъ влюбленности въ новый край, кажущійся ему такимъ поэтичнымъ и прекраснымъ. Чувство это свойственно очень многимъ кореннымъ русскимъ и овладѣваетъ ими, когда они прямо съ сѣвера неожиданно переселяются на одну изъ южныхъ окраинъ Россіи; подъ вліяніемъ его, все, что встрѣчается имъ на пути въ ихъ новой обстановкѣ, кажется совершенствомъ. Они искренно приходятъ въ восторгъ и отъ климата, и отъ природы, и отъ новыхъ люоей съ ихъ обычаями, жадно прислушиваются къ чуждому языку, всматриваются въ незнакомыя черты новаго для нихъ типа туземцевъ, надѣляютъ ихъ всевозможными достоинствами, о которыхъ тѣмъ и не снилось и, что уже хуже всего, охотно готовы признать ихъ превосходство надъ угрюмымъ, забитымъ (такъ они часто думаютъ) кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Въ большинствѣ случаевъ этой влюбленности хватаетъ не надолго и скоро наступаетъ реакція, тѣмъ сильнѣйшая, чѣмъ сильнѣе было первоначальное увлеченіе. Краски, созданныя воображеніемъ, блекнутъ, появляется разочарованіе, на розовомъ фонѣ выступаютъ сначала сѣрыя, а затѣмъ и совсѣмъ черныя пятна; климатъ и природа уже не кажутся такими прекрасными, какими казались еще недавно, а люди и по-

Digitized by Google

давно. И вотъ начинается другой періодъ того же настроенія, но въ обратную сторону—теперь все туземное начинаетъ представляться несноснымъ, нелѣпымъ, неудобнымъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; появляется тоска по сѣверу, по его величавой въ своей унылости природѣ; пробуждается желаніе снова увидѣть чисто-русскія лица, услышать чисто-русскую рѣчь; отъ черномазыхъ физіономій и мягкаго южнаго говора начинаетъ претить... какая-то душевная изжога овладѣваетъ русскимъ человѣкомъ и онъ тоскуетъ, тоскуетъ крѣпко, невыносимо, пока, къ великой его радости, не наступаетъ день, когда онъ наконецъ можетъ покинуть благодатный югъ и снова вернуться на свою родину, представляющуюся ему теперь издали волшебной царицей,ласково-печальной и величественно-нѣжной.

Для Ѳеодора Ѳеодоровича этотъ періодъ былъ однако еще далекъ и въ эту минуту, казалось, онъ ни за какія богатства добровольно не разстался бы съ Бессарабіей, показавшейся ему раемъ, послѣ сырого, болотистаго, мрачнаго Петербурга, съ его вѣчно плачущимъ небомъ и пронизывающими вѣтрами.

— Ахъ, что за ночь, что за дивная, чудная ночь,—вслухъ восклицалъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, жадно вдыхая теплый, южный воздухъ, напоенный благоуханіемъ свѣжераспустившихся липъ, возвышавшихся двумя стройными рядами по обѣимъ сторонамъ пустынной улицы, погруженной въ глубокій сонъ.

Время отъ времени изъ-за высокихъ заборовъ, за которыми темнѣли купы садовъ, на Ѳеодора Ѳеодоровича набѣгали ароматныя волны распускавшейся сирени, абрикосовъ и бѣлой акаціи. Въ недосягаемой глубинѣ темно-голубого безоблачнаго неба ослѣпительно горѣлъ яркій мѣсяцъ, изливая цѣлые потоки сверкающихъ лучей на бѣлыя стѣны небольшихъ домиковъ въ одинъ, рѣдко, рѣдко въ два этажа, мирно дремавшихъ, съ наглухо захлопнутыми вѣками-ставнями. Ни звука. Тишина мертвая. Словно въ сказкѣ о таинственномъ городѣ, погруженномъ въ волшебный сонъ.

— Ахъ, что за ночь, что за ночь!—въ сотый разъ повторялъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ и какъ бы въ изнеможеніи остановился, жадно любуясь переливами свѣта и тѣней, красивымъ узоромъ ложившихся на дорогѣ и на ярко освѣщенныхъ стѣнахъ, казавшихся издали мраморными.

Постоявъ съ минуту, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ глубоко вздохнулъ отъ избытка чувствъ и медленно двинулся впередъ, но не успѣлъ онъ пройти десятка шаговъ, какъ услыхалъ громкіе звуки рояля и сильный женскій голосъ, наполнявшій со-

Digitized by Google

бою тишину ночи. Денисьевъ остановился и внимательно прислушался. Пѣніе и музыка неслись изъ открытаго окна небольшого домика на противоположной сторонѣ. Пораженный мелодичностью голоса, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ торопливо перешелъ улицу и остановился у стѣны, жадно ловя чарующіе звуки. Онъ тотчасъ же узналъ мотивъ пѣсни. Въ томъ домѣ, гдѣ онъ только что былъ, эту самую пѣсню пѣла извѣстная пѣвица Димитреску, оперная актриса румынскаго королевскаго театра. Димитреску пѣла очаровательно и Ѳеодору Ѳеодоровичу, въ первый разъ слышавшему румынскіе романсы въ хорошемъ исполненіи, чрезвычайно понравилось ея пѣніе, но теперь, слушая невидимую пѣвицу, онъ почувствовалъ нѣчто болѣе, чѣмъ восторгъ... Какъ очарованный, стоялъ онъ, вбирая въ себя незнакомыя и непонятныя ему слова романса, изливавшія на чуждомъ языкѣ чувства нѣжной страсти и тоски, одинаково близкія и родныя всему человѣчеству. Голосъ пѣвицы какъ будто рыдалъ, и когда въ концѣ каждаго куплета она жалобно протягивала послѣднюю фразу, единственно которую Денисьевъ понималъ, такъ какъ ему ее перевели словами: „Ахъ, знаешь ли ты?“—казалось, сама природа присоединялась къ этому тоскующему запросу, рвавшемуся изъ глубины разбитаго женскаго сердца. „Ахъ, знаешь ли ты?“ —страстно звучало въ таинственной тишинѣ теплой, южной ночи, наполняя ее истомой, невидимкой скользило между свѣтлозелеными листьями липъ, чтобы черезъ минуту безнадежно замереть въ яркихъ лучахъ мѣсяца, затоплявшихъ пустынную улицу.

— Ахъ, знаешь ли ты?

Не отдавая себѣ отчета, притягиваемый посторонней силой, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ приблизился къ окну и машинально заглянулъ въ него... Онъ увидѣлъ комнату, погруженную въ полумракъ, въ которомъ смутно чернѣли очертанія наполнявшихъ предметовъ. Налѣво отъ окна виднѣлась дверь; она была полуоткрыта и оттуда врывалась нешироκая полоса красноватаго свѣта отъ лампы подъ краснымъ абажуромъ. Свѣтъ этотъ, не освѣщая всей комнаты, озарялъ только одну стѣну, піанино и сидящую около него на табуретѣ молодую женщину, показавшуюся Ѳеодору Ѳеодоровичу замѣчательной красавицей. Тонкій профиль слабо освѣщеннаго лица, граціозная фигура, словно закутанная въ полумракъ и неуловимо сливающаяся съ нимъ, волосы, пышными локонами падающіе по плечамъ, образующіе на головѣ причудливую корону изъ мелкихъ, упрямо вьющихся кудрей и большіе глаза, задумчиво устремленные на свѣтъ, въ которыхъ огненными точ-

Digitized by Google

ками отражался блескъ огня, какъ бы таявшій съ ихъ собственнымъ внутреннимъ блескомъ, все это вмѣстѣ произвело на Денисьева сильное впечатлѣніе. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на красавицу, не будучи въ силахъ оторвать своихъ глазъ.

Увлеченная пѣніемъ, молодая женщина не замѣчала его. Окончивъ романсъ, она опустила голову и въ задумчивости перебирала клавиши, какъ бы прислушиваясь къ ихъ ропоту. Но вотъ она снова выпрямилась, слегка даже откинулась назадъ всѣмъ корпусомъ, высоко, горделиво подняла голову и запѣла тоже знакомый Денисьеву румынскій романсъ.

Снова полились въ открытое окно въ объятія ночи волны красивыхъ звуковъ; они воспѣвали луну, южную, страстную, полную чарующей нѣги, и понятнымъ сердцу языкомъ говорили о любви, о страсти, безумной, жгучей, цѣликомъ унаслѣдованной отъ праотцевъ, пришедшихъ съ полей Италіи, но смягченной славянской печалью, придававшей ей особый трагизмъ.

Звуки то замирали, то снова ширились, голосъ пѣвицы то звенѣлъ, какъ одинокая струна, то выливался въ могучій аккордъ, наполняя всю комнату красивыми переливами и вдругъ разомъ оборвался... Но не надолго... Минута молчанія и вмѣсто незнакомыхъ румынскихъ словъ, Денисьевъ услышалъ, хоть и не совсѣмъ родныя, но близкія сердцу малороссійскія рѣчи.

Віютъ вітры, віютъ буйны,
Ажъ древья гнутся.
О якъ болитъ мое сердце,
А слезы не льются...

Отъ того ли, что теперь Денисьеву было понятно каждое слово, а знакомый, родной русской душѣ мотивъ бралъ за сердце, онъ не выдержалъ и восклицаніе восторга невольно вырвалось изъ его груди вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ. Пѣвица вздрогнула всѣмъ тѣломъ, инстинктивно захлопнула крышку піанино, порывисто вскочила и торопливо повернулась къ окну... Лицо ея стало сумрачнымъ, изящно-очерченныя брови насупились. Она гнѣвно сверкнула глазами и сердитымъ, срывающимся голосомъ спросила:

— Кто вы такой, сударь, и что вамъ нужно тутъ подъ окномъ?

Этимъ неожиданнымъ окликомъ застигнутый врасплохъ, Денисьевъ сильно сконфузился.

— Простите ради Бога,—заговорилъ онъ смущеннымъ голосомъ,—я право нечаянно... я хочу сказать—невольно... Однимъ словомъ, шелъ и случайно услыхалъ ваше пѣніе... Оно

Digitized by Google

такъ поразило, восхитило меня, что я не въ силахъ былъ продолжать путь, остановился и сталъ слушать... Не сердитесь, умоляю васъ, и не сочтите меня за какого-нибудь нахала.

При послѣднихъ словахъ Ѳеодора Ѳеодоровича молодая женщина усмѣхнулась.

— Ужъ будто бы я такъ хорошо пою, что вотъ такъ сразу же и очаровала васъ,—кокетливо улыбаясь, спросила она, подходя къ окну, и, прищурясь, внимательно посмотрѣла въ лицо подпоручика смѣющимся взглядомъ большихъ, красиво блестѣвшихъ въ полумракѣ глазъ.

— Очаровательно. Божественно. Дивно... Однимъ словомъ, я даже не знаю, какъ и выразить свой восторгъ,—пылко отвѣчалъ Денисьевъ, въ свою очередь жадно разглядывая незнакомку, пораженный ея красотой, производившей вблизи еще болѣе сильное впечатлѣніе. Лунный свѣтъ прямо падалъ на лицо дѣвушки, отчего оно казалось матово-блѣднымъ. Большіе темные глаза мерцали въ полутьмѣ комнаты, какъ двѣ звѣздочки, придавая лицу загадочное выраженіе. Она была высока ростомъ, съ тонкой, гибкой таліей и высокой грудью. Между черными кружевами, какъ слоновая кость, бѣлѣла полуоткрытая шея и на ней ярко сверкалъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги крестикъ изъ горнаго хрусталя. Обнаженныя по локоть въ широкихъ рукавахъ руки, съ тонкими, нервными пальцами, были малы и изящны.

— Вы, должно быть, или большой льстецъ,—засмѣялась молодая женщина, показывая рядъ ослѣпительно бѣлыхъ, мелкихъ зубовъ,—или никогда не слышали хорошаго пѣнія, если такъ отзываетесь о моемъ мяуканьи.

— Вотъ какъ разъ и ошиблись,—торжествующимъ тономъ поспѣшилъ возразить Денисьевъ,—что я не льстецъ, въ этомъ порукой мое честное офицерское слово, а относительно того, слыхалъ ли я хорошее пѣніе, вы можете сами судить: я только что возвращаюсь изъ одного дома, гдѣ весь вечеръ слушалъ Димитреску, здѣшнюю знаменитость... Она какъ разъ пѣла тотъ же романсъ, что и вы: „Шти ту...“ Я чуть съ ума не сошелъ отъ восторга, но когда я услыхалъ васъ, тогда я понялъ, что Димитреску по сравненію съ вами...

— Богиня,—перебила его молодая женщина,—ну, это само собой разумѣется.

— Нѣтъ не богиня, а музыкальная шкатулка,—горячо возразилъ Денисьевъ.

— Какъ музыкальная шкатулка?—не поняла сразу молодая женщина, съ изумленіемъ глядя ему въ лицо.

Digitized by Google

— Разумѣется, музыкальная шкатулка,—съ искреннимъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ,—она поетъ горломъ, а вы душою своею поете... Мнѣ трудно это объяснить словами, но вы, я убѣжденъ, поймете мою мысль...

Молодая женщина звонко расхохоталась.

— Боже, какое чудовище,—всплеснула она руками,—Димитреску сравнивать съ музыкальной шкатулкой... Да васъ за это убить мало... Ну, теперь для меня ясно, вы не только льстецъ, но изъ льстецовъ льстецъ... Кстати,—перебила она сама себя,—гдѣ же это, въ чьемъ домѣ вы слышали Димитреску? Насколько мнѣ извѣстно, она рѣдко поетъ въ частныхъ домахъ.

— У Нускатовъ,—отвѣчалъ Денисьевъ,—я былъ у нихъ сег...

Но молодая женщина не дала ему договорить. Она вдругъ почему-то странно оживилась; неуловимая тѣнь не то удивленія, не то насмѣшки промелькнула по ея красивому лицу и въ глубинѣ загорѣвшихся глазъ.

— У Нускатовъ?—переспросила она и засмѣялась.— Вотъ судьба-то?.. Удивительно право... Кстати, признайтесь по совѣсти,—навѣрно уже успѣли влюбиться въ Лизавету Львовну...

— Въ самую г-жу Нускатъ?—переспросилъ Денисьевъ.— Нѣтъ еще, пока не влюбился... хотя, надо признаться, такой красавицы, какъ она, я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ.

— И не встрѣтите, можете быть увѣрены,—насмѣшливо перебила его молодая женщина.

— Опять ошиблись,—я уже встрѣтилъ красоту, передъ которой красота г-жи Нускатъ меркнетъ, какъ мѣсяцъ въ лучахъ солнца, я говорю о васъ... Вы, на мой взглядъ, несравненно лучше, чѣмъ г-жа Нускатъ.

— Вы все лжете,—неожиданно разсердилась молодая женщина,—и лжете-то неумѣло... Какъ это вы ночью могли разглядѣть мою красоту... Pendant la nuit tous les chats sont gris,—добавила она хорошимъ французскимъ произношеніемъ.— Г-жу Нускатъ вы видѣли при огнѣ, въ блестящемъ освѣщеніи, въ роскошномъ туалетѣ, а меня ночью, въ домашнемъ капотѣ, какое же тутъ можетъ быть сравненіе...

— Тутъ достаточно свѣтло,—запротестовалъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ,—чтобы судить... лунный свѣтъ...

— Дѣлаетъ меня похожей на утопленницу,—нетерпѣливо перебила его молодая женщина,—довольно... А то вы скоро

Digitized by Google

совсѣмъ зарапортуетесь... Скажите, лучше, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ самъ Нускатъ?

— Георгій Дмитріевичъ? Онъ мнѣ кажется человѣкомъ прежде всего добрымъ и очень благороднымъ, при томъ онъ выглядитъ совсѣмъ русскимъ... ничего молдаванскаго въ немъ нѣтъ, насколько я могу судить, ни въ манерахъ, ни въ акцентѣ...

— Онъ русскій и есть,—мать его была москвичка и воспитывалась въ Москвѣ... Вы правы, онъ добрый, черезчуръ, пожалуй, добрый и черезчуръ благородный,—добавила молодая женщина какъ бы про себя и вздохнула.—Жаль только,—продолжала она задумчиво и опять словно бы разсуждая сама съ собой,—что онъ такъ непростительно безхарактеренъ и слишкомъ рабски преклоняется передъ женой... Она не стоитъ его...

— Почему? — удивился немного Денисьевъ. — Елизавета Львовна показалась мнѣ женщиной хорошей, доброй и очень умной...

— Она-то добрая?—съ неожиданной злобой воскликнула молодая женщина.— Хорошо же вы понимаете людей послѣ этого... Впрочемъ,—поспѣшила она сдержать себя,—оставимъ этотъ разговоръ... Я не судья ей, потому что слишкомъ, слишкомъ ненавижу ее.

Послѣднюю фразу молодая женщина произнесла какъ бы про себя, не придавая значенія тому, слушаетъ ли ее Денисьевъ или нѣтъ.

— Ахъ, стало быть, вы знаете Нускатъ?—воскликнулъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, съ нѣкоторымъ изумленіемъ всматриваясь въ нахмуренное лицо молодой женщины.

— Да, знаю,—неохотно отвѣтила молодая женщина,—въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ нашъ, поневолѣ всѣхъ знаешь... Впрочемъ это васъ не касается... и не интересно никому... Вы гдѣ познакомились съ Нускатами и давно-ли?

— Только сегодня... Я вѣдь всего лишь мѣсяцъ, какъ переведенъ сюда къ вамъ, въ К—ъ... почти ни съ кѣмъ еще не знакомъ... Къ Нускатамъ меня свелъ мой товарищъ по полку...

— Не Бобровъ-ли? — живо перебила его молодая женщина.

— Да, Бобровъ, а вы его знаете?

— Слыхала...—уклончиво отвѣтила та,—постоянный гость... Онъ, кажется, безнадежно влюбленъ въ Елизавету Львовну... Бѣдный мальчикъ, мнѣ жаль его, его любовь отзыва не получитъ, какъ мраморъ, сердце холодно ея... Впрочемъ, все это

Digitized by Google

не къ дѣлу... Продолжайте... Значитъ, съ Нускатами васъ свелъ Бобровъ.

— Да, Бобровъ. По его совѣту я сегодня утромъ сдѣлалъ имъ визитъ и меня пригласили на вечеръ...

— Много гостей было?

— Не особенно... но зато самое избранное... Губернаторъ тоже былъ...

— А архіерей не былъ?—язвительно засмѣялась молодая женщина.—Безъ губернатора—архіерей, безъ архіерея—губернаторъ—это что-то неполное, недоконченное... Знаете, какъ въ газетахъ пишутъ: „прибылъ мѣстный губернаторъ и архіерей... Его преосвященство сказалъ слово... Его превосходительство произнесъ рѣчь".

— А вы, какъ я вижу, злая и съ душкомъ,—улыбнулся Денисьевъ.—Нѣтъ, архіерея не было, но была, какъ я вамъ уже говорилъ, Димитреску... вся въ брилліантахъ и кружевахъ.. очень похожая на жидовку...

— Много она пѣла?

— Всего четыре романса—„Шти ту", „Луна дорми" и еще какіе-то два, чрезвычайно мелодичные, про чьи-то очи...

— А, знаю... Однако мы тутъ съ вами заболтались, словно парочка влюбленныхъ... Покойной ночи. Вамъ домой пора, да и я спать хочу... Аддіо.

Съ этими словами молодая женщина неожиданно захлопнула окно и спустила штору передъ самымъ носомъ немного озадаченнаго такой безцеремонностью Ѳеодора Ѳеодоровича.

— Вотъ тебѣ и разъ,—не удержался и вслухъ произнесъ онъ совсѣмъ по военному... Разъ, два, три и нѣтъ... Гм.. Что-жъ, дѣлать нечего, приходится ретироваться.

Онъ повернулся и, не торопясь, побрелъ вдоль улицы, но не успѣлъ пройти и нѣсколько шаговъ, какъ окно сзади него съ шумомъ распахнулось и звонкій, смѣющійся голосъ крикнулъ въ догонку: „Прощайте"! послѣ чего окно быстро захлопнулось. Все это произошло такъ быстро, что когда Денисьевъ оглянулся, то ничего не увидѣлъ, кромѣ шторы, ярко бѣлѣвшей въ лунномъ сіяніи.

— Бойкая особа,—усмѣхнулся Денисьевъ,—интересно бы знать, замужняя или дѣвица?.. А можетъ быть, вдова?—сдѣлалъ онъ предположеніе, но тутъ же почему-то рѣшилъ, что незнакомка должна быть дѣвушка.

До самаго своего дома Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ шелъ въ глубокой задумчивости, перебирая въ умѣ всѣ подробности своего страннаго ночного приключенія.

Digitized by Google

— Кто бы она такая могла быть?—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ,—замужняя женщина или дѣвушка?.. Похоже, будто бы дѣвушка... А какой народности? Типъ лица не русскій, скорѣе молдаванскій... или малороссійскій, говоритъ же по-русски, какъ москвичка... И какъ хороша! Только на югѣ можно встрѣтить такихъ красавицъ... Но почему-то мнѣ ея лицо кажется знакомымъ... Точно я встрѣчалъ ее гдѣ-то, но гдѣ? Не могу даже себѣ представить?

Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ мысленно перебралъ всѣ дома, гдѣ былъ за этотъ мѣсяцъ, но ни въ одномъ, какъ онъ помнитъ, ему не довелось встрѣчать женщину, хоть сколько-нибудь похожую на ночную незнакомку.

— Гдѣ же я ее видѣлъ?—съ тщетнымъ упорствомъ ломалъ голову Денисьевъ и вдругъ неожиданно хлопнулъ себя по лбу...— Батюшки, — воскликнулъ онъ, и даже остановился среди улицы,—и какъ я сразу не замѣтилъ... Вотъ удивительно-то.. А вѣдь сходство страшное... Словно двѣ сестры... Типъ лица одинъ и тотъ-же, только выраженіе разное... Кромѣ того та смуглая брюнетка, а эта блондинка или очень свѣтлая шатенка, при лунѣ не видно... Странно, очень странно... Завтра же постараюсь разузнать, кто она такая... Жаль, домъ-то я, кажется, не примѣтилъ... ну-да найду... Не Петербургъ.

II.

Странный сонъ приснился Денисьеву. Снится ему, будто плыветъ онъ не то по морю, не то по рѣкѣ въ большой лодкѣ, вдвоемъ со своей ночной незнакомкой... Луна ярко горитъ въ небѣ, волны глухо рокочутъ... На горизонтѣ смутно чернѣютъ очертанія берега... Длинныя водоросли тянутся со дна и, какъ цѣпкіе щупальцы водяныхъ чудовищъ, тянутся въ лодку, цѣпляются за ея борты, опутываютъ весла... Глядя на эти водоросли, Денисьевъ чувствуетъ, какъ въ немъ подымается что-то похожее на страхъ передъ этими водорослями... Онѣ преслѣдуютъ его... угрожаютъ ему, и чѣмъ сильнѣе старается онъ грести, въ надеждѣ выплыть изъ ихъ объятій, тѣмъ ихъ становится все больше и больше... тѣмъ съ большей настойчивостью присасываются онѣ къ лодкѣ... задерживаютъ ее... Денисьевъ робѣетъ и исподлобья поглядываетъ на свою спутницу... Она сидитъ на кормѣ, облитая луннымъ сіяніемъ, неподвижная, прекрасная, и задумчиво смотритъ на водную рябь, искрящуюся въ лучахъ мѣсяца... Лицо краса-

Digitized by Google

вицы спокойно, какъ бы застыло, только глаза горятъ какимъ то особеннымъ фосфорическимъ блескомъ, какъ у кошки ночью. Денисьевъ смотритъ на нее и жуткая оторопь все больше и больше овладѣваетъ имъ... Вдругъ его словно озарило и онъ ясно, съ поразительной опредѣленностью, увидѣлъ и понялъ, что съ нимъ въ лодкѣ плыветъ не женщина, а русалка и что водоросли, отъ которыхъ онъ старается уплыть, не что иное, какъ сѣти, которыми она незамѣтно и искусно оплетаетъ его лодку... Смертельный ужасъ охватилъ все существо Ѳеодора Ѳеодоровича... руки его нѣмѣютъ... пальцы разжимаются... весла выпадаютъ изъ ослабѣвшихъ рукъ и, захлестнутыя водорослями, исчезаютъ на днѣ... Цѣпкіе, зеленые, пахнущіе тиной, щупальцы наполняютъ лодку... Она уже стоитъ неподвижная, какъ бы связанная, подобно мухѣ, попавшейся въ тенета къ пауку. Но вотъ Денисьевъ чувствуетъ, какъ водоросли мало-по-малу начинаютъ опутывать и его самого... сначала ноги... затѣмъ, подымаясь все выше и выше, онѣ уже добираются до рукъ... ихъ крѣпкія петли медленно и неумолимо захлестываютъ ему локти, бинтуютъ плечи... крѣпко давятъ грудь... Онъ задыхается, хочетъ крикнуть... Но въ эту минуту со всѣхъ сторонъ подымаются мутныя, грязныя волны... Онѣ такъ высоки, что за ними онъ не видитъ ни неба, ни мѣсяца... Въ смертельномъ ужасѣ Денисьевъ дѣлаетъ послѣднюю попытку вырваться изъ цѣпкихъ путъ водорослей, съ неимовѣрнымъ усиліемъ разрываетъ ихъ, но уже поздно... Лодка медленно погружается въ воду, какъ бы притягиваемая ко дну невидимымъ канатомъ. Денисьевъ чувствуетъ приближеніе смерти... страшной... мучительной... Онъ хочетъ кричать .. звать на помощь... открываетъ ротъ, но въ это мгновеніе русалка, какъ хищная птица, бросается къ нему на грудь... Ея зеленые глаза заглядываютъ ему въ лицо съ какимъ-то холоднымъ, злымъ любопытствомъ... Она склоняетъ надъ нимъ свою красивую голову и вдругъ крѣпко впивается ему въ губы своими холодными, посинѣвшими губами... Денисьевъ дико вскрикиваетъ и просыпается...

— Фу ты, какая только чепуха не лѣзетъ въ голову во время сна,—съ неудовольствіемъ подумалъ онъ,—должно быть, подъ вліяніемъ вчерашнихъ впечатлѣній.

Вернувшись со службы и наскоро пообѣдавъ, Денисьевъ отправился разыскивать домъ, гдѣ жила его вчерашняя таинственная незнакомка. Ему казалось, что это нетрудно будетъ

Digitized by Google

сдѣлать, такъ какъ онъ хорошо запомнилъ наружный видъ дома, но, придя на мѣсто и взглянувъ вдоль длиннаго ряда домовъ, похожихъ другъ на друга, какъ родные братья, онъ почувствовалъ себя въ положеніи сказочнаго принца, которому колдунъ приказалъ изъ двѣнадцати одинаковыхъ совершенно коней выбрать того самаго, котораго онъ видѣлъ раньше.

— Ахъ, чортъ возьми,—размышлялъ Денисьевъ, пытливо всматриваясь то въ тотъ, то въ другой изъ домовъ, стараясь угадать, по признакамъ, смутно отпечатлѣвшимся въ его памяти, который изъ нихъ ему нуженъ, но всѣ старанія его были напрасны.

Онъ видѣлъ передъ собой однѣ и тѣ-же чамурыя стѣны, желѣзныя крыши, деревянные заборы, съ выглядывавшими изъ нихъ курчавыми вершинами темнозеленыхъ яблонь, сирени и вишень, густо осыпанныхъ цвѣтами... Небольшія окна, съ выкрашенными въ зеленый цвѣтъ рамами и ставнями, красныя калитки длинной вереницей тянулись передъ его глазами, не нарушая общаго однообразія улицы, придавая ей вполнѣ деревенскій характеръ. Наконецъ, одинъ изъ домовъ, по виду немного лучше другихъ, привлекъ на себя вниманіе Ѳеодора Ѳеодоровича и показался ему почему-то болѣе знакомымъ. Это было небольшое строеніе, въ одинъ этажъ, заново выбѣленное, съ густымъ садомъ и двухстворчатой калиткой.

— Ужъ не этотъ-ли?—задалъ самъ себѣ вопросъ Денисьевъ, пытливо вглядываясь въ домъ и напряженно роясь въ своей памяти,—кажется; какъ будто бы тотъ самый, вонъ и шторы бѣлыя... да и по наружному виду своему онъ выдѣляется изъ ряда прочихъ... Развѣ спросить кого-нибудь? Досада—никого не видать, словно поумирали всѣ... вотъ глушь-то патріархальная.

Разсуждая такъ самъ съ собой, Денисьевъ озабоченно прошелся раза два мимо, въ надеждѣ, не выйдетъ ли кто изъ дома, но, какъ на зло, никто не показывался.

Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, скрѣпя сердце, послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился толкнуться въ калитку.

— Будь что будь, — одобрилъ онъ себя, — въ худшемъ случаѣ сочтутъ за нахала... Ну, что-жъ, это и правда, разумѣется, нахальство лѣзть въ чужой дворъ, но я не въ силахъ преодолѣть въ себѣ желанія узнать, кто она такая... Хорошо бы было увидѣть ее случайно, хотя мелькомъ, можетъ

Digitized by Google

быть, удалось бы перекинуться двумя-тремя словами... Вотъ было бы отлично.

Питая такую сладостную надежду, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ осторожно пріотворилъ калитку и еще осторожнѣе заглянулъ въ нее. Онъ увидѣлъ довольно обширный, вымощенный камнями дворъ, съ выходящими на него дверями конюшень и сараевъ, съ протянутыми въ глубинѣ веревками, на которыхъ сушилось бѣлье. Въ дальнемъ концѣ, самодовольно топорщась, прогуливались индюки, тутъ же уныло бродила черная жирная кошка и о чемъ-то жалобно мяукала; посреди двора, заложивъ руки въ бѣлыя, необъятной ширины шальвары, въ сдвинутой на затылокъ смушковой шапкѣ стоялъ красивый усатый парень и глубокомысленно смотрѣлъ на маленькую, тощую женщину, смуглую, черноволосую, одѣтую съ головы до ногъ во все черное, какъ жукъ, копошившуюся надъ большимъ ворохомъ какихъ-то тряпокъ.

— Эй ты, подойди-ка сюда,—поманилъ Денисьевъ парня.

Тотъ съ недоумѣніемъ поднялъ голову, вопросительно посмотрѣлъ на незнакомаго офицера и, съ минуту подумавъ, лѣнивой, переваливающейся походкой медленно направился къ Денисьеву.

— Скажи, пожалуйста, братецъ, чей это домъ, кто въ немъ живетъ? — спросилъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, торопливо сунувъ парню мелкую серебряную монету, которую тотъ взялъ и, не глядя, флегматично опустилъ въ глубокій, какъ бездна, карманъ и послѣ этого отрывисто, какъ бы нехотя, произнесъ:

— Нушти русешти, бояръ [1]).

— Вотъ тебѣ на,—изумился Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ,— какъ же это такъ, братецъ, живешь въ русскомъ городѣ, а не понимаешь по-русски?

— Нушти русешти,—упрямо повторилъ молдаванинъ, пожимая плечами, какъ бы желая сказать: „что дѣлать, все воля ваша, не понимаю, вотъ вамъ и все“. Вдругъ онъ, словно что сообразивъ, оживленно заговорилъ, но изъ всего его разговора Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ понялъ только произнесенную нѣсколько разъ фразу: „шти молдаванешти“ [2]), на что въ свою очередь принужденъ былъ отвѣтить:

— Нушти [3]). — Этотъ отвѣтъ почему-то привелъ парня въ особенно добродушно-радостное настроеніе. Онъ оглуши-

---

1) Не понимаю по-русски, баринъ.
2) Понимаешь по-молдавски?
3) Нѣтъ.

Digitized by Google

тельно расхохотался и отъ восторга даже хлопнулъ себя широкими ладонями по бедрамъ.

Его видимо очень забавляла подобная бесѣда.

— Ваше б-іе, вамъ собственно кого надоть? — раздался вдругъ за спиной Денисьева чей-то почтительно сочувствующій голосъ. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ торопливо обернулся и увидѣлъ передъ собой молодцоватаго солдата-драгуна, въ которомъ по отсутствію на немъ оружія и особеннымъ, почти неуловимымъ признакамъ сразу угадалъ денщика.

— Ахъ, слава Богу,—обрадовался Денисьевъ, — скажи пожалуйста, ты навѣрно здѣшній, не знаешь ли, чей это домъ?

— Этотъ самый?—переспросилъ драгунъ,—такъ точно знаю это Балбескинъ домъ, ваше б-іе.

— Какъ Балбескинъ?—немного опѣшилъ Денисьевъ.

— Такъ точно, ваше б-іе. Хвамилія такая, значитъ, здѣшняго хозяина Балбеска... Вотъ хошь его спросить, — кивнулъ онъ головой на молдаванина,—и, обернувшись къ слушавшему ихъ молдаванину, быстро и бойко заговорилъ съ нимъ по-молдавски. Тотъ, услыхавъ родную рѣчь, оживился и закивалъ головой.

— Есте, есте, — домине Балбеску, домине Балбеску, — нѣсколько разъ подтвердилъ онъ, радостно улыбаясь.

— А кто такой этотъ Балбеско? — спросилъ драгуна Денисьевъ.

— Помѣщикъ здѣшній, молдаванъ... богатый... Унего тутъ по близости имѣнье, виноградники свои—хорошо живетъ.

Драгунъ былъ изъ словоохотливыхъ и съ видимымъ удовольствіемъ спѣшилъ давать отвѣты.

— Онъ семейный? — продолжалъ допытываться Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, въ то-же время внутренно краснѣя за свое любопытство.

— Такъ точно. Женка есть, сынъ и дочка... Сынъ-то малость съ придурью, такъ его больше въ имѣніи держатъ, на хуторѣ, а дочка съ ними.

— А какая у нихъ дочь, молодая, красивая? — конфузясь и глядя въ сторону, съ усиліемъ спросилъ Денисьевъ и тутъ же подумалъ про себя: „Ахъ, какъ это глупо, пошло и недостойно, всѣ эти разспросы, особенно солдата, что онъ можетъ подумать про меня“?..

Но драгунъ ничего не думалъ. Онъ всей душой радъ былъ услужить офицеру и, какъ умѣлъ, спѣшилъ удовлетворить его любопытство.

— Какъ вамъ доложить, ваше б-іе,—произнесъ онъ, глубо-

Digitized by Google

комысленно поводя бровями,—не могу знать, какъ по-господски, а по нашему и совсѣмъ не хороша. Прежде всего черная, пречерная, словно бы изъ трубы, глаза по блюдечку, тоже черные, брови густыя, сросшіяся, и къ тому же худокоста, то-исть совсѣмъ тѣла не держитъ, и за всѣмъ тѣмъ горбата немного... такъ малость самая... а въ остальномъ дѣвушка ничего себѣ въ аккуратѣ.

Денисьевъ невольно усмѣхнулся.

— Ну, братъ, если она дѣйствительно такая, какъ ты тутъ разсказываешь, то она и по-солдатски и по-господски — все равно уродъ...

— Не могу знать, а вотъ мой баринъ, штабсъ-ротмистръ Званцевъ,—можетъ, изволили слышать,—оченно одобряютъ, даже жениться хотятъ... Только вотъ одно имъ сумнительно, что барышня ни одного слова по-русски не знаютъ, а штабсъ-ротмистръ по-молдавски... Сойдутся и говорить не могутъ, больше руками разводятъ, на манеръ глухонѣмыхъ... Впрочемъ штабсъ-ротмистръ теперь малость подучился по ихнему, учитель къ нимъ ходитъ, а какъ совсѣмъ выучатся, такъ думаютъ и предложеніе сдѣлать, потому самое, она богатая и у нея жениховъ много... Но только она больше къ штабсъ-ротмистру сердце имѣетъ, какъ они изъ себя очень красивы, а главная суть—въ драгунахъ служатъ... ну, ей и лестно...

— Такъ ты говоришь, она по-русски говорить не умѣетъ?— торопливо переспросилъ Денисьевъ и тутъ же подумалъ про себя: „Ну, значитъ, не та, теперь нѣтъ никакихъ сомнѣній“...

— Ни словечка. Да и всѣ тутъ по-русски ничего не смыслятъ. Ровно чумныя. Ни Балбеска самъ, ни жена его, ни дворня... поглядѣть на нихъ со стороны — нехристь, одно слово... Вотъ изволите видѣть—стоитъ дубина дубиной хоть въ зубъ толкнуть и чего ихъ хлѣбомъ кормятъ.

— А кромѣ этого Балбеску и его семьи никто другой не живетъ въ здѣшнемъ домѣ? — задалъ послѣдній вопросъ Денисьевъ, готовясь уйти.

— Кому-же жить, ваше б-іе? Домикъ, сами изволите видѣть, не ахти какой, только одной семьѣ помѣститься... Нѣтъ, никого не живетъ, это я доподлинно знаю.

— Ну, въ такомъ случаѣ спосибо, — мнѣ больше ничего не надо,—поблагодарилъ драгуна Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ и разочарованной, неторопливой походкой побрелъ вдоль улицы, окончательно убѣжденный въ безполезности какихъ бы то ни было поисковъ.

Digitized by Google

— Неужели я такъ никогда и не узнаю, кто она такая?—съ грустью думалъ Денисьевъ.—Не можетъ этого быть... городокъ небольшой, почти всѣ другъ съ другомъ знакомы; навѣрно когда-нибудь да встрѣтимся, но вотъ вопросъ — когда?

Съ такими мыслями Денисьевъ во второй разъ дошелъ почти до конца улицы, какъ вдругъ взглядъ его случайно упалъ на небольшое строеніе, выглядѣвшее жалкимъ, неряшливымъ старикомъ въ ряду другихъ, выбѣленныхъ и опрятныхъ домиковъ.

— Должно быть, бѣднякъ-какой нибудь живетъ,—подумалъ Денисьевъ, равнодушно оглядывая расползающійся, почернѣвшій заборъ съ ветхими, покосившимися воротами и едва примѣтной калиткой.

Въ ту минуту, когда Денисьевъ проходилъ мимо калитки, она вдругъ тихо отворилась и изъ нея на улицу вышелъ бородатый старикъ, одѣтый въ донельзя поношенный офицерскій сюртукъ безъ погонъ и въ офицерской фуражкѣ съ большимъ, изломаннымъ козырькомъ. Увидавъ Денисьева, старикъ съ любопытствомъ воззрился на него, тѣмъ особеннымъ взглядомъ, какимъ провинціалы, знающіе всѣхъ въ городѣ, смотрятъ на всякаго незнакомаго имъ человѣка.

Немного смущенный подобнымъ безцеремоннымъ разглядываніемъ, Денисьевъ угрюмо насупился и поспѣшилъ пройти мимо старика, который, пропустивъ его, пошелъ за нимъ слѣдомъ ковыляющей, торопливой походкой.

Движимый какимъ-то ему самому не вполнѣ яснымъ, безотчетнымъ брезгливымъ опасеніемъ, Денисьевъ ускорилъ было шаги, но какъ разъ въ эту минуту услыхалъ за собой задыхающійся старческій голосъ.

— Господинъ поручикъ, господинъ поручикъ, остановитесь, пожалуйста, мнѣ надо спросить у васъ одно слово.

Денисьевъ досадливо передернулъ плечами, но остановился и обернулся къ спѣшившему къ нему старику. Тутъ только онъ замѣтилъ у него въ петлицѣ сюртука сильно потертый орденъ св. Анны съ мечами.

При взглядѣ на этотъ орденъ, свидѣтеля боевыхъ заслугъ старика, Денисьеву стало еще больше не по себѣ, слишкомъ уже жалкимъ, несчастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несимпатичнымъ выглядѣлъ тотъ.

Средняго роста, худощавый, сутуловатый, съ болѣзненно-блѣднымъ морщинистымъ лицомъ, густо заросшимъ длинной, неопредѣленнаго цвѣта, всклокоченной бородой, и одѣтъ былъ

Digitized by Google

онъ до крайности неряшливо, благодаря чему производилъ впечатлѣніе трущобнаго жителя, вселяя къ себѣ невольное недовѣріе. Впечатлѣніе это усилилось при взглядѣ на его глаза, мутные, гноящіеся, съ кровавыми жилками на пожелтѣлыхъ, словно обкуренныхъ табачнымъ дымомъ бѣлкахъ. Полуприкрытые ослабѣвшими, часто мигающими вѣками, глаза эти какъ бы всегда были насторожѣ. Зорко и подозрительно всматриваясь во все окружающее, они въ то-же время не переносили посторонняго взгляда и бѣгали во всѣ стороны, какъ застигнутыя врасплохъ мыши. Но самой характерной особенностью старика былъ его носъ. Распухшій, синевато-багровый, весь изрѣзанный налитыми кровью жилками, онъ безпощадно выдавалъ старика съ головой, краснорѣчиво изобличая въ немъ горчайшаго пьяницу.

— Позвольте отрекомендоваться,—тяжело дыша, захрипѣлъ старикъ, протягивая Денисьеву грязную, побурѣвшую руку.— Левъ Львовичъ Качаловъ, капитанъ въ отставкѣ. А васъ какъ, сударь, зовутъ?

Денисьевъ съ явной неохотой назвалъ свою фамилію. Ему крайне непріятенъ былъ такой собесѣдникъ, но старикъ, повидимому, не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ, и продолжалъ говорить съ безцеремонной наглостью.

— Вы, очевидно, недавно поселились въ нашемъ городѣ? То-то я васъ первый разъ встрѣчаю, а я вѣдь всѣхъ знаю, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и знатныхъ, и незнатныхъ... Да что въ городѣ... На пятьдесятъ верстъ кругомъ всѣхъ помѣщиковъ знаю, со многими дѣла водилъ... да-съ... Вы, значитъ, сюда въ полкъ переведены... у кого же вы въ ротѣ?

— У капитана Малодеста...

— А, у Киріяка Киріяковича... Знаю, знаю... Когда-то пріятелями были... Теперь поссорились... Онъ большой руки оселъ, впрочемъ молдаване всѣ ослы, что не мѣшаетъ имъ однако быть большими плутами... Вашъ Киріякъ тоже плутъ, съ барышей отъ солдатскаго пайка домъ выстроилъ и имѣніе купилъ...

— Это неправда,—рѣзко возразилъ Денисьевъ, —капитанъ Малодеста честнѣйшій человѣкъ и любимъ солдатами.

— Съ какихъ это поръ?—насмѣшливо прищурился капитанъ.—Развѣ, можетъ быть, теперь, а прежде на руку охулки не клалъ, какъ и мы, грѣшные господа ротные командиры... Воровали всѣ, а попались не всѣ—вотъ въ чемъ штука... Взять хоть меня къ примѣру,—чѣмъ я хуже другихъ? Они свои до-

Digitized by Google

ходы соблюдали и я также... Они остались, многіе теперь командирами отдѣльныхъ частей подѣлались, а я въ отставкѣ... Хотѣли подъ судъ отдать, да спасибо дочка заступилась, къ начальнику дивизіи поѣхала просить за меня, онъ у насъ бабникъ, а она, могу съ гордостью сказать, красавица первый сортъ... Въ мать лицомъ пошла, а мать у нея тоже красавица была, румынка. За одну красоту взялъ... Теперь она, разумѣется, старая и на вѣдьму смахиваетъ, а тогда... эхъ вспомнишь и себѣ не вѣришь... Купецъ одинъ въ Москвѣ спьяну двадцать пять тысячъ давалъ отступного, чтобы, значить, уступить ее ему въ сударки, но я въ тѣ времена глупъ былъ, молодъ, идеалиста изъ себя корчилъ, не только отъ своего счастія отказался, а еще въ драку съ купцомъ вступилъ и собственноручно бороду ему выдралъ, за что недѣли двѣ на гаупвахтѣ высидѣлъ... Вотъ что значитъ молодость да неопытность, да еще влюбленность глупая... Промежду пальцевъ 25 тысячъ упустилъ, теперь бы я свою благовѣрную кому угодно за 25 копѣекъ отдалъ бы, чтобы только увезли ее съ глазъ долой... Вотъ они дѣла-то какія...

Онъ тяжело вздохнулъ и замолкъ, но черезъ минуту снова заговорилъ, какъ бы наслаждаясь впечатлѣніемъ, какое произвела на Денисьева его циничная откровенность, отъ которой того видимо коробило.

— Да вотъ и подите—судите, какъ знаете. Двадцать лѣтъ тому назадъ моя благовѣрная своей красотой людей съ ума сводила, сколько за ней бѣгали, разсказать—не повѣрите. Одинъ дурень чуть не застрѣлился изъ-за нея, очень уже влюбленъ былъ, а теперь и собаки лаять не хотятъ... Сидитъ и, какъ мухоморъ, мухъ моритъ... Прилетитъ муха, сядетъ ей на глупую ея рожу и сейчасъ же подохнетъ отъ тоски и огорченія... Такъ вотъ и съ дочерью будетъ: теперь красавица, всѣ такъ глаза и пялятъ, а пройдутъ года—такимъ же мухоморомъ сдѣлается, какъ ея достойная маменька.

Денисьевъ съ отвращеніемъ слушалъ безстыжую болтовню капитана и упорно хранилъ молчаніе.

Не смущаясь этимъ, старикъ продолжалъ:

— У меня двѣ дочери... Одна замужемъ, здѣсь же въ городѣ, за важнымъ и богатымъ человѣкомъ... Только говорить мнѣ запрещено, потому что дочка-то любезная гнушается отцомъ... Ну, да Богъ съ ней, у всякаго свои взгляды... А младшая со мной живетъ и замужъ не собирается... потому, какъ дѣвица разумная, понимаетъ, что замужъ выходить хо-

Digitized by Google

рошо уродамъ, а при красотѣ никакого мужа не надо... Не такъ ли, молодой человѣкъ?

Съ этими словами капитанъ плутовато подмигнулъ и слегка толкнулъ Денисьева локтемъ. Тотъ поморщился отъ такой фамильярности и холодно отвѣтилъ:

— Не знаю. Но, по моему убѣжденію, каждая дѣвушка, если можетъ, должна выйти замужъ. Самое главное, святое назначеніе женщины—это быть женой и матерью.

— Ахъ, вы вотъ изъ какихъ,—тономъ насмѣшливаго сожалѣнія протянулъ капитанъ,—а я, судя по вашей молодости, признаюсь, предполагалъ въ васъ совершенно иныя мысли... Ну, да впрочемъ не въ этомъ суть... У каждаго свои взгляды... Вотъ и у меня когда-то были свои взгляды, по милости которыхъ я, какъ баранъ стѣну, Плевну лбомъ бодалъ и на Шипкѣ мерзъ, и за свои подвиги сей крестъ получилъ, никакой пользы мнѣ не принесшій ни на единый сантимъ, въ то время какъ мой родной дядюшка, у котораго тоже были свои взгляды, на интендантскомъ поприщѣ подвизался. Теперь у дяди въ Питерѣ домъ каменный въ шесть этажей и дочь за статскимъ совѣтникомъ замужемъ... Онъ и мнѣ совѣтовалъ въ интенданты пойти, но повторяю, въ тѣ времена я былъ фатально глупъ, глупъ до самозабвенія, настолько глупъ, что считалъ лазанье на Плевну занятіемъ болѣе достойнымъ, чѣмъ поставки гнилыхъ галетъ на армію... Въ результатѣ у меня эта игрушка,—онъ пренебрежительно ткнулъ въ свой орденъ,—за которую въ закладѣ три цѣлковыхъ даютъ, а у дяди полумиліонный капиталъ, у дяди сановники обѣдаютъ, а мнѣ иной разъ и таракановъ угостить нечѣмъ.

— Не всѣмъ же быть ворами на землѣ!—невольно вырвался у Денисьева горячій возгласъ. Качаловъ точно только этого и ждалъ.

— Вы говорите, не всѣмъ быть ворами,—горячо подхватилъ онъ,—но воровство понятіе крайне условное. Возвращаюсь къ своему дядѣ. Что онъ воръ, это несомнѣннѣйшая истина, иначе откуда у него домикъ въ шесть этажей, а между тѣмъ изъ обѣдающихъ у него господъ никому и въ голову не придетъ назвать его воромъ. У меня же инспектирующій какихъ-то ста рублей не досчитался, можетъ быть, по одной оплошности не выведенныхъ въ расходъ и я чуть-чуть подъ судъ не угодилъ. И угодилъ бы, если бы не дочка... Вотъ и сопоставляйте, какъ знаете. Онъ, дядя мой,—милліонеръ и не воръ, я же нищій, а считаюсь воромъ; онъ на войнѣ христолюбивое воинство своимъ гнильемъ до брюшного тифа дово-

Digitized by Google

дилъ, а я, будучи самъ впереди, путь къ славѣ прокладывалъ, и въ результатѣ всѣхъ сихъ противорѣчивыхъ дѣйствій ему, дядѣ моему, почетъ, слава и уваженіе великихъ міра сего, а меня родная дочь гнушается, про постороннихъ я уже и не говорю, у тѣхъ отъ моего общества съ души претъ, какъ у васъ, напримѣръ, сейчасъ... Не оправдывайтесь, не оправдывайтесь, по лицу вижу... Меня не проведете, я не только насквозь всю вашу внутренность провѣряю, а еще аршина на два подъ вами въ землѣ вижу... Повѣрьте... Хотите, я вамъ скажу, о чемъ вы сейчасъ думаете и чего опасаетесь,—чтобы я у васъ денегъ не сталъ просить... Ага... Угадалъ... Видите... видите... Вы краснѣете, значитъ, мое предположеніе вѣрно... И не потому вы боитесь этого, что вамъ денегъ жалко, а единственно изъ стыда за меня, за честь мундира, который мы оба носимъ... Но вѣдь, повторяю, все это условно и въ доказательство сего, а также чтобы не разочаровать васъ въ вашихъ предположеніяхъ, я, не откладывая въ долгій ящикъ, и безъ лишнихъ предисловій, дѣйствительно попрошу у васъ, дайте мнѣ взаймы рубль-цѣлковый... Современемъ я вамъ ихъ отдамъ, вѣрьте слову. Я не нищій и прошу не милостыни, а взаймы, какъ благородный человѣкъ у благороднаго...

Хотя Денисьевъ почему-то все время ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ, но тѣмъ не менѣе онъ страшно сконфузился. Не глядя въ лицо капитану, онъ порывисто полѣзъ въ карманъ, торопливо вытащилъ кошелекъ и, доставъ рублевую монету, сунулъ ее въ грязную руку капитана, послѣ чего, не оглядываясь, бросился отъ него прочь, точно самъ совершилъ какое-то скверное, безчестное дѣло. Онъ былъ возмущенъ до глубины души. Негодованіе, жалость, презрѣніе и чувство обиды, словно лично ему нанесенной, наполнило все его существо и онъ шелъ, не оглядываясь, точно спасаясь отъ погони...

Зажавъ въ кулакѣ монету, старикъ проводилъ Денисьева злобно-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Ишь зарысилъ,—проворчалъ онъ,—форси, форси, я тоже такимъ форсуномъ былъ, пожалуй, еще получше тебя, да укатали бурку крутыя горки... Однако,—продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою,—съ чего это мнѣ взбрело на умъ попросить у него рубль?.. Вовсе мнѣ и не надо... Такъ, со зла... Ужъ больно тошно было глядѣть, какъ онъ ежился, отъ чрезмѣрнаго благородства чувствъ... честь мундира... кастовыя традиціи... офицерскій престижъ... Такъ это все изъ него наружу и выперло, даже притворяться не съумѣлъ... коробило его отъ одного моего вида... Еще бы, доблестное званіе унижаю... Дуракъ...

Digitized by Google

щенокъ... А я вотъ нарочно... на зло... на, молъ, тебѣ... выкуси... Отставной капитанъ, въ мундирѣ и при орденѣ, да еще какомъ орденѣ-то—боевомъ, съ мечами, милостыню прошу... Вѣдь я у него милостыню просилъ подъ видомъ займа... Онъ такъ и понялъ, недаромъ покраснѣлъ какъ ракъ... Хе, хе, хе, не любишь...

Старикъ засмѣялся тихимъ, злобнымъ смѣхомъ. Было что-то жуткое въ этомъ полубезумномъ смѣхѣ, отъ котораго кривился его беззубый, черный ротъ и тряслись обвисшія, какъ мѣшки, щеки. Онъ задыхался и долго не могъ успокоиться... На блѣдномъ лицѣ выступили кирпичнаго цвѣта пятна.

— Бѣлоручки, лизунчики, нѣженки,—задыхаясь отъ злобы, повторялъ онъ и вдругъ, поднявъ дрожащій кулакъ, погрозилъ имъ исчезнувшему за поворотомъ улицы Денисьеву и съ ненавистью хрипло крикнулъ на всю улицу:—Будьте вы всѣ прокляты, прокляты, прокляты!

Послѣ этого онъ тяжело перевелъ духъ и разомъ успокоился. Возбужденія его какъ не бывало, глаза потухли, лицо поблѣднѣло и на немъ мелькнуло выраженіе скрытаго безпокойства. Онъ какъ будто что-то вспомнилъ, что неожидано смутило его...

— Ахъ, чортъ,—съ искренней досадой произнесъ онъ,—вотъ будетъ исторія, какъ Лелька узнаетъ... Попадетъ мнѣ тогда... Впрочемъ, какъ ей узнать?... Если и встрѣтятся гдѣ, не будетъ же онъ ей разсказывать о томъ, какъ подалъ на улицѣ ея отцу милостыню... Разумѣется, не будетъ... Все таки напрасно я эту штуку удралъ... И дернулъ меня чортъ... Ну, да что сдѣлано, сдѣлано... Когда-нибудь, можетъ быть, верну ему и опять сконфужу... Вотъ идея... а? Интересно будетъ на его рожу посмотрѣть. „Вы, милостивый государь, думали, я у васъ милостыню просилъ, а я вѣдь и въ серьезъ просилъ только взаймы... И какъ вы, будучи сами офицеромъ, могли допустить такую мысль, не стыдно вамъ?“ Ха, ха, ха... Вотъ завертится-то. Воображаю.

Качаловъ разсмѣялся мелкимъ, захлебывающимся смѣшкомъ и, совершенно успокоившись, поспѣшными шагами, насколько позволяли его больныя, разслабленныя отъ пьянства ноги, направился внизъ, подъ гору, держа путь къ Нижнему Базару, населенному преимущественно евреями и цыганами.

Digitized by Google

III.

Мѣстность, носившая названіе Нижняго Базара, находилась на одной изъ окраинъ города и представляла изъ себя большую площадь, лѣтомъ чрезвычайно пыльную, а въ остальныя времена года утопающую въ невылазной грязи. Со всѣхъ сторонъ тянулись къ этой площади узкія, зловонныя улицы и переулки, сплошь застроенныя небольшими домиками, гдѣ, среди невообразимой грязи и смрада, ютилось, какъ черви на трупѣ, безчисленное множество еврейскихъ семействъ. Съ ранняго утра и до заката, какъ площадь, такъ и прилегающія къ ней улицы кишѣли народомъ. Огромные возы, влекомые могучими, круторогими свѣтло-сѣрыми волами, съ пронзительнымъ скрипомъ медленно ползли по всѣмъ направленіямъ, развозя кукурузу, объемистыя бочки съ виноградным виномъ, кули съ мукой и копны сѣна, величиной съ домъ. Съ громомъ, свистомъ и гиканьемъ мчались длинныя коруцы, запряженныя лихими молдаванскими лошаденками, сохранившими еще до сихъ поръ, несмотря на неприглядныя условія, благородную кровь своихъ арабскихъ предковъ, на которыхъ турецкія полчища совершали нѣкогда свои кровавые набѣги на несчастную Молдаво-Валахію. Смуглый цыганъ, лихо избоченясь, въ фуражкѣ на бекрень и серьгой въ ухѣ, сверкая зубами и бѣлками огромныхъ, нагло-смѣющихся глазъ, какъ угорѣлый носился по площади на рѣзвомъ степномъ иноходцѣ, то и дѣло дико взвизгивая и щелкая арапникомъ... Какъ бы нехотя волоча по пыли свои огромные, обильно смазанные дегтемъ чоботы, медленно переваливаясь съ ноги на ногу, бредетъ толпа молдаванъ, одинъ другого могучѣе, одинъ другого усатѣе, съ загорѣлыми, добродушными лицами и серьезнымъ, задумчивымъ выраженіемъ въ глазахъ. Нѣмцы-колонисты, жирные, рослые, насквозь прокопченные дымомъ дешевыхъ сигаръ и пивнымъ полугаромъ, въ сѣрыхъ спиджакахъ и парусиновыхъ фуражкахъ, степенно похаживаютъ около своихъ бѣлыхъ фургоновъ, на огромныхъ колесахъ, запряженныхъ вороными слоноподобными конями, съ гривами до земли густыми, волнистыми хвостами.

Красивыя царанки, чернобровыя, черноглазыя, съ румянцемъ во всю щеку, съ пышными алыми губами и высокой грудью, стройныя и ловкія, неторопливо разгуливаютъ между грудами краснаго товара, заманчиво разложенными венграми-коробейниками, и не спѣша, безъ суеты торгуются, съ видомъ

Digitized by Google

королевъ. И на фонѣ всей этой пестрой картины, въ ея разноплеменной сутолокѣ, подобно чернымъ тараканамъ, кишатъ несмѣтныя полчища евреевъ... Черные, рыжіе, старые, молодые, маленькіе и высокорослые, тонкіе и тучные, но всѣ одинаково рваные, засаленные и юркіе, они проворно снуютъ по всѣмъ направленіямъ, то сбѣгаясь въ кучи, то, какъ ртуть, разсыпаясь по всей площади. Ихъ голоса покрываютъ собою всѣ остальные и немолчнымъ гуломъ стоятъ въ воздухѣ. Они то и дѣло божатся, бьютъ кулаками въ грудь, жестикулируютъ и съ проворствомъ фокусниковъ у всѣхъ на глазахъ совершаютъ удивительно ловкія продѣлки мошенническаго характера, но съ такимъ непоколебимымъ сознаніемъ своей правоты, что одураченнымъ ими крестьянамъ не остается ничего другого, какъ недоумѣло почесывать у себя въ затылкѣ.

— Годи, бісовъ жидъ,—испуганно хватаетъ за плечо рыжаго жидка рослый, осанистый хохолъ,—якіе ты мнѣ чоботы продавъ? Бачь, псяюха, воны съ дірками.

Съ этими словами хохолъ огорченно суетъ жиду подъ самый носъ тяжелые сапоги, насквозь пропитанные дегтемъ. Тотъ дѣлаетъ оскорбленное лицо.

— И гдѣ зе тутъ дирки, у тебэ въ твоей глюпой баскѣ дирки,—пронзительно кричитъ еврей, вырываясь изъ лапъ хохла,—дурень, чеснова слова, дурень... ти исце и не штоишь такихъ сапогъ, фэ... дирки.

— А якъ же не дірки,—продолжалъ убѣждать хохолъ,—бачь самъ, воно оно, тилько варомъ було замазано, а якъ я варъ одкулупавъ ногтемъ, оно и видать, что дірка.

— Ай вай и какой зе ты, хохолъ, мосенникъ? — всплескиваетъ руками жидъ и тономъ искренняго негодованія обращается къ кучкѣ уже спѣшащихъ къ нему со всѣхъ сторонъ одноплеменниковъ,—вотъ смотрите, пожалуйста, люди добрые, самъ прорвалъ гвоздикомъ сапогъ и теперь говоритъ, будто я ему продалъ съ дыркой, ай вай, какой нониче нехорошій народъ сталъ, такъ и норовитъ обмануть бѣднаго еврея, обмошенницать... ай, ай.

Подошедшіе евреи, какъ галки, со всѣхъ сторонъ налетаютъ на хохла. Они окружаютъ его, кричатъ, жестикулируютъ, вырываютъ изъ рукъ другъ у друга злополучные сапоги... Спорятъ, чѣмъ сдѣлана дыра, гвоздемъ или ножикомъ... Кого-то въ-чемъ-то укоряютъ, кому-то за что-то грозятся, разспрашиваютъ, совѣтуютъ... Словомъ, подымаютъ вокругъ обманутаго хохла такой гвалтъ, что тотъ скоро оболдѣваетъ и стоитъ, выпуча глаза, не зная, кого слушать, кому отвѣчать. Тѣмъ вре-

Digitized by Google

менемъ еврей, продавшій сапоги, незамѣтно исчезаетъ и, когда наконецъ вволю наоравшаяся еврейская толпа расходится, хохолъ остается при своихъ дырявыхъ сапогахъ и при печальномъ воспоминаніи объ уплаченныхъ за нихъ деньгахъ.

— Жиды, проклятіи, христопродавцы, — чуть не плачетъ онъ, въ безсильной ярости потрясая въ воздухѣ злополучными сапогами,—поубивать васъ мало... послѣдніе гроши украли... четыре цѣлковыхъ отдалъ... ни денегъ, ни сапогъ. Анахвемы!

Въ другомъ мѣстѣ, окруженная безсильно сочувствующей толпой, горько плачетъ старуха-царанка. Она только что продала корову какой-то еврейкѣ за пятнадцать рублей и та въ кучѣ грязныхъ, засаленныхъ, обтрепанныхъ бумажекъ, ухитрилась подсунуть ей вмѣсто трехрублевки пестро раскрашенный ярлычекъ.

— Что же ты, дура, не видѣла, что ли, что тебѣ даютъ?— допрашиваетъ царанку деревенскій попикъ, укоризненно покачивая бородкой.

— А несъ ихъ знаетъ, какъ это вышло,—съ злобой отвѣчаетъ царанка,—обступили меня жиды со всѣхъ сторонъ, за платье хватаютъ, тотъ кричитъ, другой кричитъ... одинъ говоритъ—дорого за корову дадено, другой оретъ—неправда, дешево, жидовка торопится, деньги суетъ... Начала считать, со всѣхъ сторонъ лѣзутъ... Боишься, чтобы деньги какъ-нибудь изъ рукъ не вырвали-бы... мудрено ли тутъ проглядѣть...

— Да это, пожалуй, что и такъ,—сочувственно вздыхаютъ кругомъ,—извѣстное дѣло, жиды да цыгане—первые мошенники, изъ-подъ живого человѣка ноги украдутъ.

Пронзительный вопль: „держи, держи“—перебиваетъ жалобы старухи. Толпа оглядывается. Нѣсколько жиденятъ, воспользовавшись оплошностью зазѣвавшейся торговки, какъ воробьи, налетѣли на лотокъ и, схвативъ по яблоку, разсыпались во всѣ стороны... Кое-кто изъ зрителей бросается ловить, но маленькіе грабители ловко проскальзываютъ въ толпу взрослыхъ жидовъ, которые съ злорадностью хохотомъ смотрятъ на всю эту потѣху.

— Ню и цего вамъ тутъ надо,—враждебно вызывающимъ тономъ встрѣчаютъ они добровольныхъ преслѣдователей,—какое вамъ дѣло, дѣти играюцъ... оштавьте ихъ уфъ покоѣ.

Подъ конецъ изъ толпы отдѣляется толстый, засаленный жидъ и, подойдя къ торговкѣ, грубо дергаетъ ее за рукавъ.

— Пссс, цего ты ругаесься,—обидчивымъ тономъ говоритъ онъ,—цего крицишь, большого важностю, сто у тебя дитю вжяло одно-два яблоки... пфе... Подумать, какой убытокъ... есть

Digitized by Google

изъ цего крицать на весь базаръ... глупаго баба... ты бы луцце воронъ не сцитала, а за товаромъ смотрѣла... Сама виновата, а всѣхъ ругаешь... Но молци, молци, а то ми позовемъ полицейскаго, а онъ тебя выгонитъ съ базара, стоби ты тутъ не скандалила... такъ-то...

— Ну ты, не очень-то разговаривай, — ввязывается въ споръ бородатый великоросъ-точильщикъ, — нечего полиціей стращать, мы и сами полицейскаго позовемъ... житья отъ васъ, жидовъ, на базарѣ нѣтъ... Мнѣ вчера тоже одинъ изъ васъ, пархатыхъ, двугривенный оловянный всучилъ... мошенники.

— А ты зацѣмъ оловянныя деньги берешь,—кто зе виноватъ, сто ты такой дуракъ, олово отъ серебра отлицить не можешь... Дураковъ надо уцить — вотъ тебя и выуцили... ты бы долзенъ благодарить за науку, а ты ругаесься... пфе, какой глюпый,—находчиво огрызается толстый еврей.

Въ толпѣ евреевъ громко хохочутъ.

— Тьфу, Ироды,—ожесточенно плюетъ точильщикъ и сердито отходитъ отъ смѣющагося ему нагло въ глаза еврея,— гдѣ только у васъ совѣсть, у христопродавцевъ? Въ конецъ измошенничались.

Перейдя площадь, Качаловъ повернулъ въ тѣсный переулокъ, упиравшійся въ длинный двухъэтажный каменный домъ, выглядѣвшій немного опрятнѣе и богаче другихъ. Домъ этотъ принадлежалъ извѣстному к—скому капиталисту Ильѣ Яковлевичу Шульмееру, всего только какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ именовавшемуся Ицкой Янкелевичемъ, а еще раньше того и просто кривымъ Ицкой.

Въ К. очень многіе помнятъ Ицку, полунищимъ факторомъ, базарнымъ перекупщикомъ и поставщикомъ живого товара для богатой городской молодежи, преимущественно офицеровъ. Много колотушекъ, брани, издѣвательствъ перенесъ Ицка отъ своихъ довѣрителей, которымъ онъ служилъ, подчасъ не жалѣя собственной шкуры... Чего-чего только не продѣлывало надъ нимъ иногда разгулявшееся во всю офицерство. Самой невинной забавой считалось вымазыванье лица горчицей и обливанье головы шампанскимъ, отчего Ицкина борода и волосы слипались такъ, что ему стоило большихъ усилій приводить ихъ въ первоначальное состояніе. Не довольствуясь такими невинными шутками, его главные покровители братья Ангельску, въ тѣ времена лихіе гусарскіе корнеты, подвергли его однажды испытанію, переполнившему чашу терпѣнія даже такого терпѣливаго человѣка,

Digitized by Google

какъ Ицка. Разсердившись за неисполненіе какого-то порученія амурнаго характера, веселые братья, заманивъ Ицку, приказали раздѣться до нага, густо смазать все его тѣло патокой и, завернувъ въ распоротую и вывороченную на изнанку перину, выгнать на улицу... Появленіе Ицки въ такомъ видѣ днемъ на улицѣ явилось до нѣкоторой степени событіемъ и собрало вокругъ него огромную толпу народа, провожавшую его съ гикомъ и свистомъ до самаго дома. На всемъ пути Ицку преслѣдовалъ громкій хохотъ... Ребятишки, завидя его, визжали, какъ безумные, собаки лаяли... Прибѣжавъ домой, Ицка въ первую минуту перепугалъ всѣхъ домашнихъ, дѣти съ ревомъ бросились отъ него во всѣ стороны и долго не хотѣли вѣрить, чтобы это странное, косматое чудовище былъ ихъ отецъ... Оглушенный, измученный, ошеломленный Ицка сѣлъ на свою фамильную, подобно Ноеву ковчегу, кровать, схватился руками за голову и зарыдалъ... Первый разъ въ жизни плакалъ онъ отъ обиды, отъ сознанія незаслуженнаго униженія... Онъ былъ еще молодъ, ему въ то время едва исполнилось 28 лѣтъ... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и едва-ли пятидесятипятилѣтній Илья Яковлевичъ вспоминаетъ объ этой тяжелой минутѣ въ жизни кривого Ицки. Не вспоминаетъ объ ней и Ангельску. Одинъ изъ нихъ давно лежитъ на кладбищѣ, сраженный пулей на дуэли съ пріятелемъ, другой, въ концѣ разорившейся, скромно живетъ на небольшую подполковничью пенсію и, когда встрѣчается въ обществѣ съ Ильей Яковлевичемъ, первый предупредительно спѣшитъ привѣтствовать его... Впрочемъ не одинъ Ангельску заискиваетъ передъ Шульмееромъ; многіе, занимающіе гораздо высшее положеніе, чѣмъ онъ, дорожатъ вниманіемъ бывшаго фактора, кривого Ицки, и, когда въ воскресный день Илья Яковлевичъ ураганомъ проносится на своихъ знаменитыхъ воронопѣгихъ рышкановскихъ рысакахъ вдоль главнаго бульвара, словно вѣтеръ срываетъ съ головъ шляпы у его многочисленныхъ знакомыхъ и со всѣхъ сторонъ вслѣдъ ему слышатся привѣтствія на всевозможныхъ языкахъ: русскомъ, румынскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ, хотя самъ почтенный Илья Яковлевичъ не знаетъ никакого иного языка, кромѣ „жаргона“, на которомъ онъ говорилъ, когда еще юношей толкался на базарѣ, торгуя всякой дрянью, до хохлацкихъ дырявыхъ чоботовъ включительно.

Богатъ бывшій Ицка, очень богатъ и много у него всякаго добра, но ничѣмъ не гордится онъ такъ, какъ своей парой на удивленіе рѣдкостныхъ лошадей. Въ городѣ разсказывали за

Digitized by Google

достовѣрное, что румынскій король предлагалъ за нихъ Шульмееру десять тысячъ, но онъ съ гордостью отказался. Особенность этихъ рысаковъ была ихъ невиданная масть. Оба они были совершенно вороные, съ бархатнымъ отливомъ, безъ единой отмѣтины, на всемъ тѣлѣ отъ ушей до копытъ, и только чолки, гривы и хвосты у нихъ были бѣлы, какъ снѣгъ... Злые языки увѣряли, будто своимъ рысакамъ или, вѣрнѣе, ихъ необычайной масти Шульмееръ обязанъ половиной своего успѣха въ обществѣ и въ этомъ была доля правды... По крайней мѣрѣ къ губернатору Шульмееръ попалъ благодаря только тому, что генералъ, большой любитель и знатокъ въ лошадяхъ, увидя воронопѣгихъ, пришелъ отъ нихъ въ такое восхищеніе, что тутъ же, къ своему собственному изумленію, пригласилъ Шульмеера къ себѣ на чашку чая... Потомъ, одумавшись, старикъ сильно подосадовалъ на свою неожиданную экспансивность, но дѣло было сдѣлано. Вмѣстѣ съ губернаторскими дверями передъ Шульмееромъ раскрылись и тѣ немногія, правда, двери, которыя до сихъ поръ еще были для него замкнуты... Бѣлогривые и бѣлохвостые рысаки вывезли...

Впрочемъ, еще за долго до появленія у Шульмеера его знаменитыхъ „бѣлогривыхъ“, какъ ихъ называли въ городѣ, онъ уже занималъ видное, солидное положеніе въ к—омъ обществѣ и считался въ числѣ первыхъ богачей губерніи. Богатство привалило къ нему какъ-то сразу, послѣ того, какъ онъ лѣтъ 15 тому назадъ, потерявъ въ одинъ годъ жену и троихъ дѣтей-всѣхъ, какія у него были, неожиданно исчезъ изъ города. Исчезновеніе кривого Ицки, разумѣется, не обратило на себя ничьего вниманія. Тѣ, кому онъ служилъ, даже и не поинтересовались узнать, гдѣ онъ и что съ нимъ сталось; вмѣсто него къ нимъ пристроился другой Ицко, такой же проворный такой же услужливый и такъ же охотно позволяющій мазать себѣ рожу горчицей.

Но зато возвращеніе Исаака Янкелевича въ родной городъ, восемь лѣтъ спустя, было замѣчено всѣми. Многіе даже не сразу признали въ щегольски одѣтомъ по послѣдней модѣ, раздобрѣвшемъ Шульмеерѣ бывшаго Ицку, а когда мѣсяцъ спустя онъ купилъ сразу два дома,—одинъ, роскошный полудворецъ, принадлежащій извѣстному богачу Загури, на Дворянской улицѣ—для собственнаго проживанія, а другой, значительно скромнѣе, на Новомъ Базарѣ, подъ открытую имъ торговую контору, имѣвшую отчасти характеръ банкирской, всѣ жители К—а единодушно и разомъ выбросили изъ своей памяти кривого Ицку и видѣли передъ собой только Исаака

Digitized by Google

Янкелевича, вскорѣ впрочемъ превратившагося въ Илью Яковлевича, банкира и владѣтеля огромныхъ помѣстій, правда, подъ чужимъ именемъ.

Вотъ въ контору этого самаго Шульмеера и направлялся съ такой торопливостью отставной капитанъ Левъ Львовичъ Качаловъ.

Поднявшись по крутой лѣстницѣ во второй этажъ, капитанъ очутился передъ грязной, захватанной руками дверью, на которой красовалась мѣдная доска съ выгравированной на ней надписью:

„Контора Торговой фирмы Шульмееръ, Фальштейнъ и К°".

Дверь не была заперта и, толкнувъ ее, Качаловъ, миновавъ предварительно полутемную переднюю, проникъ въ большую, свѣтлую комнату въ четыре окна, заставленную письменными столами и конторками, за которыми усердно скрипѣли перьями и щелкали костяшками счетовъ еврейскіе юноши. Блѣдные, худощавые, черномазые, съ вьющимися барашкомъ волосами и характерно изогнутыми носами.

— Илья Яковлевичъ у себя?—спросилъ Левъ Львовичъ, подходя къ одному изъ конторщиковъ, сидѣвшему ближе всѣхъ къ дверямъ.

Конторщикъ сердито нахмурился, досадливо тряхнулъ головой по направленію къ противоположной двери и грубымъ тономъ лаконически произнесъ:

— Въ кабинетѣ. Идите и не мѣшайте.

Качаловъ молча пошелъ черезъ контору, мимо еврейскихъ юношей, проводившихъ его презрительно-равнодушными взглядами.

— Старая собака,—проворчалъ одинъ изъ нихъ, вытягивая толстую нижнюю губу съ брезгливой миной,—отъ него разитъ водкой, какъ отъ спиртной бочки... пфэ.

Левъ Львовичъ даже и бровью не повелъ, услыхавъ такую любезность, и, молча подойдя къ двери, слегка стукнулъ въ нее костяшками пальцевъ.

— Кто тамъ?—раздался чей-то раздражительно-крикливый голосъ и черезъ минуту добавилъ, но уже мягче:—Войдите.

Посреди большой, свѣтлой комнаты, съ огромнымъ несгораемымъ шкафомъ у одной стѣны и двумя обыкновенными дубовыми шкафами у другой, стоялъ массивный письменный столъ, за которымъ, весь зарывшись въ бумаги, сидѣлъ невысокаго роста плюгавенькій еврей, съ огненно-рыжей бородкой, модно подстриженной острымъ клинушкомъ, и въ большихъ, круглыхъ, чернаго стекла, очкахъ, изъ-за которыхъ не видно

Digitized by Google

было глазъ. Впрочемъ, у еврея былъ только одинъ живой глазъ, а другой—искусственный, для сокрытія чего Шульмееръ носилъ черные очки.

Кромѣ письменнаго стола и шкафовъ, въ комнатѣ стояло два мягкихъ кресла, очевидно для почетныхъ посѣтителей, и нѣсколько простыхъ вѣнскихъ стульевъ, а въ глубинѣ помѣщалась широкая, мягкая отоманка. Окна были завѣшаны шторами, порядочно-таки грязноватыми, да и вообще вся комната выглядѣла неряшливо: полъ былъ давно не мытъ, стѣны и потолокъ закопчены, а по угламъ висѣла паутина... На шкафахъ и подоконникахъ лежалъ слой пыли...

Увидя капитана, Шульмееръ на его почтительный поклонъ небрежно кивнулъ головой и, показавъ пальцемъ на стулъ, коротко бросилъ: „садитесь“, послѣ чего снова уткнулся въ лежащее передъ нимъ дѣло.

Прошло минутъ десять.

Шульмееръ продолжалъ шелестѣть бумагой, какъ бы забывъ о капитанѣ, а тотъ въ покорно-терпѣливой позѣ сидѣлъ противъ него на стулѣ со сложенными на животѣ руками и ждалъ, съ видомъ человѣка, уже привыкшаго ждать.

Вдругъ Шульмееръ поднялъ голову, быстрымъ движеніемъ оттолкнулся отъ стола вмѣстѣ съ кресломъ, на которомъ сидѣлъ, и, сложивъ на груди руки, рѣзко спросилъ, впиваясь въ лицо Качалова своимъ единственнымъ глазомъ:

— Ну, что же, исполнено?

— Все въ точности, какъ вы просили,—съ легкимъ полупоклономъ отвѣчалъ Качаловъ.

— Пхэ, просили,—иронически поморщился Шульмееръ,—ну, пусть будетъ такъ... хотя въ торговомъ дѣлѣ какія же просьбы? Есть ордеры, приказанія, порученія... а просьбы бываютъ только въ танцахъ... Кстати, какъ здоровье вашей дочери?

— Благодарю васъ,—сдержанно и сухо отвѣтилъ Левъ Львовичъ,—слава Богу здорова, если бы она была больна, некому было бы исполнить вашего порученія...

— Ну да, это такъ... совершенно вѣрно,—заторопился Шульмееръ,—я хотѣлъ въ сущности спросить, не утомила ли ее очень поѣздка... и вообще выполненіе моего ордера... Ну да впрочемъ, она у васъ молодецъ... Ей бы мусциной быть... А впрочемъ, нѣтъ, это и лучше, что женщина... Потому что, если бы она была мусциной—одной красавицей на свѣтѣ было бы меньше... Не правда ли?—добавилъ Шельмееръ, и самъ первый разсмѣялся своей остротѣ, показавшейся ему очень удачной.

Digitized by Google

— По всей вѣроятности, вы правы,—еще суше отвѣчалъ Качаловъ.

Видя, что его любезность не оцѣнена по достоинству, Шульмееръ слегка насупился и спросилъ сухо-дѣловымъ тономъ.

— Итакъ, ваша дочь лично видѣлась съ Исаакомъ Абрамовичемъ?

— Лично.

— Гдѣ и какъ?

— Въ домѣ одного помѣщика. У нея въ Румыніи есть одинъ знакомый помѣщикъ, живущій близъ границы... Впрочемъ, вы сами знаете его...

— Знаю,—кивнулъ головою Шульмееръ... Ваша доцка очень вумная... Она умѣетъ дѣлать дѣла... Штало быть, Исаакъ былъ тоже у помѣщика?

— Да, ему была послана условная телеграмма, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Отлицно.... Ну, и сто зе онъ сказалъ?..

— Онъ велѣлъ передать, чтобы вашъ зять это время былъ поосторожнѣе и уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ какія бы то ни было предпріятія... Необходимо выиграть время.. Впрочемъ, вотъ подробное письмо, которое онъ передалъ для врученія вамъ, и шифръ.

Съ этими словами Левъ Львовичъ вынулъ изъ-за пазухи толстый пакетъ и какую-то книжку.

— Шифръ обыкновенный тройной: число буквъ перваго слова каждой фразы письма—сооотвѣтствуетъ цифрѣ страницы, второго слова—цифрѣ строчки и третьяго—цифрѣ буквы каждаго слова...

— Знаю, знаю, не объясняйте,—нетерпѣливо перебилъ его Шульмееръ, торопливо вырывая у него изъ рукъ книгу, вмѣстѣ съ пакетомъ, и пряча ихъ поспѣшно въ столъ.

— А наша посылка передана?—спросилъ онъ.

— Разумѣется. Все, какъ вы просили, все выполнено въ точности...

— Гм... просили, просили,—съ неудовольствіемъ проговорилъ Шульмееръ,—ужасно вы любите это слово, г-нъ Качаловъ... Ну, впрочемъ, все равно... Я во всякомъ случаѣ очень благодаренъ вашей дочери, но почему она не пришла сама?

— Во-первыхъ, ея приходъ былъ бы болѣе замѣтенъ, чѣмъ мой, а во-вторыхъ, она находитъ, что вы не умѣете держать себя съ женщинами.

— Я не умѣю,—покраснѣлъ Шульмееръ,—подумайте, какія

Digitized by Google

новости—ню все равно... Вася доць на меня немного шердится, но я думаю, это шкоро пройдетъ... Вы шкажите ей, чтобы она не шердилась... Скажете?

— Скажу.

— Ну, и отлично, а теперь полуцыте васи деньги и просяйте, мнѣ некогда.

Сказавъ это, Шульмееръ досталъ изъ стола пачку засаленныхъ рублевокъ, перевязанныхъ красной ниткой, и бросилъ ихъ Качалову, который, поймавъ ихъ на лету, тутъ же на столѣ принялся пересчитывать.

— Ню, и цего вы сцитаете?— съ неудовольствіемъ проворчалъ Шульмееръ, косясь на капитана,—только мѣсяете мнѣ заниматься, неузели вы думаете, я обсцитаю васъ?

— Избави Богъ,—замахалъ руками капитанъ, укладывая въ боковой карманъ сюртука сосчитанную пачку,—я считаю, чтобы не получить лишнихъ на тотъ случай, если бы вы просчитались, въ ущербъ себѣ, уважаемый Илья Яковлевичъ.

Шульмееръ сдѣлалъ кислую гримасу.

— Вы, Левъ Львовичъ, любите суцить,—промямлилъ онъ,—но не всякій любитъ слусять васи сутки. До жвиданью, мнѣ оцень некогда.

— До свиданья, и мнѣ недосугъ,—весело отвѣчалъ Качаловъ и, кивнувъ головой Шульмееру, торопливо пошелъ изъ кабинета. Теперь, съ деньгами въ карманѣ, онъ чувствовалъ себя несравненно самостоятельнѣй, чѣмъ полчаса тому назадъ, когда, приниженный и робкій, входилъ въ контору Шульмеера, Фальшштейна и К°.

IV.

Въ полумракѣ обширнаго будуара, наполненнаго мягкой, тяжелой мебелью и перегороженнаго во всю свою ширину высокими ширмами, съ огромными, причудливыми цвѣтами, яркими пятнами выступавшими на темномъ фонѣ матеріи, сидѣла въ качалкѣ миніатюрная молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, съ крошечнымъ лицомъ, большими глазами и характернымъ еврейскимъ носомъ. Ярко-рыжіе, густые волосы женщины были зачесаны вверхъ въ пышную прическу, дѣлавшую ея голову, особенно по сравненію съ узкими плечами и тощей грудью, неестественно огромной. Одѣта молодая женщина была въ скромное темное платье, изъ легкой лѣтней матеріи, перетянутое въ таліи обыкновеннымъ кожанымъ поя-

Digitized by Google

сомъ. Единственнымъ украшеніемъ этого скромнаго костюма была брилліантовая брошь, въ видѣ ящерицы. Въ полутьмѣ комнаты брошь эта, мигая разноцвѣтными огоньками, по временамъ казалась какъ бы ожившей и производила особенно красивое впечатлѣніе.

Откинувшись своимъ худощавымъ, стройнымъ тѣломъ на эластичную спинку качалки, женщина лежала почти неподвижно, съ задумчиво устремленными передъ собой глазами и съ серьезнымъ, блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, которое было бы очень некрасиво, если бы не глаза, большіе, темно-синіе, съ мягкимъ, задушевнымъ выраженіемъ, въ которомъ свѣтилось больше доброты, чѣмъ ума.

Противъ женщины, развалясь въ небрежной позѣ, на небольшомъ диванчикѣ полулежалъ рослый, худощавый, жилистый и мускулистый человѣкъ, лѣтъ за тридцать, съ энергичнымъ, блѣднымъ, чисто выбритымъ лицомъ, въ которомъ, при всей его красивости было тѣмъ не менѣе что-то непріятное. Не смотря на полное несходство физіономій—добродушной и простоватой у женщины, злой, но чрезвычайно умной у мужчины, въ чертахъ ихъ лицъ чувствовалось явное фамильное сходство, какое можетъ быть только у брата съ сестрой, каковыми они и были.

Молодая женщина была жена Шульмеера, Сара Боруховна или, какъ ее звали въ русскихъ домахъ, Софья Богдановна, а мужчина—ея родной братъ Самуилъ Соломоновичъ Фальштейнъ.

— Итакъ, Самуилъ, ты безропотно рѣшилъ возратиться въ Петербургъ?—тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ спросила Сара, продолжая ранѣе начатый разговоръ.

Фальштейнъ утвердительно мотнулъ головой, въ отвѣтъ на что молодая женщина только тяжело вздохнула и посмотрѣла ему въ лицо жалостнымъ взглядомъ.

— Ахъ, Самуилъ, Самуилъ, если бы ты могъ знать,—заговорила она снова послѣ минутнаго молчанія,— какой тоскою наполняется мое сердце, когда я думаю о твоей поѣздкѣ... Она несказанно огорчаетъ меня, такъ какъ я чувствую, что рано или поздно, но все это кончится для тебя очень плохимъ... Хорошо еще, если только ссылкой, а если...— она не договорила своей фразы и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, закрыла лицо руками.

При послѣднихъ словахъ сестры, Самуилъ тоже вздрогнулъ, слегка поблѣднѣлъ, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, заго-

Digitized by Google

рилъ голосомъ, въ которомъ подъ видимымъ спокойствіемъ, чувствовалось раздраженіе и упрекъ.

— Затѣмъ, Сара, ты безпокоишь себя такими мрачными мыслями? Опасность далеко не такъ велика, какъ тебѣ кажется... Я слишкомъ остороженъ и у меня слишкомъ много друзей, чтобы попасться врасплохъ, какъ какой-нибудь гимназистъ... Я твердо убѣжденъ, что не только я, но и никто изъ нашего кружка никогда не будетъ арестованъ, увѣряю тебя.

— Не понимаю, почему ты такъ убѣжденъ въ своей безопасности, — пожала плечами Сара, — точно мало попадается людей твоего образа мыслей... Всѣ тюрьмы полны ими...

— Почему? Очень понятно—почему: въ силу того же самаго закона, по которому на войнѣ простыхъ солдатъ убиваютъ десятки, даже сотни тысячъ, офицеровъ въ младшихъ чинахъ уже несравненно меньше, едва-ли одного на сотню, потеря ихъ исчисляется сотнями; что-же касается генераловъ, то ихъ гибнетъ всего нѣсколько человѣкъ... Я генералъ въ нашемъ дѣлѣ и у меня очень мало шансовъ погибнуть.

— Достаточно и одного шанса, чтобы я не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью... Ахъ, Самуилъ, Самуилъ, какой злой духъ внушилъ тебѣ выбрать этотъ опасный путь, гдѣ, какъ страшные призраки, мерещатся въ концѣ кандалы, Сахалинъ, а можетъ быть, и висѣлица?.. Почему ты, какъ остальные наши братья, не занялся торговлей, не пошелъ...

— Куда?—рѣзко перебилъ сестру Самуилъ,—Укажи мнѣ, пожалуйста, куда въ Россіи можетъ пойти некрещенный еврей... Вездѣ, куда ни сунься, его сковываетъ по рукамъ и ногамъ ненавистный процентъ... въ присяжные повѣренные процентъ, въ доктора—тоже, на государственную службу дороги нѣтъ... Словомъ, всѣ пути, всѣ дороги заказаны... Что же удивительнаго, если наши единоплеменники занимаются разными темными дѣлами: торговлей живымъ товаромъ, тайнымъ ростовщичествомъ, корчемствомъ, контрабандой... Если честный трудъ запрещенъ, а жить надо, поневолѣ приходится мошенничать... Вотъ ты все упрекаешь меня за мою революціонную дѣятельность,—съ новымъ порывомъ заговорилъ Самуилъ, стремительно поднявшись съ дивана и остановившись передъ сестрой съ разгорѣвшимся лицомъ и сверкающимъ взглядомъ,—но что намъ дѣлать, лучшимъ представителямъ народа, какъ не бороться съ его вѣковѣчными угнетателями? Пойми, Сара, мы, евреи, всегда, во всѣ времена являлись революціонерами, это наше провиденціальное назначеніе... Сперва противъ римской тираніи, затѣмъ въ средніе вѣка противъ

Digitized by Google

инквизиціи, наконецъ въ новѣйшіе—противъ государственнаго строя тѣхъ странъ, гдѣ мы живемъ... Годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, вѣкъ за вѣкомъ, съ терпѣливымъ упорствомъ титановъ, устилая своими трупами землю, обильно поливая ее своей кровью, уносясь въ зловонномъ дымѣ костровъ къ враждебнымъ намъ небесамъ христіанскаго Бога, мы постепенно завоевывали себѣ право, сначала только пользоваться землей, водой и воздухомъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, право всякаго животнаго, каждой гадины, а затѣмъ мало-по-малу и права гражданъ... О, какъ трудна была эта борьба, Сара, и не обладай нашъ народъ геніальностью, нечеловѣческой мудростью и живучестью,—онъ навѣрно бы давно погибъ... Повѣрь мнѣ, Сара, если бы любого изъ европейскихъ народовъ, такъ гордящихся своей культурой, англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, о русскихъ я уже и не говорю, поставить только на сто лѣтъ въ тѣ условія, въ какихъ прожили наши предки въ средніе вѣка хотя бы въ Испаніи, отъ нихъ не осталось бы никакого слѣда... Они бы, какъ снѣгъ, растаяли и слились съ своими поработителями, перенявъ ихъ вѣру, языкъ, обычаи... Возьмемъ примѣръ: кому, не знающему исторію, придетъ въ голову, что пруссаки это бывшіе славяне боруссы, что Дрезденъ назывался Дрозды и Лейпцигъ—Липецкъ, что осталось отъ нихъ—ровно ничего... Нѣмцы, кровные нѣмцы безъ намека на что-либо славянское... А въ Турціи? Три четверти турокъ—потуреченные славяне, совершенно превращенные въ мусульманъ... Я взялъ особенно рѣзкій, наглядный примѣръ, но въ Европѣ есть и другія племена, утратившія свою народность и религію... Одной Варфоломеевской ночи было достаточно, чтобы изгнать изъ Франціи даже память о протестантахъ, а сколько Варфоломеевскихъ ночей пережилъ нашъ народъ, начиная съ временъ фараоновъ... Подумай только, Сара, о всѣхъ этихъ потокахъ еврейской крови, пролитой за нѣсколько тысячелѣтій... И вотъ мало-по-малу, цѣной невѣроятныхъ усилій, сломившихъ бы совокупную мощь десятка народовъ, мы побѣдили и изъ рабовъ становимся господами... Въ Англіи еврей Дизраэли управляетъ судьбами государства, во Франціи—Ротшильды дѣлаются владыками международныхъ биржъ, въ Австріи вѣнскіе банкиры украшаютъ свои головы, поверхъ ермолки, графскими и баронскими коронами, презрительно нося гербы и титулы, передъ которыми наши предки лежали во прахѣ, моля, какъ о величайшей милости, о дозволеніи дышать воздухомъ и грѣться на солнцѣ... Въ Германіи—вся промышленность въ нашихъ рукахъ и нѣмецкій бюргеръ

Digitized by Google

очутился въ положеніи свиньи, которую фермеръ откармливаетъ на убой... Сидя въ своей закутѣ и милостиво принимая подносимое ей пойло, она думаетъ, будто она госпожа своего фермера, а не понимаетъ того, что если тотъ захочетъ, онъ по своему капризу можетъ уморить ее съ голоду... Но фермеръ умный человѣкъ, онъ этого не сдѣлаетъ, напротивъ, онъ раскормитъ свинью, чтобы она была еще жирнѣе, и когда она нальется саломъ, какъ бочка, заколетъ ее и съ лихвой вернетъ затраченное на ея прокормъ... Пусть свинья до послѣдняго издыханія воображаетъ себя госпожей,—въ послѣдній моментъ подъ ножемъ она узнаетъ правду... Въ торжествующихъ глазахъ своего слуги-господина она съ ужасомъ прочтетъ страшный приговоръ за всѣ тѣ безпокойства, хлопоты, а подчасъ и толчки, которые онъ переносилъ по ея милости... И это будетъ скоро, увѣряю тебя, очень скоро и тѣмъ скорѣй, чѣмъ скорѣй мы побѣдимъ Россію... Да, Сарочка, вотъ въ чемъ наша священная задача... Пока Россія крѣпка, пока ея государственный строй не расшатанъ, зданіе нашего всемірнаго владычества стоитъ какъ бы безъ крыши... Дождь, снѣгъ и вѣтеръ попадаютъ въ него и тормозятъ работу прилежныхъ строителей, но когда намъ удастся наконецъ забрать стропилами потолокъ и оградить себя отъ непогодъ извнѣ, мы со всѣмъ рвеніемъ, безъ помѣхи примемся за окончательную отдѣлку и наше зданіе, какъ дивный дворецъ, единственный достойный великаго народа, народа-титана, народа-мудреца, засіяетъ на землѣ, какъ второе солнце... Тогда мы примемся очищать вокругъ него мѣсто и скоро свалимъ въ одну мусорную кучу дворцы и замки прежнихъ владѣльцевъ или обратимъ ихъ въ лакейскую для нашихъ христіанскихъ слугъ.

Самуилъ умолкъ и, прижавъ ладони рукъ къ пылающему лбу, прошелся раза два по комнатѣ. Сара молча и вдумчиво слѣдила за нимъ кроткимъ взглядомъ.

— Видишь, Самуилъ, — заговорила она немного смущенно, — я, конечно, многаго не понимаю, къ тому же я не питаю къ христіанамъ такой ненависти, какую питаешь ты, у меня въ гимназіи было много подругъ-христіанокъ и я, признаюсь тебѣ, съ ними чувствовала себя всегда лучше, чѣмъ съ дѣвицами нашего племени; онѣ проще себя держали и не придавали такого значенія богатству, какъ наши еврейки; мнѣ случалось бывать въ домахъ ихъ родителей и я до сихъ поръ сохранила самыя лучшія воспоминанія о томъ радушіи и любезности, какими меня окружали тамъ... Можетъ быть, эти

Digitized by Google

семьи были исключеніемъ изъ другихъ христіанскихъ семействъ,—я не знаю и не объ этомъ я хочу сказать... Мнѣ хочется повторить тебѣ еще разъ слова мужа. Онъ, какъ и ты, ненавидитъ русскихъ и вообще христіанъ, но находитъ, что мы, евреи, должны бороться съ ними только на экономической почвѣ, захватывая въ свои руки ихъ богатство, но отнюдь не вмѣшиваясь во внутреннюю политику... Онъ говоритъ, что во время революціи евреи могутъ прежде всѣхъ пострадать, какъ это уже не разъ и бывало... И мнѣ кажется, онъ правъ. Вспомни казачьи бунты въ польскомъ королевствѣ при Хмѣльницкомъ, и въ послѣдующемъ столѣтіи при Екатеринѣ Великой раньше всѣхъ начали рѣзать евреевъ... А во время польскихъ возстаній сколько было перебито и перевѣшано нашихъ... Поляки придутъ — грабятъ, бьютъ, вѣшаютъ, появляются русскіе—тоже самое... Нѣтъ, нѣтъ, что ни говори, а въ этомъ случаѣ мужъ разсуждаетъ правильно: намъ, евреямъ, не только не слѣдуетъ возбуждать народъ противъ правительства, но, напротивъ, всячески поддерживать его, такъ какъ оно одно только и является нашей защитой отъ произвола черни...

— Перестань говорить глупости... Твой мужъ, я готовъ согласиться, человѣкъ умный, но совершенно необразованный, ветхозавѣтнаго закала, потому онъ такъ и разсуждаетъ, ты же, какъ женщина, и подавно ничего не понимаешь въ подобныхъ дѣлахъ... Борьба на почвѣ экономической, о которой говоритъ твой мужъ, имѣетъ огромное значеніе, кто съ этимъ споритъ, но у нея одинъ недостатокъ: она слишкомъ отдаляетъ часъ побѣды... Пойми, что, обогащаясь сами, мы вмѣстѣ съ тѣмъ обогащаемъ и страну, гдѣ мы живемъ... Правда, львиная доля все-таки остается за нами, но тѣмъ не менѣе на долю христіанъ все же перепадаетъ немало... Появляясь въ какой-нибудь трущобѣ, евреи скоро превращаютъ ее въ цивилизованный пунктъ и тамъ, гдѣ до нихъ люди жили, какъ медвѣди въ берлогѣ, съ ихъ приходомъ начинаетъ заводиться торговля, ремесла... появляется спросъ на предметы, о которыхъ раньше никто даже и не думалъ... Мѣстные жители пробуждаются отъ своей спячки, придумываютъ новыя средства къ добыванію денегъ, средствъ къ жизни... Однимъ словомъ, наступаетъ культура, а это не всегда намъ на руку. Совсѣмъ иное дѣло будетъ, если намъ удастся замутить умы, натравить одно сословіе на другое, разжечь взаимную между ними ненависть, породить междоусобіе... Тогда мы сразу станемъ господами положенія и примкнемъ къ той сто-

Digitized by Google

ронѣ, которая побѣдитъ, и, пользуясь утомленіемъ враждующихъ сторонъ, захватимъ власть въ свои руки... И не думай, чтобы это было такъ уже невозможно... Печать почти уже вся въ нашихъ рукахъ, мы сильно вліяемъ на молодежь и во многихъ случаяхъ она, сама того не замѣчая, вѣрой и правдой служитъ нашимъ интересамъ... Но этого мало, мы искусно разжигаемъ національностическіе вопросы... До сихъ поръ Россія вѣдалась только съ поляками, и у нея былъ только одинъ вопросъ — польскій; теперь уже нарождается вопросъ армянскій, крѣпнетъ вопросъ финляндскій... Надо будетъ, мы воздвигнемъ вопросъ самоѣдскій, камчадальскій, якутскій... Словомъ, столько вопросовъ, сколько народностей входитъ въ составъ Имперіи. Это тѣмъ легче, что, какъ я говорилъ, печать въ нашихъ рукахъ и при помощи ея мы поднимемъ такой гвалтъ, что даже самые умные и честные люди потеряютъ головы... Всѣхъ тѣхъ изъ русскихъ талантливыхъ людей, которые сознательно или безсознательно будутъ подрывать авторитетъ церкви и государства, мы превознесемъ до небесъ, прославимъ геніями, ихъ сочиненія мы будемъ распространять въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ, мы окружимъ ихъ туманомъ лести и создадимъ имъ такой успѣхъ, который изсушитъ завистью сердца менѣе даровитыхъ и заставитъ и ихъ пойти по тѣмъ же путямъ, въ чаяніи такой же прибыли и почета... Вотъ наша программа и ей мы должны слѣдовать, каждый по своему разумѣнію...

— Но ты, Самуилъ, къ сожалѣнію, избралъ путь самый рискованный... Откажись, пока не поздно...

— Уже поздно,—глухимъ голосомъ угрюмо замѣтилъ тотъ,— мнѣ теперь дорога назадъ отрѣзана... Если бы я захотѣлъ отступить, мнѣ не позволятъ мои товарищи... Я слишкомъ много знаю, слишкомъ скомпрометированъ, чтобы могъ безучастно и спокойно доживать свой вѣкъ... Если меня помилуетъ правительство, то не пощадятъ мои товарищи... Словомъ, мнѣ нѣтъ выхода...

— Въ такомъ случаѣ уѣзжай за границу,—горячо воскликнула Сара,—надѣюсь, это сдѣлать не трудно.

— Относительно эмиграціи за границу я уже и самъ подумываю, но пока нахожу, что еще рано... Прежде, чѣмъ окончательно разстаться съ Россіей, я обязанъ выполнить одно порученіе нашего комитета. Годъ тому назадъ я самъ вызвался и теперь уже не могу отказаться...

— Что-нибудь очень опасное,—встревожилась Сара.—Ахъ, Самуилъ, Самуилъ, какой ты безумецъ...

Digitized by Google

— Не бойся, сестра,—усмѣхнулся Самуилъ, — особенной опасности нѣтъ, порученіе больше дипломатическое... и такое, что, кромѣ меня, трудно кому-нибудь поручить...

— А ты не можешь сказать, въ чемъ дѣло?—робко заискивающимъ тономъ спросила Сара.

— Почему же не сказать, — снисходительно улыбнувшись ея безпокойству, отвѣчалъ Самуилъ,—особаго секрета нѣтъ. Мнѣ поручено переговорить съ Лейзеръ-Мееромъ и заставить его раскошелиться на два, на три десятка тысячъ...

— Ну, если дѣло идетъ о Лейзеръ-Меерѣ, то впередъ могу предсказать тебѣ полную неудачу: не только десяти тысячъ, онъ не дастъ и десяти рублей, будь спокоенъ... Во-первыхъ, онъ чудовищно скупъ, а второе — принадлежитъ къ тѣмъ евреямъ, которые, ни подъ какимъ видомъ не рѣшатся участвовать ни въ чемъ антиправительственномъ.

— Положимъ, можно заставить,—многозначительно повелъ бровью Самуилъ,—впрочемъ, все это еще пока дѣло будущаго, теперь меня больше интересуетъ вопросъ, удастся ли твоему мужу оборудовать дѣло, которое я ему поручилъ...

— Если за исполненіе взялась дочь этого насчастнаго капитана... какъ его... я все забываю...

— Качалова,—подсказалъ Самуилъ.

— Да, да, Качалова, — то навѣрно все будетъ выполнено мастерски, она замѣчательно ловкая женщина... хотя я не знаю, благоразумно ли поступаете вы съ мужемъ, довѣряясь ей въ такомъ дѣлѣ. Развѣ нельзя было поручить кому-нибудь изъ нашихъ служащихъ отвезть эти бумаги... У мужа есть люди, очень ему преданные.

— Не въ преданности дѣло. Преданные есть, но нѣтъ способныхъ... Впрочемъ, даже и не то... Если бы понадобилось провезти обыкновенную контрабанду, товаръ какой-нибудь, я бы даже самъ, безъ помощи твоего мужа, нашелъ для этой цѣли десятокъ ловкихъ молодцовъ среди нашихъ к—ихъ евреевъ, но совсѣмъ иное дѣло, когда вопросъ касается контрабанды политической. Въ этомъ случаѣ евреи совершенно не годятся, они слишкомъ опасаются... Имъ мерещится Сибирь, кандалы и они при первомъ же намекѣ на опасность такъ теряются, что съ головой выдаютъ себя... Такая же особа, какъ, напримѣръ, дочь Качалова, напротивъ, охотнѣе повезетъ контрабанду политическую, чѣмъ товаръ,—ее легче спрятать, а быть пойманной она нисколько не опасается, увѣренная, что ее, какъ русскую дворянку, безъ явныхъ уликъ, никто не осмѣлится остановить и допросить.

Digitized by Google

— А въ Румыніи у васъ тоже есть единомышленники? — освѣдомилась Сара.

— Гдѣ ихъ нѣтъ? На всемъ земномъ шарѣ и во всѣхъ государствахъ... Кстати, разъ уже мы разговорились, хочешь, я поражу и изумлю тебя?

— Въ чемъ дѣло?

— Имѣешь ты представленіе о масонахъ?

— Признаться, смутное... Впрочемъ, я знаю, что ты собираешься сказать,—ты хочешь сообщить мнѣ, что масоны и евреи идутъ рука объ руку... Я объ этомъ уже слышала, хотя плохо понимаю скрытый смыслъ этого явленія.

— Смыслъ тотъ, что люди, въ основу своего ученія положившіе нравственное усовершенствованіе людей на началахъ всеобщаго равенства и братства, соединились съ нами, никакого братства съ христіанами не допускающими и не могущими допустить. Впрочемъ, въ томъ, что еврейство сливается съ масонствомъ, еще нѣтъ ничего особенно удивительнаго, но что бы сказали наши предки, если бы кто-нибудь предсказалъ имъ, что наступитъ день и тѣ самые іезуиты, которые нѣкогда являлись ихъ самыми лютыми врагами и безпощадно жгли и истребляли ихъ ad majorem Dei gloriam, протянутъ руку еврейству, какъ своему союзнику? Такой абсурдъ не вмѣстился бы въ ихъ мозгу, какъ не вмѣщается въ головахъ нѣкоторыхъ наивныхъ людей смѣшеніе двухъ, казалось бы, совершенно противоположныхъ началъ,—соціализма, радѣющаго о благѣ рабочаго, и еврейской эксплоатаціи того же самаго рабочаго... Можешь ли ты понять всѣ эти несообразности?

— Нѣтъ, — искренно созналась Сара и добавила простодушно,—я, должно быть, слишкомъ глупа для этого.

— А между тѣмъ секретъ очень простъ... Масоны и соціалисты требуютъ равенства, иначе говоря, уничтоженія отдѣльной личности въ угоду общества, словомъ, обезличенія народовъ... И не должны ли мы горячо содѣйствовать его скорѣйшему осуществленію? Вѣдь въ утерѣ христіанскими народами ихъ личности и кроется залогъ нашего будущаго успѣха. Помогая имъ терять ихъ національность, мы сами, однако, ее не потеряемъ никогда и всегда, во всѣ времена, до скончанія міра, останемся евреями, избраннымъ народомъ Божіимъ. Наступитъ часъ и станутъ лицомъ къ лицу—съ одной стороны безличная христіанская толпа народовъ, порвавшихъ связь съ своимъ историческимъ прошлымъ, равнодушныхъ къ своей религіи, отказавшихся отъ своего личнаго „я“ и превратившихся въ какое-то отвлеченное понятіе, а съ другой—жизне-

Digitized by Google

стойкое еврейство, до мелочи сохранившее всю свою національность, свою религію, свои идеалы, свои принципы, пронесенные евреями черезъ всю древнюю, среднюю и новую исторію. Надо ли объяснять, кто побѣдитъ въ борьбѣ такихъ неравныхъ по нравственной силѣ противниковъ? Впрочемъ, и борьбы никакой не будетъ, а просто-на-просто вожаки еврейства возьмутъ свои посохи и погонятъ передъ собой, куда пожелаютъ, безвольное и трусливое стадо... Скажи мнѣ, Сара, можешь ты представить себѣ въ своемъ воображеніи стадо, ну, хотя бы даже пантеръ, подгоняемое ударами бича? Конечно, нѣтъ, а стадо воловъ, лѣниво идущихъ впереди семилѣтняго подпаска, мы видимъ ежедневно. Между тѣмъ, каждый волъ въ отдѣльности сильнѣе пантеры и однимъ легкимъ движеніемъ ноги можетъ раздавить пастуха на смерть. Въ то время, когда каждая пантера защищалась бы самостоятельно, каждая на свой ладъ, рискъ и страхъ, по своему, ей одной свойственному способу, ни одному изъ воловъ не пришла бы даже мысль о сопротивленіи. Сгоните ихъ тысячу, десятокъ тысячъ, они всѣ будутъ такъ же покорно брести, повинуясь крику семилѣтняго ребенка... Почему это такъ? Потому, что волы давно утратили понятіе о свободѣ и высшимъ благомъ считаютъ теплый хлѣвъ и обильную пищу, за это они готовы переносить побои, тяжкій трудъ, униженіе... Стадное начало убило въ нихъ всякую самостоятельность, каждый изъ нихъ есть точное повтореніе другого, потому они и бредутъ вмѣстѣ, всѣ какъ одинъ... Они достигли идеала равенства, ибо всѣ равно ничтожны, лѣнивы и глупы...

Самуилъ говорилъ горячо, самъ увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ и не столько ради вразумленія сестры, сколько изъ невольнаго желанія высказать мысли, выношенныя имъ въ его душѣ и казавшіяся ему особенно красивыми и убѣдительными.

Сара слушала его слова, плохо вникая въ ихъ смыслъ, но съ горделивымъ чувствомъ сестры, горячо любящей брата—гордость всей семьи.

V.

— Однако, отчего твой мужъ такъ долго не ѣдетъ?—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ Фальшштейнъ.—Я начинаю немного тревожиться...

Digitized by Google

— По всей вѣроятности много дѣлъ въ конторѣ,—успокоила брата Сара, — иногда мужъ засиживается до разсвѣта... Впрочемъ сегодня онъ навѣрно пріѣдетъ не позже десяти, такъ какъ въ одиннадцать у него какой-то дѣловой визитъ, по продажѣ одного изъ имѣній Заркати...

— Какъ? Неужели и Заркати тоже банкротятся?—воскликнулъ Фальшштейнъ.—Когда это они успѣли разориться? Удивительно даже. Вѣдь еще недавно ихъ дѣла были блестящи.

— Говорятъ, они много потеряли на какихъ-то акціяхъ... Кромѣ того, ихъ какъ-то коснулось паденіе цѣнъ на землю... Впрочемъ до полнаго разоренія еще далеко...

— Но брешь все таки уже сдѣлана и голову кладу на отсѣченіе, что это печальное для Заркати дѣло не обошлось безъ участія твоего мужа... Я давно замѣтилъ, что во всѣхъ разореніяхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, за послѣднія 10 — 15 лѣтъ, такъ или иначе чувствуется его благосклонное участіе... Кстати, вотъ тебѣ еще одинъ примѣръ въ подтвержденіе моихъ словъ о геніальности нашего народа... Кто былъ твой мужъ въ первую половину свой жизни? Ничтожный факторъ, почти нищій, не видавшій въ своихъ рукахъ одновременно суммы большей ста рублей,—и что же мы видимъ теперь? Едва грамотный, нигдѣ ничему не учившійся, не имѣющій представленія не только о политической экономіи и теоріи накопленія богатствъ, одной своей смѣткой—превращается въ милліонера, созидаетъ грандіозныя финансовыя предпріятія, въ которыхъ запутываются, какъ мухи въ паутинѣ, люди съ высокимъ образованіемъ, съ дѣтства привыкшіе къ обращенію съ огромными капиталами, какъ напримѣръ Заркати. И это, имѣй въ виду, еще при существующихъ со стороны закона стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ, какъ гири, висящихъ у него на рукахъ, а дай ему полную свободу дѣйствій...

— Я бы тогда, въ три—четыре года, перевелъ всѣ богатства здѣшнихъ глупцовъ въ свои карманы, — раздался изъ мрака насмѣшливый голосъ и отъ дверей, не спѣшно ступая мягкими подошвами, къ разговавивающимъ подошелъ Шульмееръ.

— Да, да,—проговорилъ онъ, крѣпко пожимая руку зятю и довольно небрежно и равнодушно кивнувъ головой женѣ,—я говорю совершенно серьезно, дайте только намъ права, равныя съ правами остальныхъ русскихъ гражданъ и мы въ нѣсколько лѣтъ завладѣемъ краемъ.

— И такъ, Илья Яковлевичъ, и вы стоите за равенство?— лукаво подмигнулъ сестрѣ Самуилъ.

Digitized by Google

— О разумѣется,—съ азартомъ воскликнулъ Шульмееръ,—равенство прежде всего... При всеобщемъ равенствѣ, мы сдѣлаемся господами.

— Вы почти слово въ слово повторили сейчасъ то, что я говорилъ сестрѣ: для насъ уравненіе въ правахъ съ остальными—равносильно полученію огромнаго преимущества, такъ какъ мы болѣе талантливы и дѣятельны, чѣмъ прочія націи...

— Христіане это иначе объясняютъ,—задумчиво вставила отъ себя Сара,—они говорятъ, будто преимущество наше заключается въ томъ, что мы, евреи, не принадлежимъ къ націи, въ которой живемъ, не связаны съ нею никакими обязательствами, не считаемся ни съ ея исторіею, ни съ ея будущностью, что намъ безразлично, будетъ ли она процвѣтать или погибнетъ; избавленные отъ всего этого, мы, при полученіи одинаковыхъ правъ, будемъ пользоваться всѣми благами, не неся за это никакой тяготы. Въ доказательство они приводятъ хотя бы такой примѣръ — объявляется война Германіи. Для русскихъ не все равно, кто побѣдитъ, Россія или Германія. Въ послѣднемъ случаѣ Россіи, какъ государству, угрожаетъ гибель, а евреямъ это безразлично... Не все ли равно, кому продавать и съ кого наживаться, съ нѣмцевъ ли или съ русскихъ... Они ничѣмъ не связаны, никакими соображеніями, никакими обязательствами—они посторонніе зрители, равно близкіе и далекіе обѣимъ враждующимъ сторонамъ...

— Голову даю на отсѣченіе, что это ты повторяешь слова Нускатъ,—засмѣялся Фальшштейнъ.—Онъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ нашихъ враговъ въ здѣшнемъ краѣ... Жаль, что онъ не любитъ никакихъ спекуляцій и не втягивается въ выгодныя предпріятія, а то дорого бы заплатилъ онъ за его проповѣди, не правда-ли, Илья Яковлевичъ?.. Вы бы первый постарались вразумить его.

— Дай срокъ, вразумимъ,—самонадѣянно отвѣчалъ Шульмееръ,—посильнѣй его были люди и тѣхъ вразумляли.

Оба самодовольно разсмѣялись, обмѣнявшись многозначительными взглядами.

Сара несочувственно покачала головой.

— Мнѣ кажется, господа,—тихо проговорила она, скользнувъ по ихъ лицамъ печальнымъ взглядомъ,—вы оба жестоко ошибаетесь, и вы, и подобные вамъ. Ошибка ваша въ томъ, что вы хотите сводить старые счеты, по документамъ давно просроченнымъ... Мнѣ, какъ еврейкѣ, становится тоже тяжело и грустно, когда я вспоминаю о страданіяхъ, перенесенныхъ нашимъ народомъ, но что-же дѣлать? Нельзя же вертѣть

Digitized by Google

обратно колесо исторіи... Когда-то москвичи вырѣзали Новгородъ, но было бы дико, если бы теперь новгородцамъ вздумалось мстить москвичамъ за пролитую новгородскую кровь... Если бы даже и возможно было привести въ исполненіе такой нелѣпый планъ, то оно вызвало бы не удовлетвореніе отъ уплаты по счетамъ, а новыя бѣдствія... Тоже самое и съ нами, евреями: не подсчитываться съ христіанами мы должны, а думать только о томъ, какъ бы затушить и безъ того долго тянувшуюся вражду.

— Ты разсуждаешь не какъ еврейка, — сердито воскликнулъ Шульмееръ.—Я на твоемъ мѣстѣ постыдился бы говорить такія вещи... Впрочемъ, ты давно душой на сторонѣ христіанъ,—добавилъ онъ презрительно.

VI.

Подъ впечатлѣніемъ непріятной, унизительной встрѣчи съ отставнымъ капитаномъ, у Денисьева на нѣкоторое время отпала охота разыскивать свою ночную незнакомку, образъ которой, какъ это ни странно, почему-то какъ бы слился въ его воображеніи съ непривлекательнымъ, отталкивающимъ образомъ Качалова.

Онъ зналъ, что если хорошенько разспросить своихъ товарищей по полку, хотя бы того же Боброва, знавшаго по пальцамъ всѣхъ жителей К., то ему, навѣрно, скоро бы удалось узнать, кто такая молодая женщина, съ которой онъ свелъ такое неожиданное, мимолетное знакомство. Но отъ подобныхъ разспросовъ его удерживало чувство застѣнчивости и боязнь породить разные шутливые намеки и предположенія... Онъ хорошо зналъ, что товарищи не утерпятъ, чтобы не начать подтрунивать надъ нимъ, непремѣнно выдумаютъ, будто онъ влюбленъ и всячески станутъ его изводить и говорить легкомысленныя пошлости, какъ это водится среди холостой молодежи, и что Денисьеву, относившемуся къ женщинамъ еще съ кадетски-рыцарскимъ почтеніемъ, было всегда крайне непріятно.

Припоминая до мелочей свой разговоръ съ молодой женщиной, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ больше всего задумывался надъ фразами, сказанными ею про госпожу Нускатъ, въ которыхъ чувствовалась глубоко затаенное презрѣніе и ненависть, какъ къ лютому врагу, тѣмъ болѣе странныя, при поразительномъ сходствѣ обѣихъ молодыхъ женщинъ.

Digitized by Google

— Тутъ есть какая-то тайна, — думалъ Денисьевъ, и это еще больше раздражало въ немъ любопытство и желаніе познакомиться ближе съ загадочной пѣвицей.

Прошло нѣсколько дней, но впечатлѣнія ночной встрѣчи все еще были живы и ярки въ памяти Ѳеодора Ѳеодоровича и онъ усиленно ломалъ голову, какъ бы разыскать свою незнакомку, никого въ это дѣло не вмѣшивая, но ничего не могъ придумать.

Однажды, послѣ занятій съ солдатами въ казармѣ, куда онъ аккуратно ходилъ каждое утро, ротный командиръ Кирiякъ Кирiяковичъ Малодеста, добродушнѣйшій толстякъ, немного лукавый и вкрадчивый, какъ большинство молдаванъ, пригласилъ его къ себѣ на рюмку водки.

— Мнѣ благопріятель одинъ,—пояснилъ Малодеста,—прислалъ вчера настоящей Константинопольской ракіи, здѣсь такой на вѣсъ золота не достанете... восторгъ одинъ, а не ракія... вотъ увидите.

Капитанъ Малодеста жилъ не дальше пяти минутъ ходьбы отъ казармъ своей роты, въ собственномъ небольшомъ домикѣ. Домикъ этотъ, бѣленькій, чистенькій, съ выкрашенными въ ярко-зеленую краску ставнями, оконными рамами и крышей, выглядѣлъ чрезвычайно уютно, главнымъ образомъ благодаря густому фруктовому саду, съ трехъ сторонъ окружавшему его.

Послѣ жены и сына, воспитывавшагося въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ, Малодеста больше всего на свѣтѣ любилъ свой домъ, относился къ нему какъ-бы къ живому существу и много тратилъ на его украшеніе. Развелъ цвѣтникъ, выстроилъ птичникъ, конюшню, сарай, разныя хозяйственныя пристроечки и все это не просто, какъ обыкновенно воздвигаются подобныя строенія, а съ вычурной рѣзьбой по карнизамъ, коньками и пѣтухами на крышѣ и красиво окованными бѣлой жестью дверями. Даже голубятня, помѣщавшаяся посреди двора, была сдѣлана на подобіе швейцарскаго домика и притомъ искючительно руками самого капитана. Впрочемъ многое въ домѣ и на дворѣ было дѣломъ его рукъ, чѣмъ капитанъ чрезвычайно гордился.

Завтракъ былъ сервированъ на террасѣ, позади дома. Терраса выходила прямо въ садъ; тамъ было прохладно, а отъ распускающихся яблонь, персиковъ и шелковицы несся бальзамическій запахъ, особенно пріятный послѣ малоароматныхъ запаховъ улицы. Прямо противъ террасы, царственно возвышаясь надъ прочими деревьями, росъ могучій кленъ,

Digitized by Google

раскидывая во всѣ стороны свои темно-зеленыя вѣтви, подъ которыми ютились небольшая скамеечка, безмолвная свидѣтельница всей жизни Малодесты. На этой скамейкѣ, сиживала его мать, держа его младенцемъ на рукахъ, на ней онъ отдыхалъ маленькимъ ребенкомъ, послѣ возни и бѣготни по саду, здѣсь же онъ зубрилъ уроки, пріѣзжая кадетомъ на каникулы; эта скамейка видѣла его молодымъ офицеромъ, стройнымъ, красивымъ, съ черными изящными усиками на румяномъ лицѣ, и наконецъ на ней же, на этой скамейкѣ, цѣлыми часами просиживаетъ онъ теперь, состарившійся, оплывшій жиромъ, страдающій одышкой, съ длинными сивыми усами и головой, густо посыпанной инеемъ...

— Крѣпко строили въ прежнія времена и дерево словно-бы крѣпче было,—размышлялъ иногда Малодеста, сидя на скамейкѣ и, какъ друга, ласково поглаживая ее широкой ладонью.

Жена капитана Малодесты была, какъ и онъ, молдаванка и, какъ большинство молдаванокъ, въ молодости отличалась красотой, стройнымъ станомъ и восточной граціей въ движеніяхъ. Отъ всего этого у нея теперь остались только огромные, черные глаза, до сихъ поръ еще живые и блестящіе, казавшіеся чужими на блѣдномъ, морщинистомъ лицѣ старушки.

Звали ее Марія Ивановна, но мужъ называлъ ее по-молдавански Марицей. Она была молчалива, степенна и, присутствуя за столомъ, почти не вмѣшивалась въ разговоръ, что впрочемъ не мѣшало ей быть очень гостепріимной и радушной хозяйкой.

— Скажите, Киріякъ Киріяковичъ,—спросилъ вдругъ Денисьевъ, послѣ того, какъ они выпили уже по третьей рюмкѣ дѣйствительно замѣчательно вкусной ракіи,—что это за субъектъ отставной капитанъ Качаловъ?

— А вы гдѣ-же съ нимъ познакомились?—полюбопытствовалъ Малодеста.

Денисьевъ немного смутился.

— Совершенно случайно, я проходилъ по улицѣ, какъ разъ, когда онъ выходилъ изъ дома, своего или чужого, — не знаю. Онъ окликнулъ меня, для чего-то отрекомендовался и завелъ разговоръ... Между прочимъ упоминалъ и васъ...

— Навѣрно, здорово ругалъ,—добродушно разсмѣялся Малодеста.

— Нѣтъ... видите-ли, какъ бы сказать,—конфузился Денисьевъ,—онъ, признаться, мнѣ вообще показался очень озло-

Digitized by Google

бленнымъ и какъ бы ненормальнымъ... Про васъ онъ говорилъ только, что былъ когда-то съ вами знакомъ... Правда ли это?

— Не только знакомы, а прямо пріятелями, онъ полка-то не нашего, но одной бригады, а я одно время былъ прикомандированъ къ ихнему полку... Давно, впрочемъ, это было, тогда и онъ не такой былъ, какъ теперь... хорошій былъ офицеръ, а теперь...

— А теперь?—спросилъ Денисьевъ, видя, что Киріякъ Киріяковичъ замолчалъ на полусловѣ.

— Теперь? — вздохнулъ Малодеста.—Теперь онъ жалкій пьяница... Впрочемъ это бы еще ничего, пьянство—болѣзнь и нерѣдко нападаетъ и на хорошихъ людей, бѣда, что онъ не честный человѣкъ... Даже дѣти родныя гнушаются его.

— А у него есть дѣти?

— Двѣ дочери. Одна дочь, впрочемъ, замужемъ и окончательно порвала съ отцомъ, при ней даже имени его не упоминаютъ, а другая, еще дѣвица, живетъ при отцѣ и матери. Старикъ-то уже совсѣмъ опустился... Ну, да о немъ жалѣть нечего, старый, больной, скоро, должно, въ сырую землю пойдетъ, а вотъ дочь жалко... очень жалко...

— А что-же съ ней такое?

— Въ отца пошла... Темными дѣлами занимается... А вѣдь какая красавица, если-бы вы ее видѣли, еще лучше сестры, хотя и та дьявольски хороша... Да вы, кажется, замужнюю сестру знаете, помнится мнѣ, какъ будто-бы Бобровъ васъ успѣлъ познакомить,—г-жа Нускатъ, Лизавета Львовна.

— Какъ?—воскликнулъ Денисьевъ.—Нускатъ дочь Качалова... этого противнаго, грязнаго старика, уличнаго попрошайки,—быть не можетъ.

— А на самомъ дѣлѣ это такъ,—родная дочь. Впрочемъ, какъ я уже вамъ говорилъ, она давно порвала съ отцомъ, да уже за одно и съ матерью и сестрой...

— Скажите, пожалуйста,—все еще немного взволнованно спросилъ Денисьевъ,—эта вторая сестра, что живетъ съ отцомъ, какъ выглядитъ изъ себя?

— Она очень похожа на Нускатъ, хотя въ то-же время у нихъ совершенно разные типы. Елизавета Львовна, какъ вы сами видѣли, жгучая брюнетка, типичная румынка, какъ и ея мать; Елена же Львовна блондинка, у нея свѣтло-пепельные волосы и черные глаза, при этомъ черты лица ея болѣе нѣжны и тонки, чѣмъ у сестры... Однимъ словомъ, красавица и ко всему этому дивно поетъ... Она могла бы смѣло поступить

Digitized by Google

на сцену, но почему-то не хочетъ. Вообще странная дѣвушка... очень странная...

— Значитъ, это была она,—неожиданно для самого себя вслухъ воскликнулъ Денисьевъ и невольно сконфузился.

— Гдѣ, кто?—изумился Малодеста.—Про что вы говорите?

Денисьевъ замялся, покраснѣлъ, но, подумавъ, вдругъ разомъ, спѣша и сбиваясь, какъ бы торопясь скорѣй высказаться, принялся разсказывать Малодестѣ о своемъ посѣщеніи Нускатъ, о пѣвицѣ Димитреску, какъ онъ былъ очарованъ ея пѣніемъ и подъ этимъ очарованіемъ возвращался домой и вдругъ услышалъ женскій голосъ.

— Голосъ этотъ поразилъ меня до глубины души своею задушевностью и я не въ силахъ былъ пройти мимо дома, чтобы не остановиться. Вотъ тутъ-то и произошло наше знакомство...

Далѣе Денисьевъ подробно передалъ Малодестѣ весь свой разговоръ съ молодой женщиной и въ заключеніе сообщилъ о неудачныхъ поискахъ.

Малодеста внимательно, не перебивая, выслушалъ разсказъ молодого офицера и, когда онъ замолчалъ, увѣренно произнесъ.

— Да, это была Леля... Но странно, какъ же вы не нашли дома... Вотъ откуда выходилъ Качаловъ, это и есть ихъ домъ... они тамъ всѣ трое живутъ, отецъ, мать и дочь...

— Мнѣ самому удивительно,—пожалъ плечами Денисьевъ,—не знаю почему, домъ Качалова ночью показался такимъ красивымъ, нарядным, тогда какъ это какая-то полуразрушенная хибарка.

— Бываетъ,—лукаво ухмыльнулся Малодеста и, обратясь къ женѣ, спросилъ ее, добродушно подмигивая.—Помнишь, Марица, въ ту пору, какъ мы съ тобой женихались, тоже ночью, сидѣли какъ-то въ саду и какая-то пичужка надъ нами пискала, а мы потомъ увѣряли, будто бы соловей пѣлъ?..

— И мы были правы,—съ ласковой улыбкой, поднимая на мужа бархатистый взглядъ своихъ все еще дивныхъ глазъ, отвѣтила старуха,—соловей дѣйствительно пѣлъ...

— Гдѣ? Какой соловей? Тамъ за десять верстъ въ ту пору и полъ-соловья не было...

— Соловей пѣлъ не на деревѣ, а въ нашихъ сердцахъ,—съ той же чарующей улыбкой тихо отвѣтила Марія Ивановна.

— Развѣ что такъ,—засмѣялся старый капитанъ и, обернувшись къ Денисьеву наставительнымъ тономъ добавилъ:—вотъ и съ вами произошло нѣчто подобное: очарованный пѣ-

Digitized by Google

ніемъ и пѣвицей, вы свое восхищеніе распространили и на домъ и онъ показался вамъ замкомъ фей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ—это поросячій хлѣвъ, а не домъ.

— Пожалуй, вы правы,—улыбнулся Денисьевъ,—но разъ уже вы начали разсказывать, то разскажите все до конца... Какими темными дѣлами занимается младшая дочь Качалова?

— На это трудно отвѣтить,—задумчиво отвѣчалъ Малодеста,—явныхъ обвиненій въ какихъ-нибудь мошенничествахъ я привести не могу... Да, пожалуй, и никто не приведетъ... Все больше слухи, предположенія, догадки, основанныя на постоянномъ якшаніи Лели съ жидами, а какія съ нашими жидами могутъ быть дѣла у молодой русской дѣвушки? Сами подумайте. Кромѣ того она часто ѣздитъ за границу и одна и съ отцомъ,—это тоже подозрительно... А главное, дурную репутацію ей дѣлаетъ ея постоянная возня съ нѣкоторыми, здѣшними молодыми помѣщиками изъ молдаванъ... Она вертитъ имъ головы, а они, какъ бараны, ходятъ вокругъ нея и глаза пучатъ, того и гляди лбами биться начнутъ... Особенно тутъ одинъ Балбеску, вы еще сами упоминали, что чуть было не забрались въ ихъ домъ во время вашихъ поисковъ, сынъ богатыхъ родителей и немного придурковатый... Вотъ на него то Лелюшка и обратила было особливое вниманіе, чуть-чуть не окрутила парня, да отецъ какъ-то съумѣлъ во-время обуздать полоумнаго сынка и отправить на мельницу подъ присмотръ стараго ватавы... [1]). Да что Балбеску, года два тому назадъ она чуть-чуть у сестры своей, Елизаветы Львовны, мужа не отбила... Скандалъ вышелъ на весь городъ... Бѣдовая дѣвица, у насъ ее Копчикомъ зовутъ,—знаете, птичка есть такая хищная, какъ вцѣпится когтями, хотя бы и въ большую птицу—не выпуститъ, такъ и задушитъ... Вотъ и Елена Львовна такая-же... Бѣда въ ея коготочки попасть... Не совѣтую вамъ...

— Ну, гдѣ же мнѣ,—усмѣхнулся Денисьевъ,—если она дѣйствительно такая хищная птица, какъ вы разсказываете, ей нужна жертва покрупнѣе и пожирнѣе, чѣмъ скромный пѣхотный подпоручикъ, живущій жалованьемъ да подачками изъ дому. Она очевидно бьетъ болѣе цѣнную дичь.

— Ну, это еще какъ цѣнить,—глубокомысленно возразилъ Малодеста и добавилъ нравоучительнымъ тономъ,—не слѣдуетъ быть чрезчуръ скромнымъ... Положимъ, нахальство и самомнѣніе большіе пороки, но и самоуничиженіе не добродѣтель... Въ жизни люди часто страдаютъ въ равной мѣрѣ и

---

1) Вродѣ управляющаго.

Digitized by Google

отъ того, что слишкомъ дорого и не по заслугамъ себя цѣнятъ, и отъ того, что слишкомъ малую цѣну даютъ себѣ... Качаловъ, по моему, погибъ отъ первой причины... Много, черезчуръ много думалъ о себѣ, считалъ себя умнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ въ полку, а на повѣрку вышло далеко не такъ...

— Онъ говоритъ, будто его уволили за мошенничество...

— Вретъ это онъ, нарочно, со зла поклепъ на себя взводитъ... Положимъ, официальная причина была, дѣйствительно, какая-то вздорная растрата казенныхъ денегъ, гроши какіе то, въ одну минуту можно было пополнить, да и не его, почти, и вина была... Это такъ, все видимость одна... Настоящая, скрытая, главная причина была иная... Онъ выкинулъ одно некрасивое колѣнце... Прямо подлость совершилъ... Черезъ это и погибъ.

— Что-же именно?—заинтересовался Денисьевъ.

— Не люблю я, знаете, о такихъ вещахъ разсказывать...— поморщился Малодеста,—все равно, какъ бы грязныя солдатскія портянки ворошить... Вонь и мерзость одна... Впрочемъ, если васъ ужъ такъ интересуетъ, я вамъ, пожалуй, разскажу... Назидательный случай, а для васъ, какъ молодого еще и не опытнаго офицера, и тѣмъ болѣе... Марица,—крикнулъ онъ женѣ, уже успѣвшей встать отъ стола,—распорядись намъ винца подать... Если разсказывать, то надо все какъ слѣдуетъ подробно... Исторія длинная, безъ вина въ горлѣ запершитъ...

Малодеста лукаво улыбнулся. Какъ природный молдаванинъ, онъ былъ патріотомъ мѣстнаго, бессарабскаго вина и могъ пить его сколько угодно, никогда не хмѣлѣя и не теряя своего добродушнаго спокойствія. Когда вино подали, онъ бережно налилъ до краевъ два высокихъ узкихъ стакана и, чокнувшись съ Денисьевымъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ отпилъ нѣсколько глотковъ.—Винцо недурное, такъ по жиламъ и перебѣгаетъ,—замѣтилъ онъ и, доливъ снова стаканы, заговорилъ, запивая время отъ времени свои слова темно-краснымъ душистымъ виномъ.—Исторія занимательная, хоть и скверная... Произошла она десять или около десяти лѣтъ тому назадъ... Качаловъ былъ тогда ротнымъ командиромъ... Роту онъ еще на войнѣ принялъ и не по старшинству, а за отличіе... Надо правду говорить—человѣкъ онъ былъ храбрый, толковый и службу зналъ въ совершенствѣ... За войну онъ два ордена получилъ съ мечами, чинъ капитана и роту... Вообще по службѣ ему везло, въ нѣсколькихъ серьезныхъ бояхъ былъ, а только разъ контуженъ...

Digitized by Google

Но не повезло ему въ частной, или вѣрнѣе сказать, въ семейной жизни... Женился онъ задолго еще до войны, на одной румынкѣ... Гдѣ и какъ онъ съ ней познакомился—не знаю, знаю только, родомъ она изъ Яссъ, дочь разорившагося помѣщика... Красоты она была необычайной, только въ Румыніи такія красавицы и встрѣчаются, да и то рѣдко... Жили они дружно, какъ слѣдуетъ, любили другъ друга и такъ у нихъ шло до турецкой войны... Къ этому времени у нихъ уже двое дѣтей было: Лиза, вотъ что за Нускатомъ теперь, и Леля, съ которой вы познакомились. Лизѣ было, должно, лѣтъ 8, а Лелѣ года 3.

Собираясь на войну, Качаловъ рѣшилъ отправить семью къ роднымъ въ Москву, сестра у него, что-ли, тамъ была, хорошенько не знаю...

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, тоже сказать не умѣю, можетъ быть для того, чтобы въ случаѣ, если бы его убили, жена хотя бы на первое время не осталась совершенно одна, безъ всякой поддержки, по другимъ ли какимъ причинамъ—ему одному вѣдомо.

Кончилась война. Пріѣзжаетъ Качаловъ въ отпускъ и застаетъ цѣлый романъ. Пока онъ воевалъ, въ его жену влюбился одинъ богатый, пожилой купецъ, семейный... Какъ это у нихъ произошло, тоже въ подробностяхъ не знаю... Слышалъ, мелькомъ, будто-бы купецъ ее въ церкви запримѣтилъ, куда она каждое воскресенье молебны за мужа служить ходила... По крайней мѣрѣ Качаловъ самъ говорилъ—ходила къ Богу, а выходила чорта.

Ну-съ вотъ... пріѣзжаетъ Качаловъ съ войны въ отпускъ въ Москву... Не успѣлъ съ женой и переговорить какъ слѣдуетъ послѣ двухлѣтней разлуки, какъ является къ нимъ господинъ купецъ и безъ всякой церемоніи, по купеческой манерѣ, все на рубли переводить, предлагаетъ Качалову: отдай молъ, мнѣ жену твою, а я тебѣ за нее 25 тысячъ выложу... Отъ такого предложенія Качаловъ пришелъ въ неистовство и, не долго думая, схватилъ купца въ охапку—да въ окно... Смолоду онъ сильный былъ... ну да и разозлился очень... Вылетѣлъ купецъ со второго этажа на мостовую и, хотя остался живъ, но расшибся, разумѣется, вдребезги... За такое самоуправство Качалова предали суду, но по Монаршей милости онъ былъ прощенъ и, вернувшись въ полкъ, принялъ роту... Жену онъ привезъ съ собой, но съ тѣхъ поръ сталъ очень скверно съ ней обращаться, ревновалъ ко всѣмъ рѣшительно... Никуда не пускалъ изъ дому... Даже бивалъ не разъ... Она

*

Digitized by Google

терпѣла, не жаловалась, но стала какая-то странная, вродѣ какъ бы не въ своемъ умѣ... Жалѣли ее въ полку очень, командиръ полка пытался даже повліять на Качалова, урезонить его, но ничего не вышло, если еще не хуже... Такъ прошло года четыре... Вдругъ переводится къ намъ офицеръ, молодой тоже, москвичъ и къ тому же дальній родственникъ того купца, котораго Качаловъ изъ окна выбросилъ... Купецъ, кстати, уже померъ, у него послѣ паденія нутро отшибло... Пріѣхалъ офицеръ въ полкъ, а вскорѣ послѣ того стали ходить слухи, будто бы дѣло съ купцомъ было не совсѣмъ такъ, какъ на судѣ выяснилось, и что Качаловъ соглашался жену отдать, но требовалъ за нее сорокъ тысячъ и дѣтей, а она безъ дѣтей къ купцу не ѣхала... Сначала этому слуху плохо вѣрили, но когда появилось и начало ходить по рукамъ собственноручное письмо г-жи Качаловой къ купцу, яко бы написаное ею подъ диктовку мужа, гдѣ дѣйствительно говорилось о сорока тысячахъ и о дѣтяхъ, среди офицеровъ поднялся ропотъ... Стали поговаривать о необходимости офицерскаго суда, дабы выяснить, насколько было правды во всѣхъ этихъ слухахъ... Но тутъ возникъ вопросъ, удобно ли возбуждать вновь дѣло, по которому уже разъ состоялось Высочайшее рѣшеніе... Начались споры, пререканія. Одни говорятъ одно, другіе—другое. Образовались партіи. Тѣ, кто были за офицерскій судъ, говорили, что Высочайшее рѣшеніе послѣдовало по дѣлу искалѣченія купца, а офицерскій судъ будетъ касаться только вопроса—былъ ли или не былъ фактъ торговли женою, и такимъ образомъ одно дѣло ничего не имѣетъ общаго съ другимъ. Другіе съ этимъ не соглашались, выходя изъ тѣхъ соображеній, что де разъ Калачовъ помилованъ, то этимъ самымъ все дѣло кончено навсегда... Долго спорили объ партіи, но въ концѣ концовъ по всей вѣроятности противники суда побѣдили бы, но тутъ разыгралась странная исторія... Въ одинъ прекрасный день г-жа Качалова явилась къ командиру полка и заявила, будто бы ея мужъ собирается продать свою старшую дочь, пятнадцатилѣтнюю Лизу, старику Нускатъ. Старикъ Нускатъ жилъ въ своемъ имѣньи старымъ вдовцомъ, никуда не показывался, словно филинъ въ дуплѣ, былъ золъ, скупъ, безобразенъ и развратникъ, какихъ мало.

По словамъ г-жи Качаловой, мужъ ея уговорился съ Нускатомъ пріѣхать въ имѣніе съ дочерью и оставить ее тамъ на полную волю старика, а потомъ распустить слухъ, будто бы она сама бѣжала къ нему, прельстясь его богатствомъ.

Digitized by Google

— Но, позвольте,—изумился командиръ полка,—Нускатъ вдовецъ, онъ можетъ, если захочетъ, жениться.

— Жениться онъ не хочетъ, такъ какъ большая часть его состоянія принадлежитъ не ему, а его покойной женѣ, и по сдѣланному ею завѣщанію должно быть у него отобрано въ пользу дѣтей въ тотъ день, какъ онъ снова женится. Поэтому онъ готовъ дать за Лизу сорокъ тысячъ, но жениться на ней не соглашается....

Командиръ полка задумался, выходило похоже на правду. Особенно странно показалось ему совпаденіе цифръ. За жену съ купца — сорокъ тысячъ, и за дочь съ старика Нускатъ тоже сорокъ, ни больше, ни меньше.

— Скажите, пожалуйста, по всей правдѣ,—спрашиваетъ командиръ полка,—вѣрно ли, что вашъ мужъ продавалъ васъ купцу за сорокъ тысячъ?.. Простите ради Бога, за такой нелѣпый вопросъ, но въ виду вашего теперешняго заявленія, мнѣ это необходимо знать?..

— Правда, и вотъ какъ это было,—твердо отвѣтила г-жа Качалова.—Когда мужъ былъ еще на войнѣ, я ему писала о купцѣ все чистосердечно и просила развода. Въ отвѣтъ на это онъ прислалъ мнѣ грубое письмо, а затѣмъ, очевидно поразмысливъ, отвѣтилъ: согласенъ, требую сорокъ тысячъ отступнаго и дѣтей себѣ. Я показала это письмо купцу, но тотъ отвѣтилъ: „Ладно, пускай пріѣзжаетъ, тогда поторгуемся“. Но онъ ошибся; пріѣхавъ въ Москву, мужъ мой ни о какихъ уступкахъ не хотѣлъ и слышать... Съ первыхъ же дней между нимъ и мужемъ произошла ссора, во время которой купецъ сказалъ, что захочетъ и безъ всякихъ денегъ возьметъ, жена не крѣпостная раба, вольна уйти отъ мужа и жить, съ кѣмъ хочетъ. За эти слова Левъ Львовичъ хотѣлъ ударить купца, но тотъ самъ ударилъ его раньше, послѣ чего мужъ схватилъ его за горло и, подтащивъ къ открытому окну, вытолкнулъ на улицу.

— Но почему же на судѣ купецъ не заявилъ объ этомъ?—изумился командиръ полка.

— Я умоляла его молчать. Онъ очень любилъ меня... Я пошла къ нему и сказала, что если онъ покажетъ, какъ было дѣло, мужа засудятъ и я останусь съ дѣтьми на улицѣ... Онъ былъ тогда боленъ, ожидалъ себѣ смерти и не захотѣлъ взять грѣха на душу: повторяю, онъ любилъ меня, очень любилъ,—къ тому же считалъ случившееся съ нимъ какъ бы наказаніемъ Божьимъ за свой грѣхъ — любовь ко мнѣ, замужней женщинѣ, когда и самъ онъ былъ женатъ... Онъ даже и су-

Digitized by Google

диться не хотѣлъ, но дѣло возбудили помимо его, по настоянiи прокурора...

Выслушалъ командиръ полка это и сейчасъ же послалъ за старшими офицерами. Въ ихъ присутствiи Качалова снова повторила свое обвиненiе противъ мужа въ томъ, что будто бы онъ хочетъ продать Лизу старику Нускатъ, и со слезами просила заступиться за дѣвочку.

Всѣ офицеры были страшно поражены, вѣрить не хотѣлось такой исторiи, и послѣ короткаго совѣщанiя рѣшено было, что командиръ полка вызоветъ Качалова и припугнетъ его хорошенько.

Такъ и сдѣлали.

Но когда командиръ полка сталъ выговаривать Качалову, тотъ страшно оскорбился на такую клевету.

— Жена у меня—полусумасшедшая женщина, больная,—ей вообразилось, а вы повѣрили и оскорбляете меня такими гнусными подозрѣнiями...Я буду жаловаться,—гордо объявилъ онъ командиру полка и дѣйствительно подалъ жалобу бригадному генералу.

Заварилась каша.

Первымъ дѣломъ притянули къ допросу Нуската. Тотъ, разумѣется, отперся... Я, говоритъ, и не думалъ, и въ мысляхъ ничего дурного не держалъ, просто сватался Лизочку для своего сына, а г-жа Качалова все выдумала.

Дѣйствительно, какъ разъ въ эту пору пріѣхалъ изъ заграничнаго путешествiя сынъ Нуската, всего только два года тому назадъ окончившiй университетъ, и поспѣшилъ познакомиться съ Лизой, послѣ чего не прошло и мѣсяца, какъ Лизочка вышла за него замужъ... Какъ это у нихъ тамъ все устроилось—не знаю. Можетъ быть, старикъ Нускатъ настоялъ на этой свадьбѣ, чтобы этимъ снять съ себя подозрѣнiе въ столь позорномъ дѣлѣ, а можетъ быть, сынъ, узнавъ объ исторiи и видя, что дѣвочка скомпрометирована, пожелалъ, какъ человѣкъ благородный и очень добрый, загладить грѣхъ отца, жениться на молодой дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что она, какъ вы и сами знаете, красавица на рѣдкость. Женитьба эта, сдѣлавъ Качалова тестемъ одного изъ богатѣйшихъ нашихъ помѣщиковъ, сразу обратила къ нему всѣ симпатiи общества и большинство стало открыто осуждать командира полка; особенно горячились всѣ тѣ, кто почему-либо былъ имъ недоволенъ...Въ концѣ концовъ, дѣло кончилось тѣмъ, что командиру сдѣлали келейное внушенiе и Качалова посадили на десять сутокъ на гауптвахту, за что?—довольно трудно понять. Отси-

Digitized by Google

дѣвъ десять сутокъ, Качаловъ снова вступилъ въ командованіе своей ротой, но съ этой минуты на него посыпались со всѣхъ сторонъ непріятности и не прошло и полгода, какъ послѣ какой-то ревизіи онъ принужденъ былъ подать въ отставку. Выйдя въ отставку, онъ очутился въ большой нуждѣ и сначала собирался было поселиться у зятя, но Лиза и слышать объ этомъ не хотѣла. Не пустивъ къ себѣ ни отца, ни мать, г-жа Нускатъ вмѣстѣ съ тѣмъ однако тотчасъ же поспѣшила взять къ себѣ въ домъ свою десятилѣтнюю сестру Елену. Изъ этого страннаго на пѣрвый взглядъ поступка Лизы, изъ того недоброжелательства, какое она, видимо, питала къ отцу, стараясь держать отъ него подальше младшую дочь, словно боясь и не довѣряя ему, для многихъ стало очевидно, что въ исторіи со старикомъ Нускатомъ не все была выдумка, какъ разсказывалъ самъ Качаловъ. Къ матери дѣти относились лучше, но она послѣ отставки мужа совсѣмъ впала въ какое то отупѣніе и молча высиживала цѣлые часы, упорно смотря въ уголъ, ко всему равнодушная, словно пришибленная... Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и вдругъ года два тому назадъ разразился скандалъ... Нускатъ выгнала свою сестру изъ дому, за то будто бы, что она хотѣла увлечь ея мужа... Много говорили тогда объ этой исторіи, всего и не перескажешь. Съ тѣхъ поръ Леля живетъ у отца, несмотря на то, что старикъ совсѣмъ опустился и принялся за такія дѣла, что и сказать стыдно. Глядя на него, и Леличка повела себя совсѣмъ не какъ порядочная дѣвица, а какъ Богъ вѣсть кто. Нускатъ отъ нихъ окончательно отвернулись, а за ними и все здѣшнее общество, по крайней мѣрѣ всѣ семейные дома... Вотъ и все... Конечно, я могъ бы сообщить вамъ о Качаловѣ и его Лелюшкѣ много разныхъ свѣдѣній, весьма нелестныхъ, но это уже были бы сплетни, а сплетенъ я терпѣть не могу... Впрочемъ, поживете въ городѣ — наслушаетесь о ихъ подвигахъ вдоволь, а многое и сами увидите... Во всякомъ случаѣ, искренно, по-дружески совѣтую держаться отъ нихъ подальше...

VII.

Денисьевъ слушалъ Малодесту съ тяжелымъ чувствомъ разочарованія. Ему было грустно, подобно тому, какъ бываетъ грустно человѣку, когда ему скажутъ о смерти близкаго знакомаго. За эти десять-двадцать дней, которые прошли со дня

Digitized by Google

его ночной встрѣчи, онъ успѣлъ создать въ своемъ воображеніи вокругъ неизвѣстной ему красавицы-пѣвицы ореолъ таинственности. Она смутно представлялась ему чѣмъ-то особеннымъ, полной достоинствъ, съ прекрасной, поэтичной душой, искавшей въ дивныхъ звукахъ грустныхъ мелодій откликъ волновавшимъ чувствамъ... И вдругъ все это разлетѣлось, какъ дымъ... Прозрачная пелена спала и вмѣсто феи, поэтически прекрасной, какъ мечта поэта,—Денисьевъ былъ немного поэтъ въ душѣ, — передъ нимъ предстала провинціальная барышня, съ дурной репутаціей, успѣвшая даже пріобрѣсти себѣ далеко не поэтическую кличку „копчикъ“... Эта метаморфоза положительно огорчала Денисьева.

Даже вернувшись къ себѣ домой, онъ все никакъ не могъ успокоиться и, лежа на кушеткѣ, упорно перебиралъ въ памяти слышанное отъ капитана Малодесты.

За этимъ занятіемъ засталъ его поручикъ Бобровъ, съ которымъ у Денисьева была большая дружба, завязавшаяся между ними чуть ли не съ перваго дня поступленія Ѳеодора Ѳеодоровича въ полкъ.

Бобровъ былъ изъ тѣхъ, кого обыкновенно называютъ славный парень: прямодушный, веселый, всѣмъ сердцемъ преданный полковымъ традиціямъ и товариществу, всегда готовый поддержать компанію, беззаботный, постоянно нуждающійся въ деньгахъ, но до щепетильности аккуратный въ денежныхъ разсчетахъ. Собой Бобровъ былъ не высокъ ростомъ, худощавъ, съ пріятными, тонкими чертами блѣдно-матоваго лица и большими голубыми веселыми глазими. Волосы у него были свѣтлые, слегка вьющіеся, и небольшіе усики, закрученные въ колечки.

Одѣвался онъ всегда съ иголочки, на лѣвой рукѣ носилъ панцырный золотой браслетъ, на указательномъ пальцѣ массивный золотой перстень съ печаткой и маленькое брилліантовое колечко на мизинцѣ.

Войдя къ Денисьеву своей обычной, стремительной походкой и увидя его лежащимъ на кушеткѣ, съ глазами, устремленными въ потолокъ, Бобровъ всплеснулъ руками.

— И не стыдно тебѣ, Ѳедька?—воскликнулъ онѣ укоризненно.—Погода дивная, а ты лежишь, какъ бревно... Ну, одѣвайся, я пришелъ за тобой, идемъ къ Нускатамъ. Елизавета Львовна вчера спрашивала про тебя: почему ты нигдѣ не появляешься, даже на бульварѣ тебя не видать? Я ей сказалъ на это, что ты влюбленъ. Допытывалась—въ кого, но я отговорился секретомъ,—нельзя сказать!..

Digitized by Google

— И чего ты все врешь?—съ легкимъ неудовольствіемъ перебилъ друга Денисьевъ.

— И ничуть не вру... Скажешь, не влюбленъ? Ну-ка, побожись... Я даже знаю, въ кого и съ какого дня.

— Въ кого, это любопытно?—усмѣхнулся Денисьевъ, въ тоже время безпокойно настораживаясь.

— Не притворяйся. Точно я не вижу, — закричалъ Бобровъ,—я вѣдь за тобой слѣжу, братъ, и отлично замѣтилъ, съ какого дня ты захандрилъ. Какъ разъ съ того вечера, когда мы были съ тобой у Нускатъ. Помнишь — румынскій романсъ, что пѣла Димитреску, еще Нускатъ перевелъ тебѣ самъ: „Очи черныя, какъ ночь, сердце мнѣ сожгли". Такъ вотъ, въ эти-то очи ты и влюбленъ.

Денисьевъ громко расхохотался и такъ искренно, что Бобровъ даже опѣшилъ.

— Неужели не угадалъ?—съ изумленіемъ вытаращилъ онъ глаза,—но въ такомъ случаѣ въ кого-же ты влюбленъ?

— Да ни въ кого, вольно тебѣ выдумывать.

— Ну, братъ, шалишь, я не выдумываю, —упрямо заговорилъ онъ, — ужъ меня не проведешь... насквозь вижу... по всѣмъ примѣтамъ... Помнишь, у Пушкина есть стихотвореніе:

Узнаю коней ретивыхъ
По заводскимъ ихъ таврамъ,
Юношей влюбленныхъ
Узнаю по ихъ глазамъ...

Такъ кажется, а можетъ быть, и вру... Ну, однако, нечего болтать, вставай и идемъ.

— Куда? — не мѣняя позы, флегматично спросилъ Денисьевъ.

— Какъ куда? Вѣдь я же тебѣ говорилъ, къ Нускатамъ... Повторяю, Елизавета Львовна интересовалась тобой... Она всегда интересуется всѣми новыми лицами, пріѣзжающими къ намъ въ городъ, пока они не обживутся и не намозолятъ всѣмъ глаза, какъ напримѣръ я, многогрѣшный... Да вставай же, тюлень, а то за ноги стащу.

— Нѣтъ, Леня, я никуда не пойду, не хочется,— лѣниво отвѣчалъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ,—мнѣ и дома хорошо.

— Но какъ же ты послѣ этого не влюбленъ?—съ азартомъ закричалъ Бобровъ.—Вѣдь только влюбленные могутъ городить такую чушь... Первая красавица въ городѣ желаетъ его видѣть у себя въ домѣ, а онъ объявляетъ, что не хочетъ... Ну, такъ, братъ, я такого варварства не допущу... Сте-

Digitized by Google

панюкъ, — крикнулъ онъ во весь голосъ, — Степанюкъ, иди скорѣй.

За дверью раздались торопливые, тяжелые шаги и въ комнату, стремглавъ, очевидно внезапно разбуженный отъ сладкаго сна, вбѣжалъ небольшого роста, коренастый солдатъ, черный, какъ жукъ, съ квадратной головой и самъ весь какъ бы четвероугольный. Остановившись посреди комнаты, онъ съ недоумѣніемъ выпучилъ глаза на Боброва и замеръ въ ожиданіи, готовый по первому слову ринуться исполнять какое угодно приказаніе. По природѣ своей Степанюкъ былъ порядочно глупъ и безтолковъ, сознавалъ это и стремился эти недостатки восполнять рьянымъ усердіемъ, не всегда впрочемъ бывавшимъ кстати.

— Одѣвай твоего барина, живо,—скомандовалъ Бобровъ, указывая пальцемъ на лежащаго Денисьева.

Степанюкъ ринулся было къ кушеткѣ, но, подбѣжавъ къ барину, остановился надъ нимъ, какъ вкопанный, недоумѣвая, какимъ образомъ приступить къ одѣванью человѣка, неподвижно лежащаго и къ одѣванью никакой склонности не проявляющаго.

— Да встанешь-ли ты, наконецъ?— уже не на шутку разсердился Бобровъ,—это же, просто, свинство. Ты и меня задерживаешь.

Денисьевъ со вздохомъ медленно поднялся съ кушетки.

— Неугомонный ты, Ленька, покою отъ тебя нѣтъ... Присталъ, какъ съ ножемъ къ горлу... Ну уже если тебѣ такъ непремѣнно хочется, идемъ, только подожди немного, пока я переодѣнусь.

Черезъ часъ оба пріятеля уже подходили къ большому, красивому дому Нускатовъ, въ восточномъ стилѣ, со множествомъ колонокъ, балконовъ и стекляннымъ куполомъ посреди крыши, стоявшему на лучшей улицѣ города, Александровской.

Бобровъ всю дорогу болталъ, не умолкая. Денисьевъ, напротивъ, шелъ молча, задумчиво глядя передъ собой. Его занимала мысль, казавшаяся ему странной, почему судьбѣ было угодно, чтобы онъ въ тотъ-же день, какъ познакомиться съ Елизаветой Львовной Нускатъ, встрѣтилъ при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ и ея сестру, а на слѣдующій день столкнулся и съ отцомъ обѣихъ—старымъ капитаномъ Качаловымъ, котораго онъ до того дня, проживая въ К—ѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, нигдѣ ни разу не видѣлъ. Вотъ и сегодня, не успѣлъ онъ всего часа два тому назадъ, и опять таки же

Digitized by Google

случайно, узнать всѣ обстоятельства жизни семьи Качаловыхъ, какъ неожиданно является Бобровъ и тащитъ его къ Нускатамъ.

— Точно что толкаетъ меня на ихъ путь,— размышлялъ Денисьевъ, — словно таинственныя нити внезапно протянулись откуда-то и начинаютъ мало-по-малу опутывать меня... связывать мою судьбу съ ихней... Почему это такъ? Кто можетъ угадать?..

Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ былъ немного суевѣренъ, допускалъ матеріализацію духовъ, астральность тѣлъ, четвертое измѣреніе, воздѣйствіе на людскую психику высшихъ сферъ, перевоплощеніе душъ и. т. п. чертовщину, какъ выражался Бобровъ, относившійся къ жизни и ея явленіямъ съ реализмомъ прямого, безхитростно-вѣрующаго русскаго православнаго человѣка.

— Послушай, Леня,—спросилъ вдругъ Денисьевъ, замедляя шаги,—скажи, пожалуйста, ты, конечно, знаешь все во всѣхъ подробностяхъ, что за человѣкъ Елена Львовна и насколько права Елизавета Львовна въ своей ненависти и къ ней, и къ отцу?

— А что?—изумился Бобровъ такому неожиданному вопросу.—Съ чего это тебѣ пришло въ голову заговорить объ этомъ?

— Такъ,—уклончиво отвѣчалъ Денисьевъ, —просто любопытно знать твое мнѣніе, ты здѣшній уроженецъ, знаешь подноготную всего города, а въ то-же время не сплетникъ и не злословъ, стало быть, твоя аттестація самая правильная и справедливая.

— А тебѣ она зачѣмъ понадобилась?—все больше и больше удивляясь, допрашивалъ Бобровъ.—Ты развѣ познакомился съ Лелькой? Гдѣ и когда? Это интересно. Разскажи пожалуйста.

— Послѣ когда-нибудь, теперь мнѣ не хочется,—отвѣчалъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ,—да ты еще и не отвѣтилъ на мой вопросъ... Мнѣ твой отвѣтъ нуженъ для нѣкоторыхъ соображеній.

— Ну, ладно. Я не любопытенъ. Захочешь—разскажешь, не захочешь—твое дѣло. Я же на твой вопросъ могу тебѣ отвѣтить только одно—не знаю. Какъ честный человѣкъ, не знаю, т. е. видишь-ли, сплетни, какія ходили по городу послѣ ссоры сестеръ, я, конечно, знаю всѣ до одной, со всѣми варіаціями, но вотъ что мнѣ невѣдомо,—сколько правды въ нихъ...

— Значитъ,—съ живостью перебилъ пріятеля Денисьевъ,—

Digitized by Google

ты не вѣришь, въ то, что Елена Львовна хотѣла увлечь Нуската и заставить бросить ради нея жену...

— И вѣрю, и не вѣрю. Отъ Лелички можно ожидать многаго—это внѣ сомнѣнія, особенно по части мороченья головъ господамъ мужчинамъ, недаромъ ее прозвали „копчикъ"; но, наряду съ этимъ, надо принять во вниманіе и чудовищную ревность Елизаветы Львовны... Молдаванки вообще страшно ревнивы. Ты, напримѣръ, до сихъ поръ имѣвшій дѣло только съ сѣверянками, у которыхъ въ жилахъ вмѣсто крови течетъ жидкій, тепленькій клюквенный кисель, даже и представить себѣ не можешь такой ревности; для этого надо быть южанкой, горячей, какъ южное солнце, съ расплавленной лавой въ жилахъ... Въ своей ревности молдаванка доходитъ до изступленія, теряетъ всякій разсудокъ, всякую власть надъ собой, дѣлается слѣпой и глухой ко всякимъ доводамъ и доказательствамъ, словомъ, превращается въ безумную... Теперь, посуди самъ, если такова обыкновенная, такъ сказать, рядовая молдаванка въ вопросахъ ревности, то какая же должна быть Елизавета Львовна, про которую даже здѣшнія дамы-молдаванки говорятъ, что она черезчуръ ревнива?..

— Н-н-да, воображаю,—повелъ бровью Денисьевъ,—должно быть, нѣчто ужасное...

— Полтора раза ужасное, два съ половиной раза ужасное, словомъ, нѣчто фантастическое. При такой ревности было бы удивительно, если бы ей не показалось въ отношеніяхъ мужа и сестрицы, прибавь красавицы, кокетки, болѣе молодой и изящной, чѣмъ она, чего-нибудь предосудительнаго... Это было неизбѣжно, и потому, когда неизбѣжное случилось, невольно является сомнѣніе въ справедливости не только подозрѣній, но даже фактовъ, разъ эти факты прошли черезъ голову и руки г-жи Нускатъ... Теперь понимаешь, почему я не могу по совѣсти, со всею точностью отвѣтить тебѣ на твой вопросъ, вѣрю ли я или нѣтъ—тѣмъ обвиненіямъ, какія взваливаетъ Елизавета Львовна на сестру.

— Но ты говоришь, что Елена Львовна—дѣвушка отчаянная, кокетка и вообще способная на многое. На что именно? Какъ надо понимать твои слова?

— А такъ и понимай, какъ я говорю. Прежде всего я не поручусь за нее, дѣвушка ли она, а во-вторыхъ, если-бы у меня были деньги, разумѣется, большія, я бы постарался спрятать ихъ какъ можно подальше отъ нея, въ третьихъ, если-бы я былъ таможенный чиновникъ или пограничный офицеръ, съ

Digitized by Google

многими изъ которыхъ она въ большой дружбѣ, я бы зорче слѣдилъ за ней, когда она появляется на границѣ въ качествѣ гостьи или ѣдетъ за границу къ одной своей подругѣ, живущей въ ближайшемъ мѣстечкѣ, ибо къ Лелечкѣ смѣло можно примѣнить французскую поговорку: Il n'y a rien de sacré pour un sapeur, что въ переводѣ на русскій діалектъ соотвѣтствуетъ: доброму вору—все впору. Однако вотъ мы и пришли... Кстати, не вздумай у Нускатовъ заговорить о Лелечкѣ или о капитанѣ Качаловѣ, это будетъ съ твоей стороны большой безтактностью, все равно, если бы ты заговорилъ о висѣлицѣ съ вдовой повѣшеннаго.

Послѣднія слова Бобровъ произнесъ уже на крыльцѣ дома Нускатъ и, весело разсмѣявшись своей остротѣ, дернулъ за ручку звонка. Имъ отворила высокая, красивая горничная, цыганскаго типа, съ плутоватымъ выраженіемъ большихъ карихъ глазъ и ярко-малиновыми, точно выкрашенными губами.

— Барыни дома нѣтъ, а баринъ дома, занимаются у себя въ кабинетѣ,—сообщила она, кокетливо рисуясь въ дверяхъ,—прикажете доложить?

Говоря такъ, она многозначительно повела глазами, какъ бы придавая своимъ словамъ особый тайный смыслъ.

Бобровъ поморщился.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же мы будемъ мѣшать ему?—нерѣшительнымъ тономъ произнесъ онъ.—Не правда-ли, Федя?

— Разумѣется,—поспѣшилъ подтвердить Денисьевъ,—ну, чего же ты еще ждешь,—идемъ?

— Идемъ,—согласился Бобровъ и, любезно поклонившись дѣвушкѣ, онъ сдѣлалъ ей ручкой, и проговорилъ шутливо-нѣжнымъ голосомъ: „Aurevoir", на что она въ свою очередь съ граціознымъ поклономъ весело отвѣтила: „Addio".

— Какая хорошенькая,—замѣтилъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, когда они отошли отъ дома.

— Кто, Катринка? Да, хорошенькая и плутъ, какихъ мало. Она уже лѣтъ пять какъ служитъ у Нускатовъ... Я давно ее знаю.

— Вотъ ты говоришь, будто Елизавета Львовна ревнива, а какъ же, въ такомъ случаѣ, она держитъ такую хорошенькую горничную въ домѣ?

— Ну, это другая статья... Надо знать Нуската, чтобы понять, насколько онъ далекъ отъ возможности увлеченій такого рода. Онъ очень серьезный человѣкъ, и мнѣ кажется, если онъ способенъ обратить вниманіе на женщину, то развѣ только на такую, которая чѣмъ бы нибудь выдѣлялась...

Digitized by Google

— Ахъ, кстати,— засмѣялся Денисьевъ,— правду говорятъ про тебя, будто бы ты безнадежно влюбленъ въ Елизавету Львовну? И уже давно, нѣсколько лѣтъ? Признавайся-ка.

— Вздоръ,—вспыхнулъ Бобровъ и нахмурился, но, пройдя молча нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ добродушно улыбнулся, лицо его просвѣтлѣло и въ немъ отразилось выраженіе мечтательной задумчивости. — Впрочемъ, — заговорилъ онъ негромко и не глядя въ лицо Денисьеву, — къ чему скрывать? Съ другимъ я бы не сталъ говорить объ этомъ, но съ тобой можно, ты не похожъ на остальныхъ нашихъ зубоскаловъ... Тебѣ я, такъ и быть, покаюсь,—да, я люблю Елизавету Львовну и люблю, какъ ты вѣрно сказалъ, нѣсколько лѣтъ... Но не думай, чтобы въ моей любви было что-нибудь грязное, вульгарное... Ей-Богу, нѣтъ... Вначалѣ, какъ только мы съ нею познакомились, пожалуй, и было съ моей стороны нѣчто вродѣ пошлаго ухаживанья, но, узнавъ ее ближе, я круто измѣнился и теперь я просто боготворю ее... Когда-то мнѣ довелось читать какой-то разсказъ о жрецѣ, влюбленномъ въ богиню. Вотъ я такой жрецъ... Понимаешь, что я хочу сказать? Я восхищаюсь, любуюсь ею, и какъ женщиной, и какъ человѣкомъ, она чрезвычайно нравится мнѣ, но того, что я чувствую къ другимъ красивымъ женщинамъ, я къ ней не чувствую... У меня нѣтъ желанія обладать ею, какъ мимолетной прихотью... Вотъ если бы она согласилась ради меня бросить своего мужа, уйти со мной, какъ жена, на всю жизнь, я былъ бы безконечно счастливъ.

— Развѣ она такая хорошая женщина?..Въ первый разъ, когда я былъ у нихъ, она не произвела на меня впечатлѣнія чего нибудь особеннаго.

— Это со всѣми такъ... При поверхностномъ знакомствѣ Елизавета Львовна можетъ показаться даже заурядной, но чѣмъ ближе ее узнаешь, тѣмъ большее и большее впечатлѣніе производитъ она... Я понимаю, что мужъ ее обожаетъ... Знать ее близко и не обожать, по моему мнѣнію, невозможно.

— Но что же въ ней такого особеннаго?

— Что особеннаго? Да какъ бы тебѣ сказать? Особеннаго, если хочешь, ничего нѣтъ, но она „человѣкъ“. Понимаешь, „человѣкъ“? Человѣкъ, какого искалъ Діогенъ съ своимъ фонаремъ.

— Ну, это что-то слишкомъ туманно,—недовѣрчиво усмѣхнулся Денисьевъ.—Объясни, если можешь.

— Да что же тутъ объяснять? Объяснять нечего. Если у тебя имѣется въ головѣ образъ настоящаго человѣка, то Ели-

Digitized by Google

завета Львовна какъ разъ то самое и есть. Прежде всего— она удивительно справедливый и правдивый человѣкъ. Всякая ложь, всякая неправда ее коробитъ, но при этомъ она никогда не беретъ на себя роли обличительницы и ментора нравовъ, какъ это дѣлаютъ многія дамы, въ сто разъ хуже ея, она просто отходитъ въ сторону, какъ бы замыкается... Если ты представишь себѣ ложь въ видѣ пьяной, отвратительной женщины, нагло лѣзущей въ домъ, то Елизавета Львовна не станетъ ее гнать, бранить, укорять ее за развратный видъ, не будетъ осуждать тѣхъ, кто принимаетъ эту скверную бабу, она только запретъ двери своей комнаты, сядетъ въ уголокъ и будетъ терпѣливо ожидать, когда нахалка, наскучивъ стучать и ломиться въ запертую дверь, — уйдетъ и оставитъ ее въ покоѣ... Ненавидя ложь, она ненавидитъ и всякую позу... Ее очень трудно разжалобить притворными слезами и нытьемъ... Она не сочувствуетъ общественной благотворительности, разнымъ тамъ базарамъ, вечерамъ и концертамъ съ благотворительными цѣлями и очень неохотно участвуетъ въ нихъ, при чемъ не проявляетъ большой щедрости, за что здѣшнія дамы считаютъ ее скупой, черствой и чуть ли не безсердечной, но какъ это далеко отъ истины! Когда Елизаветѣ Львовнѣ приходится сталкиваться съ настоящей нуждой, — она проявляетъ такую чуткость души, такую доброту, что если бы разсказать объ этомъ въ городѣ, мало кто бы и повѣрилъ... Со мной она дружна... У насъ, разъ было одно объясненіе, какое—я не могу разсказать, но послѣ этого объясненія я точно прозрѣлъ, понялъ, какая это прекрасная женщина, и навсегда сдѣлался ея другомъ... Такъ вотъ мнѣ она довѣряетъ и благодаря этому я много знаю ея хорошихъ дѣлъ, но связанъ клятвой молчать о нихъ... Одно скажу тебѣ — во всемъ городѣ нѣтъ женщины, хоть сколько-нибудь достойной ея.

— А съ мужемъ, какъ она, хорошо живутъ?

— Прекрасно. Она обожаетъ его, считаетъ лучшимъ изъ людей, немного черезчуръ высоко цѣнитъ его умъ, ученость и серьезность, что на мой взглядъ немного его портитъ. Безъ этого, онъ, мнѣ кажется, больше бы цѣнилъ ее, ярче сознавалъ ея достоинства... Впрочемъ, правду надо сказать, онъ ее очень любитъ...

— Словомъ, примѣрная парочка,—засмѣялся Денисьевъ,— могила для всякихъ надеждъ на удачу въ ухаживаньи... Не такъ ли?

— Не говори пошлостей, — сердито отвѣчалъ Бобровъ,— а то я буду раскаиваться въ своей съ тобою откровенности.

Digitized by Google

— Ну, ладно, ладно не сердись, это я такъ... Видишь ли, не въ обиду будь тебѣ сказано: глядя на тебя, какъ-то не вѣрится въ твою способность на серьезное чувство... Ты всегда такой живчикъ, балагуръ, дамскій баловень, всюду порхаешь какъ мотылекъ, цѣлователь дамскихъ ручекъ и т. д., и т. д.

— Свинья ты, Ѳедька,—засмѣялся Бобровъ,—право, свинья. Ну, да Богъ съ тобой, смѣйся, если охота есть, но только объ одномъ прошу, чтобы нашъ сегодняшній разговоръ остался между нами...

— Ну, это само собой разумѣется,—поспѣшилъ успокоить друга Денисьевъ, крѣпко пожимая ему руку...—Однако, куда же мы зашли? — спросилъ, онъ неожиданно останавливаясь и оглядываясь по сторонамъ. Было темно. Южная ночь, безъ сумерокъ, сразу, словно шапкой, покрыла землю. Тусклые фонари, далеко разставленные другъ отъ друга, слабо освѣщали улицу, погруженную въ мертвую тишину и мракъ, въ которомъ тихо шелестѣли листья невидимыхъ деревьевъ...

— Вотъ штука-то,—разсмѣялся Бобровъ,—знаешь, гдѣ мы? въ „Глухой“ улицѣ, гдѣ живетъ старый Качаловъ, вонъ и его домъ. Видишь, тамъ вдали, и по обыкновенію освѣщенъ... Навѣрно у Лельки цѣлое сборище... Хочешь, зайдемъ?

— Нѣтъ, къ чему, избави Богъ, — поспѣшилъ отказаться Денисьевъ,—вѣдь я даже съ ней почти что не знакомъ.

— Вотъ вздоръ!—воскликнулъ Бобровъ.—Какія церемоніи, нечего артачиться, идемъ, идемъ.

И не слушая возраженій Денисьева, Бобровъ схватилъ его за руку и почти силой потащилъ впередъ. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, хотя и упирался, но не очень энергично: въ немъ, помимо его воли, смутно забродило желаніе снова увидѣть Лелю.

VIII.

Еще нѣсколько саженей, не доходя до дома капитана, пріятели услышали громкій смѣхъ и гулъ голосовъ, рвавшіеся изъ открытыхъ оконъ въ безмолвный мракъ пустынной улицы. Кто-то, очевидно зря, стучалъ клавишами піанино и онѣ издавали жалобно-болѣзненный звукъ, точно печалясь на безпокойство, причиненное имъ грубой рукой.

Бобровъ подошелъ къ окну и заглянулъ въ него, Денисьевъ отошелъ шага на два въ сторону и ждалъ. Сердце его слегка замирало. Ему было и жутко, и непріятно и въ то же время

Digitized by Google

имъ овладѣвалъ порывъ радости, что вотъ-вотъ онъ снова увидитъ дѣвушку, произведшую на него такое сильное впечатлѣніе.

— Честной компаніи миръ, совѣтъ и любовь — услыхалъ Денисьевъ веселый возгласъ Боброва, на который отозвался цѣлый хоръ голосовъ, и среди нихъ Денисьевъ сразу узналъ голосъ Лели.

— Что-жъ вы не входите?—спрашивала она съ ласковымъ радушіемъ.—Идите, гостемъ будете.

— Я не одинъ, а съ товарищемъ,—отвѣчалъ Бобровъ.

— Ну такъ что-жъ, тащите и его. Кто таковъ?—полюбопытствовала Леля.

— А вотъ приведу, сами увидите,—отозвался Бобровъ. Подхвативъ Денисьева подъ руку, онъ потащилъ его въ домъ.

— Вотъ мы пришли, шли, величаво...
Шли величаво, два Аякса, вдругъ
Громка побѣды слава, слава, бѣды слава,
Нашихъ сильныхъ рукъ, на триста верстъ вокругъ,—

приплясывая пропѣлъ Бобровъ, входя въ комнату и волоча, немного сконфуженнаго такой безцеремонностью, Денисьева.

Комната была довольно велика и, какъ показалось Денисьеву, не бѣдно и со вкусомъ обставлена, но разглядывать подробно ему было некогда.

Только что они переступили порогъ, имъ на встрѣчу поднялась сама хозяйка, Елена Львовна, и, ласково улыбаясь, протянула имъ руки.

— Милости просимъ, Леонидъ Леонидовичъ, давно не видѣлись, а это кто? — спросила она, безцеремонно устремляя на Ѳеодора Ѳеодоровича любопытствующій взглядъ.—Ахъ, Боже мой, да мы ужъ знакомы... Не правда-ли? — Она крѣпко, по-мужски пожала руку Денисьеву, обдавая его всего искрящимся взглядомъ своихъ прекрасныхъ, большихъ глазъ.

— Знакомы? — разинулъ ротъ Бобровъ.—Когда же? Вотъ бестіарія, я и не подозрѣвалъ даже... Ну, Ѳедька, не ожидалъ, чтобы ты такъ умѣлъ притворяться...

— Я-жъ тебѣ говорилъ, что имѣлъ честь видѣть Елену Львовну,—продолжая конфузиться, но въ то же время стараясь не показать этого, оправдывался Денисьевъ.

— Говорилъ? Ой, кажется, врешь, что-то такого разговора не помню,—покачалъ головой Бобровъ и пошелъ здороваться съ наполнявшими комнату молодыми людьми. Ихъ было пятеро. Одинъ однополчанинъ Боброва и Денисьева, слывшій въ

Digitized by Google

полку подъ кличкой поручика Пети-Бумъ-бумъ, двое драгунъ, одинъ—корнетъ, высокій, тощій, хлыщеватый, съ моноклемъ въ глазу, извѣстный всему городу подъ именемъ Сержъ, другой—штабсъ-ротмистръ Полуэктовъ, богачъ, имѣвшій цѣлую скаковую конюшню и большую часть жизнь проводившій на ипподромахъ. Остальные двое были штатскіе, съ типичными физіономіями молдаванскихъ помѣщиковъ, загорѣлые, черномазые, въ чечунчовыхъ курткахъ, высокихъ охотничьихъ сапогахъ и красныхъ галстухахъ.

— Я знаю, вы разыскивали меня,—вполголоса произнесла Леля, глядя въ глаза Денисьеву,—я глядѣла въ окно, какъ вы бродили по улицѣ и озирались во всѣ стороны, какъ пудель, потерявшій хозяина.

— Сравненіе не лестное,—засмѣялся Денисьевъ,—но не въ этомъ дѣло, а отчего вы меня не окликнули?

— Я было думала, но тутъ какъ разъ вышелъ мой отецъ и заговорилъ съ вами, тогда я уже не захотѣла васъ звать.

При этомъ напоминаніи Ѳедоръ Ѳедоровичъ невольно нахмурился. Ему живо представилась невзрачная фигура отставного капитана и легкая тѣнь невольно пробѣжала по лицу молодого человѣка.

Леля, очевидно, замѣтила неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на Денисьева упоминаніемъ объ отцѣ, но она нисколько не смутилась этимъ и, продолжая ласково смотрѣть въ глаза Денисьеву, продолжала тѣмъ же невозмутимымъ тономъ.

— Я вижу, онъ вамъ сильно не понравился. Впрочемъ это не удивительно: развѣ можетъ какому-нибудь порядочному человѣку понравиться такой мерзавецъ?

Услышавъ послѣднее слово, произнесенное совершенно спокойно и просто, Денисьевъ въ изумленіи во всѣ глаза глянулъ въ лицо дѣвушки... Въ первую минуту ему показалось, что онъ ослышался, такъ странно и дико было слышать въ устахъ дочери столь рѣзкій отзывъ объ отцѣ.

— Вотъ такъ фунтъ,—невольно мысленно воскликнулъ онъ,—если она объ отцѣ такъ выражается, то какъ бы она отозвалась о постороннемъ?.. Странная дѣвушка.

Онъ пристально во всѣ глаза посмотрѣлъ на Лелю, какъ бы стараясь проникнуть въ ея душу, угадать, что она за человѣкъ, но тутъ же долженъ былъ сознать свое полное безсиліе въ разрѣшеніи этой загадки.

Она стояла передъ нимъ, прекрасная, какъ дивное произведеніе великаго художника—природы, съ немного надменнымъ выраженіемъ лица, насмѣшливой улыбкой и какимъ-то осо-

Digitized by Google

беннымъ русалочьимъ, дразнящимъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, казавшихся бездонными и непроницаемыми.

Даже въ костюмѣ ея было что-то особенное, съ чѣмъ Денисьевъ раньше не встрѣчался, какая-то вызывающая, бьющая въ глаза, эффектная оригинальность. Это было не то капотъ, не то платье изъ странной, не виданной Денисьевымъ матеріи, блестящей и переливающейся золотисто-красновато-темнымъ цвѣтомъ... Денисьевъ вспомнилъ, что когда-то гдѣ-то видѣлъ змѣю, неизвѣстной породы, съ окраской, похожей на цвѣтъ этой необыкновенной матеріи. Высокій воротникъ, туго обхватывая шею дѣвушки, подпиралъ подбородокъ, а рукава, узкіе во всю длину и только у кистей рукъ расширявшіеся раструбомъ, совершенно скрывали въ густыхъ складкахъ кружевъ пальцы, отчего руки казались неестественно длинными. Золотистые волосы были зачесаны по-гречески и завязаны пышнымъ узломъ, заколотымъ большой черепаховой стрѣлой. Кромѣ маленькихъ брилліантовыхъ сережекъ, искрившихся разноцвѣтными огоньками, никакихъ другихъ украшеній не было... ни броши, ни браслетъ, ни даже колецъ, ничего рѣшительно. Отсутствіе золотыхъ вещей придавало всему костюму особый колоритъ, особую художественную цѣльность впечатлѣнія.

Леля по выраженію лица Денисьева угадала неотразимое впечатлѣніе, произведенное ею, и самодовольная улыбка промелькнула по ея лицу; она слегка прищурилась и, сдѣлавъ невинные глаза, произнесла:

— Однако, что-жъ это мы стоимъ одинъ противъ другого? Садитесь... Кстати, надѣюсь, вы знакомы?—повела она рукой по направленію остальной компаніи,—значитъ, представлять не надо... Ну, а теперь, господа,—обратилась она къ Боброву, предоставивъ Денисьеву тѣмъ временемъ обмѣниваться рукопожатіями съ ея гостями,—чѣмъ прикажете угощать? Чаемъ, пуншемъ или шампанскимъ. Есть и то, и другое, и третье. Чего хотите? Чай—мой собственный, шампанское—Сержа, а пуншъ—общій.

— Почему-же шампанское Сержа?—спросилъ Бобровъ.—Развѣ онъ опять проигралъ пари?

— Разумѣется,—засмѣялась Леля,—по обыкновенію онъ спорилъ и проспорилъ цѣлую полъ-дюжину.

— О чемъ же былъ споръ?—полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Онъ утверждалъ, будто мнѣ не удастся обскакать Леди Макбетъ на Полуэктовскомъ Голубѣ, по той причинѣ, что Голубь никогда въ жизни подъ дамскимъ сѣдломъ не ходилъ,

*

Digitized by Google

ну, я и доказала ему противное... И теперь мы пьемъ шампанское. Урра! Да здравствуетъ Голубь!

Съ этими словами Леля подняла бокалъ, полный пѣны, и хотѣла поднести его къ губамъ, но Полуэктовъ съ безцеремонной фамильярностью удержалъ ея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ,я не согласенъ,—закричалъ онъ,—хотя Голубь мнѣ и очень дорогъ и я горячо желаю ему здоровья, но справедливость раньше всего... Побѣдой своей надъ Леди Макбетъ онъ обязанъ исключительно дивной наѣздницѣ. Итакъ, господа, я провозглашаю тостъ за нашу царицу амазонокъ, мадмуазель Эленъ. Урра!

— Урра!—повторили всѣ присутствующіе, поднимая бокалы.

— За belle Hélène,—дико расхохотался вдругъ одинъ изъ юныхъ помѣщиковъ,—за belle Hélène—повторилъ онъ нѣсколько разъ, очевидно очень довольный своей остротой.

Леля иронически взглянула на него.

— Форкатти, я бы вамъ совѣтовала помнить изреченіе Бисмарка, я уже вамъ его неоднократно повторяла: „Глупость есть несомнѣнно даръ, ниспосланный Богомъ, но зачѣмъ же имъ злоупотреблять?

— А развѣ я опять сказалъ какую-нибудь глупость?—съ трогательной наивностью спросилъ Форкатти.

— Мнѣ кажется,—тонко съиронизировала Леля.

Всѣ громко расхохотались и громче всѣхъ добродушный Форкатти.

— Богиня,—вскликнулъ онъ, въ восторгѣ взмахивая руками.—Богиня, отъ васъ не только колкости, но я готовъ снести даже удары хлыста.

— Мнѣ почему-то кажется, что вы ихъ скоро заслужите,—небрежно бросила ему Леля и, отвернувшись, обратилась къ Сержу, фатовато развалившемуся на креслѣ.—Ну что-жъ, Сержъ, вы хотѣли разсказать мнѣ про какой-то курьезъ со смотромъ въ вашемъ полку... Разсказывайте.

Сержъ неподражаемо ловко взбросилъ монокль себѣ въ глазъ и, скрививъ лицо, дѣланно закартавилъ:

— О смотрѣ, о какомъ смотрѣ? Ахъ, да, вспомнилъ... Презабавный, доложу вамъ, случай, о немъ говоритъ весь городъ... Дѣло въ томъ, что въ нашъ городъ одновременно пріѣхали два генерала—одинъ инспектировать драгунскій полкъ, а другой—пѣхотный. Оба пріѣхали съ однимъ поѣздомъ, остановились въ одной и той же гостинницѣ и оба съ вечера назначили одинъ и тотъ же часъ для смотра своихъ частей, но только въ разныхъ концахъ города. Ну-съ, прекрасно... Насту-

Digitized by Google

наетъ утро. Въ гостинницу являются адъютанты, нашъ драгунскій — „prince Pierre“ и пѣхотный—Лукоянскій... Какъ это произошло, не умѣю вамъ сказать, но только адъютанты какимъ-то неосторожнымъ образомъ перемѣшали своихъ генераловъ. „Prince Pierre“ провелъ пѣхотнаго къ намъ, а Лукоянскій нашего къ себѣ... Вообразите, какой вышелъ изъ сего камуфлетъ. У насъ, впрочемъ, все сошло благополучно. Заблудившійся пѣхотный генералъ сразу сообразилъ свою ошибку, добродушно разсмѣялся и приказалъ везти себя въ пѣхотныя казармы, но у пѣхоты вышелъ съ нашимъ генераломъ настоящее, какъ говорятъ, ки-про-ко. На бѣду онъ оказался близорукимъ и, издали не разглядѣвъ формы обмундированія, но замѣтивъ, что люди не на коняхъ, какъ онъ распорядился, съ мѣста, съ пѣной у рта, набросился на командира полка.

— Почему вы, полковникъ, вывели полкъ въ пѣшемъ строѣ?.. Кто вамъ приказалъ?

— Какъ же было иначе, ваше п—во?—растерялся тотъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— А такъ, какъ я приказывалъ, на лошадяхъ, мнѣ пѣшій строй вашъ не нуженъ, я на вашъ пѣшій строй плевать хочу... Мнѣ лошадей подайте, лошадей-съ, г-нъ полковникъ, лошадей-съ.

— Но, ваше п—во, у насъ лошадей нѣтъ-съ,—ошеломленный генеральскимъ крикомъ, еле-еле пролепеталъ полковникъ, недоумѣвая, о какихъ лошадяхъ говоритъ генералъ.

Теперь пришла очередь изумляться генералу.

— Какъ нѣтъ лошадей? Гдѣ же ваши лошади? Куда вы ихъ дѣли?

— Никуда-съ, онѣ въ конюшнѣ. Я не ожидалъ, что ваше п—во пожелаете первымъ долгомъ смотрѣть обозныхъ лошадей... Разрѣшите, я прикажу ихъ вывести...

— Зачѣмъ мнѣ обозныхъ,—заволновался генералъ,— мнѣ строевыхъ подайте... строевыхъ... Понимаете-ли, полковникъ, строевыхъ, что вы смѣетесь надо мной, шутите что ли?..

— Но, ваше п—во...

— Никакихъ но, потрудитесь исполнять, что приказываютъ..

Окончательно растерявшійся полковникъ не зналъ, что ему дѣлать, но въ эту минуту разсерженный генералъ пристальнѣй вглянулъ на него... Взглянулъ, да такъ и ахнулъ, только теперь замѣтивъ, что на полковникѣ не драгунскій мундиръ, а пѣхотный... Онъ чуть языка не лишился, открылъ глаза и смотритъ и тотъ на него смотритъ... Глядятъ въ глаза другъ

Digitized by Google

другу и только мигаютъ, слова произнести не могутъ—такъ это ихъ обоихъ ошарашило.

— Экое вранье-то,—воскликнула Леля,—ну кто вамъ повѣритъ, чтобы такая чепуха могла быть въ дѣйствительности?

— Честное слово, правда,—увѣрялъ Сержъ,—вотъ хоть ихъ спросите,—указалъ онъ на Денисьева и Боброва,—они сами были на смотру.

Леля вопросительно взглянула на Денисьева.

Тотъ чуть-чуть покраснѣлъ и, нерѣшительно улыбаясь, заговорилъ.

— Оно, дѣйствительно, не совсѣмъ такъ было, какъ вы разсказываете. Вашъ генералъ дѣйствительно пріѣхалъ къ намъ на плацъ, но вовсе не потому, что его ошибкой завезли къ намъ, а нарочно, повидаться съ нашимъ командиромъ полка, такъ какъ они родственники: женаты на двухъ родныхъ сестрахъ...

— А какъ же вашъ генералъ попалъ къ намъ? —спросилъ Сержъ.—Если они не перепутались, то зачѣмъ вашему инспектирующему было ѣхать къ другимъ?

— Онъ, насколько мнѣ извѣстно, былъ послѣ вашего смотра, отдавалъ визитъ вашему командиру, а изъ этого вывели цѣлую исторію. Вѣдь вы сами должны были это знать... Развѣ вы на на вашемъ смотру не были?

— Нѣтъ, я былъ въ Одессѣ и только вчера вечеромъ вернулся, а смотръ былъ утромъ... Значитъ, мнѣ наврали?

— Или вы сами выдумали,—перебила его Леля,—вѣдь вы извѣстный фабрикантъ всѣхъ городскихъ сплетенъ... Кстати, что еще новаго?

— Новаго?—вмѣшался Полуэктовъ,—да ничего рѣшительно... Ахъ нѣтъ, впрочемъ, есть одна новость—Афанасопуло купилъ новую четверку лошадей. Ему Шульмееровскіе „Бѣлогривы“ спокойно спать не давали, онъ все мечталъ затмить ихъ, да все не удавалось...

— А развѣ теперь удалось?—спросила Леля.—Я сама этихъ лошадей еще не видѣла, но слыхала о нихъ отъ очевидца самыя обыкновенныя лошади—буланыя съ черными гривами и хвостами, такой масти лошадей сколько угодно.

— Если, божественная Елена Львовна, вамъ такъ говорили, то тотъ, кто сказалъ или самъ не видалъ этихъ лошадей, или умышленно сбрехнулъ... Я самъ ѣздилъ сегодня утромъ къ Афанасопуло и, признаюсь, ошеломленъ... Такой масти я еще не встрѣчалъ, если только онѣ не подкрашены... Вообразите себѣ слегка обкуренную пѣнку, при чемъ спины немного тем-

Digitized by Google

нѣе, бока и животъ свѣтлѣе, а ноги и головы совсѣмъ темны... Однимъ словомъ, точь-въ-точь, какъ на пѣнковыхъ трубкахъ... При этомъ сложены идеально, настоящіе арабы, нервные, сухіе, съ лебедиными шеями, глаза, какъ серпъ, и ноздри, какъ кумачъ... Дивныя лошади и на мой взглядъ Бѣлогривы имъ подъ пятку не годятся... Вотъ увидите, какой будетъ эффектъ, когда Афанасопуло выѣдетъ на нихъ кататься... Онъ хочетъ запрягать ихъ въ шоры, цугомъ, чтобы не скрывать ремнями сбруи ихъ формъ... Жаль только одного, хвосты придется обрѣзать, а хвосты у нихъ, какъ у арабовъ, пышные, на отлетѣ.

— Дорого далъ?—освѣдомился Пети Бумъ-бумъ.

— Говоритъ, будто бы двадцать тысячъ, но я, грѣшный человѣкъ, не вѣрю этому.

— Разумѣется, вретъ, — замѣтила Леля. — Афанасопуло скупъ, какъ... какъ...

— Какъ грекъ,—подсказалъ Полуэктовъ,—этимъ все сказано. Трудно допустить, чтобы онъ далъ такія деньги за лошадей.

— Тутъ не въ лошадяхъ дѣло,—вмѣшался Бобровъ,—а въ самолюбіи. Афанасопуло и Шульмееръ во всемъ и всегда соперничаютъ другъ съ другомъ; сколько они оба изъ-за этого соперничества денегъ зря побросали... И вѣдь что удивительно, оба скупые, а ни тотъ, ни другой не хочетъ уступить... Особаго рода гоноръ.

Въ эту минуту дверь стремительно распахнулась и на порогѣ появилась уже знакомая фигура капитана. При его появленіи, всѣ замолкли. Леля угрюмо нахмурилась и строго посмотрѣла въ лицо отцу.

— Миръ вамъ и я къ вамъ,—слегка заискивающимъ голосомъ, громко проговорилъ Качаловъ и, пошатывающейся походкой, двинулся впередъ, съ упорствомъ пьянаго человѣка, не желающаго считаться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ производитъ на окружающихъ. Онъ былъ сильно навеселѣ, но одѣтъ приличнѣе и чище, чѣмъ тотъ разъ, когда Денисьевъ встрѣтился съ нимъ. Даже борода и волосы были подстрижены, но лицо отъ того не стало благообразнѣе; напротивъ, Денисьеву показалось, будто оно еще больше опухло, а носъ изъ синебагроваго сталъ ярко-пунцовый. По всему было видно, что Качаловъ пьетъ запоемъ, пьетъ давно, упорно, безъ просыпу. Запилъ онъ вскорѣ послѣ того, какъ былъ у Шульмеера и получилъ отъ него пачку денегъ. Отдавъ половину изъ нихъ Лелѣ, онъ остальную спряталъ въ укромное, ему одному извѣстное мѣсто, и съ этого дня началъ все чаще и чаще.

Digitized by Google

отлучаться изъ дому... Съ каждымъ днемъ онъ пилъ все сильнѣй, ожесточеннѣй... Изъ спрятанныхъ денегъ оставалось уже немного и это какъ бы еще больше распаляло жажду отставного капитана.

Ни жена, ни дочь ни единымъ словомъ не вмѣшивались въ его образъ жизни, предоставивъ ему дѣлать что угодно; онѣ обѣ глядѣли на него, какъ на пропащаго человѣка и въ душѣ были совершенно равнодушны, особенно жена, которая цѣлыми днями молча и неподвижно сидѣла у себя въ комнатѣ, ко всему апатичная, какъ бы уже на половину уснувшая.

— Зачѣмъ вы пришли?—строго спросила Леля, мѣряя отца съ головы до ногъ холодно-враждебнымъ взглядомъ, — идите къ себѣ спать.

— Я уже выспался,—буркнулъ въ отвѣтъ Качаловъ,—нечего меня укладывать, не младенецъ.

Онъ говорилъ умышленно грубымъ тономъ, но въ то-же время старательно избѣгая смотрѣть въ глаза дочери. Явно было, что онъ ея боится, хотя и не хочетъ открыто сознаться въ этомъ.

Леля сердито передернула плечами, но промолчала.

Капитанъ еще разъ всѣмъ раскланялся, но руку протягивать не рѣшился, и затѣмъ, подойдя къ столу, налилъ себѣ стаканъ пунша.

— За ваше здоровье, господа,—произнесъ онъ среди всеобщаго молчанія и съ наслажденіемъ принялся тянуть крѣпкій напитокъ, не отрывая губъ отъ краевъ стакана, пока не выпилъ его весь до дна.

— Хорошая штука, — крякнулъ онъ и, обтеревъ ладонью усы, откинулся съ самодовольнымъ видомъ.

Въ эту минуту глаза капитана встрѣтились съ глазами Денисьева, смотрѣвшаго на него съ нескрываемымъ омерзѣніемъ.

— А, старый знакомый,—закричалъ Качаловъ и лицо его расплылось въ пьяную улыбку,—вотъ неожиданная встрѣча... Очень радъ, очень радъ... Кстати,—вспомнилъ онъ и въ его заплывшихъ, выцвѣтшихъ глазахъ сверкнуло затаенное, злое чувство,—кстати,—повторилъ онъ,—я вѣдь вашъ должникъ... Вотъ хорошо, что мы встрѣтились... По крайней мѣрѣ, разсчитаемся... Ты знаешь, Лелюшка,—обратился онъ съ невиннымъ видомъ къ дочери,—господинъ поручикъ былъ такъ любезенъ далъ мнѣ однажды въ долгъ три рубля... Теперь я могу расплатиться... Извольте получить.

Говоря такъ, Качаловъ полѣзъ въ карманъ и, вытащивъ

Digitized by Google

скомканную, засаленную трехрублевую бумажку, протянулъ ее Денисьеву. Тотъ инстинктивно отшатнулся, съ брезгливымъ ужасомъ глядя на потную, грязную руку капитана, съ черными ногтями и красными, одеревенѣлыми пальцами.

— Отстаньте вы съ вашими деньгами,—воскликнулъ онъ,—прежде всего, я давалъ вамъ не взаймы... а во вторыхъ, вы получили отъ меня рубль, а не три.

— Нѣтъ, три, я отлично знаю, что три,—запѣтушился капитанъ.—Что это значитъ? Вы отказываетесь получить обратно долгъ, это оскорбительно... Я не нищій и по улицамъ не христарадничаю... Я у васъ занялъ, какъ равный у равнаго, и требую принять мой долгъ...

— Но, повторяю, вы ошибаетесь, я вамъ далъ всего рубль, а не три.

— Неправда, три, — настаивалъ капитанъ, суя деньги въ руки недоумѣвающему Денисьеву,—я отлично помню, что три, и вы не смѣете отказываться... Леличка, — обернулся онъ къ дочери,—что же это значитъ? Скажи хоть ты, чтобы онъ взялъ.

— Мосье Денисьевъ,—заговорила Леля, внимательно вглядываясь въ лицо Ѳеодора Ѳеодоровича, — если отецъ у васъ занялъ деньги, то вы не вправѣ отказываться получить отъ него обратно его долгъ вамъ.

— Но, Елена Львовна,—взмолился Денисьевъ,—войдите въ мое положеніе... Я даю вамъ слово, что далъ только рубль. Вашъ отецъ или не помнитъ, или нарочно хочетъ поставить меня въ нелѣпое положеніе... Если онъ не желаетъ брать подачекъ отъ меня, то мнѣ и подавно не пристало брать отъ него...

— Ахъ, вотъ оно что,—многозначительно протянула Леля,—понимаю... Папаша, позвольте деньги.

Капитанъ, невольно, инстинктивно повинуясь строгому голосу дочери, протянулъ ей трехрублевку. Леля взяла ее кончиками пальцевъ и съ брезгливой гримасой поднесла ее къ огню свѣчки. Бумажка разомъ вспыхнула.

— Что ты дѣлаешь?—вскричалъ капитанъ, порываясь вырвать деньги изъ рукъ дочери, но было уже поздно: сильно просаленная бумажка сгорѣла почти мгновенно. Леля сдунула пепелъ съ пальцевъ и спокойно договорила.

— Теперь, когда споръ конченъ, я еще разъ убѣдительнѣйше прошу, уходите... Вы намъ мѣшаете.

Капитанъ, котораго гибель трехрублевки привела въ бѣшенство, злобно сверкнулъ глазами и, задыхаясь, прохрипѣлъ, грозя пальцемъ:

Digitized by Google

— У, змѣя подколодная, погоди, дай время, тебѣ скоро скоро хвостъ прищемятъ... Я шелъ къ тебѣ по хорошему, предупредить тебя, предостеречь, а ты вотъ какъ! Ну, ладно же, припомнишь... Я ничего не скажу...

Онъ круто повернулся и заковылялъ къ двери, но, дойдя до дверей, остановился, оглянулся назадъ и, съ выраженіемъ злобнаго, пьянаго торжества въ лицѣ, громко крикнулъ:

— Фальшштейнъ арестованъ въ Петербургѣ! Поздравляю!

При этихъ неожиданныхъ словахъ, Леля вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Легкая блѣдность покрыла ея лицо, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она произнесла, повидимому, совершенно спокойно:

— А мнѣ какое дѣло, онъ мнѣ не сватъ, не братъ и не женихъ... Арестованъ, такъ арестованъ, меня это не касается.

— Будто бы,—прищурился капитанъ и многозначительно улыбнулся.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но случайно встрѣтившись взглядомъ съ гнѣвно-сверкнувшими глазами дочери, вдругъ разомъ съежился, понурилъ голову и торопливо шмыгнулъ за дверь.

— Кто это Фальшштейнъ?—освѣдомился Сержъ.—Не madame Шульмееръ братъ?

— Тотъ самый,—объяснила Леля.

— За что же онъ арестованъ?

— О немъ ходили слухи, будто бы онъ сильно замѣшанъ въ революціонной пропагандѣ, — отвѣчалъ Бобровъ, всегда лучше всѣхъ освѣдомленный обо всемъ, касающемся городской жизни.—Одно время онъ былъ высланъ изъ Петербурга и жилъ подъ надзоромъ полиціи... Но потомъ говорили, будто это была административная ошибка, и что Фальшштейнъ заподозрѣнъ напрасно... Если извѣстіе объ его арестѣ подтвердится, значитъ слухи объ его неблагонадежности были правильны...

— Ну, и чортъ съ нимъ, правильны, такъ правильны, охота о какомъ-то жидѣ толковать, нашли разговоръ,—презрительно воскликнула Леля,—говорите лучше о чемъ-нибудь другомъ...

— Что касается меня,—посмотрѣлъ Бобровъ на часы,—то мнѣ домой пора... Завтра рано вставать, на ученье идти...

— Вздоръ, вздоръ,—завопилъ Форкатти и вдругъ запѣлъ:

Отъ безсонныхъ ночей голова не болитъ,
А болитъ у того, кто не пьетъ ничего...

— Въ такомъ случаѣ у васъ никогда не заболитъ,—сердито осадила его Леля.

Digitized by Google

— Разумѣется, никогда,—согласился Форкатти.

Денисьевъ поднялся вмѣстѣ съ Бобровымъ. Ему было не по себѣ. Леля замѣтила это и не стала удерживать.

— Вамъ у меня не понравилось?—шепнула она, провожая его до дверей.

— Признаюсь, да,—со спокойной откровенностью отвѣчалъ Денисьевъ, — мнѣ кажется, что ни общество, ни тѣмъ болѣе способъ проводить время не достойны васъ... Простите за откровенность.

— Ничего, я люблю людей откровенныхъ, — улыбнулась Леля.—Приходите какъ-нибудь одни, когда у меня никого не будетъ, мнѣ хочется потолковать съ вами кое о чемъ и я надѣюсь, что вы тогда правильнѣй будете судить обо мнѣ. Приходите же, смотрите, я буду ждать.

Вмѣсто отвѣта, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ почтительно поклонился и, еще разъ пожавъ крѣпко протянутую руку Лели, поспѣшилъ догнать ушедшаго впередъ Боброва.

— Ну, что?—спросилъ тотъ, когда Денисьевъ догналъ его.— Какъ тебѣ понравилось?

На этотъ вопросъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ только пожалъ плечами, но ничего не отвѣтилъ.

IX.

Капитанъ Качаловъ уже съ недѣлю, какъ пересталъ пить. У него было свойство натуры, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ загуловъ, нѣсколько дней не касаться водки, и чѣмъ продолжительнѣй былъ загулъ, тѣмъ дольше длилось воздержаніе капитана. Въ эти періоды онъ, если и пилъ, то только пиво и дешевое бессарабское вино, не производившее на его голову никакого впечатлѣнія.

Впрочемъ, дома онъ все-таки же не сидѣлъ, а слонялся по разнымъ городскимъ вертепамъ, съ утра до ночи переполненнымъ всякимъ сбродомъ: евреями, перекупщиками, цыганами, ворами, конокрадами, поставщиками живого товара, контрабандистами и т. п. темнымъ людомъ, среди которыхъ у Качалова было много пріятелей. Оффиціальное положеніе капитана среди всего этого люда было—ходатая по дѣламъ у мировыхъ судей и составителя всякаго рода бумагъ и прошеній, въ чемъ онъ имѣлъ большой навыкъ и даже нѣчто вродѣ таланта. Но помимо этихъ занятій, дававшихъ ему скудный заработокъ и обильное угощеніе, Левъ Львовичъ промышлялъ

Digitized by Google

и другими дѣлами не столь невиннаго характера, но такъ какъ никогда еще до сей поры ни въ чемъ и ни разу не былъ уличенъ, то столкновенія съ правосудіемъ еще не имѣлъ и находился только на замѣчаніи у полиціи, не выпускавшей его изъ-подъ своего негласнаго наблюденія. Впрочемъ, полиція въ К. была настоящая провинціальная, проникнутая патріархальными традиціями. Суровая и строгая къ пріѣзжающимъ въ городъ на базаръ мужикамъ, раболѣпно-почтительная передъ богатыми и чиновными, снисходительно-добродушная къ мошенникамъ всѣхъ профессій и оттѣнковъ.

Съ такой полиціей можно было легко уживаться и Качаловъ чувствовалъ себя съ нею какъ нельзя лучше.

Была суббота. День склонялся къ вечеру и благодаря тому, что всѣ евреи сидѣли у себя по домамъ, городъ казался вымершимъ. Почти всѣ лавки и корчмы были закрыты и только изрѣдка кое-гдѣ попадались гостепріимно отворенныя двери торговыхъ заведеній, содержимыхъ греками и рѣже молдаванами.

Только въ извѣстные часы по субботамъ, проходя по безлюднымъ улицамъ К. и приглядываясь къ его временному вымиранію, можно было дать себѣ ясное представленіе, какой силой являлись въ немъ евреи. Съ прекращеніемъ ихъ дѣятельности—прекращалась всякая жизнь и городъ, точно въ сказкѣ, цѣпенѣлъ въ безмолвномъ спокойствіи. Въ цѣлыхъ кварталахъ нельзя было купить ни фунта хлѣба, ни коробки спичекъ, и за самой необходимой необходимой вещью надо было бѣжать за тридевять земель и платить втридорога, такъ какъ многіе продавцы-христіане, по преимуществу греки, пользуясь отсутствіемъ всесильной еврейской конкуренціи, спѣшили вознаградить себя съ лихвой за лишеніе большихъ барышей въ обыкновенные дни.

Особенно хорошо работали корчмы, такъ какъ по городу шаталось много празднаго люда, а кабаковъ, открытыхъ для торговли, было мало.

На одной изъ окраинъ города, въ глухомъ и пустынномъ переулкѣ, помѣщалась грязная корчма, надъ дверью которой красовалась вывѣска съ вовсе не подходящимъ названіемъ: „Прекрасныя Аѳины“.

Содержалъ эту корчму грекъ Атанасъ и во всемъ городѣ не было притона съ болѣе плохой репутаціей, чѣмъ „Прекрасныя Аѳины“, служившія мѣстомъ сборища для всякаго темнаго люда. Близость заставы, за которой, пройдя только небольшое поле, начинался густой лѣсъ, особенно благопріят-

Digitized by Google

ствовала посѣщенію корчмы разбойниками, конокрадами, грабителями и тому подобнымъ народомъ, собиравшимся сюда утолять голодъ, пропивать и проигрывать въ карты и кости награбленное добро и сговариваться для новыхъ преступленій; но такъ какъ днемъ продѣлывать все это было не такъ удобно, какъ ночью, то поэтому жизнь въ корчмѣ начиналась съ вечера, а къ разсвѣту замирала. Днемъ рѣдко посѣщали „Прекрасныя Афины“, развѣ забредетъ какой-нибудь случайный бродяга или мужичекъ изъ дальней деревни, не знающій о ея дурной славѣ, заѣдетъ выпить кружку вина и купить пачку „стамбульской махорки“.

Въ одинъ изъ такихъ безлюдныхъ часовъ, когда въ корчмѣ кромѣ самаго хозяина, огромнаго, одноглазаго мужчины, дремавшаго за стойкой, въ неуклюжихъ креслахъ, находилось всего только двое посѣтителей, уныло сидѣвшихъ по угламъ комнаты, за отдѣльными столиками, отставной капитанъ Качаловъ вошелъ въ „Прекрасныя Афины“ и, внимательно осмотрѣвшись, неторопливой походкой направился въ дальній уголъ, гдѣ сидѣлъ пожилой, бритый человѣкъ, одѣтый въ какія-то лохмотья.

Увидя подходившаго Качалова, оборванецъ поднялъ голову и, скрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, проговорилъ сиплымъ голосомъ, изобличавшимъ въ немъ безнадежнаго алкоголика.

— Что-жъ это вы, ваше высокородіе, такъ замѣшкались, я уже и ждать пересталъ.

— Дѣло было,—угрюмо буркнулъ капитанъ и, опустившись рядомъ на скамью, спиной къ двери, громко стукнулъ ладонью по столу.

— Вина!—зычнымъ голосомъ рявкнулъ онъ.

Грязный и черный, какъ навозный жучекъ, худой, какъ скелетъ, и болѣзненный на видъ, мальчишка-греченокъ торопливо принесъ большой глиняный кувшинъ и два засаленныхъ стакана.

Капитанъ собственноручно розлилъ вино и придвинувъ одинъ стаканъ оборванцу, другой себѣ—облокотился на столъ обоими локтями, понурилъ голову и произнесъ отрывисто, глядя внизъ.

— Ну?

— Что „ну“? — какъ-бы поддразнивая его, переспросилъ оборванецъ, жадно хватаясь за вино,—не нукай, не запрегъ еще. Ты вотъ что, ваше высокородіе, брось эту манеру, не

Digitized by Google

нравится она мнѣ, что ты все срыву да съ сердцемъ... Ты по хорошему, по великатному...

Онъ явно ломался, нарочно говоря простонароднымъ жаргономъ.

— Я тебѣ дамъ по „великатному“,—сверкнувъ глазами, крикнулъ капитанъ,—говори сейчасъ, зачѣмъ вызвалъ меня сюда, или я тебѣ, мерзавцу, этимъ самымъ кувшиномъ всю морду раскровяню... Понялъ?

Онъ угрожающе поднялъ и призамахнулся на оборванца тяжелымъ кувшиномъ. Тотъ струсилъ и робко-заискивающимъ голосомъ зашепталъ.

— Ну, полно, ваше высокородіе, полно, уже и разсердился... Какой горячій, сейчасъ видать, военная косточка...

— А тебя сейчасъ видать, крапивное сѣмя,—презрительно усмѣхнулся капитанъ,—мелешь-мелешь языкомъ, что жерновомъ, а никакого толку, говори короче, коли есть, что говорить.

— Кабы не было, развѣ бы я осмѣлился васъ обезпокоить,—засмѣялся оборванецъ и, наклонясь всѣмъ тѣломъ впередъ, тихо и боязливо прошенталъ:

— Фальшштейнъ въ Петербургѣ арестованъ. Слыхали?

— Эка новость,—расхохотался капитанъ,—я объ этомъ десять дней тому назадъ зналъ.

— Знали? Отъ кого?—разочарованнымъ тономъ спросилъ оборванецъ,—впрочемъ не въ этомъ дѣло. Знали, такъ знали... Ну, а еще что вамъ по этому дѣлу вѣдомо?

— Еще? Еще пока ничего.

— Такъ-съ,—самодовольно осклабился оборванецъ,—стало быть, ничего-съ... Ну, въ такомъ случаѣ мы можемъ вамъ кое что сообщить... Фальшштейнъ бѣжалъ и теперь находится здѣсь.

— Здѣсь?—изумился капитанъ.—Какимъ образомъ?

— Какимъ образомъ, я этого не знаю, да, признаюсь, меня это мало заботитъ. Бѣжалъ такъ бѣжалъ—его дѣло, а вотъ о чемъ я хочу спросить ваше высокородіе, что вы сказали бы, если-бы я предложилъ вамъ пятьсотъ рублей.

— Пятьсотъ?—задумчиво сморщилъ брови Качаловъ.— А за что?

— Помогите мнѣ захватить Фальшштейна и сдать его жандармамъ, но такъ, чтобы по крайней мѣрѣ первые три-четыре дня никто бы не зналъ.

— Кто платитъ деньги?

— Афанасопуло.

Digitized by Google

— Афанасопуло? — изумился Качаловъ. — Этотъ-то при чемъ? Ему какая забота?

— Длинная исторія. Видите-ли, когда Фальшштейнъ бѣжалъ, губернаторъ призвалъ къ себѣ Шульмеера и спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ его родственникъ и не находится ли онъ гдѣ-нибудь въ окрестности города. Шульмееръ поклялся, что Фальшштейна не только нѣтъ здѣсь, но что ему, Шульмееру, достовѣрно извѣстно, будто бы Фальшштейнъ бѣжалъ черезъ Финляндію въ Америку, о чемъ онъ ему самъ сообщилъ телеграммой. Въ подтвержденіе своихъ словъ Шульмееръ даже телеграмму показалъ губернатору, полученную имъ будто-бы изъ какого-то приморскаго города Финляндіи... Губернаторъ повѣрилъ и донесъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Афанасопуло пронюхалъ какъ-то, что Фальшштейнъ тутъ, и пришло ему на мысль захватить его и выдать жандармамъ. Этимъ онъ первымъ долгомъ докажетъ свою преданность русскому правительству, что ему, какъ греческому подданному, очень важно, а второе—подрѣжетъ своего врага и конкурента Шульмеера, скомпрометировавъ его передъ губернаторомъ и русской властью.

— Гм... вотъ оно что,—покачалъ головой капитанъ,—теперь и я понимаю, въ чемъ штука. Что-жъ,—продолжалъ онъ,—я не прочь, готовъ содѣйствовать, но чтобы мнѣ быть совершенно въ сторонѣ.

— Разумѣется,—поспѣшилъ подтвердить оборванецъ,—ваша помощь должна заключаться лишь вотъ въ чемъ. Вы должны выслѣдить его и указать намъ, а мы уже съумѣемъ захватить его. У меня такой планъ: затѣять ссору, драку и потомъ потащить его въ участокъ, будто жаловаться на буянство, а тѣмъ временемъ дать знать Афанасопуло, а тамъ ужъ его дѣло, самому пріѣхать или жандармскому офицеру сообщить. Ловко придумано?

— Ловко,—согласился капитанъ,—но гдѣ мнѣ его выслѣдить?

— Онъ скрывается въ цыганскомъ таборѣ и иногда бываетъ здѣсь... Я бы самъ его выслѣдилъ, но плохо знаю въ лицо, боюсь ошибиться. Вамъ-же онъ, какъ мнѣ извѣстно, хорошо знакомъ... Вы его въ разныхъ костюмахъ видали—не ошибетесь, я думаю.

— Разумѣется, не ошибусь, только бы увидать. Но странно, почему онъ не бѣжитъ заграницу?

— Должно, какія-нибудь дѣла задерживаютъ, или ожидаетъ, когда на границѣ немного успокоится... Теперь тамъ о

Digitized by Google

его побѣгѣ уже извѣстно и, на первыхъ порахъ, караулять во всѣ глаза, а пройдетъ мѣсяцъ, надзоръ поослабнетъ—онъ и прошмыгнетъ.

— Пожалуй, такъ. Ну, стало быть, что-жъ мнѣ надо дѣлать?

— Да пока что, почаще навѣдываться сюда и выжидать. Я тоже тутъ буду околачиваться. Придетъ онъ, ты мнѣ и укажи—вотъ молъ онъ,—а ужъ тамъ видно будетъ. Ежели нельзя будетъ тогда же устроить облаву, въ другой разъ устроимъ... Главное дѣло—выслѣдить. По рукамъ?

— По рукамъ? А деньги когда и какъ?

— Деньги получишь отъ меня. Надѣюсь, вѣришь?

— Въ нашемъ дѣлѣ безъ довѣрія нельзя,—усмѣхнулся капитанъ,—хоть плачь, да вѣрь... Вѣрю, чортъ съ тобой...—заключилъ онъ, сильно хлопнувъ рукой по ладони оборванца.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Манчжурскій вопросъ. [1]

Въ послѣднее время въ повременной печати по поводу судьбы Манчжуріи или совсѣмъ ничего не пишутъ, или же весьма осторожно, почти робко намекаютъ на возможность оставленія нами этого края, южная часть котораго послужила недавно ареной кровавой борьбы двухъ государствъ. Правда, борьба эта велась въ сущности не изъ-за южной Манчжуріи и даже не изъ-за Портъ-Артура съ Квантунской областью, на занятіе которыхъ нами послѣ побѣдоносной войны Японіи съ Китаемъ первая имѣла полное основаніе выразить свое неудовольствіе. Но вѣдь кому же охота докапываться до корня вещей, до глубокихъ историческихъ причинъ только что закончившейся кровавой распри? Хлесткія статьи по поводу манчжурской эпопеи, въ которыхъ мы бичуемъ сами себя, оплевываемъ себя, забрасываемъ грязью все намъ родное, не стараясь найти истинную причину несчастья, а сваливая все на лицъ, вродѣ Безобразова e tutti quanti, которыя вовсе не играли первой роли во всемъ этомъ грустномъ дѣлѣ. Эти хлесткія статьи мы читаемъ нарасхватъ; статьи серьезныя, характера нетенденціознаго, обречены остаться въ журналахъ неразрѣ-

[1]) Русское дѣло на Дальнемъ Востокѣ слѣдуетъ отстоять во что бы то ни стало, независимо отъ какихъ бы то ни было партійныхъ программъ: это дѣло общее, государственное и притомъ относящееся до внѣшней политики по преимуществу. Мнѣ хотѣлось бы, конечно, чтобы мои взгляды встрѣтили сочувствіе и поддержку; но уже и то будетъ большимъ успѣхомъ, если статью прочтутъ и обсудятъ. Можетъ быть, я и не правъ, заблуждаюсь, ошибаюсь. Но мой голосъ, голосъ мѣстнаго обывателя, такъ сказать, очевидца—долженъ же быть выслушанъ. Не до скончанія же вѣка окраинные вопросы будутъ рѣшаться на основаніи предвзятыхъ соображеній, создавшихся въ отдаленныхъ центрахъ, имѣющихъ или крайне туманное, или просто превратное понятіе объ окраинахъ, о нашихъ тамъ задачахъ, о нуждахъ тамошнихъ обывателей, лишенныхъ права отстаивать свои интересы въ общенародной Думѣ?

Не ставьте, господа, мнѣ въ упрекъ, что я, быть можетъ, расхожусь съ вами въ политическихъ убѣжденіяхъ. Есть нѣчто выше, нѣчто такое, что должно быть дороже всего, ради чего можно поступиться и партійной тактикой, и партійной нетерпимостью. Все, что ко благу родины,—хорошо, что во вредъ—должно быть отвергнуто. *Авторъ.*

Digitized by Google

заннымп. Таковъ историческій моментъ. Мы живемъ сейчасъ нездоровой жизнью. мы горимъ. Мы сознательно прожигаемъ свою жизнь, задавшись цѣлью въ одинъ годъ пережить два столѣтія. Такова ужъ славянская натура. Что намъ исторія, что намъ наука? Спокойно и объективно мы мыслить не умѣемъ. Надъ нами властвуетъ чувство, и мы ему отдаемся всецѣло. Мы готовы въ полгода пережить пять-шесть революцій, для которыхъ французамъ, народу, кажется, наиболѣе экспансивному, все же потребовалось бы лѣтъ двѣсти. И вотъ, когда въ насъ заговорило чувство, разсудокъ молчитъ: мы мчимся, какъ въ бѣшеной скачкѣ—безъ оглядки назадъ, не задумываясь серьезно о будущемъ и ужъ совсѣмъ забывая о прошедшемъ. Разумъ—это потомъ. Вотъ погодите, наскачемся, натворимъ ворохъ всякихъ несуразностей, тогда начнемъ одумываться. А подъ горячую руку намъ никто не попадайся. Придетъ время—успокоимся, начнемъ почесывать у себя въ затылкѣ, тогда съ нами можно и серьезно поговорить. Это ужъ у насъ въ характерѣ.

И слава Богу, что вершить судьбу Манчжуріи придется не сейчасъ, а когда страсти поулягутся, взволновавшееся море нѣсколько успокоится и періодъ стихійныхъ безпорядковъ придетъ къ концу. Вѣдь только при этихъ условіяхъ можетъ собраться на совѣщаніе наше высшее законодательное учрежденіе, которое и обсудитъ,—можетъ быть, даже въ первую очередь, — какъ намъ поступить съ Манчжуріей. Въ запальчивости и раздраженіи можно, конечно, рѣшать всякіе вопросы, но здравое рѣшеніе въ этомъ случаѣ можетъ получиться только совершенно случайно; въ спокойномъ же состояніи человѣку свойственно обдумывать вопросъ и долго, и добросовѣстно, прежде чѣмъ изречь сужденіе. Основательно, слѣдовательно, ожидать, что и Дума наша вопросъ относительно Манчжуріи обсудитъ тщательно, принявъ во вниманіе и тѣ денежныя средства, которыя на нее затрачены, и тѣ сотни тысячъ жизней, которыми родина наша заплатила за этотъ край,—и, можетъ быть, однѣ эти грандіозныя жертвы будутъ служить достаточнымъ аргументомъ за то, чтобы рѣшиться удержать этотъ край за собой.

Надо думать, надо вѣрить, надо надѣяться, что въ этомъ высокомъ учрежденіи соберутся люди, искренно любящіе свою родину, которые возьмутъ на себя тяжелую задачу законодательства только тогда, когда убѣдятся въ собственной своей подготовленности. И вотъ, когда наконецъ вопросъ о Манчжуріи будетъ обсуждаться не въ кабинетахъ архаическихъ канцелярій, а передъ лицомъ всего народа, имѣющаго право потребовать отчетъ, куда, зачѣмъ и почему истрачено столько его денегъ, загублено столько жизней,—тогда, надо вѣрить, настанетъ конецъ всѣмъ этимъ разнорѣчивымъ проектамъ, возникавшимъ въ головахъ разныхъ начальниковъ канцелярій, изъ которыхъ одни не были совсѣмъ въ Манчжуріи, другіе изучали ее только изъ окна вагона, совершая командировочную поѣздку для ознакомленія съ вопросомъ на мѣстѣ. И вѣдь

Digitized by Google

надо только подумать, на какой почвѣ — на почвѣ личныхъ расчетовъ, личныхъ выгодъ, мелкаго самолюбія, интригъ, коварства, зависти и злобы возникали эти государственные проекты. Люди боролись изъ-за власти, изъ-за вліянія, изъ-за карьеры... А родина, ея выгоды, ея интересы—гдѣ они? Думали-ли о нихъ, сообразовались-ли съ ними?

И, прежде всего, кто вѣдалъ эти вопросы, кто составлялъ эти проекты? Отъ кого зависѣло повернуть дѣло въ ту или другую сторону? Принимались-ли въ соображеніе интересы государственные, народные, или же больше вѣсу имѣли личные, частные расчеты, интересы отдѣльной кучки людей? Вѣрно-ли, справедливо-ли, что г.г. Безобразовы и К°, какъ это въ рядѣ статей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ доказывалъ г. Гурьевъ, стараясь выгородить Витте,—имѣли первенствующее вліяніе на дѣла Дальняго Востока? Все это, конечно, очень важно, очень интересно обсудить для исторіи пережитой нами эпохи отъ занятія Квантуна до Портсмутскаго позора включительно. Но не болѣе-ли важно, особенно теперь, когда уже все кончено, когда уже прошедшаго не вернуть, не болѣе-ли важно, оставивъ исторію для историковъ, обратиться къ современному положенію вещей и не подъ вліяніемъ справедливаго негодованія къ виновникамъ постигшихъ насъ несчастій, а съ мыслью о будущемъ, о тѣхъ лучшихъ дняхъ, когда уже невозможны будутъ такія авантюры, какъ лѣсныя концессіи, поставки Цимермана и К° и т. д.,—не болѣе ли важно для насъ обсудить вопросъ о Манчжуріи спокойно и безпристрастно?

Не все ли теперь равно, какъ и почему создалось настоящее положеніе вещей, благодаря которому все еще существуетъ въ Манчжуріи линія желѣзной дороги, связывающая кратчайшимъ путемъ Сибирь съ единственнымъ незамерзающимъ [1]), удобнымъ портомъ на крайнемъ Востокѣ; линія, вдоль которой разселилось очень и очень рѣдкое русское населеніе и стоятъ и будутъ стоять въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ войска для ея охраны; линія, вѣтвь которой, наиболѣе выгодная для общества Китайской Восточной желѣзной дороги, связывала до войны Харбинъ съ Артуромъ и Дальнимъ, причемъ общество желѣзной дороги вело неустанную борьбу съ исторически развившимся портомъ Инкоу, дѣятельность и значеніе котораго никакіе тарифы не могли забить, который продолжалъ посылать товары изъ своихъ складовъ гужомъ, на лошадяхъ, когда желѣзная дорога бойкотировала ихъ,—который навѣрное будетъ продолжать таковую дѣятельность и теперь, если японцы окажутся столь же близорукими, какъ мы, и повторятъ безплодную попытку зазывать въ Дальній пароходы, везущіе свои товары въ Инкоу. Богъ знаетъ! Времена мѣняются... Такъ вотъ не все ли равно, какъ это создалось, какъ все это случилось, и почему, и кто тутъ виноватъ. Повторяю,

---

[1]) Извѣстно уже давно, что съ помощью двухъ-трехъ ледоколовъ, конечно надлежащей конструкціи, владивостокская гавань круглый годъ можетъ быть свободна ото льда.

Digitized by Google

предоставимъ историкамъ писать исторію... Но далеко не все равно, пойдетъ ли дѣло такъ и впредь, какъ шло раньше. Будетъ ли продолжаться тотъ порядокъ, при которомъ интересы государственные такъ перепутаны съ интересами частныхъ обществъ и частныхъ лицъ, что положительно не разберешься, гдѣ кончается роль послѣднихъ и гдѣ начинается область государственныхъ интересовъ? И въ чемъ тутъ суть, и почему государство съ такой настойчивостью приноситъ гекатомбы жертвъ на поляхъ Манчжуріи?

Или ему не дороги милліарды народныхъ денегъ и безчисленное количество потухшихъ жизней лучшихъ сыновъ нашей страны? Вѣдь не ради же интересовъ миѳическаго общества кит.-вост. жел. дороги будемъ мы держать теперь на Дальнемъ Востокѣ дорого стоющую армію и рисковать—быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ—новой войной съ той же Японіей или съ другимъ народомъ?

И для чего мы заняли эту страну? Чтобы торговать съ нею? Чтобы возить чрезъ ея степи и горы къ далекому океану груды заготовленныхъ внутри Россіи товаровъ въ обмѣнъ на заморскіе? Чтобы колонизировать страну, разселивъ въ ней наше оскудѣвшее крестьянство? Чтобы разрабатывать ея природныя богатства, добывать изъ нѣдръ земли дорогіе минералы? Вотъ теперь намъ понадобилась и Монголія. Съ живѣйшимъ интересомъ мы готовы, какъ будто, взяться за изученіе и изслѣдованіе этого невѣдомаго края, этой безграничной, почти ровной степи съ бродячимъ пастушескимъ населеніемъ. Зачѣмъ все это? Что мы будемъ дѣлать въ Монголіи? Покупать скотъ? Ввозить товары? А кто ихъ будетъ покупать? Или мы и Монголію собрались колонизировать?.. И, наконецъ, кто будетъ осуществлять эти колонизаторскіе и торговые проекты? Общество китайской дороги? Или наши министерства? Дума, наконецъ? Но вѣдь Дума въ состояніи разсмотрѣть и правильно оцѣнить только разработанный проектъ, обоснованный на цѣнныхъ и дѣствительныхъ данныхъ, и, наконецъ, надо надѣяться, что только тотъ проектъ можетъ получить ея одобреніе, который будетъ согласованъ съ интересами народа, который будетъ содѣйствовать государственному благосостоянію, а не подрывать его. А то вѣдь это такъ просто—передать дѣло въ вѣдѣніе общества китайск. дороги, у него же къ тому есть и подлежащее учрежденіе: коммерческая часть съ его агентствами, на обязанности которыхъ какъ разъ лежитъ изучать и изслѣдовать здѣшнія страны. Чего, казалось бы, проще? Но только не лучше ли, не цѣлесообразнѣе ли будетъ отдѣлить область, которую должно вѣдать общество желѣзной дороги, отъ области, подлежащей вѣдѣнію государственныхъ учрежденій? И это все равно, въ какой бы мѣрѣ близости ни стояло это общество къ государственному казначейству и разнымъ нашимъ финансовымъ учрежденіямъ. Вѣдь считаемъ же мы необходимымъ и вполнѣ отвѣчающимъ народному благу раздѣленіе дѣятельности высшихъ учрежденій нашихъ? Создали же мы самостоятельныя министерства съ отграничен-

Digitized by Google

ными сферами дѣятельности? Казалось бы, совершенно основательно было и дѣятельность правленія общества кит. дороги ограничить строго опредѣленными рамками. Правда, правленіе это въ большой мѣрѣ подчинено министерству финансовъ, быть можетъ, даже находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ него. Но хорошо ли это? А между тѣмъ такой порядокъ вещей уже далъ себя почувствовать весьма и весьма сильно и далеко не въ пользу и не къ благу нашей родины.

I.

Я здѣсь хочу прежде всего остановиться на вопросѣ о колонизаціи Манчжуріи. О ней говорили, о ней писали очень мало въ періодической печати и очень много въ разныхъ подлежащихъ и неподлежащихъ канцеляріяхъ. И еще теперь можно бы было покопаться въ ихъ архивной пыли, если бы кому-нибудь пришло въ голову заняться приведеніемъ въ систему гніющихъ и истлѣвающихъ тамъ всевозможныхъ докладовъ, докладныхъ записокъ, мнѣній, справокъ, отчетовъ, проектовъ. Не знаю однако, былъ ли бы отъ того какой толкъ: все это такъ запутано, такъ разнорѣчиво и прежде всего такъ безсистемно, что, я полагаю, привести всю эту груду дѣлъ въ систему такъ и не удалось бы.

Незадолго передъ войной, именно въ 1903 году, была сдѣлана попытка подойти къ вопросу колонизаціи Манчжуріи,— я не говорю: разрѣшить его, а именно подойти, потому что тогдашнему проекту такъ и суждено было остаться въ области первоначальныхъ соображеній и подготовительныхъ работъ. И это не потому, что намъ тогда помѣшали японцы. То есть, они, конечно, помѣшали бы: во время войны было бы не до такихъ проектовъ; но вѣдь дѣло провалилось еще до войны.

Я здѣсь веду рѣчь объ идеѣ, а не объ ея осуществленіи. Отвергнута была самая идея, когда политическій горизонтъ былъ еще достаточно чистъ, китайцы были покладисты, кредитъ заграницей еще не былъ испорченъ, революція еще не начиналась; словомъ, проектъ могъ бы быть осуществленъ и, можетъ быть, въ очень даже широкихъ размѣрахъ [1]), если бы не помѣшала война. Но, къ сожалѣнію, онъ провалился еще до войны.

Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ (впослѣдствіи намѣстникъ) пользовался громаднымъ вліяніемъ въ нашихъ правящихъ сферахъ и поддерживалъ проектъ. Въ тиши канцеляріи созда-

[1]) Я здѣсь не останавливаюсь ни на способахъ выполненія проекта, ни на оцѣнкѣ его размѣровъ, я говорю лишь объ идеѣ въ возможности, вообще. Осуществленіе проекта на практикѣ встрѣтило бы большія затрудненія во времени и пространствѣ.

Digitized by Google

лась и выросла идея переселенія въ Манчжурію милліона семей изъ россійскихъ предѣловъ съ надѣленіемъ ихъ здѣсь землею, съ выдачей субсидій на первое обзаведеніе. Милліонъ семей! Какой масштабъ! Вѣдь это же цѣлое маленькое государство, населеніе двухъ губерній такихъ, какъ Тамбовская. Какой проектъ, какой проектъ!

Помню, въ ту пору спрашивали меня кое-кто изъ солдатъ, зачѣмъ это провели тутъ желѣзную дорогу, зачѣмъ мы вообще пришли въ Манчжурію? Какъ мнѣ было просто и легко отвѣчать на эти вопросы! Семейства ихъ тамъ, гдѣ-то, въ Россіи, живутъ въ тѣснотѣ, на малыхъ клочкахъ земли,—вотъ онъ просторъ-то, вотъ онѣ, тѣ земли, которыхъ имъ не хватаетъ. И глаза спрашивавшихъ искрились, они приставали съ новыми вопросами: „да какъ? да когда?“—Вотъ, подожди, дай сроку все устроить...

Милліонъ семействъ! Какой контингентъ новобранцевъ, запасныхъ, ополченцевъ всѣхъ категорій способно было бы дать такое населеніе отдаленной колоніи! Вѣдь если бы этотъ проектъ осуществился, намъ не страшна была бы война съ Японіей, потребовавшая безконечно долгой перевозки арміи по одноколейной дорогѣ. Уже китайцы не стали бы наивно спрашивать: „Чего это ваши войска вози, вози, японцы ихъ руби, руби, а ваши опять вози“? Тутъ сразу, подъ рукой была бы большая армія. И какая армія! Армія, состоящая изъ людей, которые смотрѣли бы на объявленіе войны Японіей, какъ на посягательство на ихъ личные интересы. Люди шли бы въ бой съ врагомъ, одухотворенные весьма естественнымъ желаніемъ отстоять свои дома, свои пожитки, жизнь и имущество своихъ родныхъ. Такія чувства и ближе, и понятнѣе, чѣмъ идея политическаго могущества и даже нежели идея объ отечествѣ. Словомъ, осуществи мы этотъ проектъ заселенія Манчжуріи, все, можетъ быть, было бы иначе. А то во время войны задавали мнѣ вопросы солдаты, зачѣмъ эта война и что намъ Манчжурія,—ну, что имъ отвѣтишь?...

А тогда было не такъ. Само правленіе дороги, повидимому, шло навстрѣчу этому проекту. Оно торопило отдѣлъ отчужденія закончить поскорѣе дѣло экспропріаціи земель для нуждъ желѣзной дороги. Убѣдившись въ томъ, что дѣятельность бюро чрезвычайно непродуктивна, постигнувъ изъ отчетовъ, что, несмотря на истекшія нѣсколько лѣтъ, несмотря на истраченные милліоны,—земель, предназначенныхъ къ отчужденію, къ 1903 году было отчуждено всего 3%, правленіе дороги рѣшило пригласить человѣка, хорошо ознакомленнаго съ дѣломъ, который ускорилъ бы столь важную операцію и, умудренный опытомъ, повелъ бы дѣло съ полнымъ тщаніемъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Идея ген.-ад. Алексѣева удостоилась, такъ сказать, одобренія правленія общества Кит. дороги. Подыскали подходящаго человѣка, завѣдывающаго Амурской переселенческой партіей Каффку, и пригласили его произвести подготовительныя работы, чтобы, чтобы... посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Взявъ съ собой нѣсколько

Digitized by Google

землемѣровъ и производителя работъ, Каффка прибылъ въ Манчжурію. Ознакомившись со страной и придя къ заключенію на основаніи различныхъ соображеній, что наиболѣе подходящей областью для колонизаціи могла бы служить полоса земли, прилегающая къ западной линіи дороги, Каффка командировалъ землемѣровъ для производства съемокъ въ разныхъ пунктахъ линіи. Были, впрочемъ, произведены съемки и на восточной линіи и отчасти на южной. Но особенное вниманіе было обращено на западную часть Манчжуріи, которая, будучи безлюдной, конечно болѣе соотвѣтствовала колонизаціоннымъ цѣлямъ.

Къ тому времени относятся переговоры Отдѣла отчужденія съ выборными отъ племени салоновъ, переговоры, закончившіеся заключеніемъ какого-то договора о пріобрѣтеніи обширной площади земель, въ басейнѣ рѣки Ялу. Китайцы въ то время охотно отдавали въ пользованіе желѣзной дороги земли, прилегавшія къ ней. Отчужденіе можно было производить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. За земли, не принадлежавшія частнымъ лицамъ, а составлявшія собственность китайской казны, дорога ничего не платила, за частныя земли была высо[illegible] цѣна только на югѣ, въ другихъ мѣстахъ таксировка была не высока [1]), а на западѣ почти сплошь шли однѣ казенныя земли. Дѣло обѣщало дать благопріятные результаты [2]). Партія Каффки составила планы, начертила на нихъ проекты надѣловъ въ количествѣ 15 десятинъ на дворъ. Не былъ еще вырѣшенъ вопросъ, давать ли по 15 десятинъ или же по 30 на каждую семью. Были запрошены забайкальскіе казаки, не пожелаютъ ли иные изъ нихъ переселиться на извѣстныхъ условіяхъ въ Манчжурію. Забайкальцамъ надѣлъ показался малымъ, и они отказались. Можно было бы, конечно, найти другихъ переселенцевъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи и среди запасныхъ на Дальнемъ Востокѣ. Только кликнули бы кличъ, а желающіе нашлись бы!

Конечно, милліонъ семей переселить не такъ-то легко и просто. При правительственной опекѣ и при существующей волокитѣ нашихъ канцелярій, такое переселеніе, потребовавъ громадныхъ денегъ, едва-ли дало-бы благопріятные резуль-

---

[1]) Вонъ такса земель по разрядамъ:

1) Земли высокой культуры и усадеб. . .	за шанъ	50—90	р.
2) Пашня	» »	45	»
3) Лугъ съ кустарникомъ	» »	30	»
4) Лугъ безъ кустарника	» »	15	»
5) Болото, пески, дороги	» »	безплатно.	

Шанъ=1555,2 кв. саж.—для запада и юга; на востокѣ для ровнаго счета принимали шанъ за 1620 кв. саженей.

[2]) Долженъ оговориться, что г. Каффка, въ виду доклада агронома—его производителя работъ, былъ не особенно высокаго мнѣнія о качествѣ здѣшнихъ земель. Я думаю, что агрономъ искалъ здѣсь черноземъ, а нашелъ глину и потому вывелъ свое безотрадное заключеніе. Но здѣшняя глина родитъ самъ 30—40, а нашъ черноземъ даетъ впятеро—вдесятеро худшіе урожаи. Нужны, разумѣется, и не наши орудія, и не наша обработка. Впрочемъ, разсужденія объ этомъ выходятъ изъ рамокъ настоящей статьи.

Digitized by Google

таты. Я лично придерживаюсь мнѣнія, что переселеніе вообще должно быть производимо по доброй волѣ и безо всякаго пособія отъ казны, ибо для успѣшности колонизаціи нужны люди энергичные, способные, трудолюбивые, не боящіеся борьбы съ нуждой и умѣющіе устраиваться безъ подачекъ. Другой вопросъ—о льготахъ по отбыванію воинской повинности въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ—вопросъ очень важный и очень, въ сущности, щекотливый, потому что, выселяя населеніе на неспокойныя окраины, государству естественно принимать въ расчетъ военныя цѣли и даже ихъ-то въ особенности. Тутъ мы встрѣчаемся какъ-бы съ противорѣчіемъ: съ одной стороны—для привлеченія переселенцевъ надо имъ дать льготы по воинской повинности, съ другой—именно на окраинѣ такая нужда въ солдатахъ мѣстнаго призыва. Я не берусь разрѣшить это противорѣчіе, точно такъ же, какъ не согласился бы подписаться подъ проектомъ о переселеніи въ Манчжурію милліона семей средствами государства. Самую колонизацію я понимаю нѣсколько иначе и смотрю на дѣло гораздо шире. Думаю однако, что вопросъ объ охранѣ окраинъ тѣсно связанъ съ развитіемъ коммуникацій.

Можно утверждать одно, что наши манчжурскія затѣи не имѣли бы никакого смысла, никакого оправданія, если бы мы не мечтали о прочномъ занятіи страны, потому что только при этомъ условіи можно было бы разсчитывать на то, чтобы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ край этотъ пересталъ поглощать ежегодно крупную часть нашего бюджета. Занявъ его исключительно съ цѣлями стратегическими и торговыми и не дѣлая попытки его колонизовать, мы играли бы очень опасную игру, рискуя потерять и его, этотъ дорого стоящій край, и сосѣднія съ нимъ отдаленныя наши области.

Но какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ, его государственное значеніе несомнѣнно. Такъ смотрѣли на дѣло намѣстникъ и Каффка. Послѣдній, будучи самъ чиновникомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, имѣлъ, конечно, указанія отъ своего министерства, получалъ указанія отъ намѣстника, руководился собственными взглядами и убѣжденіями и наконецъ получалъ извѣстныя предположенія и указанія отъ Правленія Общества Китайской Восточной дороги. И прежде всего Каффка считалъ, что заселеніе Манчжуріи, надѣленіе здѣсь русскихъ людей землей, особенно въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это тогда предполагалось, всего правильнѣе и цѣлесообразнѣе было бы передать въ вѣдѣніе того учрежденія, которому надлежитъ объ этомъ заботиться преимущественно, т. е. въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и ген.-ад. Алексѣевъ. Правленіе же дороги держалось другихъ взглядовъ. Оно считало, что заселеніе Манчжуріи непосредственно связано съ тѣми задачами, которыя преслѣдуетъ Общество Китайской Восточной желѣзной дороги, можетъ и должно быть осуществлено въ тѣхъ предѣлахъ и на тѣхъ основаніяхъ, какіе Общество признаетъ для себя наи-

Digitized by Google

болѣе выгодными и удобными. Словомъ, Общество смотрѣло на колонизацію Манчжуріи, какъ на вопросъ чисто хозяйственнаго характера, относящійся непосредственно къ эксплоатаціи линіи, тѣсно связанной съ эксплоатаціей прорѣзываемой ею страны. Оно соглашалось оставить Каффкѣ мундиръ министерства земледѣлія, оно соглашалось оставить на службѣ министерства земледѣлія даже нѣсколькихъ служащихъ, ближайшихъ помощниковъ Каффки; но на передачу дѣла въ вѣдѣніе министерства оно ни въ какомъ случаѣ не могло согласиться. Чтобы убѣдить Каффку согласиться принять завѣдываніе дѣломъ на этихъ условіяхъ, правленіе Общества не останавливалось передъ затратами: оно предложило Каффкѣ самому выработать штаты новаго учрежденія, оно заранѣе утверждало эти штаты, но только съ тѣмъ, чтобы министерство земледѣлія было тутъ не при чемъ. Оно не могло примириться со вторженіемъ въ ея вѣдомство,—вѣдомство частнаго общества,—учрежденія государственнаго. Наконецъ, правленіе прямо и откровенно разсматривало вопросъ исключительно съ точки зрѣнія интересовъ Общества, отвергая вмѣшательство государства. Оно признавало, что манчжурскій вопросъ есть вопросъ чрезвычайной государственной важности: государство должно давать деньги, посылать войска для охраны линіи, содержать флотъ на Дальнемъ Востокѣ и т. д.; но вмѣшиваться въ дѣятельность Общества, въ его внутренніе порядки оно не должно.

Съ точки зрѣнія Общества дороги, это совершенно логично и послѣдовательно. И если оно будетъ и дальше дѣйствовать въ такомъ же направленіи, то не будетъ ничего удивительнаго, если въ одинъ прекрасный день мы узнаемъ, что Общество дороги, найдя для себя невыгоднымъ по какимъ-нибудь причинамъ дальнѣйшую дѣятельность желѣзнодорожнаго предпріятія, войдетъ, напримѣръ, въ сношенія съ какимъ-нибудь иностраннымъ обществомъ, или хоть съ Китаемъ, или съ Японіей,—въ переговоры о продажѣ за ту или другую цѣну всего предпріятія. Вѣдь мóгла же появиться въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“ статья, въ которой доказывалась совершенная ненужность намъ Манчжуріи. „Харбинскій Вѣстникъ“ — органъ желѣзнодорожный, оффиціальный, онъ проводитъ взгляды правленія Общества, это его задача. И если въ ней, въ этой оффиціальной желѣзнодорожной газетѣ, возможно появленіе такой статьи, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, то возможно и дальнѣйшее развитіе изложенныхъ тамъ мыслей до ихъ осуществленія включительно.

Но какъ бы то ни было, право или не право было правленіе Общества Китайской дороги, разсматривавшее проектъ общегосударственной важности съ точки зрѣнія хозяйственныхъ своихъ интересовъ, ему не удалось удержать у себя на службѣ Каффку и его партію. Не соблазнившись предложеннымъ ему большимъ окладомъ содержанія, Каффка вернулся продолжать службу на Амуръ, удовольствовавшись скромнымъ жалованьемъ отъ своего министерства, но не поступив-

Digitized by Google

шись своими убѣжденіями. Конечно, Обществу не трудно было подыскать другого, болѣе покладистаго человѣка на мѣсто Каффки, но тутъ въ воздухѣ запахло войной, которая и не замедлила разразиться. Дѣло колонизаціи было окончательно забыто, и точка зрѣнія правленія Общества нашла свое оправданіе, такъ сказать, въ самомъ порядкѣ вещей, созданномъ военными событіями. Вмѣсто колонизаціи принялись осуществлять простую эксплоатацію земель.

II.

Правда, правленіе не отказалось окончательно отъ прежняго, болѣе широкаго, проекта, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ тѣми цѣлями, какъ это предполагалъ сдѣлать намѣстникъ. Оно оставило въ смѣтѣ предназначеннаго къ сформированію земельнаго отдѣла двѣсти тысячъ рублей на раздачу пособій поселенцамъ, которыхъ предположено было вербовать изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, преимущественно бывшей охранной и пограничной стражи. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1904, и 1905 годы) кредитъ этотъ не былъ даже затронутъ. Въ нынѣшнемъ году этой цифры уже нѣтъ въ бюджетѣ отдѣла, и если она входила въ смѣту предшествовавшіе два года, то это, повидимому, было одно лишь недоразумѣніе. Въ сущности, еще въ 1904 г. рѣшено было ограничиться устройствомъ поселковъ, маленькихъ городковъ при всѣхъ станціяхъ и разъѣздахъ желѣзной дороги. Дѣло повели чисто хозяйственнымъ способомъ, безо всякой помѣхи или вмѣшательства со стороны нынѣ уже упраздненнаго министерства земледѣлія. Сформировали подвижную комиссію съ большимъ штатомъ: представитель службы пути, секретарь, дѣлопроизводитель, конторщики, техники, переводчикъ, десятники, артельщикъ и т. д. Всѣмъ платили большое жалованье, суточныя. Для жилья приспособили нѣсколько теплушекъ, устроили въ нихъ кухню, столовую. Кто былъ рангомъ повыше, жилъ въ пульмановскомъ вагонѣ перваго-второго класса. И цѣлый поѣздъ началъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто, со станціи на станцію, производя раздачу участковъ въ аренду на мѣстѣ. Кажется, все было сдѣлано, забыли только объ одномъ пустомъ обстоятельствѣ, забыли дать хорошіе и вѣрные планы. А планы были, и на нихъ начертили проекты поселковъ. Вся бѣда только въ томъ, что планы эти, изготовленные въ отдѣлѣ отчужденія за время его продолжительной дѣятельности, оказались совершенно непригодны. Что тутъ дѣлать? Комиссія уже образована, все дѣло налажено, и вдругъ нѣтъ плановъ. Рѣшено было сдѣлать планы. Послали землемѣровъ отдѣла отчужденія, командировали землемѣровъ земельнаго отдѣла, стали изготовлять планы. А комиссія ждала недѣлями въ бездѣйствіи по станціямъ, пока изготовлялись планы.

Это уже не была колонизація съ затратой извѣстной суммы

Digitized by Google

денегъ; тутъ собирались, наоборотъ, получать доходы. Ожиданія, впрочемъ, какъ это бываетъ зачастую, не оправдались. Комиссія поглотила двухгодовой доходъ тѣхъ самыхъ участковъ, которые она сдала въ аренду; а если къ расходамъ на комиссію прибавить ту сумму, которая пошла на содержаніе землемѣровъ отдѣла отчужденія и земельнаго отдѣла, то расходъ на всю затѣю еще болѣе увеличится. Конечно, этотъ расходъ случился только одинъ разъ, единовременно, а тамъ ужъ потекутъ одни доходы. Теперь вѣдь не понадобится уже такой массы служащихъ, такой уймы денегъ на эксплоатацію. Давай Богъ! Впрочемъ, если это интересъ чисто хозяйственный, если это дѣло относится до внутренняго распорядка въ учрежденіяхъ Общества Китайской дороги, то и намъ совсѣмъ до него дѣла нѣтъ: какъ хотите, такъ и устраивайтесь.

Сдается мнѣ однако, что это не такъ и что дѣятельность Общества дороги въ большой мѣрѣ касается интересовъ еще большаго общества, русскаго общества, русскаго народа. Что бы тамъ ни говорили, какую бы кличку ни давали этому желѣзнодорожному предпріятію, на чьи бы деньги оно ни было создано, коль скоро Россія затратила столько денегъ и жизней на удержаніе за собою страны, по которой идетъ желѣзная дорога, она, Россія, вправѣ требовать отчета отъ этого Общества, она вправѣ контролировать и направлять дѣятельность его.

III.

Пора кончить играть въ жмурки. Давно пора разоблачить всѣ эти секреты, которые ни для кого за границею не тайна; только отъ русскаго народа зачѣмъ-то скрываютъ истину. Пора передать эту дорогу въ непосредственное вѣдѣніе подлежащихъ государственныхъ русскихъ учрежденій и этимъ сразу разрѣшить всѣ наболѣвшіе вопросы о дѣятельности миѳическаго общества. Государственные вопросы должны вѣдаться государствомъ. И вопросъ о заселеніи Манчжуріи, хотя бы даже объ этихъ мелкихъ городскихъ поселкахъ по станціямъ, долженъ также подлежать вѣдѣнію государства. И если бы это было сдѣлано раньше, если бы дѣло заселенія Манчжуріи, хотя бы въ тѣхъ миніатюрныхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаютъ теперь, взяло на себя государство, каждый русскій, пожелавшій поселиться и основаться здѣсь, въ Манчжуріи, чувствовалъ бы себя несравненно спокойнѣе. Онъ зналъ бы, что позади него стоитъ государственная власть, блюдущая его интересы, а не частное общество съ его эксплоатаціей. Государство могло, можетъ быть, и поступиться выгодами эксплоатаціи въ высшихъ цѣляхъ. Оно могло устроить самое дѣло гораздо надежнѣе. Наконецъ, при непосредственныхъ переговорахъ съ китайцами, которыхъ вѣдь все равно не обманешь, государство могло бы имѣть несравненно боль-

Digitized by Google

шіе шансы на успѣхъ. И, надо надѣяться, при правильной постановкѣ вопроса не должно было бы случиться, чтобы общество дороги отдавало въ аренду частнымъ русскимъ предпринимателямъ подъ постройку домовъ тѣ участки земли, которыми оно само еще не имѣетъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію,—какъ это имѣло мѣсто въ Имяньпо, на Пограничной, въ Эхо и т. д. Надо надѣяться, что, чувствуя себя отвѣтственнымъ передъ правительственной властью, правленіе общества не могло бы такъ поставить дѣло отчужденія земель въ Манчжуріи, что, истративъ милліоны, оно почти ничего на нихъ не сдѣлало. Съ 1897 года по сіе время едва успѣли только приступить къ закрѣпленію земель за желѣзной дорогой на долгосрочномъ арендномъ правѣ. А между тѣмъ, эти земли, еще не принадлежащія желѣзной дорогѣ, она уже эксплоатируетъ.

Интересно знать, какой оборотъ можетъ принять теперь дѣло отчужденія земель и устройства поселковъ по линіи дороги, если переговоры въ Пекинѣ [1]) будутъ неблагопріятны? И отъ чьего имени ведутся тамъ переговоры? Неужели все по прежнему отъ имени общества Китайской Восточной желѣзной дороги? Вѣдь этакъ, пожалуй, даже харбинскіе домовладѣльцы могутъ быть неспокойны за свое имущество. Правда, земляп одъ Харбинъ отчуждена окончательно,—онъ составляетъ пріятное исключеніе,—но огромная часть харбинской территоріи пріобрѣтена въ собственность и на документѣ есть печать покойнаго гиринскаго цзянь-цзюня, а вѣдь по китайскимъ законамъ для продажи земли въ собственность требуется императорская печать. Или въ Пекинѣ интересы общества желѣзной дороги, кромѣ ея агента, будетъ также поддерживать и нашъ посланникъ? Достаточно ли вѣско и убѣдительно будетъ его слово? Не гораздо ли болѣе мы выиграемъ, если заявимъ прямо, что манчжурская желѣзная дорога принадлежитъ русскому государству и что, защищая интересы дороги, государство защищаетъ непосредственно казенные интересы? Такая постановка вопроса будетъ куда болѣе убѣдительной.

Извѣстно, что въ политикѣ выигрываетъ тотъ, кто ведетъ смѣлую и открытую борьбу. Въ жмурки можно играть только до поры до времени, а когда настанетъ минута вскрыть свои карты, надо это дѣлать прямо и рѣшительно. Но, можетъ быть, такая политика будетъ невыгодна нѣкоторымъ прикосновеннымъ къ желѣзнодорожному предпріятію лицамъ? Тогда, pardon...

---

[1]) Когда писались эти строки, переговоры въ Пекинѣ были прерваны съ надеждою возобновить ихъ въ іюнѣ. См. объ этомъ мою передовую статью и корреспонденцію изъ Пекина въ № 63 «Новаго Края» за 1906 годъ.

Digitized by Google

IV.

„Харбинскій Вѣстникъ“ [1]), возвѣщая всѣмъ давно извѣстную истину, что *согласно общему закону земля въ Китаѣ не можетъ быть продаваема въ руки иностранцевъ* [2]), за справкою о чемъ оффиціозному желѣзнодорожному органу потребовалось однако входить „въ сношенія съ мѣстною китайскою администраціею“,— возвѣщая всѣмъ эту истину, почтенная газета тѣмъ не менѣе обѣщаетъ намъ не переставать „твердить: берите-же, арендуйте, устраивайтесь здѣсь скорѣе, русскіе люди“.

Такое воззваніе звучитъ донельзя странно и повергаетъ въ крайнее недоумѣніе всѣхъ знакомыхъ съ прежнею политикою учрежденія, субсидирующаго газету. Это учрежденіе нѣкогда ставило всевозможныя препоны Чайковскому, когда онъ затѣвалъ постройку перваго въ Манчжуріи винокуреннаго завода на землѣ, пріобрѣтенной въ аренду отъ богача-манчжура Инсесана за безумно дорогую цѣну [3]), которой я никогда не повѣрилъ бы, если бы не читалъ самаго договора; это учрежденіе мѣшало г. Іокишу, когда онъ создалъ планъ устройства Нижняго Харбина на землѣ, ou les lois contre les étrangers n'existent pas (гдѣ въ отношеніи иностранцевъ не существуетъ ограничительныхъ законовъ), какъ объ этомъ гласили широковѣщательныя объявленія въ русскихъ, японскихъ, шанхайскихъ и иныхъ газетахъ; оно, это учрежденіе, даже еще весьма недавно, можно сказать, на-дняхъ обнародовало отъ лица своего уполномоченнаго г. Даніеля въ томъ же самомъ „Харбинскомъ Вѣстникѣ“, что оно запрещаетъ частнымъ лицамъ пріобрѣтать въ аренду отъ китайцевъ какія-либо земли въ окрестностяхъ Харбина, такъ какъ обширная площадь земли въ 50.000 десятинъ добавочнаго отчужденія уже намѣчена здѣсь для нуждъ общества жел. дороги; и даже въ сторонѣ отъ Харбина, повсюду вдоль линіи дороги—желающій арендовать какой-нибудь клочекъ земли у пограничнаго съ *намѣченною* къ отчужденію полосою мѣстнаго землевладѣльца встрѣтитъ навѣрное всяческое препятствіе со стороны все того же учрежденія, органъ котораго собирается теперь твердить свой тщетный призывъ.

Призывъ этотъ тщетенъ потому, что, какъ это сказано выше, вблизи полосы отчужденія снимать землю въ долгосрочную аренду очень затруднительно; а вѣдь кому же охота удаляться отъ линіи—при извѣстныхъ всѣмъ прелестяхъ здѣшнихъ грунтовыхъ дорогъ и совершенной необезпеченности тамъ, вдали, личности и имущества отъ посягательствъ всякихъ подозрительныхъ личностей отечественнаго и неотечественнаго происхожденія?

---

1) № 698 статья «Еще объ отчужденіи китайскихъ земель».
2) Курсивъ «Харб. Вѣстн».
3) За 30.000 руб. со взносомъ платы за каждое десятилѣтіе впередъ—площадь 25 десятинъ.

Digitized by Google

Сколько мнѣ извѣстно, единственная попытка устроить сельскохозяйственную экономію вдали отъ желѣзной дороги была сдѣлана нѣсколько еще лѣтъ назадъ г. Калининымъ, который снялъ у китайцевъ въ аренду на 30 лѣтъ, съ правомъ переарендованія, около 1000 десятинъ земли въ 18 верстахъ отъ Харбина внизъ по Сунгари. Сначала былъ составленъ имъ домашній договоръ съ владѣльцами, затѣмъ договоръ этотъ былъ явленъ у Фана, тогдашняго уполномоченнаго гиринскаго цзянь-цзюня въ Харбинѣ. Фанъ оставилъ этотъ договоръ у себя и держалъ его до той поры, пока самъ не былъ смѣщенъ съ должности; впрочемъ, онъ совѣтовалъ Калинину заводить пока-что съ полнымъ спокойствіемъ хозяйство на арендованномъ участкѣ, все обѣщая въ скорости покончить всѣ формальности и выдать ему надлежащее удостовѣреніе, такъ сказать, нотаріально-государственнаго характера. Такъ смотрѣлъ на дѣло Фанъ, а ашихэйскій фудутунъ, нынѣ гиринскій цзянь-цзюнь, Да-гуй, въ округѣ котораго находилась заимка, принималъ всѣ мѣры, чтобы разрушить сдѣлку. Смѣнившій Фана Чжаомянъ былъ менѣе покладистъ, нежели Фанъ, и скорѣе держалъ сторону Да-гуя. Положеніе стало усложняться. Владѣльцы земель были посажены въ тюрьму распоряженіемъ китайской власти, гдѣ и отсидѣли по шести мѣсяцевъ каждый. Хлопоты же передъ нашимъ дипломатическимъ чиновникомъ увѣнчались также весьма малымъ успѣхомъ. Калининъ вноситъ теперь ежегодную плату этому чиновнику, тотъ передаетъ ее китайскому, а этотъ послѣдній уже распоряжается ею по своему усмотрѣнію. Владѣльцы земель плачутся на лишеніе ихъ и земли, и денегъ за нее, а когда арендаторъ отсылаетъ ихъ за полученіемъ аренды къ китайскому начальству, тѣ отвѣчаютъ совершенно резонно: „нашъ капитанъ сильно сердись, наша все равно пропади есть“. Не имѣя надлежащаго обезпеченія въ видѣ формальнаго аренднаго договора, встрѣчая неудовольствіе со стороны китайской администраціи, можетъ быть, естественное, хотя и незаслуженное озлобленіе со стороны владѣльцевъ земли и ихъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ въ ближайшемъ округѣ; наконецъ, не находя надлежащей поддержки со стороны того россійскаго установленія, которому именно поручается въ подобныхъ случаяхъ сугубое попеченіе объ интересахъ нашихъ соотечественниковъ,—Калининъ едва ли теперь вздумаетъ заняться серьезно сельскимъ хозяйствомъ на своей (?) заимкѣ. Послѣ же того, какъ въ 1904 году, въ самый канунъ Рождества, на этой заимкѣ было совершено загадочное убійство жены и работника Калинина,—при томъ, безъ всякаго сомнѣнія, не съ цѣлью грабежа,—арендатору могло показаться уже слишкомъ рискованнымъ продолжать начатое дѣло. Въ прошломъ 1905 году заимка была почти заброшена, и если желаніе вернуть затраченныя на нее деньги можетъ побудить арендатора приняться за пахоту земли нынѣшней весной, то уже, конечно, мысль о введеніи раціональнаго хозяйства давно разсѣялась, какъ дымъ.

Другимъ повезло нѣсколько больше, но вѣдь какія это

Digitized by Google

вызывало хлопоты! Воображаю, чего стоила Чайковскому его поѣздка въ Петербургъ, гдѣ онъ отстаивалъ свои права противъ сильной оппозиціи со стороны правленія общества Кит. Вост. жел. дороги; воображаю, какъ было удовлетворено его самолюбіе, когда онъ съ побѣдой вернулся въ Манчжурію и началъ воздвигать свое кирпичное зданіе прямо противъ дома того самаго главнаго инженера Юговича, который особенно усердствовалъ не въ его пользу. Но и послѣ того, сколько еще было всякихъ стѣсненій, всякихъ тревогъ даже за самое существованіе предпріятія, которое приходилось вести при полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ!

Не лучше, конечно, обстояло дѣло и у г. Іокиша. Впрочемъ, его затѣя совершенно особеннаго сорта и, какъ мнѣ кажется, съ нашими колонизаціонными задачами ничего общаго не имѣетъ.

Точно также мало представляетъ для насъ интереса и затѣя г. Мягкова, снявшаго на нѣсколько лѣтъ отъ управленія дороги дороги довольно бо́льшіе участки земли по нѣкоторымъ безлюднымъ станціямъ и разъѣздамъ съ цѣлью эксплоатаціи, связанной—какъ это объяснялъ предприниматель въ своемъ прошеніи—съ „культурою"; послѣднее весьма сомнительно, если понимать это слово въ его правильномъ смыслѣ. Все это однако такъ мелко, такъ незначительно...

Можно упомянуть еще о нѣсколькихъ лицахъ, арендовавшихъ еще до войны землю у китайцевъ невдалекѣ отъ линіи—и на западѣ, и на востокѣ. Вотъ, напримѣръ, винокуренный заводъ близъ разъѣзда Фуляэрди, передъ войной, когда цѣна на водку упала до двухъ рублей за ящикъ, едва влачившій свое существованіе, съ совершенно пустою кассой. Когда открылись военныя дѣйствія и многотысячная армія—со всѣми ея тыловыми учрежденіями, интендантами, инженерами, лазаретами, толпой всякихъ прихлебателей, ловцовъ наживы—нахлынула изъ Россіи, о, тогда заводъ имѣлъ около 1500 рублей чистаго ежедневнаго дохода; нынѣ ему опять дѣлать нечего, а современемъ и вовсе придется ликвидировать свои дѣла. Но заводчику печалиться нечего: онъ свое взялъ, онъ выполнилъ свою культуртрегерскую миссію, его бумажникъ теперь наполненъ, и ни участь Манчжуріи, ни судьба русскаго дѣла въ ней его совершенно не интересуетъ.

Надо сознаться, мало, очень мало надежды на то, чтобы русскіе люди, которыхъ „Харб. Вѣстн." настойчиво зоветъ селиться въ странѣ при тѣхъ удивительныхъ условіяхъ, которыя здѣсь существуютъ,—чтобы такіе люди, такіе піонеры оказались въ значительномъ количествѣ. А будь-ка условія получше, понормальнѣе, а жизнь болѣе обезпеченной, желающихъ оказалось бы очень много. И въ первую очередь здѣсь захотѣли-бы разжиться землицей тѣ тысячи запасныхъ, которымъ въ Россію возвращаться не охота, потому что тамъ земельная тѣснота мѣстами безысходная; она гонитъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній на далекія окраины всю эту массу пересе-

Digitized by Google

ленцевъ, которые теперь бродятъ по Харбину со своими семьями и выпрашиваютъ Христовымъ именемъ подаяніе въ надеждѣ съ помощью добрыхъ людей добраться какъ-нибудь до тѣхъ завѣтныхъ мѣстъ, гдѣ всего вволю: и земли, и лѣсу, и звѣря, и рыбы. Дай имъ Богъ счастья на новыхъ мѣстахъ. Хоть и не текутъ тамъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, а все же—жить можно. И пусть лучше туда направляются и всѣ эти бѣдные солдатики, уроженцы худородныхъ и малоземельныхъ уѣздовъ; а здѣсь, въ Манчжуріи, какъ это ни горько, какъ это ни обидно имъ, проливавшимъ за нее свою кровь, густо усѣявшимъ почву своими трупами, здѣсь имъ пока, при теперешнихъ порядкахъ, дѣлать нечего.

Пусть они не вѣрятъ широковѣщательнымъ приказамъ о надѣленіи усадебною землею по 600 квадратныхъ саженей на каждаго съ выдачей большого пособія, какъ о томъ заднимъ числомъ изволитъ оповѣщать „Амурскій Край“ [1]). Ошибка, милые, ошибка, горькое, обидное недоразумѣніе. Самъ главнокомандующій безсиленъ сдѣлать что-нибудь противъ того, что соблаговолило рѣшить правленіе Общества жел. дороги. Оно здѣсь всесильно, оно отпускаетъ и кредиты на пособіе, оно отводитъ здѣсь и всякіе участки, и даже далеко за полосу отчужденія простирается его всесильное вліяніе. Было, родные мои, было когда-то такое предположеніе, чтобы и землицы вамъ дать, и деньжонками одѣлить на обзаведеніе домишкомъ; да только—было, да сплыло. А нынѣ этотъ расходъ и въ смѣту не включенъ, да и землицы-то на вашу долю не осталось.

А обѣщали—мало ли что обѣщали! Вотъ и желѣзнодорожнымъ служащимъ тоже какъ-то обѣщали дать на льготныхъ условіяхъ участки, и проектъ былъ написанъ, и переписанъ, и одобренъ, но такъ ничего и не вышло. А служащіе все надѣялись. И когда подвижная комиссія пріѣдетъ, бывало, на какую-нибудь станцію раздавать участки, то сейчасъ являются служащіе, агенты дороги, и просятъ оказать имъ преимущество, и получаютъ—отказъ. И разлетаются какъ, пухъ, ихъ мечты. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, оно было и совершенно резонно, потому что нельзя же было въ самомъ дѣлѣ кидать жребій о томъ, кому достанутся дома Кунста-Альберса и Сизова, Смирнова—на этомъ, между прочимъ, настаивали въ Пограничной въ эпоху торжества всякихъ свободъ, которыя понимались въ смыслѣ: ôte-toi delà que je m'y mette, т. е. все мое-мое и все твое-мое [2]); или невозможно же было предоставить безъ жребія, а по особому снисхожденію, самые лучшіе участки въ Цицикарѣ тѣмъ лицамъ, которые не могли возвести на нихъ и плохонькаго домишка, а откровенно признавались, что имѣли въ виду тотчасъ же сдать ихъ въ аренду богатымъ коммерсантамъ, съ коихъ, по образному выраженію одного конторщика, можно было содрать шкуру за прошлыя ихъ прегрѣшенія въ видѣ высокихъ цѣнъ на товары и т. д.

---

[1]) См. «Новый Край», № 32, отъ 7 марта. Хроника Дальняго Востока.
[2]) Такъ переводилъ эту фразу Достоевскій.

Digitized by Google

Въ задачу подвижной комиссіи, разумѣется, не входило устраивать такія неподходящія сдѣлки. Но отчего бы въ самомъ дѣлѣ правленію дороги о своихъ служащихъ немного не позаботиться? А то составили проектъ и—ни гу-гу.

Впрочемъ, нѣтъ, виноватъ, пробовали какъ будто пойти на встрѣчу желаніямъ служащихъ обзавестись здѣсь домишками, и, хотя потихоньку, подъ сурдинку, но кое-кто на льготныхъ условіяхъ и участки пріобрѣлъ, и маленькимъ хозяйствомъ обзавелся. Конечно, удалось такъ устроиться отчасти при помощи искрометныхъ женскихъ глазокъ, которые въ былое время производили такое неотразимое дѣйствіе на прежнее желѣзнодорожное начальство, отчасти при посредствѣ связей, знакомствъ, искательства и всякаго угодничества. Но то времена давнишнія. Было, да быльемъ поросло.

А-то еще недавно, во время войны, насаждали русское поселеніе близъ Стараго Харбина—теперешнюю Алексѣевку. И тамъ кое-кто изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ успѣлъ устроиться, нашлись такіе счастливцы, преимущественно изъ состава отдѣла отчужденія, гдѣ происходила самая раздача участковъ. Тамъ, въ небольшомъ отдѣльномъ кабинетѣ двое агентовъ производили жеребьеметаніе. Совершалось оно не гласно и не въ извѣстный назначенный день, а по мѣрѣ того, какъ появлялись по-одиночкѣ желающіе, приносившіе свои заявленія. Тутъ изъ таинственнаго ящика вынимали они загадочные билетики, и были такіе счастливцы, что съ сіяющимъ лицомъ выходили изъ кабинета. Были, конечно, и неудачники. Что дѣлать! Видно, не всѣмъ уготовано счастіе.

И вотъ, такой милый порядокъ вдругъ прекратился, двое служащихъ этихъ были уволены, а слѣдующая жеребьевка была произведена и гласно, и съ подобающими предосторожностями, и всякими формальностями уже въ новорожденномъ земельномъ отдѣлѣ. А жаль, право, жаль. Уволить такихъ изобрѣтателей, да еще безъ суда, а по одному усмотрѣнію. Впрочемъ, они не жаловались. Но вчужѣ обидно. За что? Вѣдь ихъ же такъ мило, такъ торжественно, публично рекомендовало начальство, передавая съ сожалѣніемъ своихъ агентовъ въ возникавшее учрежденіе. Отъ восторга перешли къ лобызаніямъ. Всѣ были растроганы. И вдругъ—уволить! Нѣтъ, просто удивительно, какъ это у насъ не цѣнятъ выдающихся людей.

V.

Въ предыдущихъ статьяхъ я пытался выяснить всю ненормальность современнаго порядка вещей въ Манчжуріи, при которомъ важнѣйшіе обще-государственные интересы ввѣрены попеченію номинально частнаго общества, а de facto—таинственнаго учрежденія, которое портсмутскимъ договоромъ, повидимому, было сопричислено къ государственнымъ, потому

Digitized by Google

что состоящее въ его распоряженіи имущество было признано военною добычей,—и дѣятельность котораго, тѣмъ не менѣе, до сей еще поры ограничивается исключительной заботой о своихъ хозяйственныхъ, эксплоатаціонныхъ выгодахъ. Это и придаетъ учрежденію характеръ частнаго, независимо отъ того, таково ли оно de jure или же оно входитъ въ составъ какого либо министерства; ибо, если бы это послѣднее, преслѣдуя исключительно свои задачи, стало бы дѣйствовать несоотвѣтственно политикѣ всего государства, какъ дѣлаго,—оно, это министерство, не взирая на свою оффиціальную кличку, превратилось бы въ совершенно частное учрежденіе. Полагая теперь, что государство неизбѣжно, и въ самомъ недалекомъ будущемъ, наложитъ на это предпріятіе свою властную руку, мы, такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что и существующій нынѣ порядокъ самъ собою прекратится и въ основаніе дальнѣйшей политики будетъ поставлено наилучшее и наиболѣе согласное съ интересами русскаго народа достиженіе не тѣхъ хозяйственныхъ цѣлей, которыя нынѣ исключительно преслѣдуетъ правленіе общества Китайской Восточной желѣзной дороги, а цѣлей гораздо болѣе широкихъ, которыя могутъ иногда не совпасть или даже пойти прямо въ разрѣзъ съ интересами желѣзнодорожно-эксплоатаціоннаго предпріятія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ прежде всего поставить два главныхъ, основныхъ вопроса, которые въ первую же очередь придется разрѣшить Государственной Думѣ; говоримъ—въ первую очередь, какъ потому, что съ дальневосточными дѣлами медлить нельзя, такъ и потому, что отъ рѣшенія именно этихъ двухъ основныхъ вопросовъ будетъ зависѣть дальнѣйшее направленіе всей дальневосточной политики, стоившей намъ такихъ денегъ и столькихъ жертвъ людьми въ недалекомъ прошломъ и могущей привести еще къ горшимъ послѣдствіямъ, если мы не перемѣнимъ курса.

Я знаю, что я забѣгаю впередъ, подходя къ общему рѣшенію послѣ того, какъ я успѣлъ коснуться предмета лишь съ одной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія здѣшняго русскаго обывателя, пожелавшаго пріобрѣсти здѣсь осѣдлость. Слѣдовало бы, конечно, разобрать подробно очень и очень многое, близко относящееся къ дѣлу колонизаціи края. Но, во-первыхъ, тотъ, такъ сказать, частный вопросъ, котораго я успѣлъ коснуться, есть самый важный и можетъ и долженъ быть разрѣшенъ немедленно; тогда какъ все остальное еще можно на время отложить, отложить до той поры, когда все будетъ достаточно выяснено, всѣ отправныя точки окончательно установлены и—это самое существенное—когда именно два подлежащихъ первоначальному разрѣшенію основныхъ вопроса будутъ удовлетворительно разрѣшены.

Итакъ, вотъ два вопроса, которые надо вырѣшить теперь же, съ самаго начала.

Должны ли мы удержать за собой Манчжурію, разумѣя подъ этимъ именемъ мѣстность, не только прилегающую непосредственно къ линіи желѣзной дороги, но и простираю-

Digitized by Google

щуюся къ сѣверу отъ нея до Амура и къ югу до нѣкоторой границы, которую трудно указать въ настоящую минуту и о которой можетъ быть поставленъ вопросъ дополнительный?

Если на этотъ вопросъ послѣдуетъ отвѣтъ утвердительный, то выдвигается второй вопросъ:

Въ какія соглашенія мы должны войти по этому поводу съ сосѣдними державами?

Оба вопроса находятся въ такой тѣсной связи между собою, что ихъ можно разбирать только совмѣстно. При этомъ необходимо пояснить, что,—оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе тѣхъ историческихъ причинъ, которыя обусловливали наше многовѣковое стремленіе расширять государственныя границы въ направленіи къ Тихому океану, каковое стремленіе въ значительной степени объясняется, по аналогіи, физическимъ закономъ, трактующимъ о линіяхъ наименьшаго сопротивленія,—мы разсматриваемъ предметъ исключительно съ точки зрѣнія современности и сквозь призму личныхъ непосредственныхъ наблюденій, собранныхъ на мѣстѣ.

Пусть тѣ, кто возьметъ на себя трудъ выяснить многосложныя событія, послужившія завязкой разыгравшейся драмы,—еще, надо полагать, не закончившейся,—укажутъ намъ заглавныя и второстепенныя роли и разберутъ и оцѣнятъ по достоинству игру актеровъ и оповѣстятъ намъ имя главнаго героя многоактной исторической пьесы; отложимъ въ сторону безплодный споръ о томъ, нужно или не нужно было проводить южную вѣтку къ Артуру, позабывъ о Владивостокѣ и Приморской области, оставшихся фактически отрѣзанными отъ родины и послѣ того, какъ окраина эта была связана желѣзнодорожнымъ путемъ съ Сибирью; не будемъ разбирать вопросъ о томъ, насколько отвѣчало русскимъ интересамъ обогащать южную Манчжурію, которая никогда не могла быть колонизирована уже въ виду ея густого мѣстнаго населенія, но которая давала и сулила въ будущемъ крупныя выгоды обществу желѣзной дороги и еще въ первой половинѣ 1903 года—въ первое (и послѣднее) полугодіе ея правильной эксплоатаціи—завалила дорогу грузами мѣстной перевозки, и могла бы дать ихъ вдвое, втрое, вчетверо больше, еслибы были установлены надлежащіе тарифы отъ Инкоу. Нынѣ мы должны считаться съ тѣмъ, что осталось и еще можетъ остаться въ нашихъ рукахъ. Мы сохранили за собой огромную линію отъ Забайкалья до Владивостока съ вѣтвью на Хабаровскъ на востокѣ и другой вѣтвью на Срѣтенскъ съ западнаго конца. Фактически, вся сѣверная Манчжурія осталась подъ нашимъ вліяніемъ.

Уцѣлѣвшій отъ посягательствъ японцевъ край населенъ весьма негусто на востокѣ, а на западѣ почти совершенно безлюденъ. Торговыя сношенія здѣсь могутъ быть установлены только съ населеніемъ Гиринской провинціи да съ пастухами-монголами. Разработка нѣдръ земли на концессіонномъ правѣ пока еще составляетъ вопросъ открытый, и, надо думать,—при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ теперь со-

*

Digitized by Google

гласно извѣстному договору, выработанному нашими милыми дипломатами, дѣло это не можетъ быть для русскихъ предпринимателей особенно соблазнительнымъ [1]). Транзитная торговля можетъ дать небольшой барышъ желѣзно-дорожному хозяйству и, конечно, представляетъ нѣкоторый интересъ общегосударственнаго характера, поскольку вообще государство озабочено развитіемъ въ странѣ торговыхъ оборотовъ; но едва ли можно ожидать, по крайней мѣрѣ—въ близкомъ будущемъ, особаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, а съ проведеніемъ проектируемой сѣверной дороги къ Аляскѣ,—*если этотъ планъ осуществится*, — транзитная торговля по манчжурской линіи должна будетъ почти совершенно прекратиться. При этихъ условіяхъ, да если еще принять во вниманіе тѣ затраты, которыхъ будетъ требовать Манчжурія въ послѣдующіе годы, удерживать за нами этотъ край представляется совершенно нецѣлесообразнымъ, насколько бы линія дороги ни была важна въ отношеніи стратегическомъ.

Но, если существовавшій и существующій порядокъ, при которомъ длинная линія дороги, не смотря на всю ея многотысячную охрану, въ сущности виситъ въ воздухѣ, если этотъ порядокъ попробовать измѣнить и, выработавъ надлежащее соглашеніе съ сосѣдями, приступить къ правильной и разумной колонизаціи края,—тогда этотъ край пріобрѣтетъ для насъ такое огромное значеніе, что, если бы удержаніе его за нами не стоило столькихъ денегъ и такой массы жизней, если бы онъ намъ достался совершенно даромъ, то и въ этомъ случаѣ надо было бы употребить всѣ средства, всѣ силы, все наше поколебленное несчастною войной вліяніе на дальнемъ востокѣ и на ближнемъ западѣ, чтобы удержать за собою эту чудную страну, хранящую въ почвѣ и въ глубокихъ нѣдрахъ неоцѣненныя сокровища. Это особенно важно для насъ теперь, именно въ настоящую минуту, когда намъ предстоитъ разрѣшить громадную, труднѣйшую, почти неодолимую задачу надѣленія нашихъ голодающихъ крестьянъ землею.

Въ цѣломъ рядѣ статей и очерковъ [2]), разбросанныхъ въ различныхъ повременныхъ россійскихъ изданіяхъ, достаточно ясно и убѣдительно выяснено и установлено то положеніе, что, даже если отчудить для надѣленія крестьянъ всѣ удѣльныя, кабинетскія, казенныя, монастырскія и помѣщичьи земли, заселить тундры Архангельской губерніи и пески Астраханской,—и тогда земли не хватитъ для удовлетворенія существующей въ ней потребности; уже не говоря о томъ, что такая радикальная мѣра мало похожа на продуманную реформу,

[1]) По договору, арендаторъ, напр., золотого пріиска, долженъ отдавать китайскому правительству 25% валовой выручки и 15% чистаго дохода, не говоря уже о другихъ тяжелыхъ условіяхъ. При такомъ порядкѣ вещей честно вести предпріятіе нельзя, можно лишь хищничать и показывать въ отчетахъ невѣрныя цыфры, чтобы уберечь себя отъ неизбѣжнаго разоренія. Въ подробности объ этомъ вопросѣ не вхожу, но и приводимыхъ соображеній, я полагаю, достаточно.

[2]) См. между прочимъ „Право“ 1906 г. № 1, статью А. Кауфмана: „Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи“.

Digitized by Google

а скорѣе можетъ быть названа катаклизмомъ, неисчислимыя послѣдствія котораго даже не могутъ быть приблизительно взвѣшены. И, главное, этотъ катаклизмъ въ сущности измѣнитъ положеніе оскудѣвшаго крестьянства въ весьма лишь незначительной степени: 45 милліоновъ душъ все-таки останутся безъ надѣла; ихъ надо будетъ выселить куда-нибудь на окраины. Словомъ, такой катаклизмъ, перевернувъ все вверхъ дномъ, не дастъ ожидаемаго благополучія.

Надо полагать, что къ коренному перевороту прибѣгнуть не рѣшатся и что Дума придумаетъ болѣе раціональныя мѣры, хотя бы и не столь рѣшительныя, и что въ будущемъ — съ примѣненіемъ болѣе производительныхъ способовъ обработки земли (связанныхъ съ химико-техническими производствами, съ болѣе совершенной системой удобренія и т. д.) и прежде всего съ поднятіемъ уровня просвѣщенія крестьянской массы,— въ будущемъ острый нынѣ кризисъ разрѣшится не только путемъ дополнительнаго надѣла, котораго всегда, съ приростомъ населенія, будетъ не хватать, а главнымъ образомъ путемъ развитія культуры, подъема нашей индустріи и отвлеченія рабочихъ рукъ, занятыхъ исключительно земледѣліемъ, къ другимъ промысламъ. Въ данную минуту однако даже всякая полумѣра хороша. Поэтому нельзя не привѣтствовать расширенія дѣятельности крестьянскаго банка, какъ бы ни были безотрадны взгляды на него оппозиціонной прессы; нельзя въ то же время не возлагать извѣстныхъ упованій въ разрѣшеніи кризиса на правильно поставленное переселенческое дѣло, на заселеніе Сибири и особенно Уссурійскаго края. Послѣдній не великъ и не можетъ вмѣстить значительнаго населенія; но пока тамъ еще мѣста свободнаго много. Главная бѣда въ томъ, что онъ разобщенъ съ метрополіею, и если бы мы рѣшились теперь оставить Манчжурію, то Уссурійскій край, да и все Приморье висѣли бы въ воздухѣ, будучи совершенно необезпечены отъ возможныхъ посягательствъ со стороны Японіи, которая, можетъ быть, уже теперь точитъ зубы на эту окраину. Въ этомъ отношеніи манчжурская желѣзная дорога, связанная съ сибирской магистралью, при условіи укладки второго пути, представляетъ громадное стратегическое значеніе.

Разбирая тотъ же вопросъ, но съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія общества желѣзной дороги, у котораго одна цѣль—„получить % на затраченный капиталъ“, исчисляемый всего въ полмилліарда (т.-е. въ 6—7 разъ меньше дѣйствительнаго), когда „развивающаяся (на русскія деньги и цѣной русскихъ жизней?) въ экономическомъ отношеніи страна дастъ колоссальные доходы для нашей желѣзной дороги, равно промышленность и торговля пожнутъ здѣсь свои лавры“, — такъ вотъ, разбирая съ этой точки зрѣнія вопросъ, г. П. Т. [1]) указываетъ также на стратегическое значеніе Манчжуріи

[1]) См. „Харб. Вѣстн.“, № 702, ст. „Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ“...

Digitized by Google

какъ продовольственной базы, безъ которой „мы не можемъ воевать съ Японіей“. Таковая база, дѣйствительно, у насъ здѣсь была въ прошлую кампанію; но, по мѣрѣ того, какъ мы отступали къ сѣверу, база эта уменьшалась въ размѣрахъ, и продовольствіе войскъ становилось все болѣе затруднительнымъ, когда богатая хлѣбомъ южная Манчжурія перешла въ руки японцевъ. Въ настоящее время, пока южная часть Гиринской провинціи, Нингутинскій и Ашихэйскій округа въ нашихъ рукахъ, мы стоимъ, такъ сказать, на базѣ; причемъ мясо получаемъ преимущественно изъ Монголіи, т.-е. съ фланга. Въ случаѣ наступательной войны базу мы сможемъ сохранить, при войнѣ оборонительной придется уже съ самаго начала отступать къ Харбину и, можетъ быть, дальше, и продовольственный вопросъ уже не удастся разрѣшить такъ просто. Въ этомъ случаѣ неизбѣжно придется создавать базу въ тылу, который, надо полагать, будетъ не на сѣверѣ, а на западѣ, ибо путь отступленія конечно не къ Хабаровску, а къ Хингану. Впрочемъ, и на сѣверѣ, и на западѣ безразлично—хлѣба нѣтъ, мяса также; мясо можно еще будетъ получать по прежнему изъ Монголіи, но уже не такъ легко и не въ такомъ количествѣ, потому что тамъ будутъ производить реквизиціи и японцы. Словомъ, вопросъ о продовольственной базѣ далеко уже не такой безспорный; пользуясь же исключительно выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ и избравъ операціонную линію, напримѣръ, черезъ Монголію къ Цицикару, чтобы дѣйствовать на сообщенія, японцы могутъ испортить всѣ наши разсчеты. Конечно, отъ насъ будетъ зависѣть улучшить наше стратегическое положеніе, путемъ заключенія договора съ Китаемъ, о чемъ рѣчь ниже,—а главное, обративъ надлежащее вниманіе на Монголію и Хэйлунцзянскую провинцію и озаботившись обезпечить еще въ мирное время сообщеніе съ Владивостокомъ.

Другое положеніе, выставленное г. П. Т., именно, что „безъ сѣверной Манчжуріи Россія не въ состояніи вести сколько-нибудь активную борьбу за обладаніе своими владѣніями въ Приамурьи (а въ Приморьи?)“ — совершенно правильно; но только не потому, что „безъ продовольственной базы въ сѣверной Манчжуріи наша армія умретъ съ голоду“, ибо эта база весьма проблематична, а потому, что по сѣверной Манчжуріи идетъ коммуникаціонный путь, по которому придется подвозить войска. Если же этотъ путь бросить, замѣнивъ его Амурской желѣзной дорогой, то стратегическое положеніе ухудшится еще болѣе и по многимъ причинамъ, которыя неоднократно обсуждались и совокупность которыхъ именно привела наши военные авторитеты къ убѣжденію въ желательности проведенія кратчайшей коммуникаціи по чужой странѣ, причемъ южная вѣтка въ военномъ смыслѣ также была чрезвычайно важна.

Итакъ, во всякомъ случаѣ можно считать установленнымъ, что для удержанія за собой отдаленныхъ нашихъ окраинъ сѣверная Манчжурія намъ необходима. Но стремленіе сохранить

Digitized by Google

путемъ такихъ огромныхъ затратъ —на проведеніе второго пути, на содержаніе охраны линіи и нѣсколькихъ корпусовъ на случай внезапной войны, прибавивъ еще сюда всѣ грандіозные расходы въ прошломъ, да весь бюджетъ Приморья и Приамурья,—стремленіе сохранить при этихъ условіяхъ отдаленную окраину не могло бы быть оправдано никакими соображеніями; такая политика поведетъ неукоснительно только къ еще большему оскудѣнію центра, цѣной чего мы еще не пріобрѣтемъ надлежащей увѣренности въ цѣлости и безопасности той самой окраины съ незначительнымъ населеніемъ, изъ-за которой будемъ продолжать разорительные займы, пока еще намъ вѣрятъ на денежномъ рынкѣ. Можно смѣло сказать, что такая политика поведетъ весьма быстро и вполнѣ успѣшно къ финансовому краху и, можетъ быть, даже къ полному банкротству. Сохрани Богъ...

Совершенно измѣняется вся обстановка, если мы будемъ смотрѣть на манчжурскую дорогу, какъ на артерію нашей колоніи, а не только какъ на стратегическую магистраль; если она будетъ обслуживать не чужую страну, а нашу собственную; если деньги, которыя мы шлемъ сюда изъ петербургскаго казначейства, будутъ оставаться въ рукахъ русскихъ колонистовъ, а не исчезать въ кубышкахъ хитроумныхъ манзъ; если, поднимая благосостояніе края, мы будемъ знать, что это край нашъ, что мы здѣсь у себя дома. И пусть тогда насъ будутъ увѣрять, что японцы заняли очень выгодное положеніе стратегическое, пусть они будутъ намъ грозить войною. О, разъ здѣсь мы осядемъ прочно, мы не дадимъ себя другой разъ въ обиду; ибо война тогда уже не будетъ авантюрой, она будетъ народнымъ дѣломъ.

Намъ нужна Манчжурія, но не для эксплоатаціонныхъ цѣлей желѣзнодорожнаго общества, а для самой широкой ея колонизаціи. Пусть государство приметъ на себя выполненіе этого огромной важности проекта и не довѣряетъ дѣла общегосударственнаго даже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, въ самыхъ незначительныхъ деталяхъ постороннему обществу, имѣющему—какъ ни какъ—несомнѣнный характеръ частнаго. Возможно, что колонизація потребуетъ большихъ затратъ, но затраты эти съ лихвой окупятся. Собственно говоря, самое переселеніе малоземельныхъ крестьянъ не вызоветъ никакихъ расходовъ: разрѣшите имъ, и они поѣдутъ на свой счетъ и даже дадутъ заработокъ казенной Сибирской дорогѣ, пріобрѣтая проѣздные билеты хотя бы и по удешевленному тарифу. За то современемъ сократятся военные расходы на весьма почтенную сумму. Расходы же, надо полагать, потребуются на другое дѣло. Но объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Прямая и откровенная постановка вопрѳса о колонизаціи Манчжуріи русскими людьми въ самыхъ широкихъ размѣрахъ само собою подразумѣваетъ окончательное присоединеніе края къ Россіи. Это единственно правильное и искреннее рѣшеніе манчжурскаго вопроса. Есть другое рѣшеніе—оставить Манчжурію, что повлечетъ за собой постепенное отпа-

Digitized by Google

деніе большей части Восточной Сибири, быть можетъ, до самаго Байкала. Но промежуточнаго рѣшенія, такъ называемаго компромисса, быть не должно, потому что подобные компромиссы уже слишкомъ дорого намъ стоили, а въ будущемъ просто невозможны. Мы стоимъ, какъ сказано, за первое рѣшеніе.

Но какъ его выполнить и въ какія соглашенія надо войти съ дальневосточными сосѣдями? Намъ кажется, что насколько умѣло и искренно мы поведемъ наши переговоры съ Китаемъ, настолько дешево и легко мы пріобрѣтемъ и право на край. Договоръ можетъ быть выработанъ ко взаимному удовольствію; больше того, откровенными и положительными требованіями мы можемъ завоевать полное довѣріе Китая и даже вступить съ нимъ въ дальнѣйшія соглашенія, заключить съ нимъ наступательно-оборонительный союзъ. Это можетъ послужить исходною точкой для переговоровъ.

Въ послѣднее время было много толковъ, предлагалось много совѣтовъ, какъ бы намъ вступить въ соглашеніе то съ Японіей, то съ Англіей и такимъ образомъ обезвредить нашихъ исконныхъ враговъ. Намъ кажется, что въ союзъ слѣдуетъ вступать съ другомъ, а не съ врагомъ, если хотятъ, чтобы союзъ этотъ былъ искренній и плодотворный. Китай же намъ именно другъ и другъ давнишній, и отъ насъ зависитъ усилить и развить дружественныя отношенія. Бѣда въ томъ, что у насъ привыкли смотрѣть на Китай, какъ на une quantité négligeable. Но это глубокое заблужденіе. Уже не далекъ тотъ часъ, когда этому предубѣжденію суждено будетъ разсѣяться самымъ прискорбнымъ образомъ. Китай спалъ, спалъ слишкомъ долго, но, получивши рядъ самыхъ неожиданныхъ и непріятныхъ толчковъ, спящій начинаетъ просыпаться. Онъ уже приступаетъ къ формированію грозныхъ военныхъ дружинъ [1]), и отъ насъ будетъ зависѣть — принять ли готовящійся ударъ на себя или обратить его противъ нашихъ милыхъ сосѣдей-японцевъ, использовавъ его живую силу безъ ущерба для себя и къ вящшему укрѣпленію долголѣтней нашей дружбы съ пятисотмилліоннымъ народомъ, границы территоріи котораго составляютъ и нашу безконечную азіатскую границу, каждую пядь которой намъ придется защищать, если мы будемъ продолжать относиться къ сосѣду съ предубѣжденіемъ, а не постараемся войти съ нимъ въ тѣсное соглашеніе. Это соглашеніе будетъ лишь развитіемъ и дополненіемъ тѣхъ договоровъ, которые мы заключили съ Китаемъ раньше, при существовавшихъ тогда взглядахъ на это государство, какъ на очень многолюдное, но и очень слабое,—но которые были выработаны все же путемъ мирныхъ сношеній, а не исторгнуты посредствомъ насилія. Правда, мы сдѣлали крупнѣйшую ошибку, совмѣстно съ другими державами предпри-

[1]) Старыхъ знаменныхъ войскъ уже больше нѣтъ. Теперь введена система ландвера по рецепту Штейна и Шарнгорста. Объ этомъ я говорю подробнѣе въ другихъ статьяхъ, частью еще не напечатанныхъ.

Digitized by Google

нявъ пекинскій походъ 1900 года; но то была ошибка, которую можно будетъ загладить, которую можно заставить позабыть. Былого не воротишь. И если послѣдствіемъ ошибочнаго шага было возникновеніе извѣстнаго недовѣрія въ китайскихъ правящихъ сферахъ, то отъ насъ теперь будетъ зависѣть—это недовѣріе разсѣять. Во всякомъ случаѣ, у Китая есть много основаній искать нашей поддержки, искать союза съ нами для того, чтобы дать отпоръ наступательному движенію англичанъ изъ Индіи и нахальству японцевъ, которое послѣ побѣдоносной войны съ первоклассною европейскою державой возросло теперь до безконечности.

Японцы хозяйничаютъ на югѣ Манчжуріи далеко не такъ церемонно, какъ мы на сѣверѣ, беззастѣнчиво обращая страну въ свою колонію, въ свою провинцію и несомнѣнно претендуя на первенствующее вліяніе въ Пекинѣ, гдѣ они уже чувствуютъ себя хозяевами. Если мы посягаемъ только на сѣверную Манчжурію,—японцы, не удовольствовавшись полнѣйшимъ подчиненіемъ себѣ Кореи и южной Манчжуріи, простираютъ свои вожделѣнія еще гораздо дальше, мечтая въ будущемъ переправиться съ острова Формозы на континентъ и отъ Хайчена и Инкоу повернуть правымъ плечомъ на сѣверныя провинціи коренного Китая, чтобы сначала сдѣлаться полными властителями Чжилійскаго залива и Желтаго моря, а позднѣе приступить къ раздѣлу Китая, взявъ себѣ все и не удѣливъ и пяди европейцамъ.

О, у Японіи прекрасное стратегическое положеніе, она доминируетъ на азіатскомъ востокѣ, а аппетиты ея ненасытны. И вы думаете, китайцы этого не понимаютъ? Вы полагаете, что они смотрятъ на японцевъ, какъ на друзей? Нѣтъ, они, конечно, волей-неволей, должны будутъ подчиниться силѣ; но если бы Россія теперь, именно теперь пришла на помощь Китаю съ самыми искренними, твердыми и опредѣленными намѣреніями,—Китай охотно вступилъ бы въ соглашеніе. Оно возможно, оно желательно для самаго Китая, о немъ мечтаетъ теперь все южно-манчжурское населеніе; эта мысль проникла въ сознаніе народа. Послушайте-ка, что разсказываютъ сотни, тысячи бѣглецовъ изъ южной Манчжуріи, несчастныхъ изгнанниковъ, которымъ невмоготу стало терпѣть безстыдныя вымогательства нищихъ-японцевъ. Они бѣгутъ [1]) къ намъ сюда, на сѣверъ, зная нашу щедрость, наше гуманное обращеніе. Бывали и у насъ прискорбные факты насилія и всякихъ несправедливостей; но мы ихъ порицаемъ сами, мы на столбцахъ газетъ обличаемъ виновныхъ, а японцы возводятъ насилія и вымогательства въ систему. Это ихъ политика. И бѣглецы ищутъ нашей защиты, и въ народѣ китайскомъ

[1]) Говорятъ о правительственномъ проектѣ переселенія китайцевъ въ сѣверныя области. Этотъ проектъ очень давнишній. Переселеніе до извѣстной степени поощряется по отношенію къ жителямъ коренного Китая. Но изъ Мукденской (Шен-Цзинской) провинціи идутъ бѣглецы, а не переселенцы.

Digitized by Google

крѣпнетъ мысль о неизбѣжности войны съ Японіей, и онъ съ упованіемъ взираетъ на насъ.

Таковъ моментъ. Напрасно боятся симпатіи китайцевъ къ японцамъ: она готова была возникнуть передъ войной, она до извѣстной степени существовала во время войны; но ея теперь нѣтъ, она исчезла, не успѣвъ окрѣпнуть, какъ только китайцы поняли истинныя цѣли, истинныя намѣренія японцевъ и разоблачили ихъ коварную политику. Обманъ раскрылся. Японцы теперь страшны для Китая, какъ военная сила, но китайцы болѣе не вѣрятъ ихъ лживымъ обѣщаніямъ. А мы—мы должны теперь протянуть Китаю руку друга и заключить договоръ о союзѣ. Мы пріобрѣтемъ грознаго и сильнаго союзника. Ему нужны лишь деньги для того, чтобы сформировать и вооружить большую армію, и эти деньги мы должны ему найти, ему ихъ дать.

Это будетъ вознагражденіемъ за сѣверную Манчжурію, которая, все равно, уже никогда въ будущемъ не отойдетъ назадъ къ Китаю; она можетъ сдѣлаться добычей японцевъ, ее можно передать намъ, дружественной націи, на выгодныхъ для самого Китая условіяхъ, но сохранить ее въ своемъ обладаніи Китаю не удастся. Это можно доказать какъ дважды два, въ этомъ можно вполнѣ убѣдить пекинскій дворъ и пекинскихъ сановниковъ. И они согласятся, они отдадутъ намъ добровольно уже находящіяся въ нашемъ фактическомъ, хотя и неполномъ, владѣніи провинціи. А деньги? Да, мой Богъ, развѣ же можно что-нибудь въ мірѣ сдѣлать безъ денегъ! Онѣ найдутся, онѣ должны найтись, тѣмъ болѣе, что затрата окупится съ лихвою при надлежащемъ использованіи земель въ цѣляхъ разумной колонизаціи и разработки природныхъ богатствъ края. А мѣста много, охъ, какъ много! Сколько милліоновъ семей здѣсь можно разселить [1]) и какъ облегчится разрѣшеніе нашего внутренняго аграрнаго вопроса, самаго важнаго изъ всѣхъ, стоящихъ нынѣ на очереди; уже не говоря о томъ, какой смыслъ, какое значеніе пріобрѣтутъ для насъ тогда нашъ Уссурійскій край и вся Сибирь, какъ оживятся наши дальнія окраины и какъ выгоденъ для оскудѣвающаго центра будетъ новый установившійся порядокъ, при которомъ Дальній Востокъ превратится въ неизсякающій источникъ государственныхъ доходовъ, а не будетъ требовать, какъ прежде, безконечныхъ непроизводительныхъ расходовъ.

И, повѣрьте, когда союзъ этотъ осуществится, японцы почуютъ силу и пойдутъ сами на рядъ уступокъ. Тогда можно будетъ съ ними поторговаться и достигнутъ соглашенія, обезпечивающаго наши государственные интересы, а не нарушающаго ихъ. И на востокѣ водворится миръ прочный, на-

---

[1]) Не въ одинъ годъ, конечно.

Digitized by Google

дежный и продолжительный. Многаго можно достигнуть побѣдоносной войной, но никогда завоеванное мечемъ не будетъ такъ прочно, какъ то, что достигается путемъ мудрой мирной политики. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы о государственныхъ интересахъ имѣло попеченіе само государство, а не частное общество.

Семигоровъ.

Харбинъ, апрѣль 1906 г.

Digitized by Google

ПОДЪ ЗНАКОМЪ СОЛНЦА.

РОМАНЪ.

XXXI.

Безслѣдныя мгновенія.

Васса Валентиновна тоже отбыла немедленно. Секретарша дворянства видимо вся горѣла отъ нетерпѣливаго желанія пуститься по городу съ извѣстіями о прибытіи барона-дуэлиста и о ссорѣ, происшедшей между Филофеемъ Никодимовичемъ и Станиславомъ Станиславовичемъ. А старый эпикуреецъ попросилъ оставшихся статистиковъ и барона съ Петрушечкой въ садъ. Садъ этотъ былъ расположенъ по горѣ и спускался къ Днѣпру и старой городской стѣнѣ.

Много тутъ было сливныхъ, грушевыхъ и яблочныхъ деревьевъ. Вѣтки барбариса гнулись отъ крупныхъ гроздій розовыхъ плодовъ. Цѣлыя заросли вишенника, цѣлыя рощи терновника, гряды клубники и земляники перемѣшивались съ горами дельфиніума, сныти, піоновъ, съ цвѣтущими зарослями жасмина и шиповника. Изъ сосѣднихъ садовъ тоже лѣзли вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, отягченныя плодами.

Въ глубинѣ сада стоялъ лѣтній домикъ Станислава Станиславовича, увитый каприфолью, дикимъ виноградомъ, хмѣлемъ, эпомеями, вьющимися настурціями. Около него стояла тепличка и насажено было множество цвѣтовъ. На особой луговинкѣ пылили медоносныя травы. Подъ грушами стояли ульи. А подъ одной, особенно толстой грушей, съ образомъ покрови-

1) См. «Русск. Вѣстн.» августъ 1906 г.

Digitized by Google

телей пчеловодства, Изосима и Савватія, помѣщался круглый столъ и скамейки.

Сидя подъ этой грушей, можно было любоваться чуднымъ видомъ на городъ и Днѣпръ, на бѣлый, воздушный соборъ, на дальніе холмы и на всю днѣпровскую долину.

Станиславъ Станиславовичъ повелъ гостей своихъ въ домикъ, отлично меблированный старинной мебелью и состоявшій изъ трехъ комнатъ.

— Прошу въ библіотеку,— сказалъ онъ,— отворяя маленькую дверь въ перегородкѣ.

Въ этой „библіотекѣ“ стоялъ только перегонный кубъ и множество бутылей и бутылокъ съ разноцвѣтными жидкостями.

Никакого присутствія книгъ въ „библіотекѣ“ не замѣчалось.

— Эхъ, какъ не стыдно Прокопу Ивановичу,—сказалъ сокрушенно Станиславъ Станиславовичъ, — второй день въ городѣ—и глазъ не кажетъ!

— А я здѣсь!—вдругъ раздался голосъ.

Всѣ обернулись. Дядюшка Кривскій стоялъ въ дверяхъ „библіотеки“ съ неизмѣнной коробкой и мундштучкомъ въ рукахъ.

— Прокоша, милый другъ!—открывая объятія, сказалъ Станиславъ Станиславовичъ.

— Станиславъ, ангелъ мой!—отвѣчалъ дядюшка Кривскій, простирая короткія ручки съ багровымъ ладонями.

Они обнялись и поцѣловались.

— Вотъ за это спасибо! Теперь идемъ, милый, подъ грушу. Но прежде... Я попотчую и тебя, и Петрушечку, и моихъ гостей... Вотъ это ренклодовка! Это, я тебѣ скажу, и по цвѣту— изумрудъ, и по вкусу — прелесть, и запахъ изумительный! А вотъ это рябиновка. Скажешь, дрянь? Обыкновеннѣйшая вещь?

— Зная твое несравненное искусство по части травничковъ и настоечекъ, никогда не скажу даже о твоей рябиновкѣ уничижительно, дорогой Станиславъ,—съ комической серьезностью отвѣчалъ дядюшка Кривскій.

— Отвѣдай!—наливая въ маленькія рюмочки и рябиновки, и ренклодовки, предложилъ Станиславъ Станиславовичъ.—Отвѣдайте, господа! Только пригубьте, прошу васъ! Вѣдь цвѣтъ какой! Камни драгоцѣнные! Вся роскошь востока и Месопотаміи!—наполняя другія рюмочки, цѣлымъ полчищемъ стоявшія на столѣ, убѣждалъ гостей своихъ старецъ.

Digitized by Google

Всѣ отвѣдали. И ароматъ и вкусъ были дѣйствительно замѣчательны.

— Это не рябиновка, нѣтъ, Станиславъ, нѣтъ! Узнать невозможно нашу ягоду простецкую,—смакуя золотисто-оранжевую жидкость, говорилъ дядюшка Кривскій.

— Но ты попробуй этотъ травничекъ,—говорилъ, блаженствуя, Станиславъ Станиславовичъ.—Это изъ семи травъ выгнано, новое изобрѣтеніе. Холодитъ небо и щиплетъ языкъ, отнимаетъ память о скорбяхъ житейскихъ, навѣваетъ пріятное разслабленіе чувствъ. Отъ семи лихорадокъ!

Попробовали травничекъ отъ семи лихорадокъ. Но за этимъ травничкомъ послѣдовали другіе, потомъ наливки, потомъ ягодное вино, съ шипомъ и отбоемъ въ переносье, потомъ еще травнички. Рюмочки были не больше наперстка. Отказать Станиславу Станиславовичу было невозможно, до того онъ былъ краснорѣчивъ. Вкусъ и цвѣтъ его произведеній были неподражаемы. И просилъ онъ только попробовать—пригубить, только на языкъ взять, посмаковать. Однако оглянуться не успѣли, какъ почувствовали, что изрядно пьяны. Въ головѣ шумѣло, руки и ноги утратили координацію, и сердце въ самомъ дѣлѣ стало колотиться. Къ своему ужасу, даже баронъ Фабіанъ почувствовалъ, что голова у него начинаетъ кружиться и всѣ предметы окружаетъ какая-то радужная дымка. Что касается „стѣновѣда“ съ „могиловѣдомъ“, то они взялись подъ ручку и ухмылялись до ушей. Дядюшка Кривскій былъ трезвѣе всѣхъ. А Станиславъ Станиславовичъ сталъ шуменъ и безпощаденъ въ подпаиваніи гостей.

— Прокопъ Иванычъ! Бери эту бутылку, эту и эту. А я возьму эту, эту и эту,—кричалъ онъ.—Тамъ подъ грушей Марина справила кофей, я знаю. Идемте. Захватите рюмочекъ, рюмочекъ захватите, господа, прошу васъ!

— Ну, я вижу, что Филофей Никодимовичъ былъ правъ совершенно, когда назвалъ ваши травнички отравничками,—сказалъ Петрушечка,—чортъ знаетъ, что такое! У меня ноги не идутъ.

Однако, двинулся за Станиславомъ Станиславовичемъ, а за ними и всѣ остальные.

Баронъ не помнилъ, какъ они очутились затѣмъ подъ грушей. Красивая, полная женщина, Марина, ставила на столъ подносъ съ чашками, разливавшими ароматъ кофе. Станиславъ Станиславовичъ наливалъ въ рюмочки травничковъ и настоечекъ, чмокалъ, пригубливалъ, смотрѣлъ на свѣтъ.

Баронъ больше не пилъ и молча любовался видомъ, раз-

Digitized by Google

вертывавшимся подъ его ногами. Кругомъ все цвѣло и искрилось на солнцѣ. Въ сосѣднемъ саду кричали грачи. Городской шумъ достигалъ сюда, въ зеленый уголокъ, смягченный и гармоничный. Легкое опьяненіе охватило теперь пріятной истомой барона. Станиславъ Станиславовичъ говорилъ правду. Отъ его травничковъ забывались всѣ скорби житейскія и проносились предъ воображеніемъ радостные сны наяву. Пролетали безслѣдныя мгновенія. И душа отдыхала и искрилась. И чувства воспринимали все въ радужныхъ оболочкахъ.

Дотолѣ молчаливый „могиловѣдъ“ Ежовъ Парфеній сталъ распространяться о 1812 годѣ и о братскихъ могилахъ павшихъ. Зайцевъ Арсеній, своимъ нѣжнымъ, дѣвичьимъ голосомъ, предлагалъ тостъ за наставниковъ.

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ!

Онъ произнесъ эти стихи со слезами на глазахъ.

Станиславъ Станиславовичъ прочелъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Жалоба драгуна на узкія рейтузы“.

Между тѣмъ Петрушечка, хотя нѣсколько и заплетающимся языкомъ, сталъ подъ шумокъ разспрашивать дядюшку Кривскаго, какимъ это образомъ по городу разошлась исторія о дуэли барона съ Володей Шналленштейномъ.

— Наталья Платоновна узнала о вызовѣ отъ Лизы Осбальдистонъ,—отвѣчалъ дядюшка, крутя папироску и соря табакомъ,—а той Володя сказалъ. Кстати онъ вѣдь ей сдѣлалъ предложеніе, или она ему сдѣлала предложеніе—ужъ не знаю навѣрное. Во всякомъ случаѣ, Володя, изъ принципа высказываясь за сожитіе внѣ брака, однако, не отказывается выполнить и отжившій предразсудокъ, жениться какъ слѣдуетъ, съ попомъ и шаферами, на чемъ, конечно, настаиваетъ Лиза. Наталья Платоновна проболталась затѣмъ о дуэли, которая едва не состоялась у нея въ Княжихъ Межахъ, его превосходительству, безполезному директору никому не нужнаго департамента, князю Дольскому. Я узналъ и взялъ съ него слово молчать. И, конечно, только напортилъ. Князь на меня золъ, и едва мы пріѣхали и онъ попалъ въ клубъ, подъ рукой навралъ и наплелъ всѣмъ, кому могъ. Къ утру сплетня уже обошла весь городъ и мнѣ проходу не давали, разспрашивали.

— Я самъ такъ думалъ,—сказалъ Петрушечка.—А баронъ хочетъ потребовать объясненій у князя.

Digitized by Google

— Боже упаси!—сказалъ дядюшка Кривскій.—Баронъ, неужели вы хотите связываться съ этимъ гемороидальнымъ чинушкой?—обратился онъ къ барону Фабіану.—Оставьте. Не троньте—не услышите дурного запаха. И вообще, милый баронъ, позвольте преподать вамъ верховный, руководящій въ русской жизни принципъ.

— Что это за принципъ?—улыбаясь, спросилъ баронъ.

— Наплевать. Вотъ какой принципъ. Безъ него въ Россіи не прожить, вѣрьте мнѣ. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, скажите только: „наплевать"!—и все станетъ просто, ясно и благополучно. А теперь, мой благороднорожденный баронъ, и ты, Петрушечка, надо спасаться отъ „отравничковъ" Станислава. Не то онъ напоитъ насъ до безчувствія. Это коварнѣйшій злодѣй! Встанемте вдругъ, разомъ и безъ объясненій, не прощаясь, молча уйдемъ. Если только ноги наши не откажутся.

Всѣ трое разомъ встали благополучно и пошли вонъ изъ сада.

— Куда? Куда?—обезсиленно завопилъ Станиславъ Станиславовичъ. И ухватился за статистиковъ, чтобы и они не ушли.

Но ежъ съ зайцемъ такъ уже употчивались, что если-бы и хотѣли встать, не могли-бы.

Они блаженно улыбнулись и вдругъ дуэтомъ, довольно складно запѣли, но другъ другу въ ротъ:

Заворуй—воруй—воруйка,
Сила маленькій дѣтинка!
Проторилъ Сила дорожку,
Мимо вала землянова,
Мимо сада зеленова,
Архирейскаго, большова,
Ко Ярилину подворью,
Ко Варварьину здоровью!

XXXII.

Въ Королевскомъ саду.

Дядюшка Кривскій, Петрушечка и баронъ Фабіанъ вышли изъ сада Станислава Станиславовича черезъ маленькую калитку въ монументальномъ каменномъ заборѣ, отдѣлявшемъ садъ съ одной стороны отъ переулка.

Евдокія Кузминична не забыла передать ключъ отъ этой

Digitized by Google

калитки Петрушечкѣ, дабы не стѣснить молодыхъ людей, если-бы тѣ вернулись среди ночи или подъ утро.

Переулокъ заросъ густой муравою, въ которой чуть проторена была дорожка и пропадали слабые слѣды колесныхъ колей. Когда случалось проѣзжать по этому переулку экипажу, изъ шляхетскихъ домиковъ, съ зелеными палисадничками, подъ старыми грушами и кленами, во всѣ окна, двери, ворота и даже подворотни глазѣли любопытные.

И теперь, появленіе трехъ господъ, изъ коихъ одинъ былъ совершенно незнакомъ, произвело въ переулкѣ волненіе. Прежде всего забезпокоилось четвероногое населеніе переулка, въ видѣ свиньи съ дюжиной поросятъ, пестрой телочки и еврейской козы съ оттянутымъ до земли выменемъ, кормилицы цѣлой семьи шапочника Вассермана, ютившагося въ двухъоконномъ домишкѣ надъ обрывомъ оврага, которымъ оканчивался этотъ переулокъ съ одной стороны. Загоготало и заши-пѣло и двуногое, пернатое населеніе улицы, въ видѣ утокъ и гусей, кормившихся въ канавѣ, заросшей лопушникомъ и снытью, и оставляющихъ повсюду изумрудные слѣды обильнаго питанія. Наконецъ, ребятишки, бѣжавшіе куда-то со змѣемъ, остановились въ нѣмомъ изумленіи, въ домикахъ стали открываться окошки и форточки, на крыльцо вышла толстая женщина, съ голыми, выпачканными мукой руками и пылающими отъ кухоннаго жара дебелыми щеками, въ кофтѣ, съ грудью, какія бываютъ только у лѣсныхъ нимфъ на мифологическихъ картинахъ. Въ калитки выглянули мужскія фигуры въ жилеткахъ, а шапочникъ Вассерманъ даже выскочилъ изъ окна и поспѣшно прошелъ мимо господъ и, остановившись въ отдаленіи, сталъ смотрѣть имъ въ спину.

— Да, тутъ незамѣченнымъ не пройдешь,—сказалъ дядюшка Кривскій.—Я понимаю теперь слова Цезаря о томъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. Идемте, господа, въ Королевскій садъ. Дорогой насъ вѣтеркомъ обвѣетъ и испарятся изъ мозга Станиславовы „отравнички".

Они скоро затерялись въ безконечныхъ заборахъ, изъ-за которыхъ только глядѣли вѣтви яблонь и грушъ. Улица шла то по краю оврага, то по дну его и, наконецъ, неожиданно вышла на берегъ Днѣпра, весь застроенный лачугами, съ возвышавшимся посреди нѣ большимъ каменнымъ трехъэтажнымъ зданіемъ.

Сильный спиртовый запахъ, разлитый въ воздухѣ, поразилъ обоняніе барона Фабіана.

Digitized by Google

— Отчего это такъ спиртомъ пахнетъ?—спросилъ онъ.

— А прочтите вывѣску на семъ зданіи,—отвѣчалъ Петрушечка, указывая на каменный домъ, казавшійся великаномъ среди окружавшихъ его хижинъ.

„Казенный Ректификаціонный заводъ"—значилось на вывѣскѣ.

— Это собраніе гнилыхъ лачугъ называется у насъ Калачевкой. Населеніе здѣсь самое бѣдное, самое пьяное и самое вороватое во всемъ городѣ, но много живетъ калачницъ. Пекутъ калачи изъ сѣрой муки и продаютъ на Днѣпровскомъ мосту,—объяснилъ дядюшка Кривскій.—Посмотрите, однако, на эту фигуру!

На углу стоялъ малый въ рубищѣ, съ трясущимися членами. Но, видимо, онъ вдыхалъ сладострастно спиртуозную атмосферу, распространяемую заводомъ. Тонкія ноздри его длиннаго, лиловаго носа раздувались. Онъ приплясывалъ на мѣстѣ, прищелкивалъ пальцами и облизывалъ воспаленнымъ языкомъ сухія губы.

— Эхъ, господа честные!—возопилъ онъ, запримѣтивъ „чистую публику".—Пожертвуйте хотя на мерзавчикъ. А то на соблазнъ заводъ поставленъ. Духъ около носа такъ и вьется, а въ руки не дается!

Дядюшка Кривскій далъ малому гривенникъ и тотъ сталъ кланяться до земли и размахивать шляпенкой.

— Это вѣдь муки Тантала!—сказалъ дядюшка.—Подумайте, каково здѣшнему запойному народу постоянно пребывать въ спиртовой атмосферѣ, распространяемой заводомъ, а? Какъ-то этотъ заводъ погорѣлъ. Воспламененный спиртъ стали спускать въ Днѣпръ. Что-же, толпа нищихъ пропоицъ собралась къ этой огненной рѣкѣ и, ставъ на колѣни, стала лакать пылающія волны спирта. Волосы, рожи, глотки себѣ опалили.

Пройдя еще, они увидѣли большое мѣсто огороженное деревяннымъ заборомъ. На немъ ничего не было, кромѣ какого-то балаганчика и столба съ колесомъ на вершинѣ. Въ воротахъ устроенъ былъ деревянный, вертящійся крестъ и маленькая будочка съ надписью „касса". Надъ воротами красовалась вывѣска: „Садъ интеллигентныхъ развлеченій для бѣднѣйшаго населенія города Общества Поощренія Воздержанія, Цѣломудрія и Трезвости имени Почетнаго Гражданина Михаила Ицековича".

— А вотъ здѣсь отвлекаютъ обывателей Калачевки отъ искушеній спиртуозной атмосферы, распространяемой заво-

Digitized by Google

домъ,—объяснилъ дядюшка.—За это пустое мѣсто Ицековичъ и почетное гражданство получилъ.

Мимо сѣдой стѣны, избитой, съ обвалившимися зубцами и поросшей кустами и цѣлыми деревьями, поднялись вверхъ къ городскому саду.

Садъ назывался Королевскимъ, потому что былъ расположенъ на мѣстѣ старой польской крѣпости и съ одной стороны ограждался громаднымъ насыпнымъ валомъ, сооруженнымъ королемъ Сигизмундомъ III.

Садъ былъ великъ, съ тѣнистыми аллеями, съ старыми деревьями и наливными, стоячими прудами. Вода въ этихъ прудахъ зацвѣла ряской и тиной, похожа была на ботвинью и хоры лягушекъ самодовольно урчали въ ней. Посреди сада была площадка и длинное деревянное зданіе съ навѣсомъ, гдѣ помѣщался ресторанъ.

Тутъ играла обыкновенно музыка, устраивались фейерверки и иллюминаціи, въ большомъ балаганѣ помѣщался циркъ и музей съ „анатомическимъ“ кабинетомъ, куда не пускали гимназистовъ черезъ переднія двери и куда они проникали черезъ заднія. Подъ деревьями на площадкѣ стояли столики, равно какъ и подъ навѣсомъ.

Бритая компанія опереточныхъ актеровъ въ желтыхъ башмакахъ и свѣтлыхъ „петанлерчикахъ“, обшитыхъ ленточкой, съ шлемами изъ люфы, жокеями и соломенными шляпами на головахъ,—съ тросточками, сопровождая тощую актрису съ острыми локтями и глазами, выскакивающими изъ орбитъ, съ шумнымъ разговоромъ, смѣхомъ, подпѣвая и показывая, какъ имъ весело и беззаботно живется, прошла къ пруду, разсѣлась въ лодки, и стала медленно кататься по „ботвиньѣ“, произведя разстройство въ лягушечьихъ хорахъ.

Дядюшка Кривскій предложилъ подняться на валъ и полюбоваться открывающейся оттуда чудной панорамой.

И правда, видъ былъ чудный, на десятки верстъ. Идя по валу, они замѣтили на скамейкѣ двухъ молоденькихъ, изысканно одѣтыхъ евреечекъ. Съ ними сидѣлъ русскій студентъ въ мундирѣ и со шпагой, съ хитроватой бѣлорусской физіономіей. Одна изъ евреечекъ, по своему хорошенькая, что-то читала изъ книжки.

— Подождемте, господа, послушаемъ, что это они читаютъ,— сказалъ дядюшка Кривскій.—Вонъ рядомъ скамеечка. Можно присѣсть. Замѣтьте, у цивилизованныхъ евреевъ считается особеннымъ шикомъ, чтобы молоденькія евреечки—невѣсты

Digitized by Google

гуляли съ русскимъ студентомъ хорошей фамиліи. А русскіе студенты хорошихъ фамилій, но съ оскудѣніемъ наслѣдственныхъ маетностей, кажется, не отвращаютъ практическаго взора отъ банкирскихъ богатыхъ дочекъ. Хотя онѣ имъ не достанутся никогда. Папахенъ уже заготовилъ зятя изъ Вильны или изъ Минска, этого сѣверо-западнаго центра іудейской цивилизаціи. Подойдемте. Ихъ это не смутитъ. Онѣ нарочно сидятъ, чтобы ихъ видѣли, и нарочно читаютъ, чтобы ихъ слышали.

Дядюшка Кривскій, Петрушечка и баронъ Фабіанъ сѣли на ближней скамейкѣ. Евреечки кинули на нихъ косвенные взгляды маслинообразныхъ глазокъ и опять сосредоточились на читаемой книжкѣ. Онѣ были модно причесаны и пошевеливали перетянутыми таліями, чтобы шелковыя юбки, поднимавшіяся надъ ихъ ножками въ золотистыхъ башмачкахъ, шуршали и свистѣли, обличая благородный матеріалъ, изъ котораго были сшиты. Онѣ были еще очень юны, лѣтъ 16—17-ти, обѣ на одно лицо, съ горбатыми носиками, алыми щечками и припухлыми губками. Только у одной вся правая сторона усѣяна была роями веснушекъ.

Студентъ курилъ папиросу и довольно разсѣянно слушалъ читавшую дѣвушку, которая подняла голосъ, едва замѣтила постороннихъ.

— Народное собраніе—асамблэ насіональ—въ лицѣ представителей дворянства и духовенства постановило полную перемѣну формы правленія съ замѣной автократіи тираніи на суверенитетъ народа.

Евреечка читала съ упоеніемъ и благоговѣніемъ и къ книжкѣ, и къ самой себѣ, читающей такую премудрость. Читала она наставительно, видимо, считая своей культуртрегерской миссіей просвѣтить русскаго грубаго студента на счетъ великой французской революціи. Какъ всегда, обиліе буквы „р“ въ терминологіи заставляло дѣвушку глотать воздухъ и мило картавить.

— Ну,—сказалъ дядюшка Кривскій, поднимаясь,— это уже не ново. Мы это уже давно слышали—и „суверенитетъ народа“, и „полную перемѣну формы правленія“. Пройдемтесь по валу, да и обѣдать пора. Тамъ въ рестораціи увидимъ прелюбопытныя губернскія фигуры.

Они пошли дальше, любуясь видомъ.

— Третье сословіе—тіерзъ эта—которое было ничѣмъ и стало всѣмъ...—донеслось до нихъ картавое чтеніе шикарно-цивилизованной евреечки.

Digitized by Google

Обойдя садъ по валу, они уже собирались спуститься къ ресторану, когда замѣтили внизу, въ оврагѣ запачканнаго мальчишку, безъ шапки, босого, распоясаннаго, съ торчащей изъ дыръ штанишекъ рубашкой, который бѣжалъ съ лихимъ видомъ и на бѣгу подщелкивалъ себя пятками.

— А у насъ нонѣ,—кричалъ онъ пронзительно, въ восторгѣ, точно сообщалъ нивѣсть о какомъ вкусномъ блюдѣ,—а у насъ нонѣ жидовъ б-б-и-и-и-ть б-б-у-у-ду-утъ!

— Замѣтьте, господа,—сказалъ дядюшка Кривскій,—какое трогательное единодушіе и взаимное пониманіе у этого „представителя народа“ и тѣхъ культурныхъ интеллигентовъ съ ихъ „полной перемѣной формы правленія“.

XXXIII.

Губернская ресторація.

Появленіе дядюшки Кривскаго съ Петрушечкой и барономъ подъ навѣсомъ ресторації Королевскаго сада произвело волненіе. Лакеи въ грязныхъ фракахъ бросились указывать столъ и отодвигать стулья, низко кланяясь.

— Позовите Митрошку,—приказалъ дядюшка, усаживаясь.

Митрошка—толстякъ съ ударной шеей и рябой, распухшей физіономіей—явился и, почтительно кланяясь, освѣдомился давно ли изволили въ городъ пожаловать.

— Вчера вечеромъ, братъ. Да не въ этомъ сила,—сказалъ дядюшка.—Накорми ты насъ.

— Затѣмъ и ресторанъ держимъ-съ,—отвѣчалъ Митрошка,—вотъ-съ по картѣ изволите приказать.

— Накорми ты насъ!—ударяя на словѣ „накорми“,—опять повторилъ дядюшка.

— Слушаю-съ. Разумѣю-съ,—встрепенулся Митрошка.

— А разумѣешь, такъ дѣйствуй, чтобы не стыдно было гостя. Это не кто-нибудь—баронъ. Ему надо тонко подать.

— Разумѣю-съ. Удовлетворю-съ,—отвѣчалъ Митрошка и, размахивая руками, устремился пузомъ въ свою кухню.

— Ужасный мошенникъ!—сказалъ дядюшка Кривскій.—Но онъ меня знаетъ и накормитъ отлично. И вина хорошаго подастъ. Конечно, сдеретъ за это. Но за то вы полюбуетесь галлереей губернскихъ типовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ саду стали появляться обычные завсегдатаи ресторана и за привычными столиками усаживаться подъ навѣсомъ.

Digitized by Google

Въ дальнемъ углу уже сидѣла актерская компанія. Потомъ явилось нѣсколько судейскихъ. Всѣ они были одѣты у московскаго портного и, подойдя къ столику, гдѣ сидѣлъ дядюшка Кривскій, здоровались съ нимъ, бросая любопытные взгляды на прямую и строгую фигуру заѣзжаго барона.

Дядюшка Кривскій не счелъ однако нужнымъ ихъ представлять барону и они усѣлись въ сторонкѣ, скромно спросивъ шнельклопсовъ и пива.

Изъ глубины ресторанаго помѣщенія шелъ достаточно непріятный чадъ. Въ бильліардной слышался трескъ шаровъ. Митрошка, двигаясь пузомъ, размахивая руками, появился опять съ донесеніемъ, что есть рябчики, есть рыба, есть спаржа и есть дыня.

— Ну, и неси намъ этихъ рябчиковъ, рыбу, спаржу и дыню,— распорядился дядюшка.

Къ нему подошелъ молодой человѣкъ въ бѣломъ, чечунчевомъ сюртучкѣ, сильно на ходу вилявшій задомъ, съ отличными черными бакенбардами, но съ какимъ-то оплывкомъ вмѣсто носа. Это былъ не служащій шалопай, молодой губернскій дворянинъ, только что получившій наслѣдство и уже прокучивавшій его при помощи мѣстныхъ злачныхъ учрежденій съ солидною неторопливостью. Съ дядюшкой онъ былъ на „ты“ и они обнялись.

— Ну, что, Борисъ, шалопайничаешь?—спросилъ его дядюшка.

— Ахъ, такая тоска! Такое однообразіе! Зачѣмъ я здѣсь?— вскричалъ молодой наслѣдникъ, пожимая руку Петрушечки.

— Здѣсь ты вѣроятно затѣмъ, чтобы обѣдать. Садись къ нашему столику. Позвольте вамъ представить, баронъ, сей отпрыскъ дворянскаго древа жизни. Садись-же, садись, отпрыскъ!

— Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ я вообще въ Россіи, когда мнѣ слѣдуетъ ѣхать доканчивать мое образованіе въ Оксфордъ?— продолжалъ „отпрыскъ древа жизни“.—Кто отвѣтитъ? Лѣнь, русская лѣнь, и я сижу здѣсь, въ этомъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ никакой жизни. Я такъ полагаю, баронъ,—продолжалъ молодой дворянинъ, садясь и обращаясь къ барону Фабіану.— Я такъ полагаю, что вопреки мрачнымъ предсказаніямъ славянофиловъ, Западная Европа продолжаетъ быстро развиваться,—скороговоркой проговорилъ „отпрыскъ древа жизни“.

— Положимъ, что развивается,—сказалъ дядюшка Кривскій, тебѣ-то, Боря, какое дѣло до этого быстраго развитія? Вѣдь ты классическую гимназію... не кончилъ.

Digitized by Google

— Я убѣжденъ, что развитіе Западной Европы идетъ впередъ,—отворачиваясь отъ дядюшки, быстро продолжалъ „отпрыскъ“.—Никогда еще она не была здоровѣе и могущественнѣе, чѣмъ теперь!.. Ея техника, ея пріемы борьбы съ природою за жизнь безконечно совершенствуются! Наука съ ея точными методами изслѣдованія, съ ея положительнымъ знаніемъ дѣйствительности дѣлается достояніемъ широкихъ массъ...

— Да, пощади, Борисъ,—взмолился дядюшка,—изъ какого это ты либеральнаго псалтыря вычитываешь?

— ...Массъ. Личность западнаго европейца пользуется такою свободою и неприкосновенностью, какая еще никогда не была достигнута. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его личность выработала въ себѣ способность и умѣнье дѣйствовать въ союзѣ съ другими, коллективно. Всѣ эти начала, въ своей совокупности, созданныя Западомъ, придаютъ ему такую мощь, которая не можетъ быть сокрушена ни однимъ изъ отсталыхъ народовъ въ ихъ теперешнемъ состояніи. Наоборотъ...

— Ахъ, чортъ тебя возьми!—сказалъ дядюшка Кривскій,—да откуда ты эту гиль выучилъ?

— Наоборотъ, каждый изъ нихъ при столкновеніи съ Западомъ, обреченъ, рано или поздно, на полное пораженіе. Это обстоятельство начинаетъ становиться понятнымъ для самыхъ отсталыхъ народовъ. Передъ каждымъ изъ нихъ...

— Варваръ,—простоналъ дядюшка, затыкая уши,—долго-ли ты будешь извергать изъ себя эти пошлости?

— Возникаетъ неизбѣжная альтернатива—или, усвоивъ съ возможною быстротою начала западно-европейской культуры, развернуть всѣ свои силы и такимъ образомъ въ техникѣ борьбы за жизнь сравняться съ западомъ, или, пренебрегши западно-европейскимъ опытомъ и сохранивши преданность „національнымъ началамъ“, погибнуть. Другого выбора нѣтъ.

На сосѣднемъ столикѣ, гдѣ сидѣли за шнельклопсами судейскіе, раздались аплодисменты. „Отпрыскъ древа жизни“ всталъ и самодовольно раскланялся въ сторону аплодисментовъ.

— Другого выбора нѣтъ,—повторилъ онъ, ударивъ себя въ грудь.—И тѣ народы, у каторыхъ инстинктъ самосохраненія еще не притупился, жертвуютъ старо-національными привычками и энергично прививаютъ себѣ западно-европейскія начала...

Дядюшка Кривскій поспѣшно налилъ рейнъ-вейна и сунулъ „отпрыску“ къ устамъ, въ то-же время дернувъ его за фалды и усадивъ.

Digitized by Google

— Да замолчи Бога ради, Борисъ!—умолялъ онъ.—Что это такое? Откуда ты вызубрилъ эту галиматью?

— Это моя политическая исповѣдь, а не галиматья,—обиженно отвѣчалъ „отпрыскъ".

— Я ни откуда не училъ. А это программа нашей фракціи. Развѣ ты не знаешь, что я вступаю въ компанію на паяхъ, которую организуетъ Соломонъ Соломоновичъ съ цѣлью покупки „Вѣстника" у генерала Подчеревнаго? Какъ-же, дѣло совсѣмъ уже налажено. И сейчасъ сюда явится вся наша фракція. Цвѣтъ и прогрессъ! Прогрессъ и гласность! Гласность и децентрализація!

— Эхъ, братъ, видно, что ты по малоуспѣшности изъ четвертаго класса вышелъ,—съ досадой сказалъ дядюшка Кривскій.—Оберетъ тебя Соломонъ. Вотъ увидишь. Имѣніе-то заложилъ?

— Заложилъ!—сіяя самодовольствомъ, отвѣчалъ „отпрыскъ древа жизни".

— Ужъ лучше-бы въ самомъ дѣлѣ въ Оксфордъ уѣхалъ, право. А имѣніе какое чудное досталось. Помню, у отца твоего превосходная библіотека была богословская. Переводы отцовъ церкви славянскіе. Онъ любитель былъ.

— Ну, эту рухлядь я всю отправилъ на чердакъ,—сказалъ „отпрыскъ".—Кому это теперь надо? Кого можетъ занимать? Отцы церкви какіе-то? Я составилъ себѣ новую библіотеку по указанію Соломона Соломоновича, на нѣмецкомъ языкѣ. Все соціалисты, талмудисты, экономисты, утописты, педагогисты утилитаристы, пессимисты...

— Постой, постой, педагогистъ! Вѣдь ты нѣмецкаго языка не знаешь?

— Я учусь, что-жъ такое? Да и библіотеку еще не прислали изъ Берлина. Послалъ заказъ. Библіотеку я, однако, въ деревню не увезу, а буду здѣсь въ своемъ домѣ держать, чтобы ею могли пользоваться наши сіонисты. Я вѣдь сіонистъ, да. И въ библіотекѣ будетъ полный талмудъ на древне-еврейскомъ языкѣ.

— Талмудъ! Борисъ, да ты что-же, обрѣзался, что-ли? Какое тебѣ дѣло до сіонистовъ? И почему отцовъ церкви ты выбросилъ, а талмудъ выписываешь? Ты меня просто изумляешь! Слишкомъ ужъ дико, даже и для нашихъ мѣстъ.

— Ты немного отсталъ, мнѣ кажется, отъ вѣка,—возразилъ не безъ важности „отпрыскъ дворянскаго древа жизни",—теперь всѣ передовые люди—сіонисты. Всѣ понимаютъ, что и не будучи евреями, они нравственно обязаны помочь имъ наконецъ получить

Digitized by Google

законно-охраняемое отечество. Это—первая задача всякаго прогрессиста, и пока эта основная цѣль не достигнута, всѣ остальныя должно отложить въ сторону. Я—русскій дворянинъ и даже уважаю гуманную личность основателя христіанства, но я—убѣжденный сіонистъ. Я пожертвовалъ обществу шкловскихъ сіонистовъ знамя и три тысячи рублей и они мнѣ прислали адресъ на еврейскомъ языкѣ. Приходи ко мнѣ, покажу.

— Смотри, ты по-еврейски еще не выучился...

— О, я учусь!

— Но еще не выучился и никогда не выучишься, такъ-же какъ и нѣмецкому. Тамъ, можетъ быть, твои шкловскіе сіонисты въ насмѣшку тебя въ этомъ адресѣ выругали, какъ нельзя хуже. А ты и не знаешь.

— Ну, какъ это можно предполагать? Что ты! Я-же имъ послалъ шитое золотомъ знамя еврейскихъ національныхъ цвѣтовъ и три тысячи...

— Знаешь, если бы я былъ евреемъ, то, не смотря на знамя и тысячи, все-таки тебя въ адресѣ выругалъ бы тайнымъ манеромъ. Стойтъ! Съ какой стати ты отцовское наслѣдство тратишь на еврейское отечество? Да и на что имъ это отечество въ Палестинѣ, когда скоро къ ихъ услугамъ будетъ вся Россія?

— Съ какой стати! Ну, ужъ если признаться, такъ я...—„отпрыскъ“ понизилъ голосъ,—взялъ на содержаніе такую жидовочку, что прелесть! Ради нея и сіонистомъ сталъ. Но вотъ идетъ наша фракція! Ты знакомъ съ Соломономъ Соломоновичемъ?

— Какъ-же, знакомъ. Съ кѣмъ я только не знакомъ!—отвѣчалъ дядюшка Кривскій.—Но ты сажай свою фракцію въ сторонкѣ. Все равно можно будетъ и слышать, и наблюдать.

— Ахъ, это гораздо лучше! Знаешь, Соломонъ Соломоновичъ считаетъ тебя врагомъ евреевъ и ретроградомъ... Я даже скрою, что знакомъ съ тобою, чтобы не повредить своей репутаціи.

XXXIV.

Собраніе мѣстныхъ силъ.

„Отпрыскъ дворянскаго древа жизни“ торопливо перебѣжалъ за столикъ судейскихъ.

Подъ навѣсъ ресторація между тѣмъ вступала сіонистская „фракція“.

Впереди шелъ въ широкополой шляпѣ и въ парѣ бле-

Digitized by Google

электрикъ самъ мѣстный публицистъ Соломонъ Соломоновичъ. Это былъ молодой, худощавый еврей, съ сѣрымъ, нервнымъ лицомъ, совершенно безпросвѣтнаго выраженія и съ горящими мстительнымъ огнемъ впалыми глазами. Бритыя щеки и губы его отливали оливково-синеватымъ оттѣнкомъ. Онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и былъ-бы даже довольно строенъ, если-бы не сутулыя плечи и не впалая грудь.

Онъ шелъ, глядя прямо передъ собою, съ самоуглубленіемъ и какъ-бы въ остолбенѣніи передъ своимъ призваніемъ и сіонистской идеей. Тонкими, желтоватыми, какъ у мертвеца, пальцами согнутыхъ рукъ онъ какъ-бы нѣчто невидимое передъ собою ощупывалъ, напоминая движущагося въ тѣснотѣ слѣпого. Рядомъ съ нимъ поспѣшала, забѣгая то справа, то слѣва, старенькая, но кругленькая, румяненькая, сдобненькая дамочка, съ остриженными въ скобку волосами, прикрытыми мужскимъ, низкимъ цилиндромъ, съ пестрымъ, яркимъ галстучкомъ на пластронѣ, выгнутомъ на обширной груди, въ открытомъ пиджачкѣ и короткихъ юбкахъ, изъ-подъ которыхъ выставлялись большія ноги въ штиблетахъ съ высокими каблуками. Въ рукахъ дама держала, увязанное въ ремешкахъ, полное собраніе сочиненій Михайловскаго, переплетенное въ одинъ чудовищный томъ и напоминавшее тяжелый сундучекъ. Изъ кармановъ юбочки у дамы торчали свертки рукописей. Это была извѣстная всему городу идейная дама, госпожа Мирликійская, дочь протоіерея, но прогрессивно-передовыхъ убѣжденій. Въ редакціи мѣстнаго „Вѣстника“ она исполняла должность секретаря и преклонялась предъ двумя геніями — Михайловскимъ, съ сочиненіями котораго никогда не разставалась, и редакторомъ губернскаго органа Соломономъ Соломоновичемъ. За вождемъ и секретаршей двигалась остальная „фракція“, состоявшая впрочемъ только изъ пяти человѣкъ: члена управы, писавшаго въ газетѣ по экономическитъ вопросамъ, Модеста Кукушкина, одѣтаго въ желтую крылатку и котелокъ и сильно напоминавшаго факельщика погребальной процессіи, адвоката Щечкина и офиціальнаго редактора-издателя, старца-генерала Подчеревнаго, съ младенческимъ выраженіемъ сморщеннаго личика съ вылѣзшими волосами на черепѣ, бровяхъ, губахъ и подбородкѣ, но съ густыми, сѣдыми клоками на оттопыренныхъ ушахъ. Редакторъ-издатель одѣтъ былъ въ теплую шинель на ватѣ, несмотря на лѣтнее время, и двигался, опираясь на костыль. При взглядѣ на него припоминался и сѣдой Харонъ, перевозящій тѣни умершихъ черезъ Стиксъ, и тѣ отставныя существа, которыя, кряхтя и охая, взбираются за

Digitized by Google

пенсіей въ нарочитый день по лѣстницѣ казначейства. Генералъ былъ такъ старъ, что уже не помнилъ не только настоящаго, но и прошедшаго, а одно только давно-прошедшее. И тѣмъ не менѣе энергично враждовалъ съ губернаторомъ. „Фракцію“ дополняли еще двѣ личности—„студентъ“ Заушевичъ, носившій, дѣйствительно, университетскую фуражку, и молодой человѣкъ, въ костюмѣ полового съ суковатой дубинкой въ рукахъ. Онъ раньше служилъ приказчикомъ въ книжной лавкѣ. Но городъ посѣтилъ „великій Максимъ“ и, когда справлялся въ лавкѣ о количествѣ проданныхъ экземпляровъ его піесы „На днѣ“ съ цѣлію опредѣлить степень культурности обывателей, разговорился съ приказчикомъ и открылъ въ немъ беллетриста-мыслителя. Онъ благословилъ его своею собственною дубинкою и портретомъ съ автографомъ. Послѣ этого молодой человѣкъ приглашенъ былъ сотрудникомъ въ „Вѣстникъ“ и помѣщалъ въ немъ разсказы „максимовскаго“ жанра.

— Соломонъ Соломоновичъ!—крикнулъ „отпрыскъ дворянскаго древа жизни“, когда „фракція“ вступила подъ навѣсъ ресторана.—Я здѣсь!

Но Соломонъ Соломоновичъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ возгласъ и, приблизившись къ свободному столику, снялъ шляпу и положилъ ее, обнаруживъ черную, какъ смоль, и курчавую, какъ у негра, шевелюру.

Госпожа Мирликійская поспѣшно шлепнула рядомъ со шляпой Соломона своего Михайловскаго и стала разстегивать пряжки ремешковъ и снимать ихъ, чтобы имѣть эту „энциклопедію прогрессивно-мыслящаго человѣчества“, какъ она выразилась, подъ руками всякую минуту для справокъ.

„Фракція“ между тѣмъ разсаживалась кругомъ.

„Отпрыскъ дворянскаго древа жизни“ подскочилъ и сталъ, униженно кланяясь, пожимать всѣмъ руки. Несмотря на его пожертвованія и будущую роль пайщика газеты, „фракція“ обходилась съ нимъ чрезвычайно свысока и небрежно. Соломонъ Соломоновичъ еле удостоилъ ему протянуть руку.

— Кажется, я еще не ѣлъ сегодня,—меланхолически произнесъ великій еврей.—А я такъ много работалъ для дѣла и такъ усталъ!

Онъ безнадежно опустился на стулъ.

— Да! Да! Соломонъ Соломоновичъ, вы еще ничего сегодня не ѣли,—затараторила мадамъ Мирликійская,—это ужасно! Вы себя не бережете! А вы такъ нужны, такъ безконечно важны для дѣла теперь, когда у человѣчества такъ мало геніевъ и самого Николая Константиновича не стало.

Digitized by Google

— Да, я еще не ѣлъ сегодня,—опять меланхолически повторилъ Соломонъ Соломоновичъ.—А кажется, я заработалъ свой кусокъ хлѣба съ солью и свой стаканъ воды.

— Че-а-экъ!—рявкнулъ членъ управы Модестъ Кукушкинъ.—Водки! Закуски! Пива! И восемь обѣдовъ! Вы съ нами обѣдаете?—[кинулъ онъ черезъ плечо „отпрыску дворянскаго древа жизни".

— Конечно, мосье Борисъ обѣдаетъ съ нами,—пропищала мадамъ Мирликійская.—Онъ-же насъ пригласилъ и за все платитъ.

— Конечно! Разумѣется! Я весьма охотно!—поспѣшилъ сказать тотъ.

— Я шамъ жа шебя плашу,—прошамкалъ генералъ Подчеревный.—И мнѣ капусту, одну капусту!

— Интересная черта бытовыхъ особенностей отживающаго строя, Соломонъ Соломоновичъ,—сказалъ беллетристъ, одѣтый половымъ, играя „дубинкою Максима",—здѣсь позвали лакея словомъ „человѣкъ". Такъ въ этомъ догнивающемъ строѣ священнѣйшее изъ званій дается услужающимъ паріямъ. „Человѣкъ! это звучитъ гордо!" сказалъ геніальный Максимъ. И вотъ, это гордое слово раздается у насъ въ трактирахъ! Характерно!

— Характерно!—какъ эхо, повторилъ за беллетристомъ „студентъ" Заушевичъ.

— Ваша мысль оригинальна и рекомендую вамъ написать передовую статью о человѣкѣ и „человѣкѣ"—поощрительно сказалъ Соломонъ Соломоновичъ, которому подали тарелку съ бутербродами изъ свѣжей икры и рюмку старой мадеры вмѣсто „хлѣба и воды".

— Это я распорядился,—льстиво сказалъ ему „отпрыскъ", вырывая изъ рукъ лакея тарелку и самъ ставя ее передъ Соломономъ Соломоновичемъ.—Я знаю, что вы любите свѣжую икру. И ваша мадера! Обѣдъ тоже мною заказанъ напередъ, господа,—обратился онъ къ остальной „фракціи".—И капуста для васъ, генералъ!

— Я шамъ жа шебя плашу,—упрямо прошамкалъ генералъ Подчеревный.

— Сигары и папиросы! Что-же сигары и папиросы!—засуетился „отпрыскъ" и побѣжалъ въ глубь ресторація.

— Какъ онъ суетится!—пожимая плечами, сказалъ Соломонъ Соломоновичъ и съ брезгливымъ видомъ сталъ жевать бутербродъ, въ то-же время развернувъ передъ собою номеръ сіонист-

Digitized by Google

ской газеты на древне-еврейскомъ языкѣ, дабы не терять времени даромъ.

Между тѣмъ у беллетриста и мадамъ Мирликійской поднялся споръ объ опредѣленіи слова „человѣкъ".

— Человѣкъ — это звучитъ гордо! — повторялъ беллетристъ.—Это геніальное опредѣленіе.

— Это, конечно, геніально, какъ всякая строка Максима Горькаго и Леонида Андреева, согласилась мадамъ Мирликійская,—но это не философское и не соціологическое опредѣленіе.

— Къ чорту соціологію и философію!—сказалъ беллетристъ.—Это опредѣленіе босяцкое и довольно.

— И совершенно довольно,—повторилъ, какъ эхо, „студентъ" Заушевичъ.

— Я совершенно согласна, что босякъ скажетъ новое слово человѣчеству...—заторопилась мадамъ Мирликійская.

— Онъ ужъ его сказалъ! — рѣшительно крикнулъ беллетристъ и стукнулъ крѣпко „дубинкою Максима" по столу.

— А-ахъ!—сдѣлалъ Соломонъ Соломоновичъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и уронивъ бутербродъ на древне-еврейскую газету.—Можно-ли такъ неожиданно стукать! Нужно имѣть нервы гиппопотама!

— Я совершенно согласна, что босякъ уже сказалъ новое слово человѣчеству,—торопилась мадамъ Мирликійская.—Но истинно соціологическое и позитивно-философское опредѣленіе слова „человѣкъ" можно только найти у Николая Константиновича. Позвольте! — дама поспѣшно надѣла на свой кругленькій носикъ черепаховое пенснэ и ухватилась за чудовищный томъ полнаго собранія сочиненій Михайловскаго,—вотъ тутъ въ изслѣдованіи „Что такое прогрессъ"?—1423-й столбецъ, 31-я строка снизу.

Дама стала перелистывать томище.

— Ахъ, какой вѣтеръ вы сдѣлали! — нервно содрогаясь, поднимая воротникъ пальто и загораживаясь древне-еврейской газетой, сказалъ редакторъ.

— Извините, ради Христа и...—дама подумала,—Моисея и Лассаля,—скороговоркой прибавила она. — Вотъ опредѣленіе!—съ торжествомъ воскликнула мадамъ Мирликійская и прочла: — „Субъективно-объективное опредѣленіе человѣка, не во гнѣвъ будь сказано мистеру Спенсеру и россійскимъ гамлетизированнымъ поросятамъ, не поддается соціальному анализу, но, какъ среда идейныхъ ферментовъ, квалифицируется въ личности героя и растворяется въ безличности толпы, какъ общественность на подкладкѣ біолого-экономико-

Digitized by Google

соціологической проблемы". Вотъ полное опредѣленіе человѣка, данное незабвеннымъ Николаемъ Константиновичемъ. Онъ самъ мнѣ подчеркнулъ его оранжевымъ карандашемъ! Можно ли хоть слово прибавить къ этому опредѣленію? Это геніально!

— Обѣдъ, господа! Уха!—возгласилъ, появляясь, въ сопровожденіи лакея, несшаго большую миску, „отпрыскъ".

Онъ схватилъ суповую ложку и самъ поспѣшилъ налить уху въ тарелку Соломона Соломоновича.

— Охъ, какъ вы неожиданно плеснули! — воскликнулъ нервный редакторъ, содрогаясь съ ногъ до головы. — Дайте мнѣ, пожалуйста, мой cali bromati!—обратился онъ къ секретаршѣ.

XXXV.

Чаша страданій еврейскаго народа.

Мадамъ Мирликійская достала изъ объемистаго кармана склянку съ лекарствомъ, налила столовую ложку cali bromati и подала Соломону Соломоновичу.

Нервный редакторъ проглотилъ и принялся за уху.

— Это что же, вмѣсто водки, вы cali bromati пьете, Соломонъ Соломоновичъ? — полюбопытствовалъ Модестъ Кукушкинъ.

— У всѣхъ геніевъ обнаженные нервы, — съ глубокимъ вздохомъ сказала секретарша. — У покойнаго Николая Константиновича бывали такіе припадки нервной раздражительности, что онъ запирался въ отдѣльную, пустую комнату и тамъ швырялъ о полъ желѣзнымъ стуломъ.

— А! Бываютъ дни, когда я чувствую желаніе всему человѣчеству пустить въ голову желѣзнаго стула! — сказалъ Соломонъ Соломоновичъ.—Здѣсь!—онъ показалъ на древнееврейскую газету,—достаточно обвинительнаго матеріала, чтобы признать человѣчество достойнымъ желѣзнаго стула.

— Это какъ у великаго Максима, его герои часто выражаютъ желаніе плюнуть всему человѣчеству въ глаза,—сказалъ беллетристъ.

— И стоитъ наплевать за страданія евреевъ всему человѣчеству въ глаза!—отозвалось эхо, въ лицѣ „студента" Заушевича.

Соломонъ Соломоновичъ посмотрѣлъ на „студента" благосклонно.

Digitized by Google

— Генералъ, вотъ ваша капуста,—сказалъ „отпрыскъ“, наклоняясь къ оттопыренному и поросшему сѣдымъ мѣхомъ, но глуховатому уху генерала, который дремалъ, открывъ ротъ.

— А?!—просыпаясь, спросилъ старецъ.

— Я говорю, передъ вами капуста!

— Я шамъ жа капушту плашу,—угрюмо прошамкалъ генералъ.

— Чтобы скорѣе приступить къ дѣлу, господа, я приказалъ подать шампанское,—объявилъ „отпрыскъ“, между тѣмъ, какъ лакей съ бутылками обходилъ членовъ „фракціи“, наполняя бокалы.—Вамъ Apollinaris, Соломонъ Соломоновичъ,—самъ подавая бутылку, продолжалъ „отпрыскъ“.—Я знаю, что вы ничего не пьете. Господа, позвольте мнѣ, разъ уже вы собрались здѣсь по моему приглашенію...

— Мосье Борисъ,—попросила мадамъ Мирликійская,—велите подать большихъ грушъ; я унесу домой моимъ племянникамъ, дѣтямъ доктора Пентикостаріева.

— Принесите грушъ... По моему приглашенію, какъ будущаго пайщика переходящей въ руки „фракціи“ газеты, въ немногихъ словяхъ изложить мою политическую исповѣдь. Я полагаю, что вопреки мрачнымъ предсказаніямъ славянофиловъ, западная Европа быстро развивается. Наука, съ ея точными методами изслѣдованія, съ ея положительнымъ знаніемъ дѣйствительности...

— Позвольте, я ужъ это утромъ сегодня прочелъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и даже отчеркнулъ краснымъ карандашомъ для отдѣла „Отголосковъ печати“,—сказалъ Модестъ Кукушкинъ и досталъ изъ крылатки измятый номеръ газеты.—Вотъ оно: „Вопреки мрачнымъ предсказаніямъ славянофиловъ, западная Европа...“ Слово въ слово! Ну, валяйте дальше, а я по газетѣ буду провѣрять. Посмотримъ, крѣпка ли ваша память?

„Отпрыскъ“ переконфузился и покраснѣлъ.

— Меня перебили. Это, дѣйствительно, я сталъ цитировать статью „Петербургскихъ Вѣдомостей“... А потомъ было бы мое собственное.

За столомъ судейскихъ, уже разъ прослушавшихъ „цитированіе“ молодого „пайщика“, раздался смѣхъ.

— Вотъ онъ откуда жарилъ,—сказалъ вполголоса и дядюшка Кривскій, какъ зритель изъ ложи, съ интересомъ наблюдавшій и внимавшій, сидя за своимъ столикомъ.

Digitized by Google

Подъ деревьями, между тѣмъ, появились военные музыканты и играли для начала какой-то маршъ. Въ саду стала прибывать публика. Двое купцовъ угощали опереточныхъ актеровъ и тощая актриса, съ глазами, выскакивающими изъ орбитъ, заливалась „сценическимъ“ смѣхомъ.

Въ компаніи „фракціи“ поднялись насмѣшки надъ будущимъ „пайщикомъ“.

— Если ужъ надо провозгласить наше идейнее credo, то не пожелаетъ ли „фракція“ прочесть 567 и 845 столбцы изъ четвертой части сочиненій Николая Константиновича?—ухватившись за томище, предложила Мирликійская. — На этихъ страницахъ изложено все, во что долженъ вѣрить всякій прогрессивный человѣкъ въ окончательной и прогрессивной формѣ.

— Я бы предложилъ прочесть страницу изъ Максима Горькаго,—сказалъ беллетристъ.

— Или же Леонида Андреева,—дополнилъ „студентъ“ Заушевичъ.

— Не дерзая стать рядомъ съ названными великими именами,—провозгласилъ вдругъ адвокатъ Щечкинъ, поднимаясь и одной рукой держа бокалъ, а другую закладывая за бортъ фрака, — я позволю предложить свое слово, съ позволенія г. предсѣдателя. Полагаю, что мы единогласно и единодушно изберемъ нашимъ предсѣдателемъ сегодня Соломона Соломовича! — обводя взглядомъ сидѣвшихъ за столомъ, добавилъ адвокатъ.

Это былъ ражій малый, хотя и съ фальшивой грудью. Волосы онъ стригъ коротко, но щеголялъ усами, торчащими вверхъ по новѣйшей нѣмецкой модѣ, введенной императоромъ Вильгельмомъ.

— Господа,—началъ адвокатъ,—сегодня мы приступаемъ къ новому дѣлу, хотя оно и связано корнями со старымъ. Почтенный органъ мѣстной печати, созданный достопочтеннымъ генераломъ Подчеревнымъ, переходитъ въ руки нашей фракціи. Конечно, новое дѣло не измѣнитъ старой прогрессивной окраски органа, въ сторону ея поблѣднѣнія. Нѣтъ, приступая къ новому дѣлу, съ отвагой въ груди мы не станемъ блѣднѣть!

— Не хочетъ-ли онъ сказать, что они будутъ краснѣть, приступая къ новому дѣлу?—замѣтилъ дядюшка Кривскій своимъ застольникамъ.

— Мы не поблѣднѣемъ, но намъ не къ чему и краснѣть. Не къ чему, въ какомъ-бы смыслѣ это ни пони-

Digitized by Google

мать. Намъ не за что краснѣть, потому что наше прошлое есть прошлое прогрессивныхъ гражданъ, всегда высоко несшихъ знамя прогрессивной европеизаціи. Намъ не къ чему краснѣть и въ смыслѣ болѣе крайней политической программы. Мы—крайніе, хотя и строго лойяльные и легальные граждане. Наша фракція марксистовъ-сіонистовъ поставила на своемъ знамени слова: капитализація и европеизація! Хартіи и гарантіи! Равноправность и свобода для всѣхъ! Уничтоженіе черты осѣдлости и законно-охраняемое отечество для евреевъ.

„Фракція“ оглушительно захлопала. Изъ темныхъ нѣдръ ресторація вырвался клубъ чаднаго угара. Актриса, которой одинъ изъ купцовъ пустилъ въ лицо струю сигарнаго дыма, залилась хохотомъ. Оркестръ заигралъ штраусовскій вальсъ.

— Господа, — продолжалъ адвокатъ Щечкинъ, — мы всѣ здѣсь русскіе люди и христіане, кромѣ нашего дорогого товарища и редактора Соломона Соломоновича. Встрѣчая въ современномъ прогнившемъ обществѣ только одно человѣконенавистничество, Соломонъ Соломоновичъ, какъ еврей, можетъ и не догадаться, что христіанская религія есть религія самоотверженія, всепрощенія и смиренія. Но мы, какъ христіане, слишкомъ хорошо помнимъ, не исполняемый конечно на дѣлѣ, завѣтъ Человѣколюбца: „Большій изъ васъ, да будетъ всѣмъ слуга“. Да, мы, русскіе, должны наконецъ исполнить этотъ великій завѣтъ и стать слугами тѣхъ народностей, которыя доселѣ угнетали и которыя между тѣмъ безконечно насъ культурнѣе и просвѣщеннѣе. Вотъ почему я поднимаю этотъ бокалъ за гонимое, но геніальное еврейское племя, за Сіонъ и за великаго еврея, нашего редактора, товарища и русскаго публициста Соломона Соломоновича!

— Ура! Да процвѣтаетъ Сіонъ!—закричала „фракція“.

Соломонъ Соломоновичъ поднялся съ бокаломъ въ рукѣ.

— Т-с-съ! Соломонъ Соломоновичъ сейчасъ будетъ говорить!—съ блаженной улыбкой глядя въ отверзающійся ротъ „великаго еврея“, сказала Мирликійская.

— Silentium!—возгласилъ „отпрыскъ“, желая показать, что онъ знаетъ латынь.

— Господа,—началъ Соломонъ Соломоновичъ,—я смотрю на этотъ бокалъ и думаю: пусть въ немъ будетъ не искрометная влага минеральной воды Anollinaris, а всѣ страданія несчастнаго, но въ самомъ униженіи геніальнаго и великаго народа Израильскаго. О, какъ безмѣрно громадны эти страданія! Если-бы этотъ бокалъ сталъ величиною въ земной шаръ, и то лишь незначительная самая часть пролитыхъ

Digitized by Google

слезъ, пота и крови еврейскимъ гонимымъ племенемъ могла бы въ этой громадной чашѣ умѣститься. Но совершается чудо, и вотъ въ этомъ маленькомъ хрустальномъ бокалѣ я держу всѣ страданія евреевъ!

Соломонъ Соломоновичъ поднялъ высоко бокалъ и визгливо повторилъ:

— Въ этомъ бокалѣ всѣ страданія евреевъ!

Мадамъ Мирликійская, какъ-бы въ молитвенномъ экстазѣ, преклонила голову предъ бокаломъ еврейскихъ страданій, положивъ обѣ ладони на томище Михайловскаго.

— Ну, и что-же?—продолжалъ Соломонъ Соломоновичъ.— Должны-ли быть отомщены наконецъ всѣ эти страданія евреевъ? И какое возмездіе можетъ ихъ искупить? Предыдущій ораторъ говорилъ, что я, какъ еврей, не знакомъ съ ученіемъ Христа. Это не вѣрно. Я отлично съ нимъ знакомъ и помню наставленіе, данное основателемъ вашей религіи подставлять правую щеку, когда бьютъ по лѣвой. Что-же, если-бы все угнетавшее и оскорблявшее, обворовывавшее и тиранившее евреевъ, человѣчество имѣло одно лицо и, стоя на колѣняхъ передо мною, подставляло мнѣ то правую, то лѣвую щеку, и я сто лѣтъ, тысячу лѣтъ, милліонъ лѣтъ, цѣлую вѣчность все билъ-бы и билъ-бы по этимъ подлымъ щекамъ, то неужели вы думаете, что хотя сотая часть страданій еврейскаго народа была отомщена? Никогда!

Соломонъ Соломоновичъ на мгновеніе умолкъ.

— Однако!—сказалъ дядюшка Кривскій за своимъ столикомъ.—Это даже не сложные проценты!

— Страданія еврейскаго народа столь безмѣрно велики, что искупить ихъ невозможно. Но еврейское благородство столь-же безмѣрно. И... слушайте вы, называющіе себя христіанами!—взвизгнулъ Соломонъ Соломоновичъ.

— Слушайте! слушайте!—повторила благоговѣйно Мирликійская.

— Мы, евреи, васъ прощаемъ! И не только прощаемъ, но осыпаемъ васъ благодѣяніями. Безъ насъ вы бы сгнили и разложились въ невѣжествѣ. Мы, евреи,—піонеры цивилизаціи и европеизаціи Россіи и несемъ вамъ блага культуры. Въ этомъ городѣ—все еврейское, что только говоритъ о просвѣщеніи и культурѣ. Газета—еврейская; трамвай—еврейскій; электричество—еврейское; аптеки, доктора, аптекарскіе склады—еврейскіе. А это вашъ старый христіанскій городъ и еще двадцать лѣтъ тому назадъ насъ здѣсь была самая чуточка. Прогрессъ! Культура! Гласность! Свобода! Вотъ что несетъ

Digitized by Google

униженный и оскорбленный еврей вамъ, называющіе себя христіанами, и во всемъ мірѣ—это дары евреевъ, это—ихъ благородное мщеніе за гоненія и неисчислимыя страданія. Пью этотъ бокалъ за еврейское великодушіе!

Соломонъ Соломоновичъ осушилъ свой Apollinaris. Члены „фракціи" шумно чокались съ нимъ. Новый клубъ угарнаго чада вырвался изъ ресторація, вмѣстѣ съ трескомъ шаровъ въ билліардной. Актриса, плеснувшая въ лицо купцу коньякомъ, залилась хохотомъ. Оркестръ заигралъ попурри изъ русскихъ пѣсенъ.

— Митрофанъ Митрофанычъ,—позвалъ толстаго ресторатора адвокатъ Щечкинъ.—Пожалуйста, прикажите музыкантамъ сыграть сіонистскій „маршъ-Дрейфусъ".

— Сію минуту,—отвѣчалъ ресторатор̀ъ и устремился пузомъ къ музыкантамъ распорядиться.

— Я полагаю, что мы не останемся слушать маршъ-Дрейфусъ?—сказалъ дядюшка Кривскій.

Баронъ Фабіанъ пожаловался на головную боль отъ ресторaннаго запаха.

XXXVI.

На древнихъ стѣнахъ.

Дядюшка Кривскій заявилъ, что совсѣмъ не расположенъ осматривать достопримѣчательности города,

— Во первыхъ, я ихъ давно знаю и видѣлъ. А потомъ старыя зданія наводятъ на меня уныніе. И наконецъ мои больныя ноги не выдержатъ путешествія по стѣнамъ. Я васъ оставляю, молодые друзья мои, и поѣду къ одному моему старому пріятелю, провести вечерокъ за воспоминаніями прошлаго. Пушкина почитаемъ, А то, какъ на васъ, баронъ, ресторанный чадъ, такъ на меня скверно подѣйствовало еврейское великодушіе. Въ мозгу какое-то черное облако стоитъ.

Дядюшка Кривскій направился къ той аллеѣ сада, гдѣ обыкновенно стояли извозчичьи коляски.

Возницы привѣтствовали его, снимая шапки и возглашая:

— Со мною пожалуйте, Прокопъ Ивановичъ, меня не обижайте! Я завсегда васъ вожу!

— Успокойтесь, друзья мои,—говорилъ дядюшка, влѣзая въ одну изъ колясокъ.—Со всѣми разомъ не поѣдешь!

И сдѣлавъ ручкой барону Фабіану и Петрушечкѣ, уѣхалъ.

Digitized by Google

Друзья углубились въ садъ. Онъ частью примыкалъ къ валу, а частью къ древнимъ городскимъ стѣнамъ. Здѣсь все заглохло, разрослось и переплелось. Звуки оркестра глухо долетали съ ресторанной площадки. Старыя деревья сплетали трепетную кровлю надъ заросшими травой дорожками.

— Вотъ здѣсь я знаю лазейку на стѣны,—сказалъ Петрушечка.—Еще гимназистомъ, бывало, ею пользовался.

Они стояли у самой стѣны, сложенной въ нижней части изъ громадныхъ известняковыхъ плитъ и затянутой мохомъ и изумрудной плѣсенью. Узкая сводчатая лазейка вела во внутреннюю камеру, гдѣ когда-то скрывались бойцы, стрѣляя по непріятелю въ щелевидное окошечко. Изъ этой камеры каменныя ступеньки вели наверхъ стѣны. Петрушечка полѣзъ туда. Баронъ Фабіанъ за нимъ.

Стѣны были такъ широки, что по нимъ могъ-бы легко проѣхать шестерикъ. Въ этомъ мѣстѣ сохранились и зубцы. Тамъ и сямъ разверзались провалы, едва соединенные остаткомъ свода. На стѣнѣ росли кусты и цѣлыя деревья, смѣшивая свои вѣтви съ вершинами старыхъ ясеней, росшихъ въ саду.

Молча, любуясь развернувшейся панорамой города, шли друзья вдоль стѣнъ и, наконецъ, достигли большой граненой башни. Въ ней прежде было три этажа. Но полы провалились и въ окошко видна была только наполненная горами кирпича, гнилыми бревнами и всякими обломками пустота внутренности башни.

— Эта башня называется Грохотухой, — сказалъ Петрушечка.—Станьте въ окнѣ. Слышите?!

Баронъ сталъ. Глухой, тяжкій и раскатистый грохотъ поразилъ его слухъ. Онъ то замиралъ, то усиливался. Стучали-ли это остатки желѣзныхъ листовъ крыши на дубовыхъ стропилахъ, или завывалъ вѣтеръ въ пустотѣ башни? Но и самое названіе свое—Грохотуха—башня получила отъ этого неперестающаго гула.

— Про эту башню ходитъ легенда, что въ ней таится сокровище, задѣланное въ камняхъ въ 1812 году, и сторожитъ это сокровище привидѣніе—гренадеръ въ медвѣжьей шапкѣ. Будто-бы въ лунныя ночи можно видѣть, какъ привидѣніе обходитъ стѣны дозоромъ. И кто пытался проникнуть ночью въ башню, съ цѣлію похищенія сокровища или такъ изъ любопытства, привидѣніе того сбрасывало со стѣны. Но есть и другая легенда. Говорятъ, что въ этой башнѣ погребены рыцари Старой Польши, павшіе во времена короля Сигизмунда.

Digitized by Google

при одномъ изъ штурмовъ стѣнъ. Это будто-бы они и стучатъ въ подвалѣ башни оружіемъ, просятся на волю. Оттого и грохочетъ башня. Но будто-бы настанетъ часъ, размечутъ камни рыцари Старой Польши и выйдутъ, вооруженные съ ногъ до головы старинными доспѣхами, съ копьями и орифламмой Польши и выведутъ коней, и сядутъ, и помчатся въ Вильну, Варшаву и Краковъ. И тогда будетъ возстановлена Польша отъ моря и до моря. Это польская легенда. И ее очень любятъ мѣстные поляки разсказывать. Хотя нѣкоторые прибавляютъ, что грохотъ въ башнѣ происходитъ отъ того, что рыцари старой Польши и въ могилѣ не забыли тѣхъ ссоръ и счетовъ, которые были у нихъ при жизни и, сводя ихъ, дерутся въ склепѣ, поражая другъ друга мечами. И что такъ они будутъ драться вѣчно и никогда поэтому не выйдутъ на защиту Польши. Неправда-ли, характерный варіантъ?

— Да, очень характерный,—согласился баронъ Фабіанъ. Онъ сѣлъ между зубцами стѣны. Подъ его ногами отвѣсъ ея спускался въ глубокій ровъ, такъ что посмотрѣть—голова кружилась. Во рву мирно паслись коровы. Стрижи весело носились, проскальзывая между зубцами. Въ башнѣ гудѣло и гремѣло. Дальніе звуки музыки доносились вмѣстѣ съ шумомъ городской жизни.

— Есть и еврейская легенда о башнѣ,—сказалъ Петрушечка.—Въ ней будто-бы жилъ нѣкогда королевскій астрологъ, ученѣйшій еврей. Онъ обѣщалъ королю открыть тайну превращенія металловъ. А король изрядно нуждался въ золотѣ! Только для этого алхимику требовалась невинная кровь христіанской дѣвушки. Онъ и заманилъ къ себѣ дочь одного купца и зарѣзалъ ее надъ алхимическимъ котломъ. Но вдругъ башня потряслась съ верхушки до основанія, всѣ полы и потолки провалились и открылась подъ ней черная, пышущая огнемъ яма до самаго ада. Нечестивый алхимикъ туда и полетѣлъ. Тамъ подхватили его когтистыми лапами прокопченные черти и принялись хохотать и грызть его. А невинная жертва взнеслась на небо, поддерживаемая ангелами. Теперь и слышенъ въ башнѣ подземный хохотъ чертей. Это они грызутъ алхимика, и будутъ грызть до кончины міра.

Баронъ слушалъ разсказы своего друга и слѣдилъ за полетомъ звенящихъ стрижей. Они стаей теперь носились кругомъ башни. Въ трещинѣ стѣны росъ, занесенный сюда вѣтромъ, синій василекъ. Баронъ захотѣлъ сорвать его и, съ опасностью свалиться внизъ, спустился на карнизъ стѣны, держась за зубецъ.

Digitized by Google

— Что вы дѣлаете, баронъ? Вы оборветесь,—сказалъ безпокойно Петрушечка.

Но баронъ не отвѣчалъ, наклонился и сорвалъ цвѣтокъ. При этомъ онъ невольно посмотрѣлъ внизъ, по отвѣсу и почувствовалъ, что голова его кружится. Карнизъ подался подъ его ногами. Обломокъ кирпича сорвался и полетѣлъ въ ровъ. Онъ звонко ударился въ воду. Испуганныя коровы, подошедшія было напиться, шарахнулись.

Баронъ однако ловко поднялся опять на стѣну и вложилъ въ петлицу смиренный, завоеванный имъ цвѣтокъ.

— Какъ я любилъ, еще будучи гимназистомъ, эти старыя стѣны,—сказалъ Петрушечка.—Бывало, уйдешь сюда и бродишь отъ башни къ башнѣ, и смотришь, лежа въ травѣ, въ небо, какъ облака плывутъ. А то вотъ на эти старыя деревья влѣзаешь, со стѣны да по вѣтвямъ на самую вершину. И сидишь тамъ, какъ бѣлка. Осенью здѣсь особенно хорошо. Садъ весь въ золотѣ и багрянцѣ. Изъ дому грушъ и яблокъ принесешь. Ѣшь и ни о чемъ не думаешь. Потомъ, въ старшихъ классахъ, мы здѣсь на стѣнахъ засѣданія тайнаго общества устраивали. Тайное общество это имѣло цѣлью что-то такое великое, чего я и до сихъ поръ не пойму. Преображеніе души и тѣла. Вотъ какое это было общество. У насъ были и евреи, и поляки. И никто, никогда не думалъ о своей національности! Тогда еще сіонизма и въ поминѣ не было, а евреи такъ же, какъ и всѣ мы, мечтали о какомъ-то великомъ преображеніи міра. Покойный Перепеловскій былъ нашимъ вождемъ. Замѣчательная личность. Заядлый классикъ. Онъ и умеръ отъ чахотки надъ Гомеромъ. Всѣ мы тогда были, конечно, влюблены. На этой стѣнѣ мнѣ одна барышня свиданье назначала!

Петрушечка задумался, улыбаясь.

— Посмотрите, баронъ,—продолжалъ онъ, показывая рукою.— Видите вы на томъ берегу Днѣпра приземистое такое, безобразное зданіе? Это заводъ пивоваренный. Мы тогда на лодкахъ ѣздили маевку справлять. Покупали большой кувшинъ свѣтлаго пива—кувшинами тамъ продавали пиво желающимъ— распивали и потомъ торжественно топили кувшинъ въ Днѣпрѣ. Еще на островкѣ—вонъ тамъ, гдѣ ивы разрослись! — костеръ зажигали.

Петрушечка легъ на спину и сталъ глядѣть въ небо. Легкія, какъ пѣна, на глади небесной проплывали облачка.

Далеко были волненія, тягостныя думы, сомнѣнія и печали.

Стрижи звенѣли. Вѣтерокъ перебиралъ листы ясеней и

Digitized by Google

шелестилъ травой. Бабочка сѣла на сѣдой камень зубца и замерла, сложивъ крылья надъ спиной, и только глаза ея, какъ бисерины, переливались огнями. Хрупкое созданіе безпечно сидѣло на камняхъ, столько разъ политыхъ человѣческою кровью.

XXXVII.

Дождливые дни.

Погода перемѣнилась. Дымка дождя затянула горизонтъ. Наступилъ „сѣногной“. То блистало солнце по лоснящейся травѣ, въ то время какъ на концахъ листьевъ трепетали скопившіяся капли дождя, точно навернувшіяся слезы на длинныхъ рѣсницахъ красавицы, то лился тихій, теплый дождикъ, поднимая пузыри на поверхности лужицъ.

Это не мѣшало барону Фабіану съ Петрушечкой бродить по городу и его окрестностямъ.

Они посѣщали старинныя церкви и монастыри и входили въ соборъ, когда тамъ читали акафистъ мѣстной чудотворной иконѣ Богоматери, покровительницѣ города.

Акафистъ установлено было читать еще въ эпоху татарскаго нашествія, когда Богоматерь отвела полчища варваровъ отъ своего города.

Въ громадной пустотѣ обширнаго собора ропталъ голосъ чтеца и хоръ, точно изъ отдаленія, воспѣвалъ хвалу небесной покровительницѣ. Четыреугольные столпы возносились къ куполу. Золотая рѣзьба иконостаса кружевомъ спускалась въ облакахъ кадильнаго дыма.

На желѣзныхъ плитахъ пола стояли на колѣняхъ женщины, дѣти, дѣвушки. Иногда виднѣлась бѣлая свитка смиреннаго старца-бѣлорусса.

Кругомъ, на столпахъ, на стѣнахъ, съ большихъ картинъ работы художниковъ XVII столѣтія смотрѣли все вооруженные съ ногъ до головы святые жены и мужи. Великомученицы Варвара и Екатерина съ мечемъ въ длани, съ копьями, поспѣшали на помощь вѣрнымъ. Архистратиги мчались на коняхъ, попирая дышащихъ пламенемъ чудовищъ. Весь храмъ былъ вооруженъ и сонмы силъ торопились на помощь городу, здѣсь, на рубежѣ Литвы и Руси, столько нашествій уже видѣвшему.

Баронъ Фабіанъ и Петрушечка бродили въ окрестностяхъ

Digitized by Google

города, побывали въ дебряхъ овраговъ, гдѣ изъ обрывовъ и ямъ весеннія воды вымывали человѣческія кости и гдѣ нѣкогда спасались подвижники-старцы, въ земляныхъ пещерахъ. Или они садились въ лодку и плыли по Днѣпру, любуясь берегами и выходили гдѣ-нибудь въ лугахъ, на широкомъ раздольи, добирались до деревеньки, когда уже вечерѣло, стадо возвращалось домой, пахло молокомъ и все женское населеніе выходило навстрѣчу своимъ овцамъ и коровамъ. И звонкіе крики неслись. Скотина ревѣла, разбѣгаясь по узкимъ переулкамъ и поспѣшая къ знакомымъ воротамъ.

Они просили парного молока и выпивали его гдѣ-нибудь подъ яблоней, между пряно пахнущимъ коноплянникомъ и пчельникомъ, въ компаніи съ кудлатыми, бѣлоголовыми дѣтишками. Тутъ Петрушечка заносилъ не одну головку на страницы своего альбома.

Приходили друзья также и на городской базаръ, гдѣ возлѣ грязныхъ рядовъ съ скобянымъ, скорняжнымъ и „краснымъ“ товаромъ, поднимался лѣсъ оглоблей крестьянскихъ телѣгъ. Евреи факторы шныряли между возами. Съ природнымъ юморомъ, медлительные бѣлоруссы подтрунивали надъ суетливостью израильтянъ.

Особенно интересовалъ Петрушечку тотъ уголъ площади, гдѣ продавали пѣвчихъ птицъ и голубей, и собирались любители-артисты. Какіе шумные споры велись! Въ какія тонкости входили знатоки голубинаго спорта! И тутъ немалая пожива была художнику. Его искусная рука быстро зарисовывала характерныя лица и сцены.

А баронъ Фабіанъ наблюдалъ и размышлялъ.

Онъ видѣлъ передъ собою жизнь стараго земледѣльческаго города, древняго, вѣчевого и удѣльнаго, хранимаго Богородицей.

Вокругъ простирались необозримые луга и поля, лѣса и пустоши. Тамъ, подъ древнія обрядовые пѣсни совершалъ свой трудовой годъ сельскій людъ. Пахарь и косецъ, жница и сѣвецъ терялись въ этихъ пространствахъ, какъ мураши какіе. Но ихъ трудомъ созидались горы зерна, волокна, древесины. Ихъ трудами табуны и стада бродили по раздольямъ.

Народъ этотъ жилъ такъ, какъ отдаленнѣйшіе предки его. Вѣрилъ въ тѣ-же примѣры, пѣлъ тѣ-же пѣсни, такъ-же былъ беззаботенъ посреди заботъ повседневныхъ. Такъ-же былъ въ полномъ подчиненіи у природы и земли. И такъ-же былъ независимъ и свободенъ духомъ.

Digitized by Google

Пастушенокъ, сидя надъ свѣтлыми водами извилистой рѣчки, осѣненной старыми ольхами, глядя на сверкающіе воды ея, игралъ на самодѣльной свирѣли, въ то время, какъ овцы ползали по склонамъ холмовъ и красавицы-коровы покойно паслись съ полнымъ выменемъ, покачивая рогатыми головами. Этотъ пастушенокъ игралъ для себя и никто его не слушалъ, кромѣ матери-природы. Онъ игралъ, чтобы издавать звуки посреди пѣвчаго пернатаго населенія прибрежныхъ кустарниковъ. А надъ нимъ голубѣло безконечное небо. И солнце лило животворный свѣтъ. И въ эту минуту пастушенокъ былъ царемъ своего маленькаго царства, самъ себѣ голова. Свирѣль пѣла и далеко разносились мелодичные звуки. Эти звуки были прекрасны, потому что ихъ создала тысячелѣтняя древность и геній народа. Простой мотивъ пѣсенки не придумалъ-бы самый ухищренный ученый музыкантъ. Эта пѣсня самодѣльной свирѣли раздавалась и тогда еще, когда на холмахъ города, вмѣсто златоглаваго собора, осѣненнаго крестами, стоялъ высокій тынъ, обвѣшанный лошадиными головами и посреди него деревянные расписные идолы. Деревня, эта соха, этотъ сѣвецъ, изъ мощной руки котораго со свистомъ вылетаетъ зерно и впивается въ мягкую землю, этотъ пастушенокъ со свирѣлью были древнѣе собора, поповъ и монаховъ, присланныхъ Византіей. И покорные и попамъ, и монахамъ, и боярамъ, и князьямъ, дѣти земли оставались все-таки единственными ея господами. Они одни умѣли заставить нѣдра этой земли давать зерно и волокно, питать и поить сосцы вѣчной матери-природы. Укладъ и обрядъ, которымъ они повиновались, были древнѣе собора и города. Надъ дѣтьми Даждь-Бога, Краснаго Солнца все еще царили древніе боги—Волосъ, скотій богъ, и Лель, обвитый хмѣлемъ, беззаботный пастухъ, и Ладъ, кующій золотымъ молотомъ свадьбы, принесшій сюда съ Востока въ посохѣ мохнатую пчелу и научившій дѣтей своихъ варить пьяные меды.

Но что это? По узкой дорожкѣ среди необозримой ржи, волнами перекатывающейся подъ дуновеніемъ вѣтерка, идетъ съ желѣзной палкой въ рукѣ, съ непокрытой головой, въ длинной женской рубашкѣ, съ большимъ, тяжелымъ, мѣднымъ крестомъ на груди, босой, высокій юноша. Его тонкая шея потемнѣла отъ загара. Волосы сбалялись въ паклю и клоками осѣняютъ блѣдное лицо съ голубыми глазами, которые глядятъ нездѣшнимъ взглядомъ и на нездѣшнее. Кто это? Юродивый, подвижникъ Христовъ.

А вонъ по большой дорогѣ, осѣненной старыми березами,

Digitized by Google

идутъ бабы и старики съ котомками. Куда? Въ святые монастыри на богомолье. Деревня ищетъ святыни и своихъ святыхъ подвижниковъ, о которыхъ не знаетъ гордый „интеллигентъ“. И святая Дѣва—Матерь, Госпожа хранимаго Ею града, обитающая въ соборѣ, не приступною богинею тамъ обитаетъ. Она обходитъ деревни, посѣщаетъ хаты, утѣшаетъ мать, скорбящую надъ больнымъ ребенкомъ, благословляетъ юную, любящуюся чету, помогаетъ старцу донести изъ колодца ведерко воды. Она даетъ плодородіе полямъ и стадамъ, и отводитъ болѣзни отъ своихъ подданныхъ.

Небесная Царица, она близка народу. А въ годину невзгодъ, когда приближается врагъ, надѣваетъ бранные доспѣхи и идетъ передъ воинами. Она становится на стѣнахъ города. И вражьи стрѣлы перестаютъ долетать. И страхъ обнимаетъ сердца враговъ, тьма окутываетъ ихъ глаза. Они бѣгутъ. И окруженная сонмами святыхъ женъ и дѣвъ, и подвижниковъ, и благовѣрныхъ царицъ, и князей, и царей, въ сопровожденіи полковъ ангеловъ, Небесная Защитница края идетъ и гонитъ робкаго врага.

Попы и монахи только поднимутъ Ея чудотворный Ликъ, и вдругъ эти поля, луга, долины, пустоши начинаютъ шевелиться волнами. Идутъ рати богатырей святорусскихъ. Каждый снопъ въ полѣ превращается въ вооруженнаго воина. Микула Селяниновичъ бросаетъ свою сошку за ракитовъ кустъ и выѣзжаетъ въ ратное поле вмѣстѣ съ Ильей, Добрыней и вѣщимъ Вольгою, умѣющимъ оборачиваться туромъ и волкомъ. И сколько военныхъ грозъ пронеслось надъ этими мирными холмами и долинами! Сколько братскихъ могилъ на всѣхъ путяхъ, на всѣхъ перекресткахъ! И упитанная кровью земля, по прежнему та-же святая русская земля и удѣлъ Богородицы.

Наблюдая народную жизнь, труды и торги, молитвы и веселье; слушая пѣсни слѣпыхъ на базарѣ о богачѣ немилостивомъ и нищемъ Лазарѣ; въ священномъ колодцѣ подъ сѣнью осьмиконечнаго креста испивая ключевую холодную воду; бесѣдуя со старикомъ-постникомъ о старинныхъ временахъ; даже подъ старой грушей пробуя травнички и настоечки, баронъ Фабіанъ проникался этой тихой, мирной жизнью и ему становилось понятно прошеніе православной службы:

„Да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ!“

Digitized by Google

Безмолвіе и чистота, и мирный прудъ, и медлительно бредущія стада, и волнующіяся нивы, вотъ она—Русь!

И какъ смѣшны и жалки казались теперь тѣ потуги свергнуть эту тысячелѣтнюю жизнь народную съ ея пути и русла, которыми терзались пришлецы и отщепенцы—горожане, по книжкамъ представляющіе себѣ Россію!

Тутъ и дворянчики, уничтожающіе творенія отцовъ и пріобрѣтающіе Талмудъ; и семинаристы съ схоластикой и контроверзой своей, грезящіе графомъ Сперанскимъ; и судейскіе съ жаждой политической карьеры; и выстарившіеся и выболтавшіеся старцы-шестидесятники съ готовностью обезличенія народа во имя „европеизаціи"; и марксисты, и декаденты, и „подмаксимники" съ суковатыми дубинками и босяцкимъ сквернословіемъ на устахъ; и бюрократы—тунеядцы и бюрократы—реформаторы, почеркомъ пора сметающіе старое и насаждающіе новое, тутъ всякіе недоучки, межеумки, умственные холопы и просто пришлецы и пошлецы; и евреи, евреи, евреи,—истерзанные завистью, скорбно-надменные, трусливо-наглые, съ раздавленнымъ самолюбіемъ и неврастеничнымъ азартомъ. Вся эта тля, точно мошкара, въ жаркій лѣтній день надъ лужей, гудитъ, жужжитъ, толчется, поднимается и присѣдаетъ, и вверхъ, и внизъ, и клубомъ вьется... Дунетъ вѣтеръ и подшибетъ ей крылья. И весь этотъ гнусъ попадетъ въ лужу.

XXXVIII.

Am camin.

Баронъ Фабіанъ собрался домой. Его влекла картина. Хотѣлось работать. Хотѣлось и уединенія, тишины и сумерокъ, чтобы разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ.

Съ Петрушечкой и дядюшкой Кривскимъ онъ возвратился въ Княжія Межи, чтобы проститься съ гостепріимными хозяевами.

Но его не сразу отпустили, да и самъ онъ какъ-то утратилъ волю и день за днемъ проводилъ въ этомъ миломъ обществѣ добродушной Натальи Платоновны, дядюшки Кривскаго и молодежи.

Лиза Осбальдистонъ совершенно прибрала къ рукамъ Володю Шналленштейна и они по цѣлымъ днямъ ворковали то въ библіотекѣ, то въ уголкѣ гостиной.

Digitized by Google

Дожди продолжались. Дождь сѣялъ съ утра. Маленькая Люси даже нашла „облачко", упавшее съ неба, на копнѣ въ яблочномъ саду, который скосили передъ самыми дождями.

Хозяинъ былъ мраченъ. Подходилъ то къ барометру, то къ окнамъ. То выбѣгалъ въ садъ и смотрѣлъ облака и направленіе вѣтра. То, наконецъ, приказывалъ запречь въ дрожки пѣгана и надѣвъ непромокаемый плащъ уѣзжалъ въ луга, посмотрѣть, что сталось съ сѣномъ.

— Ну, что?—спрашивала его Наталья Платоновна по возвращеніи.

— Гніетъ! Грибы ростутъ! Останемся безъ сѣна! — безнадежно махнувъ рукой говорилъ хозяинъ. Но молодежи, предводимой дядюшкой, не было никакого дѣла до хозяйственныхъ соображеній. Дождливая погода способствовала объединенію. Около рояля, въ библіотекѣ, проводили цѣлые дни всѣ вмѣстѣ.

Баронъ Фабіанъ, возвратившись, уже не засталъ дядей-предводителей и полковника Беркута. Но пріѣздъ послѣдняго оставилъ слѣдъ. Фелицата продолжала сіять счастьемъ и казалась розой, отъ брызгъ дождя становящейся еще роскошнѣе, еще душистѣе. Оба студента и гимназистъ молча изнывали въ ея присутствіи и служили у нея на побѣгушкахъ.

Дождь не переставалъ. Выдался особенно мрачный и вѣтренный вечеръ. Въ гостиной затопили каминъ, чтобы прогнать сырость, какъ-то быстро скопившуюся въ нижнемъ этажѣ стараго дома, гдѣ и всегда былъ полусумракъ, такъ загородили окно кусты и деревья своею листвой.

Лиза Осбальдистонъ играла въ залѣ Шумана „Am camin".

И загадочные звуки великаго романтика музыки какъ нельзя больше подходили къ сырому и сѣрому вечеру, къ шуму дождя и пылавшему камину.

Фелицата сидѣла, озаренная трепетнымъ блескомъ пламени. Лампъ еще не зажигали.

Баронъ Фабіанъ подошелъ къ ней и слѣдилъ за игрою тѣней и свѣта, и слушалъ Шумана.

— Завтра, по предсказаніямъ вашего батюшки, — сказалъ онъ, садясь за плечомъ Фелицаты, — кончится дождь. И я уѣду.

— Отчего вы такъ торопитесь, баронъ?—сказала Фелицата.

— Я не тороплюсь. Но мнѣ хочется заняться моей картиной. А здѣсь я ужъ зажился. Ваше семейство такъ радушно и вы приняли меня, какъ родного.

— Вы и родной намъ, и всегда имъ останетесь,—сказала Фелицата, протягивая руку барону.

Digitized by Google

Онъ почтительно пожалъ тонкіе пальчики дѣвушки. Каминъ трещалъ. Изъ пламени вылетѣлъ снопъ искръ. Дождь ударилъ дробью по стекламъ. Звуки Шумана неслись изъ залы и сливались, и съ этимъ шумомъ дождя и съ игрою пламени и тѣней, и съ рукопожатіемъ Фелицаты.

— Если бы я сталъ родной вамъ, если бы Россія стала мнѣ родной, я былъ бы счастливъ. Но и немногіе часы и дни, проведенные близъ васъ и въ вашемъ семействѣ, будутъ для меня дорогимъ воспоминаніемъ,—сказалъ баронъ Фабіанъ.

— Какъ рано уже вы собираетесь жить воспоминаніями, баронъ,—пошутила Фелицата.

— Ахъ, порою мнѣ кажется, что я самъ какое-то воспоминаніе давно-давно отжитого. Помните у Майкова:

Остатки прежнихъ поколѣній,
Съ былою вѣрностью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы, какъ шуты на площади.
И понемногу вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей.

— Вы всегда такъ грустны, баронъ?—спросила Фелицата, съ симпатіей поднимая на него свои сіяющіе глаза.

— Я не грустенъ,—отвѣчалъ онъ.—Даже когда смотрю въ чужіе глаза, полные счастья, и знаю, что это счастье — для другого.

— Опять балтійскіе комплименты!—сказала Фелицата.

— Чего-же вы хотите отъ живого воспоминанія? Представьте себѣ, что тотъ портретъ вашего предка, что виситъ въ библіотекѣ, ожилъ и говоритъ съ вами. Рѣчь его непремѣнно показалась-бы старомодной.

— Ахъ, я такъ боюсь этого портрета! Я-бы приказала вынести его на чердакъ, если-бы мама съ папой позволили.

— Благодарю васъ, Фелицата Павловна,—смиренно сказалъ баронъ.

— Милый, милый, баронъ Фабіанъ, простите меня. Я не хотѣла сказать вамъ что-нибудь грубое,—сказала огорченная Фелицата.—Васъ я никогда не отправлю на чердакъ. Я буду васъ помнить и хранить въ моемъ сердцѣ. Вы спасли жизнь Володѣ, хотя онъ и противный, *дважды* спасли,—подчеркнула она,—я знаю.

— Храните, если хотите, меня и на чердакѣ вашихъ вос-

Digitized by Google

поминаній, какъ старый портретъ. Я не обижусь. Что я для васъ? Васъ ждетъ счастіе и блестящая жизнь. И дай Богъ вамъ побольше радости. А я уйду такъ-же, какъ и пришелъ. Случайно поровнявшійся съ вами на жизненномъ пути прохожій. Вотъ кто я для васъ.

— Я думаю, что мы не даромъ встрѣчаемся въ жизни. Зачѣмъ-нибудь да встрѣчаемся. Сразу не видно. А потомъ становится ясно. Да мы еще будемъ видаться съ вами зимою въ Петербургѣ. Да?

— Да. Но и вы навѣстите меня. И знаете съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ Люси. Я уже пригласилъ ее. И она обѣщалась.

— Вотъ кто будетъ по васъ скучать, когда вы уѣдете. Люси такъ къ вамъ благоволитъ, какъ ни къ кому.

— Это прелестный и глубоко чувствующій ребенокъ.

Баронъ Фабіанъ смотрѣлъ на Фелицату. Ему хотѣлось запомнить, запечатлѣть въ своей памяти и унести съ собою образъ дѣвушки, вмѣстѣ со всей обстановкой, съ переливами каминнаго пламени, съ ропщущими звуками затихавшаго дождя и загадочной мелодіей рояля.

— Какъ я люблю Шумана,—сказалъ онъ.—Вы пріѣдете въ замокъ Шналленштейнъ, неправда-ли?

Фелицата склонила головку въ знакъ согласія. Ей было хорошо, и грустно и немного смѣшно около этого страннаго барона.

— Вы, вѣроятно, оттого такъ настроены, что живете около своей старой башни, и она васъ такъ и старитъ, — сказала она.

— Я даже пользуюсь этой башней, какъ студіей. Тамъ у меня устроена мастерская и родъ музея, съ древностями, касающимися нашей фамиліи.

— Ну, вотъ! Къ чему намъ это мрачное прошлое? Люди тогда были такіе жестокіе и жизнь—грубая, скудная, тяжелая. Вы вотъ изъ Майкова стихи привели, а я напомню вамъ стихъ Грибоѣдова:

Что, сударь, плачете? Живите-ка смѣясь!

Она говорила. И въ самомъ дѣлѣ все въ ней словно смѣялось. И на подбородкѣ явилась ямка.

— Вы счастливы, да?—спросилъ баронъ съ глубокой почтительностью и нѣжностью.

Фелицата ничего не отвѣчала.

Digitized by Google

— А вотъ я не буду вѣроятно счастливъ,—вздохнувъ, сказалъ баронъ.—Я не буду счастливъ, мнѣ помѣшаетъ именно это прошлое, котораго вы не любите. Съ нимъ я не могу разстаться.

— Вотъ вы и рисуете все изъ скандинавскихъ сагъ. Это опять такъ мрачно и величественно. Ваши саги васъ состарили. Я знаю, тамъ все другъ друга дожидаются, — сказала Фелицата.

— Дожидаются? То есть какъ это?

— Въ скандинавскихъ сагахъ вѣчно другъ друга дожидаются,—стала объяснять Фелицата улыбающемуся барону.— Онъ любилъ ее, а она любила его. Но онъ ушелъ куда-то далеко, на край свѣта. И она ждала его тридцать лѣтъ и осталась ему вѣрна. И онъ, дѣйствительно, возвратился. И они прожили вмѣстѣ еще тридцать лѣтъ. И все сидѣли въ башнѣ и смотрѣли въ окно на море.

— Да, они сидѣли вмѣстѣ у окна башни ровно тридцать лѣтъ,—сказалъ баронъ Фабіанъ,—и смотрѣли, какъ по небу проносились тѣни боговъ и героевъ въ Валгаллу. И черезъ тридцать лѣтъ, когда солнце опускалось, багровое и громадное, какъ круглый щитъ, въ туманы и волны океана, они объ руку незамѣтно умерли. Ихъ тѣла остались у окна старой башни. А вѣрныя души вырвались изъ плѣна низменной плоти и тоже понеслись по небу, вслѣдъ за тѣнями боговъ и героевъ, и вступили въ свѣтлую Валгаллу, пировать за дубовыми столами.

— Какъ мрачно! Какъ страшно!—сказала, вздрагивая, Фелицата.

Пламя потухало въ каминѣ. Вѣтеръ ударялъ дождемъ и вѣтвями деревьевъ въ стекла потемнѣвшаго покоя. Звуки Шумана крались изъ залы, какъ тоскующіе духи.

— Нѣтъ, я не могла бы ждать тридцать лѣтъ и быть вѣрной,—сказала, качая головкой, съ слегка поблѣднѣвшимъ личикомъ Фелицата.—Я-бы пождала годъ, два и забыла-бы. Да, я-бы забыла,—повторила она. — И я терпѣть не могу дожидаться. Ахъ, какъ я не люблю дожидаться! Я никогда и не жду никого.

— Даже полковника Беркута?—спросилъ баронъ Фабіанъ,

— И его я не жду,—отвѣчала спокойно Фелицата,—потому что я знаю, когда онъ пріѣдетъ и... могу всегда написать или телеграфировать и онъ сейчасъ, сейчасъ пріѣдетъ,—съ гордостью достигнутаго обладанія прибавила она.

— Но представьте себѣ, что началась война, тамъ гдѣ-

Digitized by Google

нибудь, далеко въ Азіи. Полковникъ уѣдетъ и вамъ придется его дожидаться.

— О, я тоже уѣду съ нимъ!—одушевленно отвѣчала Фелицата.—Я уѣду съ нимъ,—повторила она.

— Но васъ не пустятъ же за полковникомъ въ отряды дѣйствующей арміи,—возразилъ баронъ Фабіанъ.

— Пустятъ. Я буду тамъ сестрой милосердія.

— Значитъ, не милосердіе къ страдальцамъ будетъ вами двигать, а желаніе быть около любимаго человѣка, жениха или мужа? Побужденіе чисто эгоистическое.

— Вы любите добираться до корней и ищете химически чистыхъ чувствъ, какъ продается въ гигіеническихъ лабораторіяхъ и аптекарскихъ складахъ,—сказала Фелицата.—Впрочемъ, полковникъ Беркутъ еще и не мой мужъ, и не женихъ, и даже не „любимый человѣкъ“. Я его очень уважаю. Онъ мнѣ нравится и... я ему видимо нравлюсь. Мы—пріятели, не больше. Вотъ и все!

— Вотъ и все? — повторилъ вопросительно баронъ Фабіанъ.—Впрочемъ, развѣ я смѣю вмѣшиваться разспросами въ отношенія ваши къ полковнику. Вы только можете быть со мною откровенны именно потому, что я случайный прохожій на вашемъ свѣтломъ и озаренномъ солнцемъ пути.

— Я со всѣми и всегда откровенна. Что мнѣ скрывать? Я очень говорлива. И у меня на лицѣ все написано. Я люблю солнце, это правда, люблю свѣтъ и свободу. За любимаго человѣка и даже за друга я отдамъ жизнь. Я знаю, что отдамъ. Но ждать... Нѣтъ, я совсѣмъ не могу ждать! Или не давайте мнѣ совсѣмъ ничего, или ужъ отдайте сразу, сейчасъ.

— И я думаю, что судьба никогда не заставитъ васъ томиться ожиданіемъ. Солнце, которое вы любите, подъ знакомъ котораго вы родились, будетъ помогать вамъ. Красное Солнце! Великій Хорсъ! Свѣтлый Даждь-Богъ!

— Вотъ вы меня завлекли въ какой-то магическій кругъ,—сказала Фелицата.—Вы такъ подходите, идете рядомъ или сядете за плечомъ и начинаете плесть свою паутину. Плетете, плетете и какими-то щупальцами очень искусно вывѣдаете чужую душу. Вы точно всѣхъ къ присягѣ приводите! Фу, какъ противно тухнетъ каминъ! Какой синій пламень ползаетъ! И какъ стучитъ вѣтеръ и дождь! Что это не несутъ лампы? И зачѣмъ это Лиза играетъ Шумана! Я не могу. Я хочу движенья, веселья, свѣта. Я хочу танцовать.

Фелицата порывисто встала и направилась въ залу.

— Лиза! Лиза! Перестань играть Шумана! Сыграй вальсъ.

Digitized by Google

Мы будемъ танцовать. Баронъ, вы не откажетесь? — лукаво улыбаясь, съ блескомъ искрящихся весельемъ глазъ своихъ, спросила Фелицата.

Баронъ поклонился.

— Господа! Грушевичъ! Володя! Идите въ залу. Мы будемъ танцовать! Баронъ будетъ танцовать!—кричала Фелицата.

— А! Баронъ будетъ танцовать. Это весьма любопытно,— сказалъ дядюшка Кривскій, появляясь изъ библіотеки съ неизмѣнной коробкой въ одной рукѣ и недопитой рюмкой миллифольной въ другой, между тѣмъ какъ мундштукъ дымился въ углу его рта.

Молодежь тоже высыпала. Вышла и Наталья Платоновна съ маленькой Люси.

— Если ужъ задумали танцовать,—сказала она,—такъ я вамъ поиграю. А Лиза тоже будетъ танцовать. И Люси. Да гдѣ Володя? Все Маркса читаетъ? Не намарксился зимой!—сочинила вдругъ Наталья Платоновна новый глаголъ и, сѣвъ къ роялю, заиграла какой-то прямо медовый „Вальсъ цвѣтовъ".

— Володя, по моему, не только намарксился, но даже перемарксился,—сказалъ дядюшка.—Авось его Лиза отчиститъ.

— Я его позову. Онъ сейчасъ будетъ танцовать,—съ увѣренностью, лукаво и гордо улыбаясь, сказала Лиза. И дѣйствительно, вытащила Володю изъ библіотеки. Онъ шелъ неохотно, горбясь и загребая ногами, но шелъ. Лиза сама положила его руку около своей таліи, повисла у него на шеѣ и они, разбѣжавшись, открыли импровизированный балъ. И Володя, немного попутавши ногами, сталъ весьма недурно танцовать.

— Сколько скрытыхъ талантовъ оказывается у Володи. Нужны были только женскія ручки, чтобы ихъ добыть изъ него,— сказалъ дядюшка Кривскій.

Фелицата стояла, улыбаясь и ожидая барона. Но баронъ Фабіанъ встрѣтилъ взглядъ большихъ печальныхъ глазъ маленькой Люси. Взглядъ этотъ выражалъ сильное желаніе танцовать и именно съ большимъ барономъ, большимъ красивымъ другомъ.

Баронъ Фабіанъ подошелъ почтительно къ дѣвочкѣ и просилъ ее танцовать. Она съ достоинствомъ кивнула пепельной головкой и подняла ручку къ локтю склонившагося барона. Они побѣжали и завертѣлись. Баронъ танцовалъ съ рѣдкимъ изяществомъ. Ножки Люси чуть касались паркета. Она казалась пушинкой, увлекаемой вѣтромъ.

— Браво, браво, Люси!—сказалъ дядюшка Кривскій. Наталья Платоновна, улыбаясь, съ нѣжностью смотрѣла на вы-

Digitized by Google

сокаго барона, танцующаго съ печальной дѣвочкой, и играла свой цвѣточный и сладкій вальсъ. Личико Люси все такъ-же было серьезно и печально. Только легкій румянецъ заигралъ на щечкахъ. И въ глубинѣ глазъ, снизу вверхъ смотрѣвшихъ на барона, выражалось удовольствіе.

„Противный! — подумала Фелицата.—Онъ таки заставилъ меня ждать, хотя я только-что сказала ему, какъ ненавижу дожидаться".

И сейчасъ-же разсмѣялась.

Толстый гимназистъ Грушевичъ пустился за даму съ однимъ изъ студентовъ, удачно пародируя губернскую аристократку, танцующую съ благотворительной цѣлью.

Фелицата понеслась со студентомъ княземъ Дольскимъ. Дядюшка Кривскій размахивалъ въ тактъ рюмкой съ остаткомъ зеленой влаги. Въ окна ломились ночь, дождь и вѣтеръ. Обѣ дѣвушки сіяли красотой и юнымъ счастьемъ. И сладкій вальсъ, который наигрывала Наталья Платоновна, дѣйствительно, казался вальсомъ цвѣтовъ. Точно въ залу ворвалось солнце, запорхали въ ней бабочки и запахло розами, резедой и фіалками.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXXIX.

Письмо барона Фабіана къ Петрушечкѣ Кривскому.

„10 августа 190* г. Замокъ Шналленштейнъ въ Эстляндіи. Дорогой Петрушечка. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы разстались съ вами и я опять вижу, изъ окна моей комнаты, море, сѣрые валуны, сосны и цвѣтущія заросли розоваго вереска. Странно. Когда я возвращался изъ Княжихъ Межъ, по мѣрѣ приближенія къ ливонскому берегу, мнѣ казалось, что небо постепенно тускнѣетъ, сѣрѣетъ и опускается надо мной. Въ самомъ ли дѣлѣ это такъ? Не знаю. Выше-ли ваше небо ливонскаго? Я знаю одно, что на нашемъ пейзажѣ легли мертвыя, тусклыя краски. Чѣмъ западнѣе, чѣмъ ближе къ Польшѣ, тѣмъ нѣжнѣе и разнообразнѣе палитра природы, тѣмъ акварельнѣе тоны.

Но я люблю это низкое небо, и камни, и вересковъ, и сосны, искривленныя господствующимъ вѣтромъ, раскинувшія вѣеромъ вѣтви, и наше сѣверное небо.

Digitized by Google

Когда я пишу вамъ эти строки, море играетъ и блещетъ трепещущими огнями. Бѣлыя чайки сидятъ недвижимо на камняхъ. Парусныя суда тихо проходятъ мимо.

Какъ я далеко отъ Княжихъ Межъ и отъ древняго русскаго города въ зубчатыхъ стѣнахъ! Какъ вся ваша жизнь мгновенно ушла и отодвинулась отъ меня!

Я эту жизнь переживалъ весь этотъ мѣсяцъ. Я привыкъ жить своими мыслями и чувствами, въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Мысль—быстрѣе всего. Какъ много переживешь въ немного минутъ! Магометъ говоритъ, что душа его облетѣла всѣ семь небесъ, поднялась къ престолу Аллаха, ниспустилась въ бездны подземнаго міра, когда его кувшинъ опрокинулся. И вода изъ кувшина не успѣла вылиться, какъ душа уже окончила это путешествіе и успѣла вернуться.

Вспоминая дни, проведенные въ Княжихъ Межахъ, я прежде всего вижу передъ собою... кого-бы вы думали? Маленькую Люси. Прелестный ребенокъ съ печальными глазами и пепельными локонами! Я горжусь тѣмъ, что заслужилъ довѣріе милой Люси и удостоился даже присутствовать при кормленіи ежа.

Кстати, скажите Люси, что здѣсь множество ежей. И я особенно полюбилъ этихъ смѣшныхъ звѣрьковъ, потому что, при взглядѣ на нихъ, мнѣ воспоминается моя маленькая пріятельница.

Съ неизмѣннымъ удовольствіемъ вспоминалъ я и дядюшку-философа, съ его миллифольной, и опять-таки этотъ скромный, невзрачный цвѣтокъ, котораго такъ много всюду, съ его смолистымъ запахомъ, съ собраніемъ бѣленькихъ пушистыхъ головокъ, съ его хвоистыми листочками сталъ мнѣ дорогъ. Я срываю миллифоль и, глядя на нее, припоминаю философическія разсужденія дядюшки Прокопа Иваныча. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ истинный мудрецъ!

Потомъ передо мною выступаетъ мой антагонистъ Володя Шналленштейнъ и я не могу безъ улыбки вспомнить нашу размолвку и его рѣчи съ „титлами“. Какъ вся ваша жизнь и всѣ вы мнѣ близки и дороги! Какимъ свѣтлымъ и сверкающимъ слѣдомъ прошла въ душѣ моей и воспоминаніяхъ минута нашего разставанія, когда сказалась въ васъ вся славянская доброта и привѣтливость. Какъ сухъ и чопоренъ теперь показался тонъ нашихъ бароновъ!

Передайте-же мой привѣтъ и поклонъ всѣмъ вашимъ.

Вы, конечно, спросите, далеко-ли я подвинулся въ работѣ надъ моей картиною?

Digitized by Google

Увы, я въ этой работѣ совсѣмъ не подвинулся. Въ моемъ „майоратѣ“, въ башнѣ стараго Шналленштейна, я поставилъ громадный подрамникъ съ загрунтованнымъ холстомъ и каждый день сажусь противъ него, но на этомъ холстѣ нѣтъ ни единой черты и ни единаго мазка. Я не могу себя заставить взяться за уголь и за кисть! Я смотрю на чистый холстъ и вотъ передо мною, на его сѣромъ грунтѣ, начинаютъ выступать фигуры, онѣ движутся, идутъ, летятъ. Я вижу весь „полетъ въ Валгаллу“ и удовлетворяюсь этимъ созерцаніемъ внутренняго творчества. Съ каждымъ днемъ фигуры проясняются, углубляется ихъ экспрессія. Я вношу мысленныя поправки въ свое созданіе. Оно зрѣетъ и совершенствуется. Но... его еще нѣтъ въ реальной дѣйствительности. Полотно совершенно пусто. Палитра чиста. Кисти сухи. Такъ-то занимаюсь я ежедневно работой. И даже запираю при этомъ на ключъ дверь въ студію, чтобы мнѣ не помѣшалъ кто-нибудь, изъ пріятелей-бароновъ, иногда ловящихъ рыбу у береговъ Шналленштейна, или травящихъ лисъ въ его вересках,—„работать“.

Вы улыбаетесь затѣямъ барона Фабіана? Дорогой другъ, я сказалъ: мое созданіе—„Полетъ въ Валгаллу“,—зрѣетъ и совершенствуется, но его еще нѣтъ въ реальной дѣйствительности. Да правда-ли это? Что такое дѣйствительность? Развѣ я не вижу мое созданіе? Развѣ оно не стоитъ передо мною? Оно—есть. Міръ — наше представленіе, — говоритъ Шопенгауеръ. И нашъ милый дядюшка-философъ признаетъ, что мысль—есть вещь и самая главная и прочная вещь. Сказать ли, что именно, подъ вліяніемъ его философіи, я предаюсь природной лѣности и не касаюсь холста ни углемъ, ни кистью. Его опредѣленіе искусства, что оно есть полнота ощущенія даннаго прекраснаго мгновенія, мнѣ кажется совершеннымъ. И сидя по утрамъ противъ моего холста, подъ сводомъ старой башни, въ то время, какъ въ стрѣльчатое окно смѣется море, я переживаю и ощущаю всю полноту прекраснаго мгновенія. И въ эти минуты—я творецъ и художникъ. И мое созданіе несомнѣнно существуетъ. Но лишь только я возьмусь за кисть, оно перестанетъ существовать. Оно исказится. Полнота его утратится. Я убью его моею кистью. Я это знаю.

Вы скажете, дорогой другъ Петрушечка, что вѣдь мое несозданное созданіе вижу и знаю только я одинъ, и никому другому оно не доступно. Да, я его вижу, я одинъ—

Въ очахъ души моей, Горацio!

Digitized by Google

Но зачѣмъ-же нужно, чтобы мое наслажденіе кто-либо раздѣлялъ? Зачѣмъ выставлять на показъ свои творческіе замыслы? Чтобы услышать „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“? Чтобы его разбирали пошляки въ газетныхъ рецензіяхъ? Чтобы продать холстъ? Я не такъ бѣденъ.

Нѣтъ, оставайся со мною, мое прекрасное созданіе, между очами моей души и этимъ сѣрымъ полотномъ! Живи со мною и наполняй мою жизнь, дѣвственное, никому незримое. Потому что только никому незримое—совершенно прекрасно. Мысль, что написанное будетъ разглядывать холодная толпа и какъ-бы захватаетъ мое твореніе своими сальными взглядами, отравитъ его своимъ нечистымъ дыханіемъ, приводитъ меня въ ужасъ, вселяетъ въ меня глубокое отвращеніе. Вотъ что со мною происходитъ, милый другъ. Можетъ быть, вы найдете мое настроеніе болѣзненнымъ, объясните его „неврастеніей“. Я самъ понимаю, что это не совсѣмъ обычное состояніе. Но что до того? Въ эти утренніе часы, одинокій въ своей студіи, я переживаю минуты высокаго наслажденія. Я забываюсь въ возвышенныхъ грезахъ. Передо мною проходитъ въ могучихъ образахъ вся героическія исторія Скандинавіи и Руси. Да, я связалъ, наконецъ, мое созданіе съ исторіей моего отечества! Оттуда, съ сѣвера, изъ Скандинавіи вышли первые князья Руси и ихъ дружинники. И вотъ въ моемъ замыслѣ, въ Валгаллу летятъ тѣни русскихъ богатырей, предводимыя скандинавскими витязями. Тутъ и жены-воительницы, удалыя „паляницы“, русскія валкиріи-дѣвы! Тутъ и герои „Слова о полку Игоревѣ“! Въ моемъ замыслѣ воплощается то чудное сліяніе германскаго и славянскаго духа, которое совершилось на зарѣ исторіи Руси. Вотъ чѣмъ я теперь живу. Впрочемъ, я и кистью, и карандашемъ работаю, но лишь надъ этюдами и рисунками къ моей картинѣ. Наконецъ, къ занятіямъ собственно скандинавскими древностями я присоединяю и занятія древностями славянскими и русскими, которыя, какъ вы можете понять, теперь, съ расширеніемъ первоначальнаго плана моей картины, совершенно необходимы.

Часто брожу я по морскому берегу. И когда море отходитъ, по набросаннымъ валунамъ далеко ухожу въ него и сижу цѣлыми часами, окруженный морскою гладью, и слушаю приплескиваніе моря о сѣдые камни. Одно стихотвореніе Ламартина при этомъ всегда припоминается мнѣ. И я даже перевелъ его на русскій языкъ. Конечно, провою. Прилагаю этотъ переводъ. Это моя первая литературная попытка. Дайте это прочесть Прокопу Ивановичу. Привѣтъ ему отъ меня и мой

Digitized by Google

почтительный поклонъ вашему батюшкѣ и Натальѣ Платоновнѣ, и всему вашему семейству.

Вашъ искренній другъ
баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ.

Post-Scriptum.

ЗАКАТЪ.

(Изъ Ламартина).

И море стихло, какъ пѣнящійся котелъ, что опадаетъ, едва поблѣднѣлъ пламень очага;

И словно на покой гоня отъ берега еще кипящій валъ, оно возвращается въ свое великое ложе;

И звѣзда, прядая съ облака на облако, на волнахъ безъ лучей проложила свой путь;

И уже половина ея кроваваго лика потонула; такъ корабль, объятый пламенемъ, уносится и нисходитъ за горизонтъ;

И половина неба поблѣднѣла; и безсильное, безгласное дыханіе вѣтра шелеститъ въ парусахъ; и набѣжали тѣни; и въ ихъ сѣромъ сумракѣ все сливается на небѣ и на водахъ;

И въ душѣ моей все блекнетъ, блѣднѣетъ, всѣ земные волненія и звуки никнутъ, вмѣстѣ съ заходящимъ днемъ; и какъ въ природѣ, что-то во мнѣ плачетъ и молится, страждетъ и вмѣстѣ благословляетъ;

И только одинъ востокъ разверстъ, какъ сверкающая дверь; тамъ волнуются потоки золотого свѣта; тамъ гигантскій пламенникъ обвитъ нетлѣнными пеленами пурпурнаго эфира;

И тѣни, и вѣтры, и бездна морская—все, кажется, мчится подъ эту огненную арку; словно боится природа и все, что дышетъ, теряя свѣтъ,—умереть.

И вечерняя пыль летитъ отъ земли; и бѣлые хлопья пѣны плывутъ; за ними слѣдуетъ мой долгій, печальный, блуждающій, безвольный взоръ; и его застилаютъ слезы безъ скорби;

И все исчезаетъ; и моя угнетенная душа пуста и подобна померкшему горизонту;

Но вотъ единая мысль возстаетъ во мнѣ, какъ пирамида среди пустыни;

О, свѣтъ! Куда ты уходишь? Шаръ, оскудѣлый пламенемъ, облака, вѣтры, волны, куда вы убѣгаете? Пыль, пѣна, мгла, вы, мои взоры, ты, моя душа, скажите, если знаете, къ чему все стремится?

Къ тебѣ, великое Все; къ тебѣ, чья блѣдная искра — эта звѣзда; гдѣ успокоится и ночь, и день, и духъ; божественный отливъ и приливъ всемірной жизни; безбрежный океанъ всепоглощающаго бытія.

Перев. бар. Ф. ф.-Ш".

Digitized by Google

XL.

Отвѣтъ Петра Кривскаго—барону Фабіану.

„Прокопался съ отвѣтомъ вамъ, дорогой баронъ, сами знаете лѣнь нашу славянскую. За письмо спасибо большое. Всѣ наши вамъ кланяются. Дядюшка Кривскій, ознакомившись съ вашимъ переводомъ и новымъ способомъ писать картины безъ красокъ, во-первыхъ, просилъ васъ и за переводъ, и за картину обнять и расцѣловать на разстояніи. Но совѣтуетъ не читать больше Ламартина, и не писать картинъ безъ красокъ, и не презирать толпы. Пусть однако выноситъ ваша душа художническая картину. И вы почувствуете, что надо браться за кисти. Дядюшка просилъ вамъ напомнить слова Писанія: „Жена, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, но когда родитъ, не помнитъ ничего отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ“. Дядюшка жалѣетъ, что его нѣтъ съ вами. Онъ бы, какъ Сократъ, былъ повивальной бабкой вашего замысла.

Вы знаете, милый другъ, что я обладаю легкомысленной польской натурой. Замыслы мои маленькіе. Пишу „штучки“. Люблю похвалы даже и газетныхъ рецензентовъ, хотя и сочиняю ихъ иной разъ самъ за бутылкой шампанскаго съ какимъ-нибудь премудрымъ „знатокомъ искусства“.

У насъ въ библіотекѣ есть полное собраніе сочиненій знаменитаго рифмоплета графа Хвостова. На каждомъ томѣ эпиграфъ: „Люблю писать стихи и отдавать въ печать“. Ну, вотъ и я, какъ графъ Хвостовъ, въ простотѣ души люблю писать картинки, выставлять ихъ и потомъ продавать. Въ Петербургъ привезу цѣлую серію „Поганокъ“ и „триптихъ“ — „Лягушки, просящія царя“. Дядюшка хвалитъ!

Послѣ вашего отъѣзда у насъ заварилась какъ-разъ самая веселая каша. Понаѣхали родственники. Множество барышень, студентовъ. Всѣ другъ въ друга перевлюблялись. Но серьезныхъ романовъ только пока одинъ. Володя Шналленштейнъ положительно помолвленъ съ Лизой Осбальдистонъ. Какъ она его къ рукамъ прибрала! Послушенъ, словно овечка.

А затѣмъ, всѣ мы влюблены. Пѣсни, танцы, смѣхъ, пикники, катанья—праздная жизнь. Фелицата кланяется вамъ.

Кстати, не смотря на наши старанія, сплетня на счетъ вашей дуэли съ Володей Шналленштейномъ не только не угасла, а наоборотъ, стала развиваться и увеличиваться, какъ лавина. Плели, плели, и сплели цѣлую поэму. Оказывается,

Digitized by Google

вы стрѣлялись не только съ Володей, но и съ дядюшкой Кривскимъ. При этомъ попеременно становились на обрывъ въ Гремучей рощѣ, спиною къ озеру и послѣ удачнаго выстрѣла бездыханное тѣло падало въ воду и всѣ поиски его оказывались тщетными, такъ какъ стрѣлялись въ глухую полночь.

По одной версіи, то было тѣло дядюшки, по другой—Володи, по третьей—ваше. Но этого мало. Лиза Осбальдистонъ съ отчаянія утопилась.

Напрасно дядюшка, Володя и Лиза предприняли совмѣстную прогулку въ городъ и по губерніи. Слухи не умолкали. И между прочимъ, особенно злостныя версіи пускалъ „содержатель гимназическаго подвала". Этотъ... (въ текстѣ письма находилось непечатное выраженіе, нами ради приличія выпущенное. *Изд.*) такія мерзости сталъ врать, что пришлось ему пригрозить и очень крупно. И все же онъ ославилъ Лизу, такъ что очень хорошо, что она уже помолвлена съ Володей Шналленштейномъ. А Володя ко всему относится „скепти-тически". Онъ былъ, дядюшка разсказывалъ, великолѣпенъ во время ихъ путешествія по губерніи. Всюду проповѣдовалъ внѣбрачное сожитіе и предлагалъ немедленно уничтожить

Церковь, собственность, семейство—
Міра стараго злодѣйство!

Слухи о дуэли со всѣми прикрасами достигли, наконецъ, ушей нашего милѣйшаго, слабѣйшаго и благодушнѣйшаго градоправителя. Старикъ перетревожился и прислалъ своего чиновника особыхъ порученій, Ѳофочку Скрипачевскаго, въ Княжія Межи, разузнать, что и какъ. Володя съ дядюшкой предложили ему заняться раскапываніемъ холма въ Гремучей рощѣ, съ цѣлью отысканія ихъ труповъ, тамъ скрытыхъ. Ѳофочка много хохоталъ и ухаживалъ за Фелицинькой, которая поднимала его на смѣхъ.

Вы видите, что ваше пребываніе не осталось безъ слѣда въ жизни нашей губерніи. Мало того, исторія дуэли, съ инціалами и украшеніями талмудическаго ума попала въ газету Соломона. По этому поводу его для распеканціи призывалъ нашъ градоправитель. Старикъ былъ ужасно недоволенъ и встрѣтилъ Соломона грознымъ окрикомъ:

— Вы это что за мерзкія сплетни печатаете въ газетѣ?

— Было напечатано въ отдѣлѣ слуховъ, ваше превосходительство,—возразилъ трепещущій Соломонъ.

— Но вы не имѣете правъ жительства, какъ непрактикующій фельдшеръ. Я васъ въ двадцать четыре часа вышлю въ черту осѣдлости.

Digitized by Google

— Газета выходитъ съ предварительной цензурой, ваше п-во.

— Съ предварительной! А кто цензоръ? Отставной ветеринаръ. Онъ, можетъ быть, и много знаетъ въ ящурѣ и сибирской язвѣ, а въ политикѣ что онъ смыслитъ?

— Цензоръ назначенъ вашимъ п—омъ.

— Ну, да, я же и виноватъ! Я же и виноватъ! Я не мѣшаю вамъ развивать сіонизмъ. А вы какъ меня благодарите? Печатаете гнусныя сплетни, порочащія лучшія фамиліи губерніи?

— Виноватъ, ваше п—во! Это ошибка метранпажа. Статья мною была назначена въ разборъ.

— Стрѣлочникъ виноватъ! Знаю. У насъ вездѣ такъ, вездѣ. Ну, такъ вотъ что, господинъ непрактикующій фельдшеръ, чтобы у меня впередъ никакихъ лживыхъ слуховъ про почтенныхъ людей не пускать въ газету, а то плохо будетъ. Слышите!

— Ваше п—во! Будьте увѣрены, что я приложу всѣ силы...

— Ладно. На васъ еще полиціймейстеръ жаловался. Пишите о сосѣдней губерніи все, что хотите. А моей полиціи не смѣть затрогивать. Слышите? Это подрываетъ престижъ власти.

— Такъ о сосѣдней губерніи можно?—ободряясь, спросилъ Соломонъ.

— Можно, но осторожно.

— Даю вамъ честное слово, что о вашей полиціи не будетъ напечатано ни строки въ моей газетѣ, п—во. Но зато прошу васъ позволить мнѣ разъ въ недѣлю писать противъ правительства.

— Разъ въ недѣлю? Ну, это можно,—рѣшилъ нашъ старикъ.

Этотъ безсмертный діалогъ намъ сообщилъ тотъ же Ѳофочка, который къ намъ повадился и учитъ Филиньку играть въ лаунъ-тенисъ. Вотъ вамъ наши новости.

Нѣтъ, еще не всѣ. Есть еще одна, очень печальная. Скончался Станиславъ Станиславовичъ, у котораго мы угощались травничками и настоечками. Скончался безболѣзненно, непостыдно, мирно, пробуя новый травничекъ подъ знакомой вамъ грушей. Тетушка Евдокія въ великомъ горѣ. Мы всѣ ѣздили погребать старика. Розовая окраска дома, какъ видите, была къ трауру. Тетушка Евдокія неутѣшна и сразу одряхлѣла. Думаю, что и она скоро послѣдуетъ за старымъ гастрономомъ. Эта кончина немного ускромнила наше веселое времяпрепровожденіе. Мы не танцуемъ и не поемъ. Въ виду близости осени, собираемъ боровики, которыхъ въ нынѣшнемъ году

Digitized by Google

неистощимыя полчища. Признаться, старика съ его настоечками мы сейчасъ же и позабыли. Только тетю Евдокію жалко. Мама съ Филей часто ѣздятъ теперь въ городъ, чтобы проводить время со старухой и утѣшать ее.

Правду сказать, хочется уже въ Петербургъ и заграницу. Въ Петербургъ ѣдетъ и Филинька. Скоро, значитъ, свидимся. А пока, жму вашу руку. Искренній вашъ

Петръ Кривскій".

XLI.

Письмо барона Фабіана—Фелицатѣ Кривской.

„20-го августа 190* г. Замокъ Шналленштейнъ въ Эстляндіи.

Милостивая государыня,
Фелицата Петровна.

Дни, проведенные мною въ Княжихъ Межахъ, сливаются въ одно свѣтлое воспоминаніе и отожествляются для меня съ вашимъ образомъ. Я думаю, что въ желаніи моемъ побесѣдовать съ вами я не встрѣчу отказа. Хотя я и люблю родные верески и валуны, но какъ показались они мнѣ печальны, послѣ тихаго, прелестнаго и солнечнаго уголка Бѣлоруссіи, гдѣ живете вы. Такъ и вижу я ваши цвѣтники, паркъ, широкую аллею, клены, розы и васъ, лучшую розу этихъ цвѣтниковъ и парковъ. Вы видите, что я остаюсь вѣрнымъ самому себѣ и начинаю письмо „балтійскими" комплиментами, надъ которыми вы такъ потѣшались. Но въ старомъ обычаѣ комплиментовъ было много добраго, много человѣколюбія. Комплиментъ позволялъ и постороннему человѣку выражать чувства восторга передъ красотой и умомъ женщины или дѣвушки. Я не настолько самомнителенъ, чтобы полагать, что вы долго сохраняли послѣ моего отъѣзда воспоминаніе обо мнѣ. Хотя дружеское расположеніе, которое вы и все ваше милое семейство выразили мнѣ именно въ послѣдніе часы и минуты моего пребыванія въ Княжихъ Межахъ, поощряютъ меня питать болѣе лестныя надежды. Но я знаю, я уже вынесенъ „на чердакъ" и въ самый дальній уголъ. Случайный прохожій на вашемъ пути, я остановился, видѣлъ васъ, говорилъ съ вами... А затѣмъ наши пути разошлись по пароболѣ, вѣтви которой, чѣмъ дальше, тѣмъ больше раздвигаются.

Такъ, вы уже меня забыли. Но я-то васъ не забылъ. Образъ вашъ я унесъ съ собою. Я вижу васъ, сидя въ моей

Digitized by Google

башнѣ. Этого мнѣ мало. Я хочу и говорить съ вами. Напишите мнѣ нѣсколько строкъ, съ позволенія вашей матушки, которой вы, конечно, покажете это письмо. Напишите мнѣ. Вѣдь вы обѣщали большее—посѣтить старый Шналленштейнъ съ маленькимъ моимъ другомъ, Люси.

Я писалъ вашему брату и вчера, наконецъ, получилъ отъ него отвѣтъ. Онъ сообщаетъ мнѣ всѣ ваши новости и поклонъ вашъ. Значитъ, вы помните меня. Сказать мнѣ вамъ нужно очень много.

Мнѣ вамъ нужно сказать, что въ окно стараго Шналленштейна смѣется въ эту минуту море и ропотъ его точно подкрадывается ко мнѣ и напѣваетъ таинственную сагу. Мнѣ вамъ нужно сказать, что я вижу васъ посреди моря, сидящей на большомъ валунѣ. Солнце запуталось въ вашихъ волосахъ. И вы поете. Я слышу вашъ голосъ. Еслибы я могъ знать, что вы дѣлаете въ данную минуту, что чувствуете и о чемъ думаете!

Впрочемъ, вы счастливы и оттого счастливъ всякій, кто теперь недалеко отъ васъ. Это свойство молодого счастья. Оно, какъ солнце, разливаетъ кругомъ и свѣтъ и тепло.

Простите, милостивая государыня, что осмѣлился писать вамъ. Если я не имѣю на это правъ родственника, то все же у меня есть право однофамильца и почтительнаго друга вашего милаго семейства, которому шлю сердечнѣйшій привѣтъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга

баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ".

Второе письмо барона Фабіана—Фелицатѣ Кривской.

„27 августа 190* г. Замокъ Шналленштейнъ въ Эстляндіи.

Милостивая государыня,

Фелицата Петровна.

Моя смѣлость наказана вашимъ суровымъ безмолвіемъ. А я рѣшаюсь, однако, безпокоить васъ еще разъ, хотя моими смиренными извиненіями. Я полагалъ, что хотя и не имѣю правъ родственника вашего, все же, какъ вашъ недавній гость, обласканный теплымъ привѣтомъ вашей семьи, какъ однофамилецъ, и наконецъ, снискавшій нѣкоторую долю вашего довѣрія, выразившагося хотя бы обѣщаніемъ вашимъ посѣтить этой осенью старый Шналленштейнъ, съ моимъ маленькимъ другомъ, Люси, я не нарушу приличій, не выкажу назойливости, осмѣлившись писать къ вамъ и ждать отвѣта вашего.

Digitized by Google

Можетъ быть, въ письмѣ моемъ, при всей его почтительной сдержанности, проявились тѣ чувства искренняго восторга, который вамъ не новъ, невольно вызываемый во всѣхъ, кто имѣетъ счастье къ вамъ приближаться.

Эти чувства совершенно законны. Скрывать, что воспоминаніе о васъ является свѣтлымъ, радостнымъ лучемъ въ моемъ, не совсѣмъ веселомъ, уединеніи, я не могъ и не хотѣлъ.

Но самая строгая щепетильность, казалось мнѣ, не могла бы усмотрѣть въ выраженіяхъ моего письма перейденной черту строгой благопристойности, которая всегда должна лежать между молодыми людьми, которымъ тѣмъ не запрещается же и общій смѣхъ, и общій разговоръ, и общая скромная симпатія.

Милостивая государыня, молчаніе ваше слишкомъ сурово, слишкомъ удручило меня. Я не могъ истолковать это молчаніе, какъ безпечную разсѣянность, хотя на письмо мое къ вашему уважаемому брату отвѣтъ послѣдовалъ лишь черезъ десять дней. Но мнѣ слишкомъ больно понять это молчаніе и какъ внезапное прекращеніе нашего, столь счастливо начавшагося было, знакомства. Это послѣднее обстоятельство и заставило меня еще разъ имѣть смѣлость писать вамъ. Признаюсь, мнѣ было бы тяжко окончательно убѣдиться въ разрывѣ нашихъ отношеній. Быть можетъ, несчастная размолвка съ младшимъ Шналленштейномъ, порожденная, однако, какъ это вамъ хорошо извѣстно, дерзкой и ничѣмъ съ моей стороны не вызванной выходкой, хотя и кончилась благополучно, теперь принесла слишкомъ много непріятностей вашему семейству, какъ объ этомъ сообщалъ въ почтенномъ письмѣ вашъ уважаемый братъ, такъ что вамъ въ самомъ дѣлѣ непріятно воспоминаніе о вашемъ остзейскомъ однофамильцѣ.

Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, милостивая государыня, принять выраженіе моей почтительвой преданности и такового же уваженія.

Баронъ Фабіанъ фонъ-Шналленштейнъ".

Николай Энгельгардтъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Болѣзнь Гоголя.

(Критическое изслѣдованіе).

Д-ра Каченовскаго.

„Болѣзнь Гоголя"—профессора Чижа.

Гоголь, по проф. Чижу, не могъ любить людей униженныхъ и оскорбленныхъ, хотя и возбудилъ любовь къ Акакіямъ Акакіевичамъ и Поприщинымъ. Значитъ, это не было эгоизмомъ, да и не могло быть имъ, ибо своими произведеніями онъ сѣялъ и не случайно,—ибо говорилъ о томъ,—добро людямъ. Почему же онъ не особенно сочувствовалъ крѣпостнымъ? Это вполнѣ понятно у *больного* Гоголя и проф. Чижъ отчасти справедливо говоритъ: *„уже одни, почти не прекращающіяся нервныя страданія настолько отравляли жизнь, настолько сосредоточивали все вниманіе на самомъ себѣ, на собственномъ спасеніи, что ему ни до кого и ни до чего, кромѣ себя, не было дѣла"*. А кому изъ здоровыхъ людей было дѣло тогда до больного геніальнаго нашего поэта: щадили ли тогда Гоголя высокообразованные люди, какъ Бѣлинскій, С. Т. Аксаковъ, Тургеневъ и пр. и пр.: не били ли они по самолюбію малообразованнаго, плохо воспитаннаго, а потому и нуждающагося въ снисхожденіи Гоголя? Бѣлинскій, вѣдь, жертвовалъ самолюбіемъ *больного* Гоголя для спасенія многихъ людей! Отчего поступки Гоголя разсматриваются проф. Чижомъ (а также и д-ромъ Баженовымъ) безъ отношенія къ окружающимъ тогда Гоголя людямъ и обстоятельствамъ

1) См. «Русск. Вѣстн.», августъ 1906 г.

Digitized by Google

того времени, воспитанію и образованію юношества, средѣ, гдѣ жилъ и служилъ Гоголь и пр. и пр. 1). Можетъ быть, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, мы удивились бы тогда, почему Гоголь, болѣвшій еще къ тому же маляріей, дѣйствительно, не сошелъ съ ума, какъ то произошло въ наше уже время со многими нашими талантливыми писателями, можетъ быть, никакими болѣзнями не болѣвшими. Всѣ эти соображенія могли бы привести проф. Чижа къ разъясненію себѣ того, почему умственно здоровый Гоголь относился сравнительно безучастно къ страданіямъ своихъ сосѣдей, какъ то дѣлаютъ и душевнобольные, и онъ не сталъ бы дѣлать того сравненія, что разъ такъ поступаютъ душевно-больные, то, стало быть, Гоголь душевно-больной. Поэтому, проф. Чижъ опять правильно пишетъ: „только здоровые (*свободные и хорошо воспитанные люди*, прибавлю я) могутъ любить свободу, истину, человѣчество; возмущаться произволомъ, стремиться къ свѣту, облегчать страданія оскорбленныхъ и униженныхъ“ (да, и то вонъ такіе люди, свободные и здоровые, какъ англичане, забрали, однако-жъ, золотоносный Трансвааль, и надругались надъ истиной, свободой, правомъ, справедливостью и пр. и пр.) и какъ больной человѣкъ, онъ ни умомъ, ни сердцемъ не понималъ и не сочувствовалъ тому, что такъ дорого всѣмъ намъ и въ „Ревизорѣ“ и въ „Мертвыхъ Душахъ“. Такъ ли это? Несомнѣнно онъ былъ и малообразованный, и больной, хотя и не душевной болѣзнью. Гоголь выпрашивалъ деньги, пособія, пенсію, но вѣдь онъ сначала много геніальнаго написалъ, а потомъ протягивалъ руку за помощью и едва нашлись люди, которые не окончательно отвернулись отъ него.

Вотъ почему Гоголь считалъ для себя оскорбительнымъ самое названіе „либералъ“ и предпочелъ казенную благонамѣренность: „либералы“ глумились надъ Гоголемъ со школьной еще скамейки и меньше всего онъ ихъ могъ понять потомъ, когда они обращались къ нему, Гоголю, похлопотать о тепломъ мѣстечкѣ у него, или помочь имъ своей статьей увеличить доходность ихъ газеты, а сами не нашли возможнымъ ему тоже помочь безъ этого. Очень возможно, что Гоголь считалъ консерваторовъ болѣе гуманными людьми: *они, правда, возьмутъ взятку*, но больному уже навѣрно дадутъ хотя отно-

1) Я уже не говорю о томъ, что малярики-хроники вообще большіе эгоисты и черствые люди и, несмотря на *видимую* мягкость нравовъ въ малярійныхъ мѣстностяхъ, драмъ бываетъ тамъ много; вообще люди тамъ часто бываютъ раздражительны и надо умѣть съ ними обходиться.

Digitized by Google

сительный покой. Проф. же Чижъ полагаетъ, что у Гоголя „это объясняется тѣмъ, что душевно-больные всегда съ особымъ увлеченіемъ придерживаются модныхъ, въ то время консервативныхъ, господствующихъ идей". Cette comparaison n'est pas raison, ибо тогда въ Россіи, оказывается, почти всѣ были сумасшедшіе. Но и при такомъ толкованіи для проф. Чижа остается неяснымъ, почему у Гоголя сложились такіе благонамѣренные взгляды, ибо немало людей, мало учившихся, исповѣдуютъ радикальныя и даже анархическія идеи". Такимъ сложнымъ кажется характеръ Гоголя проф. Чижу, что не поддается его анализу. Зачѣмъ же тогда, казалось, смотрѣть ему на Гоголя съ точки зрѣнія душевной болѣзни у него? Хитрый, даже геніально хитрый Гоголь совершенно сбиваетъ съ толку профессоровъ психіатріи. Даже теоретическія работы графа Льва Толстого стоятъ ниже художественныхъ произведеній послѣдняго, почему же никто Л. Толстого не считаетъ душевно-больнымъ на основаніи того, что онъ часто берется не за свое дѣло (напр., пашетъ въ полѣ, издаетъ теоретическія работы и пр.). Я думаю потому, что самъ Л. Толстой отъ души посмѣялся бы надъ такими людьми, которые ничего не найдутъ у него, кромѣ душевной болѣзни и художественныхъ произведеній, просмотрятъ у него вообще человѣка съ необыкновенно доброй душой, какъ и у Гоголя. Критикъ Волынскій, увидѣвшій въ „Выбранныхъ мѣстахъ" языкъ „пророческаго вдохновенія и поэтическаго энтузіазма" и повторившій за Л. Н. Толстымъ: „это оклеветанная, это великая книга" („Выбранныя мѣста"), вызоветъ, будто бы, по проф. Чижу, удивленіе и образованнаго человѣка, и спеціалиста ученаго— слова эти очень рѣзки и энтузіазмъ, хотя и не поэтическій, у проф. Чижа ясно проглядываетъ при защитѣ своего малообоснованнаго мнѣнія о душевной болѣзни Гоголя. Вѣрнѣе всего признать, что книгу „Выбранныя мѣста" Гоголь писалъ главнымъ образомъ для выясненія себя друзьямъ и уясненія себѣ нѣкоторыхъ вопросовъ для задуманнаго имъ тогда большого сочиненія, въ которомъ онъ хотѣлъ создать положительные типы, и этимъ послѣднимъ, вѣроятно, объясняется выраженіе его въ одномъ письмѣ: „Еще одинъ Левіафанъ затѣвается и т. д. Съ точки зрѣнія художника-аскета ему стало казаться, что его прежнія произведенія заключали въ себѣ ошибку, что онѣ бывали легкомысленнымъ смѣхомъ, внушали раздраженіе и чуть ли не внушены злымъ духомъ". Вотъ почему онъ отвергъ свои прежнія сочиненія. (Пыпинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній", изд. 2-е, заимствовано изъ

Digitized by Google

„Богословск. Вѣстника“ 1902 г., III, стр. 610—611). Также это сочиненіе („Выбр. мѣста“) было ему вродѣ отдыха при занятіи беллетристикой. Какъ читатель ни утомился уже приводимыми все большею частью сомнительнаго достоинства доказательствами проф. Чижа въ защиту его мнѣнія, все-таки, въ виду важности предмета, я долженъ продолжать мой разборъ: проф. Чижъ очень уважаетъ количество доказательствъ. Проф. Чижъ говоритъ, что „Выбранныя мѣста“ Гоголя, какъ и другія теоретическія работы Гоголя, отличаются тѣмъ, что всѣ, даже самые сложные вопросы, разрѣшаются крайне просто и при томъ въ самой категорической, не допускающей возраженія, формѣ; нѣтъ никакихъ сомнѣній, недоразумѣній... Ницше говоритъ вполнѣ вѣрно: „возраженіе, осторожность, сомнѣніе, иронія — суть признаки здоровья; все, что абсолютно, находится въ области патологическаго“.

Врядъ ли это, однако, справедливо. Иначе, что я могу подумать объ авторѣ этого разбираемаго мною сочиненія, самомъ проф. Чижѣ, ибо Гоголя могъ всякій учитель географіи, исторіи и даже просто всякій изъ публики оспаривать, а кто можетъ возражать проф. Чижу? Что могутъ сдѣлать даже врачи, если они не профессора: вотъ что проф. Чижъ говоритъ, напр., про д-ра Тарасенкова, отнесшагося критически къ насилію надъ бѣднымъ Гоголемъ своихъ товарищей, выше его стоящихъ: „едва ли можно одобрить то высокомѣріе, съ которымъ онъ (Тарасенковъ) отнесся къ сужденіямъ болѣе его свѣдущихъ (это относительно-то болѣзни Гоголя!) товарищей; *къ сожалѣнію такое отношеніе нерѣдкое*“ (какъ и наоборотъ, прибавлю я, что еще, къ сожалѣнію чаще бываетъ).

Проф. Чижъ, на основаніи своего свыше двадцатипятилѣтняго изученія душевно-больныхъ, говоритъ, что онъ можетъ лишь подтвердить, что этотъ больной философъ (Ницше) правъ. Относительно „всезнайства“ кто же не знаетъ, что не только во-времена Гоголя, но и теперь многіе статскіе и военные генералы считаютъ себя, хотя и относительно только, спеціалистами чуть ли не по всякой отрасли знанія.

Какіе мотивы руководили Гоголемъ при изданіи теоретическихъ работъ, мы не знаемъ и судить о нихъ очень трудно.

Свербеевъ, уважавшій и любившій Гоголя, писалъ, однако: „надуваетъ ли онъ (отъ чего, Боже сохрани) прежде чѣмъ самъ надувается, или же надувается прежде самъ, а потомъ уже надуваетъ своихъ читателей“. Относительно того, что Гоголь, будто-бы, считалъ *скопидомство* величайшей мудростью и добродѣтелью, какъ говоритъ проф. Чижъ,—въ этомъ можно

Digitized by Google

усумниться, но что онъ говорилъ, что расточительность величайшій порокъ, то это онъ видѣлъ часто на примѣрахъ русскихъ, пріѣзжающихъ въ Италію, Францію и пр. проживать русскія деньги. Также онъ зналъ хорошо, что мы, русскіе, не умѣемъ жить по средствамъ, а геніи у насъ умираютъ съ голода. Только онъ одного не зналъ, что протяни кто-либо изъ геніальныхъ людей руку за помощью, его свои же русскіе назовутъ попрошайкой, а то и прямо сумасшедшимъ и не очень-то много раскошелятся для него. Впрочемъ, можетъ быть, Гоголь и это зналъ и при своемъ „черствомъ" характерѣ, гордости и высокомѣріи все таки протягивалъ руку за помощью и всячески старался обезпечить себя. Кромѣ того, причиной проповѣди Гоголя и расточительности было и преждевременное увяданіе его организма, но, конечно, не отъ душевной болѣзни.

Неправильное объясненіе даетъ проф. Чижъ тому, отчего Гоголь въ 1842 г. писалъ много писемъ. Онъ говоритъ,—что причина тому—угасаніе его генія, погасшаго окончательно въ 1841 г., тогда какъ „патологическая его организація осталась, на почвѣ которой и развилось это болѣзненное явленіе" (зудъ писательства теоретическихъ статей).

Вотъ это невѣрно, ибо причиной того были слѣдующія обстоятельства: больной Гоголь, дѣйствительно, не могъ уже работать съ той силой, какъ раньше, и ему въ это время понадобился отдыхъ, понадобилось общество, захотѣлось какого бы ни было общенія съ людьми: болѣе *легкій* трудъ (письма) сравнительно съ предыдущей его дѣятельностью, къ каковому труду старые люди болѣе всего склонны.

Проф. Чижъ (какъ и д-ръ Баженовъ), авторитетно извѣщавшій насъ при каждомъ представлявшемся ему случаѣ о томъ, какъ постепенно угасалъ геній Гоголя, вдругъ разражается слѣдующей рѣчью: „Намъ очень трудно слѣдить за развитіемъ болѣзни Гоголя, во-первыхъ, вслѣдствіе скрытности его, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что *болѣзнь нашего великаго поэта нѣсколько своеобразна*, въ третьихъ, вслѣдствіе несовершенства психіатріи, а Гоголь скрывалъ свою болѣзнь отъ друзей". „Эти болѣзненные страхи, эти непонятныя безпокойства, эти безпрестанныя ожиданія чего-то страшнаго, долженствующаго сейчасъ же разразиться, все это уже у меня было, хотя я и скрывалъ это въ себѣ и не показывалъ наружно. Это было еще тогда, когда вы были въ Римѣ", пишетъ Гоголь Смирновой 4 іюля 1846 (стр. 138 — 139), отлично обрисовывая настроеніе малярика-хроника во время припадковъ маляріи. Ум-

Digitized by Google

ный,одаренный художественнымъ чутьемъ, сумасшедшій самую нелѣпую идею сумѣетъ смягчить, облечь въ приличную форму, говоритъ проф. Чижъ, и по отношенію къ умному человѣку мы должны отнестись строже, если онъ начнетъ говорить глупости, чѣмъ къ глупому человѣку въ такомъ же положеніи.

Это не совсѣмъ вѣрно: если душевно-здоровый, но больной и раздражительный, хотя бы то былъ и самъ геніальный Гоголь, назоветъ мужиковъ, да еще въ крѣпостное время... *неумытыми рылами*, то я отнесусь къ нему болѣе снисходительно, чѣмъ къ тѣмъ двумъ психіатрамъ, которые въ наше уже время раскатали психіатра-товарища, д-ра Якобія, совершенно не стѣсняясь въ выраженіяхъ послѣ произнесенія ими (первыми двумя) надгробныхъ умилительныхъ рѣчей на могилѣ незлобиваго психіатра же С. С. Корсакова, ихъ учителя. Но и тогда я скажу про нихъ только: они не вѣдали, что творили, а не приведу словъ Бѣлинскаго: или они больны и имъ надо спѣшить лѣчиться, или... и т. д. Въ виду грубости тогдашнихъ нравовъ, Гоголь не виноватъ въ отступленіи своемъ отъ установленнаго тогда кодекса нравственности, а какъ объяснить поступокъ вышеупомянутыхъ двухъ психіатровъ въ нынѣшнее время—я не знаю. Не смѣю же я подумать, слѣдуя логикѣ проф. Чижа, что у данныхъ психіатровъ — это были способы къ достиженію ими каѳедръ. Всѣ приводимыя проф. Чижомъ выдержки изъ писемъ Гоголя на стр. 141 и 142 его труда несомнѣнно указываютъ, что Гоголь болѣлъ тогда хронической маляріей; такъ въ одномъ письмѣ (къ матери) говорится: „вліяніе ли климата, или что другое, дурно то, что *это дѣйствуетъ на мои умственныя занятія* и я до сихъ поръ не въ силахъ привести въ порядокъ дѣлъ своихъ". Болѣзнь, дѣйствительно, не даетъ Гоголю заняться, сосредоточиться, но геній его, конечно, не угасалъ: не было только *физической* возможности заниматься. Эти обмороки, сомнамбулическое состояніе Гоголя, о которыхъ онъ самъ писалъ Балабиной, въ февралѣ 1842 г., включительно до сонной болѣзни, или продолжительнаго сна больного, что встрѣчается на югѣ въ малярійныхъ мѣстностяхъ, а также и до меланхолическихъ состояній включительно—все это также одни изъ признаковъ (симптомы) маляріи. Не будучи больнымъ хронической маляріей, или не зная ничего о такихъ больныхъ, дѣйствительно, судя по поступкамъ этихъ больныхъ, какъ Гоголь, можно подумать, что они душевно-больные люди: до того странны ихъ радости по поводу хотя небольшого облегченія отъ своихъ болѣзней и печали, или даже страшнаго иногда отчаянія, когда ихъ

Digitized by Google

болѣзнь хроническая обостряется. (Болѣе всего замѣтно это у лицъ, занимающихся умственной работой, лицъ, расходующихъ сильно свою нервную систему и пр.). Поэтому нисколько неудивительна поѣздка Гоголя въ Іерусалимъ, хотя проф. Чижъ почему-то удивляется, отчего Гоголь сначала не поѣхалъ въ русскій какой-либо монастырь, и приписываетъ это идеѣ величія у Гоголя, что ему подобаетъ молиться только въ самомъ главномъ святомъ мѣстѣ. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы подобная, крайне нелѣпая мысль могла бы явиться въ головѣ Гоголя. Нѣсколько мистическое направленіе мыслей у Гоголя, глубоко-вѣрующаго человѣка, подало поводъ проф. Чижу такъ относиться къ Гоголю, какъ будто, онъ, Гоголь, настолько боленъ уже въ 1842 г., что не понимаетъ даже упадка своего творчества; тогда какъ Гоголь въ это время пишетъ: „я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе"... и считаетъ, что первая часть „Мертвыхъ душъ" въ сравненіи съ другими, „имѣющими послѣдовать", похожа „на продѣланное губернскимъ архитекторомъ наскоро крыльцо ко дворцу, который задуманъ строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ". Проф. Чижъ, говоря здѣсь, что Гоголь настолько боленъ въ 1842 г., что не замѣчаетъ въ себѣ упадка творчества, на 167 стр. говоритъ, что „Гоголь самъ ясно сознавалъ (и это было въ концѣ 1850 г.!) упадокъ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ", что на Гоголя почти за годъ до смерти, якобы, нашло просвѣтленіе ума и это въ то время, какъ слабоуміе, или распадъ духовной жизни у Гоголя съ 1847 года, будто бы, все болѣе и болѣе прогрессировалъ!

Гоголь не считался, конечно, со своей болѣзнью: она раньше не лишала его возможности творить геніальныя вещи; онъ не зналъ, что эта болѣзнь можетъ прогрессировать. Гоголь пересталъ творить вслѣдствіе того, что впадалъ чуть ли не въ отчаніе въ виду невозможности отъ припадковъ болѣзни (маряріи) работать такъ, какъ желалъ и раньше работалъ, боясь написать произведенія, которыя могли оказаться хуже изданныхъ уже, за отсутствіемъ наблюденій русской жизни и такихъ цѣнителей его таланта, какъ Пушкинъ. Это отчасти сознаетъ самъ Гоголь: „виноватъ ли я въ томъ, что у меня точно нѣтъ теперь никакихъ впечатлѣній и что мнѣ все равно, въ Италіи ли я, или въ дрянномъ нѣмецкомъ городкѣ, или въ Лапландіи... Въ томъ воля Бога" (письмо Данилевскому 20 іюня 1843 г.).

Онъ, повидимому, скорѣе согласенъ, чтобы сочли его за сумасшедшаго, чѣмъ за человѣка, пережившаго свою славу.

Digitized by Google

Какъ извѣстно, Гоголь имѣлъ много предразсудковъ, но вѣрилъ ли онъ въ то, что можетъ пророчествовать, обладаетъ „внутреннимъ чутьемъ“ и пр.—это вопросъ. „Гоголь жилъ, говоритъ проф. Чижъ, всегда такъ, какъ нравилось ему; онъ и теперь очень толково обдѣлалъ свои денежныя дѣла, поручилъ дѣла своимъ московскимъ друзьямъ, чрезъ Смирнову получалъ пособія и отъ Двора, и изъ казначейства“, и т. д.; словомъ, жилъ такъ, что объ „аскетизмѣ“ его говорить нѣтъ основаній. О такихъ удивительныхъ душевно-больныхъ, если принять во вниманіе все вышесказанное, еще что-то не было слышно. Такъ пріятно живя, Гоголю легко было, конечно, пророчествовать и писать, напр., Языкову, что онъ, Гоголь, обладаетъ внутреннимъ чутьемъ, которымъ можетъ „прозрѣвать“ изъ Дюссельдорфа въ Москву, что „отъ тебя (Языкова) не такъ далеко время писанья и работы“. Гоголь употреблялъ, дѣйствительно, гипнозъ и самогипнозъ: разъ врачи ни ему, ни другимъ больнымъ въ Италіи и дома не могли помочь, то Гоголь сталъ себя и другихъ лечить гипнозомъ, а также обратился къ помощи Божіей, чѣмъ приводитъ въ большое смущеніе проф. Чижа. Гоголь въ томъ же письмѣ Языкову (отъ 4 ноября 1843 г.) пишетъ: „нужно молиться и окажутся въ душѣ вопросы...“ И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собой превратится въ восторгъ; а къ концу какой-нибудь недѣли увидишь, что уже все составилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокій внутренній смыслъ — все; стоитъ только взять въ руки перо да писать“.

Вѣра въ сверхъестественное была очень распространена въ Петербургѣ даже въ 80-хъ годахъ, когда меньше думали о Богѣ, нежели во времена Гоголя. Во время пребыванія моего въ Гатчинскомъ институтѣ (въ 70-хъ г.г.) въ Петербургѣ была большая вѣра въ спиритизмъ. Я помню, какъ одинъ воспитатель посадилъ насъ, воспитанниковъ старшаго отдѣленія, за столы, велѣлъ положить руки на столы и ждалъ, когда послѣдніе завертятся. Когда мой столъ сталъ вертѣться, то всѣ подошли къ нему и у всѣхъ насъ ощупывали мышцы, не напряжены ли онѣ, и не находили этого, ибо я ихъ разслаблялъ въ это время, но я не выдержалъ и вдругъ расхохотался, этимъ только доказавъ, что это я вертѣлъ столъ. Воспитатель плюнулъ и ушелъ къ себѣ, а онъ былъ образованнѣе Гоголя и писалъ ученыя статьи въ журналахъ и теперь состоитъ профессоромъ. Что же удивительнаго въ томъ,

Digitized by Google

что самъ Гоголь, несмотря на предразсудки и вѣру въ чудесное, не ждалъ ни откуда уже помощи и обращался къ Богу, подолгу молился, и во снѣ ему иногда снилось то, о чемъ онъ думалъ на-яву?

Но уже и это средство не помогаетъ ему; проф. Чижъ говорилъ, что самъ Гоголь лечился въ разныхъ мѣстахъ и у знаменитостей, а Языкова поучалъ, что „болѣзнь надо побѣждать".

Во-первыхъ, онъ не могъ матеріально помочь Языкову, а во-вторыхъ, ему, Гоголю, и знаменитости не могли помочь; немудрено, что и самому Гоголю оставалось побѣждать болѣзнь самовнушеніемъ о томъ, что онъ выздоровѣетъ и тоже совѣтовать Языкову: разъ болѣзнь у Гоголя не распознали и не излечили, то это, дѣйствительно, до поры до времени оставалось единственнымъ средствомъ въ рукахъ Гоголя и другихъ, подобныхъ ему, больныхъ и практикуется и теперь. Во всякомъ случаѣ такой практическій и умный душевно-больной, какъ Гоголь, вызываетъ прямо чувство раздраженія у проф. Чижа, въ виду большой возни съ нимъ, чтобы доказать ненормальность у него умственныхъ способностей, что совершенно излишне, такъ какъ временные припадки меланхолическихъ состояній могутъ быть и у совершенно здороваго въ умственномъ отношеніи человѣка, но больного маляріей.

Доказывать, да еще заднимъ числомъ, что кромѣ временныхъ болѣзненныхъ состояній, что отчетливо и правильно подмѣтилъ д-ръ Баженовъ, Гоголь былъ уже съ дѣтства душевно-больной человѣкъ и, какъ таковой, только и могъ сдѣлаться геніальнымъ писателемъ, ему, какъ мы видимъ здѣсь, даже съ такими натяжками, какъ онъ дѣлаетъ, не представляется возможнымъ, да это вовсе и не нужно. Во-первыхъ, ни тогда, ни теперь, никто этому не повѣритъ и не вѣрятъ, а во-вторыхъ, сначала надо доказать или установить, что всѣ геніальные люди—душевно-больные. Тогда относительно Гоголя нечего будетъ и доказывать. Намекъ на это есть у д-ра Баженова, который говоритъ, что у всѣхъ почти геніальныхъ лицъ находятся и психопатическія низменныя черты характера и, хотя какъ исключеніе, онъ было привелъ двухъ лицъ: Леонардо-да-Винчи и Гете, но и они собственно, по его выраженію, не представляютъ идеала гармоніи душевныхъ силъ у человѣка.

Увы, идеальныхъ людей нѣтъ на свѣтѣ. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія намъ, простымъ смертнымъ, всѣ геніальные и выдающіеся люди кажутся вродѣ какъ бы душевно-

Digitized by Google

больныхъ; они бредятъ о высокомъ своемъ призваніи, о благѣ себѣ подобныхъ, до самозабвенія, иногда до помѣшательства, говоря, что они должны это дѣлать и дѣлиться съ неимущимъ, тогда какъ у насъ собственное благо на первомъ планѣ. Поэтому намъ слѣдуетъ отмѣчать геніевъ, запасающихся пенсіей подъ шумокъ религіознаго мистицизма, консерватизма и пр. измовъ, такъ какъ это нашъ удѣлъ, простыхъ смертныхъ, а ужъ никакъ не геніевъ, долженствующихъ умирать съ голода въ виду ихъ дикихъ взглядовъ на жизнь. Впрочемъ, мы можемъ снизойти къ нѣкоторымъ изъ нихъ, якобы, изъ глубокаго уваженія къ нимъ, да и то къ тѣмъ, у кого здраваго смысла (практичности) больше, и объявить ихъ душевно-больными, благо и у нѣкоторыхъ душевно-больныхъ геніальныхъ наблюдается большая практичность. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ понять, что Гоголь неоднократно говорилъ, что у него, кромѣ чемодана, ничего нѣтъ и онъ „за комфортомъ не гонится“, но, какъ говоритъ проф. Чижъ, останавливался онъ всегда въ хорошихъ гостинницахъ, а всякій, кто много путешествовалъ, знаетъ, какъ стѣсняетъ путешественника громоздкій багажъ.

Съ другой стороны проф. Чижъ обрушивается на Гоголя за то, что тотъ въ своей гипнотизаціи людей дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ, до того, что свои наставленія сравниваетъ съ явленіями Бога, называетъ Вѣльегорскую „благоуханнѣйшей“, „благодатной“, а стараго пріятеля такимъ сквернымъ словомъ, которое назвать въ печати нельзя. Вообще по проф. Чижу *„трудно и даже невозможно считать истинно религіознымъ человѣка*, который говоритъ: „трудно человѣку придумать, чѣмъ бы оскорбить меня“ и вмѣстѣ съ тѣмъ ругаетъ Погодина за то, что онъ приложилъ къ своему журналу его портретъ, Плетнева за то, что тотъ высказалъ свое мнѣніе о недостаткѣ образованія у Гоголя“. Оказывается, что друзья Гоголя, которыхъ онъ якобы гипнотизировалъ и которые по стрункѣ у него ходили, тоже не остаются у Гоголя въ долгу и даже затрогиваютъ у него самое больное мѣсто. Очень жаль, что Гоголь недоволенъ былъ помѣщеніемъ своего портрета въ журналѣ: въ случаѣ, если бы Гоголь остался доволенъ, это послужило бы хорошимъ предлогомъ считать маніей величія у Гоголя—восхвалять себя. Это очень не нравится проф. Чижу, который удивляется злобности, съ которой Гоголь ругаетъ Погодина за помѣщеніе въ своемъ журналѣ его, Гоголя, портрета. Насъ это только радуетъ: Гоголь былъ и очень практическій и очень умный господинъ, а, главное, въ силу этого

Digitized by Google

совершенно душевно-здоровый человѣкъ. По проф. Чижу „добродушный“ (должно быть, очень здоровый душевно) Плетневъ, повѣривъ увѣреніямъ Гоголя, что онъ желаетъ указанія его ошибокъ, написалъ ему (Рус. Вѣстн. 1840, XI, 36): „ты только геній—самоучка, поражающій творчествомъ своимъ и заставляющій жалѣть о своей безграмотности и невѣжествѣ въ области искусства“. Очевидно, были основательныя причины иногда, почему Гоголь раздражался. Отъ Аксакова (С. Т.) онъ получилъ еще болѣе рѣзкое письмо съ поученіемъ его Гоголя, не совѣтовать ему старику (Аксакову) читать Ѳому Кемпійскаго, да еще въ узаконенное время, какъ мальчику, читать по главамъ, тогда какъ онъ, Аксаковъ, читалъ его, еще когда Гоголь не родился. Нѣкоторыя слова Гоголя наводятъ сомнѣніе на него, Аксакова (въ душевной болѣзни Гоголя): „терпѣть не могу нравственныхъ рецептовъ, ничего похожаго на вѣру въ талисманы... Дрожу, чтобы не пострадалъ художникъ“.

Несомнѣнно, что Аксаковъ не только не понималъ Гоголя, но и нехорошо относился къ нему, а *это письмо подтверждаетъ только мое мнѣніе, что Аксаковъ никоимъ образомъ не думалъ, что Гоголь сумасшедшій; къ сумасшедшимъ такихъ писемъ не пишутъ и съ ними не считаются такъ, какъ считались также и Тургеневъ и Бѣлинскій и др. съ Гоголемъ.* Нехорошо С. Т. Аксаковъ относился къ Гоголю, вѣроятно, потому, что онъ считалъ Гоголя въ лагерѣ, противоположномъ Бѣлинскому, Тургеневу и др., къ которому Аксаковъ принадлежалъ, горько ошибаясь, конечно, въ этомъ: Гоголь ни къ какому лагерю не принадлежалъ.

Такія письма писали *больному* Гоголю его друзья, вызывая только сильное раздраженіе со стороны послѣдняго, который сталъ относиться съ подозрѣніемъ даже къ ближайшему другу своему Анненкову, выхвативъ у послѣдняго разъ изъ рукъ свой отрывокъ изъ малороссійской драмы: повидимому, Анненковъ дозволилъ себѣ что-либо лишнее, напр., улыбнуться при чтеніи его, хотя бы и безъ всякой задней мысли. Съ больными вообще надо быть очень осторожными въ обращеніи. Послѣднее письмо Аксакова написано 7 апр. 1844 г., а въ 1845 г. Гоголь пишетъ свящ. Базарову: „пріѣзжайте ко мнѣ причастить,—я умираю“. Совѣтовался Гоголь со многими врачами, но леченіе въ Карлсбадѣ, по совѣту одного изъ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало ухудшеніе.

То, что у Гоголя распухали руки, указываетъ на пораженіе у него стѣнокъ сосудовъ (или сосудистой системы): отеки

Digitized by Google

при хронической маляріи нерѣдки, какъ безбѣлковые, такъ и съ бѣлкомъ въ мочѣ. Также интересенъ тотъ фактъ, что ухудшеніе болѣзни у Гоголя теперь (въ 1845 г.) не сопровождалось тоской, печалью или хандрой; настроеніе было весьма удовлетворительно. При маляріи не обязательно бываютъ каждый разъ меланхолическія состоянія, при обостреніи ея.

„Духъ мой, писалъ Гоголь, становится въ такое время связнымъ и расположеннымъ къ дѣлу". Если мы припомнимъ, что наканунѣ еще смерти своей онъ занимался редактированіемъ и изданіемъ своихъ сочиненій, то о какой-либо душевной болѣзни у Гоголя не можетъ быть и рѣчи.

Даже самъ проф. Чижъ говоритъ: „теперь уже ясно, что ухудшеніе здоровья Гоголя, послѣдовавшее въ 1845 г., не было припадкомъ меланхоліи, а потому никоимъ образомъ нельзя, какъ то дѣлаетъ д-ръ Баженовъ, всю болѣзнь считать періодической меланхоліей." А между тѣмъ д-ръ Баженовъ былъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Чижъ: все таки меланхолическія состоянія бываютъ чаще при маляріи, чѣмъ симптомы другой какой-либо психической болѣзни. Меланхолическія состоянія, описываемыя самимъ Гоголемъ, бывали у него довольно часто. Это нервное состояніе больного замѣчено многими врачами, не находившими, однако, у него никакихъ другихъ признаковъ душевной, или другой какой-либо болѣзни. Точь-въ-точь тоже самое *и теперь* бываетъ и бывало раньше *со многими* моими паціентами, ѣздившими въ Москву и губернскіе города, тщетно ища тамъ помощи отъ хронической маляріи. Вотъ почему проф. Чижъ пишетъ, съ чѣмъ я совершенно соглашаюсь: „можно, конечно, дѣлать предположеніи и догадки (о болѣзни Гоголя), но они ничего намъ не выясняютъ и потому я не могу согласится съ д-ромъ Баженовымъ, съ его крайне простымъ опредѣленіемъ болѣзни Гоголя."

Въ концѣ книги проф. Чижъ становится на реальную почву, что нужно было бы ему давно сдѣлать, а не фантазировать, и говоритъ: „я думаю, *что гораздо правильнѣе ограничиться указаніемъ того, что намъ болѣе извѣстно о болѣзни Гоголя.* Тяжкія физическія страданія, были ли они вызваны, дѣйствительно, *какимъ либо органическимъ заболѣваніемъ* [1]), или были чисто ипохондрическаго характера (функціональныя?), весьма напугали Гоголя, сдѣлали его набожнымъ, т. е. *болѣе набожнымъ*, хотя проф. Чижъ и отрицаетъ вообще набожность Гоголя до

[1]) Мой курсивъ.

Digitized by Google

развитія (?) болѣзни (155 стр.) (а когда его болѣзнь начала развиваться?). Проф. Чижъ говоритъ, что вслѣдствіе страданій, пережитыхъ Гоголемъ въ 1846 г., послѣдній заговорилъ уже другимъ языкомъ. Съ этого года, будто бы, развилась и набожность Гоголя: „даже въ 1843 г. Гоголь не обнаруживалъ особой набожности и къ церковнымъ обрядамъ относился *небрежно*. Гоголь *не только* совѣтовался съ врачами, принималъ лѣкарства, пилъ воды, пользовался гидротерапевтическимъ леченіемъ, уѣхалъ на югъ, но усердно молился Богу о выздоровленіи, просилъ всѣхъ, кого могъ, молиться о своемъ выздоровленіи", т. е. дѣлалъ все, какъ дѣлаютъ это и душевноздоровые люди и нерѣдко въ томъ же порядкѣ, но „до этого времени Гоголь" яко-бы „не отличался *особой* набожностью."

Несомнѣнно, что проф. Чижъ, говоря на стр. 154 вообще о набожности, а на 155 объ особой набожности Гоголя, имѣлъ въ виду *особую* набожность, а не вообще набожность Гоголя, которую онъ не имѣетъ, конечно, права отрицать у Гоголя вообще съ самаго дѣтства. Что у Гоголя явилась съ 1845 года, когда его болѣзнь сдѣлалась почти неизлѣчимой, особая набожность,—это не должно никого удивлять, ибо онъ извѣрился уже въ помощи врачей. Въ 1846 г. онъ пишетъ: „чувствую, что больше всего мнѣ слѣдуетъ надѣяться на святыя мѣста... чѣмъ на докторовъ и леченіе." Проф. Чижъ говоритъ по поводу того, что въ припискѣ къ одному письму Гоголь проситъ прибавить пропущенную строку въ молитвѣ его въ предъидущемъ письмѣ, а въ самомъ письмѣ проситъ узнать о порошкахъ. „Какъ-то и грустно, и неловко читать такое сопоставленіе порошковъ и молитвъ: *только болѣзнь доводитъ до такого малодушія*, что человѣкъ не знаетъ, что важнѣе—порошки или молитвы. Истинно религіозные люди не пишутъ въ письмѣ о цвѣтѣ порошка, а въ постскриптумѣ о пропущенной строкѣ молитвы".

Да, но пишутъ такъ не только одни *душевно*-больные люди. Гоголю просто трудно было переписывать свои письма, да онъ и не думалъ, что его письма подвергнутся столь тщательному разбору психіатровъ, также и всѣ врачи не могутъ серьезно относиться къ *больному* Гоголю и требовать отъ него того, что требуемъ мы отъ здоровыхъ совершенно людей, тоже, однако, могущихъ сдѣлать эту же самую оплошность. Если Гоголь дѣлается мелочнымъ, сознавая себя въ разсѣянности въ одномъ письмѣ (пропустилъ строчку молитвы), то мы уже не будемъ уличать больного Гоголя еще въ большей разсѣянности въ другомъ.

Если набожность Гоголя, постоянство которой оспариваетъ

Digitized by Google

для своей цѣли проф. Чижъ, не служитъ доказательствомъ болѣзни, то она несомнѣнна, хотя бы и въ противность убѣжденію проф. Чижа (что Гоголь былъ душевно больной), увѣряющаго, что во многихъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ имѣются храмы и всѣ психіатры убѣждены въ необходимости богослуженія въ этихъ заведеніяхъ; должно сказать, что *постоянная*, неизмѣнная набожность, *усилившаяся* во время болѣзни у Гоголя, скорѣе доказываетъ здоровое душевное состояніе его, при прочихъ данныхъ психическаго здоровья: его практичности, глубокаго знанія характера людей и пользованія ими для своей цѣли, поведенія своего во время болѣзни и пр.; исканіе помощи у врачей и усиленное обращеніе къ помощи Божіей—все это въ природѣ вещей и обычно встрѣчается у больныхъ душевно-здоровыхъ и религіозныхъ, а относительно того, насколько мужественно душевно-здоровые люди смотрятъ на болѣзни или страданія и въ глаза смерти, еще иногда даже и не испытавъ тяжелыхъ болѣзней, мы видимъ на примѣрѣ Самого Спасителя нашего, на одно мгновеніе впавшаго въ человѣческую слабость и воскликнувшаго: „Отче, о если бы Ты благоволилъ пронести Чашу сію мимо Меня“... Поэтому намъ, врачамъ, часто присутствующимъ при болѣзняхъ и смерти людей, и даже самыхъ религіозныхъ, лучше всего помолчать объ этомъ (особенно относительно маляриковъ и всѣхъ, у кого смерть наступаетъ преждевременно или вслѣдствіе преждевременной старости), и я полагаю, что за небольшими исключеніями душевно-больные люди относятся къ смерти по меньшей мѣрѣ такъ же, какъ и здоровые люди.

Если же малорелигіозные люди по проф. Чижу „страшно боятся смерти, возлагаютъ упованіе то на порошки, то на молитвы, заказываютъ молебны, собираютъ консиліумы“, т. е. прибѣгаютъ къ молитвѣ, только когда грянетъ громъ, то это не совсѣмъ правильно, ибо такое отношеніе къ болѣзни и смерти оказываютъ люди и не потому, что они мало или много религіозны, а вслѣдствіе особенностей своего организма и болѣзни, которою они одержимы: малярики большею частью самый безпокойный народъ и на первыхъ порахъ страшно разстраиваются и растериваются, а Гоголь представляетъ только типичный примѣръ ихъ. Проф. же Чижъ, если и настаиваетъ на томъ, что „Гоголь не былъ истинно религіознымъ человѣкомъ и только тяжкія страданія сдѣлали его набожнымъ“, то не потому, что это было въ дѣйствительности, а потому, что это ему нужно. Проф. Чижъ говоритъ, что подъ вліяніемъ все ухудшающагося здоровья, у Гоголя окончательно вырабаты-

Digitized by Google

вается мысль, что онъ живетъ въ какое-то особенное время, что онъ переживаетъ какую-то болѣзненную эпоху, и въ началѣ онъ высказываетъ эту мысль въ неопредѣленной формѣ (въ письмѣ къ Языкову 21 дек. 1843 г.).

„Чувствую, что неспокойство духа, смѣшанное съ непонятной тоской, есть нынѣ болѣзнь повсемѣстная вслѣдствіе какого то тягостнаго расположенія въ воздухѣ: всѣ времена перепортились". Здѣсь Гоголь только замѣтилъ, *что почти у всѣхъ окружающихъ людей нервы не въ порядкѣ и что это не зависитъ отъ времени года.* Прежде ему бывало хуже всего въ концѣ лѣта, а въ настоящее время, когда болѣзнь приняла хроническое теченіе, естественно припадки болѣзни появлялись и во всякое другое время. Несомнѣнно, что въ 1845 г. болѣзненное его состояніе тоже представляетъ образецъ бывшихъ раньше меланхолическихъ состояній, ибо Гоголь въ это время очень много говоритъ о болѣзненномъ своемъ состояніи, полагая, что и многія другія изъ окружающихъ лицъ тоже болѣютъ такимъ же нервнымъ разстройствомъ. Такъ, въ письмѣ къ Смирновой (отъ 2 мая 1845 г.) онъ говоритъ: „въ этомъ году особенно на всѣхъ наведено болѣе или менѣе нервическое разстройство"...

Было ли тому основаніе въ дѣйствительной тогда жизни итальянцевъ, что вѣрнѣе, такъ какъ тогда бывали эпидеміи маляріи, или это было обычное у него осложненіе маляріи—меланхолическое состояніе,—объ этомъ теперь трудно судить, но самъ проф. Чижъ намекаетъ на это, говоря: едва-ли чѣмъ либо, кромѣ болѣзни [1]), можно объяснить, что Гоголь рѣшительно не понималъ, что подготовляется въ Германіи и Италіи. Почемъ мы знаемъ, понималъ ли послѣднее онъ, или не понималъ? Очень возможно, что не только понималъ (если кто-нибудь объ этомъ ему сообщилъ), но можетъ быть, и не сочувствовалъ этому, но боялся ясно говорить о томъ, что видно изъ письма его Жуковскому (отъ 16 марта 1841 г.): „въ продолженіе путешествія я устроилъ такъ, чтобы въ дорогѣ писать, потому что трудъ мой нуженъ: *приходитъ такое время, когда появленіе моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго положенія дѣлъ и мыслей*". Весною 1846 г. онъ путешествуетъ и ему удалось хорошо провести лѣто (поправился онъ въ Остенде).

Относительно завѣщанія Гоголя проф. Чижъ говоритъ:

---

1) Почему же нельзя допустить, что во время пандеміи маляріи и всѣ народы болѣе нервны, чѣмъ въ обычное время?

Digitized by Google

„ужъ, кажется, о завѣщаніи (Гоголя) не можетъ быть двухъ мнѣній“ и удивляется, какъ „почтенный Барсуковъ не находитъ ничего страннаго“ въ одномъ пунктѣ завѣщанія, хотя бы и изданнаго до смерти еще Гоголя. Дѣйствительно, проф. Чижъ старается затушевать всякое альтруистическое чувство у Гоголя: сумасшедшій и альтруистъ—два несовмѣстимыя понятія, и потому ему нужно доказать, что Гоголь не обладалъ особой любовью къ ближнимъ. Увы! это ему не удается сдѣлать. Самое лучше, что Гоголь сдѣлалъ для удостовѣренія въ здравости его ума—это то, что онъ опубликовалъ это завѣщаніе до своей смерти. Гоголь правъ, что онъ внутренне не измѣнился, оставаясь съ рожденія и до самой смерти самимъ собою. Если у него есть несимпатичныя черты въ его характерѣ, то за это нужно обвинять не его, а все русское общество, однимъ изъ представителей котораго былъ и Гоголь. Что Гоголь былъ, дѣйствительно, боленъ, но не душевной болѣзнью, а маляріей, тому служитъ доказательствомъ также кромѣ другихъ вышеуказанныхъ симптомовъ еще и раздражительность: на всѣ обращенные къ нему упреки относительно „Выбранныхъ мѣстъ“ Гоголь, даже сознавшись, что изданіе этой книги было плодомъ его болѣзненнаго переходнаго состоянія (отъ болѣзни къ здоровому состоянію, что онъ вѣрно подмѣтилъ), тѣмъ не менѣе пишетъ гр. Толстому: „образовалось что-то вродѣ демонскаго возстанія къ тому, чтобы воспрепятствовать ея выходу. Какія-то таинственныя партіи европейцевъ и азіатцевъ вмѣстѣ совокупились, чтобы смутить и сбить съ толку цензуру“ и поручаетъ Плетневу: „печатай полное изданіе третье, не заботясь о томъ, что не разошлось второе“...

Шевырева-же проситъ: „поручай и другимъ узнавать, что говорятъ о ней во всѣхъ слояхъ общества, не выключая даже и дворовыхъ людей“... Гоголь видѣлъ, что его вопросы волновали все тогдашнее общество: два изданія его книги „Выбранныя мѣста“ раскупились въ недѣлю! „Послѣ моей книги все какъ-то напряженно, всѣ болѣе или менѣе, какъ противники, такъ и защитники, находятся въ положеніи неспокойномъ“. Самъ Гоголь сознаетъ „дикость, рѣзкость и заносчивость“ въ книгѣ, но она „расшевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что же дѣлать, если такова натура русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, пока не выведешь изъ терпѣнія, зацѣпя за самую живую струну“... „И многіе въ желаніи указать мнѣ мои ошибки стали бы разсказывать тѣ вещи, которыя именно мнѣ и нужны.

Digitized by Google

А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить"... Слѣдовательно, „Выбранныя мѣста" написаны не сумасшедшимъ, хотя, быть можетъ, во время только что происшедшаго ослабленія припадковъ маляріи онъ рѣшилъ издать эту книгу. Хотя Гоголь, по убѣжденію проф. Чижа, и боялся, будто бы, предержащихъ властей, но Бѣлинскаго, обладавшаго тогда диктаторскою властью надъ умами значительнаго большинства „Гоголь не очень то испугался, хотя письмо Бѣлинскаго къ нему и произвело подавленное состояніе духа" у Гоголя, отлично понявшаго это письмо, вопреки мнѣнію проф. Чижа: иначе подавленнаго состоянія у него не было бы. По проф. Чижу, Гоголь, будто бы, равнодушно относился къ смерти близкихъ людей; равнодушіе его къ смерти Языкова и есть, будто бы, тяжелый симптомъ: ослабленіе чувствованій указываетъ на переходъ болѣзни въ заключительный періодъ, указываетъ на начинающійся распадъ духовной жизни (!). Проф. Чижомъ совершенно непонято состояніе въ это время Гоголя, такъ какъ кромѣ душевной болѣзни Гоголя онъ не хочетъ допустить у него никакой другой болѣзни. Во время смерти Языкова у Гоголя были припадки маляріи, состоявшіе по описанію самого Гоголя гр. Толстому (6 февр. 1847) въ слѣдующемъ (что приводитъ предъ вышеупомянутой фразой и самъ проф. Чижъ на стр. 164): „недугъ мой состоитъ въ *безсонницахъ* [1]), которыя продолжаются уже два *мѣсяца, въ разслабленіи тѣла, въ сыпяхъ на ногахъ, но несмотря на все это, даже на волненія нервныя, душа, по милости Божіей, пребываетъ въ спокойномъ состояніи* [2]). Самая смерть (Языкова) не произвела во мнѣ тревожныхъ чувствъ, но что-то неопредѣленное и какъ бы свѣтлое. Какъ будто бы онъ для меня не умеръ". Это есть самогипнозъ у Гоголя:—для успокоенія себя. На самомъ же дѣлѣ, безсонницы указывали, какъ Гоголь тогда сильно волновался (по поводу смерти Языкова) и боялся смерти [3]). Во всякомъ случаѣ во время безсонницъ врядъ ли могло быть у Гоголя спокойное состояніе, хотя, быть можетъ, онъ и старался выработать у себя равнодушіе къ смерти, придти къ

---

1) Мой курсивъ.

2) Мой курсивъ.

3) Въ этомъ отношеніи я приведу въ примѣръ самаго себя: будучи очень нервнымъ, я, получивъ тяжелую обиду или непріятность, стараюсь подавить ее, забыть, что часто и удается, но, подавивъ въ себѣ эту обиду, я *цѣлую ночь иногда не сплю въ этотъ день* и съ трудомъ нахожу причину этой безсонницы въ обидѣ, мнѣ причиненной.

Digitized by Google

сознанію ея неизбѣжности и въ смерти Языкова видѣть что-то какъ бы свѣтлое.

При этомъ въ высшей степени возбужденномъ состояніи Гоголя (безсонницы [1]), бывающемъ при маляріи и описываемомъ проф. Чижемъ неправильно, какъ маніакальное возбужденіе какой-то невѣдомой душевной болѣзни, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то ослабленіи чувствованія у Гоголя въ это время и началѣ распада (?!) душевной жизни у него вслѣдствіе этого, такъ какъ такое состояніе у него и раньше бывало. Теперь ясно, почему проф. Чижъ говоритъ, что неважно, какая была душевная болѣзнь у Гоголя, и что онъ расходится въ мнѣніи съ д-ромъ Баженовымъ.

Нѣтъ, это чрезвычайно важно и интересно было бы узнать, къ какой формѣ психическихъ заболѣваній отнесутъ психіатры тѣ многочисленнѣйшія и разнообразнѣйшія разстройства психики, которыя наблюдаются при маляріи? По Pasmanic'у эти психизы носятъ характеръ меланхоліи и состоянія отупѣнія и у Гоголя; казалось бы, именно къ этой формѣ нужно было отнести его заболѣваніе, какъ о томъ говоритъ д-ръ Баженовъ, но проф. Чижъ болѣе правильно говоритъ, что болѣзнь Гоголя никакъ нельзя считать исключительно меланхоліей, хотя меланхолическія состоянія и бывали у Гоголя. Не смотря на долголѣтнее занятіе психіатріей профес. Чижъ категорически отказывается подвести душевное заболѣваніе Гоголя подъ какой-либо видъ существующихъ душевныхъ болѣзней и это есть, правда, инстинктивное, но вѣрнѣйшее разрѣшеніе вопроса, такъ какъ при маляріи не бываетъ ясно выраженнаго душевнаго заболѣванія въ томъ случаѣ, если нѣтъ наслѣдственнаго расположенія къ душевной болѣзни; все это только какія-то меланхолическія состоянія и больше ничего, да періоды возбужденія и въ высшей степени радостнаго чувства при выздоровленіи—радость жизни, вслѣдствіе той быстроты, съ какой (чего не бываетъ ни при какой другой болѣзни) наступаетъ полнѣйшее или временное (исцѣленіе отъ болѣзни.

Если люди здоровые съ радости пляшутъ на улицѣ, какъ то было даже съ почтенными лордами въ Англіи по поводу взятія бурскаго вождя, Кронье, въ плѣнъ, то такое же состояніе бурной радости, пріятнаго ощущенія жить и вновь сильно мыслить бывало и у Гоголя по временамъ при быстро

[1]) Такой продолжительной вслѣдствіе маляріи и слабости мышечной системы у Гоголя.

Digitized by Google

наступавшемъ ослабленіи припадковъ у него маляріи, что нерѣдко наблюдается у маляриковъ. Вотъ почему никакого, понятно, распада душевной жизни у Гоголя не было, да и не могло быть, но грубыя выходки вообще въ высшей степени сдержаннаго всегда Гоголя, не только по отношенію къ кроткому (?!) *больному* Иванову, но и другимъ лицамъ, могли быть у него. Характерная прибавка эпитета *къ больному* Иванову „кроткій" сдѣлана проф. Чижемъ съ очевидной цѣлью усилить впечатлѣніе о грубости Гоголя по отношенію къ Иванову, но уже безъ прибавки, что онъ „больной" и „кроткій", хотя о Гоголѣ намъ извѣстно больше, чѣмъ объ Ивановѣ, что онъ (Гоголь) былъ альтруистъ отъ мозга до костей и кроткій, если его не раздражали сильно.

По проф. Чижу самъ Гоголь замѣтилъ въ себѣ ослабленіе чувствованій. Онъ пишетъ Шевыреву (2 дек. 1847 г.): „но въ груди моей равнодушно и черство и меня устрашаетъ мысль о затрудненіяхъ".

Много разъ уже трактовалъ проф. Чижъ о черствости Гоголя (между прочимъ зависящей и отъ отсутствія полового чувства у Гоголя, какъ говорилъ раньше и самъ проф. Чижъ), но почему Гоголь у него вдругъ съ 1847 года сдѣлался еще *черствѣе*—это мнѣ совершенно непонятно; развѣ потому, что самъ Гоголь лишній разъ замѣтилъ у себя „ослабленіе чувствованій", или, какъ онъ это называетъ „черствостью" (стр. 165). Вотъ это и есть распадъ душевной жизни Гоголя и „признаки его, яко-бы, стали очевидны въ слѣдующемъ (за 1847 г.) періодѣ жизни Гоголя уже всей Москвѣ".

Это, по проф. Чижу, заключительный періодъ душевной болѣзни Гоголя, но... тутъ должна быть маленькая поправка. „Если такое состояніе", говоритъ проф. Чижъ, „развивается у обыкновеннаго человѣка, мы называемъ его вторичнымъ, или *заключительнымъ слабоуміемъ, но мы не имѣемъ права такъ назвать состояніе Гоголя, установившееся съ 1848 года*". Совершенно вѣрно, и, значитъ, Гоголь душевнобольнымъ не былъ, значитъ, напрасно проф. Чижъ писалъ такой большой трактатъ о болѣзни Гоголя? Нѣтъ, проф. Чижъ тутъ удивительно находчивъ; онъ говоритъ: „если такое несчастіе постигаетъ даровитаго человѣка, то остается все-же больше, чѣмъ у неумныхъ людей".

Намъ казалось бы, что, наоборотъ, распадъ душевной жизни будетъ тѣмъ сильнѣе и мозгъ тѣмъ болѣе сильно пострадаетъ, чѣмъ онъ нѣжнѣе, т. е. чѣмъ болѣе развиты у этого человѣка высшіе мозговые центры, но у проф. Чижа наоборотъ. Это,

Digitized by Google

вѣроятно, ошибка съ его стороны, ибо приводимый имъ ниже эпизодъ изъ жизни одного ученаго, страдавшаго слабоуміемъ, въ подтвержденіе высказаннаго имъ мнѣнія какъ разъ подтверждаетъ только высказанное сейчасъ мною, а не имъ. Вотъ этотъ эпизодъ: „я слышалъ", говоритъ проф. Чижъ, „лекціи весьма извѣстнаго ученаго, страдавшаго слабоуміемъ; не зная его болѣзни, я былъ удивленъ его плохой лекціей и не зналъ, чѣмъ объяснить, что лекція такого великаго ученаго *ниже посредственныхъ* [1]). Потомъ я узналъ, въ чемъ дѣло. Понятно, что геніальный, богато одаренный Гоголь, даже въ послѣднемъ періодѣ своей болѣзни превосходилъ своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ". Оказывается, если повѣрить на слово проф. Чижу, что высокообразованный и *великій ученый*, заболѣвъ слабоуміемъ, читалъ потомъ невозможно плохія лекціи, а малообразованный, да еще односторонне развитый Гоголь при заболѣваніи той-же болѣзнью, *слабоуміемъ*, „все еще превосходитъ своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ" (стр. 166—167).

Односторонне развитый, малообразованный, душевно-больной Гоголь, по проф. Чижу, не могъ, яко-бы, заболѣть слабоуміемъ, такъ какъ у него было, будто бы, столько ума, что онъ, даже сдѣлавшись слабоумнымъ, превосходилъ своимъ умомъ обыкновенныхъ смертныхъ и что, будто бы, замѣтить, насколько распалась нѣкогда поразительно богатая душевная жизнь геніальнаго сатирика, можно только сравнивъ Гоголя 1838 г. съ Гоголемъ 1848 г. (стр. 167)! Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можно дойти, если сильно увлечься какой либо идеей. Какія же данныя для этого имѣются у психіатра? А вотъ какія: „Сологубъ замѣтилъ, что тупо глядѣлъ на все окружающее его (Гоголя) потускнѣвшій взоръ (въ 1848 г.), слова утратили неумолимую мѣткость", и этотъ знакомый не сомнѣвался, что онъ, Гоголь, очень боленъ, что у него „затемнѣніе памяти" [2]). По словамъ Берга, отъ прежняго Гоголя оставались однѣ развалины и его взоръ потерялъ „прежній огонь и быстроту". Также, по проф. Чижу, „значительное ослабленіе душевныхъ силъ (а не физическихъ?), такъ сказать, объективно проявляется въ томъ, что за этотъ періодъ переписки Гоголя очень сокращается" (стр. 167).

Увлекшись своей идеей, проф. Чижъ даже приписываетъ

[1]) Мой курсивъ.

[2]) Никакого затемнѣнія памяти не происходитъ, конечно, у хроникъ-маляриковъ, а только ослабленіе ея *вслѣдствіе малокровія* (при маляріи и другихъ ведущихъ къ анеміи болѣзняхъ).

Digitized by Google

Гоголю то, о чемъ послѣдній вовсе и не думалъ, именно, будто бы „самъ Гоголь ясно сознавалъ упадокъ (?!) физическихъ и духовныхъ (?) силъ, причемъ объяснялъ это печальное явленіе старостью, забывая, что нормальная старость приходитъ гораздо позже“ (?!). Проф. Чижу неизвѣстно, вѣроятно, что въ малярійныхъ мѣстностяхъ, гдѣ средній возрастъ жизни бываетъ иногда около 24 лѣтъ, старость наступаетъ много раньше, чѣмъ обыкновенно; кромѣ того она наступаетъ раньше у всѣхъ почти лицъ, занимающихся умственнымъ трудомъ при исключительно сидячемъ образѣ жизни и у многихъ больныхъ хроническими болѣзнями (у сифилитиковъ, маляриковъ, алкоголиковъ и пр.), или наслѣдственно-слабыхъ вслѣдствіе этихъ болѣзней у родителей ихъ, а не только подъ вліяніемъ душевныхъ болѣзней. Гоголь же говорилъ не объ упадкѣ своихъ умственныхъ силъ, а только о неспособности своей къ работѣ и лучше проф. Чижа понималъ, что это зависитъ не отъ душевной болѣзни, о которой онъ ничего не говоритъ, ибо ссылается или на климатъ, или на изнурительную болѣзнь и пр. Въ письмѣ къ Плетневу (21 янв. 1851 г.), почти *за годъ до кончины*, Гоголь пишетъ: „не могу понять, что со мной дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго въ насъ вяло и лѣниво, *отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его* [1]), но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ я еще никогда не помню“...

Догадка его относительно изнурительной болѣзни справедлива, если имѣть въ виду малярію, благодаря только которой и у него, какъ и у отца его, смерть наступила раньше, чѣмъ слѣдуетъ, и, если у Н. В. Гоголя еще раньше, чѣмъ у отца, то причины этому: изнѣженное воспитаніе, неупражненіе мускуловъ и большой умственный трудъ съ дѣтскаго еще возраста при сидячемъ образѣ жизни. Всѣ эти обстоятельства и обусловили наступленіе у него преждевременной старости. Самъ проф. Чижъ говоритъ объ ослабленной работоспособности у Гоголя, какъ то утверждаетъ и Гоголь, т. е., что у него по временамъ ослабѣвало вниманіе. Вотъ это только и могло быть главнымъ образомъ вслѣдствіе, теперь уже часто бывающихъ, припадковъ маляріи у Гоголя: оживлявшая всѣ

[1]) Несомнѣнно, что Гоголю кто-либо говорилъ о вредѣ жить въ болотныхъ мѣстностяхъ: вѣдь не спроста же онъ это говорилъ, какъ раньше, о санитарныхъ безпорядкахъ въ городахъ за границей. Повидимому, Гоголь понималъ свою болѣзнь лучше, чѣмъ врачи тогда.

Digitized by Google

ткани кровь претерпѣла большія измѣненія, какъ и нѣкоторыя другія ткани и органы тѣла его, и мозгъ, какъ самая чувствительная къ этому измѣненію крови ткань, не могъ, конечно, не пострадать. Вотъ почему у него являются часто всякіе страхи, а въ 1848 г., быть можетъ, даже галлюцинаціи. Вотъ что Гоголь говорилъ тогда объ этомъ состояніи своемъ Чижову (Шенрокъ, IV, 725): „У меня все разстроено внутри; я, напримѣръ, вижу, что кто-нибудь споткнулся, тотчасъ же воображеніе за это ухватится, начнетъ развивать все въ самыхъ страшныхъ призракахъ. Они до того меня мучатъ, что не даютъ мнѣ спать и совершенно истощаютъ мои силы". Проф. Чижъ старается тоже эти призраки объяснить въ свою пользу, т. е. что они были навязчивыми идеями, или обманами чувствъ, которыя какъ разъ и бываютъ при психическомъ вырожденіи, или дегенеративномъ помѣшательствѣ, но такъ какъ объ нихъ почти ничего неизвѣстно у Гоголя, то, скрѣпя сердце, проф. Чижъ упоминаетъ, что эти призраки были просто галлюцинаціями. А я добавлю, что это и были именно галлюцинаціи маляріка, о чемъ упоминаетъ мимоходомъ и д-ръ Баженовъ, но которыя ему еще болѣе не нравятся, чѣмъ проф. Чижу. Это еще одинъ изъ симптомовъ хронической маляріи, ибо обманы чувствъ бывали у Гоголя, какъ говорилъ проф. Чижъ и раньше [1]). „Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ онъ дѣлалъ свои душевныя открытія? Какимъ путемъ онъ получалъ отвѣты на свои просьбы, когда находился въ молитвенномъ экстазѣ... Это были минуты, когда его посѣщали небесныя видѣнія". Впрочемъ, проф. Чижъ, говорящій объ обманахъ чувствъ у Гоголя, повидимому, и минуты вдохновенія Гоголя тоже считаетъ „обманомъ чувствъ" у него. Такъ, проф. Чижъ приводитъ съ этою цѣлью слова Гоголя, что онъ считалъ милостью Божіею свое выздоровленіе въ 1840 г., которое, хотя такъ и считаютъ многіе больные, „но явленія, о которыхъ пишетъ Гоголь, были такъ чудны, что Римъ, какъ святыня, какъ свидѣтель чудныхъ явленій, совершавшихся надо мною, пребываетъ вѣченъ". Рецидивъ маляріи,

1) Вотъ почему ихъ нельзя объяснить пріемами большихъ дозъ хинина, отчего, будто бы, это тоже бываетъ, а о психической болѣзни, конечно, и рѣчи быть не можетъ, особенно ранѣе этого времени. Но психіатры стараются приписать неизвѣстную душевную болѣзнь Гоголю съ самаго дѣтства, почему психіатрамъ и пришлось сознаться, что Гоголь болѣлъ еще невѣдомою доселѣ душевною болѣзнью, на чемъ проф. Чижъ и настаиваетъ.

Digitized by Google

обостреніе болѣзни при маляріи—это состояніе столь тяжелое, особенно для впечатлительныхъ и нервныхъ людей, что неудивительно, если больной будетъ приписывать чуду свое выздоровленіе (какъ то нерѣдко и бываетъ, что можно видѣть въ описаніяхъ чудесныхъ исцѣленій нашихъ святителей, жившихъ въ болотныхъ мѣстностяхъ). „Никогда послѣ Гоголь *такъ* не выражался о своихъ заболѣваніяхъ и выздоровленіяхъ (въ дѣтствѣ, въ гимназіи, заболѣвъ припадкомъ маляріи, Гоголь тогда еще говорилъ, что онъ былъ *опасно* боленъ; послѣ того рецидивъ маляріи былъ въ 1833 г. и теперь въ 1840 г. (см. письмо къ Погодину 17 окт. 1840 г.) онъ *долженъ уже* выражаться о качествѣ своей болѣзни въ превосходной степени. Л. К. [1]); въ томъ же письмѣ, и это очень важно, Гоголь говоритъ, что „властью высшею облечено отнынѣ мое слово". Долженъ же былъ Гоголь имѣть матеріалы для такихъ заключеній, а такимъ матеріаломъ могли быть только (?!) обманы чувствъ". Отчего именно „только обманы чувствъ"? Гоголь, болѣя маляріей, не могъ ничего написать сносно,—образы, въ его головѣ носившіеся, расплывались подъ вліяніемъ маляріи (дурная кровь не могла хорошо питать мозгъ, раздражала его, а физическимъ основамъ мышленія проф. Чижъ, вѣдь, самъ придаетъ, и совершенно основательно, большое значеніе), и потому, написавъ что-либо, Гоголь тотчасъ же зачеркивалъ, впадалъ въ унынie и почти въ отчаяніе, молился Богу; припадки хронической болѣзни, какъ то бываетъ по временамъ, ослабѣвали и онъ въ одинъ присѣстъ, какъ говорится, схватывалъ основныя черты своего типа; т. е. его посѣщало, какъ поэты говорятъ, въ это время божественное вдохновеніе, тѣ именно чудныя явленія, которыя намъ непонятны въ геніи Гоголя и которыми самъ Гоголь восхищался, вычурно такъ описывая ихъ и окончательно тѣмъ смущая психіатровъ въ пользу ихъ точки зрѣнія на Гоголя, какъ на душевно-больного [2]).

---

1) Въ письмѣ же къ Балабиной въ 1842 г. Гоголь уже выражается такъ о своей болѣзни: «Я былъ боленъ, очень боленъ и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими припадками, какихъ никогда со мной еще не было»...

2) Въ первый пріѣздъ мой въ Воронежскую губ. изъ Петербурга (въ 1886 г.) на меня такъ сильно подѣйствовалъ климатъ Воронеж. губ. что я не могъ почти заниматься тамъ лѣтомъ умственной работой. Я былъ какъ бы подавленъ чѣмъ-то. Во второй разъ я былъ чрезъ годъ тамъ, а спустя нѣкоторое время по пріѣздѣ въ Петербургъ заболѣлъ инфлюенціей, тянувшейся у меня нѣсколько лѣтъ, такъ какъ я не зналъ тогда, что хининъ меня могъ бы быстро излечить. По прибытіи

Digitized by Google

Что я ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Чижъ, этому доказательствомъ можетъ служить также еще та безумная радость, когда Гоголю удалось написать Плюшкина. Эта радость, повидимому, происходитъ у него не потому только, что онъ изобразилъ хорошо задуманный типъ (Плюшкина); вѣдь онъ и раньше геніально писалъ, а потому именно, что почувствовалъ, что „силы его умственныя тѣ же",—какъ онъ писалъ иногда (по такому поводу). Очень возможно, что мимолетно и самому Гоголю приходили мысли объ умопомѣшательствѣ; поэтому неудивительно, что онъ такъ сильно радовался, когда у него выходилъ отчетливо типъ, какой онъ задумалъ, что раньше, вслѣдствіе болѣзни, ему не удавалось иногда изобразить. По этому поводу я никогда не забуду случая, когда по пріѣздѣ на мѣсто въ Ворон. губ. во время припадка маляріи у меня (въ 1897 г.) сдѣлался истерическій припадокъ (смѣхъ смѣнился плачемъ во время озноба), хотя онъ продолжался всего нѣсколько минутъ, но я помню, какъ быстро промелькнули даже у меня мысли о моемъ умопомѣшательствѣ, и только то, что я такъ хорошо разсуждаю, убѣдило меня, что это особая болѣзнь и, можетъ быть, это явленія маляріи, что и подтвердилось быстро, когда я сталъ принимать хининъ. Я былъ здоровъ въ однѣ сутки. (На другой день я уже принималъ больныхъ). Потомъ подобное явленіе съ разными видоизмѣненіями я видѣлъ много разъ у больныхъ, быстро излѣчивая ихъ.

Дѣйствительно, галлюцинаціи у Гоголя были, по свидѣтельству Боткина, въ 1840 г. и относительно этого года можно утверждать теперь, что у Гоголя были припадки маляріи еще въ Вѣнѣ. Проф. же Чижъ совершенно произвольно говоритъ, что предположеніе д-ра Баженова, что галлюцинаціи были вызваны повышенной температурой, обусловленной римской маляріей, ни на чемъ не основано: *нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить о маляріи* въ 1840 г., такъ какъ Гоголь въ 1840 г. заболѣлъ въ Вѣнѣ и поправился въ Римѣ (!?). Это указываетъ только на нѣкоторое самомнѣніе проф. Чижа, ибо онъ говоритъ авторитетно о такихъ вещахъ, которыя ему мало извѣстны и понятны [1]). Гоголь могъ, конечно, вполнѣ болѣть

въ 1896 г. зимой опять въ Вор. губ., я вновь заболѣлъ въ 1897 г. болѣзнью, похожей на раньше бывшую у меня. Однако, теперь очень скоро поправился, благодаря хинину, который употребляю около 8 лѣтъ, и избавленъ посредствомъ его отъ разнообразныхъ болѣзней, связанныхъ съ болотной мѣстностью.

[1]) У проф. Чижа нѣтъ причинъ категорически говорить такъ о маляріи,—болѣзни и до сихъ поръ еще мало изученной, а онъ между

Digitized by Google

тогда римской малярiей, хотя и заболѣлъ, еще не доѣзжая до Рима, ибо онъ раньше 1840 живалъ въ Римѣ. Съ другой стороны и тогда и теперь можно болѣть, хотя бы и не одной „римской“ лихорадкой, а напримѣръ: полтавской, австрiйской, вѣнской и пр.; можно заболѣть и теперь малярiей почти на всякомъ мѣстѣ земного шара, только разъ иногда побывавъ въ одной изъ малярiйныхъ мѣстностей, и будетъ неизвѣстно, какая это малярiя: полученная на новомъ мѣстѣ, или прежняя, гдѣ-либо ранѣе прiобрѣтенная, почему и говорить о вѣнской, римской или миргородской и пр. маляріи не приходится.

Между тѣмъ проф. Чижъ совершенно невѣрно утвердаетъ, что нѣтъ основанiй говорить о маляріи у Гоголя въ 1840 г., потому только, что Гоголь въ 1840 г. заболѣлъ въ Вѣнѣ (лихорадкой), а *поправился въ Римѣ*; если Гоголь въ это время не болѣлъ римской, то могъ болѣть русской, или австрiйской и могъ, наконецъ, болѣть рецидивами римской лихорадки. Малярiя можетъ быть хронической болѣзнью, отъ которой иногда и вовсе нельзя поправиться, а возможны бываютъ только переходы отъ улучшенiя къ ухудшенiю (обостреніе болѣзни) и наоборотъ, причемъ во время улучшенiй никоимъ образомъ нельзя еще говорить, что больной отъ полученной имъ раньше гдѣ-либо маляріи вполнѣ „поправился“. Галлюцинаціи у Гоголя были, по мнѣнiю проф. Чижа, и въ послѣдніе годы его жизни, что вполнѣ возможно. По опредѣленiю проф. Чижа „вся картина болѣзни Гоголя не вмѣщается въ рамки перiодической меланхолiи“. *„Такъ какъ весьма вѣроятно*, что Гоголь страдалъ обманами чувствъ, то вся картина его болѣзни и все его поведеніе понятны *за исключеніемъ ухудшенія 1845 г.*“. Это и должно быть такъ, ибо душевная болѣзнь Гоголя, по проф. Чижу, основывается почти только на предположенiяхъ, да еще и на томъ, что эта душевная болѣзнь донынѣ не была извѣстна въ наукѣ; это особая-де душевная болѣзнь геніальныхъ людей. Работа проф. Чижа прекрасный урокъ всѣмъ врачамъ, спорящимъ о душевной болѣзни того лица, котораго они ни при жизни не видѣли, ни вскрытія тѣла его не дѣлали и болѣзнь котораго не была разгадана въ свое время лечившими его врачами, изъ которыхъ были и знаменитости для своего времени. Проф. Чижъ правильно

тѣмъ говорить, какъ и о помѣшательствѣ Гоголя; вотъ такимъ же образомъ и Гоголь писалъ свои «Выбраныя мѣста» о малознакомыхъ ему предметахъ, и малообразованному Гоголю это, пожалуй, болѣе простительно.

Digitized by Google

замѣчаетъ нѣкоторое ослабленіе воли съ 1848 г. у растерявшагося Гоголя, который, видя, что въ Римѣ болѣзнь идетъ своимъ порядкомъ, не улучшается, не знаетъ, куда ѣхать и гдѣ жить, т. е. Гоголь проявляетъ несвойственную ему, но свойственную малярикамъ и нѣкоторымъ другимъ больнымъ пассивность. Тѣ же нейрастенія и малярія, помимо наслѣдственныхъ и потомъ еще пріобрѣтенныхъ качествъ его характера, могутъ быть у Гоголя и причиной „капризнаго и причудливаго его поведенія“ и его раздражительности, „такъ какъ Гоголь не могъ владѣть собою при малѣйшей непріятности“, что такъ характерно для маляриковъ-хрониковъ. Особой же причудливости въ поведеніи Гоголя, указываемой проф. Чижемъ, не можетъ быть, если мы вспомнимъ, что Гоголь привыкъ жить *одинъ* въ Римѣ: если и раньше общество людей нерѣдко смущало его, то послѣ 1848 г. объ этомъ нечего и говорить. Если, однако, поведеніе Гоголя и было капризное, особенно въ обществѣ, то „съ людьми, умѣвшими его сдерживать и ему нужными, Гоголь держалъ себя иначе“ (стр. 173), и, слѣдовательно, принимая во вниманіе все вышеизложенное, о душевной болѣзни его въ тѣсномъ смыслѣ слова нѣтъ и рѣчи въ самомъ концѣ его жизни до самой смерти его. Есть указанія даже, что и объ окончательномъ упадкѣ творчества Гоголя нельзя было говорить, такъ какъ Матвѣевъ („Рус. Старина“ 1903 г. II, 301) находитъ, что художественность описанія Палестины въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому (28 февр. 1850) не подтверждаетъ этого, и напрасно по этому поводу проф. Чижъ говоритъ, что „гдѣ замѣшаны политическія симпатіи, споръ безполезенъ“, такъ какъ и самъ проф. Чижъ, не будучи заинтересованъ ни въ какой политикѣ, тѣмъ не менѣе всѣхъ, не нравящихся и мѣшающихъ ему изслѣдователей жизни и твореній Гоголя насильственно пригибаетъ къ своей точкѣ зрѣнія и въ то же время опирается на лицъ противной стороны (Бѣлинскаго, Тургенева, Аксакова), тоже иногда не вполнѣ безпристрастно относившихся, какъ мы уже видѣли, къ Гоголю. Гоголь, правда, вслѣдствіе болѣзни, но только не душевной, физически почти не въ состояніи былъ писать, о чемъ много разъ говорилъ и писалъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ, но это не значитъ, что онъ вовсе уже былъ неспособенъ творить.

Ослабленіе организма Гоголя несомнѣнно прогрессировало, но и только, и этотъ періодъ, т. е. три—четыре послѣдніе года жизни Гоголя не могутъ указывать ни на что, кромѣ того только, что организмъ, пораженный глубоко маляріей съ пере-

Digitized by Google

рожденіемъ тканей многихъ органовъ тѣла (похожимъ на старческое перерожденіе ихъ), насъ уже долженъ меньше всего интересовать; насъ долженъ только интересовать мозгъ Гоголя, который сравнительно мало пострадалъ, именно вслѣдствіе того, что у Гоголя не было наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ болѣзнямъ, не было вырожденія въ его семьѣ и, отсюда, не было у него, конечно, и душевной болѣзни, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, хотя измѣненія въ мозгу могутъ наблюдаться и при маляріи.

Самъ проф. Чижъ говоритъ, что онъ многократно убѣждался, что *„когда наступаетъ старость и перерожденіе сердца и сосудовъ достигаютъ значительной* степени, тогда сознаніе своего безсилія вмѣстѣ съ безотчетнымъ страхомъ порождаетъ у этихъ лицъ идеи грѣховности, боязнь за будущее". Это весьма близко къ истинѣ, какъ и то, что у Гоголя вслѣдствіе маляріи несомнѣнно было пораженіе и сосудистой и нервной системы и другія измѣненія въ тѣлѣ его, свойственныя маляріи.

Гоголь былъ весьма послѣдовательнымъ человѣкомъ и держался до самой смерти подальше отъ либеральной партіи, но тѣмъ не менѣе ему приходилось часто имѣть дѣло съ однимъ изъ членовъ этой партіи, С. Т. Аксаковымъ, не смотря на то, что оба другъ друга не долюбливали.

Очень возможно, что Гоголь велъ это знакомство вслѣдствіе какихъ-либо разсчетовъ, причемъ, можетъ быть, ему хотѣлось знать, что происходитъ въ лагерѣ противной ему стороны, о чемъ болѣе или менѣе подробно и узналъ, хотя С. Т. Аксаковъ подозрительно относился къ Гоголю, который объ этомъ, могущемъ ему повредить знакомствѣ, ничего не говорилъ Смирновой. Онъ писалъ только (вѣроятно отвѣчая на вопросъ) послѣдней (отъ 20 мая 1847), что „объ Аксаковыхъ, какъ вы можете себѣ припомнить, я даже вамъ никогда не говорилъ... Хотя я очень уважалъ старика и добрую жену его за ихъ доброту, любилъ ихъ сына Константина за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, не смотря на неумѣренное, излишнее выраженіе его, но я всегда, однакоже, держалъ себя вдали отъ нихъ. Бывая у нихъ, я почти никогда не говорилъ о себѣ... Я видѣлъ съ самаго начала, что они готовы залюбить не на животъ, а на смерть... Словомъ, я бѣжалъ отъ ихъ любви, ощущая въ ней что-то приторное, я видѣлъ, что они способны смотрѣть распаленными глазами на предметъ своей любви". 10 іюня 1847 г. онъ увѣрялъ С. Т. Аксакова въ своемъ къ нему расположеніи, просилъ его о милосердіи. Этотъ инцидентъ указываетъ только на то, какъ трудно тогда

Digitized by Google

жилось писателямъ нашимъ вообще и въ частности даже геніальному Гоголю и, конечно, съ точки зрѣнія того времени, а отчасти и нашего, нельзя строго судить *больного* Гоголя, тѣмъ болѣе, что за Гоголемъ, быть можетъ, былъ устроенъ надзоръ. Иначе нельзя понять, почему онъ такъ оправдывался передъ Смирновой въ своемъ знакомствѣ съ либеральнымъ семействомъ Аксакова, ругалъ въ письмѣ либеральную партію и пр. Вообще, мнѣ кажется, что ни тогда, ни теперь Гоголя все еще не понимаютъ. Проф. Чижъ, разбирая отношенія Гоголя къ друзьямъ, находитъ, что Гоголь не только требовалъ отъ нихъ больше, чѣмъ могъ самъ давать имъ, а просто какъ бы эксплоатировалъ ихъ. Но онъ забываетъ, что отъ Гоголя друзья его требовали иногда невозможнаго, напр., чтобы онъ поступился своими убѣжденіями. Вотъ что находимъ по этому поводу въ книгѣ самого проф. Чижа: Гоголь въ письмѣ къ Смирновой (дек. 1844) писалъ: „жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ (представителей либеральной партіи) любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во 1-хъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли, во-вторыхъ“... Гоголю для поддержанія его „бѣднаго существованія“ необходимо, будто-бы, было свои сочиненія печатать отдѣльно. Несомнѣнно, что первое было гораздо важнѣе, нибо небольшіе разсказы Гоголь могъ бы написать для нихъ, между тѣмъ проф. Чижъ почему-то говоритъ, что „такъ какъ Гоголь не хотѣлъ *чѣмъ-либо* жертвовать для Погодина“... Это „что-либо“ были убѣжденія Гоголя, которымъ онъ оставался вѣренъ всю жизнь свою.

Все вышесказанное далеко не составляетъ *что-либо* для Гоголя еще и потому, что, вѣдь, его могли лишить субсидіи. Вотъ почему онъ разсердился на Погодина даже за одно помѣщеніе своего портрета въ „Москвитянинѣ“, на что онъ тоже не далъ бы согласія. Если находились все-таки въ Россіи люди, безкорыстно служившіе Гоголю, то служили они не просто Гоголю, а *геніальному русскому писателю*, и не потому, какъ пишетъ проф. Чижъ, что они были загипнотизированы Гоголемъ, а потому, что всякій *больной*, а не только знаменитый русскій писатель, нуждается въ уходѣ, и у насъ, у русскихъ, почти всегда находятся лица, иногда очень преданно и сердобольно ухаживающіе за больными людьми. Даже совсѣмъ будто бы загипнотизированный Анненковъ, который лучше другихъ уживался съ Гоголемъ, и тотъ въ концѣ жизни Гоголя разошелся съ послѣднимъ и потому „безспорно“, что самымъ преданнымъ поклонникомъ Гоголя былъ (больной художникъ)

Digitized by Google

Ивановъ, такъ какъ этимъ больнымъ (Гоголю и Иванову), пріѣхавшимъ лѣчиться въ Римъ, нельзя уже было разойтись: оба были неизлѣчимо больны. Врядъ ли поэтому интересна будетъ для кого-либо дружба ихъ, хотя проф. Чижъ говоритъ, что для психіатра дружба этихъ лицъ почему-то должна быть интересна.

Одни больные сходятся между собою, другіе нѣтъ, тоже какъ у здоровыхъ людей бываетъ. Что же тутъ интереснаго можетъ быть? Впрочемъ, какъ оказывается, и они въ концѣ концовъ не ужились между собою и дружба ихъ оборвалась. Разбирать отношенія Гоголя къ случайнымъ его знакомымъ въ Римѣ нѣтъ нужды: это знакомство намъ не можетъ ни на что указывать. Не могъ же сидѣть дома живой и любознательный Гоголь, любившій все русское и не знавшій итальянскаго языка! Отношенія Гоголя къ Смирновой, разбираемыя проф. Чижемъ на многихъ страницахъ своего сочиненія, можно охарактеризовать нѣсколькими словами: Гоголь заискивалъ у Смирновой. Такое отношеніе больного Гоголя къ Смирновой нисколько не можетъ унижать его въ нашихъ глазахъ. Другое дѣло, если бы Гоголь былъ здоровъ. Вотъ что должно особенно остановить на себѣ вниманіе читателя въ книгѣ проф. Чижа: *„ни одинъ изъ нашихъ художниковъ не имѣлъ такъ много почитателей и друзей въ разныхъ общественныхъ кругахъ, какъ Гоголь“*.

Да, это имѣетъ глубокое, поучительное значеніе. По этому поводу Гоголю, какъ и Суворову, можно воскликнуть: „дайте же сколько-нибудь и ума мнѣ“!

Относительно заявленія проф. Чижа объ истинной болѣзни Гоголя: „намъ совершенно неизвѣстно, отчего собственно умеръ Гоголь, поэтому о болѣзни, сведшей въ могилу нашего геніальнаго сатирика, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, да въ сущности никакого особаго значенія ни для уясненія личности и дѣятельности Гоголя, ни въ медицинскомъ (!?) отношеніи, самъ по себѣ вопросъ, отъ какой болѣзни умеръ Гоголь, конечно (!) не имѣетъ“,—я могу только удивляться по поводу такого самомнѣнія проф. Чижа, если онъ думаетъ, что болѣзнь Гоголя интересна только съ его, проф. Чижа, точки зрѣнія и можетъ быть объяснена только съ этой послѣдней. Галлюцинаціи, бывшія у Гоголя очень незадолго до смерти его, вмѣстѣ со многими ранѣе указанными симптомами его болѣзни, скорѣе всего подтверждаютъ то, что Гоголь умеръ отъ маларіи. Вѣроятнѣе всего смерть Гоголя произошла отъ истощенія силъ и наростающаго паралича жизненныхъ цент-

Digitized by Google

ровъ, такъ какъ всѣ ткани и органы тѣла у него подверглись такому сильному измѣненію, вслѣдствіе малярійныхъ процессовъ (разрощенія соединительной ткани), что дольше жизнь Гоголя не могла продолжаться, не смотря ни на какія уже средства медицинскія и не-медицинскія. Страхъ передъ смертью, какъ у Гоголя, чаще бываетъ у лицъ, умирающихъ преждевременно. Проф. Чижъ справедливо говоритъ: „какъ ни горячо молился несчастный Гоголь, молитвы не успокаивали его. Конечно, утѣшенія и убѣжденія почтенныхъ пастырей церкви и Толстого также не облегчали страданій Гоголя; увы, мы знаемъ, что слова, самыя лучшія, безсильны *противъ органическихъ процессовъ* [1]) и смертельная тоска, страхъ смерти, всецѣло наполняли душу поэта въ послѣдніе дни его мученической жизни". Выраженіе проф. Чижа, что „Ломброзо былъ вполнѣ правъ, указавъ на тотъ фактъ, что многіе великіе люди страдали душевною болѣзнью, были надѣлены психопатической организаціей" (стр. 215), какъ бы, указываетъ на то, что здоровымъ психически людямъ сдѣлаться геніями очень трудно. Впрочемъ, онъ оговаривается: „но великіе люди, насколько мы можемъ судить *по тѣмъ, далеко не полнымъ и не совсѣмъ точнымъ свѣдѣніямъ о ихъ жизни* [1]), какими мы обладаемъ, страдали *своеобразными душевными заболѣваніями* (вѣроятно, каждое лицо на свой манеръ. Л. К.), *весьма отличными отъ тѣхъ, какими заболѣваютъ обыкновенные люди*" [2]). Это заявленіе проф. Чижа примиряетъ меня съ его работой въ томъ отношеніи, что ему, какъ психіатру, повидимому, иначе и нельзя было поступить: для психіатровъ, чтобы судить о патологическихъ чертахъ характера людей, нужно имѣть предъ глазами типъ нормальнаго человѣка: геніи, конечно, такимъ типомъ быть не могутъ, а заурядный человѣкъ, или чиновникъ, хотя бы такой, какъ выставленъ въ комедіи „Ревизоръ", вполнѣ подходитъ подъ типъ умственно-здороваго человѣка, такъ какъ и Гоголемъ такіе чиновники изображены не какъ душевнобольные, а, наоборотъ, какъ типичные представители вообще тогда у насъ чиновниковъ, которыхъ скорѣе надо считать за очень здоровыхъ и практичныхъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ, будучи чиновникомъ, Гоголь занимался дѣломъ, которое мало имѣло отношенія къ дѣлу чиновниковъ въ житейскомъ смыслѣ этого слова; обыкновенный чиновникъ могъ сдѣлать ему замѣчаніе, а тѣ изъ чиновниковъ, которые

---

1) Мой курсивъ.
2) Мой курсивъ.

Digitized by Google

были повыше, вѣроятно, и дѣлали, да и судъ, если бы дѣло дошло до суда, конечно, вмѣстѣ съ психіатрами, отнесся бы къ Гоголю, если бы послѣдній не былъ такъ знаменитъ, подозрительно.

Почему человѣкъ, самъ просившій мѣсто чиновника, обычнымъ дѣломъ, свойственнымъ чиновнику, не занимается, а дѣлаетъ какія-то тамъ наблюденія, совершенно неизвѣстно съ какою цѣлью? Конечно, тутъ могутъ возникнуть сомнѣнія въ психическомъ здоровьѣ этого человѣка; если это шпіонъ, приставленный слѣдить за чиновниками, то были бы доносы, разслѣдованія и пр.; если бы это былъ маменькинъ сынокъ, то за него дѣлали бы дѣло подчиненные, а между тѣмъ Гоголь самъ старался справляться съ чиновничьимъ дѣломъ (это было нужно для его наблюденій надъ бытомъ чиновниковъ), а не возлагалъ это на ниже его стоящихъ чиновниковъ, какъ дѣлаютъ маменькины сынки, которымъ бабушка ворожитъ. Меньше всего чиновники могли его понять и имъ, какъ психіатрамъ и судьямъ, оставалось предположить только, что это былъ ненормальный въ психическомъ отношеніи человѣкъ. Единственно странно только, какъ не могъ понять въ этомъ отношеніи Гоголя проф. Чижъ? Неужели, только будучи ослѣпленъ своей идеей, онъ могъ такъ далеко зайти? Съ другой стороны, геніи большею частью и не могутъ быть похожи на обыкновенныхъ людей, особенно больные, если они пожелаютъ *развиваться* по своей спеціальности. Вотъ почему проф. Чижъ правъ, но только *со своей точки зрѣнія*, что „изученіе болѣзни Гоголя подтверждаетъ еще разъ, что Гоголь былъ человѣкъ необыкновенный, надѣленный, увы! непонятной намъ (проф. Чижу?) организаціей; въ самомъ дѣлѣ, развѣ намъ понятно сочетаніе дивнаго творчества и душевной болѣзни, развѣ намъ понятно, какъ въ одномъ и томъ же мозгу происходило созданіе „Мертвыхъ Душъ“ и писемъ къ калужской губернаторшѣ?“

Проф. Чижу это непонятно, а вотъ простые люди не вѣрятъ, напр., тому, что ученому человѣку не надо кушать и иногда даже лучше ихъ, и нерѣдко говорятъ: ученый-то ученый, это такъ, но умѣетъ зашибить и удержать въ своихъ рукахъ лишнюю копѣечку на хуже насъ, грѣшныхъ“. Я хочу этимъ сказать, что простые люди хотятъ отмѣтить тотъ фактъ, что ученые и геніальные люди весьма походятъ на нихъ, простыхъ смертныхъ, во многихъ отношеніяхъ и что грѣшить свойственно и самымъ геніальнымъ людямъ, т.-е. какого бы ни взяли исключительнаго человѣка (какъ, напр., Гоголь), и у

Digitized by Google

того найдутся нѣкоторыя несимпатичныя черты характера: если онъ не откладывалъ про черный день денегъ, то выпрашивалъ пенсію, пособія. Другими словами, люди останутся людьми, какими бы они ни были геніями. Поэтому, вопреки мнѣнію проф. Чижа, изученіе, съ его точки зрѣнія, болѣзни Гоголя не научитъ насъ отдѣлять здоровое отъ больного въ произведеніяхъ и дѣятельности нашего геніальнаго писателя, какъ скоро мы только будемъ отыскивать бревно въ глазахъ другихъ людей, не замѣчая даже сучка въ своихъ глазахъ. Одно явленіе утѣшительно въ книгѣ проф. Чижа,—это то, что онъ инстинктивно признаетъ достойнымъ уваженія Гоголя, *„которому даже тяжелая душевная болѣзнь не помѣшала совершить великое дѣло“*.

Какой хаосъ онъ поселяетъ этимъ въ головахъ читателей, которые врядъ ли поймутъ, что тяжелый душевно-больной человѣкъ можетъ творить геніальныя вещи, хотя бы въ области беллетристики и быть величайшимъ альтруистомъ! Уваженіемъ же къ душевно-больнымъ людямъ русскій народъ всегда отличался, а за юродивыми признавалось даже въ одно время право прорицать будущее, хотя тотъ же русскій народъ нерѣдко многихъ, выдѣлявшихся изъ среды его умомъ, еще раньше психіатровъ, тоже называлъ сумасшедшими. Гоголь былъ бы вполнѣ уравновѣшеннымъ, если бы былъ образованнымъ человѣкомъ и если бы болѣзнь и его профессія ему не мѣшали въ томъ. Но жизнь его мало отличается отъ жизни обыкновенныхъ здоровыхъ душевно людей.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что попытка д-ровъ Баженова и Чижа представить Гоголя сумасшедшимъ, такъ и останется, къ счастью, только попыткой. Въ виду отсутствія наслѣдственнаго расположенія у Гоголя къ душевному заболѣванію онъ могъ заболѣть психически только при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Предположеніе проф. Чижа, что геніальные люди, заболѣвъ душевно, будутъ рѣзко отличаться отъ другихъ сумасшедшихъ, въ виду того, что у нихъ имѣется, такъ сказать, излишекъ ума и *они весь его, будто бы, не могутъ потерять*—есть только каламбуръ и ничего болѣе, такъ какъ никогда не будетъ класса просто сумасшедшихъ и геніально-сумасшедшихъ, которые будутъ вести за собою все человѣчество, а всегда будетъ только одинъ классъ сумасшедшихъ. Я не стану перечислять тѣхъ писателей нашихъ, которые не признаютъ Гоголя душевно-больнымъ, но упомяну только о такихъ, какъ Л. Толстой, Суворинъ [1]), іеромонахъ

1) „Нов. Время“. № 9338—1902 г.

Digitized by Google

Михаилъ, и вообще всѣ духовные писатели считаютъ Гоголя душевно-здоровымъ. Несомнѣнно, истина на сторонѣ этихъ писателей. Я уже выше приводилъ мнѣніе духовныхъ писателей о Гоголѣ—выдержку изъ „Странника“ (1902 г. № 2); изъ нея несомнѣнно слѣдуетъ, что современные критеріи психіатрической науки неправильны, какъ то видитъ читатель и изъ моей работы.

Какъ д-ръ Баженовъ, такъ и проф. Чижъ, считаютъ интеллектуальныя разстройства у Гоголя скорѣе количественными, и „если къ этому и примѣшивались, говоритъ д-ръ Баженовъ, въ извѣстной степени нѣкоторыя качественныя разстройства интеллекта, то только въ формѣ отрывочныхъ идей ипохондрическаго характера и, можетъ быть, нѣкоторой переоцѣнки своей личности“. Приводя эти строки, д-ръ Капланъ говоритъ („Практ. Врачъ“ №14, стр. 362—363, 1904 г.), что такія изслѣдованія психіатровъ должны быть *„въ видѣ вполнѣ объективно-научнаго психіатрическаго вывода, покоющагося на данныхъ, которыми мы располагаемъ“*. „Надо замѣтить, говоритъ онъ далѣе, что, изучая болѣзнь великаго человѣка, мы должны идти путемъ вполнѣ непредубѣжденнаго изслѣдователя имѣющагося матеріала и только въ конечномъ результатѣ этого изученія должны получить болѣе или менѣе ясную и полную картину „душевной драмы“ этого человѣка и только такая картина даетъ намъ право признать у него ту или другую форму душевной болѣзни. Съ этой точки зрѣнія (а по моему и со всякой другой, напр., съ той точки зрѣнія, что сначала люди существовали, а потомъ появились трактаты и нужно не людей подгонять къ трактатамъ, а, наоборотъ, изучая людей, видоизмѣнять трактаты, всегда далекіе отъ совершенства), едва ли методически правильно подтверждать діагнозъ путемъ сопоставленія характеристики страданія изъ распространеннаго учебника психіатріи и описанія болѣзненныхъ явленій и ощущеній въ перепискѣ самого больного или близкихъ къ нему лицъ—наблюдателей.

„Едва ли также правильно, на мой взглядъ, давать ту или другую оцѣнку біографическимъ указаніямъ, исходя изъ поставленнаго уже тѣмъ или другимъ путемъ, въ томъ или иномъ смыслѣ, діагноза. Вотъ почему, мнѣ думается и *авторъ самъ на это указываетъ въ своей статьѣ, „что многіе факты изъ многострадальной жизни Гоголя все еще остаются для насъ темными, съ нашей спеціальной точки зрѣнія“*.

„Вотъ почему, говоритъ д-ръ Капланъ, *на статью автора (д-ра Баженова), мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ*

Digitized by Google

на популярное изложеніе вопроса... чѣмъ на попытку строго критически изучить важный вопросъ съ спеціальной научной точки зрѣнія". Вотъ почему и о трудѣ проф. Чижа можно, по меньшей мѣрѣ, сказать тоже самое.

Если руководствоваться пріемами д-ровъ Баженова и Чижа для психіатрическаго изученія личности и трудовъ Гоголя, то о нашемъ многострадальномъ писателѣ можетъ получиться столько мнѣній, сколько будетъ изслѣдователей, и многіе изъ нихъ будутъ представляться съ перваго взгляда справедливыми. Казалось бы, какія несомнѣнныя доказательства своей психической болѣзни оставилъ Гоголь. Но при ближайшемъ изученіи этихъ доказательствъ оказывается, что не можетъ быть и рѣчи о какой-либо душевной болѣзни у Гоголя, а рѣчь можетъ идти развѣ только о скоропреходящихъ (главнымъ образомъ количественныхъ) разстройствахъ психической дѣятельности у него въ связи съ припадками маляріи.

Несогласія у психіатровъ въ опредѣленіи душевной болѣзни Гоголя какъ нельзя болѣе доказываютъ отсутствіе всякой душевной болѣзни у Гоголя и утвержденіе д-ра Каплана, что періодическій депрессивный психозъ не исключаетъ галлюцинаторныхъ явленій и бреда религіозно-мистическаго характера (послѣдняго, между прочимъ, у Гоголя и не было), не подтверждается проф. Чижемъ, который въ виду, яко бы, имѣющихся у Гоголя признаковъ другихъ психическихъ болѣзней, оспариваетъ діагнозъ болѣзни Гоголя, поставленный д-ромъ Баженовымъ, въ свою очередь утверждая, что діагнозъ психической болѣзни Гоголя теперь трудно постановить, т. е. что у Гоголя не было опредѣленной душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ не было періодическаго циркулярнаго психоза, въ силу чего и вопреки мнѣнію проф. Чижа о какой-то особенной психической болѣзни у Гоголя, нельзя и говорить вообще о томъ, что Гоголь страдалъ душевной болѣзнью.

Поэтому я настаиваю на своемъ мнѣніи, что если психическія разстройства у Гоголя и были, то это было вслѣдствіе маляріи, которой страдалъ Гоголь, и какъ таковыя, бывающія весьма разнообразными даже у одного и того же лица, не могутъ быть подведены подъ какую-либо одну болѣзнь, хотя бы чаще всего болотные психозы и выражались въ видѣ меланхолическихъ состояній. Эти душевныя разстройства, чаще всего бывающія скоропреходящими, не представляютъ изъ себя истинной душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ которую (какую-либо психическую болѣзнь) они, при имѣю-

Digitized by Google

щемся предрасположеніи у даннаго лица или другихъ благопріятныхъ условіяхъ, и могутъ перейти, что въ болотныхъ мѣстностяхъ и случается, но къ счастью, очень рѣдко. По поводу болѣзни Гоголя я долженъ сказать еще слѣдующее: жизнь Гоголя весьма поучительна и назидательна для насъ, но и своею смертью отъ якобы неизвѣстной болѣзни онъ какъ бы поучаетъ насъ, съ какою осторожностью надо относиться къ памяти вообще людей, а не только къ памяти геніальныхъ и дорогихъ намъ людей: „съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно“ (Гоголь), т.-е. съ большою осторожностью. Такимъ образомъ можно сказать словами (нѣсколько видоизмѣненными) проф. Чижа, что тщательное изученіе жизни и произведеній Гоголя даетъ намъ, хотя и не вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ и проф. Чижемъ, а вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, *утѣшеніе думать, что многострадальный* Гоголь въ силу своей болѣзни (не душевной, конечно), своего воспитанія и нравовъ того времени совершенно *неотвѣтственъ за свои дурные поступки.*

Digitized by Google

Разрытый курганъ.

Въ степи раскопали высокій курганъ,
Но въ немъ ничего не нашли.
Поникъ головою степной великанъ,
Свой вѣкъ доживая въ пыли.

—Зачѣмъ вы безжалостно взрыли меня?
Какой васъ притягивалъ кладъ?—
Доспѣхи? Уборъ боевого коня?
Проржавленный древній булатъ?

Иль просто: искали вы цѣнныхъ монетъ,
Чтобъ ихъ подороже продать?
Иль царскихъ сокровищъ? Богатства?.. Но нѣтъ!—
Что скрылъ я, то вамъ не видать.

Я скрылъ не богатства, но славу царя,—
Насыпанъ по слову его.
Пожаромъ свѣтилась степная заря
Надъ пиромъ царя моего.

Меня окропили священнымъ виномъ,
Зажгли лучезарный костеръ.
И мудраго старца—пѣвца о былomъ
Ввели къ властелину въ шатеръ.

Digitized by Google

И весело старца привѣтствовалъ царь
И гусли подать повелѣлъ:
—„Побѣдною пѣсней по струнамъ ударь!
Я славно врата одолѣлъ!“—

И дрогнули звуки, звеня и дробясь,
И пѣлъ онъ про царскій походъ.
И пѣнію, доблести царской дивясь,
Внималъ восхищенный народъ.

На утро,—едва забѣлѣлась заря,
Гоня предразсвѣтный туманъ,
Шумя и скликаясь, по слову царя,
Поднялся воинственный станъ.

И долго за войскомъ въ пространствѣ степномъ,
Прощаясь, я грустно слѣдилъ...
Вѣка пролетѣли таинственнымъ сномъ:
Я славу царя пережилъ.

Въ степи надо мною рыдала метель,
Кручилася знойная пыль,
Въ вечернюю пору грустила свирѣль,
Волнуясь, шептался ковыль.

На мнѣ ночевали степные орлы,
Сидѣли купцы у огня,
А звѣздная полночь свѣтилась изъ мглы,
Таинственной пѣсней звеня.

Меня умывала ночная роса
И вѣтеръ, шутя, обнималъ;
Я слышалъ степныхъ удальцовъ голоса
И пѣснямъ о прошломъ внималъ.

Digitized by Google

И дѣвичьи слезы, о миломъ печаль,
И гнѣвъ на измѣну друзей,
Порывы души въ безконечную даль,—
Все видѣлъ я въ жизни моей.

Безмолвную память о прошломъ храня,
Я жилъ для царя моего.
Зачѣмъ вы, зачѣмъ разорили меня?—
Вѣдь вы не нашли ничего!?

К. Гребенской.

Digitized by Google

Подъ натискомъ революціи.

Повѣсть.

I.

Семья помѣщиковъ Орскихъ оставила деревню и ликвидировала деревенскія дѣла задолго до начавшихся крестьянскихъ безпорядковъ. Послѣднюю осень Орскіе проводили на югѣ, въ окрестностяхъ большаго города, славящагося своими лечебными грязями и морскими купаньями. Софья Степановна Орская лечилась грязями отъ разыгравшагося у нея ревматизма, Иванъ Александровичъ забывалъ въ новой обстановкѣ свое деревенское крушеніе и вкушалъ въ полной мѣрѣ сладость покоя и прелести дачной жизни, а дочь ихъ, юная и мечтательная Наташа, увлекалась купаньями, ѣздою на велосипедѣ и по вечерамъ, когда сладкая нѣга и свѣжесть ночи окутывали истомленную зноемъ землю, она бродила по морскому берегу и слушала тихіе методическіе всплески морской волны.

Орскіе занимали нѣсколько комнатъ на дачѣ своихъ старыхъ знакомыхъ Гришевскихъ, у которыхъ тоже семья была маленькая, состоявшая изъ четырехъ лицъ: отца, гласнаго думы и мѣстнаго домовладѣльца, его жены, пожилой и болѣзненной женщины Клавдіи Петровны, шестнадцатилѣтняго сына Мити и девятнадцатилѣтней дочери Кати, сверстницы Наташи и ея задушевной подруги. Барышнямъ было вмѣстѣ не скучно, старики предоставили имъ свободу въ прогулкахъ и развлеченіяхъ, которыми тѣ по праву лѣтняго отдыха и пользовались полномѣрно.

Дача Гришевскихъ была чудная: съ большой террасы открывался широкій видъ на море, мимо оконъ проходили па-

*

Digitized by Google

роходы, шедшіе изъ большой гавани города въ Крымъ, на Кавказъ, въ Константинополь, отъ дачи спускался уступами внизъ обширный разросшійся садъ, упиравшійся въ приморскія низины и скалы. По ночамъ надъ синѣющимъ моремъ свѣтилъ сосѣдній электрическій маякъ, а изъ общественнаго сада доносились звуки музыки... По праздникамъ и воскресеньямъ надъ этимъ мирно дремлющимъ уголкомъ раздавались звуки колокольнаго звона изъ сосѣдняго большого монастыря, красиво повисшаго надъ морскимъ обрывомъ.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь!—говорилъ Гришевскому не избалованный такими картинами у себя въ деревнѣ Иванъ Александровичъ Орскій.—Сколько красотъ природы... Какая поэзія!..

— Недурно это—вѣрно,—отвѣчалъ Гришевскій,—но отчасти и плохо. Дача бездоходная, строилъ я ее для себя. ... Что я имѣю съ этой дачи. Мои сосѣди устроили у себя по десяти—пятнадцати квартиръ, сдаютъ ихъ евреямъ и имѣютъ доходы.

— Отчего же евреямъ?—спросилъ Орскій.

— А оттого, что здѣшній городъ еврейскій. Евреи здѣсь самое богатое населеніе.

— Такъ отчего же ты не устроишь квартиръ для дохода?—спросилъ Орскій.

— Потому что это будетъ одно мученье. Не дай Богъ имѣть дѣло съ евреями... Тяжело, особенно съ этими крупными еврейскими карасями. Наймetъ такой субъектъ дачу и уже хочетъ быть хозяиномъ, думаетъ, что онъ тебя облагодѣтельствовалъ, заводитъ свои порядки, никого не признаетъ. Очень это властолюбивая и жестокая нація,—прибавилъ Гришевскій,—а мы, русскіе, мягки и уступчивы.

— Такъ отчего же тебѣ не заявить свои права?..—продолжалъ Орскій.

Гришевскій расхохотался.

— Ну, вѣрно ты плохо знаешь евреевъ,—коротко замѣтилъ онъ.

Осень была чудная. Въ сентябрѣ грѣло солнце, только по вечерамъ и рано утромъ поднимался на морѣ туманъ и пароходы, шедшіе въ сосѣднюю гавань, давали на разсвѣтѣ зычные протяжные гудки—для предупрежденія встрѣчныхъ судовъ.

Наташа Орская по субботамъ отправлялась съ Катей въ сосѣдній монастырь ко всенощной. Наташа была религіозна. Она имѣла въ своей комнатѣ походный кіотъ съ образами, передъ которыми утромъ и вечеромъ молилась и мечтала о поѣздкѣ въ Іерусалимъ. Катя Гришевская называла ее въ шутку „монахиней“.

Digitized by Google

— Ну, монахиня, ѣдемъ въ церковь, — говорила ей Катя и обѣ дѣвицы, сѣвъ на своихъ стальныхъ коней, быстро и граціозно катились по ровной и пыльной дорогѣ къ бѣлѣвшимъ вдали монастырскимъ стѣнамъ, надъ которыми высились куполы нѣсколькихъ церквей.

Монастырь былъ богатый. Его населеніе составляли преимущественно монахи-малороссы изъ южныхъ губерній, говорившіе „хиба", „що", и „треба".

Наташа и Катя подъѣзжали на велосипедахъ къ монастырскимъ воротамъ, стоявшимъ довольно высоко на горѣ и тамъ сдавали своихъ коней на попеченіе хохла—привратника-сторожа монастырской гостинницы. Поднявшись въ гору, Наташа раскраснѣлась и тяжело дышала. На велосипедистокъ набрасывались собаки изъ сосѣдняго поселка.

— Устала, монахиня, запыхалась?—спрашивала Катя, глядя на раскраснѣвшіяся щеки подруги.—А тутъ еще эти псы не даютъ покоя.

— Шо це таке „устала"?,—спрашивалъ со своимъ характернымъ малороссійскимъ выговоромъ монастырскій сторожъ.

— Устала,—значитъ, запыхалась,—говорила Катя.

— Такъ тожъ „уморилась",—добродушно поправлялъ сторожъ и кричалъ на расходившихся собакъ:—чего вы гавкаете? Хи-ба-жъ это чужіе?.. Сусіды пріихалы... Не треба гавкать.

Барышни входили въ ворота на широкій монастырскій дворъ, гдѣ все дышало величіемъ церкви и покоемъ.

Монастырская служба въ освѣщенномъ огнями большомъ соборѣ шла долго; раздавалось пѣніе сильнаго хора свѣжихъ молодыхъ голосовъ. Много народу стекалось ко всенощной и въ монастырской церкви, въ теплые вечера, несмотря на раскрытыя окна, было душно. Когда Наташа и Катя выходили изъ храма, черная ночь уже неподвижно висѣла надъ моремъ... Хороводъ свѣтлыхъ огнистыхъ звѣздъ смотрѣлъ съ темнаго, голубого неба: по сторонамъ дороги, когда ѣхали барышни, чернѣли, какъ привидѣнія, силуэты тополей, каштановъ и разросшихся акацій. Съ моря вмѣстѣ съ соленой влагой воздуха долетали медленные вздохи морского прибоя.

— Наташа, поѣдемъ туда, близко-близко къ обрыву,—предлагала Катя.—Тамъ, должно быть, свѣжо, хорошо.—И обѣ барышни мчались къ краю берега, гдѣ подъ выступомъ скалы зіяла темная морская бездна и плавно ударяли въ скалу и медленно отходили волны. Когда смотришь съ этой высоты внизъ, духъ захватываетъ.

— Какъ здѣсь жутко и пріятно,—говорила Катя.—Ну, по-

Digitized by Google

дойдемъ, подойдемъ сюда,—подбадривала она Наташу, и обѣ барышни съ замираніемъ сердца висѣли надъ обрывомъ, лежа на скалѣ и смотря внизъ на колеблющуюся пучину.

Что думали онѣ, что испытывали эти дѣвушки въ эту минуту?.. Имъ казалось, что онѣ летятъ внизъ въ безпокойную и издали такую заманчивую бездну... Сердце у нихъ замирало и онѣ скоро съ испугомъ пятились назадъ, но потомъ опять подвигались ближе и ближе, чтобы взглянуть туда, откуда доносился плескъ необъятнаго моря.

Молодость!

Смѣлая, безпокойная молодость любитъ ощущенія страха бури, грозы, отъ которыхъ щадитъ ее пока дѣйствительная жизнь.

— А что, если-бы насъ увидѣла здѣсь Софья Степановна?— говорила Катя про строгую и вспыльчивую Наташину мамашу.

— Ну не сдобровать-бы намъ,—сказала Наташа.

И обѣ дѣвушки при такой мысли весело разсмѣялись.

Наступилъ октябрь. На дачѣ стало по ночамъ жутко и холодно, стали завывать вѣтры, безпокойно бурлило море и многіе запоздавшіе дачники перебирались въ городъ на зимнія квартиры.

— Довольно, братъ, мы посидѣли здѣсь,—говорилъ Иванъ Александровичъ Гришевскому,—надо и въ Петербургъ ѣхать.

— Побудь еще недѣльку-другую,—уговаривалъ его Гришевскій,—переѣдемъ вмѣстѣ въ городъ. Осень на югѣ прекрасна, а у васъ въ Питерѣ теперь слякоть и дожди.

— Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Александровичъ, чего намъ такъ торопиться?—замѣчала его жена, Софья Степановна, всегда обращавшаяся къ мужу „на вы“.—Посидимъ еще немного, успѣемъ еще надышаться нашей петербургской сыростью.

Но главными противниками отъѣзда въ Петербургъ были дѣвицы Наташа и Катя, которыя подняли цѣлую бурю.

— Какой Петербургъ, зачѣмъ Петербургъ? Здѣсь только-что кончились жары, настаетъ прохладная погода—и отъ этой благодати уѣзжать. Никогда! ни за что!—говорили онѣ.

Въ половинѣ октября Орскіе переѣхали въ городъ вмѣстѣ съ Гришевскими, рѣшивъ пробыть на югѣ еще недѣлю—другую.

Въ городѣ они застали странное настроеніе. Это была пора объявленной автономіи университетовъ. Въ мѣстномъ университетѣ начались-было лекціи, но тотчасъ прекратились, такъ какъ въ университетскихъ стѣнахъ происходили митинги, въ которыхъ принимали участіе не только студенты, но и желѣзно-

Digitized by Google

дорожники и рабочіе. Цѣлыя толпы стояли въ аудиторіяхъ, группы студентовъ унизывали университетскія лѣстницы. Только и было слышно „товарищи", „свобода", „за свободу". Въ группахъ студентовъ сновали курсистки. Всѣ лица у молодежи были разгоряченныя. Митинги устраивились и въ другихъ мѣстахъ. Представители студенчества, рабочихъ, а иногда и люди прямо съ улицы произносили на митингахъ зажигательныя рѣчи. Митинги усердно посѣщались гимназистами. Ходилъ на нихъ и Митя Гришевскій. Да и нельзя было не ходить.

— Иду я домой,—разсказывалъ онъ,—и меня останавливаютъ на улицѣ какіе-то незнакомые гимназисты-евреи и говорятъ: товарищъ, сегодня митингъ... Знайте объ этомъ и приходите непремѣнно... Ну, я и пошелъ.

Молодежь была одурманена броженіемъ, взрослыя курсистки тайкомъ отъ родителей убѣгали на митинги, гдѣ впивали въ себя изобильный горячечный ядъ революціонныхъ призывовъ. Озадаченные родители терялись, утрачивали всякую власть и вліяніе на молодежь. Учебное начальство бездѣйствовало. Въ Петербургѣ въ это время царила нерѣшительность гр. Витте, отражавшаяся въ удвоенной порціи въ провинціи, которая старательно примѣнялась къ петербургскимъ взглядамъ и вѣяніямъ.

Митинги расцвѣтали. Началась вакханалія „свободъ", широко и задорно разыгравшихся въ условіяхъ университетской автономіи. Предводительствовали въ движеніи профессора изъ красныхъ и студенты-революціонеры. Митя Гришевскій попалъ на многолюдный митингъ. Громадный залъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ, который въ этотъ день не бастовалъ. Добрая тысяча народа:—студентовъ, мастеровыхъ и рабочихъ—собралась обсуждать политическія нужды Россіи. Всѣ въ залѣ испытывали приподнятое настроеніе, называя другъ друга „товарищами", и это были дѣйствительно товарищи и единомышленники въ эти минуты. Особенно воодушевлены были женщины, которыя съ раскраснѣвшимися лицами и лихорадочными, жадными глазами впивались въ столь непривычную въ нашихъ нравахъ картину митинговъ. Онѣ переживали особую остроту нервнаго раздраженія.

— Товарищи, мы сильны,—неслось съ эстрады, гдѣ говорилъ нафаршированный революціонерами желѣзнодорожный рабочій, —еще немного борьбы и ненавистная намъ противная партія (слѣдовали непечатныя слова) сложитъ оружіе! Мы явимся побѣдителями. На нашей сторонѣ весь сознательный

Digitized by Google

пролетаріатъ, рабочіе классы и учащаяся молодежь. А это какая-же сила!

— Долой ненавистный режимъ,—возглашалъ молодой человѣкъ съ черными усами и черными глазами. Онъ имѣлъ такой писарской видъ, точно еще вчера мирно сидѣлъ въ канцеляріи и кропалъ важное отношеніе: „Донося Вашему Превосходительству о прискорбномъ броженіи умовъ, рвущихся къ свободѣ, симъ свидѣтельствуемъ, что ждемъ 20-го числа".

— Свѣтъ и свобода!—восклицала еврейка, съ типическимъ длиннымъ носомъ и красными глазами.—Наши товарищи отправились по деревнямъ просвѣщать крестьянство,—продолжала она,—крестьянство за насъ, товарищи... За насъ!... А намъ надо вооружаться...

Шуму и воодушевленія было достаточно. Ораторы были удачные и неудачные. Простые люди говорили лучше ученыхъ и студентовъ. Нѣкоторыми ораторами проводилась необходимость забастовки, которую нужно было осуществить черезъ день.

— Всеобщая забастовка покажетъ нашу силу,—восклицали они,—мы добьемся всего, чего хотимъ. Забастуютъ фабрики, станутъ желѣзныя дороги, прекратится торговля. Вотъ будетъ торжество... Мы „имъ" покажемъ!

И рѣшенная на митингѣ желѣзнодорожная забастовка была утверждена. Не всѣ, однако, были рады этому рѣшенію.

— Неладно это,—говорили крестьяне,—безъ хлѣба сидѣть придется.

А по всѣмъ линіямъ, ведущимъ съ юга, были залежи сотенъ тысячъ пудовъ хлѣба. Хлѣбъ и безъ всякой забастовки уже гнилъ подъ осенними дождями.

— Что предпринять?—совѣтовались между собой желѣзнодорожные агенты.

— Ничего невозможно сдѣлать,—рѣшали они.—Наши агенты тоже замѣшаны въ забастовкѣ.

Странное это было время. Революція, почувствовавъ себя атмосферѣ объявленныхъ свободъ, вздохнула полной грудью. Во всей Россіи началась дикая и безобразная революціонная каша, а въ томъ южномъ уголкѣ, гдѣ жили Гришевскіе и Орскіе, творилось и много обиднаго и оскорбительнаго для русскаго самолюбія.

— Видишь-ли,—разсказывалъ Орскому Петръ Васильевичъ Гришевскій,—есть у насъ тутъ одинъ еврейскій адвокатъ Брентхапентъ. Это видный предводитель здѣшняго революціоннаго движенія. Этотъ самый Брантхапентъ—какъ-бы брантъ-

Digitized by Google

маіоръ революціи, захочетъ—разожжетъ ее, захочетъ—потушитъ. Вся еврейская молодежь у него въ подчиненіи и онъ командуетъ здѣшними революціонерами. Здѣсь давно раскусили этого субъекта и онъ былъ высланъ изъ города въ отдаленныя прохладныя мѣста, но теперь онъ не только возвращенъ сюда, но и ѣздилъ въ столицу разговаривать съ графомъ Витте.

— Неужели же петербургскій сановникъ принимаетъ подобнаго субъекта?—недоумѣвающе спросилъ Орскій.

— Не удивляйся, пожалуйста,—отвѣчалъ Гришевскій,—мы здѣсь въ провинціи тоже знаемъ кое-что. Посмотрѣлъ бы ты, какой вернулся отъ Витте этотъ Брентхапентъ. Онъ привезъ важныя вѣсти для евреевъ, и съ его мнѣніемъ какъ будто считается и мѣстное начальство.

— Да не можетъ быть?—удивлялся Орскій.

— А послушай,—продолжалъ Гришевскій, не отвѣчая на его слова, — какіе разговоры у насъ въ думѣ. Вчера въ думскомъ засѣданіи чествовали этого Брентхапента, какъ представителя боеваго направленія. Наши лѣвые гласные называли его лучшимъ гражданиномъ своей родины. Посмотрѣлъ бы ты, какого тамъ наговорили чорта въ стулѣ. Это защитникъ и спаситель отечества, нашъ городъ ему обязанъ сознательнымъ движеніемъ. Спокойные гласные, конечно, безмолвствовали, но лѣвые прямо съ ума сошли.

Орскіе собирались выѣхать въ Петербургъ и назначили было день отъѣзда, но въ этотъ самый день началась желѣзнодорожная забастовка. Югъ былъ отрѣзанъ отъ сѣвера. Поѣзда не приходили и почта не получалась. Они застряли въ городѣ при самыхъ непріятныхъ обстоятельствахъ. На улицѣ, гдѣ находился домъ Гришевскаго, начались революціонныя шествія: безпрерывно двигались взадъ и впередъ группы еврейской учащейся и неучащейся молодежи, которая носила красные флаги и громко и назойливо выкликала: „да здравствуетъ свобода, долой самодержавіе“, остальная еврейская молодежь восторженно подхватывала эти возгласы и прыгала отъ восторга.

Погода была теплая. Гришевскіе и Орскіе сидѣли у открытыхъ оконъ и съ любопытствомъ смотрѣли на это, никогда еще въ русскомъ городѣ невиданное торжество еврейскихъ революціонеровъ.

— Какъ это допускаютъ подобную гадость? — удивлялся Орскій

— Не удивляйся ничему въ нашемъ городѣ,—продолжалъ

Digitized by Google

Гришевскій.—Власти не могутъ препятствовать, потому что полученъ тайный приказъ изъ Петербурга: не мѣшать революціи.

— Ты шутишь,—сказалъ Орскій.

— Не знаю,—отвѣчалъ Гришевскій,—можетъ, и шучу, но здѣшніе евреи называютъ даже и автора этого тайнаго приказа. Ужъ не результатъ ли это поѣздокъ въ Петербургъ нашего Брентхапента?

Во время этого разговора вбѣжалъ въ комнату взволнованный и запыхавшійся Митя.

— Откуда ты?—спросилъ его отецъ.

— Ахъ, папаша, такое тамъ дѣлается,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, едва переводя духъ.—Сейчасъ слушалъ рѣчи революціонныхъ ораторовъ. Кругомъ нихъ собралась большая толпа, кричали, потомъ начали качать этихъ ораторовъ, еле изъ толпы пробился. Совсѣмъ было придавили.

— Да кто же тамъ ораторствовалъ?—спросилъ Гришевскій.

— Сначала какіе-то два еврея, одинъ старый, другой молодой. Молодой такой видный, красивый.

— А, это вѣрно Брентхапентъ,—подсказалъ отецъ.

— Да, да онъ самый,—встрепенулся Митя.—Послѣ говорилъ какой-то русскій; голосъ у него, какъ труба, и рожа злая, какъ у цѣпной собаки. Онъ тоже все въ пользу евреевъ кричалъ и его стали на рукахъ качать.

— Ну, это профессоръ Подонкинъ,—догадался Гришевскій и, обращаясь къ Орскому, сказалъ:—это извѣстный въ городѣ революціонеръ... Изъ русскихъ, но хуже жида.

Положеніе въ городѣ часъ отъ часу становилось безпокойнѣе. Шумныя процессіи съ красными флагами ходили до ночи. Вечеромъ публика, предводительствуемая революціонерами, направилась къ городской думѣ, гдѣ началось странное собраніе гласныхъ радикаловъ и представителей соціалистическихъ союзовъ. На собраніи обсуждалось въ тысячу первый разъ современное положеніе Россіи и даже трактовался вопросъ объ объявленіи мѣстной республики.

Любопытный Митя всюду поспѣвалъ и приносилъ въ домъ озадачивавшія всѣхъ странныя вѣсти.

— Народу тамъ видимо, невидимо, — говорилъ онъ,—въ залѣ духота, давка. Студенты уже не пропускаютъ больше публики, но и на площади слышны рѣчи.

— И опять тѣ-же ораторы?—спрашивали Митю.

— И тѣ и другіе... новые,—отвѣчалъ онъ и прибавилъ:—здорово говорятъ евреи, если-бы не акцентъ, совсѣмъ Цице-

Digitized by Google

роны. Трубитъ и профессоръ Подонкинъ. Требуетъ смѣщенія властей, вывода изъ города войскъ... Хотятъ учредить городскую милицію. Говорятъ, уже послали въ Петербургъ телеграмму о смѣщеніи администраціи и надѣются, что тамъ на все согласятся, ибо Витте за евреевъ.

— Какой вздоръ!—воскликнулъ Орскій.—Этого не можетъ быть.

Но на слѣдующій день этотъ вздоръ сталъ совершившимся фактомъ. На улицахъ исчезли военные патрули, полиція, а революціонныя безобразія достигли крайнихъ предѣловъ. Всѣмъ открыто командовали евреи-революціонеры. Они учредили къ вечеру собственную вооруженную милицію. Городъ погрузился во тьму, электричество забастовало, а на полицейскихъ постахъ появились милиціонеры-студенты, имѣвшіе своими подручными взрослыхъ гимназистовъ.

— Прямо, точно въ сказкѣ,—удивился Орскій.

Одна ночь прошла спокойно, но на слѣдующій день начался въ городѣ жесточайшій еврейскій погромъ. Послѣ службы въ соборѣ въ городѣ появились было процессіи съ иконами и портретами Государя, но еврейскіе революціонеры стрѣляли въ манифестантовъ изъ прикрытій, изъ оконъ и съ крышъ домовъ и даже бросали въ нихъ бомбы. Въ домахъ лопались стекла, на улицѣ гибли люди. Это былъ настоящій содомъ. Выстрѣлы не замолкали ни на минуту. Убійства наводили панику. Въ домахъ закрывались окна и ставни, наглухо запирались ворота, нормальная жизнь въ городѣ окончательно прекратилась.

— Вотъ такъ положеніе!—говорили Орскіе, попавшись въ чужомъ городѣ, какъ куръ во щи.

Въ квартирѣ Гришевскихъ, находившейся въ первомъ этажѣ окнами на улицу, было не безопасно. Гришевскіе временно оставили парадныя комнаты и должны были перейти въ часть квартиры, обращенную во дворъ, которую они предоставили Орскимъ. Обѣ семьи расположились вмѣстѣ и ожидали конца террору. Мадамъ Гришевская и барышни были напуганы. Софья Степановна Орская лежала больная, одинъ только Митя не унывалъ и при первой возможности убѣгалъ изъ дому, дѣлалъ прогулку по ближайшимъ улицамъ и всегда приносилъ обильный запасъ новостей.

— Городъ словно вымеръ,—говорилъ онъ.—Вездѣ около воротъ стоятъ группы евреевъ и высматриваютъ. Должно быть, это еврейская самооборона, они то спрячутся, то опять

Digitized by Google

вылѣзутъ. А кругомъ стрѣляютъ, только неизвѣстно, кто и откуда.

Митя не успѣлъ еще окончить свой разсказъ, какъ невдалекѣ отъ дома раздался сильный взрывъ и у Гришевскихъ задрожали стѣны дома.

— Вѣрно опять бросили бомбу,—сказалъ Митя.—Надо бы пойти узнать, что такое.

— Ну, ужъ это оставь,—сердито отозвался отецъ.—Еще самъ попадешь подъ выстрѣлы.

— Боже, да что же это?—восклицала нервная Гришевская, къ которой пугливо жались испуганныя барышни.

Невдалекѣ отъ дома Гришевскихъ дѣйствительно революціонеромъ была брошена бомба. Толпа народу окружила это мѣсто. Среди улицы въ лужѣ крови лежалъ убитый бомбою неизвѣстный человѣкъ съ оторванными кусками тѣла.

II.

Орскіе торопились въ Петербургъ. Что происходитъ тамъ, имъ было неизвѣстно. Почты съ сѣвера не получалось. Тревожные слухи носились на югѣ. Послѣднее письмо, полученное ими, было отъ ихъ земляка и стараго знакомаго Замятинова изъ деревни. Онъ писалъ имъ:

„Дорогіе Софья Степановна и Иванъ Александровичъ.

„Еслибъ вы увидѣли, что дѣлается теперь въ нашей деревнѣ, когда-то близкой и родной вамъ! Срамъ и позоръ! Старую деревню не узнать... Все зашевелилось, какой-то нездоровый азартъ всколыхнулъ нашу прежнюю мирную жизнь.

„Въ народѣ ходятъ „скубенты“ и разжигаютъ аграрное движеніе, поднимая прежде всего деревенскую чернь. Положительное крестьянство при теперешнемъ беззаконіи боится этой черни и могу васъ увѣрить, что и оно пойдетъ на приступъ, ибо ему не на что опереться. Ни защиты, ни охраны. У насъ были разгромы и поджоги усадебъ и я удивляюсь, какъ еще уцѣлѣли ваша Орсовка и моя злополучная мукомольня, на которую впрочемъ уже охотились революціонеры. Съ этими новыми свободами въ деревнѣ житья не стало. Деревенская молодежь совсѣмъ обалдѣла, зачитывается революціонными призывами, пьянствуетъ и скандалитъ. У насъ усилились забастовки: рабочій народъ предъявляетъ невозможныя требованія.

„Кажется, что можетъ быть доходнѣе паровой мельницы. Но

Digitized by Google

и мои дѣла пошатнулись. Какая это работа. Три дня работаютъ, недѣлю бастуютъ и мельница приноситъ однѣ потери. Мы живемъ на мельницѣ, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ постоянномъ ожиданіи революціонныхъ грабежей. Всѣ деньги свыше дневной потребности отправляемъ въ городской банкъ, но и насъ обокрали: выслѣдили артельщика, везущаго деньги, и пятнадцати тысячъ какъ не бывало. Я часто объ васъ вспоминаю, Какъ во-время вы продали имѣніе. Какая теперь жизнь въ деревнѣ, одно мученье. Что будетъ дальше?.. Грустно и тяжело... Зимою собираюсь въ Петербургъ гдѣ непремѣнно навѣщу васъ, а пока прошу принять мой привѣтъ и передайте мой поклонъ Натальѣ Ивановнѣ. Вашъ П. Замятиновъ".

Орскіе ѣхали въ Петербургъ круговыми путями. Желѣзнодорожныя забастовки въ это время были въ разгарѣ. Однѣ дороги работали, другія бастовали, станціи охранялись войсками. Въ попутныхъ городахъ было неспокойно. Революціонное движеніе сплотило на югѣ все боевое еврейство; своими бомбами и выстрѣлами оно держало въ осадѣ города, въ другихъ мѣстахъ напротивъ неистовствовало крестьянство: выведенный изъ терпѣнія народъ учинялъ еврейскіе погромы, мстя „жидамъ" за ихъ вторженіе въ русскую жизнь.

Графъ Витте своими уступками такъ неосмотрительно и жестоко отдалъ жизнь на растерзаніе еврейской революціи!

На маленькихъ станціяхъ юга Орскіе видѣли толпы вооруженныхъ дубинами крестьянъ, которые явились бить жидовъ и „смутьяновъ". Все мирное населеніе городовъ и селъ проклинало свободы графа Витте, послужившія источникомъ кровавыхъ жертвъ и оскорбленій для русскаго чувства.

Послѣ четырехъ дней дороги, Орскіе пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ послѣ всего видѣннаго и пережитаго ими на югѣ они нашли сравнительное спокойствіе и благополучіе.

— Здѣсь только рабочіе бунтуютъ,—разсказывали Ивану Александровичу.—Учредили союзъ рабочихъ депутатовъ, который распоряжается всѣмъ движеніемъ и устраиваетъ забастовки.

— А что-же графъ Витте?

— Сидитъ въ Зимнемъ дворцѣ и ублажаетъ революціонеровъ благосклонными разговорами, уступками и обѣщаніями новыхъ свободъ...

— Премудрый сановникъ!—воскликнулъ Орскій.—Нашелъ себѣ подходящее занятіе, когда кровь льется въ Россіи.

Digitized by Google

III.

Совсѣмъ странная жизнь потекла въ деревнѣ послѣ пронесшейся волны крестьянскихъ погромовъ. Помѣщики бросали свои насиженные углы и уѣзжали въ города, богатые мчались за границу, другіе, кто побѣднѣе, оставались на мѣстѣ и съ тревогой смотрѣли въ будущее. Лишь въ немногихъ углахъ Россіи было спокойно. Вездѣ въ большей или въ меньшей степени пронесся терроръ, крестьянскіе безпорядки періодически возобновлялись. Не только помѣщики, но и крестьяне, особенно зажиточные, опасались бѣды: грабежей, поджоговъ. Замѣчательно, что эти ужасныя вспышки погромовъ обрушивались и на тѣхъ помѣщиковъ, которые были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ крестьянствомъ. Если свои не грабили, то грабили чужіе.

Въ усадьбу популярнаго среди крестьянъ небогатаго помѣщика Вощенко, владѣвшаго экономіей въ сосѣдствѣ съ Орсовкой, пришла грабительская орда и опустошала его амбары. Грабители были пьяны и Вощенко, видя, что ничего съ ними не подѣлаешь, вооружился возможнымъ при такихъ обстоятельствахъ хладнокровіемъ. Выйдя во дворъ, гдѣ происходило опустошеніе его амбаровъ, онъ увидѣлъ тощаго мужика, несшаго на своей спинѣ громадный мѣшокъ хлѣба и изнемогавшаго подъ его тяжестью.

— Зачѣмъ такую тяжесть себѣ взвалилъ?—иронически сказалъ Вощенко.—Тебѣ не донести, еще надорвешься, лучше бы положилъ на подводу.

— Та у меня нема подводы,—отвѣчалъ хохолъ.

— А вотъ,—сказалъ Вощенко, указывая на стоявшую во дворѣ телѣгу.

— Хиба-жъ это моя?—отвѣчалъ крестьянинъ.—Вина чужая.

— А хлѣбъ-то твой?..—продолжалъ Вощенко,—тоже не твой? Такъ бери подводу и лошадей. Доброму вору все въ пору!

Нагруженный крестьянинъ остановился въ нерѣшительности. Онъ былъ сбитъ съ толку и даже уронилъ свой тяжелый мѣшокъ.

„Якій чудный баринъ“,—подумалъ пристыженный мужикъ.

Вощенко видѣлъ, что въ этомъ приземистомъ грабителѣ совѣсть проснулась и на минуту онъ восторжествовалъ. Въ его амбарахъ свободно хозяйничали пришлые мужики, и онъ обратился къ своимъ, которые тоже собрались глазѣть на грабежъ, но ничего не предпринимали.

Digitized by Google

— Что-жъ вы, ребята, не заступитесь?—сказалъ онъ.— Видите, меня грабятъ.

— Это не наши, они чужіе,—отвѣчали крестьяне.

— А когда я вамъ чинилъ ваши хаты, спрашивалъ я васъ свои вы мнѣ или чужіе?.. Всѣ пользовались, а вы не можете сберечь моего добра,—съ упрекомъ сказалъ Вощенко.

— Да мы ихъ знаемъ, мы всѣ на судѣ покажемъ противъ нихъ,—заговорили крестьяне.

Такъ никто и не вступился за Вощенко: его пограбили основательно и хорошо еще, что не сожгли, а Вощенко былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ крестьянами.

„Вотъ и живи въ ладу съ мужикомъ,—съ горечью упрекалъ себя Вощенко.—Все равно отъ бѣды не уйдешь...[a]

Другіе помѣщики шли на встрѣчу жаждѣ крестьянъ въ землѣ и стремились продать имъ свои земли.

— Но что тутъ подѣлаешь?—жаловались они.—Крестьянскій банкъ вмѣсто того, чтобы помогать намъ, только мѣшаетъ. Сговоришься съ мужиками, они цѣну землѣ знаютъ, даютъ по 200 рублей, а банкъ сдѣлки не утверждаетъ, говоритъ—дороже 160 руб. нельзя. Да позвольте имъ самимъ цѣнить землю. Къ чему эта опека? На дѣлѣ выходитъ, что нужно обманывать банкъ: крестьяне впередъ уплачиваютъ помѣщику разницу противъ банка, а форменная сдѣлка совершается въ такой суммѣ, какъ этого желаетъ банкъ.

На паровой мельницѣ инженеръ-технолога Петра Ивановича Замятинова, находившейся на границѣ Орсовки и скупавшей хлѣбъ у окрестныхъ помѣщиковъ, было скверное положеніе. Близость къ городу распространяла на мельницу рабочее движеніе и забастовки. Пришлые агитаторы снимали рабочихъ, мельница подолгу бездѣйствовала, механики и рабочіе уходили въ городъ на митинги слушать рѣчи революціонныхъ ораторовъ. Такъ какъ помощь рабочимъ изъ забастовочныхъ фондовъ была самая микроскопическая, то рабочими постоянно поднимался вопросъ объ уплатѣ имъ денегъ за забастовочные дни, чего не въ состояніи выдержать самое доходное предпріятіе.

— Богъ знаетъ, что такое,—жаловался Петръ Ивановичъ.— Мельница еще не окупила расходовъ, она стоила полмилліона, а тутъ плати за безработицу. Явное разореніе!

Жизнь Петра Ивановича на мельницѣ въ тревожные и тяжелые дни деревенской смуты была тоже нѣкоторымъ испытаніемъ. Въ своей комфортабельной квартирѣ съ электрическими люстрами онъ вѣчно оставался одинъ, и съ душевной

Digitized by Google

тягостью переживалъ свои разочарованія. Дѣло, въ которое онъ такъ вѣрилъ, только-что имъ созданное, уже рушилось на его глазахъ... Онъ ожидалъ и разгрома, и нападеній, одно изъ которыхъ уже было, но не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ произведенные революціонерами выстрѣлы встревожили все мельничное населеніе и оно поспѣшило на помощь. Въ нервномъ волненіи Петръ Ивановичъ шагалъ по своему кабинету, или до поздней ночи засиживался съ бухгалтеромъ, подводя итоги все возраставшимъ потерямъ.

— За этотъ мѣсяцъ тридцать пять тысячъ,—говорилъ ему старикъ-бухгалтеръ,—но тутъ не включена еще амортизація капитала.

— А вы думаете еще о погашеніи капитала?—иронически спрашивалъ его Петръ Ивановичъ и прибавлялъ.—Какъ бы его совсѣмъ не потерять!..

— Ну, положимъ,—говорилъ бухгалтеръ,—вѣдь начнется же когда-нибудь нормальная работа, и наступятъ болѣе спокойныя времена...

— А вы въ это вѣрите?—говорилъ Петръ Ивановичъ.—Наступятъ?.. Да наступятъ-ли... Скоро, кажется, и терять намъ будетъ нечего...

Такъ шли смутные, тревожные дни въ деревнѣ, полные неопредѣленности, потерь, хозяйственнаго разстройства и Петръ Ивановичъ много уже разъ, когда мельница бездѣйствовала, встрѣчалъ въ тревожной безсонницѣ заглядывавшія къ нему въ цвѣтныя окна лучи восхода.

Онъ былъ одинокій, холостой, ему, кромѣ бухгалтера, не съ кѣмъ было даже подѣлиться своими мыслями.

Жизнь Петра Ивановича Замятинова сложилась капризно и своеобразно. Онъ не зналъ молодости, юныхъ забавъ и увлеченій. Юность онъ провелъ въ домѣ своего отца, въ суровой обстановкѣ купеческой семьи. Его отецъ тогда выбивался въ милліонеры и спѣшилъ поставить дѣтей „на дорогу“. Получивъ хорошее школьное и техническое образованіе, Петръ Ивановичъ съ головой ушелъ въ науки, зарылся въ техническихъ книгахъ и не видѣлъ, не замѣтилъ, какъ пробѣжала юность. А она такъ летитъ, и когда опомнишься отъ кошмара науки—ея уже нѣтъ! Потомъ отецъ устроилъ ему заграничную поѣздку. Онъ побывалъ во Франціи, въ Германіи, въ Бельгіи, въ Голландіи, изучалъ паровыя мельницы, вникалъ въ техническія мелочи своей спеціальности, постигалъ новѣйшія изобрѣтенія, а когда онъ пріѣхалъ на родину, то у него было уже собственное дѣло, созданное ему отцомъ, и ему нужно было ра-

Digitized by Google

ботать и работать, не покладая рукъ. И надо правду сказать, онъ увлекался этой работой, радовался быстрымъ результатамъ ея и весь пылъ, весь жаръ своей молодости внесъ въ дѣло. Когда прошелъ угаръ дѣлового увлеченія и явились эти новыя невозможныя условія, созданныя терроромъ, онъ потерялъ энергію. Власть смуты и безурядицы нагло врывалась и въ его образцовое предпріятіе, онъпонялъ, что при пошатнувшейся работѣ, которой раньше онъ отдавался съ такимъ рвеніемъ, не сладка его одинокая жизнь, жажда чего-то свѣтлаго, новаго, другой жизни проснулась въ немъ и съ неудержимой силой звала его въ иной міръ, въ другія мѣста, подальше отъ этого омута терзаній, потерь и неудачъ.

— Въ этой каторгѣ ничего хорошаго не дождешься!—рѣшилъ онъ.

Одинъ разъ, во время вечернихъ совѣщаній съ бухгалтеромъ, который сообщилъ ему цифры одна другой безотраднѣе, Петръ Ивановичъ сказалъ въ досадѣ:

— Придется, пожалуй, ликвидировать дѣло... пріостановить мельницу или продать ее.

— Продать?—воскликнулъ бухгалтеръ съ изумленіемъ, показавшимся Петру Ивановичу не совсѣмъ искреннимъ.—Но кто же купитъ? По нынѣшнимъ временамъ, такихъ и капиталовъ въ нашей мѣстности ни у кого не найдется.

Бухгалтеръ былъ человѣкъ хитрый, по его лицу было замѣтно, что онъ не прочь продолжать этотъ непріятный для Петра Ивановича разговоръ.

— Вамъ придется много потерять при продажѣ мельницы,—замѣтилъ онъ.

— Я готовъ и на это,—равнодушно замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Съ потерей-то, пожалуй, продадите,—продолжалъ бухгалтеръ и замолчалъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ какъ бы невзначай уронилъ:

— Есть тутъ одинъ охотникъ.

— Кто?..—поинтересовался Петръ Ивановичъ.

— Это секретъ, но если вы хотите знать, я скажу вамъ—господинъ Блювшъ,—отвѣтилъ бухгалтеръ,—господинъ Веніаминъ Блювшъ.

— Вотъ кто!..—удивился Петръ Ивановичъ. — Это управляющій графовъ Постовыхъ, но я удивляюсь, какъ онъ можетъ заводить свое дѣло. У него, говорятъ, и въ собственномъ имѣніи неладно, какія-то исторіи съ рабочими, со служащими. Его недавно побили.

Digitized by Google

— Вотъ потому-то онъ и стремится въ новое мѣсто. Если вы желаете, я переговорю съ нимъ,—замѣтилъ бухгалтеръ.

— Пожалуйста, прошу васъ,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.— Заодно опредѣлите также свой процентъ за комиссію.

Бухгалтеръ какъ будто не слышалъ этихъ словъ и вышелъ.

Прошло нѣсколько дней и тотъ же бухгалтеръ сообщилъ Петру Ивановичу, что дѣло съ Блювшемъ какъ будто налаживается.

— А какъ вы съ нимъ сговорились? — поинтересовался Петръ Ивановичъ.

— Да онъ предлагаетъ половину стоимости мельницы.

— Но развѣ это возможно?—ужаснулся Петръ Ивановичъ.

— Подумайте,—отвѣтилъ бухгалтеръ,—онъ подождетъ, но только бы ему не подвернулась другая подходящая покупка.

Петръ Ивановичъ видѣлъ, что его бухгалтеръ весь уже на сторонѣ Блювша, и это его огорчило.

— Я согласенъ терять, но не разоряться,—сердито сказалъ онъ.

— Такія времена, такія обстоятельства... онъ тоже рискуетъ,—сказалъ бухгалтеръ про Блювша, и на этомъ разговоръ ихъ прекратился.

Прошло двѣ недѣли, когда къ Петру Ивановичу пріѣхалъ извѣстный въ городѣ маклеръ еврей Каценеръ.

— Господинъ Блювшъ желалъ бы видѣть васъ,—сказалъ онъ.—Когда онъ можетъ пріѣхать къ вамъ?

— Но я прежде всего не могу согласиться на условія господина Блювша,—рѣшительно заявилъ Петръ Ивановичъ.

Маклеръ Каценеръ прищурилъ одинъ глазъ и замѣтилъ:

— Что онъ вамъ предлагаетъ—это не такъ важно... Важнѣе, что мы вамъ дадимъ.

— А вы что же, компаніонъ г. Блювша?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

Тотъ уклончиво отвѣтилъ:

— Тамъ видно будетъ. Я бы совѣтовалъ только вамъ пойти намъ навстрѣчу. Можетъ быть, и сойдемся.

— Но я меньше трехсотъ тысячъ взять не могу.

— Это много... Но я сдѣлаю вамъ любезность: подожду, а вы подумайте... Вѣроятно, сойдемся.

Петръ Ивановичъ остался въ грустномъ размышленіи.

— Евреи пришли ко мнѣ...—подумалъ онъ.—Значитъ, будетъ мнѣ крышка!..

Digitized by Google

IV.

Петръ Ивановичъ Замятиновъ выѣхалъ на время изъ своей губернской глуши въ Петербургъ, гдѣ онъ засталъ своихъ земляковъ Орскихъ, у которыхъ бывалъ еще юношей вмѣстѣ со своимъ покойнымъ отцомъ въ ихъ Орсовкѣ—сосѣднеи съ его мельницей.

Старикъ Орскій очень обрадовался ему.

— Ну, какъ-же вы работаете? — спрашивалъ онъ Петра Ивановича.

— Ужъ не говорите, Иванъ Александровичъ,—печально замѣтилъ Замятиновъ,—времена тяжелыя, безобразныя. Совсѣмъ работать невозможно. Волненія, забастовки заѣдаютъ насъ и я хочу ликвидировать свою мельницу.

— Неужели?—удивился Орскій.—Жаль, жаль, у васъ дѣло такъ прекрасно поставлено, сколько денегъ стоила ваша мельница—и вдругъ ликвидировать.

— А что-же дѣлать?... Развѣ съ этимъ народомъ можно теперь ладить? У насъ трудъ недурно оплачивается, но они все недовольны, выдумываютъ все новыя требованія, а изъ чего мы платить будемъ, если мельница бастуетъ и даетъ только убытокъ? Въ губерніи уже многіе фабрики и заводы закрылись.

— Печально,—проговорилъ Орскій.—Вотъ мы, помѣщики, ликвидируемъ дѣла, потому что невозможно стало жить въ деревнѣ, но наша участь всегда была печальная. Земледѣліе въ Россіи было не въ авантажѣ: у насъ поощряли больше промышленность и можно было думать, что она расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ. А теперь вотъ и вы, промышленники, бросаете поле дѣйствій. Что-же, въ концѣ концовъ, будетъ со страной?

— Не отъ сладости бѣжимъ,—угрюмо замѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Въ мою мельницу мой отецъ все вложилъ, что имѣлъ, я работалъ добросовѣстно и усердно, а теперь я продаю ее съ потерей болѣе двухсотъ тысячъ... Да и то думаю, какъ бы только продать.

— Ой, ой, ой,—замѣтилъ Орскій.—Значитъ, совсѣмъ плохо пришлось.

Въ гостиную, гдѣ они разговаривали, вошла дочь Орскаго, Наташа. Петръ Ивановичъ удивился, какъ она похорошѣла, возмужала. Высокая, стройная брюнетка, съ большими, прекрасными, немного печальными глазами, съ правильными и симпатичными чертами лица, она плѣняла своимъ изяществомъ и миловидностью.

*

Digitized by Google

— Какъ вы измѣнились!—замѣтилъ ей Петръ Ивановичъ.

— Немудрено,—отвѣтила она.—Вѣдь давно мы съ вами не видались. Вы тоже перемѣнились,—продолжала она, вглядываясь въ него и съ сожалѣніемъ сказала:—вы даже посѣдѣли!

—Эхъ,Наталья Ивановна,—досадливо уронилъ Замятиновъ,—подлыя времена настали... Оттого и старимся, и сѣдѣемъ. Ни жизнь, ни работа теперь не радуютъ.

— Да, вотъ мы читаемъ въ газетахъ,—продолжала Наташа,—аграрныя волненія въ деревнѣ, безпорядки, грабежи и думаемъ: хорошо, что мы продали наше имѣніе и разстались съ Орсовкой. А что у васъ на мельницѣ? Я думаю тоже неспокойно.

— Да, бѣда съ рабочими. Эти умники думаютъ, что мы выдержимъ ихъ натискъ, а мы разоряемся, намъ не на что уже вести дѣло.

И Петръ Ивановичъ сталъ разсказывать Наташѣ исторію своего предпріятія, когда-то блестящаго, доходнаго, широко поставленнаго... Все съѣли неестественныя условія, тревожныя времена и вотъ онъ теперь наканунѣ своего крушенія. Петръ Ивановичъ былъ удивленъ, что эта милая молодая дѣвушка, которой его разсказъ могъ-бы показаться скучнымъ, слушала его со вниманіемъ и интересомъ, вникала въ подробности и когда Петръ Ивановичъ сказалъ о необходимости продать мельницу, она остановила его вопросомъ.

— Да кто-же купитъ? Всѣ теперь боятся пріобрѣтать.

— Есть охотникъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—одинъ австрійско-подданный Блювшъ.

— Ну, развѣ что австрійско-подданный,—съ улыбкой замѣтила она.—А русско-подданныхъ теперь только грабятъ.

Замятиновъ, какъ грустно ему ни было, разсмѣялся.

— Вы правы, Наталья Ивановна,—согласился онъ.—Что за подлое время—стыдно быть русскимъ. Вѣдь у насъ теперь въ авантажѣ только воры и революціонеры.

Наталья Ивановна произвела впечатлѣніе на Замятинова. Ему понравился ея серьезный, вдумчивый тонъ, ея любознательность, симпатичная грусть ея прекрасныхъ глазъ, съ ней такъ легко и пріятно говорилось. Онъ, знавшій по большей части черствыхъ и продажныхъ женщинъ, ощутилъ послѣ бесѣды съ Наташей чарующую теплоту хорошей и глубокой женской души, прелесть нѣжнаго женскаго участія. Точно къ нему прикоснулось что-то благородное, чистое, святое. Такими чувствами онъ не былъ избалованъ въ жизни и ему впервые пришло на мысль:

— Какая милая, чудная дѣвушка... Можетъ быть, она была

Digitized by Google

бы прекрасной женой". Но скептическій умъ холостяка не далъ ему долго лелѣять эти грезы и черезъ минуту онъ рѣшилъ: „Всѣ онѣ хороши, пока не замужемъ. А какъ выйдутъ замужъ—такъ и просыпается въ нихъ сварливая и грубая жена".

Петръ Ивановичъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ все таки внимательно присматривался къ Наташѣ и она ему все болѣе нравилась.

— Ужъ не жениться-ли въ самомъ дѣлѣ?—колебался онъ...— Но нѣтъ, нѣтъ...

Въ его занятой, однообразной жизни, созданной его паровой мельницей, его до сихъ поръ не занималъ вопросъ о женитьбѣ. Онъ не имѣлъ достаточнаго спокойствія, чтобы обдумать и рѣшить такой шагъ.

Дѣла не дали Петру Ивановичу долго засиживаться въ Петербургѣ. Въ одно прекрасное петербургское утро, когда нахмуренныя тучи напоминали осеннюю ночь, онъ получилъ двѣ телеграммы изъ своего города.

Одна была отъ Блювша, она гласила:

„280 тысячъ, сдѣлка сейчасъ. Расходы мои. Въ случаѣ согласія немедленно пріѣзжайте. Планы могутъ измѣниться".

Другая была отъ Каценера такого содержанія:

„Совѣтую пріѣхать. Блювшъ горячится, хочетъ купить. Десятокъ тысячъ вамъ надбавитъ. Не теряйте ни минуты. Есть другая подходящая покупка".

Петръ Ивановичъ собрался въ дорогу и черезъ два дня былъ у себя на мельницѣ. Когда онъ вошелъ въ раззолоченныя пустыя палаты своего административнаго флигеля, тоска одиночества проснулась въ немъ съ удвоенной силой и желѣзными тисками сдавила ему душу. Мертвецкій саванъ забастовки окутывалъ бездѣйствующую мельницу и его когда-то уютное жилище, гдѣ раньше кипѣла жизнь, работала мысль, рождалась энергія и иниціатива. Мрачно высились мельничные корпуса, прекрасныя машины были неподвижны и покрывались пылью. Было печально и гадко! Горечь обиды и ожесточенія гнала его прочь отсюда и онъ желалъ скорѣе покончить дѣло съ Блювшемъ.

— Пусть пропадаетъ честное дѣло, пускай эти жиды открываютъ здѣсь хоть фабрику бомбъ,—говорилъ онъ въ досадѣ.

Его навѣстили пріѣхавшіе изъ города его братъ Василій Ивановичъ съ женою, которые привезли тоже не радостныя вѣсти.

— Фабрики всѣ стоятъ,—говорилъ Василій Ивановичъ.— Нѣкоторыя ликвидируютъ дѣла. А на механическомъ заводѣ

Digitized by Google

случилась скверная вещь: убили директора. Эти революціонеры и забастовщики совсѣмъ задавятъ промышенность.

Петру Ивановичу въ его унылomъ одиночествѣ все чаще и чаще вспоминался симпатичный образъ Наташи, и онъ думалъ, какъ бы хорошо было, продавъ мельницу, бросить этотъ опротивѣвшій уголъ и начать новую жизнь, гдѣ-нибудь тамъ далеко, далеко. „Можетъ быть, я найду съ ней счастье!"

— Такая чудная, благородная дѣвушка навѣрное будетъ хорошей подругой жизни. Нѣтъ, я женюсь,—рѣшилъ Петръ Ивановичъ.

Въ разгаръ его заманчивыхъ мечтаній о будущемъ ему доложили, что на мельницу пріѣхалъ Каценеръ и желаетъ его видѣть. Петръ Ивановичъ очнулся отъ грезъ и велѣлъ просить Каценера къ себѣ въ кабинетъ.

Нарядный мужественный еврей съ испанскими усами, съ золотой цѣпью по всему животу и съ коллекціей брилліантовъ на пальцахъ, съ торжествующимъ видомъ вошелъ въ его кабинетъ. Петру Ивановичу на минуту показалось: ужъ не сдѣлалъ ли онъ оплошности, поспѣшно пріѣхавъ изъ Петербурга на еврейское приглашеніе?

— Вотъ и отлично, что вы поторопились,—замѣтилъ Каценеръ,—а то Блювша соблазняютъ другимъ дѣломъ. Тогда пропадутъ ваши 280 тысячъ.

— Какъ 280?—удивился Петръ Ивановичъ.—Вы мнѣ телеграфировали, что десять тысячъ надбавляете, значитъ 290. Я потому и пріѣхалъ.

— Не станете же вы изъ-за какихъ-нибудь десяти тысячъ разстраивать большое дѣло,—авторитетно замѣтилъ Каценеръ.

— Я и безъ того теряю,—сказалъ нетерпѣливо Петръ Ивановичъ.—Вамъ извѣстно, что мельница стоила полмилліона.

— Ну, не горячитесь,—болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ Каценеръ,—горячность плохой совѣтникъ въ большихъ дѣлахъ. Знаете,—продолжалъ красивый еврей, играя брилліантовымъ кольцомъ,—не поѣдемъ ли мы съ вами сейчасъ къ Блювшу. Онъ теперь въ городѣ совершаетъ сдѣлку по покупкѣ одного пострадавшаго имѣнія.

— Пострадавшаго имѣнія?—переспросилъ Петръ Ивановичъ.—Да что же онъ, скупаетъ всѣ пострадавшія имѣнія... по дешевой цѣнѣ?

— О, нѣтъ, онъ не милліардеръ,—спокойно замѣтилъ Каценеръ.—Это такъ наклюнулось одно особенно выгодное дѣло владѣльцы бѣжали отъ безпорядковъ... Ну, онъ ихъ и выручилъ: купилъ имѣніе за половину стоимости.

Digitized by Google

— Выручилъ... за половинную цѣну,—шутливо повторилъ Петръ Ивановичъ.—А сколько они потеряли?

— Они ничего не потеряли,—сказалъ Каценеръ.—Имѣніе не купленное, а наслѣдственное.

Петръ Ивановичъ разсмѣялся:

— И это вы называете,— ничего не потеряли!

— Такъ поѣдемте,—продолжалъ Каценеръ.

— Но я не вижу необходимости,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Соглашеніе нами еще не достигнуто.

— Но я берусь вамъ устроить это,—съ апломбомъ воскликнулъ Каценеръ.

— Когда вы устроите, тогда я и попрошу васъ пожаловать ко мнѣ.

Они разстались на этомъ, но на другой же день на мельницу къ Петру Ивановичу прилетѣлъ изъ города запыхавшійся верховой, который еще за версту кричалъ мельничнымъ сторожамъ.

— Блювшъ ѣдетъ, Блювшъ ѣдетъ.

И всѣ, слышавшіе этотъ возгласъ, проникались великимъ благоговѣніемъ къ имени могущественнаго и популярнаго во всей губерніи г-на Блювша.

Черезъ часъ прискакалъ изъ городъ тотъ же Каценеръ и въ самомъ ажитированномъ состояніи возгласилъ:

— Къ вамъ сейчасъ пріѣдетъ самъ г-нъ Блювшъ.

Что же это за свѣтило губерніи, что это за магъ и волшебникъ, этотъ господинъ Блювшъ?

V.

Веніаминъ Наумовичъ Блювшъ происходилъ изъ австрійскихъ евреевъ, но давно уже акклиматизировался въ Россіи и считалъ себя необычайно умнымъ и передовымъ русскимъ. Онъ управлялъ большими графскими имѣніями и лѣсными хозяйствами. Аристократы, владѣльцы имѣній, никогда не жили въ деревнѣ и г. Блювшъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ положенія. Онъ умѣлъ внушать къ себѣ въ подчиненныхъ робость и почтительность, и такъ какъ владѣльцы имѣнія, занятые столичной жизнью, совсѣмъ не входили въ дѣла, то голосъ г. Блювша звучалъ всегда полновластно, а распоряженія его исполнялись безпрекословно, иначе служащимъ грозило удаленіе. Въ имѣніяхъ была масса служащихъ, старшихъ и младшихъ, завѣдывавшихъ разными хозяйствен-

Digitized by Google

ными дѣлами. Особенно деспотиченъ и суровъ былъ г. Блювшъ съ маленькими служащими, которыхъ онъ третировалъ en canaille.

— Все это вы дѣлаете не такъ, все не то,—ворчалъ онъ на нихъ съ озлобленнымъ и презрительнымъ видомъ и недовольно фыркалъ себѣ подъ носъ, сверкая своими злобными тупыми глазами.—Гадость, мерзость,—выкрикивалъ онъ, горячась.

— Да вы объясните сначала, Веніаминъ Наумовичъ, что вамъ требуется, — возражали безпрестанно обижаемые имъ служащіе.—А когда объясните,—тогда и требуйте.

— А я почемъ знаю, чортъ васъ возьми!—кричалъ г. Блювшъ.—Вы сами должны знать!—и г. Блювшъ при этихъ нервныхъ, нетерпѣливыхъ выкрикахъ безпощадно ругался.

Маленькіе служащіе дрожали: г. Блювшъ могъ въ любую минуту лишить каждаго куска хлѣба. Со многими, даже старыми служащими экономій, онъ поступалъ безцеремонно, выбрасывая ихъ на улицу. Но г. Блювшъ держался при этомъ особой тактики: онъ никогда самолично не отказывалъ нелюбимымъ служащимъ, а начиналъ съ того, что пускалъ въ разговорахъ незамѣтныя, но ядовитыя шпильки. Когда же онъ рѣшилъ уже отказать кому-нибудь, то прятался за чужую спину, преимущественно за спину своего старшаго бухгалтера.

— Намъ бы надо смѣнить такихъ-то,—начиналъ г. Блювшъ и называлъ имена предназначенныхъ къ смѣщенію.

Бухгалтеръ выслушивалъ, но говорилъ:

— Да вѣдь это же старые служащіе, Веніаминъ Наумовичъ. Они здѣсь, какъ свои, они обжились здѣсь... Какъ же выкидывать людей на улицу?

— Ахъ, что вы разсуждаете! — нервно выкрикивалъ г. Блювшъ и поводилъ своими презрительно-злобными глазами и сопѣлъ себѣ подъ носъ.

— Какъ вамъ угодно,—говорилъ опѣшившій старый бухгалтеръ.

И люди выбрасывались изъ экономіи одни за другими по капризамъ г. Блювша. Нѣкоторые, не зная за собой никакой вины, приходили къ г. Блювшу, чтобы объясниться съ нимъ, пробудить въ немъ человѣческія чувства, но этого никогда не достигали.

— Это меня не касается,—дерзко обрывалъ ихъ г. Блювшъ.—Это дѣло старшаго бухгалтера. У меня нѣтъ никакого желанія объясняться со всякимъ.

И онъ спѣшилъ быстро скрыться.

Digitized by Google

— Но позвольте, г. Блювшъ, такъ же невозможно... Надо по человѣчеству,—говорили они,—мы тоже люди...

Тутъ уже г. Блювшъ выходилъ изъ себя, сверкалъ глазами, подергивался и кричалъ, какъ бѣшеный.

— Не хочу говорить съ вами... Оставьте меня... Идите вонъ...

И разсвирѣпѣвшій г. Блювшъ тотчасъ скрывался за сердито захлопнутой дверью.

— Что же это такое?.. Гдѣ же защита отъ этого негодяя?.. — говорили обездоленные, стоя передъ закрывшейся передъ ними дверью.

Нѣкоторые писали владѣльцамъ имѣнія, жаловались, но никогда ничего изъ этого не выходило.

Г. Блювшъ имѣлъ нравъ плантатора. Всѣ младшіе у него были рабы и его злобное высокомѣріе, вызывающій тонъ всегда тяжело били по чужому самолюбію.

Въ своихъ преслѣдованіяхъ онъ выискивалъ самыхъ покорныхъ людей. Былъ въ экономіи приказчикъ Антоненковъ, человѣкъ понимающій, работящій, добросовѣстный и очень смирный. Г. Блювшъ часто издѣвался надъ нимъ и изводилъ его незамѣтно, роняя по его адресу какъ бы нечаянно, вырвавшіяся полусловечки:

— Да вы съ хитрецой, лукавенькій,—говорилъ онъ ему.

— Что вы, Веніаминъ Наумовичъ,—возражалъ обиженный.— Съ чего вы взяли?

— Да я такъ себѣ...Не слушайте,—и г. Блювшъ уже смотрѣлъ въ другую сторону, не давая ни отвѣтить, ни оправдаться.

Среди постоянныхъ дрязгъ, ссоръ и скандаловъ протекала жизнь въ экономіи Блювша, но замѣчательно везло ему: онъ имѣлъ около себя терпѣливыхъ и порядочныхъ людей, которые, по силѣ возможности, ограждали имѣніе и его самого отъ большихъ бѣдъ, каковы были рабочія забастовки, крестьянскіе погромы. Сельско-хозяйственныхъ рабочихъ временами трудно было нанять, но тотъ же Антоненковъ умѣлъ уладить съ ними дѣло. Рабочіе сначала капризничали, объявляли неслыханныя цѣны и цѣлой артелью отказывались идти на работу, но по зову Антоненкова всѣ потомъ приходили по одиночкѣ и работали.

Блювшъ не цѣнилъ Антоненкова, грубо обижалъ его, какъ и другихъ своихъ помощниковъ, на которыхъ держалось благополучіе имѣній. Замѣчательно, что, причинивъ всѣмъ болѣе или менѣе крупныя непріятности, г. Блювшъ чувствовалъ себя превосходно и по вечерамъ его всегда видѣли улыбающагося и весело играющаго въ карты въ губернскомъ клубѣ.

Digitized by Google

— Ну, погоди, когда-нибудь нарвешься,—говорилъ Антоненковъ, изучившій его злобную натуру.—Отольются волку овечьи слезки.

Антоненковъ, старый служащій экономіи, былъ удаленъ Блювшемъ такъ неожиданно, что тотъ не успѣлъ даже пріискать себѣ мѣста и остался съ семьей въ сильной нуждѣ. Однажды Антоненковъ встрѣтилъ Блювша, безпечально идущаго въ клубъ, и вся горечь перенесенныхъ обидъ вспыхнула въ немъ. „Неужто погибать изъ-за этого негодяя?—подумалъ онъ.—Неужели никакъ нельзя въ немъ пробудить человѣческаго чувства?“

— Господинъ Блювшъ,—сказалъ ему Антоненковъ, — я долженъ поговорить съ вами!

Блювшъ сверкнулъ своимъ злобнымъ, тупымъ взглядомъ и замѣтилъ съ пренебреженіемъ:

— Теперь не время... Не желаю разговаривать съ тобой.

— Но для меня, можетъ быть, рѣшается вопросъ жизни!

Г. Блювшъ вскипѣлъ:

— Не желаю я васъ слушать, идите къ чорту.

Тогда Антоненковъ вспылилъ.

— Я заставлю васъ выслушать меня,—вскрикнулъ онъ.

— Это насиліе,—отвѣчалъ г. Блювшъ, и протянулъ руки, чтобы оттолкнуть Антоненкова.

И Антоненковъ ударилъ этого надменнаго человѣка, испортившаго ему жизнь.

Вѣсть о побитіи г. Блювша разнеслась въ городскомъ клубѣ и прошла по деревнѣ.

Г. Блювшъ не пожелалъ оставаться во ввѣренной его благодѣяніямъ экономіи, гдѣ всѣ его горячо ненавидѣли, и началъ изобрѣтать какія-то великія комбинаціи для перенесенія своей резиденціи въ другое мѣсто, гдѣ онъ становился собственникомъ.

Сдѣлка съ Блювшемъ была совершена на 285 тысячъ, а 5 тысячъ руб. предпріимчивый Каценеръ причислилъ къ своему коммисіонному гонорару. Блювшъ обязался выплатить деньги въ два срока.

Все созданное и выхоленное личными заботами мельничное дѣло Петръ Ивановичъ передавалъ въ руки Блювша раньше полнаго разсчета. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что и покупщикъ рискуетъ.

Когда сдѣлка была оформлена, Петръ Ивановичъ спросилъ Каценера.

— Скажите, пожалуйста, какъ этотъ Блювшъ не боится,

Digitized by Google

что при теперешнихъ безпорядкахъ ему разрушать мельницу?

— Гм.—улыбнулся тотъ.—Онъ австрійскій подданный и тогда предъявитъ искъ къ русскому правительству.

Каценеръ сѣлъ въ шикарное ландо Блювша, запряженное сѣрыми рысаками, и оба самодовольныхъ еврея умчались по новымъ дѣламъ и покупкамъ.

VI.

Петръ Ивановичъ воспользовался остававшимся свободнымъ временемъ до окончательнаго разсчета съ Блювшемъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Слишкомъ ужъ имъ завладѣло увлеченіе Наташей, которая рисовалась его воображенію добрымъ геніемъ его будущей жизни. Чуткая Наташа, казалось ему, угадывала его чувство. Въ первый же день пріѣзда онъ пришелъ къ Орскимъ.

— Наталья Ивановна,—сказалъ онъ ей,—не удивляйтесь моимъ словамъ... Вы бы вышли замужъ?

Наташа, вмѣсто отвѣта, разсмѣялась и сказала ему:

— Замужъ... ха, ха... Это не особенно заманчиво. Вѣдь теперь молодыя люди женятся на капиталѣ, совершаютъ сдѣлку, а жену берутъ только въ приданое. Я не обольщаюсь перспективой быть такимъ приданымъ.

— Что вы, что вы, Наталья Ивановна,—сказалъ онъ.

— А что же,—замѣтила она,—развѣ иначе бываетъ?.. А вѣдь я безприданница. Отецъ когда-то имѣлъ средства, но... когда-то. Какія жъ теперь могутъ быть средства у прогорѣвшихъ помѣщиковъ? Вы видите,—закончила она,—я совершенно застрахована отъ возможности выйти замужъ.

— А если бы кто-нибудь горячо полюбилъ васъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

Наташа сдѣлала большіе глаза, внимательно посмотрѣла на Петра Ивановича и потомъ опять перешла на шутливый тонъ:

— Безъ приданаго никто не полюбитъ.

— Не шутите Наталья Ивановна,—настойчиво продолжалъ онъ,—можетъ быть... я люблю васъ, но я не ищу вашихъ капиталовъ.

— Вы?—удивленно воскликнула Наташа и вмѣсто ожидавшагося Петромъ Ивановичемъ патетическаго момента, снова раздался ея смѣхъ и она равнодушно продолжала.—Какъ это не интересно. Мы съ вами знакомы съ дѣтства, вы бывали у

Digitized by Google

насъ еще въ Орсовкѣ. Это совсѣмъ не то. Я мечтала, что придетъ какой-нибудь герой, котораго я никогда не видѣла раньше и онъ будетъ просить моей руки, а тутъ вдругъ... вы,— закончила она тономъ разочарованія.

Петру Ивановичу нравилась своеобразная дружеская болтовня прелестной Наташи. Она говорила такъ шутливо, мило, но вмѣстѣ съ тѣмъ умно устраняла съ дороги всѣ щекотливые вопросы и все передъ нимъ было ясно.

Петръ Ивановичъ какъ-то заѣхалъ къ Орскимъ невзначай и засталъ Софью Степановну разсерженной, а Наташу недовольной. Онѣ видимо только что поссорились. Почему-то ему показалось, что онѣ говорили именно о немъ.

— Подите, поговорите съ ней, она сегодня такая злюка,— сказала ему Софья Степановна на ходу.—Онъ прошелъ въ комнату къ Наташѣ.

— Сейчасъ съ мамашей поссорились,—сказала ему она. На лицѣ Наташи играла та же благодушная улыбка, которую онъ такъ привыкъ видѣть у нея.—Мамаша говоритъ,—продолжала Наташа,—что я на васъ не обращаю вниманія и что если бы она такъ же поступала въ своей молодости,—то она никогда бы не вышла замужъ за моего отца. Видите, какія я вамъ передаю семейныя подробности. Вы уже у насъ учитываетесь, какъ женихъ,—торжественно объявила она.

И смотря на него своими прекрасными глазами, въ которыхъ и при ея улыбкѣ всегда свѣтилась тайная грусть, она сказала ему съ шутливой досадой:

— Знаете, другъ мой, забудемте нашъ прошлый разговоръ, я не хотѣла бы выходить замужъ и особенно за васъ. Вы можете сдѣлать болѣе выгодную партію.

Петръ Ивановичъ любовался этой милой, изящной дѣвушкой. Подъ впечатлѣніемъ всего передуманнаго имъ въ своей тяжелой одинокой жизни на мельницѣ, онъ уже безповоротно рѣшилъ, что она и есть его избранница, его добрый геній.

— Милая Наталья Ивановна,—вдругъ заговорилъ онъ, самъ удивляясь возраставшему въ немъ волненію.—Бросьте шутки, не смѣйтесь, я люблю васъ. Я все передумалъ, и если вы можете раздѣлить мое чувство, я прошу и умоляю васъ, будьте моей женой. Я не ищу вашего приданаго, Богъ съ нимъ... Я ищу чистую, хорошую душу и я вижу ее въ васъ. Вы не испорчены жизнью. Я вижу въ васъ чуткую дѣвушку, которая поможетъ мнѣ осуществить мое и ваше счастье и мы начнемъ новую, можетъ быть, свѣтлую, заманчивую жизнь...

Digitized by Google

Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на Наташу и вдругъ замѣтилъ въ ней рѣзкую перемѣну. Улыбка на минуту исчезла съ ея лица, ея грустные глаза серьезно остановились на немъ и, какъ ему показалось, въ нихъ стояли слезы.

— Милая, дорогая Наташа,—воскликнулъ онъ съ волненіемъ.—Такъ пусть будетъ такъ, какъ я говорю.

Она съ минуту ничего не отвѣчала, онъ ждалъ. Потомъ она упала на стулъ и залилась слезами.

— Дорогая Наташа, къ чему эти слезы?—воскликнулъ онъ. Я зову тебя къ новой жизни, которая будетъ лучше теперешней. Клянусь тебѣ, я все сдѣлаю для твоего счастья.

— Неужели, мой... милый?—тихо спросила она.

— Да, да,—повторилъ онъ.

— Такъ пусть будетъ такъ,—чуть слышно произнесла она.

Онъ припалъ къ ея лицу, отиралъ ея слезы своими горячими поцѣлуями и ему казалось въ эту минуту, что небо прояснилось надъ ними, всѣ неудачи были забыты и къ нему, разоренному, измученному и обозленному на судьбу, пришло новое, прекрасное, истинное счастье, котораго онъ еще никогда не зналъ.

VII.

Петръ Ивановичъ Замятиновъ долго засидѣлся въ Петербургѣ. Приближалась весна, нарождались новыя событія, въ Петербургъ переносился въ это время центръ политической жизни страны, въ столицѣ созывалась Государственная Дума, въ остальной Россіи свирѣпствовали бомбы, ножовыя расправы, смута и революціонное кровопролитіе. Въ Петербургъ пріѣхалъ братъ Замятинова, Василій Ивановичъ, оказавшійся въ числѣ выборныхъ въ Думу отъ своей губерніи. Пріѣхалъ и другой избранникъ населенія, Охрѣнко, воспрянувшій изъ пепла капиталистъ, поклонникъ всѣхъ свободъ и революцій, другъ евреевъ и горячій сторонникъ уступчивой политики Витте и еврейскаго нашествія на Россію.

— Поздравь, братъ, меня,—сказалъ Петръ Ивановичъ,—я женюсь на Наташѣ Орской.

— Поздравляю,—отвѣчалъ тотъ, отъ души поздравляю. Она милая и умная дѣвушка, но и ты поздравь меня: я какимъ-то чудомъ выбранъ въ депутаты въ Думу.

— Отчего: какимъ-то чудомъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ. Ты землевладѣлецъ, хорошо знаешь деревенскія дѣла и нужды. Тебѣ и книги въ руки.

Digitized by Google

— Ха, ха,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ,—да развѣ это нужно по нынѣшнимъ временамъ? Теперь нужны Охрѣнки и какъ это меня выбрали—не постигаю. Ты вотъ былъ въ разъѣздахъ, а еслибъ ты видѣлъ, какъ у насъ шли выборы—прямо срамъ. Проводили завзятыхъ революціонеровъ и анархистовъ. Лѣвые списки навязывались всѣмъ и каждому, чуть не бомбами грозили, если подашь голосъ не за того, за кого требуется.

— Тѣмъ большая побѣда для тебя, тѣмъ большій успѣхъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Ну, ужъ какая тутъ побѣда?—съ улыбкой возразилъ Василій Ивановичъ.—По моему, просто случайность и, пожалуй, очень прискорбная случайность для моихъ избирателей. Вѣдь я же не буду проводить въ Думѣ революціонныхъ идей и проповѣдовать жидовскій походъ на Россію.

Оба брата съ минуту помолчали.

— До какихъ временъ-то мы дожили,—съ грустной улыбкой замѣтилъ Василій Ивановичъ.—Революціонеры хотятъ хозяйничать въ Думѣ, которая должна быть помощницей русскаго Царя. А все эта проклятая политика Витте. Вѣдь сначала же намѣтили цензъ для избранниковъ, потомъ отмѣнили его въ угоду революціонерамъ.

Въ это время къ бесѣдовавшимъ вошелъ легкій на поминѣ губернскій фразеръ, завзятый модный либералъ Охрѣнко. Послѣ краткаго привѣтствія онъ заявилъ:

— До какихъ блестящихъ временъ мы дожили: въ Россіи народное представительство. Мы „имъ“ покажемъ и онъ пригрозилъ въ воздухѣ кулакомъ по адресу кого-то какъ будто стоявшаго вблизи. Теперь „они“ уже ничего не посмѣютъ,—продолжалъ онъ.—Мы поведемъ страну къ торжеству пролетаріата, свободы. Всю Россію подымемъ.

— Да вы ужъ, кажется, одинъ разъ подняли ее,—иронически замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—и вамъ сожгли вашъ заводъ.

— Но я ничего на этомъ не потерялъ,—бодро отвѣтилъ Охрѣнко.—Страховыя общества мнѣ все возвратили.

— А я вотъ разоренъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.—Видите какъ: одни наживаются на смутѣ, другіе разоряются.

— Можетъ быть,—равнодушно замѣтилъ Охрѣнко,—кто нибудь наживется и на вашей мельницѣ!—законилъ онъ.

— Уже нажились,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Кто-же, кто?—полюбопытствовалъ Охрѣнко.

— Ваши друзья... жиды,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

У Орскихъ, гдѣ Замятиновъ бывалъ каждый день, появля-

Digitized by Google

лись все новыя лица изъ провинціи. Пріѣхалъ съ юга Гришевскій, который привезъ цѣлый коробъ мѣстныхъ новостей.—На югѣ,—разсказывалъ онъ,—командовали выборами евреи и революціонеры. Они настойчиво проводили своихъ кандидатовъ и устраняли другихъ. Вы знаете, кто отъ насъ выбранъ въ Думу?—продолжалъ Гришевскій.—Сначала хотѣли выбрать Брентхапента, помните этого революціоннаго оратора, котораго такъ чествовали у насъ. Но потомъ евреи нашли такого русскаго, передъ которымъ поблѣднѣлъ и Брентхапентъ. Выбрали Подонкина, помните профессора Подонкина, онъ участвовалъ въ октябрьскихъ безобразіяхъ, ораторствовалъ на митингахъ и сдѣлался правителемъ нашей временной республики. Наше боевое еврейство теперь въ восторгѣ. Фаворитъ еврейства Витте на вершинахъ власти, а Подонкинъ представитель города. Что-же нужно еще для полнаго блаженства?

— Ну, чего же глядѣло ваше русское населеніе?—изумлялся старикъ Орскій.—Вѣдь въ вашемъ городѣ три четверти русскихъ.

— И вы удивляетесь?—съ горечью воскликнулъ Гришевскій.—Да русскому населенію поперекъ горла всѣ эти революціонныя свободы. Оно отвернулось и отъ нихъ, и отъ Думы, порожденной революціоннымъ насиліемъ. Русское населеніе видѣло всѣ тайныя пружины революціи. Оно охладѣло ко всѣмъ этимъ новшествамъ; можетъ быть, это была и крайность, но оно приняло самое малое участіе въ выборахъ, а жиды и революціонеры дѣйствовали во всю. Вотъ вамъ секретъ происхожденія такихъ избранниковъ, какъ Подонкинъ, который представляетъ дѣйствительно подонки населенія. Это врагъ правительства, врагъ народа. Но посмотрите, какъ онъ будетъ ораторствовать, какъ Цицеронъ, и непремѣнно отъ имени всего населенія города.

— Это возмутительно,—говорилъ Орскій.—Чего-же ждать отъ такой думы, отъ такихъ представителей?

— А вотъ дождетесь,—продолжалъ Гришевскій.—Они покажутъ себя во славу революціи. Ихъ цѣль во что бы ни стало захватить власть въ свои руки. Они будутъ грабить и разорять страну революціей, возставать противъ всѣхъ ограниченій. Только революціонныя бомбы и грабежи, по ихъ мнѣнію, способствуютъ благоденствію и расцвѣту Россіи. Вы еще увидите, что за фрукты созрѣютъ въ вашей Думѣ.

Предсказанія Гришевскаго скоро оправдались на дѣлѣ. Представитель его города, знаменитый профессоръ Подон-

Digitized by Google

кинъ сказалъ въ Государственной Думѣ замѣчательную рѣчь. Гришевскій читалъ ее вслухъ Орскому.

— Правительство,—говорилъ Подонкинъ,—упорно отстаиваетъ свое ужаснѣйшее право управлять Россіей системой чрезвычайныхъ законовъ. Я нахожу, что эти чрезвычайные законы тормозятъ жизнь и разоряютъ тотъ городъ, представителемъ котораго я являюсь. Отъ имени своего города, я требую преданія суду того министра, который незакономѣрными своими дѣйствіями подорвалъ благосостояніе „моего города".

— Какой нахалъ!—замѣтилъ Орскій.—Городъ разоренъ революціей, которой предводительствовалъ самъ Подонкинъ, а онъ требуетъ преданія суду министра.

— Но вы посмотрите,—замѣтилъ Гришевскій.—Вѣдь этому скандалисту аплодируютъ въ Думѣ. Читайте: шумные аплодисменты лѣвой, центра и польскаго кола. Интересно: при чемъ тутъ это польское коло? Но, это еще не все. Читайте дальше, смотрите, какъ этотъ революціонный крикунъ подыгрывается къ арміи. „Ни я, ни большинство моихъ товарищей,—говоритъ онъ,—вовсе не враги арміи, а скорѣе ея друзья. Если бы намъ предложили законъ, который могъ-бы улучшить положеніе арміи и сравнять армію въ правахъ съ гвардіей, мы бы его приняли"... Не угодно-ли? Такой фразеръ и самозванецъ уже армію реформируетъ, опору государства... Они непремѣнно хотятъ захватить власть въ свои руки. И эти мятежники—представители русскихъ университетовъ!.. воспитатели нашего юношества,—негодовалъ Гришевскій.—Чего-же намъ ждать отъ нашей молодежи, при такихъ ея вдохновителяхъ?

VIII.

Свадьба Наташи съ Петромъ Ивановичемъ Замятиновымъ состоялась скромно въ присутствіи только родныхъ и близкихъ. На свадьбу пріѣхала въ Петербургъ жена Василія Ивановича Замятинова, Надежда Григорьевна, которая когда-то провела свою молодость въ Орсовкѣ, въ помѣщичьемъ домѣ Орскихъ и очень любила Наташу.

— Наташечка, милая,—говорила взволнованная Надежда Григорьевна.—Поздравляю тебя. Какъ я рада... Вѣдь Петръ Ивановичъ такой хорошій человѣкъ! Желаю тебѣ счастія и не сомнѣваюсь, что ты его найдешь. Пріѣзжайте же теперь къ намъ, погостите у насъ. Петръ Ивановичъ все время былъ такъ разстроенъ своими дѣлами.

Digitized by Google

Наташа смотрѣла на Надежду Григорьевну и удивлялась. Изъ этой бѣдной дѣвушки-сироты, дочери ихъ бывшаго управляющаго, вышла теперь такая нарядная, такая славная и видная дама.

— Благодарю васъ, Надежда Григорьевна, — сказала Наташа,—мы должны пріѣхать на нѣкоторое время на мельницу. Петя долженъ получить деньги съ Блювша, и мы, конечно, навѣстимъ васъ. Потомъ мы отправимся въ поѣздку заграницу.

— Въ Парижъ?—спросила Надежда Григорьевна.

— О, нѣтъ. Въ Парижѣ мы съ вами были,—сказала Наташа.—Помните: ѣздили давно вмѣстѣ съ моей мамашей.

— Еще бы не помнить,—улыбнулась Надежда Григорьевна,—вся моя юность прошла у васъ, я была постоянной спутницей вашей мамаши въ ея поѣздкахъ.

Надежда Григорьевна внимательно посмотрѣла на Наташу, взгляды ихъ встрѣтились. Въ нихъ обѣихъ проснулись на минуту далекія родственныя воспоминанія.

— Куда же вы поѣдете?—спросила Надежда Григорьевна.

— Мы поѣдемъ въ интересныя мѣста,—сказала Наташа,—на Востокъ... въ Царьградъ, можетъ быть, въ Іерусалимъ...

— Милочка моя,—воскликнула Надежда Григорьевна,—что вы задумали!—И, обнявши Наташу, она нѣсколько разъ ее поцѣловала.

Отъѣздъ молодыхъ былъ назначенъ черезъ три дня.

Старику Орскому было тяжело разставаться надолго съ любимой дочкой, но онъ зналъ Петра Ивановича, и въ душѣ соглашался съ тѣмъ, что лучшей партіи для Наташи и желать нечего. Ему не улыбалась только его одинокая теперь стариковская жизнь съ капризной и взбалмошной женой, не отличавшейся ни логикой, ни разсудительностью. Тяжелый у нея былъ характеръ.

— Я бы тоже поѣхала съ молодыми,—сказала Софья Степановна мужу.

Иванъ Александровичъ разсмѣялся.

— Ну ужъ, матушка,—замѣтилъ онъ,—избавь ихъ отъ такого удовольствія. Наши новобрачные навѣрно будутъ противъ твоего предложенія. Нужно было включить этотъ пунктъ въ условія свадьбы. Впрочемъ,—продолжалъ Орскій,—тогда-бы нашъ милѣйшій Петръ Ивановичъ, при всей его любви къ Наташѣ, навѣрное бы не женился на ней.

Софія Степановна разсердилась на эту шутку мужа и не разговаривала съ нимъ нѣсколько дней.

Digitized by Google

IX.

Странное чувство испытывала Наташа, когда она съ мужемъ пріѣхала въ родную деревню. Знакомая обстановка: тѣ же безконечныя, разбросанныя по овальнымъ холмамъ, крестьянскія и помѣщичьи поля, тѣ же лѣсочки и рощи, опушенные теперь тающимъ весеннимъ снѣгомъ, тотъ же чистый и вольный воздухъ, такъ-же мирно свѣтитъ солнце и такъ же весело щебечутъ птицы, выводя свои первые, робкіе еще, весенніе мотивы. Все старое, знакомое, но нѣтъ въ ея душѣ прежняго родственнаго чувства къ этому углу, все кругомъ какое-то холодное чужое, да и люди какъ будто стали другіе. А вѣдь въ этомъ уголкѣ протекла ея юность, здѣсь она бѣгала по полямъ, ловила рыбу въ зеркальныхъ прудахъ, рвала полевые цвѣты, слушала въ зеленой чащѣ отцовскихъ рощъ безконечныя трели жаворонковъ. По вечерамъ къ ихъ балкону доносились пѣсни крестьянъ, то заунывныя, то веселыя, но такія простыя и сердечныя. Она помнитъ чудныя ночи надъ тихими, сонными прудами, когда среди застывшихъ въ дремотѣ деревьевъ появлялась луна, внимательно смотрѣвшая изъ голубой синевы въ зеркальную водяную лазурь и пробуждавшая въ ея нѣжной и чувствительной душѣ мечтательность. Какая здѣсь была тогда безмятежная жизнь и тихая трудовая обстановка, созданная ея милымъ отцомъ. Теперь она видитъ что-то другое, незнакомое. Изъ сосѣдней деревни, вмѣсто заунывныхъ пѣсенъ, долетаютъ пьяные возгласы и грубые назойливые звуки гармоникъ, настроенныхъ на ухарскій городской ладъ. Слышатся какіе-то революціонные припѣвы, вѣроятно, пущенные въ оборотъ нынѣшними просвѣтителями деревни—„скубентами“.

— Поганый народъ нынче сталъ,—говоритъ Наташѣ встрѣтившій ее старый, еще отцовскій, приказчикъ Семенъ Осиповъ.— Народъ Бога забылъ, ни во что не вѣритъ, всѣ пьянствуютъ и безчинствуютъ, кругомъ одно озорство. Молодежь вышла изъ послушанія. Никакого у нихъ страха, никакого стыда. Работать въ деревнѣ не хотятъ, а больше все въ городъ идутъ на легкіе заработки, франтятъ тамъ и колобродятъ. Конечно, заработки въ городѣ прибыльнѣе, а только, что пользы: что заработаетъ, то и пропьетъ и якшается тамъ со всякой, извините, сволочью, ходятъ они по кабакамъ да по трактирамъ, а возвращается парень въ деревню, разбойникъ разбойникомъ. Все потому, полагаю, что законъ легкій сталъ, никого не стѣсняетъ. Всѣ воры и конокрады теперь напираютъ на свободу... Не мѣ-

Digitized by Google

шай имъ, не препятствуй. Всякая муть поднялась. И на что намъ эта свобода, когда мирному крестьянину житья нѣтъ. Худыя времена,—закончилъ Семенъ Осиповъ съ тяжелымъ вздохомъ.

На мельницѣ Петра Ивановича было запустѣніе. Наташа помнитъ, что она бывала здѣсь еще дѣвочкой вмѣстѣ съ отцомъ и всегда видѣла тутъ живую суету людей, веселый шумъ жужжащихъ колесъ, мелькающихъ рукавовъ, полныхъ муки. Тутъ все было жизнь и движеніе, теперь все умерло на мельницѣ по капризу забастовокъ, сковавшихъ фабрики и мукомольни.

Непріятно чувствовала себя Наташа въ пышныхъ и пустующихъ хоромахъ своего мужа, гдѣ царило раньше такое оживленіе. Тутъ когда-то собирались близкіе ей люди, окрестные помѣщики.

Гдѣ они? Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!

Рухнулъ весь старый строй деревни, а что пришло на смѣну старинѣ? Позоръ запустѣнія, развратъ, революція!

— Милая барынька, поздравляю васъ,—сказалъ ей пріѣхавшій къ нимъ въ гости сосѣдъ, старый помѣщикъ Платининъ, знавшій Наташу еще дѣвочкой.—Хорошо,—продолжалъ онъ, что вашъ отецъ раздѣлался съ Орсовкой. Теперь для насъ мученье. Съ рабочими бѣда, они совсѣмъ съ ума сошли. Моя земля вотъ въ арендѣ у крестьянъ, платятъ пока, а тамъ, что Богъ дастъ, времена смутныя.

— Дорогой Кузьма Сергѣевичъ, спросила Наташа,—вы все время живете въ деревнѣ? Не бываете въ Петербургѣ?

— Куда ужъ намъ въ Петербургъ,—отвѣчалъ Платининъ,—по нынѣшнимъ временамъ и уѣхать нельзя. Не на кого положиться, не на кого оставить свое добро, сожгутъ и разграбятъ...

— Вотъ теперь въ Петербургѣ Государственная Дума—замѣтила Наташа...—Разсуждаютъ о деревенскихъ дѣлахъ...

— Ну ужъ и Дума,—отвѣтилъ Платининъ.—Мы сначала надежды на нее возлагали, хотѣли выбрать лучшихъ людей, но въ Петербургѣ повернули такъ, что въ Думу пошли одни анархисты... Кто-же станетъ работать съ ними? Я думаю, что Василій Ивановичъ уже раскаивается, что попалъ въ пріятную компанію разныхъ забулдыгъ и скандалистовъ.

Петру Ивановичу Замятинову приходилось двѣ недѣли пробыть на мельницѣ, чтобы получить деньги съ Блювша. Онъ былъ занятъ ликвидаціей мельницы, но Наташа все-таки уговорила его съѣздить съ ней въ сосѣдній монастырь къ о. Саввѣ, популярному среди деревенскаго населенія подвиж-

Digitized by Google

нику, благодѣтелю сирыхъ и бѣдныхъ. Наташа хорошо помнила этого умнаго, славнаго старика съ жизнерадостнымъ лицомъ, про котораго разсказывали въ народѣ, что онъ святой, что онъ отвергаетъ пищу и питается только просфорами.

— Добро пожаловать,—встрѣтилъ ихъ отецъ Савва, блѣдный и согнувшійся монахъ съ прозрачнымъ лицомъ, но съ живыми еще и бодрыми глазами.—Это ваша жена?—спросилъ онъ Петра Ивановича про Наташу.

— Да,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.—Вы ее помните. Наташа Орская.

— Помню, помню,—воскликнулъ привѣтливо старикъ.—Вы пріѣзжали къ намъ въ монастырь съ вашимъ отцомъ въ тотъ годъ; когда я открывалъ здѣсь пріютъ для крестьянскихъ сиротъ. Ну что Иванъ Александровичъ,—продолжалъ отецъ Савва,—здоровъ ли онъ?

— Папа въ Петербургѣ,—отвѣчала Наташа.—Онъ живетъ на покоѣ по-стариковски. Орсовку мы давно продали.

— Я слышалъ,—сказалъ о. Савва, обращаясь къ Петру Ивановичу,—что и вы мельницу продаете?

— Да, работать невозможно,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ—забастовки, покушенія... Не столько наработаешь, сколько намучишься. Мельница въ послѣднее время давала большой дефицитъ.

— Здѣсь говорили,—продолжалъ о. Савва,—что къ вамъ на мельницу являлись грабители. Вотъ къ намъ въ монастырь тоже являлись вооруженные люди, требовали отца казначея, видно затѣмъ, чтобы монастырскую кассу выдалъ, но у насъ во-время ударили въ набатъ, сбѣжались крестьяне изъ сосѣдняго поселка и отстояли монастырь. Слава Богу, все кончилось благополучно, а то вѣдь монастырь кормитъ окрестное крестьянство.—Безъ него и мы, и они пропадутъ. Вы не изъ Петербурга ли пріѣхали?, спросилъ о. Савва молодую чету.

— Да, изъ Петербурга,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Ну что,какъ тамъ?—продолжалъ о. Савва.—Возлагаютъ-ли надежды на Государственную Думу?

— Петербургъ довѣрчивъ, — сказалъ Петръ Ивановичъ.—Представьте, что тамъ лучше относятся къ Государственной Думѣ, чѣмъ во внутренней Россіи. Петербургъ, знаете зараженъ этимъ новымъ теченіемъ.

— Да, да...—съ грустью продолжалъ отецъ Савва.—Государственная Дума слишкомъ ужъ поощряетъ революцію. Оно и немудрено: она стремится завладѣть властью и стать

Digitized by Google

хозяйкой страны. Она выдвигаетъ на первый планъ какихъ-то смутьяновъ и евреевъ. А настоящій хозяинъ страны, русскій народъ, пока безмолвствуетъ. Помните притчу о виноградарѣ: „пойдемъ, убьемъ его, — сказали виноградари, — и наслѣдство будетъ наше. И, схвативъ его, убили и выбросили вонъ изъ виноградника". Притча говоритъ такъ: „Когда прійдетъ хозяинъ виноградника, что сдѣлаетъ онъ съ этими виноградарями?" И отвѣчаетъ: „злодѣевъ сихъ предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои". Неужели же,—продолжалъ о. Савва,—русскій народъ отдастъ великую, историческую Россію на поруганіе анархіи?.. Развѣ эта Дума хозяева? Это и есть временные виноградари, о которыхъ говоритъ притча, это плантаторы и враги русскаго народа. Народъ видитъ все, но онъ еще не проснулся и не почуялъ опасности... Плохо будетъ виноградарямъ, когда онъ проснется. Но приступы этого пробужденія уже сказываются.

Наташа съ мужемъ отслужили панихиду на могилѣ погребеннаго въ монастырѣ отца Петра Ивановича и уѣхали на мельницу, а черезъ два дня совсѣмъ покинули родныя мѣста...

X.

Большой океанскій пароходъ отходитъ изъ русскаго порта въ Средиземное море и сегодня идутъ спѣшныя приготовленія къ рейсу. Грузятъ турецкіе продукты, везутъ скотъ. Пассажировъ мало, многочисленные на этомъ пути русскіе богомольцы еще передъ Пасхой прослѣдовали на Аѳонъ, и въ Іерусалимъ. Сегодня большой христіанскій праздникъ и храмы южнаго города полны народа, въ нихъ душно и жарко отъ массы горящихъ свѣчей, вездѣ идутъ торжественныя службы, церкви убраны цвѣтами.

Пароходъ тоже убранъ зеленью и расцвѣченъ флагами. Русскихъ на немъ не видно, кромѣ экипажа, пассажиры все больше турки, арабы, греки.

— Подождите, тамъ компанія будетъ еще почище,—говоритъ пассажирамъ морякъ, помощникъ капитана, — увидите арабовъ-бедуиновъ въ соломенныхъ шапкахъ и въ однѣхъ рубашкахъ. Тамъ уже солнце припекаетъ на совѣсть...

Стоянка парохода на рейдѣ проходитъ скучно, громыхаютъ лебедки, опуская грузы въ глубокіе трюмы. Сутолока боль-

Digitized by Google

шого порта не затихаетъ и въ праздники. На рейдѣ расцвѣтились флагами десятки русскихъ, греческихъ и иностранныхъ судовъ. Приходятъ пароходы съ Крыма и съ Кавказа, прибываютъ германскіе пароходы изъ Константинополя и маленькія турецкія суда изъ разныхъ захолустій Анатоліи; прибываютъ трембаки и шхуны съ рыбой, солью, дровами. Медленно, съ опущенными полотняными крыльями, входятъ они на рейдъ и потихоньку пробираются къ берегу, становясь въ ряды съ другими такими же невзрачными посудинами. По рейду снуютъ катера и лодки.

Вотъ и пароходъ отходитъ. Раздался зычный, громогласный гудокъ,—швартовы сняты. Что-то забурлило въ водѣ и красивый пароходъ двинулся въ путь.

Большая гавань, въ которой только-что стоялъ пороходъ, исчезаетъ вдали. Проходить полчаса, часъ и скоро отъ Россіи остается на горизонтѣ только узенькая полоска берега, которая съ каждымъ оборотомъ винта все болѣе тускнѣетъ, съуживается. Вотъ скоро она скроется. Впереди разстилается широкое, безграничное, синѣющее море, на которое ложатся уже блѣдныя сумерки тихой весенней ночи.

Петръ Ивановичъ стоитъ рядомъ съ Наташей на самомъ концѣ палубы, на кормѣ, подъ которой бѣлымъ водоворотомъ кипитъ выбрасываемая винтомъ вода, онъ всматривается въ этотъ дальній уголокъ суши, гдѣ онъ оставилъ всѣ свои неудачи, пережитыя страданія, свое разореніе.

— Прощай, Россія, — думаетъ онъ. — Бѣдная страна, я такъ вѣрилъ въ тебя. Всѣ въ тебя вѣрили, но ты гонишь насъ, своихъ вѣрныхъ сыновъ. Въ тебѣ торжествуютъ измѣнники! Они вторгаются въ твою чистую жизнь, а ты даже не имѣешь силъ отбросить ихъ. Прощай, уступчивая, мягкосердечная Россія, оставайся съ твоимъ позоромъ, которому я помочь не могу. Я бѣгу на просторъ, на свѣтъ солнца, къ чужимъ людямъ, гдѣ нѣтъ такихъ страданій и обидъ, и отъ глубины оскорбленной души я проклинаю торжествующихъ враговъ твоихъ.

Нѣжный и влажный вѣтерокъ поднималъ на морѣ еле замѣтную рябь, скользилъ около Петра Ивановича и освѣжалъ его разгоряченную мыслями голову. Сюда на корму доносился мягкій, методическій шумъ пароходной машины, которая плавно дышала, мча ихъ дальше и дальше отъ Россіи въ неизвѣданныя и прекрасныя дали.

Узкая полоска суши, наконецъ, совсѣмъ скрылась на горизонтѣ. Море плотно сомкнулось кругомъ.

Digitized by Google

— Жалѣть ли,—сказалъ Петръ Ивановичъ Наташѣ,—что мы уѣзжаемъ изъ Россіи? Нѣтъ, прибавилъ онъ, лучше ужъ забыть родину или увидѣть ее новой, воскресшей, счастливой! Мое счастье со мной и я спокоенъ.

Онъ нѣжно посмотрѣлъ въ лицо Наташѣ и обнялъ ее.

— Ты видишь, мое дорогое дитя,—продолжалъ онъ,—сейчасъ море сомкнулось. Кругомъ ничего... Прошлое осталось тамъ далеко, его нѣтъ!.. Наше будущее наступило. Мы съ тобой оскорбленные русскіе люди. Я русскій купецъ, ты дворянка, помѣщица. Какъ болѣло наше сердце тамъ въ Россіи. Что мы видѣли, что испытали... Это стыдно, но я счастливъ теперь, я не хочу больше видѣть Россію. Какъ ты думаешь, Наташа, люблю ли я ее?.. или нѣтъ, не люблю...

— Ты горячо ее любишь,—сказала Наташа.

— Но отчего же я такъ страстно хочу забыть родину?

— Это тебѣ не удастся,—отвѣтила она.

Наташа съ минуту ничего не говорила. Она смотрѣла въ даль моря. Солнце закатилось, наступила темнота, море утратило свои нѣжныя, синія краски и разстилалось кругомъ потемнѣвшее, посылая къ пароходу мѣрные шипящіе всплески волнъ. На безоблачномъ небѣ зажглись звѣзды и передъ глазами Наташи стала во всей красотѣ ясная и яркая Большая Медвѣдица, которая недавно свѣтила ей тамъ на покинутой мельницѣ.

— Посмотри, Петя,—сказала мужу Наташа,—какая яркая здѣсь Большая Медвѣдица. Это наше родное созвѣздіе, это, огоньки Россіи. Они провожаютъ насъ и гдѣ бы мы ни были вездѣ мы увидимъ эту родную, милую лампаду. Вотъ ты говоришь, что забудешь Россію... Ты говоришь это подъ вліяніемъ настроенія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачъ. А родина, гдѣ бы ты ни былъ, будетъ свѣтить тебѣ изъ родного далека, какъ эти звѣзды... Увидишь, она будетъ звать тебя домой. Она созоветъ всѣхъ насъ, вспугнутыхъ птицъ, разлетѣвшихся въ стороны, и мы...

Наташа на минуту замолкла.

Петръ Ивановичъ смотрѣлъ на нее.

— И мы... повторилъ онъ.—Что же ты остановилась?

Она тихо сказала:

— И мы всѣ придемъ спасти ее...

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

Digitized by Google

* *
*

Ко мнѣ въ баракъ, въ открытое окошко,
На трепетно горѣвшій огонекъ,
Влетѣлъ неосторожный мотылекъ
И крылышки обжегъ себѣ немножко...

Мнѣ было жаль бѣдняжку-мотылька,
Стремился онъ изъ тьмы такъ жадно къ свѣту
И вдругъ за смѣлую затѣю эту
Такъ былъ наказанъ... Съ книжнаго листка,

Куда упалъ, кружася, мотылекъ,
Я снесъ его обратно въ сумракъ сада,
Въ таинственный и тихій уголокъ,
Обвѣянный душистою прохладой...

Тамъ, подъ цвѣтущей липой, на просторѣ,
Прильнувъ къ ея пахучимъ лепесткамъ,
Повѣдаетъ онъ ночи свое горе,
О немъ разскажетъ травкамъ и цвѣтамъ!..

Digitized by Google

* * *

Ночь пришла, подобралась тайкомъ
И раскинула властныя чары,
Надъ землею повѣяла сномъ,
Въ небесахъ засвѣтила стожары.

И алмазной росою цвѣты
На поляхъ и лугахъ окропила,
Ко мнѣ въ душу вошла—и мечты
Въ истомленной душѣ пробудила...

Ночь пришла, ночь подкралась тайкомъ,
Убаюкала душу мнѣ сказкой
И обвѣяла нѣгой и лаской
Міръ, объятый властительнымъ сномъ...

В. Глинка.

Digitized by Google

Паутина.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

XIV.

Стоялъ теплый и ясный осенній вечеръ. На большой терасѣ господскаго дома въ Туровѣ сидѣли Милица и Китти. Сначала онѣ разговаривали, а затѣмъ бесѣда изсякла и каждая ушла въ собственныя думы.

Маленькая баронесса похорошѣла; свѣжая и розовая, она была истиннымъ воплощеніемъ тихаго семейнаго счастья.

Милица же, наоборотъ, осунулась и поблѣднѣла; выраженіе прежней беззаботной веселости смѣнилось спокойной и грустной задумчивостью.

Рядомъ съ ней стояла хорошенькая золоченая колыбелька, украшенная кружевными занавѣсями и подбитая голубымъ шелкомъ, и Милица, свѣсивъ свою руку, играла, въ раздумьи, костяной погремушкой.

Съ момента отъѣзда изъ Креницы время для нея выдалось тяжелое. Вернулась она въ Петербургъ въ воинственномъ настроеніи, твердо рѣшивъ вынудить у мужа разводъ, а потому тотчасъ же написала Кромскому, чтобы вызвать его для совмѣстнаго обсужденія положенія дѣлъ.

Но Ростиславъ, какъ она узнала, отправился въ командировку въ Одессу и письмо, вѣроятно, послано было ему въ слѣдъ, а за этотъ періодъ неожиданное обстоятельство поколебало рѣшимость Милицы.

Еще въ Креницѣ она часто чувствовала недомоганье, но приписывала его всякаго рода непріятностямъ и своему нерв-

---

[1]) См. «Русск. Вѣстн.» августъ, 1906 г.

Digitized by Google

ному состоянію; въ Петербургѣ болѣзненные приступы проявились столь настойчиво, что она рѣшила посовѣтоваться съ докторомъ.

— Милая графинюшка, да просто-на-просто беременна,— качая головой, сказала ей какъ-то Марфа.

Предположеніе няни ее страшно взволновало, а когда докторъ подтвердилъ догадку Марфы Сидоровны, Милица впала въ уныніе и лишилась покоя. Она готовится быть матерью и въ тоже время собирается разводиться съ мужемъ... Родится ребенокъ и отецъ не увидитъ его и не благословитъ!.. Или эта новая связь повлечетъ за собой новыя осложненія и Эгонъ станетъ совсѣмъ неприступенъ?.. Она знала, до какой степени графъ желалъ имѣть ребенка,—мальчика-ли, дѣвочку-ли, все равно,—и сотни разъ говорилъ ей объ этомъ, а теперь, когда его завѣтное желаніе сбывается,—сомнительно, чтобы онъ возвратилъ свободу женщинѣ, которую безумно любитъ, что тоже ей было извѣстно. А возвращаться въ Германію и подчиниться унизительнымъ требованіямъ, предъявленнымъ ей совѣтникомъ фонъ-Кюлемъ, она не согласится ни за что на свѣтѣ; но какъ же быть тогда?

Конечно, можно было-бы утаить отъ графа истину, пока она не получитъ разводъ; но подобная фальшь была противна ея честной, открытой натурѣ; а между тѣмъ сказать всю правду значило навѣрняка все погубить.

Въ этомъ смутномъ настроеніи, вызванномъ глухой нравственной борьбой, телеграмма о прибытіи Ростислава, а затѣмъ и самый его пріѣздъ еще болѣе усугубили разладъ въ душѣ Милицы.

Но, тѣмъ не менѣе, она открыла истину своему другу дѣтства и упросила потерпѣть, пока не выяснится этотъ важный вопросъ между ней и мужемъ.

Какъ ни тяжело было ему это сообщеніе, но онъ рѣшительно заявилъ, что остается по прежнему ея другомъ, и посовѣтовалъ извѣстить обо всемъ графа, оставаясь при незыблемомъ рѣшеніи насчетъ развода; а положеніе ребенка можно было рѣшить съ обоюднаго согласія. Милица рѣшила послѣдовать его совѣту.

Въ этихъ колебаніяхъ и переговорахъ прошли три недѣли, какъ вдругъ изъ Ревеля получено было отъ Матильды Фердинандовны письмо, къ которому прилагалось посланіе отъ баронесы Дауницъ на имя Луизы Францовны.

Баронесса разсказывала, что въ ночь отъѣзда Милицы Беренклау покушался на самоубійство и что только благо-

Digitized by Google

даря счастливой, почти необъяснимой случайности, пуля слегка уклонилась и миновала сердце. Старый лакей, не спавшій въ это время, услыхавъ выстрѣлъ, бросился въ комнату и нашелъ графа на полу, безъ чувствъ. Онъ позвалъ на помощь и послалъ за докторомъ, а главное, самъ тотчасъ же перевязалъ рану, что несомнѣнно и спасло графа. Въ теченіе двухъ недѣль жизнь Беренклау буквально висѣла на волоскѣ, однако теперь доктора, если и не высказываются рѣшительно, все же подаютъ нѣкоторую надежду. Баронесса Дауницъ прибавляла, что старый графъ въ отчаяніи и что Вильма самоотверженно помогаетъ дядѣ ухаживать за раненымъ.

Попытка мужа покончить съ собой поразила Милицу, точно громомъ, и она горько упрекала себя, что такъ невеликодушно передала ему тогда пустую переписку, позорившую его мать и бросавшую тѣнь на его собственное происхожденіе. Это-то обстоятельство и было, по ея мнѣнію, главной причиной его отчаяннаго поступка.

Теперь, когда онъ боролся со смертью, ея первымъ побужденіемъ было желаніе, во что-бы то ни стало, вернуться въ Креницу; но мысль столкнуться у изголовья мужа съ противной Вильмой и съ ея не менѣе ненавистной матерью вызвала въ Милицѣ такое отвращеніе, что добрый порывъ смѣнился непріязненнымъ чувствомъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого волненія Милица занемогла и пролежала въ постели около двухъ недѣль; но едва она немного оправилась, какъ новое извѣстіе разомъ разсѣяло ея сомнѣнія и колебанія. Это было письмо отъ повѣреннаго графа, въ которомъ онъ приглашалъ графиню начинать разводъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражалъ готовность принять съ своей стороны всѣ необходимыя для сего мѣры.

Милица вздрогнула и поблѣднѣла, читая это посланіе, возвращавшее ей свободу, а внутри просыпалось непонятное, сложное чувство. Ея самолюбіе было оскорблено, такъ какъ въ душѣ она ждала, что первой, сознательной мыслью раненаго будетъ вернуть ее, а вмѣсто того онъ разрывалъ самъ... Ничто, значитъ, не могло сломить или согнуть эту стальную душу и, изъ-подъ обломковъ разбитой любви и счастья, онъ вставалъ гордый и твердый, пренебрежительно кидая ей желанный разводъ. Но былъ ли бы онъ такъ стоекъ, если бы зналъ *все*?

То странное, внушенное ей графомъ чувство, которое то отталкивало, то влекло ее къ нему, теперь властно проснулось въ ней и слеза, причину которой трудно было бы объя-

Digitized by Google

снить, скатилась на письмо, окончательно разлучавшее ихъ. Но черезъ мгновенье она небрежношвырнула на столъ письмо; гнѣвъ и оскорбленная гордость взяли верхъ.

— Ты самъ этого хотѣлъ и теперь ты ничего не узнаешь до рожденія ребенка.

Радость Ростислава при извѣстіи, какъ все благополучно устраивалось, цѣлительно подѣйствовала на изболѣвшееся сердце Милицы, хотя она все же упросила Кромскаго уѣхать и вернуться не ранѣе окончанія развода; сама же она рѣшила перебраться, до родовъ, во Всесвятское.

Новымъ знакомъ проявленія энергіи Беренклау была присылка ящиковъ съ приданымъ графини, безъ всякаго письма.

Наконецъ, во Всесвятскомъ родился сынъ. Милица, долго и опасно болѣвшая, оправлялась медленно; разводъ близился къ концу и оставалось выполнить кое-какія формальности. Однако, для того, чтобы окрестить ребенка, необходимо было снестись съ графомъ, о которомъ знали только, что онъ, выздоровѣвъ, вышелъ въ отставку и жилъ въ Креницѣ.

Деревнинъ всегда возставалъ противъ молчанія Милицы въ такомъ дѣлѣ, которое кровно касалось графа. Поэтому, онъ тотчасъ же написалъ Беренклау, извѣщая ему о рожденіи сына и прося выслать документы.

Нужныя бумаги прибыли со слѣдующей почтой и сопровождались письмомъ. Въ очень сдержанныхъ, вѣжливыхъ выраженіяхъ графъ выражалъ Дмитрію Павловичу свое неудовольствіе на то, что его оставили въ невѣдѣніи о столь важномъ обстоятельствѣ.

„Тѣмъ не менѣе,—добавилъ онъ,—разъ Милица Юрьевна носитъ еще пока мое имя, я не откажу родившемуся отъ нея ребенку въ правѣ также носить его. Я слишкомъ увѣренъ въ высокой порядочности графини, чтобы допустить, хотя бы на мигъ, что она можетъ потребовать это имя для ребенка, въ жилахъ котораго течетъ чуждая графу фонъ-Беренклау кровь".

Подъ конецъ, онъ заявлялъ, что до шестилѣтняго возраста онъ оставляетъ мальчика на рукахъ матери; но что затѣмъ возьметъ сына къ себѣ, чтобы самому наблюдать за его воспитаніемъ.

Это посланіе чуть было не вызвало ухудшеніе въ положеніи Милицы и горячія слезы полились изъ ея глазъ на очаровательное личико ребенка.

Ахъ, какъ бы она желала отказаться для него отъ имени Беренклау, которое она вдвойнѣ возненавидѣла въ эту минуту за незаслуженное оскорбленіе. Такъ вотъ какъ онъ принялъ

Digitized by Google

извѣстіе о рожденіи столь желаннаго сына, въ законности котораго *онъ* не смѣлъ однако усумниться? Ее выводило изъ себя, что она не въ состояніи оградить сына отъ правъ, принадлежавшихъ ему по закону, и не могла даже бросить тѣни сомнѣнія на его происхожденіе.

— Попробуй только отнять его у меня и ты меня узнаешь. *Никогда* я его тебѣ не отдамъ,—пробормотала она вызывающе.

Это прошлое вставало теперь въ памяти Милицы, пока она задумчиво сидѣла на террасѣ, и заслоняло собою окружающее ее настоящее.

Чистый и звонкій голосокъ, послышавшійся изъ колыбельки, вызвалъ ее изъ задумчивости; она живо раздвинула занавѣски и нагнулась къ ребенку, который проснулся и плакалъ, протягивая розовыя ручонки. Она взяла его на руки и покрыла поцѣлуями; къ сыну у нея была нервная, страстная, почти болѣзненная нѣжность.

А мальчуганъ продолжалъ кричать. Въ эту минуту торопливо вошла озабоченная Марфа; она никому не уступила права блюсти и воспитывать „басурманчика“, какъ она прозвала крошку, и не довѣряла приставленной ей въ помощь подпанькѣ.

Повидимому, тевтонская кровь не заявляла пока протеста противъ *русской* няни; наоборотъ, ребенокъ, казалось, былъ съ ней въ самыхъ нѣжныхъ отношеніяхъ и, лишь только очутился на рукахъ старухи, какъ пересталъ плакать и улыбнулся.

Маленькій графъ Юрій Эгоновичъ былъ очаровательнымъ ребенкомъ, удивительно большимъ и крѣпкимъ для своего возраста, съ шелковистыми, бѣлокурыми кудрями и голубыми глазами.

— Поразительно, право, какъ этотъ бутузъ похожъ на графа,—замѣтила Китти, смѣясь и провожая глазами Марфу, уносившую ребенка въ комнаты. — Черты, взглядъ и въ особенности улыбка—отцовскія; тебѣ должно быть тяжело имѣть постоянно передъ глазами живой портретъ бывшаго мужа. Во всякомъ случаѣ, если бы Эгонъ видѣлъ Юрія, то, конечно, воздержался бы отъ обидѣвшихъ тебя злобныхъ и незаслуженныхъ намековъ.

— Какъ знать? Онъ не изъ тѣхъ, чтобы воздержаться отъ обиднаго слова, если оно можетъ только успокоить собственную злость. Наконецъ, онъ такъ мало интересуется Юріемъ, что ни разу не освѣдомился, какъ онъ ростетъ и даже не выразилъ желанія имѣть его портретъ. Не могу не сознаться,

Digitized by Google

что такое его равнодушіе вызываетъ, съ моей стороны, только благодарность, ибо доказываетъ, что онъ всецѣло оставляетъ мнѣ воспитаніе крошки и не выполнитъ своей угрозы потребовать его къ себѣ.

Китти промолчала, хотя въ душѣ сильно сомнѣвалась въ справедливости подобнаго заключенія.

— Будемъ надѣяться, — сказала она и затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, испытующе глядя на Милицу, сказала:—Не нервничай такъ; ты слишкомъ много думаешь и роешься въ прошломъ, а это вредно. Надо положить этому конецъ и думать объ ожидающемъ тебя спокойномъ и свѣтломъ будущемъ. Я понимаю, что всѣ происшедшія событія губительно подѣйствовали на твои нервы и что трудно вычеркнуть совсѣмъ изъ своей жизни человѣка, женой котораго ты была около двухъ лѣтъ; да и Эгонъ—такая властная и цѣльная натура, которая не забывается. Но дѣлать нечего: между вами фатально возникли такія осложненія, что разрывъ былъ почти неизбѣженъ. Конечно, согласись Эгонъ переѣхать въ Россію, все было бы иначе и ты не права, что не предложила этого ему.

Горькая, презрительная усмѣшка мелькнула на лицѣ Милицы при послѣднихъ словахъ кузины.

— На этотъ счетъ ты ошибаешься и я дважды предлагала графу поселиться во Всесвятскомъ. Въ первый разъ онъ обратилъ мое предложеніе въ шутку; а во второй, — это было недолго спустя послѣ происшествія съ Лудольфомъ, — когда я со слезами умоляла его объ томъ же, онъ отвѣтилъ мнѣ возмутительнымъ образомъ.

— Но что же онъ могъ сказать?

— „Милая моя, — отвѣтилъ графъ,—твоя просьба доказываетъ только, что ты такъ же слѣпа и легкомысленна, какъ и масса твоихъ соотечественниковъ, которые пляшутъ и пируютъ на вулканѣ, не подозрѣвая о готовящейся опасности. Ты желаешь вырвать меня изъ почвы, на которой я выросъ, чтобы пересадить на *твои* земли; а увѣрена ли ты, что будешь ими владѣть еще черезъ десять, а можетъ быть и черезъ пять лѣтъ? Вы, русскіе, плохо освѣдомлены, а кругомъ васъ всѣ видятъ и знаютъ, что эта „великая“ Россія, которой ты такъ гордишься, легко можетъ рушиться, въ одинъ прекрасный день, и погрести васъ подъ развалинами. Въ странѣ все подрыто; высшіе классы,—продажные и денаціонализованные,—являются либо измѣнниками, либо лакеями иноземцевъ и безъ стыда продаютъ первому встрѣчному интересы родины. У васъ все сгнило: министры, генералы, офицерство, администрація и

Digitized by Google

ваша не учащаяся молодежь съ своими педагогами; а подъ этимъ пластомъ продажной пошлости, индифферентизма, взяточничества и разложенія умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго, готовится анархія, которая пожаромъ охватитъ твое отечество съ четырехъ концовъ и опрокинетъ все, что еще держится пока на ногахъ. А когда начнется этотъ ураганъ, твои же крестьяне сожгутъ у тебя крышу надъ головой съ заводами и лѣсами и вынудятъ тебя бѣжать *нищей*. И вѣдь никто другой, а сами твои соотечественники влекутъ дорогую тебѣ родину къ разрушенію и безславію, и ваше правительство готовитъ иноземное вторженіе и расчлененіе страны, гдѣ, подъ конецъ, ни одинъ русскій не найдетъ себѣ куска хлѣба. Будь ты предусмотрительнѣе, ты продала бы имѣнія и реализовала бы капиталъ заблаговременно, пока не нахлынулъ неизбѣжный и окончательный разгромъ, благодаря затѣмъ Бога, что можешь жить въ государствѣ, гдѣ царитъ порядокъ, гдѣ обезпечены жизнь и собственность каждаго гражданина, не рискующаго пасть жертвой бомбы или пули". Ты понимаешь, что послѣ подобной отповѣди, я не настаивала на своемъ предложеніи; мнѣ было ясно, что счастливый обитатель земного рая, именуемаго Пруссіей, никогда не переселится въ разбойничью страну, которую такъ картинно описалъ.

И она презрительно разсмѣялась.

— Ахъ, чуть было не забыла: при такомъ удобномъ случаѣ, онъ еще отпустилъ нѣсколько пощечинъ по нашему адресу. „Чего стоитъ ваша молодость, до какой степени она развращена и безчестна, тебѣ ясно обрисовала исторія съ доблестнымъ Игоремъ Загаринымъ. Будь увѣрена, что и твой другъ Кромскій, тоже продуктъ вашего гнилого общества, менѣе зараженный, можетъ быть, но все же невропатъ, безъ принциповъ, который никогда не учился имѣть твердую волю и быть цѣльнымъ человѣкомъ, который не поднимется надъ толпой и будетъ сметенъ; не говоря уже о томъ, что въ качествѣ честнаго *русскаго* человѣка, онъ будетъ несомнѣнно влачить очень незавидное существованіе".

Китти сидѣла задумчиво и слушала, видимо встревоженная.

— Разумѣется, только будущее можетъ показать, каковъ Ростиславъ Ивановичъ,—замѣтила она разсѣянно. — Конечно, онъ—человѣкъ добрый, работящій и образованный; но какова будетъ его энергія въ области политики—неизвѣстно.

— А мнѣ извѣстно,—запальчиво возразила Милица.—Ростиславъ—человѣкъ дѣятельный и патріотъ душой и тѣломъ,

Digitized by Google

а не невропатъ, вродѣ Беренклау, который и бранилъ-то его изъ ревности.

— Конечно, конечно! Я это именно и хотѣла сказать,— спохватилась Китти.—Но мнѣ хочется поговорить съ тобой о другомъ: вообрази, какъ это ни печально и ни неправдоподобно, а предсказаніе Эгона, какъ будто, имѣетъ основаніе и готовится что-то скверное. Еще въ прошломъ году Митя разсказывалъ мнѣ про какія-то подозрительныя личности жидовскаго облика, которыя шныряютъ всюду кругомъ; выдаютъ они себя за комми-вояжеровъ, а мужъ считаетъ ихъ за революціонныхъ агентовъ, потому что они рыщутъ по кабакамъ, фабрикамъ, селамъ, разбрасываютъ прокламаціи и говорятъ разныя возмутительныя рѣчи, волнующія крестьянъ. Митя даже дѣлалъ попытки задержать этихъ негодяевъ, но все было напрасно, а когда онъ обратился къ самому губернатору, такъ тотъ разсмѣялся ему въ лицо, объявивъ, что у него, должно быть, революціонный кошмаръ и что смѣшно притѣснять, безъ всякаго повода, мирныхъ торговцевъ. Затѣмъ, школьный учитель Кукерманъ—прямо ужасенъ; это — крещеный еврей и настоящій анархистъ: дѣтей не пускаетъ въ церковь, издѣвается надъ вѣрой и таинствами, нагло и открыто бранитъ Царя и правительство, словомъ, портитъ мальчишекъ. Митя уже дважды на него жаловался и все безъ всякихъ результатовъ. Пока, все это меня только бѣсило, и я особаго значенія этому не придавала; но теперь слова Беренклау озарили мнѣ картину инымъ свѣтомъ и всѣ подобные факты тѣсно другъ съ другомъ связаны. А новый священникъ, замѣстившій убитаго отца Никандра? Вѣдь онъ тоже никуда не годится.

— Правда, отецъ Агафангелъ препротивный и мнѣ ужасно жаль добраго и славнаго отца Никандра. Досадно, что его убійца такъ и остался неразысканнымъ,—вздохнула Милица.

— Я убѣжденъ, что это—кто-нибудь изъ шарлотентальскихъ штундистовъ, а не то—школьный учитель; если бы слѣдствіе велось не такъ небрежно, негодяя навѣрно нашли-бы,—негодующе отвѣтила Китти. — Покойный былъ штундистамъ и школьному учителю—какъ бѣльмо на глазу. А вотъ Агафангелъ—другое дѣло: онъ пріятель m-me Кукерманъ, дружитъ съ колонистами и блещетъ „либерализмомъ“; говорятъ, основанная отцомъ Никандромъ школьная библіотека набита теперь соціалистическими и антирелигіозными сочиненіями.

Разговоръ былъ прерванъ человѣкомъ, подавшимъ Милицѣ телеграмму.

Digitized by Google

— Ростиславъ извѣщаетъ, что прибудетъ послѣ завтра,— сказала Милица, пробѣжавъ депешу.

— Слава тебѣ, Господи! Вѣнчайся поскорѣй, да начинай новую жизнь, а то ты слишкомъ задумываешься. Что кончено, то кончено и надо надъ нимъ поставить крестъ,—живо отозвалась Китти.

— Аминь,—отвѣтила Милица, смѣясь и обнимая подругу.— Я и сама жажду вычеркнуть прошлое, а это не такъ-то легко дѣлается. Замужество, видишь-ли ты, даже съ человѣкомъ, котораго не любила страстно, это своего рода паутина, которая пристаетъ къ внутреннему твоему существу и ее такъ легко не стряхнешь, особенно... если въ этихъ тенетахъ барахтается „басурманчикъ“. Но я твердо вѣрю, что выйдя за Ростислава, я найду полное душевное равнодушіе. Въ связи съ этимъ прошлымъ, я должна разсказать тебѣ очень грустную для меня вѣсть. Вообрази, Дуня собирается выходить замужъ за лѣсника изъ Креницы и покидаетъ меня; они, должно быть, сошлись еще тамъ и переписывались, а теперь онъ предложилъ ей выйти за него. Какъ я ее ни убѣждала, не выходить замужъ за иноземца, какъ ни доказывала, какія непріятности и горе ждутъ ее, разъ она сдѣлается нѣмецкой подданной, ничто не дѣйствовало; она стоитъ на своемъ и твердитъ: „Когда любишь, все равно, гдѣ ни жить, а Креница мнѣ понравилась. Правда, Францъ строгъ, но все же добрый и не пьяница“.—Дѣлать нечего, приходится ее отпустить; но я дамъ ей три тысячи въ приданое, чтобы она была независима.

— Ахъ, Боже мой! Креница напомнила мнѣ полученное утромъ извѣстіе, которое я забыла передать тебѣ: Дауницы продали Каролиненгофъ и домъ въ Познани, а сами перебрались въ Берлинъ. И Эгонъ купилъ имѣніе.

— Вотъ какъ? Что же могло побудить ихъ продать имѣніе, которымъ они, повидимому, очень дорожили.

— Оказывается, что это случилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но теперь сама баронесса написала объ этомъ *maman* и та предполагаетъ, что вѣроятно что-нибудь вышло между Вильмой и Эгономъ.

— Каково! Неужели она произвела новую, тщетную атаку на графа? Право, это жестоко съ его стороны—не наградить такую вѣчную любовь; какую образцовую хозяйку онъ пріобрѣлъ бы для Креницы,—насмѣшливо замѣтила Милица.

Digitized by Google

XV.

Прибытіе Ростислава и приготовленія къ свадьбѣ, назначенной черезъ недѣлю, отвлекли мысли Милицы. Любовь и счастье, ясно свѣтившіяся въ глазахъ Кромскаго, и его нѣжность согрѣли сердце, вернули ей спокойствіе и веселость, а съ этимъ исчезла и боязнь, что будущій мужъ не полюбитъ маленькаго Юрія.

Ростиславъ, казалось, не видѣлъ разительнаго сходства ребенка съ его соперникомъ; онъ весело взглянулъ на него и, подкидывая крошку, радостно замѣтилъ:

— Превосходный тевтончикъ!

И сразу завоевалъ расположеніе „тевтончика“, который уже протягивалъ ученки, едва замѣчалъ его.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, Ростиславъ съ Деревнинымъ сидѣли на террасѣ и курили. Сначала они говорили о дѣлахъ Турова и Всесвятскаго, объ убійствѣ отца Никандра, а затѣмъ перешли къ штундистамъ, дѣйствія которыхъ, по мнѣнію Деревнина, становились день ото дня нахальнѣе и насильственнѣе.

— Богъ вѣсть, чѣмъ это кончится; вся эта иноземная шайка подняла голову,—съ вздохомъ замѣтилъ Кромскій.— Кстати, Дмитрій Павловичъ, Милица передавала утромъ, что ты недоволенъ священникомъ и школьнымъ учителемъ. Скажи, что тутъ такое?

— Правда, эти двѣ канальи не мало гадостей творятъ у насъ. Повидимому, они спѣлись и, такъ это ни странно, а отца Агафангела съ жидомъ Кукерманомъ теперь водой не разольешь, такіе это друзья. Ихъ вредное вліяніе очень чувствуется; но ужаснѣе всего то, что они всюду находятъ подкрѣпленіе. Прежде мы страдали особенно отъ нѣмцевъ, а теперь жиды забрали такую силу, что не знаешь, право, какъ отъ нихъ огородиться. Въ прошломъ году, умеръ хозяинъ Окуловки, а наслѣдники продали имѣнье еврею Розенблатту; съ тѣхъ поръ вся округа заражена евреями. Но я собственно хотѣлъ поговорить съ тобой о Кукерманѣ и попѣ. Школьный учитель занимается самой разнообразной дѣятельностью; онъ и учитъ, и ростовщичествуетъ, и разводитъ свиней; супруга его— первая ему помощница, и оба они, несмотря на крещеніе, остались, разумѣется, закоренѣлыми жидами. На словахъ Кукерманъ—величайшій русскій патріотъ; на дѣлѣ—это коммунаръ,

*

Digitized by Google

прививающій дѣтямъ анархистскія бредни, ненависть къ собственникамъ и религіозный индифферентизмъ. Но мало того: школа, заводы и пивныя сдѣлались теперь мѣстами сборищъ для разнаго рода проходимцевъ, держащихъ возмутительныя рѣчи, раздающихъ прокламаціи и призывающихъ къ забастовкамъ, какъ непобѣдимому средству борьбы противъ имущихъ классовъ. Роль попа—еще болѣе гнусная, потому что онъ-то, вѣдь, *русскій* и человѣкъ образованный, но, къ несчастью, онъ изъ священниковъ новой формаціи и прикрывается своимъ „священствомъ", чтобы возвеличить свой авторитетъ въ глазахъ развращаемаго имъ населенія. Долженъ сознаться, что дѣло онъ ведетъ очень ловко, особенно на заводахъ, гдѣ онъ организовалъ среди рабочихъ воскресныя чтенія и духовныя бесѣды, а самъ, вмѣсто христіанскаго братства, проповѣдуетъ космополитизмъ. Любовь къ родинѣ у него выставляется въ видѣ эгоизма; война, какая бы то ни была, оказывается отвратительнымъ пережиткомъ варварства. А что этотъ достойный пастырь дѣлаетъ съ понятіемъ о свободѣ? Боже мой! Свобода, по его мнѣнію, это—безпрепятственное отправленіе всякихъ крайностей, съ цѣлью создать, разумѣется, земной рай всѣмъ обездоленнымъ.

— Но, вѣдь надо же было предупредить архіерея и разоблачить дѣйствія этого негодяя,—возмутился Ростиславъ.

— О! Во-первыхъ, нашъ архіерей самъ „либералъ", а во-вторыхъ, онъ покровительствуетъ Агафангелу, такъ что, съ этой стороны, ничего подѣлать нельзя; но и у губернатора я не добился большаго успѣха: въ качествѣ финляндскаго барона, ему плевать на интересы *русскихъ*. А пока все идетъ, какъ по маслу: здѣсь появилась цѣлая плеяда разныхъ негодяевъ и нравственная зараза растекается, словно чернильное пятно. Земскій врачъ, землемѣръ, акушерка—все нѣмцы, либо поляки; разумѣется, всѣ они отъявленные „либералы", и, конечно, пріятели Кукермана и попа. Въ эту минуту, вся эта шайка крайне озабочена. Дѣло идетъ о томъ, чтобы пристроить двоихъ изъ нихъ и, судя по ихъ старанью, дѣло это они приняли близко къ сердцу; но я все таки надѣюсь, что всѣ ихъ хлопоты пропадутъ даромъ, такъ какъ рѣшеніе зависитъ... отъ Милицы Юрьевны,—лукаво закончилъ Деревнинъ.

— Какъ? Отъ Милицы?—удивился Кромскій.

— Именно. Милица Юрьевна устроила на заводѣ богадѣльню, больницу, родильный пріютъ и т. д. Но такъ какъ всѣ эти учрежденія содержатся на средства графини, то и админи-

Digitized by Google

стративный персоналъ зависитъ отъ нея же. На прошлой недѣлѣ умеръ аптекарь, а пріютская акушерка вывалилась изъ экипажа, сломавъ себѣ обѣ ноги и, Богъ вѣсть, будетъ ли еще въ состояніи нести свои обязанности: я даже склоненъ думать, что нѣтъ. Милица Юрьевна назначила ей, въ случаѣ неспособности къ труду, маленькую пенсію. Такъ вотъ, на обѣ эти вакансіи у нашего достойнаго пастыря и его не менѣе достойнаго пріятеля нашлись свои кандидаты-евреи. Особенно важно для нихъ мѣсто акушерки, дающее большое вліяніе среди фабричнаго люда и потому бѣдной Ивановой, достойной женщинѣ, очень любимой и уважаемой окрестнымъ населеніемъ, давно уже дѣлали разныя гадости и сыпали на нее лживыми доносами. Даже самый происшедшій съ нею несчастный случай мнѣ крайне подозрителенъ, но доказать ничего нельзя.

— Однако, если Милица отказала уже доблестнымъ кандидатамъ, дѣло значитъ разъяснилось.

— Не совсѣмъ. Они еще не просили графиню лично и у меня есть соображенія, что атака была отложена до твоего пріѣзда.

— Моего пріѣзда? Это забавно, — усмѣхнулся Кромскій и пожалъ плечами.

— Видишь ли, Ростиславъ Ивановичъ, тебя считаютъ, — справедливо или нѣтъ, — *либераломъ*, человѣкомъ, исполненнымъ „передовыхъ“ идей; кромѣ того, ты прибылъ изъ столицы, изъ самаго, такъ сказать, очага интернаціональной заразы, и потому надѣются, что ты внушишь твоей будущей женѣ безпристрастіе, которымъ долженъ быть исполненъ всякій *интеллигентный* человѣкъ. Разумѣется, я только подозрѣваю у нихъ такой планъ, но...

Вдругъ Деревнинъ разразился смѣхомъ и указалъ собесѣднику на аллею, ведущую къ террасѣ.

— Смотри, вонъ оба пріятеля уже шествуютъ, а потому будь готовъ къ штурму.

— Хорошо, а вонъ и Милица съ Екатериной Леопольдовной. Значитъ, силы сосредоточены и готовы къ бою,—со смѣхомъ отвѣтилъ ему Ростиславъ.

— Пусть пожалуютъ,—съ улыбкой отвѣтила Милица, когда ее посвятили въ дѣло, и сѣла рядомъ съ женихомъ, смотря на приближавшихся къ террассѣ.

Священникъ былъ человѣкъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія; загорѣлое, съ крупными чертами лицо было обрамлено темной бородой. Онъ былъ въ сѣрой коломенковой рясѣ

Digitized by Google

и изъ-подъ соломенной шляпы виднѣлись густые волосы, подстриженные гораздо короче, чѣмъ обыкновенно у духовенства.

Школьный учитель былъ маленькій, кривоногій и тощій человѣчекъ, рѣзкаго еврейскаго типа и съ хитрыми глазами.

Посѣтителей встрѣтили довольно холодно; священнику Милица, Кромскій и Деревнины подали руки, а учителю пришлось удовольствоваться кивкомъ головы, чѣмъ онъ, повидимому, ни мало не обидѣлся и скромно сѣлъ въ сторонкѣ.

Поздравивъ Милицу съ прибытіемъ жениха, священникъ сразу приступилъ къ интересовавшему его вопросу и въ горячей рѣчи сталъ расхваливать знанія, добросовѣстность, работоспособность и безкорыстіе, словомъ, всѣ добродѣтели своей кандидатки, которая оказывалась, по его словамъ, достойнѣе всѣхъ другихъ занять мѣсто, открывшееся послѣ несчастья съ бѣдной Ивановой.

— А что, эта особа—ваша родственница? Скажите, служила она гдѣ-нибудь раньше, какихъ она лѣтъ и гдѣ теперь находится?—спокойно спросила Милица.

Священникъ оживился.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, она мнѣ не родня. Но мой двоюродный братъ, студентъ-медикъ московскаго университета, очень рекомендовалъ ее мнѣ, а кромѣ того, г-жа Натансонъ можетъ представить похвальное удостовѣреніе отъ доктора Ривкина, у котораго служила въ его родовспомогательномъ заведеніи. Это дѣвушка двадцати восьми лѣтъ и проживаетъ пока у супруги г-на Кукермана. Если вы позволите, то она завтра же явится сама просить за себя.

— Она еврейка?—спросила Милица.

— Да, Лія Соломоновна израильтянка, но, я полагаю, что въ такомъ дѣлѣ, гдѣ главное значеніе имѣютъ знанія и опытность, національный и тѣмъ болѣе религіозный вопросъ не играетъ роли,—покраснѣвъ, отвѣтилъ отецъ Агафангелъ.

— Извините, батюшка, но для меня вопросъ національности имѣетъ первенствующее значеніе и я предпочитаю держать у себя моихъ соотечественниковъ.

— Но вѣдь русскіе израильтяне тоже ваши соотечественники или вправѣ, по крайней мѣрѣ, требовать, чтобы ихъ считали таковыми.

— Можетъ быть, но отъ меня они *требовать* ничего не могутъ и я ни мало не скрываю, что не питаю симпатіи къ евреямъ и еще тѣмъ менѣе довѣряю ихъ дѣятельности. По-

Digitized by Google

этому г-жѣ Натансонъ совершенно излишне безпокоиться приходить ко мнѣ: помѣщать у себя я ее не желаю.

— Ахъ, ваше сіятельство! Какъ можете вы, женщина высоко интеллигентная, руководствоваться такими несправедливыми и отсталыми воззрѣніями? Взгляните на мою кандидатку и разсудите сами. Я увѣренъ, что вы оцѣните познанія и высокое развитіе этой достойной особы и перемѣните ваше мнѣніе. Г-нъ полковникъ, — обратился онъ къ Кромскому, — поддержите меня передъ вашей невѣстой. Вы человѣкъ несомнѣнно „либеральный", прибывшій изъ центра, такъ сказать, прогрессивнаго движенія, и конечно, не раздѣляете столь несправедливыхъ воззрѣній Милицы Юрьевны на несчастный, угнетенный народъ, являющійся, тѣмъ не менѣе, у насъ смѣлымъ піонеромъ прогресса и свободы.

— Крайне сожалѣю, отецъ Агафангелъ, что не могу оправдать ваше доброе мнѣніе. Во-первыхъ, я никогда не стану вліять на рѣшенія моей невѣсты въ ея личныхъ дѣлахъ, а во-вторыхъ, живя въ Вильнѣ, я довольно насмотрѣлся на *„дѣятельность"* несчастнаго, якобы „угнетеннаго" народа и вынесъ очень неблагопріятное о немъ мнѣніе, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что истинные угнетатели это — жиды и что несчастное христіанское населеніе задыхается подъ ихъ жидовскимъ игомъ.

— Конечно,—вмѣшался Деревнинъ. — Да у насъ и такъ довольно жидовъ. Даже Окуловка—уже маленькая Палестина, не считая всѣхъ, такъ называемыхъ, странствующихъ торговцевъ и прочихъ „израильтянъ", подъ разными видами разъѣзжающихъ по селеніямъ, да фабрикамъ и проповѣдующихъ въ кабакахъ идеи, ничего общаго не имѣющія съ патріотизмомъ. Теперь вообще накинулись на крестьянство и развращаютъ его со всѣхъ сторонъ, а штундисты съ жидами идутъ словно рука объ руку, чтобы подорвать православіе и чувство народности. Я полагаю, батюшка, что давно пора вамъ начать дѣйствительно религіозныя собесѣдованія.

Священникъ былъ въ ярости, въ виду неудачи его ходатайства. Лицо покрылось красными пятнами, маленькіе глаза горѣли злобой и вся грубость невыдержанной натуры сказалась въ громкомъ, презрительномъ, дерзкомъ смѣхѣ, которымъ онъ встрѣтилъ слова Дмитрія Павловича.

— Ха, ха! Религіозныя собесѣдованія, на которыхъ я сталъ бы поучать свою паству уважать исправника, да почитать помѣщиковъ? Словомъ, увѣщевалъ бы оставаться послушнымъ стадомъ, которое можно стричь сколько угодно, такъ, что ли?

Digitized by Google

Нѣтъ-съ, достоуважаемый Дмитрій Павловичъ, прошло то время, когда „попъ“ былъ неразумнымъ и пассивнымъ орудіемъ административной тираніи. Свобода, процвѣтающая въ окружающихъ насъ странахъ, уже грядетъ; она должна обновить и Россію. Я же здѣсь для того, чтобы просвѣтить народъ, растолковать ему его права и требованія, которыя онъ вправѣ предъявить; а поэтому я считаю преступленіемъ внушать бѣдному люду обскурантныя, рабскія убѣжденія, полезныя лишь богатымъ, да чиновникамъ, жирѣющимъ отъ своего мздоимства. Да, наконецъ, наши крестьяне и рабочіе уже не прежній спокойный, покорный рабочій скотъ; они поняли свои человѣческія права и готовы защитить ихъ противъ деспотизма и алчности имущихъ классовъ. Къ тому же, какъ пастырь христіанской церкви, я не дерзну, подъ предлогомъ защиты Православія, проповѣдывать нетерпимость, расовую ненависть и тому подобные глупые предразсудки, которые ведутъ къ самымъ возмутительнымъ насиліямъ. Что мнѣ за дѣло до штундистовъ? Это такіе же люди, какъ и мы, и, вдобавокъ, гораздо нравственнѣе насъ. Вообще, я всею душою и всѣмъ помышленіемъ алчу часа, когда падутъ, наконецъ, цѣпи, сковывающія духъ человѣческій. Когда всѣ вѣроисповѣданія станутъ равны и не будетъ болѣе ни эллина, ни іудея, ни ужасающей имущественной разницы между согражданами.

— Вы сногсшибательный „либералъ“, почтенный отецъ Агафангелъ, и православная церковь вправѣ гордиться, если у нея много столь же ретивыхъ служителей, какъ вы, — насмѣшливо отвѣтилъ ему Кромскій.—А вашъ преосвященный знаетъ и одобряетъ благородную дѣятельность, которой вы отдались?

— Да-съ, знаетъ и одобряетъ, потому что это человѣкъ просвѣщенный, либеральный и терпимый, безъ всякихъ предразсудковъ, который и самъ работаетъ надъ обновленіемъ страны,—вызывающе отвѣтилъ священникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это для меня новость, чтобы служители извѣстнаго вѣроученія считали своимъ долгомъ какъ можно болѣе вредить ему. А можетъ быть вашъ почтенный архіерей таитъ замыселъ и вовсе уничтожить православіе, чтобы замѣнить его... хотя бы іудействомъ? — презрительно сказалъ Кромскій.

— Уничтожить православіе? Нѣтъ. А снять съ него бремя преобладанія, которое является отрицаніемъ основного начала въ христіанствѣ — равенства, — конечно! Въ нашъ про-

Digitized by Google

свѣщенный вѣкъ нельзя дѣлать изъ религіи темницу, въ коей исповѣдывающіе извѣстное вѣроученіе прикованы закономъ, какъ нѣкогда рабы къ своему клочку земли. Всякій долженъ имѣть право почитать Бога, какимъ ему угодно образомъ, и съ той поры, какъ исчезнутъ священники, проповѣдующіе нетерпимость, расовую ненависть и восхваленіе войны, не будетъ болѣе служителей Ваала и всѣ будутъ братьями...

— Вы не угадали своего призванія, батюшка! Вамъ бы не рясу имѣть, а тогу революціоннаго трибуна и фригійскій колпакъ. Но ваша миссія въ Россіи преждевременна,—презрительно сказала Милица.

— Повидимому, графиня, вы придерживаетесь прежняго патріотизма и не допускаете измѣненія устарѣлыхъ законовъ,— сладкимъ голоскомъ вмѣшался Кукерманъ.—А между тѣмъ, Россія всегда была, какъ бы, младшей сестрой окружающихъ ее просвѣщенныхъ народовъ и многое уже отъ нихъ заимствовала; поэтому можно ли удивляться, если ея передовые люди съ завистью глядятъ на великолѣпіе конституціоннаго устройства Англіи, или на широкую свободу, процвѣтающую въ Франціи, гдѣ не слѣпой случай рожденія, а личныя достоинства выдвигаютъ на вершину власти гражданина, свободно избраннаго цѣлымъ народомъ, хотя бы изъ самой скромной среды. Конечно, Россія еще не созрѣла для столь великихъ преобразованій, но жаждать ихъ, подготовлять молодежь и общественный духъ для неизбѣжныхъ реформъ и свободы, которая должна быть здѣсь,—развѣ это не долгъ каждаго преданнаго своей странѣ патріота?..

— А между такими патріотами вы, выроятно, считаете и себя, г-нъ Кукерманъ? Сознаюсь, что перспектива пробить дорогу отъ корчмы до Зимняго дворца крайне соблазнительна, но только русскихъ примѣромъ Франціи вамъ не заманить; стоитъ лишь вспомнить процессъ Дрейфуса, гнусную исторію Панамы и нынѣшнее правительство масонской шайки, упрочивающей будто бы величіе страны тѣмъ, что разстраиваетъ армію и флотъ, проповѣдуетъ дезертирство, поноситъ религію и грабитъ церковныя имущества. Нѣтъ, избави Богъ Россію и отъ этихъ *плодовъ просвѣщенія* и отъ людей, которые пожелали бы пересадить къ намъ всю нравственную и политическую гниль этой злосчастной страны,—негодующимъ тономъ сказала Милица.

— Да, и грустно, и стыдно смотрѣть, какъ служитель церкви поноситъ и презираетъ вѣру, въ которой выросъ, сѣетъ раздоръ и смуту и унижается до того, что становится слѣпымъ,

Digitized by Google

послушнымъ орудіемъ вражескихъ происковъ, направленныхъ на погибель его родины. Что къ этой цѣли стремятся жиды, меня нисколько не поражаетъ; еще со временъ Египта они неизмѣнно вносили въ каждую пріютившую ихъ страну раздоры, разложеніе и разореніе; но для *русскаго*—позорно быть въ союзѣ съ нашими злѣйшими врагами.

Кромскій всталъ, презрительнымъ взглядомъ смѣривъ попа-измѣнника своей вѣрѣ и народу.

Агафангелъ тоже поднялся, сдѣлавъ знакъ и Кукерману.

— Вы очень радикальны, г-нъ полковникъ, и нетерпимы къ противоположнымъ мнѣніямъ,—проворчалъ онъ сердито.—Что дѣлать! Каждый по своему понимаетъ благо своей страны: вы въ ненависти и угнетеніи всякой иной національности, я—въ терпимости, свободѣ и уваженіи къ человѣку, его знаніямъ и качествамъ, какого бы происхожденія и религіи онъ ни былъ. Въ виду того, что взгляды и мнѣнія выяснились и опредѣлились, я полагаю, Захаръ Абрамычъ, что не слѣдъ утруждать графиню просьбой, которую ты собирался изложить; она такъ же будетъ мало успѣшна, какъ и моя, и по той же причинѣ. Мое почтеніе.

Оба они неловко раскланялись и ушли.

— Постойте, канальи аристократическія!—злобно рычалъ Агафангелъ, когда они съ пріятелемъ ушли въ аллею.—Когда пробьетъ часъ освобожденія, тогда собьютъ вашу спесь, да запалятъ ваши роскошныя берлоги, выстроенныя изъ крестьянскаго, ворованнаго добра.

— Охъ, придетъ ли эта минута, когда и мы отвоюемъ себѣ подобающее мѣстечко на солнцѣ?—скромно вздохнулъ еврей, и по той неумолимой злобѣ, которая блеснула въ его хитрыхъ глазахъ, видно было, каково его смиреніе.

По ихъ уходѣ на террасѣ нѣсколько минутъ молчали.

— Ну что, не правъ я былъ?—замѣтилъ Деревнинъ.—Развѣ это не мерзавцы? Еслибы у нашего правительства была хоть тѣнь чувства долга, и само оно было смышленѣе, а не относилось къ странѣ злѣе всякаго внѣшняго врага, ихъ надо бы было пробрать какъ слѣдуетъ, выгнать отсюда прочь.

Ростиславъ сѣлъ и нетерпѣливымъ жестомъ провелъ рукой по лбу.

— Да, это ужасно, что дѣлается. Тамъ, въ виленскомъ округѣ, гдѣ поляки и жиды подали другъ другу руки, чтобы намъ вредить, революціонная пропаганда ведется, я знаю, почти открыто; но я не воображалъ, чтобы зараза проникла въ русскія губерніи и захватила даже священниковъ.

Digitized by Google

— Къ несчастью, попы вродѣ Агафангела уже не рѣдкость. Еще покойный отецъ Никандръ разсказывалъ мнѣ, какое ужасающее невѣріе и какая развращенность господствуютъ въ семинаріяхъ; а въ школахъ заражаетъ молодежь кишащее тамъ жидовство.

Кромскій поднялся съ мѣста и сталъ ходить по террасѣ.

— Вездѣ хорошо, куда ни взглянешь. На окраинахъ царитъ полное непониманіе государственныхъ интересовъ и продажность. Одна Польша, гдѣ еврейскій „Бундъ“ усиленно разжигаетъ революцію, поднесетъ въ одинъ прекрасный день такой орѣшекъ, который сразу и не раскусишь. Наша слѣпая дипломатія, съ халуйской угодливостью передъ западомъ, вѣчно идетъ на помочахъ у нашихъ враговъ и, одинъ Богъ знаетъ, какіе сюрпризы намъ готовитъ. А армія?

— Тутъ, кажется ты увлекаешься, армія у насъ чудная,— заступился Деревнинъ.

— Я ни минуты не сомнѣваюсь, что войска геройски выполнятъ свой долгъ, когда будетъ нужно; но вѣдь до того надо ихъ выучить, одѣть, обуть и накормить. Попробуй порыться въ этомъ и ты сразу наткнешься на воровство. А командный персоналъ? Всюду интриги, рутина, неспособность и халатность. Я не разъ пробовалъ открывать глаза, кому слѣдуетъ, и доказывалъ, что пора наконецъ взяться за дѣло. А мнѣ на это съ идіотской улыбкой отвѣчаютъ: „Вы ужасно безпокойный человѣкъ и вашъ „патріотизмъ“ заставляетъ васъ видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. Успокойтесь, все будетъ въ свое время, не раньше и не позже“. Мнѣ тогда стоило большого усилія удержаться, чтобы не плюнуть этому господину въ физіономію. Право, иногда во всемъ чувствуется чья-то предательская рука, упорно подготовляющая нашъ разгромъ.

— Да, да, — съ разстановкой, задумчиво сказалъ Деревнинъ.—Тамъ, наверху, думаютъ только о карьерѣ, да о наживѣ и ни мало не стыдятся, когда министерскій портфель прицѣпленъ къ грязнымъ юбкамъ какой-нибудь уличной блудницы, разыгрывающей затѣмъ роль рѣшительницы судебъ.

Появленіе лакея съ докладомъ, что чай готовъ, прервалъ разговоръ.

Позже, когда женихъ съ невѣстой остались одни, Кромскій взялъ руку Милицы и поднесъ къ губамъ.

— Я еще не сказалъ тебѣ великую новость про себя; меня ждетъ перемѣна служебнаго положенія, на которое ты, надѣюсь, согласишься.

Digitized by Google

— Если ты находишь его для себя подходящимъ, то я согласна заранѣе.

— Я покидаю военную службу.

— Что ты говоришь?

— Да, я перехожу въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ и назначаюсь вице-губернаторомъ въ юго-западный край. Мнѣ это устроилъ дядя Загаринъ, который въ отличныхъ отношеніяхъ съ министромъ, и я съ часу на часъ жду моего назначенія. И такъ, моя дорогая, придется пожить въ К.—скверномъ польско-жидовскомъ городишкѣ. Но, что дѣлать, надо поработать и для родины.

Милица поблѣднѣла.

— Ахъ, какое ты нехорошее время выбралъ для своего перевода. Ты самъ говорилъ, что тамъ, Богъ знаетъ, что дѣлается, а евреи, заодно съ поляками готовятъ революцію и можетъ даже вспыхнуть возстаніе; а съ этимъ вмѣстѣ, губернаторъ—старый, выжившій изъ ума нѣмецъ,—я это знаю,—и, такимъ образомъ, вся отвѣтственность падетъ на тебя. И это, какъ разъ, къ нашей свадьбѣ; я никогда не буду знать покоя. Прошу тебя, Ротя, не принимай этого назначенія. Мы, слава Богу, достаточно обезпечены и не нуждаемся въ такомъ рискѣ; а вѣдь я тебя знаю: ты захочешь, во что бы то ни стало, отстаивать русскіе интересы, бороться съ предательствомъ и въ результатѣ такой борьбы ты себѣ только сломаешь шею.

Ростиславъ нагнулся къ ней и строгимъ повелительнымъ взглядомъ заглянулъ ей въ глаза.

— Тебя-ли я слышу, Милица? Во-первыхъ, богата ты, а не я и стала-ли бы ты любить и уважать меня, увидавъ, что я—трусъ и лѣнтяй, сторонящійся отъ всякой серьезной дѣятельности, чтобы только веселиться съ пріятелями, пировать да бражничать и разглагольствовать на патріотическія темы, меча громъ и молніи, за высоты своего величія, на малодушную, бездѣятельную толпу? Нѣтъ! Чтобы имѣть право осуждать другихъ, надо самому выступить на арену и смѣло начать бой, а не беречь свою драгоцѣнную шкуру, не загораживаться и не любоваться нашимъ разгромомъ, сложа руки. Сохрани меня Богъ оказаться подобной тыквой, салоннымъ болтуномъ, все мужество котораго сводится къ тому, чтобы очаровывать дамъ пустыми, громкими фразами. Нѣтъ, я вѣрю въ тебя, Милица; ты—недаромъ дочь Юрія Михайловича, смѣлая, гордая женщина, которая не потерпѣла, будучи даже женой нѣмца, глумленія надъ національнымъ чувствомъ. Мое непоколебимое убѣжденіе, что ты для меня будешь надежной опорой въ труд-

Digitized by Google

ныя минуты. Затѣмъ, дорогая, для всякой человѣческой жизни есть предназначеніе, либо несчастное, либо счастливое. Коли мнѣ суждено погибнуть, я все равно погибну, какимъ бы то ни было образомъ, хотя бы просто случайно; а если мнѣ предстоитъ жить, никакая преступная рука меня не тронетъ. Наконецъ, неужели намъ, русскимъ, суждено всюду пятиться, открывая двери и окна иноземцамъ да предателямъ? Честный человѣкъ долженъ свято исполнять свой долгъ, а въ остальномъ положиться на Бога. Развѣ ты желаешь, чтобы я увеличилъ собою ряды героевъ „собственнаго спокойствія"?

Милица крѣпко пожала ему руку и ея лучистые глаза заблестѣли восторженно и смѣло.

— Ты правъ, Ротя; не прячься, а работай и дѣлай, что велитъ долгъ; я же постараюсь быть сильной и раздѣлю съ тобой всѣ опасности, потому что хочу быть достойной тебя. Теперь я хочу обратиться къ тебѣ съ просьбой: мнѣ не хочется, чтобы насъ вѣнчалъ противный Агафангенъ, а потому устрой, если можно, нашу свадьбу въ церкви Знаменскаго, гдѣ настоятелемъ старый о. Исидоръ.

— Я радъ, что предугадалъ твое желаніе и Дмитрій Павловичъ уже дѣло устроилъ на будущее воскресенье. А за твое обѣщанье спасибо отъ всего сердца,—отвѣтилъ Кромскій, горячо цѣлуя невѣсту.

XVI.

Теперь вернемся въ Креницу, къ тому времени, когда Беренклау, послѣ покушенія на самоубійство, былъ при смерти.

Слухъ о происшествіи разнесся быстро и привелъ въ волненіе провинціальное гнѣздо, вызывая нескончаемые пересуды и сплетни.

Когда прибылъ вызванный телеграммой старый графъ, то нашелъ уже баронессу Дауницъ съ дочерью у постели больного, который былъ въ горячечномъ состояніи и никого не узнавалъ.

Графъ Зигфридъ былъ въ полномъ отчаяніи, ухаживая за сыномъ; никогда Эгонъ не былъ ему такъ дорогъ, какъ теперь когда онъ каждую минуту могъ его потерять. Въ эти мучительные, тоскливые дни у смертнаго ложа, старый повѣса впервые почувствовалъ ребячество и пустоту своего безцѣльнаго существованія и горько упрекалъ себя, что не былъ около сына. Можетъ быть, его вмѣшательство, во-время сказанное

Digitized by Google

слово примиренія и помѣшало бы разрыву, удержавъ Милицу отъ необдуманнаго отъѣзда, а Эгона отъ покушенія.

Была ночь и графъ сидѣлъ у больного; ему удалось убѣдить баронессу съ дочерью пойти отдохнуть. Непомѣрное стараніе и заботы Вильмы его раздражали.

Онъ тревожно прислушивался къ тяжелому, порывистому дыханію сына, какъ вдругъ тотъ открылъ глаза и лихорадочнымъ, но вполнѣ сознательнымъ взглядомъ обвелъ тонувшую въ полутьмѣ комнату. Затѣмъ, горькое выраженіе мелькнуло на устахъ и глаза закрылись; отца онъ, казалось, не замѣтилъ. Черезъ нѣсколько минутъ рука больного нащупала повязку и попыталась ее сорвать, но быстро подскочившій графъ Зигфридъ успѣлъ во-время остановить.

— Бога ты не боишься, Эгонъ! Пожалѣй хоть стараго отца.

Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу раненаго, изъ груди вырвался глухой стонъ и рука опустилась на одѣяло; это усиліе словно утомило его, и онъ снова впалъ въ тревожное забытье.

Но все же молодой, мощный организмъ восторжествовалъ и вотъ, однажды утромъ, послѣ долгаго, укрѣпляющаго сна, Эгонъ открылъ глаза въ полномъ сознаніи, хотя онъ былъ все еще очень слабъ, и докторъ предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

Оставшись какъ-то съ глазу на глазъ съ отцомъ, молодой графъ воспользовался, чтобы спросить, увѣдомлена ли Милица и не вернулась ли она?

— Королина говорила мнѣ, что писала обо всемъ Матильдѣ, но отъ самой Милицы Юрьевны мы не имѣли извѣстій.

— Можетъ быть, она въ отсутствіи,—поспѣшилъ утѣшить отецъ, видя, что на лицѣ сына мелькнуло горькое, недовольное выраженіе.

Во весь остальной день больной не проронилъ ни слова, что крайне безпокоило графа; но на слѣдующее же утро онъ попросилъ отца вызвать повѣреннаго и поручить ему начать переговоры о разводѣ.

Графъ Зигфридъ сталъ было убѣждать не рѣшать окончательно, а главное, не торопиться въ такомъ важномъ вопросѣ, который слѣдовало зрѣло обдумать и серіозно обсудить.

— Не мучь меня возраженіями, отецъ. Я все обдумалъ, и мое рѣшеніе неизмѣнно,—отвѣтилъ на это Эгонъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.—Я не искалъ бы смерти, если бы жизнь не стала мнѣ невыносимой; но разъ неумолимая судьба повелѣваетъ мнѣ жить и я долженъ, изъ любви къ тебѣ, влачить

Digitized by Google

свое существованіе, такъ предоставь мнѣ устроить его по моему усмотрѣнію.

Старый графъ не возражалъ болѣе и переговоры о разводѣ были начаты къ глубокой, хотя и молчаливой радости Вильмы.

Выздоровленіе шло медленно; тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ прибывали силы раненаго, возстановлялось, какъ будто, и его обычное спокойствіе. Лишь въ минуты одиночества, вдали отъ посторонняго глаза, онъ давалъ волю своему безутѣшному горю. Самолюбіе его было жестоко оскорблено покинутіемъ и равнодушіемъ Милицы. Значитъ, она его никогда не любила, если даже въ такой страшный моментъ, когда онъ, благодаря ей же, очутился на краю могилы, она не вернулась ухаживать за нимъ, усладить его, можетъ быть, послѣднія минуты, сказать на прощаніе теплое слово утѣшенія, дать послѣдній поцѣлуй. Жестокая,—она сперва завоевала и поработила его, а потомъ бросила, какъ ненужную игрушку. Но самымъ ужаснымъ было сознаніе, что не смотря на свои душевныя раны и всѣ усилія, онъ не могъ вырвать изъ сердца роковую любовь къ женщинѣ, которой самъ вернулъ свободу, а эта свобода неизбѣжно приведетъ Милицу въ объятія другого.

Не меньше мучило его и безчестье матери, и подозрѣніе, пятнавшее его собственное происхожденіе. Воспоминаніе о той роковой случайности, отдавшей позорную тайну въ руки Милицы, обдавало его, словно кипяткомъ; иногда ему казалось, что онъ сходитъ съ ума отъ отчаянія. Но всѣ эти внутреннія бури разыгрывались втихомолку; наружно молодой графъ казался совершенно спокойнымъ и съ горячей любовью относился къ отцу, а теткѣ и кузинѣ выражалъ холодно-вѣжливую признательность за ихъ попеченія.

Онъ уже былъ въ состояніи ходить по комнатѣ, когда графъ Зигфридъ получилъ письмо отъ генерала Маркхольма. Съ неподдѣльной радостью, старый пріятель сообщалъ, что происшедшія въ Креницѣ событія вызвали полную реакцію въ пользу его сына; даже въ высшихъ сферахъ сожалѣли о томъ, что черезчуръ, можетъ быть, строго отнеслись къ неосторожнымъ проступкамъ молодой женщины, чуть не ребенка, и этимъ вызвали разрывъ, который едва не стоилъ жизни бравому офицеру. Словомъ, все разъяснилось. Эгонъ совершенно обѣленъ отъ всякаго соучастія въ происшедшихъ грустныхъ осложненіяхъ и полки дивизіи Маркхольма сочтутъ за честь имѣть графа въ своей средѣ; такимъ образомъ, пе-

Digitized by Google

реводъ его въ полкъ, расположенный въ Майнцѣ, будетъ сдѣланъ безъ промедленія, если только онъ самъ не передумалъ и не предпочитаетъ остаться въ своемъ полку.

Когда старый графъ передалъ ему письмо генерала, онъ почувствовалъ удовлетвореніе, но къ нему примѣшалось и чувство горечи; рана, нанесенная его самолюбію, была слишкомъ глубока, чтобы залечиться такъ легко.

Всѣ эти „товарищи", изъ которыхъ одни поспѣшили осудить, не зная его и не разобравъ дѣла, а другіе пошлыми выходками много способствовали его семейному разладу и довели Милицу до крайностей,—внушали ему отвращеніе. Не раздумывая долго, онъ самъ отвѣтилъ генералу, горячо благодаря его за неизмѣнное къ нему участіе и за сообщеніе пріятнаго, лестнаго извѣстія.

„Но, къ великому моему сожалѣнію, — заканчивалъ онъ свое письмо,—я не могу воспользоваться добрымъ согласіемъ гг. офицеровъ принять меня въ ихъ среду, и прошу ваше превосходительство передать имъ мою признательность. Потрясеніе, вынесенное моимъ организмомъ, будетъ еще долго чувствоваться и дѣлаетъ меня неспособнымъ къ военной службѣ; не менѣе тяжелый ударъ. перенесла моя душа, а для того, чтобы возстановить мое душевное равновѣсіе, мнѣ нужны одиночество и работа. Эти два условія я обрѣту, выйдя въ отставку, чтобы быть уже вполнѣ свободнымъ и отдаться всецѣло управленію Креницей".

Въ тотъ же день онъ послалъ въ полкъ рапортъ объ отставкѣ. Дня черезъ два, однако, самъ полковникъ фонъ-Рамбергъ пріѣхалъ навѣстить его, выразить ему сожалѣнія всего полка и горячо убѣждалъ взять раппортъ обратно. Графъ выразилъ полковнику и товарищамъ благодарность, за оказываемую честь, но продолжать службу отказался наотрѣзъ, утверждая, что чувствуетъ себя для этого слишкомъ слабымъ и больнымъ.

Слѣдовавшіе засимъ мѣсяцы текли однообразно. Хотя всякая опасность миновала, выздоровленіе шло страшно медленно; вѣчно хмурый и молчаливый, Беренклау старался быть одинъ и оживалъ лишь, когда дѣло касалось имѣнія. Отецъ его, вызванный дѣлами, уѣхалъ въ Берлинъ; баронессы Дауницъ тоже перебрались въ Каролиненгофъ, но Вильма часто навѣщала Креницу и продолжала разыгрывать „добраго генія", наблюдая за хозяйствомъ и совѣщаясь съ фрау Линдеръ о благополучіи выздоравливавшаго и разныхъ деликатессахъ, которыми можно было бы его угостить.

Digitized by Google

Графу эти нескончаемыя посѣщенія были въ тягость; но, стѣсняясь открыто выразить это своей кузинѣ, онъ сначала просто избѣгалъ ее и кончилъ тѣмъ, что пересталъ ее замѣчать. Тѣмъ менѣе обратилъ онъ вниманіе на пристальные, лукаво-насмѣшливые взгляды, украдкой бросаемые на него съ нѣкоторыхъ поръ Вильмой.

Послѣднее время онъ былъ особенно разстроенъ и грустенъ, что бывало съ нимъ всегда, когда какой-нибудь случай бередилъ его душевную рану. Вальнекъ, единственный изъ прежнихъ товарищей, съ которымъ графъ сохранилъ дружескія отношенія, передалъ ему, что домъ, купленный когда-то Милицей въ ихъ городкѣ, проданъ теперь по приказанію графини, а вся мебель идетъ съ аукціона. Это-то неожиданное извѣстіе оживило тысячи воспоминаній и усилило его мучительное, но властное чувство къ женѣ.

Вслѣдъ за симъ онъ получилъ письмо отъ повѣреннаго, который сообщалъ, что процессъ о разводѣ идетъ къ концу, и прилагалъ на подпись нужную бумагу. Графъ подписалъ и тотчасъ же отослалъ пакетъ; но лишь только лакей, уносившій письма, вышелъ за дверь, какъ онъ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Сознаніе, что послѣдняя, соединявшая его съ Милицей, связь порвана, мучительно отзывалось въ сердцѣ и будило ревность; ему дышалось съ трудомъ и болѣзненный вздохъ, не то стонъ вырвался изъ груди.

Поглощенный своими тоскливыми мыслями, графъ не замѣтилъ, какъ дверь безшумно пріотворилась и на порогѣ появилась Вильма. Страстнымъ, мрачнымъ и ревнивымъ взоромъ взглянула она на него и вдругъ лицо ея вспыхнуло. Она видимо колебалась, волнуясь и вздрагивая по временамъ; но наконецъ рѣшилась. Тихо крадучись, подошла она къ графу и опустилась на колѣни у его кресла, положивъ свою руку на его.

— Эгонъ, Эгонъ! Опять ты предаешься отчаянію и все изъ-за безсердечной, неблагодарной кокетки, которая никогда тебя не любила, не цѣнила и создала тебѣ цѣлый адъ,—тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ сказала она.—Попытайся же забыть ее. Взгляни вокругъ; можетъ быть, ты и замѣтишь преданное сердце, которое за райское блаженство сочтетъ возможность украсить твою жизнь, окружить тебя любовью и преданностью, будетъ счастлива исполнить малѣйшее твое желаніе и создать у твоего очага пріютъ мира и горячей привязанности.

При первыхъ ея словахъ, графъ выпрямился и вздрогнулъ

Digitized by Google

точно его разбудили; разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ онъ стоявшую на колѣняхъ кузину и ея смущенный, но страстный взглядъ, вымаливавшій его любовь. Затѣмъ, сознаніе его прояснилось и онъ вскочилъ.

— Вильма! Ты на колѣняхъ передо мной! Подумай, что ты дѣлаешь,—пробормоталъ онъ, поднимая ее насильно и сажая въ свое кресло.

Блѣдный и тяжело дыша, онъ въ первую минуту не могъ говорить отъ волненія и молча глядѣлъ на Вильму, которая сидѣла съ поникшей головой, нервно стиснувъ руки, словно ожидая свой приговоръ.

Овладѣвъ собой, графъ придвинулъ табуретъ и сѣлъ противъ нея.

— Прости мнѣ, дорогая Вильма, то, что я тебѣ скажу, но такъ велитъ мнѣ моя честь,—тихо, но твердо началъ онъ.— Я знаю, что ты меня любишь и глубоко признателенъ тебѣ за твою привязанность и заботы обо мнѣ, которыхъ не стою, потому что люблю тебя только, какъ сестру; всякое другое чувство во мнѣ умерло. Я никогда не женюсь, такъ какъ не желаю дѣлать несчастной ту, которая станетъ моей женой. Ты же, Вильма, достойна полнаго, глубокаго чувства и ты найдешь его, я въ этомъ увѣренъ. Меня ты забудешь и наступитъ минута, когда ты скажешь: спасибо, Эгонъ, что не воспользовался моей слабостью и не сдѣлалъ изъ меня экономку, не давъ мнѣ любви. То, что тебѣ кажется счастьемъ въ данную минуту, обратится впослѣдствіи въ адъ; для женщины слишкомъ тяжело быть только *терпимой* любимымъ человѣкомъ, а я ужъ больше любить не могу. Милица унесла съ собой мое сердце. Я буду работать и, со временемъ, обрѣту равновѣсіе; но я долженъ быть одинъ и не имѣю права приковывать къ себѣ другое существо.

Вильма вскочила и ея блѣдное лицо покрылось красными пятнами.

— Такъ вотъ твой отвѣтъ?—глухимъ, прерывистымъ голосомъ пробормотала она.—Ты отталкиваешь меня, ради этой вывезенной тобой изъ Россіи проходимки? И эту искательницу любовныхъ приключеній, женщину безъ принциповъ и чести, которая отравила твою жизнь и довела до самоубійства, ты все еще не можешь забыть? Ты не въ состояніи вырвать ее изъ твоего сердца? Изъ-за нея у тебя не хватаетъ силы полюбить другую, которая была бы твоей рабой и принадлежала бы тебѣ душой и тѣломъ? Мнѣ ты предпочелъ потаскуху, которая обманывала тебя, пока наконецъ не бросила?

Digitized by Google

Графъ всталъ и глубокая складка сложилась на лбу; голосъ его зазвучалъ гнѣвно и строго.

— Я не позволю *никому* — слышишь?—дурно отзываться объ Милицѣ; она не обманывала и не измѣняла, потому что не была способна на ложь. Насъ разлучили несчастныя обстоятельства, но я цѣню въ ней независимость ея мнѣній и ея гордую чистую душу, которая всегда была для меня открытой книгой. Еще скажу, что никогда не жаждалъ имѣть въ женѣ—рабу, и сколь ни прекрасно въ жизни человѣческой олицетвореніе добродѣтели и долга,—мнѣ этого недостаточно, и я предпочитаю недостатки, капризы и даже выходки Милицы.

Видя, что Вильма поблѣднѣла и зашаталась, онъ продолжалъ уже болѣе мягкимъ тономъ:

— Прости, что я высказываю тебѣ такія горькія истины. Я никогда бы себѣ этого не позволилъ, еслибы ты сама не вызвала этого объясненія; но я хотѣлъ разомъ рѣшить вопросъ, чтобы ты не лелѣяла несбыточныхъ надеждъ на будущее.

— О! Я тебя поняла,—внѣ себя, крикнула Вильма,—ты еще надѣешься, что *она* вернется? Такъ ты самъ не убаюкивай себя напрасными надеждами: мнѣ извѣстно, что она выходитъ замужъ за Кромскаго...

— Я это зналъ,—повелительно перебилъ ее графъ,—но не все ли равно? Ставши свободной, Милица вольна выходить замужъ, за кого вздумается, равнымъ образомъ и я, ставши свободнымъ, желаю такимъ остаться. Твои слова доказываютъ только, какъ трудно проявлять кротость, когда ревнуешь и когда требуешь того, на что не имѣешь даже никакого права. Что же было бы, еслибы у тебя оказались права на меня? Отчего вмѣсто погони за химерами, ты не хочешь быть разумной, Вильма, и отталкиваешь возможное счастье? Я знаю, что докторъ Роденъ тебя любитъ, это—вполнѣ порядочный человѣкъ, обладающій всѣми достоинствами ума и сердца, чтобы сдѣлать женщину счастливой. Выходи за него; новыя обязанности возстановятъ твое спокойствіе, а мужъ станетъ врачемъ твоей души.

Вильма стала пунсовой.

— Пожалуйста, не заботься о моемъ счастьѣ, я сама о немъ позабочусь. А ты, безумный оставайся вѣренъ твоей „казачкѣ“ и оплакивай ее до смерти; она сама отмстить за меня и докажетъ независимость своихъ взглядовъ. Ея „чистота“ готовитъ тебѣ сюрпризъ, которому я не завидую, но не желаю портить тебѣ его свѣжесть,—крикнула Вильма, вылетая, какъ ураганъ, изъ кабинета.

Digitized by Google

Изъ окна графъ видѣлъ, какъ она сбѣжала съ крыльца, бросилась въ свой шарабанъ и помчалась по дубовой аллеѣ; второпяхъ она даже забыла свою шляпу.

Когда экипажъ кузины исчезъ вдали, онъ облегченно вздохнулъ и презрительная усмѣшка мелькнула на лицѣ.

— Судьба—насмѣшница одному даетъ то, къ чему онъ равнодушенъ, и отнимаетъ у другого то, чего тотъ жаждетъ,— прошепталъ онъ, усаживаясь въ кресло.—Вильма клянчитъ мою любовь, Милица топчетъ ее ногами, а мое сердце изнываетъ по той, которая отъ меня отвернулась, отталкиваетъ ту, которая меня обожаетъ. Но что она подразумѣвала, говоря о какомъ-то сюрпризѣ, повидимому непріятномъ? Должно быть, это какая-нибудь грязная сплетня, которую она броситъ мнѣ при случаѣ.

Утомленный и взволнованный выдержанной сценой, графъ взялъ шляпу и вышелъ погулять; ему хотѣлось побыть одному и онъ пошелъ къ лѣсу. Живительный воздухъ и тишина, царившая подъ высокими вѣковыми деревьями, ободряюще на него подѣйствовали. Задумавшись, съ опущенной головой, онъ медленнымъ шагомъ шелъ по тропинкѣ, какъ вдругъ его собака, бѣжавшая впереди, громко залаяла. Беренклау поднялъ голову и увидалъ, что его Варъ съ лаемъ подходилъ къ сидѣвшей сбоку, на пнѣ, женщинѣ; рядомъ съ ней на землѣ лежалъ большой узелъ. Графъ отозвалъ собаку и взглянулъ на женщину, испуганно вскочившую съ мѣста и пытавшуюся взвалить на спину свою ношу. Это была старуха съ морщинистымъ лицомъ цыганскаго типа.

Ему стало жалко ея; вынувъ изъ кармана мелочь, онъ подалъ ей и затѣмъ пособилъ поднять узелъ.

— Какъ это ты, бабушка, таскаешь этакую тяжесть?

— Да вѣдь надо же кому-нибудь, а больше некому, господинъ хорошій. Богъ тебя благослови за твою доброту къ старухѣ,—отвѣтила она, принимая деньги, и, удержавъ руку графа въ своей, принялась разсматривать его ладонь.

— Брось, старая. Я не хочу гадать, да и не вѣрю въ гаданье,—сказалъ графъ, отнимая руку.

Цыганка подняла на него свои удивительно блестящіе и живые, не смотря дряхлое лицо, глаза и покачала головой.

— Такъ, такъ, теперь ты не хочешь гадать, потому что несчастенъ и сердце твое пронзено. Но не горюй: ты—богаче, чѣмъ думаешь, и скоро объ этомъ узнаешь; а все, что ты потерялъ, опять вернется. Это тебѣ старая Маріамъ говоритъ.

— Спасибо за предсказанье, бабушка; да только есть на

Digitized by Google

свѣтѣ вещи, которыя, если разъ утратишь, назадъ никогда не вернешь,—горько улыбнувшись, замѣтилъ Беренклау и далъ ей еще денегъ.

Послѣ длинной прогулки онъ поздно вернулся домой, усталый, и, послѣ обѣда, принялся разсматривать доставленную почту. Первымъ бросилось ему въ глаза письмо изъ Россіи со штемпелемъ „Екатеринославъ".

Онъ удивился и торопливо вскрылъ его, но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ посланіе Деревнина, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о рожденіи сына, мертвенная блѣдность покрыла его лицо и онъ откинулъ голову на спинку кресла. Новость обрушилась ему, какъ снѣгъ на голову.

— Господи Боже мой,—съ мучительной тоской прошепталъ онъ.—Ужели еще не полна чаша моего горя? Теперь, когда все кончено—стать отцемъ и быть навсегда лишеннымъ этого высшаго счастья.

Но тутъ же его охватило чувство глубокаго негодованія. Какъ посмѣла *она* скрыть отъ него такое важное обстоятельство? Да кто-жъ онъ, наконецъ, чтобы она рѣшилась такъ дерзко и жестоко издѣваться надъ нимъ и его священнѣйшими правами? Она, должно быть, побоялась, что онъ не вернетъ ей свободу и помѣшаетъ выйти за другого, узнавъ, что она въ интересномъ положеніи.

— Погоди, я еще себя покажу; ты ошиблась, если вообразила, что я оставлю тебѣ сына. Основываясь на ея недостойномъ поведеніи, я потребую немедленно ребенка, чтобы она не воспитывала въ немъ моего врага,—пробормоталъ графъ, берясь за перо.

Онъ тутъ же набросалъ негодующее письмо, полное тяжкихъ обвиненій, въ силу которыхъ требовалъ, чтобы Милица немедленно вернула ему сына, если желаетъ избѣжать суда, на которомъ онъ уже стѣсняться не будетъ.

Къ счастью, письмо могло быть отправлено лишь на слѣдующій день; а въ теченіе длинной, безсонной ночи, разсудительная натура одержала верхъ; онъ все зрѣло обдумалъ и, несмотря на разныя тягостныя мысли, толпившіяся въ его измученной головѣ, пришелъ къ утѣшительному рѣшенію. У него былъ сынъ, было существо, для котораго стоило жить и работать, которое давало цѣль его разбитому существованію и воспитанію котораго онъ отдастся душой и тѣломъ; а требовать къ себѣ ребенка теперь же было опасно для самого крошки: если не отказаться отъ управленія имѣньемъ, то все равно придется оставлять его цѣлыми днями на наемныхъ

Digitized by Google

рукахъ; а главное, это лишитъ его незамѣнимаго материнскаго ухода.

Онъ разорвалъ писанное наканунѣ письмо; но все же его глаза гнѣвно сверкали и губы нервно вздрагивали, пока изъ подъ его пера выходили холодныя, обидныя выраженія, глубоко оскорблявшія Милицу.

Теперь онъ понималъ намеки Вильмы на измѣну Милицы; она, стало быть, разнюхала какъ-нибудь про беременность графини и, въ своей злобѣ, приписала ее измѣнѣ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ презрѣніе и отвращеніе къ своей кузинѣ,— и сознаніе того, что онъ ее долго не увидитъ, его нѣсколько утѣшило.

Дѣйствительно, прошло болѣе трехъ недѣль, а отъ тетки не было никакихъ извѣстій.

— Извѣстно-ли графу, что Королиненгофъ продается?— спросила его однажды фрау Линдеръ, подавая ему счета.

— Нѣтъ. Да правда-ли это?

— Сегодня утромъ я встрѣтила кое-кого оттуда. Тамъ идетъ укладка, а часть меблировки уже отослана въ Берлинъ, куда переѣзжаетъ баронесса.

Извѣстіе объ отъѣздѣ тетки его крайне обрадовало. Сообразивъ, онъ рѣшилъ купить Каролиненгофъ, поля и луга котораго были-бы очень полезны Креницѣ.

При посредствѣ повѣреннаго, сдѣлка была кончена и баронесса фонъ-Дауницъ, къ великому неудовольствію, слишкомъ поздно узнала, что покупщикомъ оказался племянникъ.

Не теряя времени, графъ переселился въ новую усадьбу.

Въ Креницѣ все слишкомъ напоминало ему прошлое, всюду виталъ образъ Милицы, на каждой вещи лежалъ, словно, отпечатокъ ея самой, а его сердечная рана не закрывалась и болѣла. Теперь все измѣнилось. Комнаты графини, его матери, опустѣли и были заперты; холщевые чехлы снова закрыли стѣны и обстановку *рококо*.

Въ новомъ домѣ, обставленномъ съ чисто пуританской простотой, уже ничто, по крайней мѣрѣ наружно, не напоминало хозяину его развѣянныхъ грезъ любви.

Беренклау уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ Каролиненгофѣ и работалъ, что называется, съ остервенѣніемъ, чтобы заглушить осаждавшія его докучныя воспоминанія и ревность. Когда отецъ, дважды навѣщавшій его, упрекалъ сына въ переутомленіи, тотъ, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Я хочу сдѣлаться милліонеромъ.

Большую радость доставило ему посѣщеніе его крестнаго

Digitized by Google

отца, князя Раковица, извѣстнаго дипломата и друга ихъ семьи.

Пробывъ года три внѣ Европы, онъ поверхностно зналъ про женитьбу графа. И вотъ, какъ-то идя вдвоемъ, онъ спросилъ, не будетъ-ли Эгону слишкомъ тяжело посвятить его въ эту, столь различно толкуемую исторію.

— Съ Зигфридомъ объ этомъ говорить нельзя; онъ тотчасъ вспыхиваетъ, какъ порохъ,—прибавилъ князь.

Беренклау описалъ ему коротко все, что случилось, а затѣмъ показалъ портретъ Милицы, и князь пришелъ въ восторгъ.

— Ахъ, какое очарованіе! Настоящій мотылекъ! Неужели только патріотизмъ этого ребенка могъ все испортить? Не полюбить Германіи? Чортъ возьми, вотъ такъ женщина! И какъ это ты, такой красивый малый, не съумѣлъ перемѣнить ея воззрѣнія?

— Мои соотечественники постарались поселить въ ней отвращеніе ко всему нѣмецкому,—отвѣтилъ графъ, хмуря брови, и разсказалъ сплетни и пошлыя выходки общества противъ Милицы.

— Это глупо! Но ты тоже хорошъ, заперевъ эту прелестную женщину, воплощенное изящество, въ вашъ здѣшній Krähennest. А тебѣ дѣйствительно не повезло, коли ты попалъ именно на такую же патріотку, потому что, въ этомъ отношеніи, она, конечно, является рѣдчайшимъ исключеніемъ среди русскихъ. Въ продолженіе моихъ многолѣтнихъ скитаній, я еще не видалъ народа, у котораго до такой степени было бы атрофировано *національное сознаніе*. Это справедливое и законное, для каждой другой націи, чувство совершенно отсутствуетъ у русскихъ; съ какимъ презрѣніемъ, вообще говоря, они относятся ко всему родному, какъ оплевываютъ его и надъ нимъ глумятся!.. Никому въ Россіи такъ плохо не живется, какъ русскому, никто такъ не безправенъ, какъ онъ, ничьи интересы не топчутся въ грязь съ наглой беззастѣнчивостью, какъ интересы чисто русскихъ людей. Вся администрація набита инородцами, обнаглѣвшими до того, что забыли даже, какъ надо вести себя въ *чужомъ* домѣ, безнаказанно расхищающими народное добро и работающими... смѣшно сказать—*pour le roi de Prusse*, либо въ пользу Англіи; на права русскихъ они давно махнули рукой. А всего удивительнѣе, что никто противъ этого не протестуетъ, никто не добивается своихъ правъ и даже не пытается произвести распорядокъ у

Digitized by Google

себя дома. Ну, право, это русскіе—несчастнѣйшій въ мірѣ народъ.

— Такъ что-жъ! Намъ, нѣмцамъ, не приходится на это жаловаться; отъ подобнаго порядка вещей мы несомнѣнно выиграемъ,—усмѣхнулся Беренклау.

— Еще бы! Польшу мы сорвемъ, какъ спѣлое яблочко, а балтійскія провинціи сами придутъ къ намъ въ руки.

— А правда-ли, крестный, что въ Берлинѣ собираются преградить наплывъ русской молодежи въ наши школы? Это была-бы прекрасная и разумная мѣра, потому что русское юношество очень испорчено.

— Гм! Мало сказать *испорчено*! Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и изучавшій постановку образованія въ Россіи, увѣрялъ меня, что въ большинствѣ это настоящіе невѣжды, кретины и лѣнтяи, не признающіе никакой дисциплины, въ которыхъ замерло всякое сознаніе долга, относительно семьи и родины, которые вопятъ объ уравненіи съ ними въ правахъ своихъ душителей—жидовъ, и съ ними ведутъ дружбу. Естественно, что въ нашихъ университетахъ не пожелали имѣть такихъ паршивыхъ овецъ; да и что, кромѣ вреда, можетъ внести эта разнузданная, жалкая молодежь въ среду нашего работящаго, дисциплинированнаго и патріотичнаго юношества?

— Въ этомъ ты, разумѣется, вполнѣ правъ и нѣтъ презрѣннѣе негодяя, смѣющаго оплевывать и позорить свою родину; однако, я убѣжденъ, что той ржавчиной, о которой ты говорилъ, изъѣдены лишь верхи русскаго общества, а прочая масса русскихъ энергична и патріотична и, когда-нибудь, встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родной страны. Милица—лучшее доказательство моихъ словъ и какъ она устойчива въ своемъ патріотизмѣ. По правдѣ говоря, я всегда уважалъ въ ней это чувство и мнѣ очень больно, что съ ней у насъ такъ грубо обошлись.

— Да, несомнѣнно, для тебя все это приняло дурной оборотъ и, конечно, здѣсь могли бы быть гораздо мягче къ такому очаровательному ребенку. Но неужели зло непоправимо? Зигфридъ сказывалъ мнѣ, что у васъ родился сынъ; а ребенокъ есть та мистическая связь, которая, можетъ быть, и возстановитъ миръ между отцомъ и матерью.

Беренклау отрицательно покачалъ головой.

— Ребенокъ, это—моя надежда и цѣль въ жизни, но мать потеряна навсегда. У меня есть основанія предполагать, что

Digitized by Google

въ данное время, она уже замужемъ за своимъ другомъ дѣтства, полковникомъ Щепинъ-Кромскимъ.

Раковицъ ничего ему на это не отвѣтилъ и перемѣнилъ разговоръ.

XVII.

Свадьба Милицы и Ростислава прошла очень скромно, въ самомъ тѣсномъ кругу. Хотя молодая чувствовала себя счастливой, но будущее внушало ей смутный страхъ.

Уже двѣ недѣли послѣ свадьбы спокойствіе медоваго мѣсяца было нарушено полученіемъ извѣщенія о назначеніи Кромскаго к—мъ вице-губернаторомъ. Вмѣстѣ съ этимъ пришло письмо отъ стараго князя Загарина, который совѣтовалъ Ростиславу какъ можно скорѣе отправляться къ мѣсту служенія, потому что губернаторъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, сильно нуждался въ молодомъ помощникѣ. Кромскій рѣшилъ ѣхать черезъ недѣлю, чтобы позаботиться о квартирѣ, а Милица должна была послѣдовать за нимъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Первое полученное отъ мужа письмо проникнуто было грустью и разочарованіемъ; но Милица приписала тоскливое настроеніе мужа отсрочкѣ ея отъѣзда, вызванной неизбѣжной передѣлкой единственной въ городѣ подходящей квартиры. Наконецъ, мѣсяца черезъ два она прибыла въ К.

Милицу поразило, что Ростиславъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ; это ее встревожило. Оставшись съ мужемъ вдвоемъ, она спросила его: не боленъ-ли онъ?

— Нѣтъ, я только усталъ, потому что работы у меня сверхъ головы и, долженъ сознаться, работы скверной, на которой всегда болѣешь душой и совѣстью,—отвѣтилъ Ростиславъ, порывисто швыряя папироску.—Сколько злоупотребленій—прямо ужасно: все куплено и все продано, а во главѣ этой мерзости,—стыдно сознаться,—мой достойный *шефъ*. Онъ старъ и боленъ, но свой постъ обратилъ въ какую-то синекуру; и вмѣсто того, чтобы уступить мѣсто болѣе молодымъ силамъ, онъ сиднемъ сидитъ, потому что у него есть „связи“, а еще потому, что онъ человѣкъ *удобный* и *вѣрный*, который никогда не стѣснитъ тѣхъ, которыхъ не слѣдуетъ стѣснять. Мнѣ не довѣряютъ и я окруженъ интригами, потому что слишкомъ ясно все вижу; меня даже не рискуютъ купить. У меня уже было столкновеніе съ губернаторомъ по поводу цѣ-

Digitized by Google

лаго ряда гадостей, чинимыхъ жидами съ поляками одному православному приходу, и когда я, изложивъ дѣло, выразилъ мнѣніе, что необходимо дать энергичный отпоръ этимъ нахаламъ, онъ на меня руками замахалъ.

— „Ради самого неба, поменьше ненужнаго патріотизма! У насъ тутъ полное спокойствіе. Къ чему вызывать неудовольствіе и безпорядки, а можетъ быть даже мщеніе со стороны тѣхъ же жидовъ и поляковъ? Это только мнѣ повредитъ, да и вамъ тоже".

— „Однако, ваше превосходительство, русскіе жалуются вездѣ на свое невыносимое положеніе и притѣсненія со стороны инородцевъ",—замѣчаю ему я.

— „Пусть себѣ говорятъ, что угодно, а вы не обращайте вниманія. Русскіе—очень неуживчивые люди и всегда чѣмъ нибудь недовольны".

— Ты понимаешь, какъ пріятно имѣть дѣло съ такимъ мудрымъ праведникомъ.

— Милый, не волнуйся! Ты молодъ, полонъ силъ, горячъ, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, видишь все въ черномъ цвѣтѣ,—примиряюще замѣтила Милица.

— Что ты говоришь? Нѣтъ такихъ черныхъ чернилъ, чтобы нарисовать то, что творится здѣсь, клянусь тебѣ! Государственное дѣло здѣсь продано и предано. На *русское* направленіе смотрятъ, какъ на преступленіе противъ „цивилизаціи"; наглость жидовъ и поляковъ переходитъ всѣ границы и я попрошу тебя быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ, потому, что мы окружены доносчиками. На дѣлѣ еще хуже. Здѣсь есть тайное еврейское общество, подъ названіемъ „Бундъ", и я открылъ, что эти господа завели свою типографію, гдѣ печатаются возмутительнѣйшія прокламаціи и распространяются затѣмъ повсемѣстно; но когда я доложилъ объ этомъ нашему „помпадуру" и замѣтилъ, что необходимо произвести обыскъ и захватить главарей шайки, онъ былъ внѣ себя. Онъ не посмѣлъ, конечно, отказать мнѣ; тѣмъ не менѣе, когда полиція явилась на мѣсто—все исчезло, и у меня есть данныя предполагать, что самъ г-нъ губернаторъ изволилъ предупредить жидовъ о грозившей имъ опасности.

— Это возмутительно. Однако, я предвижу, что наша жизнь здѣсь будетъ не изъ пріятныхъ,—полусмѣясь, полугрустно замѣтила Милица.

Мужъ обнялъ ее и сказалъ въ утѣшеніе, что если ужъ станетъ очень невыносимо, то онъ уйдетъ на другое мѣсто, и постарался перемѣнить разговоръ.

Digitized by Google

Предвидѣніе Милицы, что пребываніе ихъ въ К. будетъ не изъ пріятныхъ, исполнилось довольно скоро.

Въ домашней жизни она была вполнѣ счастлива; Ростиславъ ее обожалъ, и ничто не смущало гармоніи ихъ отношеній, а чисто отцовская привязанность къ маленькому Юрію ее трогала и вызывала чувство благодарности.

Зато общество, въ которомъ приходилось вращаться, ей крайне не нравилось, за изъятіемъ очень тѣснаго кружка, который она себѣ составила. Въ широко гостепріимномъ домѣ Кромскихъ бывало не мало поляковъ, съ которыми они знакомились у губернатора, но, не смотря на ихъ вѣжливость и предупредительность, Милица не довѣряла имъ, инстинктивно чувствуя всю ихъ лживость, враждебность и даже ненависть, таившіяся подъ маской угодливости. А что особенно тревожило Милицу, такъ это та непрестанная борьба, которую продолжалъ вести Ростиславъ съ своимъ начальникомъ, пристрастіе и услужливость котораго передъ жидами и поляками и пренебреженіе русскихъ интересовъ глубоко возмущали Кромскаго.

Всѣ его старанія оградить своихъ соотечественниковъ были систематически подрываемы, а смѣлость инородцевъ, чувствовавшихъ поддержку и покровительство властей, которыя обезпечивали имъ полную безнаказанность, возростала день ото дня.

Русское населеніе, хоть и возмущалось несправедливостями, но пока молчало, будучи увѣрено, что всегда окажется неправымъ при столкновеніи съ баловнями губернской администраціи; однако все новые и новые факты только подогрѣвали это глухое возбужденіе.

Такъ, напримѣръ, русскій булочникъ поселился въ одномъ изъ наиболѣе оживленыхъ кварталовъ города, къ великому неудовольствію евреевъ, захватившихъ исключительно всю торговлю хлѣбомъ въ свои руки.

Несмотря на тайныя и открытыя нападки, торговецъ держалъ себя молодцомъ и даже пріобрѣлъ себѣ обширный кругъ покупателей, въ томъ числѣ и Кромскихъ. Тогда евреи порѣшили уничтожить его. Въ одну прекрасную ночь въ булочной вспыхнулъ пожаръ и весь домъ сгорѣлъ до тла.

Энергичнымъ разслѣдованіемъ подъ наблюденіемъ Ростислава, было установлено, что евреевъ видѣли по близости дома съ пуками соломы, а одинъ жиденокъ даже былъ пойманъ булочницей въ тотъ моментъ, когда поливалъ керосиномъ заборъ, но затѣмъ ловко свалилъ ее и самъ удралъ.

Digitized by Google

Однако, обвиняемые въ поджогѣ были отправданы, будто бы за отсутствіемъ доказательствъ; а на булочника возведено было обвиненіе въ томъ, что свой домъ онъ поджогъ самъ, съ цѣлью полученія страховой премін. Въ концѣ концовъ несчастный уѣхалъ изъ города разоренный, чуть не нищимъ.

Мѣсяца два спустя, случилось иное происшествіе, ближе затронувшее Милицу и вызвавшее большое неудовольствіе въ вице-губернаторскомъ домѣ.

Проѣздомъ въ Дембовку, къ матери, Китти гостила съ недѣлю у Милицы.

Какъ-то утромъ, Деревнина отправилась за покупками въ городъ; но каково же было изумленіе Милицы, когда ея кузина вернулась домой въ слезахъ; платье ея было все въ грязи и испорчено, а съ самой случился нервный припадокъ.

А съ ней приключилось вотъ что: войдя въ одинъ изъ большихъ магазиновъ, Китти стала выбирать матеріи, какъ вдругъ замѣтила исчезновеніе маленькаго мѣшечка со ста рублями, положеннаго около себя на прилавокъ. Встревоженная, она стала искать кругомъ и объявила о пропажѣ мѣшка съ деньгами; но хозяева магазина—евреи—возмутились и принялись ругать Китти, говоря, что та—мошенница, ищетъ то, что никогда не теряла и только бросаетъ тѣнь на ихъ магазинъ. Прикащикъ и нѣсколько покупателей приняли сторону несправедливо обиженныхъ хозяевъ; ругань и оскорбленія сыпались дождемъ, а такъ какъ возмущенная Китти продолжала стоять на томъ, что ее обокрали, то жидъ схватилъ ее за мантилью, вышвырнулъ вонъ изъ магазина, причемъ та споткнулась и полетѣла въ грязь. На крикъ быстро сбѣжалась толпа жидовъ и гиканьемъ, свистомъ, да прибаутками встрѣтила паденіе Китти.

Взбѣшенный Ростиславъ позвалъ полиціймейстера и приказалъ принять мѣры къ отысканію украденнаго мѣшка и вора, прибавивъ, что будетъ жаловаться въ судъ на дерзкаго жида, посмѣвшаго оскорбить его родственницу. Часа черезъ два мѣшокъ былъ уже найденъ, будто бы у входной лѣстницы, гдѣ, должно быть, его и обронили, а самъ жидъ—хозяинъ, покорный какъ собака, явился съ извиненіями. Онъ не подозрѣвалъ, что „пани“—родственница вице-губернатора, а вспылилъ потому, что не разъ уже бывалъ жертвой подобнаго рода шантажа и подвергался несправедливымъ обвиненіямъ.

Китти, съ своей стороны, тоже просила прекратить дѣло, но тѣмъ не менѣе вечеромъ въ окно гостиной былъ брошенъ

Digitized by Google

камень, къ счастью никого не задѣвшій; но Милица съ гостьей были очень испуганы звономъ разбитыхъ стеколъ и паденіемъ статуэтки; виновный же такъ и остался неизвѣстенъ.

Такъ проходило время, пересыпанное, хотя и не важными, но все же непріятными происшествіями. Кромскій уже два года служилъ въ К., упорно и ловко отстаивая забытые *русскіе* интересы, которымъ неизмѣнно отводилось послѣднее мѣсто. Среди русскихъ онъ съ женой пользовались большой популярностью, но поляки на нихъ косились, а еврейство такъ положительно ихъ ненавидѣло. Не разъ уже онъ получалъ анонимныя письма съ совѣтами убираться прочь и сопровождаемыя угрозами. Но Ростиславъ бросалъ всѣ эти посланія въ печку и ни на волосъ не измѣнялъ намѣченному образу дѣйствій; страхъ былъ ему чуждъ, а въ томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ, сдѣлокъ съ совѣстью онъ не допускалъ.

Милица, встревоженная этой глухой борьбой, которая могла вредно отозваться на здоровьи мужа, много разъ просила его бросить мѣсто, или хотя бы хлопотать о переводѣ, въ виду того, что его старанія не увѣнчиваются успѣхомъ. Но Ростиславъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, утверждая, что если всѣ честные люди уйдутъ, русскіе окончательно падутъ духомъ, останутся уже безъ всякой защиты на произволъ окружающихъ враговъ.

Былъ чудный осенній день и Милица съ мужемъ, въ сопровожденіи Юрія, которому было уже около трехъ лѣтъ, вышли на прогулку. Въ виду узкости тротуара мальчикъ съ няней шелъ впереди, а за ними уже шли Милица и Ростиславъ, держа на цѣпочкѣ собаку. Остановясь у магазина, Кромскій вошелъ внутрь, а Милица осталась у двери снаружи и взяла собаку, а ребенокъ съ Марфой Сидоровной медленно подвигались впередъ.

Въ это время имъ на встрѣчу быстро съ озабоченнымъ видомъ шелъ щегольски одѣтый молодой человѣкъ, рѣзкаго семитическаго типа. Задравъ гордо голову, онъ дерзко расталкивалъ попадавшихся на пути прохожихъ. Милица вспыхнула, увидавъ, какъ этотъ нахалъ грубо пихнулъ локтемъ Марфу Сидоровну, и собиралась уже сама посторониться, но тотъ уже былъ подлѣ нея и такъ ее толкнулъ, что она потеряла равновѣсіе, не удержалась и упала на колѣни въ широкую канавку, окаймлявшую тротуаръ и наполненную грязью послѣ прошедшаго утромъ дождя.

Digitized by Google

Въ эту минуту изъ магазина вышелъ Кромскій и видѣлъ происшедшее. Въ два прыжка догналъ онъ улепетывавшаго нахала, и схвативъ его за шиворотъ, сталъ трясти и осыпать ударами бывшей въ рукѣ собачьей плетки. Цилиндръ еврея слетѣлъ на землю, а самъ онъ заоралъ благимъ матомъ и старался высвободиться, но въ эту минуту Кромскій швырнулъ его въ канаву, изъ которой успѣла выбраться Милица, и тотъ растянулся во весь ростъ, окунувшись съ головой въ грязь. Внѣ себя, онъ выкарабкался и разразился потокомъ ругани. Кругомъ стала собираться толпа зѣвакъ.

Въ толпѣ оказались солдаты, русскіе крестьяне и много евреевъ; съ обѣихъ сторонъ сыпалась брань, угрозы, и вѣроятно дѣло закончилось бы общей свалкой, еслибы не подоспѣла во-время полиція. За это время подошедшіе офицеры помогли Кромскому съ семьей выбраться изъ толпы и дойти до дома знакомыхъ, куда за ними пріѣхалъ экипажъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Кромскаго позвалъ къ себѣ губернаторъ, встрѣтившій его очень сухо.

— Что это вы, Ростиславъ Ивановичъ, *manu propria* бьете евреевъ на улицѣ? Я сейчасъ получилъ жалобу присяжнаго повѣреннаго Лаузонъ, обвиняющаго васъ въ насиліи: вы его жестоко исколотили, подбили глазъ и бросили въ канаву.

Ростиславъ вспыхнулъ.

— Вамъ не такъ доложили, ваше превосходительство. Лаузонъ посмѣлъ столкнуть мою жену въ канаву, откуда ужъ проходящіе помогли ей выбраться: у меня на это есть десятка два свидѣтелей. Такую наглость со стороны пархатаго жида я не потерплю; да и вы, я думаю, поступили бы такимъ же образомъ, коснись дѣло вашей семьи.

— А, а! Я, дѣйствительно, не зналъ, что онъ оскорбилъ вашу супругу; это мѣняетъ обстоятельство и я надѣюсь замять это дѣло. Но всетаки, было бы лучше обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ закону, а не давать воли рукамъ.

Кромскій презрительно улыбнулся.

— Наша Ѳемида давно ходитъ безъ повязки и настолько пристрастна къ евреямъ, что христіанину трудно добиться удовлетворенія, а потому я рѣшилъ уже самостоятельно покарать виновника. Нахалъ получилъ то, что заслужилъ, за то въ другой разъ будетъ осторожнѣе. Жаловаться онъ можетъ, сколько угодно; но вѣдь, я полагаю, вы не потребуете отъ отъ меня, чтобы я передъ нимъ извинился?

— А, кто про это говоритъ,—возразилъ губернаторъ.—Я понимаю, что вы дѣйствовали въ запальчивости, и устрою

Digitized by Google

дѣло. Но вы, всетаки, ужасно непокладливый, ядовитый человѣкъ; я совѣтую вамъ быть осторожнымъ, пока вы останетесь за меня. Я получилъ уже разрѣшеніе на отпускъ и послѣ завтра уѣзжаю. Поэтому прошу васъ, въ мое отсутствіе, избѣгать всякихъ столкновеній съ евреями. Они буйны и задорны но, право, не злы; тогда какъ русское населеніе дико и кровожадно и всегда ихъ задираетъ. Въ случаѣ, если возникнутъ безпорядки, направленные противъ миролюбиваго еврейскаго населенія, прибѣгните въ огражденіе его къ вооруженной силѣ; пусть въ губерніи знаютъ, что всякая попытка къ буйству и грабежу наказывается по всей строгости законовъ.

— Такъ вы желаете, чтобы малѣйшее возмущеніе населенія противъ жидовъ было строго подавляемо и чтобы оскорбленія со стороны евреевъ національнаго и религіознаго чувства христіанъ были выносимы въ молчаніи? Но увѣрены ли вы, ваше превосходительство, что народное долготерпѣніе не истощилось уже? А между тѣмъ, вызовы сыплются чуть не ежедневно. Не далѣе, какъ вчера, въ первой гимназіи жиденокъ сорвалъ и уничтожилъ портретъ государя, оскорбилъ учителя, а на кладбищѣ оказалось много поломанныхъ крестовъ. Смѣю васъ увѣрить, что все это можетъ очень скверно кончиться.

Губернатору было не по себѣ.

— Все это совершенно справедливо, но вѣдь евреи задираютъ исподтишка, и виновные остаются всегда неразысканными, а христіане собираются тотчасъ толпами и начинаютъ громить и убивать невинныхъ.

— Преступники изъ евреевъ остаются неразысканными потому, что у нихъ сообщники вездѣ, въ каждой лавченкѣ и въ каждомъ домѣ. Но, разъ вы требуете, то въ случаѣ безпорядковъ, я буду нейтраленъ и не сдѣлаю ничего, что могло бы не понравиться вашему превосходительству и жидамъ, а въ остальномъ умываю руки.

— Отлично, Ростиславъ Ивановичъ, держитесь въ сторонѣ. Вы еще слишкомъ молоды и горячи, чтобы относиться къ событіямъ спокойно, а въ случаѣ какого-нибудь происшествія предоставьте дѣйствовать полиціймейстеру. Онъ—человѣкъ опытный и сразу прекратитъ безпорядки.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ съ отъѣзда губернатора, и въ городѣ было тихо. Насталъ день крестнаго хода, совершавшагося ежегодно въ память избавленія отъ холеры и собиравшаго обыкновенно толпы богомольцевъ.

Процессія обошла кругомъ города и вышла на соборную

Digitized by Google

площадь, какъ вдругъ изъ какого-то еврейскаго дома раздался выстрѣлъ и пуля разбила стекло въ кіотѣ большого образа Николая Чудотворца; въ тоже время посыпавшимся градомъ камней былъ раненъ священникъ и нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ съ нимъ рядомъ.

Въ толпѣ произошло замѣшательство, затѣмъ раздались негодующіе крики.

— Жиды оскорбляютъ святыни!

Пока духовенство и причтъ торопливо уходили въ соборъ, толпа съ криками ринулась на жидовскіе дома, разбивая двери и окна въ лавкахъ и безпощадно избивая каждаго, попадавшагося подъ руку еврея. Полиціймейстеръ съ сильнымъ отрядомъ городовыхъ и жандармовъ явился на выручку разбиваемыхъ лавокъ. Не смущаясь кидавшимися въ него камнями и криками: „Чортъ тебѣ шею сверни, жидовскій батько!“—онъ дѣйствовалъ такъ энергично, что черезъ полчаса площадь была очищена отъ толпы, вездѣ водворенъ порядокъ и лишь лужи крови, да лохмотья лапсердаковъ, разбитая посуда и выбитыя стекла указывали на ярость битвы.

Милица и Кромскій смотрѣли на буйство изъ окна гостиной, выходившаго на площадь.

— Боже, какой ужасъ,—шептала она.

— О, потомъ еще хуже будетъ. Нельзя такъ обращаться съ народомъ.

— Ради Бога, уѣдемъ отсюда, Ростиславъ. Мои нервы не выдержатъ этой вѣчной тревоги; я ни одной ночи не сплю спокойно.

— Успокойся, милая. Мнѣ это тоже становится невтерпежъ, я постараюсь перевестись куда-нибудь, гдѣ поменьше жидовъ. Какъ только вернется любезный нашъ „помпадуръ“, я съѣзжу въ Петербургъ и начну дѣло о переводѣ,—отвѣтилъ онъ, обнимая и цѣлуя жену.

Послѣ этого происшествія, въ городѣ все, казалось, успокоилось и, до времени, царилъ порядокъ.

Домъ, гдѣ жили Кромскіе, выходилъ одной стороной на соборную площадь, а другой въ улицу, которая вела на еврейскій рынокъ. Милица была въ дѣтской и смотрѣла, какъ одѣвали Юрія, какъ вдругъ шумъ и крикъ на улицѣ привлекли ея вниманіе. Испуганная, она кинулась къ окну и увидала, что толпа съ крикомъ бѣжала къ еврейскому рынку, откуда слышался смутный гулъ, покрываемый иногда дикими воплями.

Digitized by Google

Приказавъ Марфѣ увести ребенка въ спальню, выходившую въ садъ, она бросилась въ кабинетъ предупредить мужа, но Кромскій уже слышалъ шумъ и, входя, она столкнулась съ поспѣшно уходившимъ полицейскимъ офицеромъ.

— Господи, что это опять происходитъ?—сказала Милица, бросаясь къ мужу, одѣвавшемуся, чтобы выйти.

— Помощникъ пристава только что былъ съ докладомъ. У аптекаря Бинштока живетъ прислуга христіанка; такъ вотъ его сынокъ, негодяй-мальчишка, лѣтъ пятнадцати, не нашелъ ничего забавнѣе, какъ взявъ освященные куличъ, пасху и образъ, бросить ихъ въ отхожее мѣсто. Открывъ это кощунство, женщина съ крикомъ бросилась на улицу и разсказала прохожимъ. Мигомъ собралась толпа и жиденокъ чуть не былъ разорванъ; а теперь народъ приступомъ беретъ аптеку. Но теперь праздникъ и фабрики не работаютъ; кромѣ того, въ городѣ масса пришлаго крестьянства, а потому исторія эта легко можетъ принять большіе размѣры. Сомнѣваюсь, чтобы *„жидовскій батько“* одинъ управился съ толпой, а потому послалъ къ начальнику дивизіи просить войска,—насмѣшливо замѣтилъ Кромскій.

Въ эту минуту подъ окнами проходила новая ватага съ криками:

— Смерть жидамъ—кровопійцамъ!.. Погоди, пархатые, вотъ мы вамъ покажемъ!

— Неужели ты будешь стрѣлять въ нихъ? За что? Вѣдь, сами евреи вызвали всю эту смуту,—боязливо освѣдомилась Милица.

— Напротивъ, я постараюсь оградить ихъ; но долженъ же я остановить грабежъ,—отвѣтилъ Ростиславъ, поспѣшно прощаясь съ женой.

Однако ввести въ русло разлившійся и бушевавшій потокъ сразу было трудно; лишь съ наступленіемъ ночи были разсѣяны послѣднія сборища и наступила тишина. Загромождавшіе улицы обломки скарба, разгромленные и опустошенные магазины и дымившіеся сожженные дома указывали на пронесшуюся грозу народнаго гнѣва.

Но жиды—не изъ тѣхъ, чтобы терпѣливо вынести заслуженное наказаніе. Въ разсказахъ ихъ каждое разбитое стекло, каждый разорванный лапсердакъ, распоротая перина, всякая съѣденная „грабителями“ селедка принимали размѣры государственной важности, а потому жалобы градомъ посыпались въ Петербургъ. Вся еврейская ярость обрушилась на вице-губернатора, открыто обвинявшагося въ пристрастіи, даже

Digitized by Google

„провокаторствѣ“, или, по крайней мѣрѣ, въ преступномъ равнодушіи къ *„невиннымъ жертвамъ“* погрома, объ участи которыхъ онъ гораздо менѣе заботился, чѣмъ объ ограждаемыхъ имъ *„злодѣяхъ“*. А это объяснимо лишь соучастіемъ или попустительствомъ.

Изъ Петербурга летѣли молніеносныя предписанія и требованія объясненій по поводу „бездѣйствія“ власти, допустившей подобныя проявленія дикаго насилія надъ мирнымъ населеніемъ, которое администрація обязана охранять. Сколько при этомъ пострадало христіанъ и что было коренной причиной бунта, объ этомъ никто не освѣдомился.

Губернаторъ спѣшно вернулся изъ отпуска и наговорилъ Кромскому много непріятнаго, а вслѣдъ за нимъ изъ Петербурга прибыло чиновное лицо для производства разслѣдованія безпорядка.

Особа тоже упрекнула Кромскаго въ томъ, что онъ мало проявилъ энергіи и не стрѣлялъ въ мятежниковъ.

— Я дѣйствовалъ согласно приказаніямъ его превосходительства,—отвѣтилъ Ростиславъ, указывая на губернатора.— Я долженъ былъ обѣщать какъ можно меньше вмѣшиваться и все поручить полиціймейстеру; а если я не стрѣлялъ направо и налѣво въ бѣдный народъ, то потому, что считалъ неудовольствіе толпы справедливымъ. Но, можетъ быть, бросаніе иконъ и священныхъ предметовъ въ помойную яму признается дозволеннымъ?

— Ну кто-жъ это скажетъ? Разумѣется, подобныя дѣйствія терпимы быть не могутъ; но вѣдь слѣдовало принять въ соображеніе, что вѣдь то была глупая шалость ребенка, религіозныя убѣжденія котораго были задѣты.

— Дѣйствительно, подобныя соображенія не пришли мнѣ въ голову и я думаю, что разъ государственная религія не по вкусу сему юному каторжнику или его единомышленникамъ, то ничто не мѣшаетъ имъ устроиться въ иномъ мѣстѣ,— твердо отвѣтилъ Ростиславъ и въ скоромъ времени откланялся.

— Пренепріятный человѣкъ, отъ котораго я очень желалъ бы избавиться,—замѣтилъ потомъ губернаторъ,—но, къ несчастью, это почти невозможно. Онъ—племянникъ стараго князя Загарина, а вы знаете, что тотъ сродни министру и имѣетъ прочныя связи при Дворѣ. Долженъ сознаться, что я его дѣйствительно просилъ вмѣшиваться поменьше въ дѣйствія полиціймейстера въ случаѣ безпорядковъ. Онъ не терпитъ евреевъ и, въ душѣ, радъ, что ихъ разгромили, но вѣдь,

Digitized by Google

въ концѣ концовъ, тѣ ему и самому что-нибудь подстроятъ; евреи его положительно ненавидятъ, особенно послѣ его исторіи съ адвокатомъ Лаузономъ,—очень вліятельнымъ въ городѣ человѣкомъ,—которому Кромскій нанесъ личное оскорбленіе.

Всѣ эти непріятности тяжело дѣйствовали на Милицу и она вновь просила мужа уѣхать поскорѣе.

— Я чувствую, что они хотятъ убрать тебя отсюда.

Но, къ огорченію Милицы, ея слова произвели какъ разъ обратное дѣйствіе тому, на что она надѣялась.

— Я это отлично знаю, но именно потому, что *они* этого хотятъ, я и не тронусь съ мѣста. Недостаетъ только, чтобы я далъ этимъ канальямъ себя выгнать; пусть-ка попробуютъ меня смѣстить,—негодующимъ тономъ отвѣтилъ Ростиславъ.

Съ этихъ поръ Милица не заикалась больше о переводѣ, скрывая смертельное, угнетавшее ее безпокойство. Ей попались нѣсколько угрожающихъ писемъ по адресу мужа, и она жила въ ожиданіи какой-нибудь катастрофы. Она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, а когда Ростислава не бывало дома, то тревога за него и нервное раздраженіе отнимало у нея покой.

Свой будуаръ и дѣтскую она перенесла въ комнаты, выходившія на дворъ и въ садъ, и сидѣла большею частью тамъ.

Какъ-то Ростиславъ вернулся съ подвязанной рукой; въ карету былъ брошенъ камень и осколки разбитыхъ стеколъ его ранили. Съ этого дня Милица была, какъ въ лихорадкѣ, каждый разъ какъ мужъ выѣзжалъ изъ дому, и этотъ постоянный страхъ, въ которомъ она жила, сталъ вредно отзываться на ея здоровьѣ.

Разъ ночью, въ началѣ мая, Милица была разбужена страшнымъ взрывомъ, отъ котораго чуть было не слетѣла съ кровати; стекла разбивались со звономъ, двери сами собой распахнулись, а одна изъ нихъ слетѣла съ петель и лежала на полу; издали доносился грохотъ, точно что-то рушилось.

Ростиславъ былъ уже на ногахъ и торопливо одѣвался. Милица, съ трясущимися руками, послѣдовала его примѣру. Она накинула на себя капотъ, какъ въ комнату влетѣла Марфа съ Юріемъ, плакавшимъ отъ испуга. Съ улицы доносился гулъ и крики собравшейся толпы, а въ домѣ слышался громкій говоръ разбуженной взрывомъ и въ безпокойствѣ сновавшей прислуги.

— Иди съ ребенкомъ въ садъ и захвати бриллианты, а я пойду взглянуть, что случилось,—сказалъ Ростиславъ.

*

Digitized by Google

Въ эту минуту изъ гардеробной вышелъ жандармъ и попросилъ Кромскаго тоже выйти черезъ садъ, такъ-какъ наружный фасадъ дома и главная лѣстница настолько пострадали, что проходить тамъ, до полнаго осмотра, было опасно.

Милица поспѣшно вынула изъ ящиковъ туалета и уложила въ мѣшокъ свои драгоцѣнности и деньги, а затѣмъ съ ребенкомъ и Марфой спустилась въ садъ. Оттуда она прошла во дворъ и спряталась въ кучерской, въ ожиданіи, пока запрягутъ или приведутъ экипажъ, чтобы отвезти ихъ въ гостиницу. Но Милица объявила, что безъ мужа она не поѣдетъ и подождетъ, пока тотъ кончитъ свой осмотръ.

Было уже утро, когда прибыли слѣдственныя власти; домъ былъ оцѣпленъ войсками и полиціей, и приступлено къ допросу пойманнаго преступника. Было удостовѣрено, что въ окно канцеляріи, расположенной въ первомъ этажѣ, подъ кабинетомъ Кромскаго, была брошена бомба; разрушительная сила была громадна: полъ въ кабинетѣ былъ уничтоженъ, стѣна треснула, а въ гостиной, билліардной и библіотекѣ вся обстановка перековеркана, парадная лѣстница обрушилась. Виновный, котораго дежурный дворникъ и постовой городовой задержали, не смотря на его отчаянное сопротивленіе и раны, которыя онъ нанесъ обоимъ ножомъ,—оказался юношей евреемъ, студентомъ-технологомъ. Ему, несомнѣнно, удалось бы скрыться, если бы бронзовый, выброшенный взрывомъ столъ не ранилъ его тяжело въ плечо.

Все это Кромскій разсказалъ женѣ и упросилъ ее ѣхать съ сыномъ въ гостиницу, гдѣ были уже готовы для нихъ комнаты; самъ онъ немедленно пріѣдетъ къ нимъ, какъ только очистятъ изъ-подъ обломковъ его письменный столъ. При этой очисткѣ онъ долженъ лично присутствовать, такъ какъ въ столѣ хранятся крайне важныя бумаги.

Когда Милица прибыла въ гостиницу, ей сдѣлалось дурно; нервное потрясеніе было слишкомъ для нея сильнымъ. Въ теченіе дня была нанята въ той же улицѣ другая квартира, куда пересли остатки обстановки, а къ вечеру перебралась и разстроенная Милица.

Губернаторъ побывалъ на мѣстѣ происшествія, но не видалъ Кромскаго, отвозившаго хранившіяся въ его столѣ бумаги. Только на слѣдующій день Ростиславъ свидѣлся съ своимъ начальникомъ, выразившимъ ему свои соболѣзнованія.

— Не предупреждалъ ли я васъ, Ростиславъ Ивановичъ, что *они* отомстятъ,— говорилъ онъ, качая головой.—Видите, какъ я былъ правъ.

Digitized by Google

— Несомнѣнно, ваше превосходительство, отчего имъ не мстить, разъ имъ все дозволено, а намъ воспрещено защищаться.

— Ахъ, какой вы! Я самъ буду слѣдить за слѣдствіемъ и мерзавецъ этотъ понесетъ строгое наказаніе; у него должны быть сообщники.

— Разумѣется, но... только ихъ не найдутъ, повѣрьте. Я знаю, какъ производятся подобныя слѣдствія,—презрительно, отвѣтилъ Ростиславъ.

— Вы не справедливы къ слѣдственнымъ властямъ. Вы сами, наконецъ, не могли бы ничего больше найти.

— О! Я въ два часа нашелъ бы и шайку убійцъ и убѣдилъ бы кагалъ возмѣстить причененные мнѣ убытки, по меньшей мѣрѣ, въ десять тысячъ рублей. Стоило бы только сдѣлать отвѣтственной въ преступленіи здѣшнюю еврейскую общину. Если разбить жидовскую миску, или выпустить хоть одну перину, то вся Европа стонетъ отъ жидовскихъ воплей и всѣ спѣшатъ втройнѣ вознаградить пострадавшихъ; а вотъ возмѣстить мнѣ мои потери никому и въ голову не придетъ.

— Однако, вѣдь нѣтъ такого закона, который невинныхъ дѣлалъ бы отвѣтственными за виновныхъ.

— Одинаково, какъ нѣтъ закона, который предусматривалъ бы истребленіе динамитомъ слугъ государства; мы только случайно остались живы. Но вѣдь новыя преступленія неизбѣжно вызываютъ и новыя карательныя мѣры, — отвѣтилъ Кромскій.

В. КРЫЖАНОВСКАЯ
(РОЧЕСТЕРЪ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Хаосъ и свѣтъ.

Посвящается учащейся молодежи.

Всюду въ природѣ, окружающей насъ, существуетъ удивительная гармонія и жизненность во всѣхъ явленіяхъ и царствахъ природы. Хотя люди далеко еще не въ состояніи понять всю глубину природы въ этомъ отношеніи, понять въ точности ея цѣлесообразность и разумность, всю ея животворность и пр.—да и поймутъ-ли они ее когда окончательно?—однако, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ уяснялъ себѣ окружающія явленія, онъ весьма часто и самъ становился творцомъ въ природѣ и въ состояніи бывалъ частью значительно усиливать природныя силы искусственнымъ путемъ, удовлетворяя тѣмъ весьма разнообразнымъ практическимъ и инымъ цѣлямъ человѣческаго существованія, о чемъ могутъ болѣе всего засвидѣтельствовать науки, а также наши всѣхъ родовъ промыслы и занятія. Замѣтимъ, что сознательный трудъ на пользу ближнихъ, какъ и непосредственное общеніе съ созидательной работой природы, для многихъ людей является источникомъ подъема творческаго духа въ томъ или другомъ направленіи и причиной весьма многихъ счастливыхъ и радостныхъ минутъ.

Нѣчто совершенно обратное наблюдалось и наблюдается очень часто во внутренней жизни людей, а именно—въ ихъ душевной дѣятельности или въ умственно-нравственныхъ свойствахъ, если присмотрѣться къ нашей частной, семейной и общественной жизни. Здѣсь нерѣдко царитъ какая-то темнота, безформенность и хаотичность, отвлекающія человѣка отъ плодотворнаго труда, удручающія и мертвящія душу весьма многихъ людей и даже иногда отнимающія у нихъ сознаніе смысла существованія на землѣ. Думается, что съ теченіемъ времени въ нашей внутренней жизни слѣдуетъ ожидать или наступленія полнѣйшаго хаоса или, напротивъ, появленія большаго или меньшаго свѣта въ ней, смотря потому, какъ отнесемся мы къ нашему универсальному злу,

Digitized by Google

отнесемся-ли къ нему совершенно безучастно или постараемся ослабить и уничтожить его.

Въ послѣднее время подобные очень важные вопросы настоятельно предъявляетъ для разрѣшенія сама жизнь и особенно переживаемое нами, русскими, внутреннее состояніе родины, которое должно считаться рѣзко переходнымъ къ новому личному и общественному строю.

Мы должны вѣрить, что все обойдется благополучно для насъ, что тьма и хаотическое состояніе существуютъ передъ желаннымъ и скорымъ разсвѣтомъ и для большаго торжества разсвѣта, но, конечно, мы обязаны отнестись къ великому дѣлу нашего устроенія самымъ активнымъ образомъ.

Но вотъ въ чемъ было и есть наше глубокое несчастье: правда, мы видимъ наши слабыя стороны и неурядицы, стараемся ихъ объяснить и освѣтить и предлагаемъ мѣры противъ нихъ, но всѣ эти объясненія и мѣры въ сущности чрезвычайно неопредѣленны, разнообразны и притомъ часто діаметрально противоположны. Слѣдовательно, если это такъ, то ясно само собой, что въ нашемъ очень серьезномъ дѣлѣ господствуетъ субъективизмъ, и мы въ правѣ сказать, что еще надо считать невыясненнымъ окончательно, въ чемъ же на самомъ дѣлѣ заключается тьма и хаосъ и гдѣ свѣтъ или гдѣ коренится зло и какія средства слѣдуетъ принять противъ него. Вѣдь *правда въ этомъ отношеніи должна быть только одна*, а гдѣ эта правда, мы въ настоящее время съ положительностью еще не знаемъ. Несомнѣнно, рѣшеніе важныхъ личныхъ и общественныхъ вопросовъ потребуютъ всякій разъ наибольшей точности и опредѣленности и рѣшительно немыслимо на основаніи чисто субъективныхъ взглядовъ.

Всѣ слѣдующія строки представляютъ попытку пособить читателю разобраться по возможности объективно въ самыхъ насущнѣйшихъ вопросахъ жизни.

Посвящаются строки учащейся молодежи, какъ людямъ наиболѣе отзывчивымъ на эти вопросы, наиболѣе интересующимся ими и какъ людямъ, которые и должны болѣе другихъ интересоваться этими вопросами, такъ какъ въ ихъ рукахъ будущность нашего отечества.

Сопоставляя и взвѣшивая всѣ тѣ разнообразныя явленія, которыя могутъ повести насъ къ хаотическому состоянію, мы полагаемъ, что причина ихъ гнѣздится въ насъ самихъ и, по нашему мнѣнію, можетъ быть формулирована такъ: современное намъ общество, хотя и пользуется различнаго рода открытіями и техническими усовершенствованіями, являющимися выраженіемъ внѣшняго прогресса, однако, слѣдуетъ считать, особенно русское общество, почти сплошь состоящимъ *изъ людей, находящихся въ большей или меньшей спячкѣ въ религіозно-нравственномъ и умственномъ отношеніи и лишь въ довольно дѣятельномъ состояніи въ чисто животномъ*

Digitized by Google

отношеніи. Вслѣдствіе всего этого среди интеллигенціи обычно господствуютъ—апатія, мертвенность, спутанность, безразличіе къ окружающему, формализмъ при исполненіи обязанностей и, наконецъ, эгоизмъ, эгоизмъ въ предѣлахъ между такими поступками, которые обыкновенно поощряются и такими, которые должны считаться преступными. Разумѣется, исключенія имѣются и имѣются нерѣдко.

Надо замѣтить, что огромная масса крестьянъ, рабочихъ и вообще людей безъ образованія, занятыхъ исключительно физическимъ трудомъ, какъ извѣстно, обречены на невольное хожденіе въ темнотѣ, на невѣжество. Хотя въ этой средѣ нерѣдко возможно встрѣтить удивительно здравыя сужденія по многимъ вопросамъ жизни, однако, эта питающая насъ среда въ послѣднее время, повидимому, все болѣе и болѣе деморализуется, развращается въ умственно-нравственномъ отношеніи, благодаря, надо полагать, столкновеніямъ ея частью съ интеллигенціей, но главнымъ образомъ съ подонками фабрично-заводскаго міра.

Въ самое послѣднее время болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ вліяніемъ переживаемыхъ нами событій, среди нашей интеллигенціи и отчасти среди народа наблюдаются *признаки нѣкотораго пробужденія общественнаго сознанія*, но, къ сожалѣнію, это благое движеніе затемняется часто признаками значительнаго разстройства психики, признаками, какъ говорятъ, *политическаго психоза*.

Полагаю, что все только-что сказанное врядъ-ли вызоветъ возраженіе по существу. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же объяснить доказанную теперь нашу никчемность, вызвавшую массу неурядицъ, недостатковъ въ нашей личной, общественной жизни и во внѣшней и внутренней политикѣ, какъ не нашей апатіей, какъ не нашимъ соннымъ состояніемъ, а переживаемыя нами страницы исторіи въ самое послѣднее время въ высокой мѣрѣ необычны, ненормальны, такъ что наша ненормальность въ душевномъ отношеніи, наряду съ нѣкоторымъ пробужденіемъ общества, является очевидною для всякаго.

Въ виду сказаннаго, пожалуй, могутъ возразить, что дѣло не въ нашей никчемности, а въ нашей бюрократіи, которая де и вызвала всѣ неурядицы и бѣдствія въ нашей странѣ. Если и допустимъ, что это отчасти справедливо, то все-таки надо считаться съ тѣмъ фактомъ, что сама-то бюрократія не берется же изъ пространства, а есть наша плоть и кровь. Къ тому же послѣ манифеста 17 октября, когда намъ даны всѣ свободы и право проявлять иниціативу для всѣхъ мѣропріятій, мы обязаны оглядѣться, взглянуть на себя, провѣрить свой багажъ и рѣшить, какъ намъ лучше жить на свѣтѣ.

Такимъ образомъ, для насъ теперь весьма важно коснуться фактической стороны и выяснить, въ чемъ же собственно обнаруживается наша апатія и спячка и наше ненормальное состояніе въ психическомъ отношеніи и какія средства слѣдуетъ имѣть въ виду для избавленія отъ нихъ, т. е. что

Digitized by Google

требуется для нашего пробужденія и для нашего оздоровленія.

I.

Апатія, спячка и формализмъ, а также эгоизмъ.

Апатія, спячка и формализмъ обнаруживаются почти во всѣхъ областяхъ нашей жизни и прежде всего и болѣе всего въ основѣ нашей жизни, а именно—*въ религіозно-нравственномъ* отношеніи. Извѣстно, что религіозно-нравственное или моральное воспитаніе почти совершенно отсутствуетъ въ современномъ намъ обществѣ: оно очень слабо проводится и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ послѣдующей жизни, хотя такое воспитаніе, начавшись какъ слѣдуетъ, должно продолжаться и усовершенствоваться всю жизнь. Нельзя не сознаться, что представители, напр., христіанскихъ религій въ лучшемъ случаѣ бываютъ озабочены тѣмъ, чтобы пасомые усвоили себѣ столько же форму, внѣшность и обрядность религіи, сколько и ея сущность, но во многихъ случаяхъ сущность или, такъ сказать, сердце, ядро религіи, напр., общехристіанскія начала, присущія всѣмъ христіанскимъ религіямъ, отступаютъ на задній планъ. Многіе изъ насъ и обыкновенно въ юную пору болѣе или менѣе отстраняются отъ религіозной обрядности и внѣшности, какъ отъ чего-то слишкомъ второстепеннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко становятся совершенно равнодушными и къ религіознымъ истинамъ основного свойства, нисколько не заботясь о проведеніи ихъ въ жизнь. А между тѣмъ, несомнѣнно, эти общерелигіозныя и общехристіанскія истины должны быть фундаментомъ нашего частнаго, общественнаго и политическаго строя, словомъ, фундаментомъ всей нашей жизни во всѣхъ отношеніяхъ (см. ниже).

Отчасти вслѣдствіе слабой религіозности и при нашей апатіи и спячкѣ существуетъ весьма замѣтный застой *въ школѣ*, во всѣхъ ея видахъ и степеняхъ. Здѣсь все дѣло сводится почти всегда на чисто формальное отношеніе къ дѣлу, и притомъ очень непріятному и скучному, какъ для учащихъ, такъ и для учащихся. Между тѣмъ какъ школа—это въ сущности святое, самое важное, живое и интересное дѣло—требуетъ и заслуживаетъ того, чтобы люди вложили въ него весь свой умъ, всю свою душу и всю силу своего творчества (см. ниже).

Формализмъ и спячка *въ области знаній и наукъ* обнаруживается—конечно, не у насъ только, русскихъ—между прочимъ въ пониженіи интереса общества и молодыхъ людей къ нимъ, въ слабой разработкѣ основъ наукъ и въ почти исключительномъ развитіи техники въ ущербъ ихъ сущности.

Та же апатія и спячка при отсутствіи истинно-религіознаго воспитанія порождаетъ цѣлый рядъ нашихъ *нравствен-*

Digitized by Google

ныхъ недостатковъ, крайне разнообразныхъ въ зависимости отъ разнообразія индивидуальныхъ особенностей человѣка въ соматическомъ и душевномъ отношеніяхъ и отъ разнообразія тѣхъ условій, въ которыхъ находятся люди съ внѣшней стороны. Трудно съ надлежащей полнотой отмѣтить всѣ наши недостатки. Тѣ небольшія указанія въ этомъ отношеніи, которыя мы позволимъ себѣ сдѣлать, конечно, далеко не будутъ исчерпывающими вполнѣ. Недостатки эти будутъ слѣдующіе: 1) Нерѣдко можно встрѣтить у людей сознаваемое или несознаваемое безразличіе ко всему окружающему и отсутствіе пониманія смысла жизни; 2) отсутствіе простоты, прямоты, чувства справедливости и здраваго смысла; 3) отсутствіе самообладанія и воздержности; 4) отсутствіе иниціативы въ дѣлахъ; 5) отсутствіе энергіи, настойчивости въ дѣлахъ и отсутствіе силы воли; 6) спутанность понятій; 7) растерянность; 8) распущенность, распутство и безпутство всякаго рода; 9) лживость; 10) хвастовство; 11) лѣность; 12) небрежность; 13) расточительность; 14) злоба, злорадство и желаніе видѣть спицу въ глазѣ брата и скрыть бревно въ своемъ; 15) поклоненіе золотому тельцу; 16) поклоненіе и лесть сильнымъ міра; 17) зависть; 18) многіе признаки пустого, мелочнаго и преступнаго эгоизма и др.

Отмѣченные въ общемъ смыслѣ недостатки многихъ изъ насъ ведутъ къ крайне разнообразнымъ и болѣе или менѣе *неблаговиднымъ поступкамъ* въ частности, начиная отъ самыхъ невинныхъ до крайне тяжелыхъ, до преступленій, напр., до убійства. Примѣры. Наше бездѣйствіе часто сопровождается тягостнымъ ощущеніемъ скуки, на которую можно смотрѣть, какъ на возмущеніе самой природы противъ преступнаго ничегонедѣланія. Однако, скука обыкновенно заглушается недѣломъ, не физическимъ трудомъ, а напр., пьянствомъ или картами, или посѣщеніями театра и пр. зрѣлищъ, какъ и безцѣльнымъ и безтолковымъ чтеніемъ книгъ, для чего существуетъ и подходящая литература, способствующая пріятному усыпленію, или иногда безусловно предосудительными поступками, которыми человѣкъ въ своемъ лицѣ закидываетъ грязью образъ и подобіе Божіе. Далѣе, наши чувства и мысли бываютъ иногда настолько ненормально настроенными, что считается почти что отсталостью и слишкомъ заурядным, неинтереснымъ говорить о нравственности, о религіи, а также доказывать какую-либо мысль при помощи аксіомъ и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, между тѣмъ, какъ нѣтъ другихъ способовъ говорить правду и доказывать истину.

Нравственная растерянность или распущенность сказывается на дѣлѣ между прочимъ, такъ сказать, отсутствіемъ дисциплины ума и сердца. Такъ напр., одни люди нерѣдко желаютъ понять основныя религіозныя истины только умомъ, тогда какъ эти истины воспринимаются по преимуществу сердцемъ и чувствомъ, умъ же въ состояніи только привести доказательства цѣлесообразности и необходимости въ религіи для человѣческаго существованія, и лишь только науки являются

Digitized by Google

созданіемъ ума и объекты ихъ познаются болѣе умомъ. Нѣкоторые авторы совершенно неосновательно стараются расширить значеніе естественныхъ и др. наукъ до степени религіи, провозглашая, напр., „борьбу за существованіе“ по *Дарвину* въ числѣ основъ для поведенія человѣка; но слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что только религія, проистекая изъ области человѣческаго духа, представляетъ истинную руководительницу человѣку въ его жизненномъ пути (см. ниже). Область духа не можетъ быть заполнена никакой наукой, какъ бы высоко она ни стояла на ряду съ другими науками. И только о религіозныхъ истинахъ можно говорить, какъ объ истинахъ „единыхъ и вѣчныхъ“, истины же наукъ не вѣчны, а измѣняемы, не едины, а множественны.

Рѣдко люди не злоупотребляютъ рѣчью, хотя и безъ всякаго умысла: одни почти всегда говорятъ и пишутъ много, гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ, другіе же, напротивъ, говорятъ и пишутъ слишкомъ мало, такъ что искусство говорить и писать не больше и не меньше, чѣмъ слѣдуетъ, свойственно весьма немногимъ. Кромѣ того, нѣкоторые говорятъ ради краснаго словца или ради пустого высмѣиванія и пр., пользуясь великимъ даромъ природы, какъ бы нѣкотораго рода спортомъ или, лучше сказать, пустой забавой.

Мы очень часто только съ внѣшней стороны стараемся показать себя людьми порядочными, воспитанными и отзывчивыми, какъ будто съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ прикрыть свою внутреннюю безсодержательность, недоброжелательность и эгоистичность.

Старая поговорка — „не говори, кто ты, а скажи, съ кѣмъ знаешься“ въ настоящее время, пожалуй, должна быть измѣнена такъ: „не говори, кто ты, а скажи, что читаешь“. По нашему мнѣнію, современную читающую публику слѣдуетъ попрекнуть между прочимъ „босяцкой литературой“, которой она, что называется, „зачитывается“: говорятъ, что спросъ на сочиненія такого рода громадный, гораздо больше, чѣмъ спросъ на классическія беллетристическія сочиненія. Между тѣмъ, какъ въ этой новой литературѣ, заключающей въ себѣ якобы „новое слово“, кромѣ удивительныхъ и забористыхъ словечекъ и выраженьицъ, мы часто встрѣчаемся съ непонятной и измышленной идеализаціей несчастныхъ и больныхъ людей, которые въ минуты просвѣтлѣнія сами сознаютъ свое полнѣйшее ничтожество, и съ еще менѣе понятнымъ и несправедливымъ глумленіемъ надъ нашимъ крестьяниномъ, создателемъ русской земли, нашей родины и, можно сказать, ея гордостью. Надо полагать, что возрожденіе нашего общества обнаружится прежде всего возвратомъ широкаго круга читающей публики къ безсмертнымъ авторамъ изящной и пр. литературы. Конечно, только сонное состояніе нашего общества могло допустить предпочтеніе босяцкой литературы литературѣ классиковъ нашихъ, получившихъ уже высокую оцѣнку въ старомъ и новомъ свѣтѣ, и классиковъ иноземныхъ.

Отчасти то же сонное состояніе нашего общества является

Digitized by Google

причиной процвѣтанія за послѣднее время самыхъ крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій, если судить по довольно значительному распространенію въ публикѣ ихъ литературы, послѣ того, какъ фактически были дарованы свобода слова и другія свободы; хотя, впрочемъ, распространеніе этой литературы объясняется также и чрезмѣрной бодростью и энергіей представителей этихъ партій (см. ниже).

Надо сознаться, что патріотизмъ, любовь къ отечеству, развитъ у насъ довольно слабо: вспомнимъ, хотя бы, наше равнодушіе во время минувшей войны, опять-таки отчасти вслѣдствіе той же сонливости нашей, хотя, какъ было сказано, въ самое послѣднее время интересъ общества къ внутреннимъ событіямъ нашей родины, несомнѣнно, началъ возрастать.

Недостатки отъ чрезмѣрнаго себялюбія и *эгоизма* иногда почитаются людьми чуть ли не за добродѣтели. Такъ, умѣнье очень бойко постоять во что бы то ни стало за свою персону считается большимъ достоинствомъ, тогда какъ въ религіозно-нравственномъ смыслѣ достоинство человѣка измѣряется степенью его любви къ идеалу, любви и отзывчивости къ ближнимъ, самопожертвованіемъ для блага людей и пр. Общепринятая доза самолюбія часто вредитъ человѣку, напр., тѣмъ, что отвращаетъ его отъ откровеннаго и весьма полезнаго общенія съ другимъ человѣкомъ, отъ обмѣна мыслей и чувствъ „по душѣ и по-братски“, а также очень часто разстраиваетъ добрыя человѣческія отношенія и удаляетъ людей другъ отъ друга, дѣлая ихъ иногда недругами. Желаніе и исполненіе этого желанія—весьма многихъ изъ насъ—какъ можно лучше попить, поѣсть и вообще пожить роскошно, по-барски также считается не предосудительнымъ, а вполнѣ законнымъ. Засимъ слѣдуютъ уже болѣе или менѣе предосудительныя и даже преступныя обнаруженія эгоизма, а именно—большое самомнѣніе, самопоклоненіе, тщеславіе, жадность, корыстолюбіе, безцеремонное отношеніе къ чужой собственности, особенно къ общественному достоянію и пр.

Надо замѣтить, что *недостатками славянскаго племени*, по сравненію съ недостатками другихъ племенъ, многіе авторы считаютъ лѣнь, отсталость, безпечность, беззаботность, небрежность, непостоянство, безпорядочность (неаккуратность), слабость воли, ея неустойчивость, отсутствіе выдержки, разрозненность между отдѣльными лицами и цѣлыми обществами и пр. Недостатками *русскихъ* считаются—„авось да какъ-нибудь“, апатичность, лѣнь, отсутствіе предусмотрительности, безцѣльное самобичеваніе и самооплеваніе и пр. (*А. Фулье* и др.). Все только что сказанное не противорѣчитъ приведенному выше, что русскіе, дѣйствительно, болѣе, чѣмъ другіе народы, страдаютъ особаго рода спячкой, апатіей и прочими весьма многими недостатками, связанными съ этими главными качествами.

Необходимо упомянуть также, что къ числу нашихъ недостатковъ отъ той же спячки слѣдуетъ отнести *нѣкоторое пре-*

Digitized by Google

небреженіе къ труду вообще и къ физическому труду въ особенности. Физическій трудъ долженъ быть постояннымъ и систематическимъ, съ цѣлью оздоровленія всего тѣла и въ томъ числѣ для оздоровленія нашего духа и, слѣдовательно, для поддержанія нашего нравственнаго благосостоянія. Гимнастическія же упражненія дѣтей въ школѣ, тѣмъ болѣе слабо развитыхъ и малокровныхъ и притомъ зимою въ душныхъ комнатахъ, между классными занятіями, могутъ скорѣе вести ко вреду отъ утомленія, чѣмъ къ пользѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на ряду съ *голоданіемъ и недоѣданіемъ* весьма многихъ бѣдныхъ и мало обезпеченныхъ людей уживается *невоздержность въ ѣдѣ и злоупотребленіе мясной пищею* людьми обезпеченными болѣе или менѣе, какъ *и злоупотребленіе алкогольными напитками* со стороны тѣхъ и другихъ. Сложилось мнѣніе, что для здоровья надо ѣсть какъ можно больше; поэтому люди мало-мальски обезпеченные, часто при сравнительно ничтожномъ трудѣ, стараются ѣсть не настолько, чтобы утолить голодъ, а значительно болѣе того, чѣмъ слѣдуетъ для уничтоженія чувства голода; мало того, принимаются мѣры для возбужденія аппетита, а именно—пьютъ вино, пиво и водку передъ и во время ѣды, и тѣмъ, конечно, наносятъ почти всегда вредъ организму, отягощая его пищевыми продуктами и заставляя его усиленно работать съ цѣлью разложить химически и выдѣлить пищевой избытокъ и продукты его разложенія различными путями. Правда, организмъ отчасти привыкаетъ къ переѣданію (а иногда послѣднее полезно, напр., въ случаяхъ малокровія и болѣзняхъ легкихъ), такъ что при нѣкоторомъ воздержаніи отъ пищи онъ въ первое время можетъ обнаружить незначительное разстройство, какъ это бываетъ въ большой мѣрѣ при воздержаніи отъ алкогольныхъ напитковъ, но всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать внѣ всякаго сомнѣнія, что на почвѣ переѣданія могутъ возникнуть различнаго рода заболѣванія и предрасположенія къ нимъ, а также ослабленіе умственныхъ и интеллектуальныхъ способностей, нѣкотораго рода сонное состояніе, ощущаемое, какъ извѣстно, всегда болѣе или менѣе послѣ ѣды, и повышеніе чисто животныхъ влеченій. Огромный вредъ наносится людямъ *пьянствомъ*, что всѣмъ хорошо извѣстно, но, къ сожалѣнію, извѣстно весьма не многимъ, что, какъ это съ положительностью доказано, вредно не только неумѣренное, но даже и умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ, особенно если оно повторяется часто (см. хотя бы—„О вредѣ умѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ", публичная лекція проф. Вл. Н и к о л ь с к а г о, изд. 1-го московскаго общества трезвости, 1905 г. ц. 6 к.). Никоимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что алкоголь очень сильный и коварный ядъ, такъ какъ онъ, вызывая совершенно мнимое возбужденіе и кажущееся благосостояніе организма, на самомъ дѣлѣ мало-по-малу подтачиваетъ здоровье съ той или другой стороны, смотря по особенностямъ организма, и также вліяетъ разрушительно на умственный и

Digitized by Google

нравственный складъ человѣка. При этомъ алкоголь слѣдуетъ считать ядомъ „снотворнымъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Именно. Ядъ этотъ по своему дѣйствію въ большихъ пріемахъ относится къ такимъ снотворнымъ средствамъ, какъ хлороформъ, морфій, опій и т. п. вещества, а въ небольшихъ количествахъ, при умѣренномъ употребленіи, онъ также является усыпителемъ, но только усыпителемъ въ нравственномъ смыслѣ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что даже очень незначительное количество алкогольныхъ напитковъ, напр., рюмка вина вызываетъ почти всегда пріятное настроеніе, очень часто веселость, а иногда даже неудержимый смѣхъ, ради чего ихъ и пьютъ. Такимъ образомъ, алкогольные напитки почти всегда притупляютъ или уничтожаютъ чувство нашего неудовлетвореннаго состоянія, т. е. то вполнѣ нормальное чувство человѣка, которое является стимуломъ и залогомъ для прогресса и улучшенія нашей жизни и для самоусовершенствованія. Слѣдовательно, въ числѣ причинъ спячки, а потомъ и нашего хаотическаго состоянія, слѣдуетъ между прочимъ имѣть въ виду какъ умѣренное, такъ и неумѣренное употребленіе алкогольныхъ напитковъ, именно, такое употребленіе ихъ, которое въ Россіи, къ нашему великому несчастію, весьма распространено.

Сопоставляя все приведенное относительно нашихъ недостатковъ, понятны будутъ и *недостатки нашихъ бюрократовъ, чиновниковъ*, которые въ большей своей части обрѣтаются въ той же апатіи и спячкѣ, какъ и мы. Бюрократія всѣхъ родовъ, при указанныхъ условіяхъ и при постоянной опекѣ со стороны начальства, не въ состояніи вложить свою душу въ предоставленное ей дѣло, а относится къ нему почти исключительно формально и согласно предписаніямъ, при чемъ чаще всего имѣется въ виду получить побольше, какъ говорятъ, кусокъ отъ общественнаго пирога и преслѣдуется иногда одна конечная цѣль—по возможности скорѣе почить на лаврахъ съ возможно большимъ окладомъ пенсіи. Отсюда главнымъ образомъ наши всякаго рода недальновидность и непредусмотрительность во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, могущихъ повести насъ къ бѣдствіямъ и хаотическому состоянію. До сихъ поръ мы относились слишкомъ формально къ дѣлу воспитанія своихъ и чужихъ дѣтей, къ народному образованію, не только почти вовсе не боролись съ пьянствомъ, но и сами занимались таковымъ въ обширныхъ размѣрахъ, до сихъ поръ почти что игнорировали рабочій и особенно крестьянскій, земельный вопросы и пр. А послѣдняя недавно оконченная война? Опозорились мы съ ней на рѣдкость передъ цѣлымъ свѣтомъ... Разумѣется, мы обязаны тщательно разслѣдовать это наше дѣло на основаніи фактическаго матеріала, вполнѣ спокойно и объективно и воспользоваться какъ слѣдуетъ тѣмъ урокомъ, который получили мы отъ японцевъ, чтобы не повторять нашихъ ошибокъ.

Digitized by Google

Но вотъ уже занялась заря новыхъ дней!.. Передъ нами свобода всѣхъ родовъ. У насъ конституція и представительное правленіе, принятыя всѣми высококультурными народами. Теперь мы можемъ надѣяться на свободный починъ въ скоромъ времени въ дѣлѣ усовершенствованія нашей внутренней жизни путемъ пробужденія обществъ и отдѣльныхъ лицъ ради самодѣятельности въ самомъ широкомъ смыслѣ и въ разнообразнѣйшихъ направленіяхъ. Всмотримся въ наше пробужденіе.

II.

Пробужденіе, освободительное движеніе и политическій психозъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что за послѣднее время въ нашей жизни наблюдается нѣкоторое пробужденіе отъ спячки, находящееся въ связи съ послѣдними крупными политическими событіями, особенно съ освобожденіемъ насъ отъ чиновнической опеки, съ нестѣсненіемъ собраній, союзовъ, печатнаго и устнаго слова, а болѣе всего въ связи съ перемѣной образа правленія нашего государства, благодаря которой каждый мыслящій гражданинъ сознаетъ, что онъ обязанъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе относительно внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ своей родины.

Пробужденіе это выразилось прежде всего весьма разумно образованіемъ различнаго рода союзовъ и партій, съ цѣлью выясненія нашихъ нуждъ и необходимыхъ реформъ и преобразованій.

Но такъ какъ наше пробужденіе послѣдовало далеко не при нормальныхъ условіяхъ, а, какъ мы видѣли, послѣ такой спячки, которая можетъ считаться и нравственной неуравновѣшенностью, нравственнымъ дефектомъ, недостаткомъ (напр., въ смыслѣ отсутствія религіозно-нравственнаго воспитанія и пр.), то уже заранѣе можно было предвидѣть, что все наше пробужденіе и освободительное движеніе въ самомъ началѣ и не могло выразиться въ совершенно разумной, нормальной формѣ. И дѣйствительно, мы имѣемъ массу фактовъ, которые вполнѣ подтверждаютъ эту мысль.

Начнемъ съ упомянутыхъ партій и союзовъ. Почти всѣ они страдаютъ безжизненностью, неорганизованностью и слишкомъ большимъ разногласіемъ, настолько большимъ, что они не въ состояніи по многимъ насущнымъ вопросамъ столковаться и примириться и такимъ образомъ фактически образовать какъ бы одинъ союзъ, который представлялъ бы и наиболѣе разумныя мнѣнія о нашихъ нуждахъ и требуемыхъ преобразованіяхъ, и притомъ такой союзъ, которому сочувствовала бы если не вся Россія, то большая часть ея. Ничего подобнаго у насъ еще не создалось. Если въ послѣднее время такъ выпукло подчеркивается побѣда конституціонно-демократической партіи, изъ которой, дѣйствительно, составилось чуть ли

Digitized by Google

не большинство членовъ нашей первой Государственной Думы, то это обстоятельство объясняется вовсе не популярностью этой партіи среди русскаго народа, а сплоченностью и энергіей членовъ ея по сравненію съ другими политическими партіями и союзами. Къ глубокому сожалѣнію, среди насъ, славянъ, всегда царила, а теперь царитъ въ особенности какая-то *непримиримость*, *предвзятость*, *партійность*, въ силу которыхъ люди очень часто не то не могутъ, не то почему-то не желаютъ ко всему отнестись по существу, по здравому разумѣнію и все разсудить по Божески, по-просту, безъ затѣй. Зараженные этимъ зломъ, люди, вопреки всякой справедливости и самому элементарному здравому смыслу, интересы своей партіи ставятъ выше интересовъ дѣла, интересовъ родины. Нашей первородной Думѣ приходилось работать при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ: съ одной стороны, партійность въ самой высокой степени, съ другой, изумительная и лихорадочная энергія крайнихъ лѣвыхъ фракцій, положительно не давали ей возможности дѣйствовать согласно, разумно и въ законныхъ границахъ.

Далѣе, слѣдуетъ сознаться, что наше пробужденіе и такъ называемое освободительное движеніе сказываются нерѣдко *признаками ненормальнаго состоянія въ душевной области:* здѣсь имѣются въ виду давно констатированныя *явленія политическаго психоза*, которымъ, къ сожалѣнію, страдаютъ теперь очень часто и притомъ наиболѣе энергичные и отзывчивые люди.

Изъ ненормальныхъ признаковъ прежде всего обратимъ вниманіе на нѣкоторое *возбужденное* состояніе организма въ предѣлахъ совершенно необычныхъ для данныхъ индивидуумовъ на политической почвѣ. Приведемъ для примѣра слѣдующее. Въ „Бирж. Вѣд.“ (отъ 23 апр. 1906 г.) читаемъ вотъ что. „Въ г. N. (указано, въ какомъ городѣ) между профессорами такого-то факультета во время происходившихъ испытаній произошли крупныя пререканія на политической почвѣ. Пререканія эти привели къ тому, что экзамены на этомъ факультетѣ на время прерваны, пока не удастся привести къ соглашенію поссорившихся профессоровъ“. Хотя мы не имѣемъ подтвержденія этого случая и не вѣримъ, чтобы все произошло такъ, какъ описано въ этой газетной замѣткѣ, однако мы полагаемъ, что нѣчто подобное могло имѣть мѣсто въ засѣданіяхъ совѣта и факультета нашихъ университетовъ именно въ переживаемое нами смутное время, хотя прежде подобные случаи, въ ученыхъ обществахъ, при нормальномъ ходѣ академическихъ занятій, не могли имѣть мѣста, за исключеніемъ развѣ диспутовъ въ ученыхъ обществахъ спеціально по политическимъ вопросамъ, да и то дѣло до ссоры профессоровъ и ученыхъ доходило весьма рѣдко.

Къ признакамъ уже тяжелаго психическаго разстройства на политической почвѣ надо отнести между прочимъ *изувѣрство и фанатизмъ* самыхъ крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій; для такихъ людей позволительны всѣ средства ради

Digitized by Google

достиженія якобы благихъ цѣлей. Эти люди самымъ убѣдительнымъ доводомъ считаютъ бомбы, браунинги, а также пользуются забастовками, бойкотами и пр. видами насилія преступнаго свойства, при содѣйствіи которыхъ, однако, страдаютъ и гибнутъ ни въ чемъ неповинныя жертвы и иногда сотни и тысячи рабочихъ и бѣдныхъ людей. Да и сами бомбометатели и пр. рискуютъ погибнуть, если не отъ руки правосудія, то при самомъ покушеніи на жизнь людей, если не въ этотъ разъ, то въ другой, третій и пр. Здѣсь прекрасно оправдываются слова Спасителя—„поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ“. Но, къ глубокому несчастію, въ наше смутное время ряды людей крайнихъ мнѣній и поступковъ пополняются новыми несчастными жертвами политическаго психоза, почему всякаго рода насилія и убійства отъ руки безумныхъ людей все продолжаются и продолжаются и, быть можетъ, еще долго будетъ продолжаться, не смотря на всю чрезвычайную нелѣпость этихъ убійствъ и насилій. Говорятъ, что при помощи всѣхъ этихъ преступленій желаютъ бороться противъ гнета капиталистовъ за обездоленныхъ бѣдныхъ людей и рабочихъ, принуждая, напр., первыхъ повысить заработную плату послѣднимъ. Конечно, цѣль прекрасная, но употребленныя средства достигаютъ какъ разъ совершенно противоположныхъ результатовъ по сравненію съ тѣми, которыхъ желали достигнуть. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что заработная плата рабочимъ будетъ повышена изъ кармана потребителей, т. е. главнымъ образомъ за счетъ тѣхъ же рабочихъ и бѣдняковъ, которые послѣ такого повышенія будутъ за всѣ предметы платить дороже, а капиталисты и такъ называемый буржуазный классъ, какъ люди сравнительно болѣе обезпеченные, чѣмъ бѣдные рабочіе, отъ такихъ насилій будутъ страдать менѣе послѣднихъ. А сколько рабочихъ оказываются въ бѣдственномъ положеніи вслѣдствіе забастовокъ?! Всѣ дѣйствія крайнихъ въ этомъ направленіи тѣмъ непонятнѣе, если допустить у нихъ хоть каплю здраваго смысла, а не болѣзнь, что именно въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, всѣ мы и въ томъ числѣ крайніе элементы имѣютъ средства помочь ближнимъ болѣе основательно при нашемъ представительномъ управленіи страною, когда всѣ сочувствующіе бѣднымъ людямъ и сами они могутъ заявить о своихъ нуждахъ, куда слѣдуетъ, и получить справедливое удовлетвореніе. Говорятъ, что при помощи убійствъ и насилій разнаго рода желаютъ достигнуть террора и обезсилить правительство. Но рѣшительно нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній, кромѣ чисто теоретическихъ и фантастическихъ допустить достиженія этихъ преступныхъ цѣлей и преступными средствами. Но вотъ чего надо опасаться: человѣческому терпѣнію, какъ извѣстно, положенъ предѣлъ, и оно можетъ лопнуть даже у спокойныхъ людей; сами жители, такъ сказать, стихійно могутъ взяться за самосудъ и будутъ безпощадно преслѣдовать подстрекателей безпорядковъ и несчастныхъ психически-больныхъ людей, а также

Digitized by Google

попутно рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ людей... Отврати насъ, Боже, еще отъ этой бѣды!

Галлюцинаціи, иллюзіи и манія преслѣдованія, какъ болѣзненные припадки тѣхъ же крайнихъ партій, извѣстны очень хорошо. Говорятъ онѣ о „провокаціи“, о какой-то „черной сотнѣ“; видятъ онѣ не существующую до сей поры „реакцію“ со стороны правительства, которое на самомъ дѣлѣ старается поступать только по закону въ отношеніи преступленій крайнихъ, да и то оно въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ, повидимому, нерѣшительно и вяло, такъ что, если уже до сихъ поръ въ чемъ-либо слѣдуетъ обвинять правительство, то вѣрнѣе—въ большой снисходительности, чѣмъ въ чрезмѣрной строгости и тѣмъ болѣе—въ реакціи. Увѣряютъ, далѣе, что наше правительство вызываетъ еврейскіе и другіе погромы и все то смутное время, которое мы переживаемъ. Но, конечно, и тутъ—галлюцинація.

Манія величія также является однимъ изъ основныхъ признаковъ разсматриваемаго психоза. Извѣстно, что крайніе элементы заявляютъ о себѣ, какъ о людяхъ совершенно непогрѣшимыхъ и не подлежащихъ суду критики, суду печати, забывая, что безъ ошибки и безъ грѣха только одинъ Богъ. Далѣе, всѣ свои дѣйствія они называютъ не иначе, какъ „освободительнымъ движеніемъ“. Можетъ быть, исторія укажетъ намъ, въ чемъ собственно заключается освободительное движеніе, вызванное крайними. Разумѣется, слѣдуетъ имѣть въ виду вліяніе на наше обновленіе умѣренныхъ либераловъ и умѣренныхъ прогрессистовъ; но болѣе всего оно вызвано, какъ и всѣ великія русскія реформы, высшими правительственными сферами во главѣ съ Государемъ Императоромъ, который нашелъ своевременнымъ уничтожить узко-бюрократическій старый режимъ, оказавшійся непригоднымъ для успѣшнаго веденія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ Россіи, и призвать русскій народъ къ самодѣятельной жизни. Очень бойкая и ничѣмъ не стѣсняющаяся литература тѣхъ же крайнихъ партій иногда заявляетъ, что въ 1861 году произведено освобожденіе крестьянъ по приказанію этихъ партій, но спрашивается, въ такомъ случаѣ, за что же убитъ тотъ добрый и доблестный человѣкъ, который такъ охотно исполнилъ ихъ приказаніе и освободилъ крестьянъ. Можетъ быть, тѣ же господа станутъ доказывать намъ, что и Гаагская международная конференція объ уничтоженіи войнъ также есть результатъ „освободительнаго движенія“ крайнихъ, а не результатъ добраго сердца нашего Государя, какъ до сихъ поръ всѣ это думаютъ.

Но, пожалуй, наиболѣе характернымъ признакомъ политическаго психоза слѣдуетъ считать *нецѣлесообразность поступковъ*, не отвѣчающихъ дѣйствительному положенію дѣлъ, какъ и *отсутствіе логики, здраваго смысла и послѣдовательности въ сужденіяхъ, съ массою противорѣчій и неисполнимыхъ требованій какъ это мы отчасти видѣли выше.* По поводу убійствъ, производимыхъ крайними лѣвыми, въ печати раздавались вопросы:

Digitized by Google

„почему, съ какой цѣлью, какой смыслъ этого звѣрскаго поступка“? На это слѣдовалъ примѣрно такой отвѣтъ: „Чѣмъ непонятнѣе, абсурднѣе убійство, тѣмъ оно лучше достигаетъ цѣли“. Впрочемъ, для объясненія своихъ непонятныхъ мыслей и соображеній, люди этого лагеря придумали и непонятное объясненіе: они говорятъ, что ихъ поступки такого рода не что иное, „какъ тактическій пріемъ“. Для доказательства сказаннаго приведемъ слѣдующіе примѣры. Начнемъ съ того, что чѣмъ лѣвѣе крайніе, тѣмъ они съ большимъ стараніемъ отрѣшаются *отъ религіи*, и если иногда они имѣютъ въ виду религію, то очевидно только въ силу „тактическаго пріема“, такъ-какъ есть много людей, которые не въ состояніи отрѣшиться отъ нея. Такъ, къ числу фракцій, принадлежащихъ къ крайнимъ политическимъ партіямъ, относится между прочимъ и „союзъ христіанской политики“; здѣсь весьма легко и развязно соединяютъ то, что никоимъ образомъ соединить невозможно, какъ масло и воду: это, съ одной стороны, насиліе и политическія убійства, а съ другой стороны, христіанство, проповѣдывающее любовь не только къ ближнимъ, но и къ врагамъ. Далѣе говорятъ о какихъ-то перемѣнахъ въ этическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ понятіяхъ людей, но забываютъ, что всѣ эти понятія, какъ было упомянуто, едины, вѣчны и неизмѣнны: отъ временъ Каина до самыхъ послѣднихъ дней убійство, противъ котораго говорило и будетъ говорить этика, нравственность и религія.—Затѣмъ уже давно замѣчено, что чѣмъ лѣвѣе партіи, тѣмъ болѣе онѣ требовательны, тѣмъ болѣе самодержавны и деспотичны, т. е. тѣмъ болѣе онѣ обнаруживаютъ сами то, противъ чего они яко-бы ратуютъ, т. е. деспотизмъ и абсолютизмъ. Тѣ же наиболѣе лѣвыя партіи требуютъ у правительства полной отмѣны смертной казни, но въ то же время сами очень часто приговариваютъ людей къ смерти, настойчиво выполняютъ приговоръ и рукоплещутъ убійствамъ съ политической цѣлью.

Мнѣнія и стремленія анархистовъ, соціалистовъ и пр. крайнихъ лѣвыхъ политическихъ партій ложны и по самому существу. Пожалуй, можно допустить, что у нихъ понятенъ и логиченъ, но только первый шагъ, а о дальнѣйшихъ шагахъ они вовсе не желаютъ думать, между тѣмъ все дѣло въ этихъ шагахъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти партіи рѣшили выразить протестъ существующему жизненному строю и вести борьбу противъ правительства. Конечно, этотъ первый шагъ слѣдуетъ считать весьма разумнымъ и достойнымъ всякаго сочувствія, если, дѣйствительно, жизненный строй требуетъ измѣненій и правительство заслуживаетъ отрицательнаго отношенія къ себѣ. Затѣмъ должны послѣдовать дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи путемъ преобразованій общественныхъ и правительственныхъ сферъ. Но дальнѣйшіе шаги, предпринимаемые этими партіями, совершенно непонятны и абсурдны и, несомнѣнно, ведутъ къ хаосу и къ бѣдствіямъ во всѣхъ отношеніяхъ, если только ихъ цѣль будетъ достигнута. Если

Digitized by Google

нѣчто подобное получилось отъ одной непродолжительной желѣзно-дорожной и почтово-телеграфной забастовки, то тѣмъ болѣе всего этого слѣдуетъ ожидать отъ многихъ попытокъ разрушенія жизненнаго и государственнаго строя, какъ того именно желаютъ эти люди. Всѣ мѣры, предлагаемыя этими крайними, такъ же справедливы и логичны, какъ если бы врачъ вмѣсто лѣченія болѣзни вздумалъ убить больного и такимъ образомъ уничтожить болѣзнь, или если бы хозяинъ ветхаго дома разрушилъ его, не выстроивъ предварительно новаго зданія. Говорятъ одни изъ этихъ людей такъ: уничтожимъ обветшалый строй, а тамъ видно будетъ, какъ взяться за дѣло. Другіе говорятъ, что послѣ уничтоженія государственнаго строя сложатся сами собой естественныя и разумныя отношенія между людьми. Но, спрашивается, почему все это будетъ такъ; совершенно неизвѣстно, почему все неестественно теперь, а будетъ все естественно потомъ; опять неизвѣстно и непонятно, почему все плохое нельзя измѣнить къ лучшему, никого не насилуя, не убивая и никого не обижая. Еще болѣе непонятнымъ является отношеніе крайнихъ политическихъ партій къ современному переходному состоянію нашей родины: эти партіи, можно сказать, стучатся и ломятся въ открытую дверь и притомъ крайне предосудительно, чтобы не сказать болѣе. Наше правительство, отказавшись отъ бюрократическаго строя, по манифесту 17 октября и другимъ, само сдѣлало первый шагъ къ нашему обновленію и возрожденію, личному, общественному и политическому и, предоставивъ намъ всѣ свободы, за исключеніемъ свободы производить преступленія, призвало всѣхъ гражданъ къ устроенію земли русской законодательнымъ путемъ. Казалось бы, слѣдуетъ только начать дѣло... Но вотъ, одни изъ насъ и большинство еще не проснулись, какъ слѣдуетъ, а другіе, поддавшись политическому психозу, начали сказку про бѣлаго бычка, начали борьбу съ призраками, затребовали непонятнаго, завѣдомо неисполнимаго, проливаютъ кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей и пр. Къ числу предъявляемыхъ ими завѣдомо неисполнимыхъ требованій относятся — уничтоженіе собственности и общность имуществъ, націонализація земель, полное уничтоженіе эксплуатаціи капитала и др.

Наконецъ, для характеристики людей, страдающихъ политическимъ психозомъ, укажемъ на ихъ полную *неспособность заняться живымъ и полезнымъ дѣломъ, плодотворнымъ трудомъ*. Встрѣчая на каждомъ шагу очевидныя и фактическія возраженія страннымъ стремленіямъ и нестѣсненные въ словахъ, всѣ эти люди, при обсужденіи общественныхъ и др. вопросовъ, обыкновенно обнаруживаютъ не объективное, серьезное и спокойное отношеніе къ дѣлу, въ виду его важности, а полнѣйшія—голословность, тенденціозность и разнузданность, постоянно полемизируя, а также преувеличивая, извращая и измышляя факты, такъ что все это рѣшительно подрываетъ успѣхъ того дѣла, за которое они берутся. Мало того, получается такое впечатлѣніе, что все это продѣлывается

Digitized by Google

крайними какъ бы умышленно для того, чтобы, какъ говорится, „провалить“ дѣло устроенія нашей родины. Очевидно для насъ, что это дѣло будетъ происходить тѣмъ медленнѣе, чѣмъ большую силу возьмутъ у насъ самые крайніе элементы.

Надо предполагать, что во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ политическій психозъ, выражающійся въ дѣйствіяхъ наиболѣе лѣвыхъ политическихъ партій, кромѣ бѣдствій (припомнимъ казнь Лавуазье и мн. друг.), ничего не давалъ человѣчеству. Улучшеніемъ человѣческихъ и общественныхъ отношеній и установленіемъ болѣе правильныхъ и справедливыхъ способовъ управленія государствомъ мы обязаны разнообразнымъ историческимъ моментамъ и въ особенности религіи, морали, мыслителямъ, ученымъ и вліяніямъ всѣхъ политическихъ партій, за исключеніемъ самыхъ крайнихъ лѣвыхъ и, вѣроятно, самыхъ крайнихъ правыхъ политическихъ партій, и вообще обязаны добрымъ и рѣшительнымъ людямъ, которые готовы жертвовать всѣмъ и даже своею жизнью для успѣшной проповѣди своего ученія и для проведенія въ жизнь новыхъ и болѣе разумныхъ началъ. Стало быть, мы обязаны всѣмъ наилучшимъ въ нашей жизни не тѣмъ, которые убиваютъ людей вслѣдствіе психоза или преступныхъ цѣлей (см. ниже), а тѣмъ, которыхъ иногда убиваютъ по глубокому недоразумѣнію и которые совершенно не помышляютъ объ убійствѣ другихъ, а только о ихъ благѣ.

Какой вредъ принесли и приносятъ такъ называемые крайніе прогрессисты въ переживаемое нами время, мы видимъ очень хорошо, а исторія еще подробнѣе разъясняетъ намъ это. Для насъ несомнѣнно, что, благодаря этимъ людямъ произошли декабрьскія событія въ Москвѣ, обагренія кровью родной земли ни въ чемъ не повинными жертвами долга, особенно на окраинахъ Россіи, иллюминаціи,—какъ они, крайніе, называютъ, весьма многихъ помѣстій, распущеніе Государственной Думы, весьма частыя ограбленія почтъ, винныхъ лавокъ и пр. и, наконецъ, то, что права, дарованныя намъ еще 17 октября прошлаго года, до сихъ поръ нами почти еще не использованы къ общему благополучію страны. Если же наступитъ „реакція“, то и этимъ опять-таки мы будемъ обязаны исключительно тѣмъ же крайнимъ элементамъ, которые могутъ внести настолько невыносимую смуту на почвѣ нарушенія законовъ, что правительство, быть можетъ, также рѣшится на крайнія и сильныя средства и постарается совершенно парализовать дѣйствія этихъ элементовъ, при чемъ дѣло, вѣроятно, не обойдется безъ кровавыхъ расправъ вообще и въ частности по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ виноваты только тѣмъ, что въ наше тревожное и безпокойное время допустили себя до развитія политическаго психоза. Все это будетъ тѣмъ болѣе прискорбно, что, какъ мы предполагаемъ, далеко не всѣми крайними руководили и руководятъ узкіе эгоистическіе разсчеты и злая воля преступнаго свойства. Но рѣшительно невозможно сомнѣваться въ томъ, что есть и такіе люди, которые, не думая о политикѣ

Digitized by Google

и не заботясь о благѣ ближнихъ, а напротивъ, дѣйствуютъ, вѣроятно, въ союзѣ съ крайними, изъ чисто личныхъ интересовъ, ради наживы и изъ злого умысла. Вотъ этимъ и объясняется эта масса убійствъ и грабежей всякаго рода, явленіе очень характерное для нашего такъ называемаго „освободительнаго движенія".

Подъ конецъ замѣтимъ, что въ нашей періодической медицинской прессѣ есть указанія на то, что „во многихъ случаяхъ нашего освободительнаго движенія политическіе преступники находятся въ психически-ненормальномъ состояніи и въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости". Остается пожалѣть, что многіе изъ такихъ людей и ихъ окружающіе слишкомъ поздно сознаютъ ихъ ненормальное состояніе, когда лѣченіе становится уже невозможнымъ.

Мы глубоко вѣруемъ въ разумность и жизненность человѣческой природы и полагаемъ, что политическій психозъ—такая болѣзнь, которая заблаговременно излѣчивается сравнительно легко и очень основательно. Впрочемъ, возможно излѣченіе ея весьма нежелательнымъ способомъ, а именно—путемъ перехода этого болѣзненнаго состоянія въ нашу обыкновенную апатію и спячку, т.-е. нѣкоторымъ образомъ путемъ превращенія болѣзни активной въ болѣзнь пассивную, которой подвержены весьма многіе изъ насъ. Нѣчто подобное наблюдается въ томъ случаѣ, когда въ наше время изъ горячаго и краснаго либерала получается со временемъ заурядный чиновникъ. Такое излѣченіе нельзя считать разумнымъ и желательнымъ. Но если бы представлялся выборъ изъ двухъ золъ меньшаго, то, конечно, слѣдовало бы избрать лучше безобидную (?) спячку, чѣмъ зловредный и преступный психозъ. Во всякомъ случаѣ, весьма желательно видѣть превращеніе активной болѣзни въ активное же нормальное состояніе, т.-е. освободиться отъ политическаго психоза, какъ и отъ спячки, и обновиться и возродиться къ новой болѣе разумной жизни. Достигается это путемъ сначала спокойнаго и вдумчиваго взвѣшиванія собственныхъ силъ (познанія самого себя) и обсужденія окружающихъ явленій, а потомъ путемъ окончательнаго рѣшенія о собственномъ отношеніи къ нимъ и выполненія на дѣлѣ этого рѣшенія, съ провозглашеніемъ девиза — „соотвѣтствующій трудъ и работа", при полномъ внутреннемъ удовлетвореніи и достиженіи жизнерадостнаго чувства въ теченіе всей жизни... Но для этого всѣмъ намъ необходимо избавиться отъ неопредѣленности, темноты и хаотичности въ нашей душевной жизни и твердо знать, гдѣ свѣтъ, гдѣ смыслъ нашего жизненнаго существованія.

Digitized by Google

III.

Свѣтъ. Религіозное сознаніе.

Итакъ, давно пора однимъ изъ насъ пробудиться, а другимъ освободиться отъ политическаго психоза, успокоиться, а тѣмъ и другимъ добиться душевной удовлетворенности и душевнаго равновѣсія, уяснивъ себѣ все то, что такъ волнуетъ насъ въ настоящее время, и дѣятельно приняться за плодотворную работу для ближнихъ, для родины и для человѣчества.

Надо всегда помнить, что намъ дано очень много наилучшаго, и этимъ мы должны воспользоваться, если не желаемъ получить наихудшее. Отъ насъ самихъ зависитъ и свѣтъ и хаосъ, красота и безобразіе, счастіе и отчаяніе, жизнь и смерть. Благо, находящееся внутри насъ, выше благъ матеріальныхъ, благъ окружающаго міра, и зло наше—хуже всякаго зла, находящагося въ мірѣ. Почти всегда обладатели многихъ матеріальныхъ благъ бываютъ недовольны и собою и окружающимъ, а, напр., извѣстно, что христіане первыхъ вѣковъ съ радостью шли на мученіе и смерть: ихъ жизнерадостность и счастье, вслѣдствіе сознанія ихъ праведности и вслѣдствіе предвѣдѣнія будущей жизни, были настолько велики, что даже перспектива страшныхъ мученій и смерть не могли нарушить ихъ внутренняго благосостоянія.

Гдѣ же свѣтъ, красота, счастье и жизнь? Все это должно заключаться и въ нашемъ религіозно-нравственномъ сознаніи, и въ томъ внутреннемъ умиротвореніи и удовлетвореніи, которыя должны получаться нами всякій разъ послѣ выполненія труда, работы, согласно велѣніямъ этого сознанія.

Что *религія составляетъ основу жизни человѣка*, это такъ же вѣрно, какъ всякая аксіома или истина, не требующая доказательствъ по своей очевидности. Нѣтъ во всемъ мірѣ столь великаго блага для человѣка, какъ его религія, религіозное сознаніе, заключающееся въ немъ самомъ, и нѣтъ для человѣка такого глубокаго несчастія, какъ отрѣшеніе его отъ религіи. Основныя заповѣди Христа—исканіе Бога, Его царствія на землѣ, любовь къ Богу, какъ къ существу по сравненію съ нами высшему, разумному и всемогущему, а также любовь къ ближнимъ и др.,—должны пребыть основами нашего общественнаго устройства и частной жизни. Нельзя не согласиться съ тою мыслью, что безвѣріе это—тонкій ледъ, по которому, пожалуй, еще можетъ пройти одинъ человѣкъ, но цѣлый народъ упадетъ въ бездну. Но и для внутренняго благосостоянія каждаго человѣка религія—самое неоцѣненное благо, и отсутствіе ея даетъ о себѣ знать самымъ печальнымъ образомъ и является плодомъ недоразумѣнія и извращенія чувства или ошибкой слабаго и полуспящаго ума, преимущественно вслѣдствіе отсутствія правильнаго воспитанія и самовоспитанія.

Digitized by Google

Не зря говорили весьма проницательные и умные люди, что, если бы не было Бога, то Его, ради благосостоянія людей, слѣдовало бы изобрѣсти, а ученые считаютъ доказаннымъ, что Іисусъ Христосъ есть центръ исторіи и ея геній или, попросту, какъ давно говорилъ народъ и какъ утверждалъ то Самъ Христосъ, „Онъ Богъ и Спаситель міра“. Извѣстно, что весьма многія и великія общественныя преобразованія всегда были и будутъ послѣдствіемъ религіозныхъ движеній.

Къ числу самыхъ сильныхъ доказательствъ, что все только что сказанное о религіи дѣйствительно справедливо, если, впрочемъ, потребовались бы такія доказательства, надо отнести то, что все приведенное когда-либо противъ религіи и противъ существованія Бога въ сущности не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и представляетъ не что иное, какъ очевидную нелѣпость и абсурдъ, такъ что все, что приводилось и можно было привести противъ существованія Бога и признанія и исповѣдыванія религіи, является очень вѣскимъ доказательствомъ за существованіе и необходимость отвергаемаго.

Возьмемъ для примѣра *религіозное невѣріе и религіозный индифферентизмъ*, вырастающіе на почвѣ нравственной спячки при отсутствіи какого бы то ни было воспитанія и самовоспитанія. Это—случаи наиболѣе частые. Но спросите людей такого рода въ минуты ихъ пробужденія и просвѣтлѣнія, какъ они оцѣнятъ хотя бы такія заповѣди Христа, какъ: блаженны чистые сердцемъ; любите ближняго, какъ самого себя; благословляйте ненавидящихъ васъ; ищите прежде всего царствія Божія и правды его и этого всего достигнете, и многое другое, подобное этому. Развѣ эти люди не должны сознаться, что, дѣйствительно, это—святыя заповѣди и Божіи слова! Можно только пожалѣть тѣхъ, которые не понимаютъ и не знаютъ, что все самое великое и самое разумное для насъ уже находится въ числѣ основныхъ истинъ Христовой вѣры. Развѣ мы не обязаны устраивать наши отношенія къ людямъ и наши общественныя дѣла именно такъ, какъ это слѣдуетъ по законамъ религіи, если хотимъ добиться полнаго и прочнаго благосостоянія людей? Вѣдь только любовью и справедливостью держится и движется жизнь! Истины и завѣты Христа такъ глубоки и высоки, что для насъ въ настоящее время полное пониманіе ихъ рѣшительно еще невозможно, и, вѣроятно, потребуется много вѣковъ, чтобы приблизиться людямъ къ полному уясненію (умомъ) Евангелія, этой Божественной книги (такъ ясно и просто понимаемой сердцемъ и чувствомъ), и устроить жизнь согласно ея предписаніямъ въ видахъ созданія царствія Божія на землѣ. Наше невѣріе и индифферентизмъ въ религіозномъ отношеніи правильнѣе назвать *непониманіемъ религіи или нежеланіемъ понять ее или безсиліемъ понять религіозныя истины.*

Итакъ, на свѣтѣ можно жить, а не прозябать въ полудремотѣ, но только тогда, когда есть смыслъ и цѣль жизни и

Digitized by Google

притомъ настолько высокіе, что ради осуществленія ихъ на дѣлѣ можно было бы не только приложить всѣ свои силы, но даже и пожертвовать своею жизнью. Такой смыслъ и такая цѣль заключаются только въ религіи, въ религіозномъ сознаніи, а главное—въ дѣйствительномъ проведеніи завѣтовъ Христа въ жизнь.

Надо имѣть въ виду, что большая часть людей, живущихъ въ религіозномъ невѣріи и безразличіи, рано или поздно возвращается къ той религіи, на лонѣ которой они родились и отъ которой они отстранились, начиная потомъ соблюдать лишь ея обрядности, но, къ глубокому сожалѣнію, довольно часто и это бываетъ слишкомъ поздно, только на склонѣ лѣтъ. Нѣкоторые люди, отстранивъ себя отъ религіи и не видя никакого смысла для своего существованія, кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Но многіе изъ этихъ людей, по той же причинѣ, если не погибаютъ, то влачатъ свое жалкое существованіе часто безъ всякаго довольства собою и своею дѣятельностью до конца своей жизни; иногда, впрочемъ, они оживляются по временамъ, благодаря или самопоклоненію или поклоненію какому-либо авторитету.

Разобранный типъ безрелигіозныхъ людей, по нашему мнѣнію, довольно часто сочетается съ другимъ типомъ невѣрующихъ людей, а именно — съ людьми невѣрующими по идеѣ, *съ нигилистами и матеріалистами*; но эти послѣдніе врядъ-ли встрѣчаются въ жизни въ чистой формѣ, безъ комбинаціи съ людьми предыдущаго сорта. По поводу этого типа людей скажемъ слѣдующее. Познаніе Бога и усвоеніе Его ученій, по Евангелію, нераздѣльныхъ съ Нимъ, есть вполнѣ естественное и реальное дѣло сердца и чувства, и нашъ умъ не можетъ не признать того, что дѣйствительно имѣется въ природѣ нашего внутренняго сознанія, ничѣмъ не усыпленнаго и не сдѣлавшагося одностороннимъ и узкимъ, напр., исключительнымъ изученіемъ наукъ. Въ самомъ сердцѣ нашемъ предначертаны основы христіанскаго ученія и представленіе о существованіи въ природѣ чего-то высшаго, мудраго и весьма цѣлесообразнаго по сравненію съ нами, слабыми и переполненными недостатками. Говоря фактически, объективно, Іисусъ Христосъ, дѣйствительно, былъ Богъ, т. е. Существо высшее, чѣмъ человѣкъ: въ Его природѣ въ огромной мѣрѣ было то, что въ насъ, и притомъ въ наиболѣе одаренныхъ, вложено лишь въ очень незначительномъ количествѣ, какъ говорится, въ видѣ „искры Божіей“. Онъ исцѣлялъ весьма многихъ больныхъ и Онъ преподалъ намъ такое ученіе, которое въ полномъ смыслѣ должно считаться ученіемъ отъ Бога, а не отъ человѣка. Мы, люди, еще не можемъ не только всецѣло слѣдовать ему, но, какъ было разъяснено, и понять его, какъ слѣдуетъ: это ученіе выше всякой человѣческой мудрости и выше всѣхъ наукъ. Науки вовсе не говорятъ противъ существованія Бога, воскресенія душъ, возмездія за грѣхи и пр. Противъ всего этого можетъ еще говорить грубый матеріализмъ и механизмъ, которыхъ въ настоящее

Digitized by Google

время уже не признаютъ естественныя науки въ основѣ своего міросозерцанія, въ основѣ происхожденія животныхъ существъ и пр., но видятъ онѣ въ основѣ всего этого совершенно иное, а именно—начала эволюціи, высшее совершенствованіе и высшее развитіе животнаго и растительнаго царства, что вполнѣ согласно съ началами нравственности и съ признаніемъ существованія всесовершеннѣйшаго Бога, Творца совершенной природы. Прогрессъ наукъ никогда не находился въ противорѣчіи съ основами религіи и вѣры, и истинно религіозный человѣкъ никогда не былъ и не будетъ обскурантомъ, какъ это иногда утверждается узкими представителями современной науки, конечно, если только подъ религіей не подразумѣвается одна только ея скорлупа, одна обрядность и внѣшность ея. Припомнимъ *Ньютона*, всегда столь искренно выражавшаго свои чувства благоговѣнія передъ Творцомъ вселенной, что этотъ славный ученый, могучій и безсмертный геній человѣчества, не могъ упоминать имя Бога съ покрытой головой. Припомнимъ *Колумба*, котораго побудило открыть новыя страны желаніе проповѣдывать въ нихъ истины Евангелія. Припомнимъ *Песталоцци* и весьма многихъ другихъ педагоговъ, ученыхъ и мыслителей, у которыхъ геніальный умъ и былъ геніаленъ вслѣдствіе того, что онъ, по выраженію *Бѣлинскаго*, былъ осердеченъ истинами религіи.

Не слѣдуетъ забывать, что въ сущности *все въ нашей жизни—тайна.* Всѣ явленія, окружающія насъ—и весьма обыденныя и простыя, и тѣ, которыя изучаютъ науки, представляются нашему уму, какъ нѣчто неизвѣстное и тайное, и если они не кажутся намъ такими съ перваго раза, то только потому, что они для насъ сдѣлались уже очень обыденными. Науки стремятся раскрыть эти тайны; но, надо думать, онѣ не раскроютъ намъ этихъ тайнъ окончательно, даже въ томъ случаѣ, если движенія наукъ впередъ никогда не остановятся, хотя всѣ науки даютъ и всегда будутъ давать людямъ очень многое для ума, для улучшенія ихъ существованія въ различныхъ отношеніяхъ. Только религія такъ ясно, просто и окончательно раскрываетъ намъ тайны бытія въ опредѣленномъ смыслѣ и путемъ таинствъ пріобщаетъ насъ къ духовной жизни всей вселенной, вѣчной и разумной.

Далѣе, говорятъ теперь „объ идеалѣ общества, управляемаго наукой“, „о культѣ разума, составляющемъ религію“. Но слѣдуетъ всегда помнить, что обществомъ и отдѣльными лицами должна управлять только религія и что *только религія въ состояніи указать намъ на смыслъ жизни, на цѣль нашего существованія, науки же представляютъ намъ отнюдь не цѣль для нашего существованія, а только средства для выполненія нашихъ жизненныхъ цѣлей въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.* Наука обыкновенно ставитъ себѣ различнаго рода цѣли, но исключительно для рѣшенія своихъ собственныхъ задачъ. Ни соціологія, ни политическая экономія, ни какая-либо иная наука не въ состояніи указать намъ цѣль и смыслъ

Digitized by Google

жизни, хотя онѣ могутъ служить намъ въ качествѣ методовъ и способовъ для достиженія намѣченныхъ нами при помощи религіи цѣлей. Какъ было сказано, только истины религіи „едины, вѣчны и неизмѣняемы", истины же наукъ — множественны, невѣчны и измѣняемы и даже по существу должны быть измѣняемы. *Религія*, хотя и не враждебна прогрессу, но сама *въ своихъ основахъ прогрессировать не можетъ и не имѣетъ въ томъ нужды. Только люди должны прогрессировать въ возможно болѣе правильномъ пониманіи ея основъ—съ юныхъ лѣтъ до конца своей жизни.*

Итакъ, должно быть у каждаго истинно интеллигентнаго человѣка „нѣчто" несравненно высшее, чѣмъ науки, т. е. религіозныя вѣрованія. Но если все наше развитіе и всѣ наши стремленія не идутъ далѣе „послѣдняго слова науки", то, слѣдовательно, наши самые высокіе и благороднѣйшіе идеалы не переходятъ за предѣлы культа науки, т. е. за предѣлы поклоненія тому же человѣку. Въ виду этого и долженъ быть высокій идеалъ, божественныя истины, къ которымъ мы должны возможно болѣе приближаться въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ, чтобы сдѣлать жизнь наиболѣе содержательной и привлекательной.

Все сказанное нами до сихъ поръ о религіи, какъ мы думаемъ, подтверждается между прочимъ мыслями *Фихте*, извѣстнаго ученаго и матеріалиста, который въ статьѣ подъ заглавіемъ—„Назначеніе человѣка" приходитъ къ тому заключенію, что назначеніе человѣка сводится „къ реализаціи въ земной жизни Божественнаго первообраза".

Невѣрующіе люди, чтобы хоть немного понять смыслъ и цѣль своего существованія и оправдать свои поступки, прибѣгаютъ къ различнаго рода неопредѣленнымъ и смутнымъ *суррогатамъ религіи*, напр., говорятъ о всечеловѣческомъ идеалѣ, о морали, моральномъ сознаніи, или объ этикѣ, этическихъ цѣляхъ, объ альтруизмѣ, альтруистическихъ цѣляхъ и пр. А тамъ, гдѣ нужно говорить о Богѣ, упоминаютъ, напр., о совершенно непонятномъ „абсолютѣ". Такъ, между прочимъ тотъ-же *Фихте* въ упомянутомъ сочиненіи говоритъ, что „міръ представляетъ порожденіе абсолюта". Но, конечно, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ „абсолютѣ", слѣдуетъ прочесть нѣсколько томовъ, книгъ философскаго содержанія и убѣдить себя подъ конецъ въ томъ, что этотъ „абсолютъ" болѣе или менѣе понятенъ.

Своего рода спячка и инерція, хотя и не у однихъ только русскихъ людей, обнаруживаются на весьма многихъ лицахъ, исповѣдывающихъ религію, и часто на представителяхъ ея, съ виду ревностныхъ, именно—сосредоточеніемъ ихъ „только" или „болѣе всего" *на обрядностяхъ и внѣшностяхъ религіи*. Отсюда лишь формальное и поверхностное отношеніе къ основамъ религіи, настолько, что поступки многихъ людей рѣшительно не согласуются съ основными заповѣдями Христа.

Digitized by Google

Вслѣдствіе чего, какъ было разъяснено, происходятъ главнымъ образомъ всѣ наши недостатки и неурядицы въ личной и общественной жизни, во внутренней и внѣшней политикѣ.

Съ другой стороны, рѣшительно невозможно согласиться съ тѣми людьми, которые, придавая огромное значеніе заповѣдямъ Христа, однако, желали бы совершенно отрѣшиться отъ религіозныхъ обрядностей и внѣшностей и даже отъ христіанской церкви. Ставя выше всего единственно только дѣятельное проведеніе въ жизнь заповѣдей Христа, мы глубоко убѣждены въ томъ, что ради такого проведенія люди безъ внѣшностей и обрядностей въ религіи и тѣмъ болѣе безъ церкви обойтись никоимъ образомъ не могутъ. Дѣло въ томъ, что наше внутреннее религіозное сознаніе должно извѣстнымъ образомъ формироваться, реализироваться посредствомъ внѣшнихъ впечатлѣній, конечно, съ тою цѣлью, чтобы отрѣшиться, хотя бы временно, отъ житейской суеты, настроить себя на особый ладъ и приблизиться къ высшему идеалу, къ Богу премудрости, совершенства и правды, при содѣйствіи тѣхъ таинствъ, священнодѣйствій и пѣній, которыя были установлены въ древнѣйшія времена отцами церкви. Какъ умилительно, трогательно и свято присутствовать на такомъ богослуженіи, которое было учреждено болѣе, чѣмъ 1500 лѣтъ тому назадъ! Послѣдующимъ и современнымъ представителямъ православной церкви мы обязаны торжественностью богослуженій и ихъ благотворнымъ вліяніемъ на вѣрующихъ, а также сохраненіемъ богослуженій въ той чистотѣ, въ какой они были въ глубокой древности. Богослуженія эти, цѣлесообразныя и для нашихъ дней, показываютъ намъ, что обрядности и особенно истины христіанской вѣры и отношенія къ нимъ людей должны быть вѣчны и юны во всѣ времена. И простой рабочій, и высокообразованный человѣкъ, но съ открытымъ и чистымъ сердцемъ, найдутъ въ этихъ богослуженіяхъ то, чего ищутъ—успокоенія, умиротворенія и вразумленія для своихъ и общественныхъ дѣлъ.

Разумѣется, нельзя сочувствовать и противоположнымъ взглядамъ на религіозныя обрядности и внѣшности, которымъ придается иногда почти первостепенное значеніе. Если бы всѣ христіанскія религіи придавали наибольшое значеніе именно исповѣдыванію основныхъ заповѣдей Христа, то тѣмъ самымъ фактически совершилось бы и соединеніе церквей, такъ какъ истины евангелія однѣ и тѣ же, и кромѣ того, при этихъ условіяхъ, былъ бы излишенъ переходъ изъ одной религіи въ другую, и тѣмъ болѣе старанія представителей ея совращать людей къ такому переходу, несомнѣнно, представляютъ явленія весьма жалкія, такъ какъ въ этихъ случаяхъ придаютъ значеніе не столько сущности христіанскихъ религій, которая для нихъ одна и та-же, сколько внѣшностямъ и обрядностямъ, т. е. тому, что слѣдуетъ считать, хотя и необходимымъ, но второстепеннымъ.

Закончимъ эту главу словами извѣстнаго педагога *К. Ушинскаго* о различныхъ религіяхъ. „Православная религія сохра-

Digitized by Google

няетъ въ себѣ не только общія основныя истины христіанства, но и свои древнія формы, и можетъ сдѣлаться религіей великаго и образованнаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивилизаціи. Главнымъ мотивомъ католицизма служило не распространеніе истинъ христіанства, а земное владычество католическихъ прелатовъ... Протестантизмъ силенъ лишь до тѣхъ поръ, пока протестуетъ... Православная религія величественно идетъ по своему пути: она свято сохраняетъ древнія формы христіанства, не объявляетъ никакихъ претензій на земную власть, но благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ" (*Ушинскій* К., „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи", 1894 г.).

IV.

Воспитаніе, самовоспитаніе и школа, а также направленіе реформъ.

Итакъ, вся наша жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ, должна быть дѣятельнымъ выраженіемъ нашего истинно-религіознаго и нравственнаго сознанія и ближе всего это сознаніе должно касаться воспитанія и школы, которыя, въ свою очередь, при соотвѣтственной организаціи, будутъ служить намъ основами и руководителями нашей дѣятельности во всѣхъ отношеніяхъ и въ теченіе всей жизни. Отсюда до нѣкоторой степени опредѣляется важность всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые связаны съ сущностью воспитанія и съ устраненіемъ школъ различныхъ родовъ — элементарныхъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ. Рѣшительно нѣтъ никакого преувеличенія въ прекрасныхъ словахъ того же *Ушинскаго*, а именно: „Устройство хорошихъ народныхъ школъ, правильно развивающихся и правильно воспитывающихъ народъ, есть одна изъ самыхъ выгодныхъ и самыхъ прочныхъ финансовыхъ операцій... Время, трудъ, честность, знаніе, умѣніе владѣть собою—физическія, умственныя и нравственныя силы человѣка—это единственные творцы всякаго богатства" (*Ушинскій*, К., см. выше). Ясно само собой, что все дѣло не столько въ хорошихъ общественныхъ учрежденіяхъ и хорошихъ государственныхъ управленіяхъ, сколько въ честныхъ, дѣловыхъ и знающихъ людяхъ: такіе люди и плохія учрежденія и управленія сдѣлаютъ сносными, тогда какъ плохіе люди, безъ сомнѣнія, испортятъ и самыя лучшія общественныя и государственныя учрежденія. „Тщетны всѣ попытки улучшить жизнь міра, — говоритъ *Францъ Гартманъ*, — до тѣхъ поръ, пока сами люди не станутъ лучше; улучшеніе каждаго отдѣльнаго человѣка есть вѣрнѣйшее средство улучшенія жизни міра".

Разумѣется, въ виду чрезвычайной важности школьнаго дѣла и дѣла воспитанія, въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо, требуются такія *опредѣленность*, *ясность*

Digitized by Google

и цѣлссообразность, которыя въ состояніи были бы дать намъ полную убѣжденность и увѣренность въ томъ, что мы поступаемъ въ этомъ дѣлѣ правильно. Но, къ великому сожалѣнію, говоря словами *Сикорскаго*, „мы очень мало свѣдущи въ дѣлѣ воспитанія“ (*Сикорскій*, И. „Психологическія основы воспитанія“, рѣчь, Кіевъ. 1905). Къ такой неосвѣдомленности, общей для всего цивилизованнаго міра, присоединяются еще наши апатія, сонливость и слѣдовательно, безпечность, равнодушіе и пр. Здѣсь мы постараемся дать небольшой матеріалъ для уясненія сущности и направленія воспитанія и школьнаго дѣла, но предварительно скажемъ слѣдующее.

Существуютъ у насъ немалыя препятствія для правильнаго пониманія воспитанія и школьнаго дѣла. Въ настоящее время мы еще разно понимаемъ слова—умный, воспитанный и религіозный. Умнымъ человѣкомъ весьма многіе называютъ человѣка ловкаго и практичнаго для себя, воспитаннымъ человѣкомъ—того, кто усвоилъ себѣ пріятныя манеры, и религіознымъ—того, кто занятъ почти исключительно одной внѣшностью и обрядностью религіи. На школу и воспитаніе мы смотримъ почти всегда, какъ на „дойную корову“, какъ на средства къ жизни, и только. Почему-то всѣ стараются, если позволяютъ средства, дать своимъ дѣтямъ во что бы то нистало непремѣнно высшее образованіе, даже въ томъ случаѣ, если они не склонны къ нему, но при этомъ забывается, что для государства, общества и отдѣльныхъ лицъ выгоднѣе и полезнѣе имѣть хорошаго мастерового, дѣльнаго рабочаго, чѣмъ плохого интеллигентнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, есть много людей съ высшимъ образованіемъ, занимающихъ значительныя и отвѣтственныя должности, но которые съ большей пользой для себя и для общества могли бы занимать другія мѣста. А между тѣмъ какая масса талантливыхъ людей, которые за недостаткомъ средствъ для дальнѣйшаго образованія, не въ состояніи занимать мѣста, соотвѣтствующія ихъ дарованіямъ. Не должна ли, кстати сказать, колоть глаза нѣкоторымъ, а можетъ быть многимъ изъ насъ та правда, что люди цѣлью прохожденія школъ и своего образованія ставятъ почти исключительно наживу или достиженіе различныхъ плановъ эгоистическаго и честолюбиваго свойства, пользуясь протекціей, умѣлой ворожбой бабушекъ и пр. Но прискорбнѣе всего видѣть то, что весьма многіе изъ молодыхъ людей превращаются со временемъ изъ горячихъ либераловъ въ самыхъ обыкновенныхъ бюрократовъ. Объ этомъ стоитъ призадуматься... А какъ будетъ названа объективно исторіей русская школьная забастовка, все еще продолжающаяся до сихъ поръ, которую такъ единодушно проводитъ болѣе взрослая молодежь почти во всѣхъ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и которая ведетъ къ параличу всѣхъ умственныхъ способностей у учащихся (см. *Сикорскій*, l. c.)?..

Теперь обратимся къ школамъ и воспитанію. Должна существовать тѣсная связь между реформами школы и воспитанія, съ одной стороны, и реформами общественной жизни,

Digitized by Google

съ другой, т. е. нельзя говорить о первыхъ, не имѣя въ виду вторыхъ и наоборотъ. Возможно допустить, что есть счастливыя натуры, которыя могутъ развиться и расцвѣсти, несмотря на неблагопріятныя общественныя условія и, быть можетъ, именно—благодаря этимъ неблагопріятнымъ условіямъ; но большинство людей, несомнѣнно, будетъ съ большимъ вредомъ для своего внутренняго развитія нести гнетъ общественнаго неустроенія. Если внѣшнія условія сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ на свойства растеній и животныхъ, то тѣмъ болѣе эти условія могутъ повліять на развитіе человѣка въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ. Далѣе, существуетъ также связь между школою и воспитаніемъ: нельзя строго отдѣлять воспитаніе отъ школы и школу отъ воспитанія; тамъ, гдѣ школа, слѣдуетъ и воспитывать, и тамъ, гдѣ воспитываютъ, должна быть и школа. Подъ школою почти всегда понимаютъ обученіе въ томъ или другомъ направленіи, начиная отъ обученія ремеслами и грамотою, до высшаго техническаго обученія или образованія. Подъ воспитаніемъ слѣдуетъ подразумѣвать религіозно-нравственное развитіе. Образованіе предполагаетъ сравнительно высокій уровень воспитанія и школьнаго обученія. Различаютъ самовоспитаніе, самообученіе и самообразованіе, веденныя болѣе или менѣе самостоятельно самимъ воспитывающимся и образовывающимся.

Мы полагаемъ, что *самовоспитаніе*, какъ и *самообученіе* и *самообразованіе*, слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ это принято, такъ какъ въ сущности никто не воспитываетъ человѣка, не обучаетъ его и не образовываетъ, но всегда человѣкъ самъ воспитываетъ себя или самъ обучаетъ и образовываетъ себя, хотя при большемъ или меньшемъ содѣйствіи постороннихъ лицъ, учебныхъ предметовъ, внѣшнихъ обстоятельствъ и пр. Вотъ, благодаря такому самовоспитанію или самообученію, или самообразованію, которыя всякій разъ имѣются въ дѣйствительности, различные люди, различные индивидуумы обнаруживаютъ крайне различный результатъ своего саморазвитія въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, какъ и въ физическомъ, несмотря на одинаковую школу, одинаковое обученіе и вообще одинаковое воспитательное воздѣйствіе. Кромѣ того, быть можетъ, съ большей пользой для дѣла слѣдуетъ всегда имѣть въ виду не воспитаніе вообще, а въ частности данное самовоспитаніе или *индивидуальное воспитаніе*, *индивидуальное обученіе* и пр., подобно тому, какъ въ медицинѣ общее понятіе о лѣченіи болѣзней различными средствами съ большой пользой для дѣла замѣняется частнымъ понятіемъ о самоизлѣченіи даннаго больного индивидуума при содѣйствіи примѣняемыхъ врачемъ средствъ. Такимъ образомъ, физіологія самоизлѣченія различныхъ индивидуумовъ, какъ проявленія цѣлебной силы природы, направляемой цѣлесообразно врачебными мѣрами, и представляетъ не что иное, какъ сущность индивидуализированнаго лѣченія больныхъ людей. Слѣдовательно,

Digitized by Google

сущность индивидуальнаго воспитанія и пр. или сущность самовоспитанія etc. сводится къ большей или меньшей способности различныхъ индивидуумовъ развиваться во всѣхъ отношеніяхъ при содѣйствіи разнообразныхъ педегогическихъ и иныхъ мѣръ. Разумѣется, существуетъ связь между индивидуальнымъ самовоспитаніемъ и пр. и индивидуальной физіологіей и психологіей, но, къ сожалѣнію, все это такія области знанія, которыя требуютъ разработки спеціальнаго характера.

Теперь, согласно всему сказанному, постараемся выяснить *цѣль, направленіе и принципы воспитанія и школьнаго образованія*. Достиженіе свѣта человѣкомъ или достиженіе разумнаго, человѣческаго *счастья и жизнерадостности* мыслимо только *при подъемѣ нашего духа и при существованіи душевнаго и тѣлеснаго здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе всего вслѣдствіе сознанія осмысленности нашего существованія вообще и въ частности вслѣдствіе удовлетворенности удачно выполняемыми частными дѣлами на пользу ближнихъ и нашу*. Разумѣется, воспитаніе и школа обязаны дать людямъ соотвѣтствующія въ большей или меньшей мѣрѣ подготовки въ духовномъ, умственномъ и спеціальномъ отношеніяхъ, а также въ физическомъ отношеніи, въ видахъ достиженія каждымъ человѣкомъ, по мѣрѣ его силъ и способностей, возможно большаго успѣха при выполненіи его дѣла. Такимъ образомъ, цѣлью воспитанія во всѣхъ школахъ будетъ усвоеніе и усовершенствованіе основъ человѣческаго духа, а именно—религіозно-нравственныхъ началъ, различнаго рода чувствъ вообще и моральныхъ чувствъ въ частности—чувства правды, справедливости, красоты, долга, чести и пр., а также усовершенствованіе и развитіе мышленія (ума), воображенія и воли, при гармоническомъ сочетаніи всѣхъ этихъ способностей, при чемъ производится и нѣкотораго рода нивеллировка ихъ и, напротивъ, развитіе тѣхъ или другихъ добрыхъ индивидуальныхъ качествъ. Кромѣ того, несомнѣнно слѣдуетъ имѣть въ виду физическое развитіе и физическій трудъ. При этомъ подразумѣвается и собственно школьное воспитаніе и обученіе всѣхъ родовъ, начиная отъ элементарнаго образованія, средняго—общеобразовательнаго и кончая высшимъ спеціальнымъ и техническимъ образованіемъ всѣхъ видовъ, а также знакомство съ ремеслами и пр. Въ результатѣ прохожденія каждой изъ этихъ школъ должна быть воспитана идея *о необходимости дальнѣйшаго внѣшкольнаго самоусовершенствованія въ различныхъ отношеніяхъ, въ нравственномъ, умственномъ, а также въ спеціальномъ, техническомъ и пр. отношеніяхъ*". Кромѣ того, каждая школа обязана выдвинуть наиболѣе способныхъ, достойныхъ и даровитыхъ молодыхъ людей, а общество дать матеріальныя средства, для дальнѣйшаго усовершенствованія такихъ людей по различнымъ спеціальностямъ.

Теперь подойдемъ къ дѣлу нѣсколько ближе. Всѣмъ школамъ должна быть предоставлена автономія, въ смыслѣ самостоятельности и самодѣятельности педагогическихъ совѣтовъ

Digitized by Google

въ постановкѣ и рѣшеніяхъ спеціальныхъ школьныхъ вопросовъ, но, конечно, всякій разъ послѣ подробнаго обсужденія дѣла, при широкой гласности и съ вѣдома и съ утвержденія представителей народа и высшей правительственной власти въ случаяхъ наиболѣе важныхъ. При этомъ вполнѣ устраняются изъ школы административный бюрократизмъ, формализмъ канцелярій и сословность. Далѣе, въ виду огромной важности школьнаго дѣла и для достиженія возможно большей производительности школъ, въ нихъ самымъ тщательнымъ образомъ должна быть исключена всякая (активная) политика, которая, не достигая здѣсь цѣли, однако, можетъ только отвлечь юношей отъ ихъ серьезнаго дѣла. Школьное дѣло, какъ и семейное воспитаніе, должно основываться на тѣснѣйшемъ и искреннѣйшемъ взаимодѣйствіи воспитанниковъ и воспитателей съ преобладаніемъ естественнаго авторитета послѣднихъ по отношенію къ первымъ. Поэтому здѣсь прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду опредѣленный уровень совершенства и подготовки самихъ учителей, главнымъ образомъ въ религіозно-нравственномъ и умственномъ отношеніи. Каждый *воспитатель* и *учитель* обязаны вложить въ это дѣло всю свою душу и все свое разумѣніе и должны сдѣлаться отцомъ, другомъ и товарищемъ юношей. Н. Пироговъ подразумѣвалъ слѣдующія качества учителей и профессоровъ: 1-е—прямодушіе, 2-е—преданность своему дѣлу и убѣжденность въ истинѣ преподаваемаго и 3-е—довѣріе къ ученикамъ. „Всѣ знаютъ, что надо почитать старость, но и молодость должно уважать“, говорилъ этотъ замѣчательный ученый и мыслитель во время господства розги, какъ самой важной педагогической мѣры. При разумномъ отношеніи къ своему живому дѣлу всякій преподаватель невольно заинтересуется своимъ дѣломъ и полюбитъ его. Сами ученики цѣнятъ въ своихъ учителяхъ—любовь къ дѣлу, веселость, твердость, внимательность къ ученикамъ, спокойствіе и пр. (Л. С. „Учителя среднихъ школъ съ точки зрѣнія учащихся старшихъ классовъ (въ Америкѣ)“ „Вѣстникъ Воспитанія“, № 1, 1906).— Вообще все школьное дѣло слѣдуетъ поставить такъ, чтобы и педагоги и ученики съ охотою и съ живымъ интересомъ занимались своимъ дѣломъ и скучали только по праздникамъ внѣ занятій. *Воспитываемымъ и учащимся* желательно было бы внушить мысль—не слишкомъ торопиться дѣлаться взрослыми людьми. Іисусъ Христосъ, обращаясь къ Своимъ ученикамъ со словами—„будьте, какъ дѣти“, тѣмъ самымъ весьма высоко цѣнилъ качества дѣтей. Кстати замѣтить, люди еще не воспользовались для цѣлей воспитанія этими божественными словами, хотя въ нихъ заключается глубочайшій смыслъ. Джонъ Рескинъ, по нашему мнѣнію, отчасти раскрываетъ этотъ смыслъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вся разница между геніемъ и остальными людьми состоитъ въ томъ, что геній, большею частью, остается ребенкомъ, смотрящимъ на міръ широко раскрытыми глазами, полными безконечнаго

Digitized by Google

удивленія, при сознаніи не своего великаго значенія, а своего безпредѣльнаго невѣжества и въ то же время своей мощи".— Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что науки, пріучающія умъ къ точному анализу фактовъ, могутъ тѣмъ самымъ способствовать воспитанію юношества въ умственномъ отношеніи и развивать въ немъ здравыя сужденія. Весьма важно постоянное, хотя бы слабое упражненіе воли, особенно, какъ утверждаютъ, для насъ, славянъ, которыхъ характеризуютъ между прочимъ, какъ племя, обладающее сравнительно слабо развитой волевой способностью. Какъ въ воспитаніи дѣтей, такъ и въ самовоспитаніи взрослыхъ, важно пользоваться какъ можно чаще подходящими примѣрами, взятыми изъ самой жизни, и, по возможности, избѣгать отвлеченныхъ нравоученій, въ которыхъ мы сами нерѣдко запутываемся, напр., противорѣчимъ.

Въ настоящее время очень много говорятъ и пишутъ о реформахъ и новыхъ уставахъ для школъ всѣхъ родовъ и особенно для общеобразовательныхъ и для высшихъ спеціальныхъ, для университетовъ и пр. Все это, конечно, очень хорошо, но мы опять должны сказать, что для насъ требуются не столько хорошіе реформы и уставы школъ, сколько наше пробужденіе, обновленіе и, слѣдовательно *поднятіе духа школъ*, все же остальное приложится само собой и притомъ въ наиболѣе соотвѣтствующемъ видѣ.

Мы не будемъ останавливаться подробно на разборѣ другихъ личныхъ и общественныхъ реформъ и преобразованій, столь настоятельно необходимыхъ для насъ и такъ непозволительно упущенныхъ нами, благодаря главнымъ образомъ нашей апатіи и спячкѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Скажемъ только, что истинно-религіозное, всегда бодрствующее сознаніе подскажетъ намъ направленіе и характеръ для всѣхъ этихъ реформъ и преобразованій, а науки и знанія, опытность, здравый смыслъ, укажутъ намъ, какимъ образомъ слѣдуетъ выполнить на дѣлѣ намѣченныя преобразованія и реформы. Какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго, изъ всѣхъ преобразованій наиболѣе существеннымъ, настоятельно необходимымъ и спѣшнымъ слѣдуетъ считать тѣ, которыя относятся къ школѣ, къ воспитанію и образованію, а именно—въ томъ направленіи, какъ это отчасти нами было только-что намѣчено. Остальныя реформы и преобразованія, напр., тѣ, которыя связаны съ вопросами—аграрнымъ, рабочимъ, окраиннымъ и пр., хотя и потребуютъ весьма многихъ спеціальныхъ соображеній и работъ, но должны быть рѣшены такъ-же, какъ и школьные вопросы, на религіозно-нравственныхъ основахъ и на началахъ любви къ ближнимъ и справедливости. Другія же основы и начала, какъ-бы они не казались намъ заманчивыми и научными, не только не помогутъ послужить намъ для совершенно правильнаго разрѣшенія упомянутыхъ и всѣхъ дру-

Digitized by Google

гихъ личныхъ и общественныхъ вопросовъ, но даже, въ чемъ мы нисколько не сомнѣваемся, могутъ повести насъ къ бѣдствіямъ анархіи и къ невыразимо ужаснымъ послѣдствіямъ хаоса. Степень нашего пробужденія и будетъ измѣряться тѣмъ, насколько мы выполнимъ наши обязанности передъ ближними устроеніемъ нашего отечества.

Проф. **Вл. Никольскій.**

Digitized by Google

Журнальное и литературное обозрѣніе.

З. Н. Гиппіусъ. **Не то.** (*Ненужная исторія*). „Вѣсы“ № 6.

I.

Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ мы указали психологическія пружины такъ называемой „идейной“ беллетристики, ея незамысловатую и грубоватую технику, отсутствіе объединяющаго центра въ мышленіи и творчествѣ, пассивность и безсиліе совѣсти и логики передъ исключительнымъ положеніемъ и случайными комбинаціями, кадетскую игру въ „иллюминаціи“, чтобы привлечь вниманіе къ пустякамъ и закутать въ туманъ истинное значеніе типа или факта.

Цѣль или, какъ говорятъ теперь, „тенденція“ этого идейнаго „творчества“, — точнѣе, конечно, сочинительства, всегда одна и та же: опорочить, оболгать и оклеветать „существующій“ міръ въ славу и честь міра не только не существующаго, но и не осуществимаго.

Отвлеченность и тенденціозность этого извращеннаго стремленія побуждаетъ идейныхъ беллетристовъ поднимать на идейные пьедесталы воровство и убійство, подлость и глупость. Они тоскуютъ и страдаютъ, потому что ихъ заѣла пошлая и низменная среда, хотя при болѣе внимательномъ изслѣдованіи всегда оказывается, что они низменнѣе и пошлѣе среды, т. е. на словахъ тянутся впередъ и выше, а на дѣлѣ двигаются назадъ, къ звѣринымъ повадкамъ, и ниже, на самое дно общественной помойной ямы. Для этого имъ часто приходится нарушать всѣ здоровыя нормы здраваго смысла. Но самое понятіе о здравомъ смыслѣ у нихъ, хотя и въ туманѣ, все-таки остается. Это видно уже по усиліямъ и потугамъ ихъ софистики. Они считаютъ обязательнымъ и для себя приводить какія по силамъ доказательства и придавать своимъ мечтамъ

Digitized by Google

внѣшніе признаки правдоподобія. Талантливость здѣсь видятъ въ новизнѣ и затѣйливости пріемовъ идейнаго шуллера, который находитъ новую форму передержекъ въ трепанной и замасленной крапленой колодѣ.

Безумія здѣсь много. Но не все безуміе: есть разсчетъ, есть хитрость, есть умѣнье бить на эффектъ. Есть цѣль, хотя и фантастическая.

Но представьте себѣ беллетристическую идейность, которая порываетъ и эти послѣднія земныя узы и на коврѣ-самолетѣ поднимается въ тѣ возвышенныя сферы, откуда вся земля представляется сѣрымъ, безцвѣтнымъ и ничтожнымъ комочкомъ грязи. Даже вершины горъ кажутся какими-то ничтожными бородавками, а океанъ—каплями пота на старческомъ и скопчески-морщинистомъ лицѣ карлика.

Боюсь, что даже разумные и образованные люди, которые по умному инстинкту не читаютъ современныхъ шедевровъ текущей беллетристики, не повѣрятъ мнѣ на слово, не повѣрятъ тому, что не только возможенъ, но и существуетъ и такой видъ помѣшательства, что такіе виртуозы нелѣпостей находятъ издателей и, значитъ, читателей.

Но доказать это легко. Примѣровъ подъ руками сколько угодно. И если хорошенько подумать, то иначе и быть не могло.

Вся нервная система текущаго поколѣнія — децентрализована. Для этого вся голова острижена подъ гребенку. Каждый волосокъ—одинаковой мѣры. Всѣ лицо въ лицо, умъ въ умъ, совѣсть въ совѣсть. И поэтому всякій отдѣльный нервный узелокъ можетъ стать центромъ всей нервной системы.

Русскій интеллигентъ — это Самсонъ послѣ ножницъ Далилы. Львиная грива свалилась въ минуты любовнаго забвенія и нѣги, а съ голымъ черепомъ, безъ обильной и лохматой шевелюры о. Пояркова, каждый кадетъ немедленно слѣпнетъ. Ему не надобно выкалывать глаза: онъ такъ радикально зажмурится самъ, что и при наличности здоровыхъ глазъ все равно ничего не увидитъ. И онъ послушно идетъ ворочать тяжелые и грубые жернова лѣвой партіи филистимскихъ и филистерскихъ трудовиковъ.

II.

Тутъ есть одна любопытная аналогія. Марксисты,—съ особенною ретивостью г. Милюковъ,—чуть не двадцать лѣтъ подъ рядъ доказываютъ, что законы историческаго развитія одинаковы для всѣхъ народовъ. Тамъ, гдѣ прошелъ нѣмецкій соціалъ-демократъ, особенно

Digitized by Google

изъ евреевъ, пройдетъ и долженъ пройти англичанинъ, французъ, русскій, тунгузъ и „другъ степей“ калмыкъ. Это на идейномъ языкѣ называется „монизмомъ“. У всѣхъ народовъ одинаковый умъ, одинаковая совѣсть и одинаковый пролетаріатъ. Вся штука въ борьбѣ неимущихъ съ имущими. Остальное — пустяки, надстройки надъ экономическимъ базисомъ.

Понятно, что всякій, кто только надѣваетъ эти темные очки монизма, сразу же перестаетъ видѣть. Для него всѣ кошки становятся сѣрыми. Всюду единство, нигдѣ никакого различія. Одно слово: монизмъ—и ничего больше.

Страховъ когда-то далъ любопытныя заповѣди того монизма, который все подводитъ къ одному знаменателю — и не только въ исторической области.

„Между Богомъ и природою нѣтъ разницы. Богъ есть природа, олицетворенная человѣческой фантазіей.

„Между духомъ и матеріею нѣтъ разницы. Духъ есть нѣкоторая дѣятельность матеріи.

„Между организмами и мертвыми тѣлами нѣтъ разницы. Организмы суть созданія физическихъ и химическихъ силъ.

„Между животными и растеніями нѣтъ разницы. Чувствительность и, такъ называемое, произвольное движеніе суть явленія рефлексовъ, совершающихся механически.

„Между человѣкомъ и животными нѣтъ различія. Душевныя движенія у человѣка совершаются точно такъ же, какъ у животныхъ.

„Между душою и тѣломъ нѣтъ различія. Душа есть нѣкоторая дѣятельность тѣла.

„Между мужчиною и женщиною нѣтъ различія. Женщина есть какъ бы безбородый мужчина меньшаго роста, чѣмъ обыкновенно бываютъ мужчины.

„Между нравственностью и стремленіемъ къ счастью нѣтъ различія. Нравственно то, что ведетъ къ человѣческому благополучію.

„Между прекраснымъ и полезнымъ нѣтъ различія. Прекрасно только то, что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ.

„Между наукою и искусствомъ нѣтъ различія. Искусство есть только особая форма для популяризаціи истинъ науки“.

Этотъ краткій синодикъ объ устраненіи различія написанъ давно. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Теперь этотъ списокъ растянулся на всевозможные виды различія, такъ что и подсчитать ихъ невозможно. Кадетская дума всегда и во всемъ дѣйствовала безъ различія пола и возраста, національности и вѣроисповѣданія, и только рѣзко и грубо отличала политическое убійство отъ смертной казни.

Digitized by Google

Это былъ единственный видъ различія, который видѣли и понимали кадеты и трудовики.

На нашихъ глазахъ монизмъ заползалъ во всѣ щели русской сознательности и мыслящая Россія давно уже стоитъ по ту сторону добра и зла, добродѣтели и порока, подвига и преступленія, геройства и пошлости. Всѣ эти различія скомканы въ линючемъ и безсмысленномъ единствѣ, гдѣ все говоритъ не своимъ голосомъ, выступаетъ не подъ своими именами, все дѣлаетъ шиворотъ-на-выворотъ, ходитъ на головѣ, размахивая въ воздухѣ ногами, на которыя возложены всѣ функціи головного мозга.

На русской почвѣ монизмъ сталъ синонимомъ безстыдства, пошлости, противоестественности и помѣшательства.

Было бы неправдоподобно, если бы этотъ мнимо-научный монизмъ не проникъ и въ идейную беллетристику. И онъ проникъ. И у него, какъ у хлыстовъ, есть свои саваоѳы, свои пророки и пророчицы. Въ саваоѳахъ ходитъ В. В. Розановъ, въ пророкахъ два неразлучныхъ Аякса, гг. Мережковскій и Минскій, въ пророчицахъ супруга г. Мережковскаго, З. Н. Гиппіусъ.

Это сверхъ-человѣческіе тайнодѣлатели въ области сверхъ-идейности. Супруги Мережковскіе взяли на себя чрезвычайную сверхъ-идейную задачу: Дмитрій Сергіевичъ тщится доказать сверхъ-жизненность мыслящей Россіи и передовыхъ умовъ, т. е. отрицаетъ всякое различіе между живымъ человѣкомъ и покойникомъ, — а Зинаида Николаевна доказываетъ сверхъ-полость избранныхъ натуръ, т. е. всякое различіе между мужчиною и женщиною.

III.

На этотъ разъ мы хотимъ поговорить о сверхъ-естественномъ разсказѣ г-жи Гиппіусъ. Онъ напечатанъ въ 6-й книжкѣ сверхъ-мистическаго и сверхъ-монистическаго московскаго журнала „Вѣсы“. Но мнѣ кажется, что этотъ разсказъ будетъ недостаточно понятенъ, если мы не отмѣтимъ тѣхъ стихотвореній г. Мережковскаго и г-жи Гиппіусъ, которыя были помѣщены въ 3-й и 4-й книжкѣ этого же журнала.

Подражая параллелямъ Страхова, главную мысль г. Мережковскаго слѣдовало бы формулировать такъ:

„Между живымъ и мертвымъ нѣтъ различія. По крайней мѣрѣ, я этого не замѣчаю“

Вотъ его подлинныя слова.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,—

Digitized by Google

не то меланхолически, не то кокетливо напѣваетъ онъ Д. Н. В—ной, которой посвящено это стихотвореніе. Бѣдная Д. Н. В—на! Что ей дѣлать? Пѣть ли ей: „Я твоя—отнынѣ и на вѣки“, или пригласить мѣстный причтъ для совершенія панихиды надъ интереснымъ упокойникомъ?

Насколько мнѣ извѣстно, это первый опытъ поэтическаго апоѳеоза новой разновидности почти неправдоподобнаго флирта. Любовь живого къ мертвому въ судебной медицинѣ, на сколько мнѣ помнится, называется некрофиліей. Но какъ назвать любовь покойника къ живой? Не принадлежитъ ли поэтъ къ безпокойной породѣ упырей, вурдолаковъ или вампировъ? Но какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что въ порывѣ уравненія всѣхъ на почвѣ осводительнаго движенія, г. Мережковскій хочетъ ослабить существующее различіе между живыми и мертвыми, чтобы очистить мѣсто для утвержденія строя еще не существующаго.

З. Н. Гиппіусъ тщится удалить одно фиктивное различіе на другой почвѣ.

„Между мужчиной и женщиной,—въ звучныхъ стихахъ утверждаетъ она,—нѣтъ различія, ибо я чувствую себя то мужчиной, то женщиной“.

Въ подлинникѣ это изображено такъ:

Ждалъ я и жду я зари моей ясной,
Неутолимо тебя *полюбила я*,
Встань же, *мой мѣсяцъ*, серебряно-красный,
Выйди, *двурогая*, *милый мой*, *милая*...

Когда З. Н. Гиппіусъ говоритъ: „полюбила“, она, повидимому, остается въ предѣлахъ земной возможности: она женщина. Но когда про себя же она говоритъ: „ждалъ“,—она, очевидно, возвышается надъ предѣлами существующаго строя, все-таки основаннаго на почвѣ полового различія и для каждаго пола имѣющаго свои глагольныя окончанія.

Но если это такъ, если она стоитъ внѣ пола и идетъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“,—возникаетъ трудный и сложный вопросъ, кого же она ждетъ? Его или ее? При существующемъ строѣ отвѣтъ былъ бы простъ. Но при строѣ еще не существующемъ—эта загадка не скоро дождется своего Эдипа.

То „мѣсяцъ серебряно-красный“, такъ сказать, „онъ“,—то „двурогая“, надо думать: „она“. То „милый“, то „милая“. И по всѣмъ примѣтамъ на свиданіе придутъ не двое, а что-то одно—безъ различія пола и возраста, національности и вѣроисповѣданія.

Обычный козырь кадетской логики! Но какъ все это спутано и неразрѣшимо!

Digitized by Google

Итакъ, въ основѣ новаго идейнаго разсказа мы имѣемъ монизмъ,—т. е. смѣшеніе всякаго пола и возраста, нѣчто единое и нераздѣльное, какъ соціальная республика.

Это все же Аріаднина нить, безъ которой было бы рискованно забираться въ идейные лабиринты Зинаиды Николаевны.

IV.

Впрочемъ, есть и еще одна ниточка. Не слѣдуетъ забывать, что̀ именно понимаетъ поэтесса подъ „существующимъ строемъ“. Стихотвореніе, гдѣ выясняется этотъ жгучій вопросъ, имѣетъ заглавіе довольно вертлявое: „Все кругомъ“.

Страшное, липкое, грубое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тѣсное (?),
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Подло-смѣшное и томно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно-застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное (?), черное,
Изрѣдка сѣрое, въ сѣромъ упорное,
Вѣчно лежачее (?), дьявольски косное (?),
Глухое, сохлое (?), сонное, злостное,
Трупно-холодное, мелко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное.
Но жалобъ не надо, что жалости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

Дѣйствительно, если вѣрить поэтессѣ, „все кругомъ“ очень нехорошо. Это, очевидно, существующій кругомъ ея строй. И ни одинъ ветхозавѣтный пророкъ не бичевалъ такъ тогдашняго существовавшаго строя, какъ это дѣлаетъ русская освободительная поэтесса. Что и говорить? Лексиконъ ея... обличительной словесности—богатъ и обиленъ, хотя никакой картины и не даетъ.

Становится болѣе понятнымъ, почему при такомъ безсиліи „Всего кругомъ“, жизнерадостная поэтесса хочетъ стать выше своего пола и своего возраста.

Но, слава Богу, „все будетъ иначе“, Зинаида Николаевна это „знаетъ, знаетъ“... Но скажетъ ли она намъ, какъ же будетъ? Въ разсказѣ „Не то“ она попробовала было заговорить, но, повидимому, ничего не вышло. Романы и увлеченія внѣ пола и возраста понятны только кадетамъ и трудовикамъ. Подождемъ, не дадутъ ли своихъ авторитетныхъ разъясненій гг. Родичевы и Аладьины.

Digitized by Google

V.

Въ разсказѣ все великолѣпно. Каждая подробность ставитъ въ тупикъ. Сразу видишь, что изъ лабиринта выхода нѣтъ и придется капитулировать передъ волей и голосомъ авторитетной поэтессы.

А онъ достоинъ самаго серьезнаго вниманія — этотъ бездарный и непристойный идейный разсказъ, потому что онъ даетъ намъ ключъ въ руки отъ того беллетрическаго ящика идейной Пандоры, изъ котораго уже много лѣтъ сыплются на мыслящую Россію обильныя сѣмена воровства и убійства, порока и преступленія, безстыдства и противоестественнаго разврата.

Читатель, надѣюсь, не поскучаетъ надъ нѣкоторыми подробностями этого разсказа, которыя наглядно покажутъ ему, до чего доходитъ болѣзненное стремленіе стать выше пола и возраста, при истощенности организма искать вычурныхъ формъ половаго изступленія, истощать давно анемичный мозгъ прихотливыми мечтаніями состарѣвшейся вакханки. По этимъ подробностямъ онъ увидитъ, до чего „созрѣла“ „мыслящая“ Россія, какъ она понимаетъ утонченность нравовъ, въ чемъ видитъ лучшіе дары поблекшей Венеры и какимъ образомъ половое безразличіе служитъ великимъ задачамъ освободительнаго движенія.

Оказывается, что для успѣха этого движенія надо погасить не только послѣднія искорки здраваго смысла, съ корнемъ выкорчевать послѣдніе пни нравственности и приличія, но, отбросивъ въ сторону всякое половое различіе, разбудить и развить противоестественные инстинкты, чтобы на этой почвѣ создать будто-бы еще не существующій строй.

Еще маленькая оговорка. Въ „Ненужной исторіи“ З. Н. Гиппіусъ курсива нѣтъ нигдѣ. Курсивъ въ выдержкахъ изъ ея „творенія“ вездѣ нашъ.

VI.

Героиня „Ненужной исторіи“—Вика. Мать называетъ ее еще Витенька, Виктуся. И имя какое-то двуполое. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ думать, что это барышня. Должно быть, не Викторъ, а Викторія. Можетъ быть, это своеобразный символическій намекъ. Викторія—побѣда. И великое горе существующему строю, если это дѣйствительно такъ.

Вика—героиня не только въ беллетристическомъ смыслѣ этого

Digitized by Google

слова. По мысли поэтессы, она героиня и въ жизни. Своеобразная героиня.

Еще бы! „Въ семнадцать лѣтъ она на курсы уѣхала, „революціонеркой" стала, въ заключеніи годъ провела, потомъ въ Женеву ѣздила..."

Черезъ восемь лѣтъ она вернулась домой, въ родную семью, къ отцу и матери, къ „существующему міру", почти въ монастырь или, точнѣе, около монастыря.

„Здѣсь нѣтъ жизни для людей, это правда. Живыя звѣзды, живая вода... Викѣ вспомнилось, какъ она восемь лѣтъ тому назадъ, рвалась отсюда, изъ монастыря, въ „жизнь" къ „живымъ людямъ".

„И ушла. Что-жъ, жила? Видѣла живыхъ людей, за которыхъ отдала живую воду и звѣзды?

„Вика *не знаетъ. Она мало думала объ этомъ. Некогда было. Никогда не умѣла долго заниматься своей психологіей. И теперь она не знаетъ, когда была жизнь у нея ея собственная, и гдѣ она.* Тамъ, здѣсь—вездѣ какъ будто монастыри. Ужасно разные, со звѣздами или безъ звѣздъ, но монастыри. И вездѣ — не то, что очень душно, но все-же нѣтъ чего-то, что, можетъ быть, какъ разъ и есть „жизнь".

„*Викѣ давно стыдно.*

„Отъ глухого стыда она и пріѣхала домой, *въ ямку спрятаться.* Ей стыдно, что то, что она признавала настоящей жизнью, настоящимъ дѣломъ, за что страдала и боролась,—вдругъ ей... не то наскучило, не то ее утомило, почти физически. И не наскучило, и не утомило, а какъ-то отпала она, точно больная стала, безучастна, *безъ вкуса.* Сначала думала, что пройдетъ. Особенно яркаго участія въ кружкѣ она никогда не принимала, прямаго: террористкой не была; не любила и говорить о „дѣйствіяхъ", *которыя, однако, молчаливо признавала, какъ необходимыя.* Тутъ и *въ слабости* себя не укоряла и всѣ знали, что она сама на прямое „дѣйствіе" не пойдетъ, не изъ трусости, а по своему характеру. *Она своей смерти не боялась, а чужой.* Къ чужой смерти не могла близко подойти, *тутъ тупа была и упряма.*

Однако, много *дѣлала* (?), все время, всѣ восемь лѣтъ въ одномъ этомъ пробыла, какъ одинъ день восемь лѣтъ. Сколько разнаго (?), страшнаго, неожиданнаго,—а обернуться назадъ—какъ одинъ день, потому что все въ одномъ кругѣ, въ однихъ этихъ чувствахъ и мысляхъ. Одиннадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ—и это тоже самое, какъ каждая минута въ томъ-же днѣ.

„Такъ шло, а потомъ она замѣтила, что устала. Устала отъ этого безконечнаго *дня.* Можетъ быть, пройдетъ. *Само выйдетъ,*

Digitized by Google

что сюда захотѣлось поѣхать. Здѣсь другое, здѣсь *ночь*, здѣсь отдохнуть. А потомъ вернется.

„И что-жъ? Опять за безконечное дневное дѣло, все одинаковое къ одинаковымъ людямъ? Они живые. *Вѣроятно*, живые. Они дѣлаютъ (?), горятъ (?), умираютъ. Конечно, живые.

„*Только Вика ихъ совсѣмъ не знаетъ. Она никого не любила*, некогда любить, заниматься другъ другомъ, когда вмѣстѣ *работаешь. Такъ и не присмотрѣлась, не успѣла.* Теперь старается исполнить... Трудно! *Но конечно*, живые люди.

„Теперь пока лучше не думать о нихъ. И ни о чемъ. Отдохнуть просто".

VII.

Удивительная логика и удивительная психологія!

Вика совсѣмъ глупенькая дурочка, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ничего не думаетъ и задираетъ свой революціонный носикъ куда-то выше ночи и дня, выше звѣздъ и „жизни". У этого больного идейнаго полудурья, ума, знанія, мышленія — ни синь пороха, но оно, безполое и чувственное, смотритъ на жизнь съ какой-то сверхъ-человѣческой высоты, съ которой уже рѣшительно ничего не видно, кромѣ своего воробьинаго носа.

Эта ночь и этотъ день, эти „здѣсь и тамъ" — повидимому, говорятъ о какой-то опредѣленности въ мысляхъ, о какомъ-то рѣшеніи спорнаго вопроса, о костяхъ и скелетѣ молодаго тѣла. Но это иллюзія, миражъ. На самомъ дѣлѣ какая-то расплывчатая безформенная первобытная слизь, студенистый кисель, что-то вродѣ лягушечьей накваки весною въ болотной лужѣ.

„Все, все равно"—по безпутной логикѣ Вики и автора-поэтессы.

Это безсознательная и непроизвольная сатира на кадетовъ. Чтобы признать ихъ „живыми людьми", надо отказаться отъ „живыхъ звѣздъ" и „живой воды", т. е. изъ существующаго міра перенестись въ міръ несуществующій.

По мнѣнію З. Н. Гиппіусъ, и у нихъ „монастырь". Но это невѣрно. Пусть они убивали и бросали бомбы не сами, пусть не своими руками они вершили „прямое дѣйствіе", но они, какъ Вика, признавали эти „дѣйствія, какъ необходимыя". Это уже не „монастырь", а политическій люпанаръ. Подъ красивымъ знаменемъ чужими руками вынимать каштаны изъ огня — „прямая" подлость. И никакого другого имени для такого, нынѣ, — увы — „существующаго строя" и характера—на человѣческомъ языкѣ нѣтъ. Ложь и то, будто они не боялись своей смерти, а боялись чужой. Рѣчи

Digitized by Google

гг. Милюковыхъ, Струве и Котляревскихъ по поводу убійства Герценштейна ясно показали, какой смерти они бояли сь. Они дѣйствительно въ этомъ дѣлѣ „тупы были и упрямы".

„Живые"-ли они люди,—эти кадеты и трудовики?

Живые,—послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній говоритъ г-жи Гиппіусъ,—но для того, чтобы ихъ признать живыми, надо отказаться отъ „живыхъ звѣздъ" и „живой воды", потому что это „ночь" природы, вѣчное уродство существующаго міра.

VIII.

Но Вика—не въ примѣръ прочимъ. Она „революціонерка". Но не только по „идеологіи", по „программѣ", по партійности, но и по *половому темпераменту*—выше революціи и революціонеровъ. Это уже не партійный, а свой собственный козырь азартной игры З. Н. Гиппіусъ въ душной и спертой атмосферѣ таинственнаго и молчаливаго алькова.

Именно темпераментъ Вики по освѣщенію почти маститой поэтессы поднимаетъ Вику выше дерева стоячаго, выше облака ходячаго. Въ немъ лучшее сіяніе ея идейнаго величія и превосходства.

„Романовъ" въ ея жизни не было, ибо подъ романами въ идейной беллестристикѣ понимается простой и естественный адультеръ. Но было что-то гораздо хуже, пакостнѣе и неприличнѣе всякихъ романовъ.

„У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. *Почти до тупости строгое.*

— Строгая ты какая, Виктуся,—сказала мать робко.—Молодая дѣвушка, а все читаешь — и одѣваешься, какъ монашенка. Всѣ у васъ въ Питерѣ такія, что-ли?

„Вика улыбнулась. Припомнилось вдругъ, что ее и „тамъ" строгой называли. „Радина—точно монахиня." Впрочемъ, въ шутку. Да и всѣ, если припомнить, немножко такія-же были. Она только помолчаливѣе другихъ.

„Тася—братъ услыхалъ.

— Она сильная, мама. На лодкѣ ѣздила — такъ не устаетъ, гребетъ, точно мужчина. А только-только выучилась.

„Вика подружилась съ Тасей. *Но все чего-то въ немъ не понимала. Что-то есть.*

— Охъ, замужъ-бы тебѣ, Витенька,—сказала мать, ужъ совсѣмъ робко.—Да жениховъ у насъ нѣтъ.

Digitized by Google

„И окончательно испугалась, потому что Вика встала и вышла, сказавъ со скукой:

— Ну, мама, какіе тамъ женихи...

„А Тася засмѣялся:

„Не выйдетъ она за вашихъ жениховъ! У нея, можетъ, такіе женихи въ Петербургѣ! Сказали тоже!"

Такъ судилъ о темпераментѣ Вики „существующій строй". Но ему-ли было понять утонченность и возвышенность сверхъ-половой чувственности Вики, для которой земныя искушенія и наслажденія по этой части были дольнимъ прахомъ и болотною грязью?

IX.

„Вика услыхала, выходя, слова Таси и не улыбнулась, а еще болѣе задумалась. *Ей въ первый разъ пришло въ голову, что вѣдь дѣйствительно у нея могли бы быть женихи, что можно выходить замужъ, а съ маминой точки зрѣнія даже должно. Ну, это глупости, конечно, замужъ и женихи, но вѣдь есть любовь... Какъ-то объ этомъ и не думалось пристально.* Тоже некогда было. Случалось у нихъ, всего бывало, конечно, но Вика вспомнила, что она *съ величайшимъ презрительнымъ осужденіемъ, даже съ негодованіемъ* относилась ко всѣмъ этимъ исторіямъ. Время-ли заниматься личными страстишками, да психологіями. Вика была пряма (?) и строга (?)

„Ей пришла на память одна старая исторія. И теперь, на обрывѣ (она опять была на монастырскомъ обрывѣ, и солнце садилось за рѣкой), Вика безъ отвращенья и почти съ любопытствомъ, стала припоминать эту исторію.

„Студентъ Леонтьевъ. Красивый, смуглый, черный, румяный. Давно въ Сибирь сосланъ, пропалъ гдѣ-то тамъ. А дѣльный былъ человѣкъ, горячій малый. Такъ вотъ онъ, одинъ разъ... Это было еще, когда она на третій курсъ переходила, на шестой линіи Острова въ узенькой-преузенькой комнаткѣ жила.

„Онъ пришелъ вечеромъ, по дѣлу. Чай пить остался. Ничего она раньше въ немъ, кромѣ полезнаго и хорошаго (?), не замѣчала. Ближе другихъ онъ ей былъ, это правда. Говорили долго, потомъ умолкли. И вдругъ онъ съ своего стула повернулся къ ней круто, обнялъ крѣпко, сразу,— и тихо, и горячо что-то сталъ говорить. Вика помнитъ его влажные, сіяющіе и счастливые глаза. Потомъ онъ поцѣловалъ ее въ самыя губы, и еще разъ, и опять.

„Вика хочетъ быть искренней теперь, здѣсь, на солнечномъ обрывѣ надъ водой. И она вспоминаетъ, что эти первые три поцѣлуя *объяли ее странной жутью, а мыслей никакихъ не было.* Не было ихъ и въ

Digitized by Google

слѣдующее мгновеніе, когда эта сладкая и властная жуть превратилась сама собою *въ такое-же властное отвращенье, отталкиванье отъ красиваго и грубо-сильнаго человѣка.* Онъ захватывалъ ее, тащилъ, дѣлалъ что-то съ нею, цѣловалъ ее, потому что такъ ему было пріятно, и ей показалось, что она превращается въ неподвижную вещь. Безъ словъ и безъ мысли показалось, только *стало страшно и насквозь отвратительно.*

„Она тотчасъ-же встала, и говорила какія-то обычныя, возмущенныя слова, говорила, что возмущена и негодуетъ. Леонтьевъ понялъ, что она точно, непритворно, оскорблена и негодуетъ.

— Значитъ, вы меня не любите?—сказалъ онъ грустно. И не то притихъ, не то опустился.

„Она даже не отвѣтила. Выпроводила его съ тѣмъ-же отвращеньемъ. Онъ ушелъ. Потомъ она избѣгала его намѣренно. *Любовь! Физіологія, и больше ничего.* Ей не нужна эта физіологія, и слава судьбѣ.

„Осталось, однако, странное воспоминаніе жути первыхъ поцѣлуевъ.. Но *сплетенное съ такимъ-же страннымъ отвращеньемъ, ощущеньемъ чужого захвата, ничѣмъ не оправдываемаго насилія одного человѣка надъ другимъ.*

„Ну, вотъ и все. Разцумывать надъ этимъ некогда было, да и скучно. *Да и не умѣла Вика размышлять надъ такими вещами и переворачивать ихъ. Любовь просто не для нея, ежели любовь такова. Потому что вѣдь въ смыслѣ человѣческой привязанности она очень любила Леонтьева, больше другихъ уважала его.*

„Что-же было еще? Рѣшительно ничего. Она такъ искренно-строго держала себя съ тѣхъ поръ, что никому и въ мысль не приходило объясняться ей въ любви. Впрочемъ, если сказать правду, то и у всѣхъ, съ кѣмъ она тогда общалась, мало было любовныхъ исторій. Тоже некогда.

— Дѣйствительно, монастырь,—подумала Вика и улыбнулась.— Это-то хорошо!..“

X.

— Рѣшительно ничего,—утверждаетъ Вика.

Но это не совсѣмъ такъ. Было и нѣчто другое. Это первый романъ, не романъ,—скорѣе, какой-то скрытый дефектъ въ дѣвической организаціи Вики. Но какъ еще многое неясно. Главное потомъ. Здѣсь-же отмѣтимъ одну характерную черточку.

Восемь лѣтъ Вика была революціонеркой, искала живыхъ людей и бѣгала отъ „живыхъ звѣздъ“ и „живой воды“. И она совершенно забыла, что „можно выходить замужъ“.

Digitized by Google

Новое доказательство того, что неестественно коротка дѣвичья память. Въ какомъ-же обществѣ оне вращалась? „Кругомъ себя“, кромѣ „мыслящаго студенчества“ и „сознательнаго пролетаріата“, она не видѣла никого въ „существующемъ мірѣ“?

Тамъ не было людей женатыхъ, замужнихъ женщинъ, законныхъ дѣтей — если не у профессоровъ и знакомыхъ, то среди прислуги? *Тамъ*,—какъ любитъ говорить Вика,— только любовь и физіологія?

Кто-бы повѣрилъ, что на крещеной Руси, — хотя-бы въ Петербургѣ, можно прожить восемь лѣтъ, ни разу не натолкнувшись на институтъ законнаго брака? Положимъ, что Вика — дурочка. Это З. Н. Гиппіусъ незамѣтно для себя постоянно подчеркиваетъ. Это неразумное дитя не природы, а революціи, которое ради своего сомнительнаго „дѣла“ не только про звѣзды и ночь, но даже и про женихов забыло. Перешагнула порогъ,—и память о существующемъ мірѣ сразу отшибло.

Что-то ужъ очень скоропалительно. Но не совсѣмъ неправдоподобно. Такова уже сила революціонныхъ идей и особенно революціонныхъ фразъ. Я думаю, что если-бы г. Стаховичъ и графъ Гейденъ „въ одинъ прекрасный день“ настолько набрались храбрости и мужества, чтобы съ думской трибуны членораздѣльно и явственно удостовѣрить, что въ предѣлахъ русскаго центра еще можно выходить замужъ и жениться по обрядамъ греко-россійской православной церкви,—всѣ Аладьины и Онипки, всѣ Плохошили трудовой группы, разразились бы хохотомъ и табуннымъ ржаньемъ: „Долой! Въ отставку! Погромщики! Каины! Собакины дочери!“

Партійность, какъ таковая, сосредоточивая все вниманіе члена партіи на пунктахъ политической программы, отвлекаетъ его съ логическою необходимостью отъ всѣхъ формъ и нормъ существующаго общежитія и освобождаетъ его отъ всякой не только національной, но и отъ брачной семейной исключительности.

Позволю себѣ, въ качествѣ только моего личнаго предположенія, думать, что Вика принадлежала къ конституціонно-демократической партіи, ибо и этой партіи, какъ и Викѣ, „раздумывать надъ этимъ (т. е. надъ такими вопросами) было некогда, да и скучно“.

„Физіологія, и больше ничего“.

Но это только кстати. Наша тема—темпераментъ Вики. Кое-что для выводовъ есть, но здѣсь только одна сторона дѣла. Пойдемъ „впередъ и выше, все впередъ и все выше“.

Digitized by Google

XI.

Былъ у Вики и еще одинъ романъ...

Впрочемъ, не романъ, а такъ... просто... Физіологія...

Это уже гораздо тоньше и, такъ сказать, эѳирнѣе. Что-то почти невѣсомое. Но не случайное, а органическое. Впрочемъ простыми и точными словами говорить объ этомъ стыдно и нелѣпо. Предоставимъ слово самой составительницѣ „Ненужной исторіи“. Она отличная пряха: тонко кружево прядетъ.

Вспомнился Викѣ „и другой случай ея жизни“.

„Тоже въ Петербургѣ, тоже въ маленькой студенческой комнаткѣ на Островѣ, бѣлой весенней ночью.

„Поздно, часу въ первомъ, къ ней пришла, прибѣжала, вся въ слезахъ, ея товарка, Юля Власьева. У Вики не было близкихъ друзей и подругъ, *къ женщинамъ она относилась такъ-же просто, товарищески-отдаленно и уважительно, какъ и къ мужчинамъ.* Но эта Юля, маленькая, слабая и безпомощная, хотя вѣрная (?) и всегда на все (?) готовая, внушала Викѣ смутную, жалостливую заботливость. Что съ ней будетъ? Она такая горячая. Но ей надо во время указать, во время навести...

„И вотъ Юля прибѣжала къ ней ночью (почему именно къ Викѣ—она и сама не знала)—сказать, что арестовали и увезли ея брата. Всѣ знали, что, если его реастуютъ—то ужъ не выпустятъ. Онъ былъ изъ „серьезныхъ“.

„Юля сидѣла на постели, сложивъ руки на колѣняхъ, а слезы такъ и бѣжали по ея щекамъ.

„— Ты не знаешь, Радина, ты не знаешь... Колю я обожаю, я не могу, не могу... Пусть это слабость, но пусть-бы меня взяли, или кого угодно, только не его... Это такой ужасъ... Надо дѣйствовать, я понимаю, но что дѣлать? И какъ я могу это перенести?

„Вика, *не допускавшая никакихъ нѣжностей, невольно,* однако, *обняла* плачущую дѣвочку, утѣшала ее, какъ умѣла, не упрекала въ слабости, просто гладила по волосамъ. Не говорила серьезно, хотя само по себѣ дѣло ареста Власьева было серьезное.

„Но Вика думала о Юлѣ: хотѣлось, чтобы она не плакала. Хотѣлось прижать ее къ себѣ, успокоить, утѣшить. Поцѣловать крѣпко, заставить улыбнуться, можетъ быть, заставить забыть брата. Жалость и сладкая нѣжность къ этому безпомощному, одинокому ребенку томила сердце.

„Когда Юля, наплакавшаяся, заснула на постели Вики, по-ребячески подложивъ руку подъ щеку, Вика долго еще стояла у окна, глядѣла на блѣдно-зеленое расцвѣтающее небо, и ей было странно,

Digitized by Google

не то весело—не то грустно, не то жалко Юли, не то досадно, что она такъ плачетъ о братѣ, такъ любитъ его.

— Если бы я была ея братомъ... Я бы охраняла ее, я бы вела ее... Николай все-таки мало думалъ о ней... А ей нужно, чтобы объ ней думали, заботились... Она — мягкій воскъ... Любящая и покорная...

„Такъ думалось ей. Или чувствовалось. Потомъ вдругъ обернулась, взглянула на дѣтски-спящую Юлю, безпомощную, нѣжную и неподвижную, и вдругъ эта Юля стала ей противна. Самая жалость обратилась въ отвращенье. Вести, нести ее, точно вещь! Нѣтъ, хорошо, что Юля не любитъ ее, не цѣпляется за нее; не хочетъ Вика никуда ее тащить, дѣлать за нее, дѣлать что-то изъ нея! И чего она пришла съ своими безполезными, бабьими слезами! И вѣдь утѣшилась, чуть въ щеку поцѣловали! Вика хотѣла разбудить ее и сказать, какъ это унизительно и глупо. Но не разбудила.

„А на утро все прошло. Николая, къ удивленію, скоро выпустили и они съ сестрой тотчасъ-же уѣхали за границу. Вика потомъ встрѣтила Юлю мелькомъ въ Женевѣ. Юля растолстѣла (?), стала крикливая. Вика ни о чемъ (?) не вспомнила.

„Отчего вдругъ теперь вспомнила, думая о себѣ, о Леонтьевѣ? *Влюблена* она, что-ли, въ эту Юлю была тогда? Какое слово гадкое. И какъ тутъ все дико и глупо спутано“.

XII.

Вамъ не кажется совершенно неожиданнымъ и почти необъяснимымъ этотъ странный вопросъ „влюблена-ли“? Казалось, что все дѣло идетъ на чувствахъ, если не христіанскаго состраданія, христіанской жалости, то на блѣдныхъ и отвлеченныхъ перемѣнахъ и оттѣнкахъ разсудочной гуманности, партійнаго товарищества, общаго дѣла.

И вдругъ — „любовь“. „Физіологія, и ничего больше“. Юля растолстѣла, стала крикливой. Почему сіе важно? Для чего это сказано? Почему чувство „сладкой нѣжности“ надъ „дѣтски-спящей Юлей“ связано съ такимъ-же брезгливымъ чувствомъ физіологическаго отвращенія, какъ и жгучая жуть отъ первыхъ поцѣлуевъ Леонтьева?

Зачѣмъ въ идиллію милосердія, жалости и снисходительности внесена горячая струя плотской чувственности и какихъ-то нечистыхъ инстинктовъ?

Это только намекъ. Начало той аріадниной нити, которая поведетъ насъ въ узкіе и извилистые переходы таинственнаго лаби-

Digitized by Google

ринта, гдѣ ждетъ случайнаго путника пламенная по виду и очамъ, но холодная и мертвая, какъ камень, сверхъ-идейная минотавресса.

Мы уже немного знаемъ героиню. Герой обнаружитъ свое геройство по самому ходу дѣйствія. Къ своеобразному любовному дуэту присоединитъ свой юный и звонкій голосъ влюбленный подголосокъ. Образуется случайное тріо, которое окончитъ полной дисгармоніей и разсколится на три разныя стороны.

Утомленная отъ безплодныхъ желаній Клеопатра подниметъ узорный покровъ надъ своимъ золоченымъ ложемъ и въ гнѣвѣ броситъ укоръ злой и шаловливой Венерѣ, обманувшей ее манящими, но ускользающими призраками ночи.

Но это—и не элевзинскія мистеріи, не праздникъ въ честь богини плодородія. Это уголокъ Лысой горы, гдѣ тѣни и призраки играютъ въ любовь и сладострастіе. Но эта любовь призрачна и случайна.

„Физіологія, и ничего больше“.

XIII.

Въ родной семьѣ Вика всѣмъ и совсѣмъ чужая. Въ старомъ домикѣ за восемь лѣтъ почти ничего не перемѣнилось.

„Такъ-же пахнетъ геранью и кухней въ маленькомъ домикѣ за оградой Спасо-Троицкаго монастыря, такъ-же обѣдаютъ они въ зальцѣ съ окнами въ палисадникъ, и мать съ отцомъ совсѣмъ такіе-же. Старообразные, тихіе, всему, чего не понимаютъ, разъ навсегда покорившіеся. Безъ злобы и безъ особенной доброты, а просто.

„Вотъ только братъ Тася—новый. Вика едва помнитъ его, трехлѣтняго, ревущаго и буйнаго. А теперь за столомъ сидитъ худенькій, тихій мальчикъ въ парусинной блузѣ и смотритъ на Вику большими, чужими глазами. *Кто онъ—неизвѣстно.* Вика про него знаетъ только, что онъ не гимназистъ, а семинаристъ, самъ пожелалъ; что у него теперь каникулы, что онъ смирный и задумчивый, совсѣмъ не шалунъ“.

Странно звучатъ эти слова. „Кто онъ—неизвѣстно“, когда рѣчь идетъ о мальчикѣ-братѣ, которому „быть кѣмъ-нибудь“ еще слишкомъ рано. Очевидно, у Вики и З. Н. Гиппіусъ есть свои сокровенные вопросы, на которые они ищутъ себѣ отвѣта даже въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о мальчикѣ-братѣ.

Это уже нѣкоторый намекъ. Ниже мы увидимъ, чего искалъ чужой взоръ сестры въ тихомъ мальчикѣ. Она нашла, чего искала. И онъ былъ нуженъ для „Ненужной исторіи“.

Кстати. Вотъ доказательство, что З. Н. Гиппіусъ совсѣмъ не

*

Digitized by Google

знаетъ той среды, которую она описываетъ. Тасѣ — одиннадцать лѣтъ. Только minimum черезъ три года онъ можетъ поступить въ семинарію. Пока онъ ученикъ духовнаго училища перваго класса.

Если Вика все, что она знаетъ, знаетъ такъ плохо, то очевидно, что онъ ничего толкомъ не знаетъ.

XIV.

А вотъ и главный герой „Ненужной исторіи". Пока еще за кулисами.

„О томъ, что было съ Викой за эти восемь лѣтъ, почему за все время не выбралось недѣли, чтобы повидаться—родители не разспрашиваютъ. Въ общемъ знаютъ, письма получали, а разспрашивать—что-же? Не поймутъ они, только горько и страшно.

„Мать въ сущности довольна, что у Вики здоровый видъ, ей ужъ начинаетъ казаться, что и перемѣнъ особенныхъ въ лицѣ нѣтъ; мало-по-малу и она забываетъ, что прошло восемь лѣтъ. Такъ, разставались—а вотъ, слава Богу, и свидѣлись. И она свое разсказываетъ, торопится, о томъ, что у нихъ въ углу случалось, чего Вика не знаетъ.

— А помнишь-ты, Вика, отца Геннадія нашего? Протоіерея? Ужъ такое близкое намъ семейство было, такое близкое...

„Вика вспоминаетъ ясно и семейство, и самаго толстаго, крикливаго и рослаго отца Геннадія.

— Такъ вотъ ихъ здѣсь больше нѣтъ, Витенька, въ Нижній перевели. Жалость такая. А тутъ еще несчастіе у нихъ случилось...

— Ну, какое-жъ это несчастіе... Сказать несчастіе — нельзя, вставилъ кротко отецъ.

— А счастье по твоему? Ужъ помалкивай, Палъ Федоровичъ. Одно только, гляжу я и думаю, обойдется это. Ты, Виктуся, помнишь ихъ сына второго, Васюту?

— Да, кажется, помню, мама.

— Онъ постарше, должно быть, тебя будетъ. А не то помоложе. Такого ума былъ мальчикъ, такого ума... Первымъ шелъ въ семинаріи, мало этого — въ Петербургъ поѣхалъ, да академію кончилъ. И что же ты думаешь? О. Геннадій въ полной увѣренности, что ему дорога открывается—а онъ, на тебѣ, въ монастырь!

— Въ монастырь?

— Да вѣдь что! При его образованіи онъ бы вскорѣ архіереемъ могъ быть, хоть и молодъ очень. Это, вѣдь, тоже какая дорога! А онъ—ни два, ни полтора, постригаться—не хочу, іереемъ — недостоинъ еще, а въ послушники пошелъ! Въ простыхъ послушни-

Digitized by Google

жахъ ужъ съ годъ, въ нашемъ же монастырѣ. О. Геннадій радуется, что хоть въ знакомомъ мѣстѣ. Приходитъ къ намъ часто, ну такъ я присмотрюсь, что изъ него дальше будетъ.

— Всякому свое,—сказалъ отецъ покорно и скучно.—Вотъ хорошо у меня мѣсто частное, тихое, домикъ свой—и такъ мы проживемъ вѣкъ безъ метанья. Да я къ духовенству, хоть и жили все рядкомъ, склонности не имѣлъ никогда. А есть призванія... Подвижническое стремленіе...“

XV.

„Онъ“—на горизонтѣ. Но пока еще все тихо. Вика по своему отдыхаетъ.

„Викѣ не было скучно. Такъ хорошо, тихо, время не двигается, *все все равно*. Послѣ обѣда отецъ пошелъ спать. Тася куда-то безмолвно исчезъ. Было жарко, но не мучительно жарко, а ласковая духота стояла.

„Зазвонили къ вечернѣ, тяжело и близко. Садъ монастырскій—точно лѣсъ, деревья высокія, густыя. До самаго обрывистаго берега рѣки.

„Сидѣть тамъ, на этомъ обрывѣ, въ ласково-душный іюльскій вечеръ, слушать колоколъ вечеренъ, *и больше ничего не нужно*.

„Впрочемъ—это кажется только, что хорошо. Кажется, что не было восьми лѣтъ. Но если-бъ и не было? Вѣдь когда не было, и Вика, упрямой и розовой гимназисткой, сидѣла на берегу и слушала колокола,—тоже было нехорошо, тоже хотѣлось совсѣмъ другого, и даже до ненависти къ тишинѣ, къ рѣкѣ и колоколамъ—хотѣлось!

„Теперь ненависти нѣтъ. Тихая грусть—и радостное удивленіе. Точно восемъ лѣтъ Вика не видала неба, воды, деревьевъ. А они есть. И это почему-то ужасно хорошо, что они есть. Но почему?“

Таковъ философскій скептицизмъ простоватой и придурковатой дѣвушки, у которой мысли безпомощно и безсильно ползутъ, какъ мухи по патокѣ, которая ни на чемъ не можетъ сосредоточить свое вниманіе, у которой лѣнивыя, туманныя и ненужныя мечты замѣняютъ мышленіе и сознаніе.

Это маленькій комочекъ истрепанныхъ нервовъ, который раздерганъ до того, что ему, „все все равно“, мертвый для жизни и мышленія, брошенный въ темный уголокъ, потому что онъ никому не нуженъ. Да, *тамъ* была своя работа, безтолковая и неосмысленная суетня, дѣло, къ которому ея сердце не лежало, рутина, въ

Digitized by Google

которой она разобраться не могла, вѣчное паденіе по наклону, по инерціи отъ какого-то внѣшняго толчка.

„Все все равно“. Какой это безчеловѣчный, пошлый и подлый принципъ. Можно ли вѣрить такому человѣку? Онъ всегда солжетъ, всегда измѣнитъ, онъ не беретъ на себя отвѣтственности ни за свое слово, ни за свое дѣло, онъ опасенъ, потому что имѣетъ внѣшній обликъ человѣка, но подъ этой оболочкой скрывается тупая мертвенная апатія, непробудное равнодушіе, звѣриная невмѣняемость, спертая духота одинокаго и безсмысленнаго эгоизма. Это ткань гнилыхъ мечтаній и надменнаго ничтожества.

Бѣда тому, кто повѣритъ ея честному слову, потому что она сама не знаетъ, что она думаетъ, что она чувствуетъ, что говоритъ. Это болотная трясина, которая въ жидкой, липкой и вонючей грязи топитъ всякаго, кто къ ней подойдетъ близко. При внѣшней подвижности и суетливости, она спитъ, спитъ безпробуднымъ сномъ и, если на минуту и проснется, то подъемомъ нездоровой чувственности, половой блажи, не страстью, а мечтами о страсти.

Это догнивающій кусокъ первобытной идейной слизи, который дрожитъ и качается, какъ студень на тарелкѣ, если столъ дрожитъ отъ шаговъ прохожаго.

Спитъ мысль, спитъ совѣсть, спитъ сердце. Спитъ и плоть, хотя порой по ней пробѣгаютъ мимолетные токи отвлеченной и безсильной чувственности.

XVI.

„Пришелъ дня черезъ два вечеромъ и сынъ о. Геннадія, Васюта.

„Вошелъ робко, весь узенькій, высокій, въ черной рясѣ (?) съ кожанымъ поясомъ. Волосы у него отросли, и слабо, вяло закручивались у плечъ. Бороды и усовъ почти не было. Лицо испуганное, нѣжное и строгое.

„Вика съ любопытствомъ на него поглядѣла. Онъ взглянулъ разъ и потомъ долго не глядѣлъ“.

Чувствуется старый избитый шаблонъ, какой-то трафаретъ. Очевидно, З. Н. Гиппіусъ никогда не видала настоящихъ послушниковъ. Послушники рясы не носятъ, а носятъ подрясники. Ряса и кожаный поясъ — это изъ какой-то балаганной фееріи не на русской почвѣ. Ну, это обычный lapsus идейныхъ беллетристовъ: они всегда — ляпаютъ.

Васюта зналъ, что Вика—„революціонерка“.

„А такая простая. Курсистокъ онъ мелькомъ въ Петербургѣ

Digitized by Google

видалъ. *Но вообще съ женщинами никогда не разговаривалъ.* Боялся онъ, и не было интереса.

— У Васи голосъ хорошъ,—сказала Анна Ивановна.—На клиросѣ поетъ. Вотъ пойди, Вика, послушай какъ-нибудь.

— А развѣ вы въ церкви бываете?—проговорилъ Вася какъ-то въ сторону и вдругъ покраснѣлъ, и сжалъ брови.

— Я давно не бывала... Здѣсь же, въ нашемъ монастырѣ бывала, когда дома жила, — отвѣтила Вика съ удивленіемъ: *ей пришло въ голову, что за восемь лѣтъ она въ первый разъ вспомнила, что люди въ церковь ходятъ. Точно тамъ, гдѣ она жила, не было церквей такъ же, какъ не было воды, лѣса и неба.*

— Я теперь почти никогда не пою,—продолжалъ Вася.—Но вы все-таки пойдите. У насъ хоръ славный.

„ И замолкъ. У Вики было красивое, смуглое, очень строгое лицо. Почти до тупости строгое. Вася и такъ боялся, потому что это была женщина, а отъ строгости у него даже внутри дрожало что-то.

„Вышелъ братъ Тася, взглянулъ, *странно, неуклюже поздоровался* съ Васильемъ *Ивановичемъ, вспыхнулъ весь и тотчасъ же скрылся.*

„Мать говорила. Вика послушала-послушала и вышла на крыльцо. Мигали теплыя, большія, предъавгустовскія звѣзды. Деревья сада монастырскаго недвижно чернѣли впереди.

— До свиданья,—кто-то сказалъ около нея.

„Вика обернулась и сразу не сообразила, что это Вася-послушникъ. Не узнала его въ длинной рясѣ.

— Вы уходите? Вамъ прямо? Я съ вами сойду. Мнѣ пройтись хочется.

„Вася ничего не отвѣтилъ. Пошли молча. *Вика сообразила, что, можетъ быть, нельзя ходить съ послушникомъ-монахомъ (?) ночью.*

— Можетъ быть, вамъ нельзя со мною?—спросила она неловко.

— Нѣтъ, отчего-жъ? Вы за оградой живете; да, пожалуй, и ворота еще не заперты. Мнѣ недалеко, вотъ черезъ двѣ аллеи.

„А Викѣ все-таки чудилось, что она что-то неловкое ему дѣлаетъ. Отстать хотѣлось, но вмѣсто того она вдругъ спросила:

— Вы вѣдь не монахъ?

— Нѣтъ, я послушникъ.

„Вика это знала. Ей захотѣлось, чтобы онъ съ ней поговорилъ просто.

— А я слышала... Вы вѣдь академію кончили... Вы могли бы сразу... *какъ это?* Священникомъ-монахомъ быть, если-бъ захотѣли.

— Да... Но я чувствовалъ себя недостойнымъ постриженія. И вообще... да впрочемъ что объ этомъ... Извините...

Digitized by Google

„Вика *ободряюще* повернулась къ черной узенькой тѣни, которая двигалась немного сзади ея. И ей стало жалко почему-то, что онъ идетъ сзади и боится.

— Вы меня боитесь?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ... Я не привыкъ разговаривать.

— Ни съ кѣмъ не привыкли?

— Да, и вообще...

— Грѣхъ это, что-ли?

— Отчего грѣхъ? Нѣтъ, что вамъ? Вы даже не изъ любопытства спрашиваете. А такъ. Ну, и не стоитъ.

„Викѣ сдѣлалось непріятно и странно. Зачѣмъ она, правда, спрашиваетъ? *Вѣдь онъ точно съ другой планеты. Совсѣмъ не человѣкъ для нея. Монахъ. Она и забыла совсѣмъ, что есть монахи.* Потомъ она вспомнила, что онъ академію кончилъ. Не просто же монахъ. Да и не монахъ онъ еще.

„Они уже повернули во вторую аллею.

— Ну, прощайте,— сказала Вика.— Я теперь пойду одна. Еще къ обрыву, можетъ, пойду.

„Вася остановился и нерѣшительно, какъ-то издали, протянулъ ей руку.

— А не боитесь? Тамъ темно очень теперь.

„И прибавилъ торопливо:

— Вы меня простите, не сердитесь. Я рѣдко съ кѣмъ разговариваю, не приходится. Можетъ быть, не такъ что-нибудь... Вы спрашиваете меня, а я не отвѣчаю. *Я изъ-за непривычки. У васъ жизнь, вы пріѣхали и опять въ свою жизнь уѣдете, я жизни и не видывалъ никогда. Я мертвый.*

— Что вы? Отчего мертвый? Вы...

„Но она не знала, что сказать еще. Такъ ей было странно.

„А онъ безмолвно поклонился и какъ-то сразу исчезъ за деревьями.“

XVII.

И все-то это враки и вздоръ. З. Н. Гиппіусъ совсѣмъ разошлась съ существующимъ міромъ. Дошло до того, что родной сынъ о. *Геннадія* становится у нея почему-то Васильемъ *Ивановичемъ*. Поэтесса совсѣмъ обратилась въ какую-то знатную иностранку. Чтобы поколебать наличность, силу и мощь существующаго строя, г-жа Гиппіусъ не устаетъ повторять, что Вика за восемь лѣтъ „въ первый разъ вспомнила, что люди въ церковь ходятъ“, что „она совсѣмъ забыла, что есть монахи“. Пока она была въ тюрьмѣ и

Digitized by Google

въ Женевѣ, можетъ быть, она могла забыть и не помнить этого. Но въ Петербургѣ—есть и церкви, есть и монахи. Чтобы не видѣть ихъ, надо быть слѣпой.

Очевидно, что и здѣсь есть тенденція. Г-жа Гиппіусъ старается представить свою героиню кокетливой дурой, щеголяющей круглымъ невѣжествомъ. Или у самой составительницы „Ненужной исторіи“ такой же крупный недочетъ въ знаніи и опытѣ.

Мы думаемъ, что здѣсь поэтесса преувеличиваетъ и сочинительствуетъ. Реальный фактъ идейнаго невѣжества ради своихъ сокровенныхъ цѣлей она доводила до абсурда. „Мыслящая“ Россія, кромѣ идейной литературы, почти ничего не знаетъ. Но о наличности церкви и монаховъ она все же освѣдомлена. Вѣроятно, и за эти восемь лѣтъ она упорно отрицала и церковь, и монаховъ. Вѣдь она отрицаетъ ихъ, но не игнорируетъ.

Но если, по свидѣтельству г-жи Гиппіусъ, невѣжество ея героини такъ полно и всесторонне, то сынъ о. Геннадія, Василій почему-то Ивановичъ—совершенный идіотъ, дуракъ, какихъ свѣтъ не производилъ, какая-то богословски-атеистическая козявка, отмѣчающая своимъ полнымъ ничтожествомъ идейность и величіе глупенькой и невѣжественной Вики.

Во всякомъ случаѣ это богословскій, философскій и политическій памфлетъ на учащій и учащійся персоналъ с.-петербургской духовной академіи.

Смѣю увѣрить многоуважаемую З. Н., что такихъ кандидатовъ богословія нѣтъ, не бываетъ и быть не можетъ. Послушники типа Васюты изъ академій не выходятъ. Изъ академій выходятъ люди другого сорта.

И противъ голословныхъ утвержденій идейной поэтессы я могу привести несомнѣнные факты.

Студенты академіи видятъ курсистокъ не „мелькомъ“; видятъ ихъ не только на вечеринкахъ, а и на партахъ своихъ аудиторій.

Въ 1882 или въ 1883 году,—точно года не помню,—двѣ курсистки въ мужскомъ костюмѣ явились въ академію на лекцію по исторіи философіи и прослушали двѣ лекціи подрядъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ подвигъ во имя и славу науки. Тотъ же профессоръ читалъ исторію философіи и на женскихъ курсахъ. По городу давно ходили темные и глухіе слухи, что на курсахъ профессоръ читаетъ философію пожиже, а въ академіи много погуще. Вполнѣ естественно, что любознательнымъ курсисткамъ захотѣлось отвѣдать не млека любомудрія, а тройной жестокой мудрости и для этого онѣ рискнули на довольно опасный маскарадъ.

Большой переполохъ произвелъ въ свое время этотъ характерный инцидентъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія и въ пе-

Digitized by Google

тербургскихъ полицейскихъ установленіяхъ. Поэтому даже въ стѣнахъ академіи юному дѣвственнику и отшельнику спасенія отъ курсистокъ нѣтъ.

Тотъ же соблазнъ проникаетъ за эту ограду и другими путями.

Могу сослаться на очевидцевъ и многихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что студенты с.-петербургской духовной академіи за послѣднее время съ женщинами разговариваютъ и, по всей видимости, ихъ не боятся. Были ли отступленія отъ этого правила, въ какомъ смыслѣ и въ какомъ количествѣ, документально сообщить не могу, но убѣжденъ, что, если это когда-нибудь и было, то теперь

Andre Zeiten, andre Vögel
Andre Vögel, andre Lieder.

Кромѣ того, далеко не всѣ кандидаты богословія мямли и заики. Между ними давно завелись ораторы, которые и Аладьину носъ утрутъ. Окончилъ академію, значитъ говорилъ и съ каѳедры,—не только церковной, но и свѣтской. Хорошо ли, худо ли они изучаютъ полный курсъ богословскихъ наукъ, вопросъ другой, но я не допускаю и мысли, чтобы при успѣшномъ окончаніи академическаго курса они становились такими косноязычными и юродивыми, какимъ представленъ „Васюта“ Ивановичъ, Геннадіевъ сынъ, въ разговорѣ съ „строгой“ и блистательной Викой.

И еще одна подробность.

Есть здѣсь нѣкоторое смѣшеніе личностей. Васюта обвиняется въ плагіатѣ.

— Я мертвый,—говоритъ будто бы онъ.

Но это говоритъ не онъ, а г. Мережковскій. Вы помните?

Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю.

Поэтому разубѣждать убѣжденнаго почти-покойника г-жѣ Гиппіусъ слѣдовало не въ лицѣ Васюты, а въ другомъ лицѣ.

XVIII.

Вика на краю обрыва вспоминаетъ свою раннюю молодость, свою строгость, свой темпераментъ и свою „физіологію, и ничего больше“.

„Вика повернула голову. Увидала на краю обрыва, поодаль, тоненькую, черную фигурку въ подрясникѣ. „Вася этотъ, монахъ!“ догадалась Вика. По длиннымъ вялымъ волосамъ узнала, камилавку (?) онъ снялъ.

Digitized by Google

„Сидитъ, не оборачиваясь, согнулся, на закатъ смотритъ. А солнце уже зашло, сумерки.

„*Сама не зная, зачѣмъ*, Вика его окликнула:—„Васюта"! И неловко ей стало. Но какъ-же его позвать?

„Онъ вздрогнулъ, спохватился, но тотчасъ-же всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы извините, Василій... Геннадіевичъ (наконецъ-то!),—заторопилась Вика,—я васъ Васютой... Но просто не сообразила...

— Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста... У васъ всѣ издавна меня такъ зовутъ. Я ужъ привыкъ...

„Онъ стоялъ передъ ней, не зная, что ему дальше дѣлать.

— Сядьте, здѣсь рѣка виднѣе,—сказала Вика.—Вы на рѣку смотрѣли?

„Онъ *неловко сѣлъ, поджавъ ноги*. Вѣтеръ чуть шевелилъ его слабые длинные волосы. Узкое лицо казалось нѣжно-розовымъ въ лучахъ заката. Что-то безпомощное и странное—но и суровое было въ немъ, въ складкахъ длиннаго платья и въ выраженіи губъ.

— На солнце смотрѣлъ,—проговорилъ онъ.—Хорошо закатывается. Я часто сюда подъ вечеръ прихожу.

— Вы любите природу?

„Рѣшительно Вика не знала, что съ нимъ говорить и какъ.

— Нѣтъ, что-жъ,—сказалъ онъ—и потупился.

„Испугался.

„Тогда Викѣ стало его мучительно жалко, но и досадно, что онъ такъ боится, а она не умѣетъ завязать съ нимъ разговора. И она спросила почти грубо:

— Что-же вы любите?

— Вотъ, сидѣть здѣсь люблю. *Еще службу предпраздничную торжественную, особенно архіерейскую люблю*. Приходите ко всенощной въ середу, подъ Спасъ. Архіерей пріѣдетъ. Я навѣрно иподіакономъ буду. Очень хорошо у насъ служатъ.

— Странно, вы академію кончили, въ Петербургѣ жили, *а совсѣмъ не интеллигентны*,—сказала Вика жестко.

„Боится —такъ пусть-же и боится. Или пусть обидится.

„Но Васюта не обидѣлся. Кротко и просто подтвердилъ:

— Да куда-же мнѣ! Я не умѣю разговаривать. Въ Петербургѣ жилъ истинно затворнически. Здѣсь тоже. Вообще *я мертвый человѣкъ*.

— Почему-же мертвый?—*сердито* сказала Вика.—Вѣчно повторяете. Что-жъ, отъ *мертвости* и въ монахи пошли?

— Нѣтъ, я не монахъ. Я, можетъ, и не постригусь никогда.

— Такъ и будете все послушникомъ? Или что будете дѣлать?

— Самъ еще не знаю,—сказалъ Васюта медленно; онъ смо-

Digitized by Google

трѣлъ въ даль, *охвативъ руками колѣна.*—Характеръ у меня нерѣшительный. *А сомнѣнія у меня великія.*

„Вика заинтересовалась.

— Сомнѣнія? Какія, религіозныя?

— Да какъ вамъ сказать? *Самъ не знаю.* Просто скажу. Въ Бога вѣрю. И въ Христа вѣрю...

„Тутъ онъ строго и твердо взглянулъ на Вику, она (?) даже сконфузилась и опустила глаза.

— А что грѣхъ и что не грѣхъ—разобраться не могу,—докончилъ онъ.—И какъ жить, поэтому, тоже не знаю...

— Но вѣдь въ Евангеліи написано... и Церковь учитъ...—сказала Вика очень серьезно и почти робко.

—Учитъ... *Вотъ я и рѣшилъ было, что все—грѣхъ. И солнце, и житье въ міру съ людьми, а въ монастырѣ спасеніе. Пожилъ—вижу, не то. Душа не вполнѣ принимаетъ. То есть плоть-то усмиренная, мертвый я,—а умственныя и душевныя сомнѣнія большія.* Да что я вамъ?—вдругъ опомнился онъ.—Вы вотъ объ Евангеліи... А вы сами-то, вѣрите? Вѣдь не вѣрите?

„И опять поглядѣлъ на нее строго. Вика молчала. *Не нашлась. Не знала, вѣритъ или не вѣритъ. Никто никогда не спрашивалъ ее объ этомъ. Сама не думала раньше. А сказать первое попавшееся—ему, какъ-то было нельзя.*

— Вы, можетъ, и убійства разныя устраивали?—сказалъ Васюта еще серьезнѣе. Очень это было неожиданно.

„Вика вся вспыхнула.

— Неправда! Неправда! *Не говорите о томъ, чего не понимаете! Ничего я не устраивала! И не могу! Это совсѣмъ не то! И людей не осуждайте, ничего не зная, не понимая, чѣмъ они движимы! Они, можетъ, святѣе вашихъ монаховъ! Да и навѣрно святѣе! И они живые, а не мертвые! Вотъ вы не знаете, какъ жить, а они ученіе христіанское, высоко-моральное, въ жизнь проводятъ! И я сама... какъ-же можно не вѣрить этому? Какъ тутъ можно сомнѣваться?*

„*Ей теперь казалось искренно, что она всегда вѣрила—въ христіанство, и даже въ него только и вѣрила. Только не опредѣляла этого.*

„Васюта весь сжался и поблѣднѣлъ. *Испугался окончательно.* Оба одинаково не понимали другъ друга и обоимъ было нехорошо.

— Извините меня, пожалуйста,—сказала Вика, опомнившись.

„Виноватъ былъ онъ, а не она (?), но *очень ужъ у Васюты лицо отъ страха измѣнилось, и Викѣ опять стало его мучительно жаль.* Васюта махнулъ рукой.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не умѣю я разговаривать. Куда мнѣ. Простите, Бога ради. Я пойду, мнѣ пора.

„Вскочилъ, ушелъ, почти убѣжалъ. *А Вика осталась въ недоумѣніи, жалости и досадѣ. Думала о томъ, во что она вѣритъ, во что нѣтъ.*

„За ней Тася пришелъ,—чай пить. Вика вдругъ спросила его:

— Тася, ты любишь службу въ церкви, предпраздничную?

„Вася покраснѣлъ и засіялъ:

— Ужасно люблю. Въ середу будетъ. Архіерейская.

— А будешь самъ архіереемъ?

— Я? Зачѣмъ мнѣ? Я просто люблю, когда служатъ. Какъ хорошо, какъ хорошо, Вика".

XIX.

Да, этотъ камень, брошенный въ воду г-жей Гиппіусъ, трудно вытащить и десяти мудрецамъ. Но изъ этой бездонной пучины попробуемъ извлечь нѣсколько перловъ.

Васюта вездѣ и во всемъ униженъ и оскорбленъ. Вика, какъ кадеты, вездѣ и во всемъ торжествуетъ побѣду.

— Вы совсѣмъ не интеллигентны,—*жестко* говоритъ Вика.

Это самая отравленная парѳянская стрѣла въ колчанѣ мыслящей Россіи. О сущности интеллигентности и идейности здѣсь теперь говорить не будемъ. Сколько нелѣпости и вздора прячется подъ этимъ нищенскимъ рубищемъ, становится виднѣе съ каждымъ днемъ. Станемъ на точку зрѣнія г-жи Гиппіусъ.

Вика—не права. „Интеллигентности" у нея меньше, чѣмъ у Васюты. Вѣдь студенты с.-петербургской духовной академіи не переодѣвались въ женское платье, чтобы контрабандой слушать профессоровъ высшихъ женскихъ курсовъ, а курсистки—переодѣвались въ пиджаки и мужскіе панталоны.

Этимъ роковой вопросъ рѣшенъ разъ и навсегда, абсолютно, принципіально, для всѣхъ временъ и народовъ. Вика, побѣдоносная, какъ кадеты, и лжетъ, какъ кадеты. Тому примѣровъ много. Вика съ мѣста въ карьеръ, какъ трудовики, начинаетъ съ крѣпкихъ словъ и шумныхъ возгласовъ: „долой".

Но выйдемъ изъ предѣловъ волшебной интеллигентности.

На Васюту клевещетъ не только Вика, но и г-жа Гиппіусъ: не могъ говорить того Васюта, что будто-бы онъ говорилъ. Не могъ такъ говорить кандидатъ богословія. Не пошелъ бы въ послушники такой безпринципный атеистъ, какъ выдуманный призракъ Васюты, нигилистъ до мозга костей. Все, что говорится о грѣхѣ—идейный

Digitized by Google

вздоръ. Тамъ, гдѣ нѣтъ строгаго и точнаго понятія о грѣхѣ, тамъ гдѣ люди не знаютъ, „какъ жить“,—нѣтъ никакой религіи и нѣтъ мѣста для нея. Гдѣ нѣтъ понятія о грѣхѣ, нѣтъ Бога и нѣтъ Христа.

Это простая, старая истина. Ее знаетъ не только Васюта, но и маленькій Тася. Едва-ли кандидату богословія прилично томиться великимъ сомнѣніемъ, какъ жить, что дѣлать,—

Идти-ли въ храмъ молиться Богу,
Иль въ лѣсъ прохожихъ убивать.

Если-бы этотъ вопросъ былъ имъ не рѣшенъ еще на школьной скамьѣ, ему не дали бы академическаго диплома. Если-бы онъ сталъ имѣть „великія сомнѣнія“ въ этой области по окончаніи курса, его слѣдовало сослать въ монастырь на покаяніе или лишить всѣхъ правъ на служеніе церкви. Вѣдь и иподіакону не надлежитъ быть строго послѣдовательнымъ нигилистомъ и атеистомъ.

Если-бы игуменъ монастыря узналъ о такихъ „вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ“ безбожника-иподіакона, его отдали-бы подъ началъ строгому старцу или попросту выгнали-бы изъ обители, пребываніе въ которой такъ-же недопустимо для г-жи Гиппіусъ, какъ для гг. Розанова, Минскаго, Тернавцева, Бѣлявскаго, Карташева и Мережковскаго. Въ монастыряхъ пока-что еще не вездѣ совершается шабашъ на Лысой горѣ.

Но намъ кажется, что дѣло до этого не дошло. Думается мнѣ, что г-жа Гиппіусъ и Вика... фантазируютъ. Ученый иподіаконъ этого не говорилъ. Дамамъ это только такъ показалось. У нихъ часто бываютъ галлюцинаціи слуха. Они будто-бы слышатъ то, что имъ хочется слышать. Въ интересахъ идейнаго беллетристическаго эффекта надо было совсѣмъ опоганить вяло-волосаго иподіакона и на его спинѣ поставить пьедесталъ для глупенькой Вики, которая лжетъ, какъ... кадеты, боззастѣнчиво, грубо, нагло, съ обязательнымъ оглядомъ на лѣво.

Со словъ г-жи Гиппіусъ, мы уже достовѣрно знаемъ, что Вика „молчаливо признавала“ „дѣйствія“, „какъ необходимыя“. На это имѣется оффиціальный документъ, скрѣпленный подписью и печатью г-жи Гиппіусъ.

Съ чего-же Вика такъ изолгалась? Пусть она „ничего не устраивала“. Но она прямо говоритъ, что тѣ, которые совершаютъ идейныя убійства, „святѣе вашихъ монаховъ“. Она „спряталась въ ямку“, дома, потому что стала сомнѣваться, дѣйствительно-ли революціонеры живые люди, а теперь, по побужденіямъ партійной дисциплины, прячетъ свое „великое сомнѣніе“. И вдобавокъ, — ложь лжей и вѣнецъ лжи,—утверждаетъ, что кинжальщики и бомбомета-

Digitized by Google

тели истинные пророки и апостолы христіанства, что они „движимы“ силою христіанской любви и всепрощенія.

Васюта *не испугался*, потому что онъ, какъ человѣкъ образованный, видѣлъ насквозь софистику и фальшь въ заказной декламаціи разочарованной революціонерки, а *устыдился* за нее. Да и прямо неловко, когда въ глаза говорятъ такія нелѣпицы и небылицы, считая собесѣдника длинноухимъ осломъ и медицински-удостовѣреннымъ идіотомъ. Вика грубо и цинично сказала все, что такъ рѣзко противорѣчитъ дѣйствительности, и торжествовала побѣду, видя въ своей наглости свое идейное превосходство.

Впрочемъ, мы готовы думать, что г-жи Гиппіусъ сдѣлалъ это безъ явнаго злаго умысла. Просто, въ глубинахъ хаоса ея дремучаго невѣжества и въ абсурдахъ жизни развернлись такія идейныя хляби, что оттуда фонтаномъ брызнула грязная струя болотной жижи.

Во всемъ, конечно, надо искать лучшихъ побужденій, какъ бы ни были циничны и нелѣпы выводы. Вѣдь и кадеты лгали не совсѣмъ по доброй волѣ: они тоже „испугались окончательно“. На нихъ строго смотрѣли слѣва и они готовы были „соскочить“ и „убѣжать“, пока внѣшнія обстоятельства не упростили и не облегчили ихъ положенія.

Нѣтъ, правдивости и искренности—подъ желѣзною дисциплиною идейности и интеллигентности—мѣста нѣтъ...

XX.

Но побѣдили—не Вика и кадеты, а Васюта и архіерейская служба.

„Они пошли въ среду.

„Въ саду темно, церковь огнями горитъ. Народу, богомольцевъ со вчерашняго дня еще кучи привалило (?) въ монастырь.

„Вика съ Тасей рано пошли, успѣли впередъ пробраться. *Вика пошла изъ любопытства. Какъ-то все вмѣстѣ у нея не вязалось. Сама не знала, зачѣмъ пошла.*

„Вспомнила, что была въ церкви и въ Петербургѣ. Въ соборѣ на панихидѣ. Но точно и не была тогда. А вотъ дѣвочкой, здѣсь-же въ монастырѣ,—вотъ это она ярко вспомнила. Только не вспомнила, что думалось тогда. Кажется то же, что и теперь. *Правда, теперь она знаетъ, что это просто культъ, форма извѣстной религіи и больше ничего. Но какъ-то не въ томъ (?) дѣло. Культъ, такъ культъ.* Но она тутъ дѣвочкой была. И своимъ, роднымъ, корневымъ на нее пахнуло. *А мысли тутъ всѣ мимо.*

„Теплая, пахучая, восковая духота. Волны сизаго кадильнаго

Digitized by Google

дыма. Волны набѣгающія томительнаго пѣнія. Огни—и золото, мерцающее въ огнѣ. И медленныя, торжественныя движенія людей, стариковъ, одѣтыхъ въ золото.

„У Таси *горящее лицо, нездѣшніе глаза. Но онъ слѣдитъ за одной точкой. Онъ ждетъ.* Вика сразу не узнала Васюту, когда онъ вышелъ слѣва на середину церкви, за архіереемъ и священниками, въ бѣлой блестящей діаконской ризѣ, съ высокимъ двусвѣчникомъ въ рукахъ. *Онъ казался ей выросшимъ, удивительнымъ, свѣтлымъ и далекимъ. Тасѣ тоже, вѣроятно, онъ казался такимъ, только онъ его сразу узналъ, потому что такимъ именно и любилъ, и ждалъ его отъ самаго начала. Это была его великая и святая тайна. Ему казалось, что всѣ счастливы, какъ онъ, потому что каждый здѣсь любитъ и ждетъ кого-нибудь, одного, ему одному извѣстнаго, съ такой же сладкой жутью и блаженствомъ, и такимъ же этотъ одинъ дѣлается здѣсь, въ церкви, таинственно-свѣтлымъ и святымъ. А тайна въ томъ, что это выше человѣка, и еще въ томъ, что никто не знаетъ, кто кого любитъ. Тася полюбилъ Васюту именно такимъ, здѣсь, и когда онъ приходилъ къ нимъ простой, въ подрясникѣ,—на немъ все равно лежали здѣшніе лучи. Тася все равно зналъ, какой онъ настоящій.*

„*Поютъ, поютъ,—это прославляютъ торжество любви каждаго, благодарятъ Бога за даръ такого неслыханнаго блаженства. Кто любитъ владыку? Тася, можетъ быть, любилъ бы его, если-бъ ужъ не любилъ Васюту. У владыки такое прекрасное лицо, точно у Бога-Отца. Тася и его, конечно, любитъ, ужасно любитъ, но ужъ потому, что любитъ Васюту сперва, съ томительнымъ и святымъ блаженствомъ. А кого любитъ владыка? Можетъ быть, тоже Васюту? Пусть! Пусть! Пусть бы и Вика любила Васюту.*

„Молодой иподіаконъ чуть перевелъ глаза и поглядѣлъ въ ихъ сторону. Но скользящимъ, едва видящимъ глазомъ. Сквозь сизыя облака опять лицо его показалось Викѣ *удивительнымъ, не мужскимъ и не женскимъ.* Ангельскимъ, сказалъ бы Тася твердо. Викѣ это не пришло въ голову.

„Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“

„Тася всталъ на колѣни, крестился, кланялся и шепталъ: слава, слава!

„Вика не кланялась, только по вдругъ вынырнувшей (?) изъ прошлаго привычкѣ крестилась. Ничего не шептала—но и не думала ни о чемъ. *Ей было хорошо и странно.* Голова немного болѣла и кружилась. Устала, но не хотѣлось уходить. Такъ же, какъ иногда съ обрыва, отъ рѣки.

„Она съ Тасей подошла къ аналою, гдѣ ей сдѣлали крестъ на лбу душистымъ и теплымъ масломъ. Поцѣловала тяжелое золотое

Digitized by Google

Евангеліе. И точно это было другое какое-то Евангеліе, а не та высоко-гуманная человѣческая книга, вѣру въ которую она недавно отстаивала. Ихъ было два, но ей казалось въ эту минуту, что она вѣритъ, и всегда вѣрила,—въ оба".

XXI.

Какъ во всякомъ идейномъ беллетристическомъ произведеніи при описаніи православнаго богослуженія, здѣсь есть, конечно, слѣды кощунства и святотатства. Но легкій оттѣнокъ явнаго садизма придаетъ у г-жи Гиппіусъ языческій характеръ христіанскому „культу". Въ мечтахъ Таси—есть признаки какого-то эротическаго помѣшательства.

„Великая и святая Тасина тайна" отзываетъ чѣмъ то нездоровымъ, болѣзненнымъ. Эта любовь каждаго къ одному, эта секретная радость по поводу того, что „никто не знаетъ, кто кого любитъ", это „неслыханное блаженство" въ сознаніи „торжества любви", этотъ владыка съ лицомъ „Бога-Отца", этотъ молодой іподіаконъ съ лицомъ „не мужскимъ и не женскимъ"—вносятъ какой-то языческій,—мистическій и сладострастный оттѣнокъ въ архіерейскую „предпраздничную" службу.

Обычная формула Вики: „физіологія, и ничего больше",—превращается здѣсь въ формулу: „культъ, и ничего больше", но какъ-то туманно превращается въ еще болѣе интимный выводъ: „интересный іподіаконъ, и ничего больше".

Но это грязь какой-то мечтательной и импотентной физіологіи и, отмѣтивъ ее, можно на ней не останавливаться.

Для фабулы разсказа важно только то, что за этой службой начался платоническій и безполый романъ отдыхающей революціонерки и сомнѣвающагося іподіакона. Дѣло пріобрѣтаетъ нѣсколько лубочный характеръ и поставщикамъ рыночной макулатуры можно было бы порекомендовать такое пикантное заглавіе для исключительной ходкости новаго товара на злободневныя темы.

До сихъ поръ всегда и во всемъ верхъ брала Вика. Васюта только пугался и отступалъ. Теперь временное превосходство на сторонѣ о. іподіакона. Онъ сіяетъ огнями высокаго двусвѣчника, какъ какой-то обольстительный статистъ изъ церковнаго балета.

„Они странно встрѣтились, Вика и Васюта, черезъ два дня послѣ всенощной. Опять на берегу обрыва, въ быстро чернѣющій, душный августовскій вечеръ.

„Онъ, Васюта, былъ прежній, робкій и неловкій послушникъ въ черномъ подрясникѣ—и вдругъ строгій и взыскательный. Но онъ

Digitized by Google

уже былъ и тѣмъ легкимъ юношей среди огней и дыма съ двусвѣщникомъ въ рукахъ. Вика по-прежнему не знала, о чемъ съ нимъ говорить, *но какъ будто бы и не очень надо было говорить. То-есть разсуждать. Все такъ сложно, запутано и непонятно, что лучше ужъ быть совсѣмъ попросту* (?).

— Ночь душная, тополями пахнетъ,—сказалъ Васюта.

— Садитесь со мной. Да, душно... точно въ церкви за всенощной, только иначе,—сказала Вика и усмѣхнулась.

— А вѣдь хорошо служили?

— Очень хорошо. Послушайте, Васюта. Вотъ вы меня спрашивали, вѣрю ли я въ Бога. *Мнѣ кажется*, я вѣрю и всегда вѣрила. Только объ этомъ надо говорить... *какъ-то съ другой стороны, что ли.*

„Она затруднилась. Онъ промолчалъ, *не понялъ*. Она продолжала:

— *На время все забыть—а только съ другой стороны смотрѣть... Ну, я не знаю, все равно. А въ грѣхъ я не вѣрю,*—прибавила она неожиданно.

„Васюта взволнованно и тихо кивнулъ головой.

— Вотъ и я тоже. То есть не вообще въ грѣхъ, человѣкоубійство, напримѣръ... А какъ считается, повсюду у насъ.... До чего доходятъ! Вѣдь на небо голубое посмотрѣть—и грѣхъ. Нѣтъ, это не такъ. *Все* Божье. И люди Божьи. Господня земля и все, что наполняетъ ее.

„Вика едва различала въ душныхъ сумеркахъ узкое лицо послушника, овѣянное слабо вьющимися волосами. Онъ казался ей нѣжнымъ, строгимъ и прекраснымъ.

— Да *все* хорошо,—сказала она.

„Онъ повторилъ, просто:

— *Все* хорошо. *Очень.*

„ *Они были какъ дѣти, ничего не знающіе, все забывшіе и равные въ этомъ незнаніи. Только чувствовали, что все „хорошо“.*

— Можно мнѣ поцѣловать васъ?—спросила *Вика* и даже не удивилась этимъ своимъ словамъ, хотя и не ожидала ихъ.—Мнѣ хочется ужасно. Мнѣ *кажется*, что я васъ люблю.

„Онъ тоже какъ будто не удивился. *Съ готовностью повернулся къ ней.*

— Да, поцѣлуйте. И я васъ поцѣлую, если можно. И я васъ люблю. Я только говорить не привыкъ и боялся. Но я давно думаю, что это (?) — *не грѣхъ, а хорошо, нужно, свято.*

„Они торопливо шептались, хотя кругомъ было пустынно, темно и тихо, даже кузнечики молчали въ короткой августовской травѣ, даже съ рѣки, снизу, не слышалось шелеста воды.

„*Вика* обняла худенькія плечи юноши и щекой коснулась его

Digitized by Google

лица. Потомъ они поцѣловались, оба вмѣстѣ, неловко и *радостно соединивъ губы*. Потомъ, все молча, еще разъ поцѣловались, и еще.

„Давно забытая, но знакомая сладкая жуть облила Вику. Она, было, *испугалась чего-то*, но испугъ тотчасъ-же прошелъ, ей было хорошо. И грустно. И ему тоже вѣроятно, потому что онъ сказалъ:

— Мнѣ плакать хочется. Но какъ это радостно. Спасибо вамъ. Меня никто не цѣловалъ. И я никого.

„Вика шепнула:

— Молчи. А то мнѣ будетъ страшно. *Я вѣдь сама ничего не понимаю.*

„Онъ покорно умолкъ, только нашелъ робко ея руку и поцѣловалъ. Она не отняла руки. Такъ они просидѣли, обнявшись долго, потомъ еще разъ, медленно, жарко и нѣжно поцѣловались и разошлись".

XXII.

Просто. Пожалуй, слишкомъ просто. Немного было нужно, чтобы стало „*все* хорошо". Что-то въ родѣ райской идиллiи. „Ничего не знавшіе, все забывшіе, равные въ незнаніи". Первый въ мірѣ романъ и грѣхъ.

И Васюта не удивился, когда Вика, „строгая" Вика,—„точно монахиня" по отзыву товарокъ и товарищей по революціи, которой некогда было „заниматься личными страстишками и психологіями", которая благословляла судьбу за то, что „ей не нужна эта физіологія",—первою бросается въ атаку и проситъ у о. иподіакона поцѣлуевъ!

Они цѣловались и—*ничего не понимали*. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Викѣ. Но она ошибалась: Васюта—понималъ. Да и героиня несуществующаго строя мало-по-малу и незамѣтно для себя переходила въ строй существующій, хотя все еще жила и чувствовала на оба фронта.

„Мысли, серьезное (?) дѣло, отвѣтственность (?)—это съ одной стороны,—а рѣка, звѣзды, захолустная тишь, огни всенощной, золотое евангеліе и Васюта на берегу обрыва—это все съ другой стороны. И тутъ, съ этой другой стороны, у Вики уже не было никакихъ размышленій, она даже не пыталась думать, *даже не знала, гдѣ она-то, сама Вика, на этой или на той сторонѣ?* Можетъ быть, и здѣсь и тамъ, по *половинкѣ. Значитъ, собственно нигдѣ. Ну, не все-ли равно. Только бы обѣ были. И даже какъ-то спокойнѣе, что онѣ разорваны.*

„Не то въ затменіи, не то *въ обычномъ полуснѣ* жила Вика.

*

Digitized by Google

Вѣроятно, она думала, что и Васюта живетъ такъ-же. Они по прежнему ни о чемъ не могли *путно* разговаривать, и Викѣ не хотѣлось. Видѣлись въ церкви и дома. По вечерамъ, темнымъ, луннымъ и звѣзднымъ, сходились на краю обрыва, и цѣловались и Вика вторила ему: „люблю“, а когда онъ разъ спросилъ ее, любила-ли она еще кого-нибудь, она съ увѣренностью отвѣчала, что нѣтъ, и что не могла бы любить никого, кромѣ него.

— Значитъ, на всю жизнь?—обрадованно сказалъ онъ.

— *Ну да, конечно, на всю жизнь.*

„Онъ умолкъ, долго, серьезно, молчалъ. Потомъ вдругъ сказалъ:

— И я тоже, на всю жизнь—одну. Я говорилъ, что у меня характеръ нерѣшительный. Это неправда. И вы въ меня новую силу влили. Вы вся—точно источникъ жизни для меня. Вотъ вы увидите...

„Она вдругъ испугалась. *Но не знала, чего.* Разспрашивать — *не хотѣлось. Лучше такъ сидѣть.* Звѣзды тихія, снизу водой пахнетъ, и онъ, милый, странный, робкій и строгій,—близко. *Чувствовать его нѣжную и близкую теплоту.* И еще чего-то ждать, вѣчно на что-то надѣяться, что—*придетъ или не придетъ*, все равно счастье.

„Онъ поцѣловалъ ее какъ-то особенно, можетъ быть, даже слишкомъ крѣпко и властно... Но Вика пришла домой *въ томъ-же полуснѣ, надѣясь на завтра*“...

XXIII.

„Физіологія, и ничего больше“... Психологія сонная, вялая, пассивная. Логики нѣтъ и въ заводѣ.

А у Васюты все это было. Онъ вдругъ куда-то скрылся и въ письмѣ—миломъ и нѣжномъ,—увѣдомилъ свою невѣсту, что онъ скоро вернется.

Двѣ половинки Вики стали колебаться, хотя и не сразу.

Прочитала письмо и, какъ всегда, „ничего не поняла“.

„Васюта-ли писалъ? О чемъ онъ? Не хотѣлось размышлять. Вернется скоро—на этомъ успокоилась. Вернется, а тамъ уже все будетъ хорошо, какъ нужно“.

„Вика сидѣла дома, въ маленькой комнатѣ съ кисейными занавѣсками. Сначала такъ сидѣла, все еще въ полуснѣ и затменіи, точно въ облакѣ дыма кадильнаго. Не читала. А потомъ начала сволакиваться (?), измѣняться. То есть не ушло ничего, но рядомъ и другое стало подниматься. Прежнее, дневное, рабочее, нудное (?),—но трезвое. Ей надо ѣхать. Не то, что хочется, или необходимо, но *тупо тянетъ, нужда какая-то. Потому что, если не ѣхать, то что-же?*

Digitized by Google

„Но сдѣлалось не хорошо. Безпокойство вставало. Ночи прошли, опять день, вѣчный, однообразный. Не мучила совѣсть, потому что ночи—правда, и любовь эта ея къ Васютѣ, робкому и строгому—правда. Но если правда—зачѣмъ-же уходить отъ нея, ради чего покидать? А если есть и другое, другой монастырь,—„другая сторона", какъ она себѣ говорила,—то теперь ихъ разрывъ и раздѣленіе были съ каждымъ днемъ все мучительнѣе, все недоумѣннѣе.

„Потомъ стала придумывать выходъ.

— Это вѣдь не одна физіологія, моя любовь, а любовь. И вѣдь не романтизмъ же сантиментальный. Это надо какъ-нибудь въ трезвую жизнь ввести. *Я пока совсѣмъ не знаю его*—узнаю. Найду его въ Петербургѣ. Тамъ все выяснится, ближе сойдемся, поговоримъ. Надо трезво разсуждать.

„Забыла, что сама не хотѣла говорить съ нимъ, все смутно боялась чего-то, вовсе не разсуждала.

„Такъ мѣсяцъ прошелъ, и полтора".

„Она рѣшила ѣхать черезъ два дня. Сегодня ей хорошо, весело, чуть-чуть грустно, все кажется милымъ. Рада, что Васюта не вернется сюда, она найдетъ его въ Петербургѣ. Любитъ его, помнитъ его, близкаго, милаго, свѣтлаго.

„Вика знаетъ, догадывается, что Тася тоже „влюбленъ" въ Васюту и это ей нравится. Теперь Викѣ не кажется гадкимъ слово „влюбленъ". Это хорошо, свѣтло, близко. Тутъ живое, тутъ не вся жизнь, но цѣлая половина.

„Впрочемъ,—не опредѣленія у нея умственныя, не выводы психологическіе, а такъ чувствуется. Пока только чувствуется—и легко, и вѣришь, что все выяснится, а начнетъ Вика, *при ея непривычкѣ*, надъ этимъ думать,—мучительный, перепутанный во всѣхъ концахъ, узелъ".

XXIV.

Разъ осеннимъ вечеромъ случилось „нѣчто неожиданное" (?). Вернулся Васюта. Онъ нашелъ себѣ мѣсто преподавателя въ Петербургѣ, надѣялся стать священникомъ и профессоромъ.

„Вика едва сообразила, что это Васюта. Потому что ни слѣда Васюты не было. Даже странно, что можетъ человѣкъ вдругъ такъ измѣниться. Передъ Викой стоялъ молодой семинаристъ (академикъ?), довольно пріятной наружности, не особенно ловкій, одѣтый во все дешевенькое и новенькое, не безъ претензіи— и, что главное,—очень довольный собой. Онъ и говорить сталъ иначе — гораздо больше, громче и увѣреннѣе.

„Тася, молча, прослушалъ его разсказъ о томъ, какъ онъ полу-

Digitized by Google

чилъ мѣсто, какъ ѣздилъ,—потомъ всталъ и ушелъ куда-то. Вика не ушла, но тоже молчала и глядѣла въ странномъ недоумѣніи.

„Долго онъ сидѣлъ и все говорилъ. Мать вышла. Только что она вышла, — Василій Геннадіевичъ какъ-то выпрямился, подвинулъ свой стулъ къ Викѣ и сказалъ:

— Вѣдь я все для васъ, дорогая моя! Я жизнь черезъ васъ понялъ. Энергію вы въ меня новую вдохнули. Я руки вашей просить пріѣхалъ. Что я былъ? Мертвый человѣкъ! И давно ли? А вы любовью своей меня преобразили. Тяжелыя, мучительныя сомнѣнія мои разсѣяли. Я мальчишка былъ, дитя,—а тутъ взрослымъ мужчиной себя почувствовалъ. Теперь ужъ не разстанемся!

„И онъ еще придвинулся къ ней, взялъ за руку съ неуловимымъ, вѣроятно, инстинктивнымъ, правомъ будущаго мужа, хотѣлъ, кажется, обнять и поцѣловать ее. Потянулся.

„Вика вскочила въ смертельномъ ужасѣ. Какая-то *чернота* (?) *наплыла на нее, густая, и она точно тонула въ ней! Чернота голову накрывала.* Кто это? Не Васюта,—конечно, не онъ! Но даже и не студентъ Леонтьевъ (хотя общее съ Леонтьевымъ мелькнуло что-то), а человѣкъ со всѣхъ сторонъ, и съ этой, и съ той, далекій ей ненужный, совсѣмъ чужой. Да, студентъ Леонтьевъ, и *дневной рабочей жизнью съ ней не связанный*.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормочетъ Вика растерянно, отстраняя тянущіяся къ ней руки молодого человѣка. — Извините... *Вы не поняли* (?). Я не могу... Это недоразумѣніе...

„И вдругъ закричала:

— Вы права, наконецъ, не имѣете... Уйдите, пожалуйста...

„Онъ искренно удивленъ. Ничего не понимаетъ. *И Вика ничего не понимаетъ.* Васюты нѣтъ. Былъ ли Васюта, отважный, звѣздный, со свѣтильниками—или это все только глупо снилось?

„Что-то робкое, прежнее глянуло на минуту изъ него.

— Я уйду, уйду... Вы разстроены сегодня... Я, можетъ, неожиданно все очень... Я завтра утречкомъ приду...

„И ушелъ, неловко, задомъ, пятясь къ дверямъ, смѣшной въ своемъ новенькомъ кургузомъ пиджачкѣ.

„Вика слышала, какъ хлопнула дверь. Пошла медленно въ свою комнатку, рядомъ съ Тасиной,—крошечной каморкой.

„И вдругъ услыхала странные звуки. Точно кто-то глухо лаялъ. Это плакалъ Тася, уткнувшись въ подушку. Когда Вика вошла къ нему со свѣчей,—онъ поднялся, угрюмо сѣлъ на постели и зло (?) посмотрѣлъ на сестру.

— Чего ты?—сказала она.

— Чего чего? Почемъ я знаю?

Digitized by Google

„Опять поглядѣлъ на нее. *Видно было, что онъ дѣйствительно не знаетъ.*

— А ты-то чего? Ты-то?—вскричалъ онъ вдругъ злобно, указывая на нее пальцемъ.

„Вика было не поняла, но потомъ вдругъ замѣтила, что она тоже плачетъ. Это было удивительно, она и не помнила, когда плакала.

— *Я... не знаю...* — растерянно, уже откровенно сквозь слезы сказала она.

„Мальчикъ съ рыданіемъ и злорадствомъ крикнулъ:

— Да! И сама тоже! А еще образованная, большая, петербургская! Ну, уйди! Ну, и пусть!

„И опять уткнулся въ подушку.

„Но Вика не ушла, сѣла на постель, рядомъ, обняла Тасю сзади и, прижавшись къ его черному, вспотѣвшему мальчишескому затылку, стала плакать тихонько, вздыхая.

„Оба плакали, *не зная о чемъ, а еслибы знали, то, можетъ быть, слезы были бы еще солонѣе и тяжеле. Знали смутно, что плакали о Васютѣ, настоящемъ, котораго можно было любить и котораго по настоящему никогда не было*".

XXV.

Что-же случилось? Гдѣ же разгадка этого беллетристическаго и идейнаго ребуса? Куда исчезло то золотое сіяніе, которое еще такъ недавно окружало голову интереснаго о. иподіакона?

Все, что коробило знакомыхъ Васюты и его невѣсту, исчезло. Кандидатъ богословія пересталъ быть послушникомъ, не увлекался сценическою ролью иподіакона за архіерейской службой. Онъ учитель. Онъ хочетъ быть профессоромъ. Правда, онъ хочетъ быть и и священникомъ. Но это недоразумѣніе. Его взглядъ на грѣхъ и грѣхи закрываетъ для него всѣ виды духовнаго служенія и ставитъ его внѣ религіи.

Развѣ это не прогрессъ? Не ростъ личности и правового сознанія? Теперь онъ вполнѣ подходящій и даже завидный женихъ для всякой молодой дѣвушки, даже революціонерки, потому что и Васюта не лыкомъ шитъ,—можетъ идти и впередъ, и выше.

Въ кургузомъ пиджакѣ онъ былъ неловокъ. Но въ ряскѣ (?) и камилавкѣ (?) онъ вѣдь тоже не былъ свѣтскимъ дэнди. И Викѣ даже нравилась его угловатость. И съ чего Вика чувствуетъ себя такой патриціанкой и аристократкой? Вѣдь и сама она одѣвалась, „какъ монахиня". Да развѣ костюмъ имѣетъ такое рѣшающее зна-

Digitized by Google

ченіе? Онъ одѣтъ въ „дешевенькое и новенькое“. Что же? Дѣло поправимое. Новенькое обносится, а дешевенькое можно будетъ замѣнить другимъ: у о. Геннадія водятся деньжонки, да и у Васюты мѣсто приличное.

Это уже забота молодой жены, пожалуй, невѣсты — одѣть со вкусомъ и вполнѣ пристойно.

Или только въ томъ дѣло, что онъ доволенъ собой? Но что за радость вѣчно кукситься, пугаться и топтать себя въ грязь? Вѣдь это именно Вика и порицала въ Васютѣ. Онъ избавился отъ этого недостатка—и сталъ хуже!

Да и съ чего ему пѣть Лазаря? Не кислякъ, человѣкъ съ головой, энергичный и находчивый,—захотѣлъ и сдѣлалъ. Словомъ сказать, молодецъ!

Онъ человѣкъ не рабочій? Ну, повидимому, Леонтьеву-то онъ девяносто очковъ впередъ дастъ. Леонтьевъ доработался только до Сибири. А талантливый профессоръ можетъ доработаться до горячей любви и высокаго уваженія своей аудиторіи и степеней извѣстныхъ. Правда, онъ не прославитъ себя террористическими „дѣйствіями“. Но и Вика сама не убивала и, хотя это ремесло признавала необходимымъ, но свои холеныя ручки берегла отъ чужой крови.

Что же въ Васютѣ перемѣнилось? Онъ тотъ же и даже сдѣлалъ огромный шагъ впередъ. И развѣ можно любить только о. иподіакона, а нельзя любить профессора?

Да, это предположеніе совпадаетъ съ подробностями разсказа. Тася лаетъ, какъ собака. Ну, это понятно. По молодости и поступаетъ. Мечтательный ребенокъ, въ періодъ пробуждающейся половой зрѣлости поддразнивающій неопытную чувственность мистически-сладострастнымъ толкованіемъ церковной обрядности. Для ребенка слишкомъ увлекательны ризы и свѣчи иподіакона. Это и понятно.

А вѣдь Вика „большая, образованная, петербургская“. Чѣмъ же она увлеклась въ иподіаконѣ, хотя бы и съ „двусвѣщникомъ“ въ рукахъ? Только званіемъ и костюмомъ? Но казалось, что она полюбила душу, совѣсть и духовную сущность Васюты, которая отъ кургузаго пиджака нисколько не измѣнилась.

Что-же это такое? Глупый и грубый капризъ богатой, а иногда и знатной дуры къ татарину-проводнику въ Ялтѣ? Экзотическіе орнаменты плѣнили вульгарную и низменную похоть распутной бабы, жадной до пестроты и разнообразія? Одна изъ разновидностей того обожанія акробатовъ, атлетовъ и кулачныхъ бойцовъ, которые стало дешевою мишенью даже уличныхъ юмористическихъ листковъ? Что-то въ родѣ Шаляпино-маніи и Собиново-маніи, съ давно осмѣянными героинями? Или подобіе того цинизма, съ которымъ русскія

Digitized by Google

безстыдницы искали вниманія и ласки отъ плѣнныхъ турецкихъ и японскихъ солдатъ?

Есть въ Викѣ, конечно, и эта черта. Въ ея платоническомъ и болѣзненномъ сладострастіи слышны и экзотическія нотки. Для нея о. иподіаконъ человѣкъ почти не отъ міра сего. А профессоръ, какъ ни почетно это званіе, свой человѣкъ. Это пріѣлось. Были когда-то въ ходу и такіе романы, но теперь идейный флиртъ ушелъ впередъ. Вотъ иподіаконъ—это совсѣмъ особь-статья. Это дѣйствительно новое слово въ идейно-порнографической литературѣ.

Весь смакъ здѣсь собственно заключается вотъ въ чемъ. При извѣстномъ наклонѣ идейнаго воображенія можно представить, что и иподіаконъ, какъ и всѣ педанты и рутинеры русской революціи, также принадлежитъ къ „несуществующему“ строю, хотя бы особому и своеобразному. Вотъ точка соприкосновенія между Викою и Васютою съ двусвѣщникомъ.

Пріѣхалъ изъ Петербурга профессоръ и—

Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной спячки,
И душа опять полна возможнымъ.

Это свыше мѣры терпѣнія новыхъ людей новой правды. И волшебно-скоро осыпались поблекшіе листы недавно свѣжаго и благоуханнаго вѣнка, отгорѣли огни, пепелъ покрылъ холодныя листья. Пустякъ очаровалъ—и пустякъ разочаровалъ.

XXVI.

Всмотритесь во всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой воистину „ненужной исторіи“. Въ стариковъ Радиныхъ, Тасю, Васюту, Леонтьева, Власьеву и другихъ, названныхъ и не названныхъ въ этомъ разсказѣ.

Вика глупѣе и подлѣе всѣхъ ихъ. Она „нудно“ и „въ просонкахъ“ дѣлаетъ какое-то глупое дѣло, котораго она не понимаетъ и котораго не любитъ. Она создала себѣ пошлую философію о своихъ двухъ „половинкахъ“, которая даетъ оправданіе всякому безстыдству и предательству. Она для себя не признаетъ никакой отвѣтственности и ей всегда „все все равно“. Она рѣшительно ничего не знаетъ, и рѣшительно ничего не думаетъ. Она даетъ честное слово честной женщины любящему ее человѣку и, какъ продувная кокетка, подло измѣняетъ этому слову. Свой дикій капризъ она ставитъ выше всего на свѣтѣ и относится къ людямъ и событіямъ, какъ полоумная и шалая дѣвчонка. Это самолюбленное ничтожество—и пошлость, мечтательная, высокомѣрная, стоящая, какъ кадетская дума, внѣ критики и укора.

Digitized by Google

Пошлѣе и глупѣе Вики трудно себѣ что-нибудь и представить.

Васюта въ сравненіи съ ней — чище альпійскаго снѣга. Это серьезный и дѣльный человѣкъ. Онъ самъ себѣ судья и его судъ строгъ. Онъ не побоялся поступить въ монастырь послушникомъ, хотя его отецъ, родные, знакомые и, вѣроятно, академическое начальство были противъ этого. Онъ, небоясь укоровъ и насмѣшекъ, снялъ съ себя ременный поясъ, подрясникъ и скуфью послушника, когда любимая дѣвушка дала ему торжественное обѣщаніе идти съ нимъ „на всю жизнь".

Это не мямля и не кислякъ. У него есть воля и энергія. Захотѣлъ и сдѣлалъ,—съумѣлъ сдѣлать, безъ громкихъ фразъ, безъ пышныхъ обѣщаній. И прежде всего, это человѣкъ честный. Нигилистическія рѣчи приписаны ему по-бабьи легкомысленно. Его хотѣли представить идіотомъ, но это не удалось. На отвѣтственную службу не приняли бы такъ скоро и охотно дурачка и нигилиста. Онъ уменъ.

Уменъ и честенъ. А Вика?...

XXVII.

Но въ этомъ-то именно и состоитъ вся задача идейной беллетристики.

Принизить все живое и здоровое и поставить надъ нимъ все отвлеченное и больное, поднять на недосягаемую высоту бродягу и хулигана и оплевать разумнаго, бережливаго и трудолюбиваго хозяина, увѣнчать ничтожество и пошлость и бросить въ грязь истинное достоинство и благородство, видѣть въ убійствѣ, погромѣ и поджогѣ ростъ личности и правового сознанія, и лишить права самообороны честныхъ и порядочныхъ людей,—не зная ни церкви, ни религіи, издѣваться надъ религіею и церковью, пѣть гимны въ честь и славу люпанаровъ, чтобы смѣяться надъ укладомъ широкой и чистой семейственности—вотъ тенденціи современной и текущей белетристики.

Фактически доказать это не трудно. Примѣровъ и доказательствъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много, такъ много, что при этомъ новомъ беллетристическомъ потопѣ никакая критика не успѣетъ справиться съ своимъ дѣломъ.

Изо всѣхъ щелей передовой печати фонтаномъ бьетъ такая вонючая жижа, что всѣ порядочные и пристойные люди сторонятся отъ этого наводненія, ниспосланнаго намъ за наши грѣхи, — сторонятся, чтобы попусту не пачкаться.

Digitized by Google

Какія-же средства пущены въ ходъ для этой цѣли? Я уже говорилъ, что на этотъ предметъ имѣется цѣлая система исключительныхъ случаевъ и положеній. То глупому эгоисту-офицеру придѣлаютъ „осетриную морду“, чтобы жалость къ этому уродцу заставила насъ снисходительнѣе относится къ подлости и глупости его рѣчи. То представятъ для героя такую „окружающую среду“, въ которой мухи дохнутъ.

И все это ложь. Они заѣдаютъ среду, а не среда заѣдаетъ ихъ. Развѣ Вика не портитъ чужую жизнь? Развѣ она не отравляетъ окружающую среду міазмами гніющаго мозга и гніющаго сердца? Развѣ не въ ней ферментъ гнилостнаго броженія?

Но то средство для той-же цѣли, которымъ пользуется г-жа Гиппіусъ и другіе идейные мистико-порнографическіе беллетристы, носитъ слишкомъ специфическій оттѣнокъ, чтобы войти въ общую моду. Ихъ герои и героини выше толпы, выше окружающей толпы по утонченности и изысканности своей половой извращенности или по взглядамъ, основаннымъ на безсиліи и неспособности.

Это дико и глупо, но имѣетъ успѣхъ въ нашемъ обществѣ, которое уже давно ищетъ „новыхъ путей“ непремѣнно черезъ болото, черезъ дебри и трущобы, черезъ ночлежки и кабаки, чтобы при видѣ каждой тайной или явной блудницы-эротоманки, каждаго отъявленнаго мазурика и прощалыги съ гордостью говорить: „человѣкъ—это звучитъ гордо“.

Н. Скифъ.

Digitized by Google

Современная лѣтопись.

Приведены ли ослушники закона къ подчиненію „всею силою государственной мощи»?—Возстановленъ ли „быстро, твердо и неуклонно“ порядокъ?—Итоги грабежей по имперіи за истекшій съ 9 іюля мѣсяцъ.—Итоги убійствъ и бунтовъ за тотъ же срокъ.—Военные бунты въ Полтавѣ и Красноводскѣ.—Возстаніе въ свеаборгской крѣпости, въ Кронштадтѣ и на крейсерѣ «Память Азова» близъ Ревеля.—Подвиги «красной гвардіи» и капитана Кока.—Звѣрства матросовъ.—Убійство бывшаго члена Г. Думы М. Я. Герценштейна.—Убійство самарскаго губернатора.—Убійство генерала Маркграфскаго.—Избіеніе полицейскихъ и солдатъ въ Польшѣ 2 августа.—Покушеніе на жизнь генерала Скалона и убійство Вонлярлярскаго.—Покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина 12 августа.—Жертвы взрыва.—Убійство командира семеновскаго полка генерала Мина 13-го августа.—«Максималисты».—Распространеніе «Выборгскаго воззванія».—Слѣдствіе по обвиненію бывшихъ членовъ Думы по 129 ст.—«Требованія» партіи «ка-детовъ».—Воззваніе Союза 17 октября и партіи Мирнаго Обновленія.—Программа правительства въ офиціозной «Россіи».—Возможно ли «законопроектами“ удовлетворить анархистовъ, соціалистовъ, кадетовъ и сепаратистовъ?—Единственный выходъ.

I.

Въ манифестѣ отъ 9 іюля о распущеніи Государственной Думы было заявлено: „Да будетъ вѣдомо, что Мы не допустимъ никакаго своевластія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ“.

Премьеръ-министръ г. Столыпинъ въ телеграммѣ отъ 11 іюля „генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ и для свѣдѣнія намѣстнику на Кавказѣ“, согласно полученнымъ имъ отъ Государя Императора указаніямъ „требовалъ“ „быстраго, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка“. Открытые безпорядки должны встрѣчать неослабный отпоръ! Революціонные замыслы должны пресѣкаться законными средствами!

Digitized by Google

Прошелъ мѣсяцъ. Что же, приведены въ дѣйствія эти прекрасныя намѣренія? Порядокъ возстановленъ? Ослушники закона приведены къ подчиненію всею силою государственной мощи?

Гр. Витте и И. Л. Горемыкинъ были предсѣдателями Совѣта Министровъ безъ портфеля. По образцу западныхъ странъ П. А. Столыпинъ остался министромъ и именно внутреннихъ дѣлъ. Повидимому, въ рукахъ его сосредоточилась огромная власть. И, обозрѣвая протекшій съ 9 іюля по 15 августа мѣсяцъ, видимъ проявленія дѣятельности новаго премьера, третьяго съ 17 октября прошлаго года (то есть за время въ одиннадцать мѣсяцевъ): попытку столь же неудачную, какъ и опытъ графа Витте, привлечь къ министерскимъ портфелямъ „общественныхъ дѣятелей". Переговоры велись съ гг. Стаховичемъ, гр. Гейденомъ, Львовымъ и др. двѣ недѣли и не привели ни къ чему; шталмейстеръ Философовъ былъ назначенъ министромъ торговли и промышленности, шталмейстеръ князь Васильчиковъ—главноуправляющимъ землеустройства и земледѣлія, камергеръ Извольскій — оберъ-прокуроромъ Синода; затѣмъ въ печати сообщалось, что кабинетъ вырабатываетъ политическую программу. Что же въ это время происходило въ странѣ?

Правда, въ сущности страна приняла съ полнымъ равнодушіемъ роспускъ Думы. Но революціонная дѣятельность нисколько не ослабѣла и не была ослаблена мѣрами правительства. Изложимъ хронологически кровавыя событія истекшаго мѣсяца.

Кавказская смута не прекращалась. Въ телеграммахъ отъ 15 іюля сообщалось: въ Шушѣ рѣзня, городъ горитъ; ежеминутно пушечные выстрѣлы. Отъ 16 іюля: шушинскіе армяне и татары выкинули бѣлые флаги и заключили миръ!.. Надъ городомъ видно зарево, надо полагать, въ качествѣ иллюминаціи по случаю заключенія этого „мира". Въ телеграммахъ отъ 17 іюля сообщалось, что Шуша продолжаетъ горѣть и „миръ" мало измѣнилъ положеніе вещей. Татары, армяне, казаки, полчища „кочевниковъ" прилежно другъ друга осаждаютъ и понять что-либо въ этой кровавой кашѣ обыкновенному обывателю не дано.

Обращаясь къ лѣтописи грабежей по Имперіи, мы получаемъ такую разительную вереницу фактовъ:

15 іюля въ поѣздѣ около Ченстохова ограбленъ на 16,000 р. таможенный вагонъ семью неизвѣстными пассажирами, которые стали стрѣлять по конвою, причемъ убили кассира таможни, надсмотрщика и пять конвойныхъ солдатъ пограничной стражи. Ѣхавшіе въ сосѣднемъ вагонѣ начальникъ округа пограничной стражи генералъ Вестенрикъ и бригадный генералъ графъ Цукато, услыхавъ выстрѣлы, вышли на площадку вагона и стали отстрѣливаться,

Digitized by Google

но сейчасъ же были убиты. Ранено нѣсколько (сколько же?) человѣкъ изъ публики. Забравъ деньги, „неизвѣстные пассажиры“ просто „выскочили изъ вагона“ и скрылись, а тѣла 10 убитыхъ отвезены въ Ченстоховъ. Въ Варшавѣ ограблено девять казенныхъ винныхъ лавокъ. 16 іюля ограбленъ въ поѣздѣ около станціи Разсказово желѣзнодорожный артельщикъ на сумму свыше 10,000 руб.; грабители скрылись. Въ Обираловкѣ подъ Москвой ограбленъ на 5,000 руб. подрядчикъ. Около станціи Прутково тридцать вооруженныхъ людей остановили поѣздъ, забрали около ста тысячъ рублей, вывѣсили красный флагъ съ надписью „Польская соціалистическая партія“ и скрылись. Тогда же грабежи въ Харьковѣ на 1,500 руб., въ Харбинѣ на 700 руб.; въ Екатеринославѣ на 1,400 руб. А изъ Одессы были *высланы* въ Архангельскъ 11 человѣкъ какихъ-то „анархистовъ-индивидуалистовъ“, занимавшихся... вооруженными грабежами. Къ 18 іюля въ Варшавѣ изъ 110 винныхъ лавокъ болѣе половины было закрыто, а остальные охранялись военными постами. На ст. Люблинъ похищено 6,000 руб.; въ Ростовѣ-на-Дону—3,600 руб.; 19 іюля въ Варшавѣ ограблены три закрытыхъ винныхъ лавки, аптека, магазинъ спичекъ Лапшина. 21 іюля въ Одессѣ на кладбищѣ убитъ сторожъ и ограблена на 8,400 руб. церковь въ Мозырѣ; ограбленъ на 5,000 руб. акцизный сборщикъ. Отъ 27 іюля изъ Верхнеудинска со станціи Слюданки сообщалось объ ограбленіи желѣзнодорожнаго артельщика; было похищено 95,000 рубл. Начались вооруженные грабежи и на Нижегородской ярмаркѣ. Причемъ пятью вооруженными ограблена лавка, гдѣ находилось 12 приказчиковъ. Отъ 4 августа сообщалось, что на Нижегородской ярмаркѣ ограблена на 10,000 конторa пароходства „Надежда“. Въ Саратовѣ былъ ограбленъ артельщикъ сталелитейнаго завода на 4,000 руб. Въ Ростовѣ-на-Дону 5 августа былъ раненъ и ограбленъ тремя неизвѣстными лицами на 3,000 руб. (казенныхъ) начальникъ телеграфной конторы Михельсонъ. 8 и 9 августа было весьма обильно грабежами и полученіями изъ банковъ по подложнымъ чекамъ. Изъ Тамбова сообщали, что ограбленъ въ вагонѣ артельщикъ четырьмя „лицами въ студенческой формѣ“; у него взяли только 1,000 руб., а 15,000 остались... Почему? По подложнымъ чекамъ въ Кіевѣ получено 1,300 руб., въ Полтавѣ—7,700 руб.; въ Астрахани ограбили купца на 1,500 руб.; въ Минской губ. волостное правленіе на 3,000 руб.; въ Харьковѣ складъ на 810 руб. Въ посадѣ, въ Херсонѣ десять замаскированныхъ 10 августа ограбили купца Новикова на 8,800 руб. 11 августа за день сообщено объ одиннадцати случаяхъ грабежей, не считая столицъ; крупнѣйшіе: въ Кинешмѣ на 28 тыс. руб.; въ селѣ Кохмы на 18 тыс. руб.; въ Орѣховѣ на 10,000 руб. Въ

Digitized by Google

Юзовкѣ 13 августа ограбили на 65 руб. торговца и убили, нанеся 40 колотыхъ ранъ. Этотъ списокъ, конечно, далеко не полонъ. Мы перечислили только самые выдающіеся грабежи. А грабили и по мелочамъ, на сотни и десятки рублей ежедневно по всей Россіи. Однако, подсчитавъ вышеуказанныя крупныя суммы грабежей, мы получимъ за мѣсяцъ съ 15 іюля по 15 августа итогъ „принудительнаго отчужденія“ въ 356,675 рублей...

Какъ видимъ, „всей силой государственной мощи“ въ этой области ровно ничего не сдѣлано. Грабежи шли, все разростаясь, и совершавшіе ихъ „неизвѣстные“ оставались неразысканными...

II.

Обратимся теперь къ лѣтописи вооруженныхъ возстаній и убійствъ.

Въ Полтавѣ 15 іюля вечеромъ производился обыскъ въ будкѣ, гдѣ продается сельтерская вода и гдѣ собирались руководители революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 18 солдатъ Сѣвскаго полка и два артиллериста. При обыскѣ былъ задержанъ солдатъ Сѣвскаго полка. Узнавъ это, группа солдатъ стала возбуждать нижнихъ чиновъ перваго батальона сѣвцевъ. Въ 10 час. вечера батальонъ этотъ, поднявъ тревогу и смѣшавшись съ собравшейся толпою, двинулся по улицѣ. Увѣщанія начальства были безуспѣшны. Толпа отправилась къ артиллерійскимъ казармамъ, силою запрягла лошадей въ нѣсколько орудій и двинулась къ арестантскому отдѣленію, гдѣ заключены политическіе. Вызвавъ всѣ войска, начальникъ гарнизона выдѣлилъ отрядъ, встрѣтившій ломившуюся въ ворота толпу бѣглымъ огнемъ пулеметовъ. Толпа въ паникѣ разбѣжалась. Убитъ одинъ, ранены 4 нижнихъ чина.

Порядокъ возстановленъ къ 2 час. ночи.

Въ Красноводскѣ 16 іюля рота желѣзнодорожнаго батальона, съ оружіемъ въ рукахъ, желая освободить арестантовъ, ссылаемыхъ за ташкентскіе безпорядки, отправилась, сопутствуемая толпой рабочихъ, къ тюрьмѣ, надѣясь на помощь 8-го резервнаго батальона, но послѣдній къ ней не только не примкнулъ, но и заставилъ ее разойтись. Арестантовъ отправили пароходомъ въ Баку. Благодаря тактичности (?!) мѣстной администраціи, все обошлось благополучно. Въ городѣ спокойно.

Телеграммы изъ Гельсингфорса возвѣстили о происшедшемъ 17 іюля въ Свеаборгской крѣпости возмущеніи минной роты, къ которому примкнули артиллеристы. Официально сообщалось, что въ управленіе порта на Скатуденѣ проникло нѣсколько десятковъ „частныхъ

Digitized by Google

лицъ", которымъ матросы роздали оружіе. Вслѣдъ за тѣмъ началось возмущеніе. Дальнѣйшія сообщенія удостовѣрили замѣчательный фактъ. Броженіе среди частей свеаборгскаго гарнизона не было новостью и проявлялось еще въ прошломъ году. Многіе солдаты участвовали въ митингахъ. Казармы были засыпаны прокламаціями. Взбунтовавшіеся артиллеристы захватили въ Свеаборгѣ три острова—Михайловскій, Артилерійскій и Инженерный. Мятежники, занявъ батареи на трехъ островахъ, начали обстрѣливать сосѣдніе острова, гдѣ находилась пѣхота, оставшаяся вѣрной присягѣ.

Въ рукахъ мятежниковъ оказались и орудія, и пулеметы. Въ то же время на островѣ Скатуденѣ, возлѣ самаго Гельсингфорса, и гдѣ находится портовое управленіе и домъ командира порта, взбунтовалась морская команда. Къ Скатудену, гдѣ въ портовой гавани стояли миноносцы, подошли лодки „съ нѣсколькими статскими". Они-то и взбунтовали матросовъ.

Матросы послѣ разговоровъ со статскими отправились къ дому командира порта и подняли на немъ красный флагъ. Въ Гельсингфорсѣ это было замѣчено и для разслѣдованія былъ посланъ молодой мичманъ. Несчастный юноша былъ убитъ возмутившимися матросами. Когда это открылось, вышеназванные минные крейсеры открыли пальбу по морскимъ казармамъ на Скатуденѣ и заставили мятежниковъ смириться.

Въ Гельсингфорсѣ между тѣмъ поднялась „красная гвардія". Вотъ дѣянія сихъ доблестныхъ „гвардейцевъ".

Между станціями Рихимяки и Руттиля днемъ былъ взорванъ мостъ черезъ ручей Хапахухта; на мѣстѣ взрыва оставлена стража красной гвардіи. 80 вооруженныхъ красныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, захвативъ паровозъ и 2 вагона, силою заставили машиниста повести поѣздъ и испортили полотно между станціями Диккурсбю и Корсо.

Сообщалось, что въ воскресенье 9 іюля былъ праздникъ красной гвардіи и явились Леонидъ Андреевъ (?), члены Думы Михайличенко, Гамартели и говорили соотвѣтственныя рѣчи. Замышлявшаяся рабочими и красной гвардіей общая забастовка въ Гельсингфорсѣ не удалась. Возставшіе въ Свеаборгѣ убили и бросили въ воду артиллерійскаго полковника Натарова. Нѣкоторые офицеры присоединились къ возставшимъ и приняли начальство надъ ними. Одинъ офицеръ, финнъ, застрѣлился. 19 іюля весь день въ Свеаборгѣ шла перестрѣлка, какъ орудійная, такъ и ружейная.

Въ пять часовъ дня взорвался пороховой погребъ на Михайловскомъ островѣ, занятомъ возставшими. Къ вечеру прибыли „Богатырь" и „Цесаревичъ" и открыли огонь по всѣмъ фортамъ, заня-

Digitized by Google

тымъ возставшими. 20 іюля въ 10 часовъ утра возставшія части, увидѣвъ, что эскадра не присоединяется къ нимъ, а мѣтко стрѣляетъ, изъявили покорность. Въ 12 часовъ утра на всѣхъ фортахъ былъ водруженъ государственный флагъ, вмѣсто краснаго. Руководители мятежа бѣжали на шлюпкахъ. Одна изъ нихъ была потоплена, но остальныя благополучно достигли берега. Прибывшіе вышли и... скрылись! Убитыхъ и раненыхъ, писали, 28 офицеровъ и до 400 солдатъ. Красная гвардія принимала активное участіе въ возстаніи. Члены ея находились и въ Свеаборгѣ. Они снабдили возставшихъ провіантомъ. Желая помѣшать прибытію войскъ въ Гельсингфорсъ, красная гвардія повредила желѣзнодорожный путь въ трехъ мѣстахъ. Воззваніе капитана Кока къ всеобщей забастовкѣ не имѣло успѣха. Какъ глухо было сказано въ краткихъ телеграммахъ, послѣ этого гвардія въ Гельсингфорсѣ „обратилась къ насиліямъ“. Въ городѣ начался бой между красной гвардіей, полиціей и коммунальной охраной.

Офиціальное сообщеніе 20 іюля возвѣстило о возстаніи или, какъ мягко сказано, „безпорядкахъ“, въ Кронштадтѣ 19 іюля, начавшихся около 11 час. вечера.

Офиціальное сообщеніе изложило факты такъ. Матросы 4-го флотскаго экипажа, спѣшно надѣвъ черныя куртки, выбѣжали изъ казармъ и, смѣшавшись съ ожидавшей ихъ толпой рабочихъ *и другихъ постороннихъ лицъ* (кто же они?!), двинулись къ дому, занимаемому командиромъ порта.

Вызванною немедленно пѣхотною частью толпа была разсѣяна.

Въ это же время началось волненіе и въ другихъ экипажахъ; матросы начали собираться и выходить изъ казармъ, но ихъ удалось уговорить и они вновь разошлись по казармамъ.

Между тѣмъ вновь образовавшаяся изъ матросовъ 4-го экипажа и постороннихъ лицъ толпа бросилась къ арсеналу, но снова была разсѣяна пѣхотою при помощи пулеметовъ. Послѣ этого, снова собравшись, мятежная толпа направилась къ форту Константинъ, гдѣ несомнѣнно разсчитывала на поддержку, такъ какъ съ приближеніемъ толпы на фортѣ былъ выкинутъ красный флагъ, и заняла фортъ.

Фортъ Константинъ былъ обстрѣлянъ и къ 5 час. утра мятежники сдались.

При столкновеніи мятежной толпы съ войсками у арсенала изъ толпы была открыта стрѣльба изъ браунинговъ, причемъ убиты: капитанъ 1-го ранга Родіоновъ, капитаны 2-го ранга Добровольскій и Шуманъ и штабсъ-капитанъ Стояновскій, и ранены: контръ-адмиралъ Беклемишевъ, капитаны 2-го ранга Криницкій, Паттонъ

Digitized by Google

и мичманъ Мальцевъ. Утромъ порядокъ въ крѣпости былъ возстановленъ.

„С.-Петербургское Агентство“ одновременно дало болѣе яркую картину бунта, сообщивъ, что 19 іюля около 11 час. ночи совершенно неожиданно возникъ бунтъ нижнихъ чиновъ крѣпостной минной роты. Убивъ командира роты подполковника Александрова, его помощника капитана Врочинскаго, его мать, сестру Александрова г-жу Якоби, мятежники направились вооруженными на батарею Литке, гдѣ арестовали командира крѣпостной санитарной роты подполковника Григорьева и бывшихъ съ нимъ офицеровъ, которыхъ всѣхъ заперли въ сарай. Нижніе чины саперы также примкнули къ бунтующимъ. Захвативъ поѣздъ крѣпостной желѣзной дороги, минеры и саперы, среди которыхъ были и вольные агитаторы, даже женщины, отправились на фортъ Константинъ. Дежурившіе здѣсь артиллеристы отказались примкнуть къ мятежникамъ и были арестованы, а офицеры связаны. Однако нѣсколькимъ артиллеристамъ удалось снять замки съ крѣпостныхъ орудій, за исключеніемъ одного. Завладѣвъ фортомъ, мятежники подняли красный флагъ и сдѣлали одинъ выстрѣлъ изъ орудія.

Вскорѣ на нихъ съ дамбы были направлены пулеметы и полевыя орудія гвардейской артиллеріи. Орудія дали 5 выстрѣловъ. Бунтовщики сначала отвѣчали залпами изъ ружей, но затѣмъ смѣшались и начали прятаться по казематамъ, бросаться въ воду. Часть покинула фортъ на артиллерійскомъ пароходѣ „Минеръ“, за которымъ послана погоня. Въ 5 часовъ утра мятежники сдались. Надъ ними учрежденъ военно-полевой судъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора Ракинта. Въ числѣ арестованныхъ оказалось 15 человѣкъ статскихъ.

Около полуночи 19 іюля началось вооруженное возстаніе морскихъ командъ во флотскихъ экипажахъ, причемъ убиты командующіе экипажами капитанъ 1-го ранга Шумовъ 2-й, Добровольскій, ротный командиръ штабсъ-капитанъ Стояновскій. Тяжело ранены контръ-адмиралъ Беклемишевъ, лейтенанты Паттонъ-де-Верайенъ-Криницкій, мичманъ Мальцевъ. Изъ экипажей матросы бросились въ арсеналъ, взломали его, но патроновъ не нашли, а ружья оказались въ разобранномъ видѣ. Тѣснимые войсками Енисейскаго и Финляндскаго полковъ, бунтовщики частью разбѣжались, остальные арестованы.

Сообщенія корреспондентовъ газетъ дали рядъ холодящихъ душу, ужасающихъ подробностей кронштадтскаго бунта. Минеры ворвались въ квартиру капитана Врочинскаго и звѣрски убили его. 90-лѣтняя старушка безсильными руками старалась защитить сына, но и ее тоже убили звѣрски штыками. Тутъ же рядомъ квартира бывшаго

Digitized by Google

начальника минной роты, полковника Александрова. Онъ получилъ уже назначеніе въ понтонный баталіонъ и пріѣхалъ въ Кронштадтъ проститься съ бывшими сослуживцами и подчиненными. Полковникъ сидѣлъ у капитана Врочинскаго, когда вошли минеры и стали душить капитана. Александровъ бросился къ своей квартирѣ за оружіемъ, его догнали, сбили съ ногъ прикладомъ ружья, а какой-то штатскій, бывшій вмѣстѣ съ солдатами, выстрѣлилъ и убилъ его наповалъ.

Уже мертваго солдаты кололи штыками. Жена Александрова хотѣла защитить мужа. Ее изранили, переломали ноги и бросили. Она умерла въ морскомъ госпиталѣ около 3 часовъ дня, промучившись болѣе полусутокъ.

Лишь только минеры начали бунтъ, поднялись по первому выстрѣлу и матросы, живущіе въ экипажахъ. Живущіе и дежурившіе въ экипажахъ офицеры были перебиты или переранены.

Въ самомъ Кронштадтѣ происходило слѣдующее: въ двѣнадцатомъ часу ночи толпа матросовъ изъ разныхъ экипажей, приблизительно около 300 человѣкъ, двинулась по Красной и Приморской улицамъ, чтобы разграбить арсеналъ, захватить тамъ орудія, снаряды, ружья, которыми предполагалось вооружить тѣхъ, у кого ихъ не было. Мятежные матросы, чтобы отличить своихъ отъ посторонихъ, сняли съ шапокъ бѣлые чахлы и ленты, а вожаки ихъ перевязали себѣ правыя руки бѣлыми повязками, а черезъ плечо надѣли красныя ленты.

Они разсчитывали на сочувствіе пѣхоты и ошиблись. Енисейцы и финляндцы на приглашеніе присоединиться въ отвѣтъ посылали залпъ за залпомъ. Мятежники не выдержали огня и бросились въ разсыпную. Енисейцы обстрѣливали тѣ улицы, гдѣ пытались собираться разбѣжавшіеся матросы. При этомъ пѣхота съ такой ненавистью отнеслась къ мятежникамъ, что на требованіе офицеровъ прекратить стрѣльбу, солдаты, не обращая вниманія на отбой, продолжали осыпать пулями возставшихъ.

Во имя чего произведенъ былъ бунтъ?

Одинъ изъ арестованныхъ матросовъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, сказалъ арестовавшему его офицеру: „опять сорвалось, ваше высокоблагородіе, а ужъ погуляли бы, камешка на камешкѣ не оставили; охъ, не дали намъ добраться до минной лабораторіи, заплакали бы тогда денежки у богатѣевъ, затрещали бы тогда купеческія лавочки да господскія головы“. Вотъ тотъ принципъ пугачевщины, которымъ руководились мятежники. А часть агитаторовъ (если не всѣ!) ушла благополучно на паровомъ катерѣ „Понтонеръ“...

---

*

Digitized by Google

III.

Возстаніе въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ заслонило еще два факта, кратко сообщенныхъ въ телеграммахъ отъ 19 іюля: „въ Брестъ-Литовскѣ возмутились крѣпостные артиллеристы, но всѣ были арестованы. На Кавказѣ, въ Дешлагарѣ взбунтовался батальонъ Самурскаго полка. Были убиты командиръ полка, священникъ и 4 офицера. Съ прибытіемъ казаковъ, взбунтовавшіеся выдали четырехъ зачинщиковъ и принесли повинную.

Краткая телеграмма была пополнена слѣдующими, которыя мы воспроизводимъ въ полной точности, какъ отголосокъ творящагося на Кавказѣ:

Тифлисъ, 21 іюля. Спеціальный корреспондентъ с.-петербургскаго агентства, командированный въ Шушу, пробывъ тамъ болѣе десяти дней, въ самый городъ, однако, пробраться не могъ, а жилъ въ Ханкендахъ. Стрѣльба вокругъ не прекращалась вплоть до 18 іюля. Корреспондентъ рѣшилъ съ опасностью жизни возвратиться въ Тифлисъ, въ обществѣ одного акцизнаго чиновника. Дорогою, не доѣзжая 20 верстъ до Евлаха, они были остановлены шайкой 10 вооруженныхъ татаръ. Послѣдніе совѣщались, а затѣмъ, въ виду того, что путники принадлежали къ *нейтральнымъ національностямъ* (!?), *отпустили ихъ, потребовавъ съ нихъ денегъ*. На всемъ пути Шуша-Евлахъ не встрѣчается армянъ, которые заняли проходы, ведущіе въ городъ, съ цѣлью не пропустить туда кочевниковъ и курдскую конницу, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ Шушу. Около Аскерана разставлена пѣхота и казаки. Командированные отсюда стрѣлки и артиллерія сегодня должны прибыть въ Шушу. Вокругъ полный разгромъ. *Русскому* населенію роздано оружіе для защиты отъ разбойничьихъ *татарскихъ* бандъ (?). Сегодня должны закончиться мирные переговоры (?).

Тифлисъ, 21 іюля. Сегодня здѣсь выпущено въ громадномъ количествѣ экземпляровъ на русскомъ и туземномъ языкахъ выборгское воззваніе, которое распространяется среди населенія. Въ Дешлагаръ выѣхали военныя и судебныя власти для участія въ военно-полевомъ судѣ надъ арестованными бунтовщиками.

Тифлисъ, 21 іюля. По разсказу очевидца, сообщаются слѣдующія подробности о мятежѣ въ Самурскомъ полку. Солдаты, постановивъ на митингѣ политическія требованія, направились къ командиру полка, но встрѣтившійся офицеръ приказалъ имъ разойтись, и когда они не послушались, выстрѣлилъ. Тогда солдаты, до команды одного изъ нихъ, дали залпъ въ группу офицеровъ, изъ которыхъ шестеро были убиты на мѣстѣ, а четверо ранены. Командиры полка и ба-

Digitized by Google

тальона были сперва арестованы, а затѣмъ убиты бунтовщиками; одинъ офицеръ, исколотый штыками, и полковый священникъ были повѣшены. Бунтовщики стали раздавать населенію оружіе, призывая его идти за Царя и Думу.

Владикавказъ, 21 іюля. При возмущеніи пяти ротъ Самурскаго полка въ Дешлагарѣ убиты командиръ полка полковникъ Лемкулъ, батальонный командиръ подполковникъ Покровскій, священникъ Пальмовъ, капитанъ Саркисовъ и штабъ-капитанъ Моргуновъ, ранены: капитанъ Харламовъ и поручикъ Гринкевичъ, нижнихъ чиновъ убито два, ранено два.

Елисаветполь, 25 іюля. Въ Шушѣ рѣзня прекратилась. Между враждующими сторонами заключенъ миръ, причемъ ими дано торжественное обѣщаніе не нарушать его. Телеграфъ возстановленъ.

Офиціальное сообщеніе 25 іюля о свеаборгскомъ бунтѣ дополнило картину еще одной деталью. Въ теченіе цѣлой недѣли, предшествовавшей возстанію, въ Гельсингфорсѣ происходили митинги собравшихся здѣсь русскихъ революціонеровъ и финляндской красной гвардіи *съ участіемъ нижнихъ чиновъ свеаборгскаго гарнизона.* Отдѣльно отъ этихъ митинговъ устраивались засѣданія русскаго революціоннаго комитета совмѣстно съ начальствующимъ персоналомъ красной гвардіи.

Спрашивается, гдѣ находилось въ это время то „правительство“, которое сообщаетъ столь чреватый выводами фактъ?!.

Приговоромъ военно-полевого суда въ Кронштадтѣ, состоявшагося 20 іюля по дѣлу о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кронштадтѣ въ ночь съ 19 на 20 сего іюля, семь нижнихъ чиновъ присуждены за убійство офицеровъ къ смертной казни.

Приговоръ этотъ того же 20 іюля приведенъ въ исполненіе.

А что же „агитаторы“, неизвѣстные „статскіе“, и вообще всѣ тѣ, что подстрекали и устраивали возстаніе?!

О нихъ ничего какъ-то не слышно. Только былъ арестованъ и преданъ суду бывшій членъ Госуд. Думы Онипко.

Съ 19 на 20 іюля на крейсерѣ I ранга „Память Азова“, стоявшемъ вмѣстѣ съ мелкими судами артиллерійскаго отряда въ бухтѣ Папенвикъ, въ 40 мил. къ востоку отъ Ревеля, тоже произошелъ бунтъ. Въ 12½ ч. ночи съ 19 на 20 іюля старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Мазуровъ, проходя по жилой палубѣ, открылъ совершенно постороннее лицо—агитатора, по паспорту мѣщанина Тарасова.

Было отдано распоряженіе списать неизвѣстнаго на минный крейсеръ „Воевода“, который долженъ былъ идти за провизіей въ Ревель, для доставки его на берегъ для передачи властямъ. Черезъ полчаса послѣ этого, на верхней палубѣ крейсера „Память

Digitized by Google

Азова" раздались два выстрѣла, которыми былъ раненъ стоявшій на вахтѣ мичманъ Зборовскій.

Капитанъ 2 ранга Римскій-Корсаковъ побѣжалъ внизъ доложить объ этомъ начальнику отряда, флагъ-капитаномъ котораго онъ былъ, и увидѣлъ въ канцеляріи, помѣщенной въ самой кормѣ, командира, раздававшаго ружейные патроны. Офицеры бросились къ ружьямъ, стоявшимъ въ пирамидѣ, но у послѣднихъ оказались вынутыми замки. Въ то же время на крейсерѣ потухло электричество. Офицеры бросились тогда наверхъ, но здѣсь ихъ встрѣтили выстрѣлами, причемъ лейтенанты Вердеревскій и Селитренниковъ оба были ранены въ ногу, а командиръ крейсера капитанъ 1 ранга Лозинскій—тяжело въ грудь. Послѣ этого офицеры рѣшили, въ виду явнаго мятежа судовой команды, направленнаго противъ нихъ, выйти на балконъ адмиральской каюты и оттуда спуститься на таранный баркасъ, стоявшій на бакштовѣ.

Съ крейсера „Память Азова" былъ открытъ по баркасу взбунтовавшейся командой огонь изъ ружей и 47-миллиметровыхъ орудій. Однимъ изъ выстрѣловъ былъ перебитъ румпель и ранены: тяжело—лейтенантъ Унковскій и въ ногу—капитанъ Дабичъ. Баркасъ продолжалъ путь. Во время слѣдованія снарядомъ съ крейсера „Память Азова" былъ убитъ командиръ капитанъ 1 ранга Лозинскій и оторвано обѣ ноги мичману Погожеву (вскорѣ же скончался). Стрѣльба на время прекратилась, и въ это время отъ крейсера „Память Азова" отвалилъ паровой катеръ, который сталъ преслѣдовать баркасъ, обстрѣливая его ружейнымъ огнемъ и орудійнымъ изъ 37-миллиметровыхъ орудій. Когда баркасъ приткнулся къ мели, офицеры бросились въ воду и достигли вплавь берега.

Выйдя на берегъ, офицеры разсыпались по лѣсу, чтобы укрыться отъ преслѣдовавшихъ ихъ матросовъ. По разсказамъ, флигель-адъютантъ Дабичъ, вслѣдствіе полнаго изнеможенія, легъ на землю и приказалъ себя оставить.

Въ тотъ же день крейсеръ „Память Азова" прибылъ въ Ревель, гдѣ часть экипажа, оставшаяся вѣрною долгу, сама справилась съ бунтовщиками и выдала всѣхъ участниковъ бунта.

IV.

Свеаборгъ, Гельсингфорсъ, Кронштадтъ—ворота столицы и Финляндіи. И здѣсь разразился, хотя и неудачный, но кровавый, позорный, чреватый самыми грозными послѣдствіями военный бунтъ. Гдѣ же была „государственная мощь", направленная къ водворенію порядка?..

Digitized by Google

Переходимъ теперь къ лѣтописи отдѣльныхъ террористическихъ убійствъ. 18 іюля убитъ въ Теріокахъ бывшій членъ Государственной Думы отъ города Москвы, Михаилъ Яковлевичъ Герценштейнъ. Когда онъ возвращался домой на дачу по берегу моря со своей женой и старшей дочерью въ 10 часовъ вечера, изъ-за забора, съ поросшаго лѣскомъ пустыря, внезапно раздались два, одинъ за другимъ, револьверныхъ выстрѣла. Первая же пуля, пробивъ спину и сердце, вышла навылетъ, поразивъ на смерть Герценштейна. Преступникъ скрылся въ кустахъ. При этомъ легко въ руку была ранена и дочь покойнаго. Это преступленіе красная печать приписывала, однако, какой-то „черносотенной“ организаціи. Но кромѣ стихійныхъ погромовъ разъяреннымъ народомъ евреевъ,—народомъ, ни къ какой партіи не принадлежащимъ, мы не знаемъ даже случаевъ простой самообороны „сознательныхъ“ консерваторовъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ—кто именно убилъ Герценштейна?—остается открытымъ.

Въ Ялтѣ 20 іюля, въ 10 часовъ вечера по всему городу послышался оглушительный трескъ. Оказалось, что на Пушкинскомъ бульварѣ два сидѣвшихъ на скамейкѣ человѣка уронили бомбу. Взрывомъ оба были разорваны въ клочки. Мѣсто оцѣпили войска. Но для кого, собственно, эти бомбы предназначались?!.

Въ Самарѣ 21 іюля въ 6 часовъ вечера взрывомъ бомбы былъ убитъ на углу Воскресенской и Вознесенской улицъ губернаторъ Блокъ. Ему оторвало голову и ноги. Кучеру оторвало ноги. 24 іюля при огромномъ стеченіи народа состоялось отпѣваніе убитаго губернатора.

Несмотря на разосланныя наканунѣ письма съ предупрежденіемъ, что въ процессію будутъ брошены бомбы, публики было много. Убійца, сынъ ремесленника Фроловъ, послѣ долгаго запирательства сознался. Обнаружены сообщники. Въ день убійства кромѣ Фролова были разставлены на Алексѣевской площади и Дворянской улицѣ, въ мѣстахъ предполагавшагося проѣзда губернатора, сообщники Фролова, поджидавшіе съ бомбами и оружіемъ. На слѣдующій послѣ убійства день на симбирскомъ берегу Волги были слышны взрывы подобно орудійнымъ выстрѣламъ. Полагаютъ, что уничтожались неиспользованныя бомбы.

Въ Варшавѣ 20 іюля убитъ генералъ Маркграфскій и его сынъ, шестилѣтній мальчикъ. Генералъ съ семействомъ жилъ на дачѣ въ Отвоцкѣ. Пріѣхавъ туда изъ Варшавы въ 3 часа дня, онъ въ собственной коляскѣ съ женой, сыномъ и дочерью отправились на дачу. По дорогѣ съ обѣихъ сторонъ человѣкъ 10 открыли перекрестный огонь по экипажу, убили отца и сына и ранили легко кучера. Что вынесли несчастная жена и дочь покой-

Digitized by Google

наго во время этого разстрѣла? За что убили Маркграфскаго? Изъ краткихъ телеграфныхъ сообщеній ничего не узнаешь.

Варшава вообще, какъ и многіе города окраинъ, стала гнѣздомъ „бандитизма“. Какъ далеко зашло здѣсь дѣло, видно изъ того, что „Еврейскій комитетъ п. п. с.“ (партіи польскихъ соціалистовъ), нашелъ необходимымъ выпустить прокламацію, въ которой предостерегалъ: „Товарищи, большая опасность грозитъ пролетаріату. Ядъ деморализаціи и бандитизма проникаетъ въ пролетаріатскіе ряды“. Но воззваніе, однако, дѣйствія на „товарищей“ никакого не оказало. Теперь, къ половинѣ августа, положеніе торговцевъ въ Варшавѣ невозможное. *Они держатъ наготовѣ деньги на случай появленія грабителей*; всякое сопротивленіе казнится смертью.

Прислуга въ ресторанахъ, извозчики, мастеровые, мелкіе рабочіе и ремесленники остаются вовсе безъ работы или работаютъ два, три дня въ недѣлю, остальное время уступаютъ голоднымъ товарищамъ. Улицы переполнены нищими, стонъ этихъ темныхъ жертвъ революціи покрываетъ всю Варшаву.

„Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ характерную подробность—золотые цѣпи и часы, дорогія трости, булавки и прочія цѣнныя вещи теперь варшавяне, выходя на улицу, никогда не надѣваютъ. Все это припрятано. Носятъ грошовую „имитацію“. Вмѣсто серебряныхъ портсигаровъ носятъ портсигары изъ корельской березы.

20 августа въ день католическаго праздника Успенія въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Радомѣ, Лодзи и другихъ городахъ Царства Польскаго совершены были массовыя убійства русскихъ полицейскихъ. Произошло нѣчто, напоминающее Варѳоломеевскую ночь... За 2 августа въ Варшавѣ было ранено болѣе 100 частныхъ лицъ и убито 14. Кромѣ того, убито 13 городовыхъ, 4 околоточныхъ, 7 жандармовъ, 4 солдата, ранено 8 городовыхъ, 2 околоточныхъ, 2 жандарма и 6 солдатъ. Сколько вдовъ и сиротъ осталось въ одинъ только день въ одной лишь Варшавѣ! Нападенія на чиновъ полиціи совершены были въ разныхъ участкахъ одновременно. Телеграмма отъ 3 августа изъ Варшавы сообщала, что ружейными выстрѣлами 2 августа было ранено 150 человѣкъ и убито 16. Стрѣльба происходила большею частью въ еврейскихъ кварталахъ.

Осколками брошенныхъ бомбъ въ седьмомъ участкѣ искалѣчено около тридцати человѣкъ. Въ Плоцкѣ 2 августа по сигналу рожкомъ на всѣхъ постахъ были частью перебиты, частью ранены стражники. Убито 5 и ранено 2 стражника и 1 солдатъ. Въ Лодзи 2 августа въ шесть часовъ вечера сдѣлано было нападеніе на 2-й полицейскій участокъ. Со всѣхъ сторонъ раздался трубный сигналъ. Затѣмъ послѣдовали два оглушительныхъ взрыва, слышные во всѣхъ

Digitized by Google

частяхъ города. Нападеніе было сдѣлано такъ: нѣсколько десятковъ лицъ, разбившись на три группы, прибыли къ участку съ трехъ сторонъ, и по данному рожками сигналу, открыли стрѣльбу изъ браунинговъ и ранили часового. Затѣмъ одновременно было ими брошено пять бомбъ въ кабинетъ пристава, канцелярію участка и около караульнаго помѣщенія. Канцелярія разрушена. Находившійся во время метанія бомбъ на балконѣ приставъ засыпанъ осколками, жена пристава ранена; обстановка разрушена; потолокъ въ одной изъ комнатъ обвалился. Бомбой ранено три солдата; двое умерли. Револьверными выстрѣлами ранены двое. Находившіеся въ участкѣ солдаты начали стрѣлять по направленію убѣгавшихъ убійцъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ ранили.

Варшавскія убійства закончились покушеніемъ на жизнь генералъ-губернатора Скалона 5 августа. Генералъ Скалонъ былъ съ визитомъ у германскаго вице-консула барона Лерхенфельда, которому нанесено было оскорбленіе явившимся на квартиру къ нему „неизвѣстнымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ офицерскую форму“. Когда генералъ Скалонъ возвращался, въ него было брошено 6 бомбъ съ балкона дома № 12 по Натолинской улицѣ изъ квартиры, только что снятой тремя жандармами. Двѣ бомбы разорвались около тротуара и вырыли воронки въ 2 аршина въ діаметрѣ. Генералъ Скалонъ остался невредимъ, но ранены были три казака-кубанца, околоточный надзиратель и дѣвочка.

Изъ неразорвавшихся бомбъ 2 были въ видѣ коробокъ съ конфектами, завернутыхъ въ бумагу, и 2 въ формѣ кирпичей. Убійцы скрылись. Квартира въ № 12 оказалась пустой. На окнахъ ея были спущены занавѣси. Генералъ Скалонъ при взрывѣ легко былъ контуженъ въ область праваго уха. Его Величество послалъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Благодарю Господа Бога, чудесно спасшаго вашу жизнь на пользу Мнѣ и Россіи. Не падайте духомъ и будьте тверды въ борьбѣ съ безумною крамолой.

НИКОЛАЙ“.

9 августа въ Варшавѣ около дома № 14 по Маршалковской улицѣ десятью выстрѣлами изъ браунинговъ былъ раненъ въ лицо штабъ-офицеръ для порученій при канцеляріи помощника генералъ-губернатора по полицейской части полковникъ графъ Стенбокъ-Ферморъ. Злодѣи бросились затѣмъ во дворъ дома. Патруль кинулся туда и стрѣлялъ. При этомъ былъ случайно убитъ находившійся во дворѣ техникъ Моравскій, а злодѣи проходнымъ дворомъ скрылись.

Въ Сѣдлецѣ былъ убитъ полиціймейстеръ Гольцевъ.

Былъ торговый день. Много пріѣзжаго народа находилось на

Digitized by Google

Пенкной улицѣ, населенной евреями. Санитарная комиссія шла осматривать фабрику газированныхъ напитковъ. Изъ воротъ между двумя домами была брошена бомба. Полиціймейстеру оторвало обѣ ноги. Ранены: фельдшеръ, стражникъ и частныя лица. Доставленный домой полиціймейстеръ скончался. Одновременно со взрывомъ началась револьверная стрѣльба изъ 4 еврейскихъ домовъ. Прибывшія войска отвѣчали. Задержано 182 человѣка; изъ нихъ арестовано 33 еврея. Въ еврейской больницѣ зарегистровано: евреевъ убитыхъ 3, умершихъ отъ ранъ 3, раненыхъ 2, тяжко раненый бомбой мальчикъ, раненая пулей еврейка. Въ христіанской больницѣ 3 раненыхъ еврея; одинъ изъ нихъ умеръ.

Изъ числа раненыхъ женщинъ 3 христіанки. Въ городѣ убитъ случайной пулей лакей-христіанинъ. Многіе раненые скрылись, нѣкоторые уѣхали. Масса евреевъ покинули городъ. Всюду охрана. Въ 10 час. вечера въ патруль бросали камнями изъ дома невдалекѣ отъ мѣста взрыва. Патруль стрѣлялъ.

Кто убиваетъ, при равнодушномъ злорадствѣ польскаго мирнаго населенія и трусливомъ молчаніи русскаго, въ Варшавѣ солдатъ и полицейскихъ—„москалей“? Сообщалось въ печати, что это „боевики польской соціалистической партіи“ (P. P. S.). Солдаты страшно озлоблены, что и понятно и при малѣйшемъ подозрѣніи стрѣляютъ. Такъ, за одно 6 августа въ Варшавѣ было 22 случая пораненій ружейными выстрѣлами. Въ корреспонденціяхъ сообщалось и о „тактикѣ“ г. г. боевиковъ, однообразно примѣнявшейся при массовыхъ убійствахъ городовыхъ и солдатъ:

1) дѣйствіе тройками или пятерками (см. „Бѣсы“ Достоевскаго), 2) приближеніе къ намѣченной жертвѣ въ разстегнутомъ пиджакѣ, помахивая возможно непринужденно тросточкой въ лѣвой рукѣ, 3) подойдя къ намѣченному вплотную, обыкновенно сзади, моментальное вытаскиваніе изъ бокового кармана пиджака браунинга и выпусканіе нѣсколькихъ пуль, 4) немедленное вкладываніе браунинга въ боковой карманъ и удираніе зигзагами во всѣ лопатки до слѣдующаго угла, а тамъ закуриваніе папироски и возможно непринужденное продолженіе пути.

Варшавскія убійства за обозрѣваемый нами періодъ съ 15 іюля по 15 августа завершило 14 августа убійство временнаго генералъ-губернатора Варшавы Вонлярлярскаго. Онъ проѣзжалъ на пароконномъ извозчикѣ домой изъ комендантскаго управленія. На поворотѣ съ площади Александра на Вейскую улицу, гдѣ производятся мостильныя работы и потому экипажъ ѣхалъ шагомъ, неизвѣстный молодой человѣкъ сдѣлалъ четыре выстрѣла, пробившихъ верхъ экипажа, поднятый по случаю дождя. Извозчикъ погналъ лошадей въ Уяздовскій госпиталь, находящейся вблизи. Генералъ

Digitized by Google

Вонлярлярскій, перенесенный туда, умеръ. Пули попали ему въ сердце и спину.

V.

Ужасный итогъ! Прибавьте сюда аграрные погромы. Замѣтьте, что указано лишь главное и въ существеннѣйшихъ чертахъ. Мы могли-бы наполнить еще многія страницы, если-бы хотѣли дать полный отчетъ о царящемъ въ странѣ кровавомъ безумномъ террорѣ. Гдѣ-же „государственная мощь“?! Гдѣ „быстрое, твердое и неуклонное возстановленіе порядка“?!

Покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина 12 августа и убійство командира л.-гв. Семеновскаго полка Мина 13 августа завершаютъ ужасную лѣтопись.

Мы столько пережили ужасовъ съ дня убійства министра Плеве, что трудно подѣйствовать на наши притупившіеся нервы. Но бойня 12 августа превзошла все, до сихъ поръ бывшее. По звѣрству, ужасающей обстановкѣ, множеству жертвъ и безсмысленности, это преступленіе займетъ видное мѣсто даже и на страницахъ исторіи, какъ разительное доказательство прогрессированія преступности вырождающагося человѣчества.

12 августа въ 3 часа 15 минутъ дня, во время пріема у предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, къ дачѣ его на Аптекарскомъ островѣ у Ботаническаго сада подъѣхало наемное ландо, изъ котораго вышло три (или два) лица — одно въ штатскомъ, а двое въ формѣ жандармскихъ офицеровъ.

Запись посѣтителей была прекращена и прислуга не хотѣла ихъ пустить. Неизвѣстные проявили намѣреніе силой проникнуть въ слѣдующую за прихожей пріемную комнату, гдѣ ждали своей очереди многочисленные посѣтители (до 60) и весь штатъ должностныхъ лицъ министра. Тутъ однимъ изъ злодѣевъ и былъ брошенъ разрывной снарядъ.

Раздался сильный глухой взрывъ, напоминавшій пушечный выстрѣлъ. Почти одновременно послышался трескъ разрушающагося зданія, звонъ разбитыхъ стеколъ и раздирающіе крики раненыхъ. Надъ дачей взвился столбъ желтоватаго дыма и пыли, а торцовая мостовая передъ дачей мгновенно была вся сплошь покрыта обломками стѣнъ дачи и мебели; здѣсь же въ ужасныхъ мукахъ корчились нѣсколько раненыхъ и умирающихъ и бились запутавшіяся въ постромкахъ и упавшія лошади привезшаго злоумышленниковъ ландо.

Напоромъ газовъ отъ взорвавшагося снаряда часть фасада была

Digitized by Google

разрушена совершенно и обломки стѣнъ и мебели были выброшены далеко на улицу. Находившаяся во второмъ этажѣ гостиная провалилась; обвалились также потолки у нѣкоторыхъ комнатъ. Полъ въ прихожей провалился; окна были всѣ выбиты, штукатурка на стѣнахъ была сорвана. На деревьяхъ передъ дачей висѣли клочки оконныхъ гардинъ и окровавленнаго мяса, куски котораго были найдены также и на пароходной пристани. Передъ крыльцомъ, среди кучи обломковъ, находилось исковерканное ландо, бились упавшія лошади и виднѣлись раненые и убитые. Изъ окутанной дымомъ и пылью дачи неслись крики раненыхъ. Все кругомъ было забрызгано кровью; вездѣ были разбросаны части человѣческаго тѣла.

Всѣ находившіеся въ прихожей и у наружной стѣны пріемной комнаты лица были убиты. Министръ П. А. Столыпинъ остался невредимъ. Но была тяжело ранена дочь его, Наталья Петровна Столыпина, 15 лѣтъ, и двухлѣтній сынъ его Аркадій. Дѣти съ няней сидѣли на балконѣ, провалившемся при взрывѣ, у бѣдной дѣвочки раздроблены обѣ ноги, съ переломомъ голени правой и съ открытіемъ суставовъ. У мальчика—пораненія головы и переломъ правой ноги.

У няни разбита голова. Общее число пострадавшихъ доходитъ до 60, а можетъ быть и до 100. Къ семи часамъ дня въ ближайшей къ дачѣ Петропавловской больницѣ находилось 25 раненыхъ. Въ шестомъ часу вечера раскопками, производившимися нижними чинами Гренадерскаго и Московскаго полковъ и пожарными командами пяти городскихъ частей, обнаружены двадцать пять труповъ и 24 съ разными болѣе или менѣе тяжкими поврежденіями. Трупы большею частью съ оборванными частями тѣла, многіе имѣютъ видъ безформенныхъ массъ, безъ головъ, рукъ и ногъ. Взрывъ бомбы былъ такъ силенъ, что напротивъ, черезъ Неву, разбиты окна на патронной фабрикѣ Барановскаго. Дача, гдѣ жилъ П. А. Столыпинъ,—старая, деревянная въ два этажа. Стеклянные балконы выходили въ садъ, окруженный оградой.

Министра предупреждали о готовящемся покушеніи. За два дня рокового событія въ Петербургъ прибыли двое, назвавшіеся супругами Морозовыми, съ горничной, изъ Москвы и остановились въ меблированныхъ комнатахъ д. № 49 по Морской ул. Они заняли двѣ комнаты, за которыя уплатили 250 руб. впередъ. Вслѣдъ затѣмъ къ нимъ прибылъ еще одинъ мужчина, прописавшійся подъ именемъ Миронова, и горничная. Въ день пріѣзда въ томъ же экипажѣ, они ѣздили въ „Олимпію“. Экипажъ взятъ былъ на извозчичьемъ дворѣ въ Максимиліановскомъ пер., ландо съ красными колесами.

Digitized by Google

Все время оба пріѣзжихъ злоумышленника ходили въ штатскомъ. 12 августа они, напоивъ швейцара до-пьяна, вышли переодѣтыми въ жандармскихъ офицерскихъ мундирахъ, а по пути къ нимъ присоединился третій въ штатскомъ.

Послѣ ихъ отъѣзда, горничная ихъ сказала прислугѣ меблированныхъ комнатъ, что должна отлучиться, прибавивъ, что барыня вызоветъ и дастъ деньги на обѣдъ. Послѣ долгаго ожиданія прислуга вошла сама въ занятыя пріѣзжими комнаты, но никого уже тамъ не нашла. Вся компанія такимъ образомъ исчезла. Въ комнатѣ найденъ лишь пиджакъ, въ карманѣ котораго оказались записки съ прощальнымъ привѣтомъ къ товарищамъ. Тутъ же оказался фунтъ тянушекъ и 4 букета цвѣтовъ.

Среди убитыхъ есть несомнѣнно трупъ одного изъ злоумышленниковъ. Подъ мундиромъ жандармскаго офицера на немъ одѣтымъ оказался статскій жилетъ и грязное бѣлье. Лицо его совершенно простонародное.

Опознаны трупы: генерала для особыхъ при министрѣ порученій ген.-м. А. Н. Замятина, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ д. с. с. С. А. Хвостова, управляющаго канцеляріей московскаго генералъ-губернатора церемоніймейстера А. А. Воронина, непремѣннаго члена ярославскаго губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія к. ас. Н. Ю. Слефогтъ, подполковника В. Ф. Шульца, ст. сов. Вербицкаго, гвардіи штабъ-ротмистра отдѣльнаго корпуса жандармовъ Н. Д. Федорова, швейцара дома министра Л. К. Клементьева, курьеровъ министерства внутреннихъ дѣлъ П. Г. Синягина и Н. И. Евдокимова, оффиціантовъ Ф. Стомедіуса и Солдатенкова, околоточнаго надзирателя Горбатенко, владѣльца типографіи Буссель и Терлецкаго; княгини Евдокіи Артемьевны Кантакузенъ, дворянки Ольги Истоминой и ея восьмилѣтняго сына. Пять труповъ остаются неопознанными, въ томъ числѣ одинъ женскій. Въ покойницкой при Петропавловской больницѣ 17 августа, къ 2 час. дня, оставалось изъ 29 труповъ девять,—въ числѣ ихъ тѣла гражданскаго инженера І. І. Терлецкаго, княгини Кантакузенъ и Истоминыхъ, матери съ сыномъ.

Его Императорское Величество, 12 августа, удостоилъ предсѣдателя совѣта министровъ нижеслѣдующей телеграммой:

„Не нахожу словъ, чтобы выразить Свое негодованіе. Слава Богу, что вы остались невредимы. Отъ души надѣюсь, что ваши сынъ и дочь поправятся скоро, также и остальные раненые.

„НИКОЛАЙ".

Среди многочисленныхъ телеграммъ предсѣдателемъ совѣта министровъ получена также телеграмма отъ гр. С. Ю. Витте изъ Гомбурга:

Digitized by Google

„Je vous prie de recevoir et de remettre à madame Stolypine mes sentiments les plus indignés de l'horrible attentat contre vous et votre famille. Je suis certain que tous les honnêtes gens remercient et prient le bon Dieu de vous avoir sauvé et pour la convalescence de votre fils. Que Dieu vous soutienne.

Comte Witte".

Медицинскій осмотръ трупа одного изъ преступниковъ, взорвавшихъ министерскую дачу, именно въ формѣ жандармскаго офицера, обнаружилъ, что преступникъ былъ еврей.

Въ „Москов. Вѣдом.", „Русскомъ Знамени", „Новомъ Времени" воспроизведенъ слѣдующій необычайный обмѣнъ телеграммами.

„Вильгельмсгее.

Его величеству императору Вильгельму II.

Всѣ фракціи Русской монархической партіи въ древнемъ градѣ Св. Владиміра—Кіевѣ, прочитавъ телеграфное извѣстіе о новыхъ знакахъ монаршаго вниманія и милости, оказанныхъ вашимъ величествомъ графу Витте, считаютъ долгомъ по сему поводу выразить вамъ, государь, чувства глубокой скорби.

Русскому сердцу больно видѣть, что столь блестящій представитель и глава симпатичнаго и дружественнаго Россіи германскаго народа такъ мало считается съ чувствомъ народа русскаго и *отмѣчаетъ своимъ высокимъ вниманіемъ и милостями* того, кого вся Русская страна единодушно признала виновникомъ бѣдствій, обрушившихся надъ злосчастною Родиной нашей и главнымъ зиждителемъ террористическаго движенія, питаемаго фанатизмомъ и злобой пользующагося особымъ покровительствомъ графа Витте еврейскаго народа".

Подписали предсѣдатели кіевскаго отдѣла Русскаго собранія, кіевской Русской монархической партіи, Русскаго братства, партіи Правового порядка, союза Русскаго народа и Патріотическаго содружества рабочихъ.

На эту телеграмму предсѣдатель Кіевскаго отдѣла Монархической партіи г. Юзефовичъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Дѣйствительному статскому совѣтнику Борису Юзефовичу, предсѣдателю Монархической партіи.

Кіевъ.

Вслѣдствіе телеграммы вашей на имя его величества императора, г. Чирскій, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что телеграмма ваша основана на ошибочномъ предположеніи, ибо его величество *никому и ни въ какой формѣ не обнаруживалъ* по отношенію къ графу Витте, *тѣхъ намѣреній, которыя приписаны* его величеству въ вашей телеграммѣ, вѣроятно, на основаніи слуховъ, распространяемыхъ тенденціоз-

Digitized by Google

ными газетами. Прошу васъ поставить объ этомъ въ извѣстность лицъ, подписавшихъ телеграмму.

Фонъ-Микель, германскій повѣренный въ дѣлахъ".

---

13 августа въ Новомъ Петергофѣ убитъ усмиритель московскаго вооруженнаго возстанія командиръ л.-гв. семеновскаго полка ген.-м. Г. А. Минъ.

Генералъ съ женою и дочерью около 8 ч. вечера пріѣхалъ на вокзалъ, чтобы встрѣтить знакомыхъ. Пройдя въ конецъ открытой платформы, онъ сѣлъ на дальней скамейкѣ. Тутъ-же прогуливалась небольшого роста брюнетка, безъ шляпы, въ длинномъ макинтошѣ. Пройдя по краю платформы за скамейкой, на разстояніи шага, она выхватила револьверъ-бульдогъ и почти въ упоръ стала разстрѣливать генерала Мина. Изъ пяти пуль—четыре попали въ спину генерала. Онъ опустился на полъ; его отнесли въ желѣзнодорожный пріемный покой, гдѣ онъ, не приходя въ сознаніе, скончался. У генерала оказались простѣленными печень, легкія, желудокъ и позвоночный столбъ, всѣ раны безусловно смертельны. Убійцу схватили за руку и отняли у нея револьверъ. Оказалось, что она съ 30 іюля проживала на дачѣ рядомъ съ дачей генерала Мина у сѣдого старичка, еще мѣсяцемъ раньше тутъ поселившагося. Оба выслѣживали генерала.

Незадолго до 13 августа генералъ Минъ отказался отъ охраны и отпустилъ агентовъ; онъ находилъ охрану совершенно излишней, тѣмъ болѣе, что собирался переѣзжать на свою петербургскую квартиру, гдѣ считалъ себя въ безопасности. Передъ смертью имъ было получено нѣсколько предупредительныхъ писемъ о готовящемся на него покушеніи, но генералъ не придалъ имъ значенія.

Въ телеграмахъ отъ 10 августа сообщалось, что во Владикавказѣ убитъ командиръ апшеронскаго полка Рахманинъ и убійцы скрылись, а на ст. Моцыхской ю.-в. ж. д. убитъ командиръ сотни 36 донского полка.

VI.

Старый государственный аппаратъ ещо цѣлъ и работаетъ по инерціи. Есть законы, есть чиновники и администрація. Установившійся государственный обрядъ совершается. Производятся слѣдствія, дознанія, судятъ, заточаютъ, казнятъ. Все по закону. Но нѣтъ центральной власти, нѣтъ единства дѣйствія и направляющей все твердой руки. Рядомъ съ старой государственной организаціей въ странѣ

Digitized by Google

дѣйствуетъ организація революціонная. Это боевыя дружины анархистовъ; крестьянскій союзъ соціалистовъ-революціонеровъ, рабочія организаціи соціалъ-демократовъ; бундъ; національныя инородческія организаціи и во главѣ „союзъ союзовъ", „кадеты", „выборгскіе" члены Государственной Думы и примыкающіе къ конституціоналистамъ-демократамъ наши либералы-конституціоналисты. Это—государство въ государствѣ съ правительствомъ въ правительствѣ. Есть-ли здѣсь централизація, и мощная направляющая рука? Едва-ли. И тутъ идетъ стихійный, погромный процессъ. Революція уже пріобрѣла свою инерцію, свою рутину, свою табель о рангахъ и даже прямо „революціонныхъ чиновъ". Одна изъ организацій революціи—это банды „безработныхъ" обѣихъ столицъ, содержанцевъ городского самоуправленія, передъ которыми отцы города совершенно безсильны, потакаютъ имъ во всемъ. Въ Петербургѣ благодаря „работамъ безработныхъ" уже провалился Ново-Михайловскій мостъ. Въ Москвѣ банда „безработныхъ" болѣе разнуздана. Безработные держатъ себя съ инженерами фамильярно, хлопаютъ ихъ по плечу, отпускаютъ по ихъ адресу трехъэтажныя ругательства, всегда держатъ на готовѣ тачку, чтобы вывозить „буржуевъ". Они, говорятъ, оскорбляютъ всякаго, носящаго крахмальное бѣлье, ѣздящаго на велосипедахъ. Руководитъ ими знаменитый г. Рамишвили.

Революція идетъ своимъ порядкомъ, а отправленіе государственнаго стараго обряда своимъ. Такъ, въ Москвѣ ведется общее слѣдствіе о вооруженныхъ ограбленіяхъ, въ столицѣ бывшихъ, и всѣ отдѣльные случаи будутъ объединены въ одномъ огромномъ процессѣ, который и думаютъ разсматривать въ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей. Объявленіе предъявятъ къ цѣлому „преступному сообществу", составившему „оппозиціонную фракцію соціалъ-революціонной партіи" и включившему въ свою программу „насильственную экспропріацію на нужды революціи". Къ этому-же дѣлу будутъ пріобщены всѣ дѣла объ открытыхъ въ Москвѣ лабораторіяхъ и фабрикахъ бомбъ.

Такъ, три лабораторіи взрывчатыхъ веществъ, обнаруженныя въ Москвѣ на Татарской улицѣ и въ Банномъ переулкѣ, оказались „летучими лабораторіями летучей боевой организаціи". Въ одной изъ лабораторій кромѣ готовыхъ бомбъ и пороха было найдено 2 пуда динамита и 3 фун. грумучей ртути. Такого количества гремучей ртути хватило-бы на сотню бомбъ. Арестованный въ Александровской улицѣ въ домѣ Ратциха революціонный комитетъ, въ числѣ 25 человѣкъ, оказался „крестьянской организаціей оппозиціонной фракціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ". Объяснялось въ печати, что эта оппозиціонная фракція представляетъ въ

Digitized by Google

соціалъ-революціонной партіи группу „максималистовъ“, которые стоятъ за немедленное вооруженное возстаніе, за учредительное собраніе и за насильственную экспропріацію частной собственности. Во главѣ комитета „максималистовъ“ была Елизавета Ивановна Эфронъ, племянница члена государственнаго совѣта.

Слѣдствіе идетъ, многотомный матеріалъ подшивается, но что, если его постигнетъ та-же участь, что и колосальное дѣло о мятежѣ, украденное у военно-морскаго суда въ Севастополѣ? Можетъ быть, и матеріалы по дѣлу о вооруженныхъ грабежахъ и фабрикахъ бомбъ въ Москвѣ въ одно прекрасное утро исчезнутъ.

Въ Москвѣ захвачены довольно крупные революціонные дѣятели, но главари не открыты, *такъ какъ они находятся внѣ предѣловъ Россіи.* Причина уважительная. За то былъ арестованъ... автомобиль, принадлежащій оппозиціонной фракціи соціалъ-революціонеровъ. Этотъ автомобиль, какъ сообщаютъ газеты, давно уже разгуливалъ по Москвѣ, безъ нумера, и на немъ дѣятели партіи производили развѣдочныя работы. Автомобиль былъ арестованъ на улицѣ. Ну, а развѣдчики? Объ этомъ не пишутъ. За то сообщаютъ съ внушительной краткостью, что московскій комитетъ соціалъ-революціонной партіи („минималистовъ“?) получилъ увѣдомленіе, что шедшій изъ-за границы въ Москву большой транспортъ оружія, состоящій изъ ружей, револьверовъ и 75 пулеметовъ системы Ротта, арестованъ на границѣ. Транспорты оружія идутъ и въ Финляндію, о чемъ даже извѣщали финскія газеты.

Какъ извѣстно, часть членовъ разогнанной Государственной Думы, собравшись въ Выборгѣ, составила воззваніе къ русскому народу. О содержаніи его можно судить по контръ-воззванію московскаго губернатора, которымъ онъ обратился къ населенію московской губерніи 17-го іюля:

„Бывшіе члены Г. Думы, распущенной по повелѣнію Государя Императора, составили *преступное воззваніе къ народу, въ которомъ приглашаютъ* стоять за нихъ, *не давать рекрутовъ, не платить податей и не платить по тѣмъ займамъ, которые заключило правительство безъ согласія Думы.* Воззваніе это бывшіе члены Думы стараются распространить среди населенія. Считаю священнымъ долгомъ своимъ предостеречь населеніе Московской губерніи не поддаваться внушеніямъ, которыя дѣлаютъ бывшіе члены Думы въ своемъ воззваніи, такъ какъ это воззваніе имѣетъ *явно мятежный характеръ*“.

Воззваніе бывшихъ членовъ Думы распространяется въ народѣ цѣлыми тюками и во многихъ городахъ было отпечатано „принудительно“, революціоннымъ путемъ захвата типографій.

Digitized by Google

Оффиціально въ газетахъ отъ прокурора С.-Петербугской судебной палаты было сдѣлано такое сообщеніе:

„Въ виду появляющихся въ повременной печати неправильныхъ свѣдѣній о распоряженіяхъ прокурорскаго надзора по вопросу объ уголовномъ преслѣдованіи лицъ, подписавшихъ составленное въ гор. Выборгѣ обращеніе къ населенію, озаглавленное „Народу—отъ народныхъ представителей", считаю необходимымъ сообщить, что, получивъ экземпляръ этого обращенія и свѣдѣнія о его распространеніи въ городѣ Петербургѣ, я 15 іюля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ Бѣлевцову приступить къ производству предварительнаго слѣдствія по обвиненію всѣхъ подписавшихъ указанное обращеніе въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 51 и 3 п. I части 129 ст. угол. улож.".

Дѣло къ половинѣ августа еще въ періодѣ „предварительнаго слѣдствія".

Всѣ эти дѣйствія суда происходятъ по той простой причинѣ, что онъ еще есть и пишетъ бумаги. Но приводятъ-ли къ какому-либо результату эти дѣйствія? Объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Слѣдствіе, безконечное слѣдствіе по революціи идетъ своимъ порядкомъ, а революція совершается своимъ чередомъ, и одно другому не мѣшаетъ.

VII.

При полномъ бездѣйствіи центральной власти, механически, по рутинѣ отправляется еще старый государственный обрядъ. Рядомъ движется революція, создавшая правительство въ правительствѣ и государство въ государствѣ. Революціонныя организаціи дѣйствуютъ, но и тутъ общій ходъ стихіенъ. Наконецъ, въ виду предстоящихъ новыхъ выборовъ въ Думу стали выпускать свои программы и наши политическіи партіи.

На происходившихъ въ Петербургѣ и Москвѣ совѣщаніяхъ бывшихъ членовъ Г. Думы и членовъ центральнаго и губернскихъ комитетовъ партіи народной свободы между прочимъ обсуждался вопросъ о ближайшихъ задачахъ партіи въ настоящій политическій моментъ. Совѣщаніе остановилось на трехъ пунктахъ, которые должны служить предметомъ партійной агитаціи среди широкихъ слоевъ населенія, а именно: 1) требованіе немедленнаго созыва народнаго представительства; 2) требованіе немедленной замѣны нынѣшняго министерства отвѣтственнымъ министерствомъ, составленнымъ изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ большинства Г. Думы и могущихъ принять на себя *осуществленіе программы*,

Digitized by Google

изложенной въ отвѣтномъ адресѣ бывшей Г. Думы *на тронную рѣчь*, и 3) требованіе немедленнаго приступа къ аграрной реформѣ, въ основаніе которой долженъ быть положенъ принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель.

Московскій центральный комитетъ союза 17 октября выпустилъ 11 августа слѣдующее воззваніе.

„Государственная Дума распущена. Предстоятъ новые выборы. Эти выборы должны протекать при условіяхъ, еще болѣе тяжелыхъ, чѣмъ прежде. Россія заливается кровью; она стонетъ отъ великихъ беззаконій и небывалыхъ преступленій. Жизнь человѣческая не цѣнится ни во что; ежедневныя убійства совершаются десятками и даже сотнями; пожары, погромы и грабежи все шире разливаются по всей странѣ; авторитетъ власти и закона въ корнѣ поколебленъ; ложь, клевета, обманъ затуманили нравственное чувство; вражда и взаимное ожесточеніе достигли такимъ размѣровъ, что получаютъ видъ повальнаго безумія. Рядомъ съ неизбѣжной борьбой противъ устарѣвшаго государственнаго строя происходитъ борьба противъ всякаго государственнаго строя; борьба за политическую и гражданскую свободу нерѣдко принимаетъ такое направленіе, которое должно привести лишь къ гибели всякой свободы; борьба за экономическіе и культурные интересы народныхъ массъ при тѣхъ формахъ, которыя ей стараются навязать, грозитъ смыть остатки всякаго благосостоянія и культуры и довести народное хозяйство до полнаго разоренія; кровавые способы борьбы надолго отравятъ народную совѣсть, заложатъ въ общественномъ сознаніи сѣмена будущей вражды, будущихъ раздоровъ и насилій. Когда-то славное, могучее и грозное государство наше унижено внѣшними неудачами, въ концѣ обезсилено внутренней смутой, уже принимающей характеръ междоусобной войны, беззащитно передъ покушеніями извнѣ и можетъ сдѣлаться легкой добычей сосѣдей. Какъ черныя тучи, скопились всякія бѣды надъ нашей многострадальной родиной и не видно имъ конца. Въ такое печальное и грозное время каждый русскій гражданинъ обязанъ принять посильное участіе въ умиротвореніи и устроеніи потрясеннаго государства. Только мы сами можемъ спасти наше отечество отъ гибели; безъ помощи самого народа ни одному правительству не подъ силу такая задача. Вся надежда на спасеніе Россіи въ правильномъ и мощномъ народномъ представительствѣ, состоящемъ изъ людей, дѣйствительно выражающихъ нужды страны и желанія народа, ясно сознающихъ весь ужасъ положенія и готовыхъ самоотверженно отдать свои силы на спасеніе родины. Поэтому союзъ 17 октября считаетъ своимъ долгомъ напомнить избирателямъ, въ чемъ онъ видитъ выходъ изъ существующаго положенія и какъ

Digitized by Google

онъ понимаетъ задачи будущей Г. Думы. *Безповоротный разрывъ съ прошлымъ, обновленіе нашей государственной жизни во всѣхъ областяхъ*, —таковы великія задачи нашего времени. Но союзъ рѣшительно стоитъ на убѣжденіи, что не путь крови и огня приблизитъ Россію къ лучшему будущему, а путь мирной борьбы законными и мирными средствами за торжество правды, свободы и разумнаго порядка. Эта *борьба должна быть только мирной, въ ней не должно быть мѣста ни для какихъ насилій и ни для какихъ возбужденій къ насилію.* Права народа на участіе въ законодательствѣ и управленіи страной даютъ несомнѣнно возможность для такой мирной и законномѣрной борьбы. Нашъ союзъ осуждалъ и осуждаетъ всякое насиліе и беззаконіе, откуда бы они ни исходили: сверху или снизу, отъ правительства или отъ тѣхъ, кто съ нимъ борется. И во всемъ другомъ союзъ остается вѣрнымъ своему прежнему знамени. Царь, правящій страной въ единеніи со своимъ народомъ; народное представительство, избранное на основахъ *всеобщаго голосованія*; свобода, охраняемая законами; равенство всѣхъ передъ закономъ; *равноправіе всѣхъ народностей Россіи*, широкое развитіе духовныхъ, умственныхъ и экономическихъ силъ страны; усовершенствованіе рабочаго законодательства и подъемъ благосостоянія трудящихся классовъ; всемѣрное улучшеніе условій крестьянскаго землевладѣнія съ расширеніемъ его площади и съ примѣненіемъ въ случаяхъ необходимости *принудительнаго отчужденія частной земельной собственности по справедливой оцѣнкѣ;* коренное преобразованіе арміи и флота соотвѣтственно современнымъ требованіямъ военнаго дѣла и международному положенію Россіи. Вотъ тѣ начала, которыя будутъ проводиться въ жизнь нашими единомышленниками въ будущей Г. Думѣ. Старый государственный порядокъ пережитъ; онъ не вернется. Но отъ русскаго народа потребуется напряженіе всѣхъ его силъ, потребуется вся его вѣками нажитая политическая мудрость и вся его нравственная выдержка, чтобы разразившіяся надъ нами страшныя испытанія привели Россію не къ распаденію и гибели, а къ обновленію и свѣтлому возрожденію въ новой свободной и разумной жизни".

„Кадеты", опираясь на революцію, „требуютъ".

„Октябристы", въ сущности принимая революціонную программу, какъ-то полагаютъ возможнымъ ее провести мирнымъ путемъ. Ихъ точка зрѣнія выражена русскимъ органомъ союза 17 октября въ Прибалтійскомъ краѣ, „Рижскимъ Вѣстникомъ":

„Полная гармонія въ обществѣ и государствѣ можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если сторонники и устроители порядка будутъ *воздерживаться отъ реакціонныхъ стремленій*, а защитники и проводники прогресса будутъ *избѣгать анархическихъ поползновеній*".

Digitized by Google

Но „защитники и проводники прогресса“ явно не желаютъ избѣгать „анархическихъ поползновеній“. Въ такомъ случаѣ могутъ-ли „сторовники и устроители порядка“ воздерживаться отъ „реакціонныхъ стремленій“? Не будетъ-ли это отказомъ отъ законной самозащиты?

И кто долженъ первый начать?

Отъ 27 іюля партіей „Мирнаго Обновленія“ обнародовано за подписью гр. П. А. Гейдена, Н. Н. Львова и М. А. Стаховича воззваніе такого содержанія:

„Среди членовъ Государственной Думы, не примкнувшихъ къ тому направленію, котораго держалась партія народной свободы, возникло сознаніе необходимости объединиться на общей программѣ, чтобы имѣть возможность проводить сообща въ Думѣ свои взгляды“.

„Основнымъ началомъ было стремленіе создать въ Россіи *конституціонное монархическое государство*. Высшей идеѣ государства должны быть подчинены отдѣльные, частные и классовые интересы. Сильная монархическая власть, народное представительство, свобода, основанная на правѣ, и равенство всѣхъ передъ закономъ— таковы условія для возрожденія Россіи. *Всѣ* народности, населяющія Россію, должны пользоваться *одинаковыми* политическими и гражданскими *правами*, и эта *идея равноправія должна явиться связующимъ звеномъ окраинъ съ центромъ*. Вступивъ на путь преобразованія Россіи, Верховная Власть должна создать сильное законмѣрное правительство, чуждое произвола и усмотрѣнія, неуклонно проводящее въ жизнь свободы, провозглашенныя 17-го октября 1905 года“.

„Власть должна окончательно и безповоротно *порвать со старымъ порядкомъ, губительнымъ для страны*“.

„Важнѣйшими условіями являются законмѣрный созывъ Государственной Думы, усовершенствованіе законовъ, опредѣляющихъ ея полномочія, *отвѣтственность министерства, какъ залогъ единства законодательной и исполнительной власти*. По важнѣйшему въ данное время земельному вопросу группа признавала необходимымъ не останавливаться передъ допустимостью *обязательнаго отчужденія* потребнаго количества частновладѣльческихъ земель для созданія прочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Въ основу этой реформы полагалась личная или общинная собственность“.

„Проводя мысль о невозможности вернуться къ старымъ порядкамъ, думская группа приняла названіе „мирнаго обновленія“, желая указать на то, что она враждебна насилію и произволу, откуда и отъ кого-бы они ни исходили. Обновленіе нашей родины возможно лишь путемъ преобразованій, а не дѣйствіями насилія, убійствами и грабежомъ. Не взаимной злобой и насиліемъ возро-

Digitized by Google

дится Россія, а уваженіемъ къ праву, огражденіемъ каждаго самаго слабаго отъ посягательства сильнаго. Только черезъ законъ и въ законѣ могутъ получить справедливое удовлетвореніе многообразныя нужды народа. Укрѣпить уваженіе къ закону, какъ источнику высшей справедливости, является первѣйшей задачей среди господства насилій и самоуправства".

„Таковы въ общихъ чертахъ основанія, на которыхъ члены Государственной Думы объединились въ группу „мирнаго обновленія".

„Прилагаемая программа можетъ послужить почвой для объединенія всѣхъ лицъ, сочувствующихъ указанному направленію. Дальнѣйшая разработка и необходимыя измѣненія будутъ задачей перваго съѣзда партіи".

Эта программа триликой „партіи" Мирнаго Обновленія только болѣе блѣдна, чѣмъ программа Союза 17 октября, но ничѣмъ существеннымъ отъ нея не разнится.

Наконецъ, въ оффиціозной „Россіи", въ передовой отъ 15 августа изложена программа, принятая печатью, какъ выраженіе намѣреній правительства. „Россія" писала:

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что террористическія покушенія дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на общество, но было бы большою ошибкою думать, что терроръ анархистовъ долженъ повлечь за собою *терроръ правительственный*. Въ твердой и разумно составленной правительственной *программѣ не можетъ быть перемѣнъ* вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ покушеній и убійствъ. Программа опредѣляется нуждами и пользами страны, а совсѣмъ не желаніями тѣхъ или другихъ лицъ, поставленныхъ у власти. Носители власти, отстаивая ее, отстаиваютъ не свои личные интересы, а интересы страны и народа.

„Если бы покушеніе на убійство или самое убійство министра могло вызвать какое-либо измѣненіе въ направленіи государственной политики, тогда правительственная власть въ странѣ оказалась бы въ рукахъ политическихъ убійцъ, они сдѣлались бы господами положенія и получили бы возможность мѣнять по своему желанію направленіе государственной жизни.

„Правительство съ другой стороны *не будетъ*, разумѣется, *ослаблять борьбу* съ революціей, какими бы ужасами ни угрожали ему ея дѣятели. Оно будетъ по прежнему отличать *закономѣрную оппозицію* отъ тѣхъ враговъ государственнаго строя, которые проповѣдуютъ его уничтоженіе словомъ, дѣйствіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ. Оно предоставитъ закономѣрной оппозиціи средства мирной борьбы путемъ печати и собраній, но съ тѣмъ большей строгостью *оно будетъ преслѣдовать нарушителей закона и*

Digitized by Google

порядка, какими бы идеями нарушители эти ни оправдывали свою дѣятельность.

„Правительство понимаетъ, что страна страдаетъ отъ нарушенія законовъ и отсутствія закономѣрнаго порядка. *Закономѣрный порядокъ создается не слабостью власти и не диктатурою*, нарушающею и отмѣняющею обычное теченіе жизни, *онъ создается неуклоннымъ соблюденіемъ закона*, равно обязательнаго для носителей власти, какъ и для гражданъ. *Для подавленія преступныхъ покушеній и дѣйствій* у правительства *достаточно власти, но подавленіе это совсѣмъ не составляетъ его исключительную цѣль и основную задачу его дѣятельности.* Правительство считаетъ своею ближайшею обязанностью *изготовить* для будущей Думы *законопроекты* по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые требуютъ законодательнаго разрѣшенія.

„Вопросы острые, не терпящіе отлагательства, будутъ разрѣшены до созыва будущей Думы указанными въ законѣ средствами, находящимися въ рукахъ правительства. И какъ бы ни стремились дѣятели революціи остановить своими преступленіями эту творческую работу правительства, они заранѣе осуждены на неудачу, такъ какъ замѣна однихъ носителей власти другими не можетъ повлечь за собою отказъ правительства отъ выполненія тѣхъ реформъ, необходимость которыхъ давно уже сознается спокойными и просвѣщенными классами населенія“.

Трудно высидѣть что-либо болѣе жалкое и лицемѣрное, чѣмъ эти увертки министерскаго оффиціоза.

Кромѣ покушенія на жизнь министра, цѣлый мѣсяцъ со дня роспуска Думы совершаются вопіющія преступленія, по всей странѣ грабежи, убійства сотенъ русскихъ людей, жгутъ и грабятъ помѣстья, возстаютъ команды, Свеаборгъ и Кронштадтъ собрались было „принудительно отчудить“ у Россійской Имперіи, а оффиціозъ заявляетъ, что „подавленіе преступныхъ покушеній и дѣйствій“ „совсѣмъ не составляетъ основную задачу [дѣятельности“ правительства. Ему, изволите видѣть, надо заготовлять „законопроекты“!

Далѣе, цѣлый мѣсяцъ продолжается по всей странѣ „кровавая баня“, а оффиціозъ заявляетъ небрежно, что у правительства „достаточно власти“. Ну, такъ что-же оно не докажетъ этого на дѣлѣ? Почему не приложитъ эту власть и не возстановитъ порядокъ?

Порядокъ создается... неуклоннымъ соблюденіемъ закона. Истина самоочевидная. Но если законъ не исполняютъ? Обязанность государства всею своею мощью принудить законъ исполнять.

Оффиціозъ говоритъ, что правительство и не будетъ „ослаблять борьбы“ съ революціей. Еще-бы! Какъ-же ослабить и безъ того ос-

Digitized by Google

лабѣвшее до паралича! Правительство „будетъ преслѣдовать нарушителей закона и порядка“.

Но терроръ анархистовъ... не повлечетъ за собою терроръ правительственный! Что за галиматья? Какъ-же преслѣдовать грабителей и убійцъ, крамольниковъ и измѣнниковъ, а главное, какъ прекратить грабежи и убійства, не прибѣгая къ террору? Да онъ всѣми буквами въ законѣ прописанъ.

Вѣдь будетъ-же правительство сажать въ казематы, ссылать и даже казнить. Какого-же еще „террора“?

Въ странѣ необходимо прекратить грабежи и убійства, водворить порядокъ всѣми средствами, какія только въ распоряженіи у государства. Анархисты, „максималисты“ и всякіе убійцы терпимы быть не могутъ. И это первая и пока единственная задача правительства. Пока порядокъ въ странѣ не будетъ возстановленъ, никакихъ законопроектовъ провести нельзя и никакихъ реформъ. Программу первой Думы осуществить нельзя. А поэтому революціонеровъ невозможно удовлетворить и остается только обуздать, устрашить, раздавить.

VIII.

Возможно-ли какими либо „законопроектами“ удовлетворить анархистовъ?

Ясно, что невозможно, потому что анархисты—противники всякой формы государственнаго общенія. А между тѣмъ у насъ не мало прежде всего теоретиковъ анархизма, который и созданъ тремя русскими: Бакуниимъ, кн. Кропоткинымъ и гр. Львомъ Толстымъ. Ученіе послѣдняго признано наукой совершенно анархическимъ, отрицающимъ государство и всѣ его устои. А гр. Л. Толстой, со всею мощью генія, уже четверть вѣка проповѣдуетъ свое ученіе и увлекаетъ умы.

Затѣмъ вся текущая литература, беллетристика толстыхъ журналовъ у насъ пропитаны нравственнымъ анархизмомъ (аморализмомъ). Писанія Леонида Андреева проникнуты анархизмомъ нравственности. Наши декаденты тоже внесли и вносятъ разлагающую струю анархизма, даже съ помощью пластическихъ искусствъ. Проповѣдь „босячества“ въ яркихъ произведеніяхъ г. Горькаго тоже есть особая форма анархизма. А Горькимъ упивались самые широкіе круги публики, не только интеллигенты, но и „сознательные“ фабричные, мастеровые и проч.

Анархизмъ широко посѣянъ у насъ въ умахъ. А отъ словъ переходитъ и къ дѣлу. Боевая дружина анархистовъ дѣйствуетъ. И

Digitized by Google

эта боевая дружина—учрежденіе международное. Анархисты всѣхъ странъ объединяются. Анархиста невозможно удовлетворить никакими законопроектами, ибо онъ отрицаетъ самый законъ, самое право. А между тѣмъ адептовъ анархизма у насъ весьма много.

Невозможно терпѣть ни проповѣдь теоріи анархизма, ни тѣмъ менѣе практику анархизма. Невозможно дозволять разрушеніе въ умахъ и сердцахъ народа основъ нравственности и права, устоевъ государственнаго общежитія. А фанатиковъ анархизма-бомбометателей надо обезвредить.

Съ этой категоріей революціонеровъ можно бороться только репрессіями. Удовлетворить анархистовъ нельзя. Ихъ можно только устрашить, обуздать, раздавить.

Но возможно-ли удовлетворить соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ, идеалы которыхъ, какъ извѣстно, одинаковы? Нѣтъ, министерство не можетъ изготовить такіе „законопроекты", которые-бы удовлетворили эту категорію революціонеровъ.

Соціалисты отрицаютъ и полицейское, и правовое государство, и абсолютную, и конституціонную монархію, и даже республику; всѣ эти формы государства основаны на принципѣ частной собственности.

А соціалисты отрицаютъ частную собственность. Всѣ тѣ государственныя формы, которыя существуютъ въ данное время у человѣчества, соціалисты отрицаютъ и требуютъ своего соціальнаго государства.

Очевидно, что министерство и соціалъ-демократія всегда будутъ говорить на разныхъ языкахъ. Министерство именно въ вопросѣ о частной собственности не можетъ идти даже и на малѣйшія уступки. Какъ-бы ни были либеральны министерскіе законопроекты, они не могутъ удовлетворить соціалъ-демократовъ.

„Максималисты" едва ли отличаются на практикѣ отъ анархистовъ. Соціалъ-революціонеры и соціалъ-демократы у насъ суть партіи кроваваго террора, грабежа и насилія. Ихъ теоріи еще шире распространены въ умахъ. Ихъ организаціи своими развѣтвленіями пронизали все государство, широко раскинулись по всей странѣ во всѣхъ слояхъ населенія, и что особенно страшно, въ многомилліонномъ крестьянствѣ. Ясно, какъ день, что никакіе министерскіе законопроекты не могутъ удовлетворить с.-р. и с.-д. Что же дѣлать? Остается всею мощью государства обуздать, устрашить, раздавить эти организаціи, обезсилить и обезвредить ихъ. Ни въ какіе компромиссы входить съ ними нельзя.

Но возможно ли удовлетворить „кадетовъ"? Невозможно.

„Кадеты" требуютъ „осуществленія программы, изложенной въ отвѣтномъ адресѣ бывшей Государственной Думы на тронную рѣчь". Вѣдь ясно же, что осуществить эту программу нельзя. Амнистія

Digitized by Google

убійцъ, поджигателей, громилъ и грабителей приведетъ только къ воцаренію самосуда, „линчеванія“ и къ гражданской войнѣ. Если государство перестанетъ карать преступниковъ, оно тѣмъ самымъ узаконитъ самозащиту самого населенія. Настанетъ война всѣхъ съ убійцами и насильниками. Однопалатный парламентъ съ подчиненіемъ ему министерства, при всеобщей подачѣ голосовъ передастъ власть въ руки людей съ улицы. Осуществленіе аграрнаго проекта „кадетовъ“ разоритъ страну. Вообще, отвѣтный адресъ былъ нарочито наполненъ явно неисполнимыми требованіями, чтобы поставить министерство въ безвыходное положеніе и затѣмъ эксплоатировать отказъ министерства исполнить неисполнимое для того, чтобы раздуть смуту въ странѣ. Адресъ составлялся съ единственною цѣлью получить возможность сказать выборщикамъ:

„Дума требовала для народа всю землю и всю волю, а министры не даютъ народу ни земли, ни воли“.

Итакъ „кадетовъ“, послѣ роспуска Думы вступившихъ на путь явно нелегальный и преступный, обратившихся къ населенію съ анархическимъ предложеніемъ не платить податей и по займамъ и не давать рекрутовъ, обвиняемыхъ по 129 ст. угол. улож., министерство явно не можетъ удовлетворить своими „законопроектами“, ибо удовлетвори оно „кадетовъ“, то прокурорскому надзору пришлось бы привлечь самое министерство по 129 ст. Министерство не можетъ и не имѣетъ права удовлетворить „кадетовъ“. Но оно обязано обуздать ихъ, устрашить, раздавить, если надо. Преступная дѣятельность конституціоналистовъ-демократовъ заливаетъ кровью страну, какъ и злодѣянія анархистовъ и соціалистовъ.

Но можетъ ли министерство своими законопроектами удовлетворить фанатическихъ сепаратистовъ, финляндскихъ, польскихъ, армянскихъ патріотовъ, федералистовъ и автономистовъ и въ особенности евреевъ-сіонистовъ?

Очевидно, не можетъ. Законопроекты, которые удовлетворили бы требованіямъ инородческихъ патріотовъ, были бы преступленіемъ министерства предъ русскимъ народомъ, покушеніемъ на единство и цѣлость имперіи, на державныя права русскаго народа, были бы прямо измѣной и крамолой.

Сепаратистовъ‘ федералистовъ и автономистовъ министерство своими законопроектами не можетъ удовлетворить, а именно инородцы и прежде всего евреи и финляндскіе патріоты идутъ въ челѣ революціи и безпощаднымъ терроромъ хотятъ добиться своихъ столь же безумныхъ, сколь и преступныхъ цѣлей.

Имъ министерство всего менѣе можетъ уступить, ибо они—головка того ужаснаго солитера—пожирателя, который развился въ чудовищнаго змѣя въ организмѣ русскаго народа. Сколько бы вы

Digitized by Google

ни отрывали членіковъ этого паразита, пока цѣла головка,— живъ и солитеръ. Уничтожьте головку и солитеръ погибнетъ.

Сепаратистовъ удовлетворить своими „законопроектами“ министерство не можетъ. Но оно должно всею государственною мощью, какъ прекратить развращающую народности проповѣдь идей сепаратизма, соблазняющую и губящую „малыхъ сихъ“, такъ и уничтожить активную ихъ злодѣйскую работу, ихъ комплоты и союзы. Всею мощью государственной власти министерство должно обуздать, устрашить, раздавить сепаратистовъ.

Вотъ четыре категоріи революціонеровъ, удовлетворить которыя „законопроектами“ министерство не можетъ, а обязано обуздать, устрашить, раздавить ихъ—это анархисты, соціалисты, конституціолисты-демократы, сепаратисты.

Кажется, логика вещей здѣсь ясна. Сколько ни прячь голову, какъ страусъ, въ кустъ, все же ее потеряешь... отъ бомбы. Удовлетворить эти четыре категоріи невозможно, бороться съ ними и побѣдить ихъ надо, ибо иначе будешь истребленъ ими.

IX.

Можетъ-ли министерство создать „космо-терроро-анархію“?

Не можетъ.

Значитъ, *удовлетворить* „законопроектами“ анархистовъ оно не можетъ. Но должно ли оно *обуздать*, *устрашить*, *раздавить* анархистовъ?

Должно. Это обязанность власти.

Почему?

Анархисты грабятъ и *убиваютъ*.

Можетъ ли министерство уничтожить частную собственность, осуществить „экспропріацію экспропріирующихъ“, учредить пролетарскую республику?

Не можетъ.

Значитъ, и *удовлетворить* „законопроектами“ соціалистовъ оно не можетъ. Но должно ли оно *обуздать*, *устрашить*, *раздавить* соціалистовъ?

Должно. Это обязанность власти.

Почему?

Соціалисты грабятъ и убиваютъ.

Можетъ ли министерство осуществить программу „кадетовъ“, уничтожить Государственный Совѣтъ, наполнить парламентъ толпой, избранной по „четырехвосткѣ“, раздѣлить землю по аграр-

Digitized by Google

ному проекту „кадетовъ“, уничтожить репрессіи, провозгласить полную амнистію?

Не можетъ.

Значитъ, и *удовлетворить* „законопроектами“ кадетовъ оно не можетъ. Но должно ли оно *обуздать*, *устрашить*, *раздавить* кадетовъ? Да прокурорскій надзоръ уже привлекаетъ ихъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ. Они призываютъ къ возстанію.

Можетъ ли, наконецъ, министерство *удовлетворить* „законопроектами“ сепаратистовъ? Можетъ ли оно расчленить Россію на автономныя государства, создать автономную Польшу, Литву, Малороссію, Арменію и т. д.?

Не можетъ. Но обязано ли *обуздать*, *устрашить*, *раздавить* сепаратистовъ?

Обязано.

Почему?

Они *грабятъ* и *убиваютъ*.

Но, быть можетъ, скажутъ, что министерскіе законопроекты могутъ удовлетворить людей „мирнаго обновленія“, либераловъ-конституціоналистовъ?

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, никакъ не могутъ. И это потому, что у насъ либерализмъ представляетъ мутную микстуру старыхъ, отжившихъ, давно опровергнутыхъ жизнью и наукою запада, космополитическихъ, антинаціональныхъ теорій. Старая, истощенная и давно опровергнутая наукой и жизнью запада теорія конституціонализма и парламентаризма, составляющая нынѣ чистое ретроградство, слываетъ у насъ за либерализмъ.

Попытка министерства провести въ „законопроектахъ“ идеи нашихъ либераловъ и западниковъ будутъ ниспровергнуты самою жизнью, потому что это *мертвыя*, *отжившія* теоріи и при помощи ихъ невозможно управлять Россіей и ее обновить!

Теорія раздѣленія верховной власти съ парламентомъ—безсмысленна. Власть раздѣленная есть власть уничтоженная. Суверенитетъ единъ, недѣлимъ и непередаваемъ. Монархическій принципъ есть основаніе здравой государственности. Самодержавіе есть сущность государства, не утратившаго политической независимости. Представительныя учрежденія Англіи на континентѣ остались *неподражаемыми*. Только наслѣдственное историческое представительство имѣетъ смыслъ и жизнь въ себѣ. Создать представительство указомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ огромной страны, отъ 140 милліоновъ, отъ 25 народностей—невозможно. Въ Россіи наслѣдственное, историческое представительство—въ лицѣ помазанника Церкви Монарха. Идея раздѣленія властей на практикѣ всюду выказала полную свою несостоятельность.

Digitized by Google

Главное же, почему идеи нашихъ либераловъ не годны, какъ руководящія начала государственной политики, это потому, что онѣ безцерковны, антинаціональны и безпочвенны, и что либералы наши съ одной стороны стоятъ за равноправіе евреевъ, у нихъ служатъ, а съ другой—не опираются на чувства живого патріотизма, на творящее національное чувство.

Доктрины нашихъ космополитовъ-либераловъ для государственной политики не могутъ дать твердыхъ и жизненныхъ руководящихъ началъ.

Власть съ той лишь минуты почувствуетъ подъ собой твердый материкъ, когда опрется на тысячелѣтнее прошлое Русскаго народа, на его организаціонную церковно-государственную идею. Только въ живомъ чувствѣ патріотизма, въ національномъ самосознаніи, въ религіозномъ строѣ народномъ власть можетъ найти истинную опору. Только свѣтъ этихъ чувствъ и идей можетъ озарить тотъ мракъ, въ которомъ блуждаютъ наши государственные люди. Но до этого ихъ не допускаютъ и оплевываютъ жизненосныя, творческія идеи Русскаго народа, думая опозорить ихъ кличкою „черносотенныхъ“. Но мать сырая земля черна. Однако древній богатырь черпалъ всю силу изъ земли и, чтобы его побѣдить, врагъ его поднялъ на воздухъ. Наши государственные люди подняты тоже на воздухъ и потому совершенно безсильны. Пока они не коснутся *черной земли*, все питающей и на себѣ носящей, они не обрѣтутъ силы.

Николай Энгельгардтъ.

19 августа 1906 г. Спб

Digitized by Google

Обзоръ внѣшнихъ событій.

Сумерки тройственнаго союза.

I.

Воздвигнутое искусными руками желѣзнаго канцлера зданіе тройственнаго союза, направленнаго, главнымъ образомъ, противъ Россіи, недолго сохраняло тотъ внушительный видъ, который данъ былъ ему княземъ Бисмаркомъ. Спайка, сдѣланная геніальнымъ ковалемъ, соединила между собою части повидимому слишкомъ разнородныя, вслѣдствіе, чего то тутъ, то тамъ стали появляться трещины, достигавшія иногда солидныхъ размѣровъ: ихъ, конечно, безотлагательно замазывали, подправляли, но всетаки въ реставрированной грандіозной политической комбинаціи чувствовалось то отсутствіе истинной сплоченности, которая одна даетъ ручательство долгаго существованія. Наименѣе прочнымъ элементомъ тройственнаго союза оказалась Италія, привлеченная къ нему лишь исключительною ловкостью создателя германской имперіи.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Бисмаркъ писалъ всемогущему итальянскому демагогу Мадзини слѣдующее:

„Родство языка и расы и аналогія темперамента, нравовъ и обычаевъ слишкомъ недостаточны для союза между двумя государствами. Политическіе союзы зиждутся только на общности интересовъ и оцѣниваются только тѣми выгодами, какія можно извлечь изъ нихъ. Когда два государства, имѣющія такое географическое положеніе, что каждое изъ нихъ можетъ развивать систему своихъ дѣйствій и увеличивать свое могущество промышленностью, торговлею и войною, не только не становясь на пути другого, но своими силами увеличи-

Digitized by Google

вая силу другого, тогда эти государства являются естественными союзниками. Наоборотъ, когда два государства имѣютъ такое географическое положеніе, что ни одно изъ нихъ не можетъ распространить сферу своихъ дѣйствій безъ того, чтобы не вредить другому, когда торговля одного не можетъ процвѣтать иначе, какъ разрушая торговлю другого, когда, однимъ словомъ, цѣль, намѣченная обоими для достиженія своего полнаго развитія, есть одна и та же, и притомъ такого рода, что если одно изъ нихъ достигаетъ ея, то другое никогда не можетъ достигнуть, и вслѣдствіе этого будетъ находиться въ постоянной зависимости отъ перваго, — тогда между такими государствами есть неизбѣжное соперничество, которое во всякое время можетъ превратиться во вражду.

„Исходя изъ этихъ принциповъ, единственно отвѣчающихъ разуму, не трудно сказать, кто является естественнымъ союзникомъ Италіи и кто ея соперникъ. Естественный союзникъ Италіи — Германія, а соперникъ — Франція.

„Представимъ себѣ Италію свободною распорядительницею своихъ судебъ, сильною своимъ политическимъ единствомъ, и сдѣлавшеюся складочнымъ пунктомъ своихъ продуктовъ, столь разнообразныхъ и представляющихъ собою произведенія юга, вообразимъ себѣ и Германію, столь же сильную своимъ политическимъ единствомъ и сдѣлавшеюся складомъ своихъ продуктовъ сѣвера, причемъ Италія — хозяйка Средиземнаго моря, а Германія — Балтійскаго... Представимъ себѣ эти державы, самыя интелигентныя и самыя цивилизованныя, раздѣляющія Европу на двѣ части и образующія центръ ея, державы, такъ хорошо разграниченныя и ясно очерченныя, такъ различныя по языку и темпераменту и выражающія свои дѣйствія въ столь различныхъ смыслахъ, что никогда Италія не можетъ желать преобладанія въ Балтійскомъ морѣ, а Германія въ Средиземномъ, — и спросимъ себя: могутъ ли онѣ поступать иначе, какъ помогая другъ другу и любя другъ друга всѣмъ сердцемъ?

„Италія и Германія окружены народами, проникнутыми желаніемъ вырости за ихъ счетъ. На сѣверѣ Англія тяготѣетъ надъ Германіей, а въ одинъ прекрасный день востокъ начнетъ давить на Италію. Ясно, слѣдовательно, что на югѣ, и только на югѣ, блеститъ для обѣихъ звѣзда будущности, — на югѣ, гдѣ Германія опирается на Италію и гдѣ Италія имѣетъ передъ собою Средиземное море, которое можетъ сдѣлаться итальянскимъ озеромъ...

Digitized by Google

„Народъ, который сдѣлалъ 1814, 1848 и 1866 гг., есть настоящій союзникъ того, кто сдѣлалъ 1848, 1849 и 1860 гг.

„Къ концу года Германія должна образовать одно могущественное государство, простирающееся отъ Балтійскаго моря до Альпъ, отъ Рейна до Вислы и Дравы. Италія не должна болѣе имѣть провинцій въ чужихъ рукахъ, иначе ни одна, ни другая не поймутъ ихъ взаимнаго положенія.

„Что касается Италіи и Франціи, то такъ какъ конфигурація земного шара не можетъ измѣниться, то и эти державы всегда будутъ соперницами и часто врагами. Природа бросила имъ яблоко раздора, которое онѣ не перестанутъ оспаривать— это Средиземное море, великолѣпный рейдъ въ центрѣ Европы, Азіи и Африки, каналъ изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ, окруженный самыми благословенными небомъ землями. Не было ли бы безумiемъ думать, что Франція не можетъ испытывать зависти къ Италіи, уходящей такъ далеко въ Средиземное море и владѣющей чудными берегами, самыми населенными и самыми богатыми, къ Италіи, которая представляетъ собою прямую дорогу изъ Европы на Востокъ и въ Индію?

„Съ другой стороны, Италія не можетъ терпѣть постоянной угрозы Франціи въ каждый моментъ овладѣть Тунисомъ, отъ котораго для нея будетъ всего лишь одинъ переходъ, чтобы достигнуть Сардиніи. Въ виду этого, Италіи необходимо устроить свое положеніе такимъ образомъ, чтобы она не дрожала за свои берега, за свою торговлю и свои области при всякомъ нахмуриваніи бровей французскаго Юпитера.

„Франція владѣтельница Средиземнаго моря? Франція съ границею на Рейнѣ? Нѣтъ! Италія и Германія не должны дозволить этого какою бы то ни было цѣною. Для нихъ обѣихъ— это вопросъ жизни и смерти...

„Италія и Франція не могутъ эксплоатировать Средиземное море сообща. Это море представляетъ собою не наслѣдство, которое слѣдуетъ дѣлить между родственниками. Средиземное море неоспоримо принадлежитъ Италіи, которая владѣетъ на немъ береговою линіею въ двѣнадцать разъ большею, чѣмъ Франція. Марсель и Тулонъ не могутъ быть и сравниваемы съ Генуей, Ливорно. Неаполемъ, Палермо, Анконою, Венеціей и Тріестомъ. Овладѣніе Средиземнымъ моремъ должно быть постоянною мыслью Италіи, цѣлью, которую должны преслѣдовать итальянскіе министры, базою итальянской политики.

„Заключивъ союзъ, Пруссія и Италія могли бы продиктовать миръ Вѣнѣ, отбросивъ въ славянскія земли монархію

Digitized by Google

Габсбурговъ, которая сдѣлалась бы опасностью для Россіи, переставъ быть роковою для Германіи и Италіи. Пруссія могла бы тогда завершить объединеніе Германіи.

„Въ теченіе всего времени, пока Италія и Германія будутъ дѣйствовать за одно, имъ будетъ принадлежать преобладаніе въ Европѣ".

Такою аргументаціею Бисмаркъ добился не только полнаго нейтралитета Италіи въ войну 1870 г., но зачаровавъ итальянскихъ правителей мыслью о превращеніи Средиземнаго моря въ итальянское озеро, дѣйствительно бросилъ между Франціей и Италіей яблоко раздора, разорвалъ между двумя родственными народами всякую духовную связь и, въ концѣ концовъ, вовлекъ Италію въ качествѣ участницы въ смѣнившій прежній союзъ трехъ императоровъ тройственный союзъ, составленный изъ Германіи, Италіи и Австріи, той самой Австріи, которую германскій канцлеръ считалъ нѣкогда опасною для Италіи и собирался направить на славянскія земли, долженствовавшія и въ этомъ случаѣ платить за чужіе разбитые горшки.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на оффиціально существовавшій союзъ, отношенія между Италіей и Австро-Венгріей никогда не могли принять отпечатка истинной дружбы или сердечности. Съ самого времени образованія итальянскаго королевства между обоими государствами создался постоянный объектъ тренія—это австрійская область, выходящая къ Адріатическому морю, населенная итальянскимъ элементомъ и составляющая такъ называемую неискупленную Италію, Italia irredenta. Въ Трентино всегда тлѣла національная вражда и политическіе хозяева постоянно, хотя и тщетно, стремились, мѣрами административными и законодательными, ослабить хозяевъ территоріальныхъ. Всѣмъ памятны кровавыя столкновенія обѣихъ народностей въ Тріестѣ, Тріентѣ и др. городахъ, ознаменовавшія въ 1903 году разрѣшеніе университетскаго вопроса.

Антиавстрійское движеніе въ Италіи приняло тогда очень широкіе размѣры. Во многихъ городахъ Италіи передъ зданіями австро-венгерскихъ консульствъ происходили враждебныя манифестаціи. Толпы манифестантовъ сжигали австрійскіе флаги и гербы. Изъ Сѣверной Италіи движеніе распространилось на югъ и въ Неаполѣ студенты мѣстнаго университета въ сопровожденіи массы народа направились къ австрійскому генеральному консульству и пропѣли передъ нимъ гимнъ: „Да здравствуетъ Тріентъ и Тріестъ!"

Digitized by Google

Такое обостреніе борьбы Италіи къ Австріи произошло благодаря тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ подверглись итальянцы въ Иннсбрукѣ. Итальянское населеніе областей южной Австріи давно уже хлопотало объ открытіи въ Тріестѣ или въ Тріентѣ итальянскаго университета. Но подобныя стремленія не встрѣчали сочувствія въ Вѣнѣ; подъ конецъ, австрійское правительство рѣшило сдѣлать уступку итальянскому элементу своего государства путемъ учрежденія при Иннсбрукскомъ университетѣ итальянскихъ курсовъ. Эта уступка была встрѣчена весьма недоброжелательно нѣмецкими студентами Иннсбрука, которые при открытіи лекцій итальянскаго профессора Лоренцони произвели нападеніе на его слушателей. Къ враждебнымъ дѣйствіямъ студентовъ противъ итальянцевъ присоединились и жители Иннсбрука.

Эти факты вызвали всеобщій взрывъ негодованія въ Италіи. Оказалось, что идея отторженія отъ Австріи областей, принадлежавшихъ ранѣе Италіи, еще господствуетъ въ умахъ итальянцевъ. Идея эта, правда, дотолѣ открыто не высказывалась и даже наиболѣе пылкіе патріоты говорили о необходимости поддержать итальянскій элементъ въ Австріи, безъ всякой мысли о возвращеніи провинцій къ югу отъ Альпъ, съ помощью оружія, а предположеніе о войнѣ Италіи съ Австро-Венгріею, состоящихъ къ тому-же въ союзныхъ отношеніяхъ, не могло не казаться безразсуднымъ. Однако, послѣ иннсбрукскихъ происшествій, страсти такъ разыгрались, что въ Италіи стали раздаваться голоса, требующіе объявленія войны Австріи. На эту тему произнесъ тогда пламенную рѣчь одинъ изъ профессоровъ университета въ Павіи, и вызвалъ восторженныя демонстраціи со стороны слушателей. Наэлектризованная его словами толпа произвела торжественное сожженіе австрійскаго флага и требовала, чтобы австрійцы были изгнаны за Альпы.

Въ австрійскихъ предѣлахъ, конечно, эти событія не могли не вызвать отголоска среди итальянскаго населенія, которое также стало волноваться и было сдержано лишь сильною рукою правительства. Подобное настроеніе уже тогда заслуживало особого вниманія, давая наилучшее доказательство слабости узъ, соединяющихъ Италію и Австро-Венгрію, а также указывая, въ какую ненадежную политическую комбинацію уже тогда превратился тройственный союзъ, для прочности котораго, очевидно, надо было бы послѣдовать рецепту, прописанному Бисмаркомъ, въ вышеприведенномъ письмѣ къ Мадзини, и требовавшему, чтобы прежде всего итальянскія области не были въ чужихъ рукахъ.

Digitized by Google

Объ остромъ возбужденіи итальянцевъ противъ союзной Австріи свидѣтельствовали не только уличныя демонстраціи: въ политическихъ сферахъ точно также не стѣснялись выражать полное недовѣріе къ союзной націи; послѣ иннсбрукскихъ безчинствъ запросы въ палатѣ, болѣе или менѣе имѣвшіе отношеніе къ Австріи, сдѣлались чуть не ежедневными, и правительству пришлось употребить чрезвычайныя усилія, чтобы сохранить корректное положеніе относительно Австріи. Многіе уже тогда находили, что, съ политической точки зрѣнія, существующая система союзовъ Италіи не отвѣчаетъ, въ виду ея прогресса и стремленій, ея требованіямъ, вслѣдствіе чего она неизбѣжно вынуждена будетъ измѣнить эту систему и искать въ другомъ мѣстѣ поддержки, какая ей необходима.

Видные итальянскіе дѣятели высказывали, что „наслѣдство, оставленное Петромъ Великимъ на Балканскомъ полуостровѣ, узы, соединяющія черногорскій домъ съ Россіей и Италіей, новыя условія Европы со времени берлинскаго трактата—все это способствуетъ союзу Россіи съ Италіей“.

Неуспѣхъ попытокъ завязать болѣе тѣсныя торговыя сношенія Россіи съ Италіей, и въ особенности новое подтвержденіе австро-русскаго соглашенія въ Мюрцштегѣ не замедлили разрушить благопріятный психологическій моментъ, когда можно было надѣяться на осуществленіе проекта латинскаго союза подъ эгидой Россіи.

По этому поводу слѣдуетъ упомянуть о недавно вышедшей интересной книгѣ Пеллегрини, занимавшаго видный постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, во времена Канарделли. Книга называется „Verso la guerra“ („На пути къ войнѣ“) и посвящена обсужденію австро-итальянскихъ отношеній.

Пеллегрини является убѣжденнѣйшимъ противникомъ Австріи, и какъ начинаетъ, такъ и кончаетъ свою книгу положеніемъ, ставшимъ для него аксіомой: „Австрія является такимъ же оффиціальнымъ врагомъ Италіи, какъ оффиціально она союзница Италіи“.

Съ цѣлью изученія австро-итальянскихъ отношеній на мѣстѣ ихъ главныхъ современныхъ столкновеній, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ, Пеллегрини предпринялъ путешествіе по этому полуострову, и выводъ его изъ поѣздки тотъ, что интересы союзниковъ діаметрально противоположны.

Вообще Пеллегрини—врагъ тройственнаго союза, находя, что, какъ прежде, такъ подавно и теперь, онъ не имѣетъ

Digitized by Google

raison d'être. Онъ утверждаетъ, что Италія въ тройственномъ союзѣ играла роль прислужницы, союзники же сплошь и рядомъ выѣзжали на ней, ничего взамѣнъ ей не давая. Отъ Австріи Италія ничего не видѣла, кромѣ уколовъ своему самолюбію, крупныхъ и мелкихъ, не говоря уже о притѣсненіяхъ австрійцами итальянцевъ въ Тріестѣ, Тріентѣ и пр. Такому положенію Италіи не мало способствовала ея внѣшняя слабость, ея политика отъ соглашенія по тунисскимъ дѣламъ вплоть до несчастной войны въ Абиссиніи. Постепенно, однако, Италія поняла свои ошибки и постаралась ихъ исправить, чему способствовала и женитьба короля Виктора-Эммануила на княжнѣ черногорской, воспитанной въ Россіи. Пеллегрини—противникъ тройственнаго союза и Австріи въ особенности. Онъ, между прочимъ, твердо убѣжденъ въ тайномъ соглашеніи Австріи съ Греціей на Балканскомъ полуостровѣ и видитъ въ этомъ двойную игру союзницы, въ ущербъ итальянцамъ. Онъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ и лицамъ, находящимся во главѣ управленія Италіей, постараться завязать болѣе интимную дружбу съ Россіей, единственной, по его мнѣнію, страной, интересы которой нисколько не противорѣчатъ, а даже, напротивъ, отвѣчаютъ интересамъ его родины на Балканскомъ полуостровѣ, заселенномъ расами славянской и латинской, всегда симпатизировавшими одна другой. Если между Италіей и Россіей еще нѣтъ интимной дружбы, то въ этомъ Пеллегрини видитъ австрійское вліяніе. Кому, какъ не Австріи, выгодно было помѣшать пріѣзду Государя Императора осенью 1903 года въ Римъ? Для этого, по его словамъ. она пустилась во всевозможныя интриги. На страницахъ ея печати пошли нескончаемые толки о полнѣйшей невозможности для итальянской полиціи, охранить особу русскаго монарха во время пребыванія его въ Римѣ. Австрійская печать страшно раздула исторію съ еврейско-русскимъ революціонеромъ Герцомъ, чѣмъ и вызвала, расчитанный на скандалъ, запросъ въ итальянской палатѣ, повлекшій за собою паденіе министерства. Такимъ образомъ, австрійское вліяніе одержало верхъ. Помѣшавъ отвѣтному визиту, ставшему ей поперекъ горла, Австрія рѣшила, что мюрцштегскимъ соглашеніемъ она поставила прочную стѣну между Италіей и Россіей.

Пеллегрини не теряетъ надежды на паденіе этой стѣны. Онъ надѣется, что въ скоромъ времени и русское общество, и русское правительство замѣтятъ ошибку, въ которую ихъ вовлекла Австрія совмѣстно съ Германіей, тѣмъ болѣе, что

Digitized by Google

„душа славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова послѣ австро-русскаго соглашенія не лежитъ уже къ своей старшей сестрѣ". Взамѣнъ тройственнаго союза, окончательно утратившаго смыслъ, Пеллегрини мечтаетъ о соглашеніи Италіи, Франціи, Россіи и Англіи. Въ этомъ соглашеніи четырехъ державъ и заключается, по мнѣнію автора, дѣйствительно прочный залогъ мира въ Европѣ.

II.

За послѣдніе два года международное положеніе Италіи подверглось радикальному измѣненію: она перестала ходить на помочахъ прочихъ участницъ тройственнаго союза и стала вести самостоятельную политику. Одновременныя соглашенія ея съ Франціей и съ Англіей обезпечиваютъ ея положеніе на Средиземномъ морѣ и позволяютъ ей сосредоточить свое вниманіе на своихъ интересахъ въ Адріатическомъ морѣ, гдѣ она нашла себѣ весьма удобную базу въ Черногоріи.

Энергично подвинутое впередъ развитіе итальянскаго флота сдѣлало его уже теперь вдвое сильнѣйшимъ австро-венгерскаго, и, благодаря сближенію Квиринальскаго кабинета съ Парижскимъ и С.-Джемскимъ, весь флотъ Италіи можетъ быть употребленъ въ Адріатикѣ. Невозможность бороться на морѣ признана самими австро-венгерскими морскими властями, недавно рѣшившими оставить главную стоянку своего флота въ Полѣ, какъ доступную нападенію превосходной въ силахъ эскадры, и перевести всѣ суда, равно какъ и верфи и доки въ Себенико, гдѣ глубокая, лежащая за городомъ бухта даетъ имъ безопасное убѣжище.

На сушѣ Габсбургская монархія сохраняетъ прежнее превосходство, но итальянцы расчитываютъ парализовать вторженіе австро-венгерской арміи диверсіей съ юго-востока. Корпусъ итальянцевъ высадится въ южной Далмаціи, соединится съ союзной черногорской арміей и съ помощью возстанія, одновременно поднятаго въ Герцеговинѣ и Босніи, овладѣетъ всею Далмаціей, оба элемента населенія которой—горожане—итальянцы и сельскіе жители—славяне, встрѣтятъ итало-славянскія войска, какъ освободителей. При движеніи послѣднихъ къ сѣверу въ ихъ руки легко попадетъ весь австро-венгерскій флотъ, запертый въ Себенико. Если же къ тому времени Венгрія разорветъ связь съ Австріей, то ничто не помѣшаетъ арміи итало-славянъ двинуться прямо на Вѣну.

Digitized by Google

Конечно, проекты эти—отголоски мнѣній отдѣльныхъ личностей и круговъ, но нельзя отрицать, что за послѣднее время движеніе въ пользу сближенія съ славянами широко уже развито въ Италіи и руководители его стремятся сблизить славянъ и съ румынами, ставшими въ открыто враждебныя отношенія съ греками,—и распространить вообще идею сближенія латинскихъ и славянскихъ народовъ между собою для отпора пангерманизму.

Безпорядки, обливающіе христіанскою кровью Македонію точно также послужили поводомъ для итальянской печати снова обсудить „адріатическій вопросъ“ въ связи съ ролью Италіи на Балканскомъ полуостровѣ и придти къ заключенію о выгодахъ итало-славянскаго союза. Аргументація автора одной изъ статей, помѣщенныхъ въ вліятельномъ „Secolo“, историка Ферреро построена на томъ, что населяющія Балканскій полуостровъ славянскія народности переживаютъ процессъ перехода отъ патріархальныхъ обычаевъ къ европейской культурѣ и цивилизаціи. Въ такомъ фазисѣ развитія всякій народъ нуждается въ помощи и содѣйствіи со стороны старшихъ культурныхъ націй, а послѣднія тоже извлекаютъ изъ того свою пользу, наводняя рынки этихъ странъ продуктами своей болѣе развитой промышленности, произведеніями своихъ болѣе зрѣлыхъ искусствъ и науки, своими техниками, инженерами и другими спеціалистами. Кто же можетъ оказать славянскимъ народамъ Балканскаго полуострова подобное широкое содѣйствіе? „Очевидно Австрія или Италія... Австрію народы эти ненавидятъ *не меньше*, нежели Турцію. Движимые отвращеніемъ къ интригующей австрійской политикѣ, славяне охотно пойдутъ на сближеніе съ естественными врагами нѣмцевъ, съ итальянцами... Одно несомнѣнно: Адріатическое море есть море итало-славянское, такъ какъ его побережья заселены представителями той и другой народности, нѣмцы же—непрошенные пришельцы, вторгшіеся благодаря организаторской ловкости, настойчивости и терпѣнію, а подчасъ насилію и деморализаціи“. Всѣ эти соображенія приводятъ автора къ убѣжденію, что „итало-славянскій союзъ съ цѣлью отнять у нѣмцевъ господство на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ самымъ закрыть для нихъ путь къ Адріатическому морю не заключаетъ въ себѣ ничего фантастическаго. Самостоятельно, ни итальянцы, ни славяне не въ состояніи оказать должнаго сопротивленія нѣмцамъ, поддерживаемымъ Австріею, за спиной которой стоитъ сильная Германія и въ чьихъ интересахъ работаетъ такъ же Венгрія, гдѣ мадьярская олигархія, несмотря

Digitized by Google

на всѣ торжественныя увѣренія, является все же орудіемъ въ рукахъ нѣмцевъ для подавленія мелкихъ славянскихъ народностей. Почему бы итальянцамъ и славянамъ не объединиться?"

Всѣ подобные толки и разсужденія являются, безъ сомнѣнія, знаменіемъ времени, доказывающимъ, какъ износилась подкладка горделиваго бисмарковскаго творенія и какъ мало находятъ въ немъ удовлетворенія народныя чувства двухъ изъ участниковъ тройственнаго союза, нынѣшнія отношенія которыхъ стали отмѣчены явнымъ недовѣріемъ и взаимной подозрительностью. Прислушиваясь къ народному голосу и правительства Австро-Венгріи принимаютъ рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ.

Римская газета „Momento" указала на чрезвычайныя вооруженія Австро-Венгріи на итальянской границѣ. Вся тріестская область и весь Нижній Тироль обратились въ огромный укрѣпленный лагерь, врѣзывающійся въ Италію клиномъ между Миланомъ и Венеціей. Повсюду австрійцами возводятся новыя крѣпости и старая крѣпостная артиллерія замѣняется новою. Около Фріуля вся мѣстность перерѣзана вновь проложенными стратегическими дорогами. Гарнизоны вблизи границы усилены, сформированы новые артиллерійскіе парки и военное управленіе подверглось реорганизаціи.

Параллельно съ усиленіемъ сухопутной границы, однѣ стратегическія желѣзныя дороги которой обошлись ей за послѣдніе годы около 40 милліоновъ, Австро-Венгрія приступила къ укрѣпленію своей адріатической береговой полосы. Она укрѣпила Каттаро, а противъ Анконы, какъ это уже упомянуто выше, образуетъ въ бухтѣ Себенико новую сильную базу и съ цѣлью уравновѣсить свои морскія силы съ итальянскими, дополняетъ адріатическую эскадру резервнымъ отрядомъ.

Италія, въ своею очередь, стянула 6-й армейскій корпусъ въ направленіи Удине-Монфальконе и усилила всѣ пограничные гарнизоны.

По этому поводу германскій журналъ „Der Deutsche" писалъ: „Tout change et tout passe. Сегодняшній другъ завтра можетъ стать врагомъ. Въ особенности это часто бываетъ въ политикѣ. Скрытая враждебность между двумя сосѣдними и союзными странами—между Италіей и Австрією, которыя никогда и не были искренними и сердечными друзьями, вызвана четырьмя причинами. Усилія Австріи для улучшенія своего стратегическаго и тактическаго положенія, какъ на сухопутныхъ границахъ, такъ и въ Адріатическомъ морѣ, не

Digitized by Google

менѣе раздражили Италію, какъ и успѣшная конкурренція австрійскихъ навигаціонныхъ линій. Отсутствіе серьезныхъ, прочныхъ базъ для итальянскаго флота въ Адріатическомъ морѣ и, вслѣдствіе этого, превосходство австрійскаго флота, располагающаго на адріатическомъ побережьи такими портами, какъ Пола и Каттаро, являются третьей причиной раздраженія Италіи, а эта послѣдняя своей ирредентистской политикой вызываетъ недовѣріе и недовольство въ Вѣнѣ.

„Австрійскія военныя газеты тоже еще болѣе подливаютъ масла въ огонь, открыто проповѣдуя, какъ напр. „Dantzer's Armee Zeitung", необходимость для выполненія балканскихъ плановъ Австріи — раздавить Италію, причемъ газета доказываетъ, что на сторонѣ Австріи неизбѣжно будетъ полный успѣхъ въ этой кампаніи. Все это ухудшаетъ и безъ того шаткое положеніе тройственнаго союза. Черезъ два года исполнится двадцать пять лѣтъ его существованія, но врядъ ли можно будетъ шумно отпраздновать эту годовщину, а не провести ее въ грустномъ молчаніи, даже если бы союзъ былъ возобновленъ".

III.

Если можно сказать, что многіе факты уже издавна удостовѣряли скрытую враждебность между Италіей и Австріей то такое же чувство Италіи къ третьей участницѣ тройственнаго союза—Германіи проявилось лишь въ нынѣшнемъ году, по случаю алжезирасской конференціи, исходъ перваго голосованія которой изумилъ всѣхъ. Германію поддержали лишь Австрія и Марокко, благопріятное же для Франціи предложеніе Англіи было поддержано Россіей, Испаніей и Италіей. Такимъ образомъ, впервые тройственный союзъ оказался раздѣленнымъ.

Какъ извѣстно, тройственный союзъ не гарантируетъ Италіи ея притязаній на африканскомъ побережьи. Когда подписывался первый текстъ союза, Манчини тщетно добивался того, чтобы гарантія взаимныхъ интересовъ была распространена на Средиземное море и окружающія его территоріи. Такое же фіаско постигло итальянскихъ дипломатовъ и въ 1887 году, при первомъ возобновленіи союза. Тогда въ девяностыхъ годахъ Италія стала искать сближенія сначала съ Англіей, а потомъ и съ Франціей. Оба эти государства обязались сохранять status quo въ предѣлахъ африканскаго по-

Digitized by Google

бережья. Соглашенія эти были сообщены Германіи въ моментъ послѣдняго возобновленія тройственнаго союза и 8 января 1902 года германскій канцлеръ принужденъ былъ оффиціально заявить, что франко-итальянское соглашеніе не противорѣчитъ тройственному союзу, такъ какъ оно имѣетъ своимъ предметомъ совсѣмъ иныя области.

Когда на алжезирасской конференціи Германія и Австрія выработали проектъ распредѣленія мароккскихъ портовъ, согласно которому семь изъ нихъ отходили къ Франціи и Испаніи, а восьмой ставился подъ совмѣстное покровительство всѣхъ державъ, представленныхъ на конференціи, итальянскій уполномоченный, маркизъ Висконти-Веноста отказался присоединить свою подпись къ подписямъ двухъ союзницъ. Онъ сослался на существующія между Италіей и Франціей сепаратныя соглашенія, не дозволяющія первой поддерживать какое бы то ни было начинаніе, направленное къ тому, чтобы уменьшить права Франціи на мароккскую территорію. Въ этомъ заявленіи германскія газеты усмотрѣли явную измѣну идеѣ тройственнаго союза и начали ожесточенную полемику противъ Италіи. Французскія же и итальянскія газеты съ неменьшимъ жаромъ стали доказывать, на основаніи предъидущихъ историческихъ фактовъ, полную корректность Италіи въ Алжезирасѣ, такъ какъ Италія не виновата въ томъ, что Германія, до самаго послѣдняго времени считавшая Средиземное море стоящимъ внѣ ея спеціальныхъ интересовъ и сама противодѣйствовавшая предложенію включить его въ область дѣйствія союза, теперь такъ круто повернула фронтъ. Будучи освѣдомлена объ обязательствахъ, связывающихъ Италію съ Франціей, она не могла и не должна была расчитывать на поддержку союзницы въ совершенно чуждомъ союзу вопросѣ.

Вся итальянская печать начала относиться къ Германіи недружелюбно, а иногда прямо враждебно. Такъ, римская газета „Vita“ обсуждая образъ дѣйствій Германіи въ Алжезирасѣ, говорила: „Каковы бы ни были результаты конференціи, во всякомъ случаѣ она обнаружила потребности, стремленія и честолюбивые замыслы Германіи. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что необходимость заставляетъ Германію искать расширенія за предѣлами ея границъ, которыя становятся слишкомъ тѣсными для ея экономическаго развитія и все увеличивающагося населенія. Франція, Великобританія и Соединенные Штаты замѣтили германскую опасность, которая вчера проявилась въ Китаѣ, сегодня проявляется въ Марокко,

Digitized by Google

а завтра дастъ себя чувствовать въ Триполи, въ ущербъ стремленіямъ Италіи. Германія, прежде всего, набрасывается на наименѣе могущественныя націи. Нападеніе ея на Францію въ Марокко есть только прелюдія къ другимъ столкновеніямъ. Великобританія оказываетъ поддержку Франціи, въ надеждѣ остановить побѣдоносное шествіе германцевъ въ борьбѣ, въ которой Англіи придется, можетъ быть, не одной сразиться съ Германіей".

Дѣйствительно, стремленіе Германіи утвердиться на сѣверѣ Африки является прямою угрозою для одного изъ самыхъ чувствительныхъ пунктовъ итальянской внѣшней политики—для Триполи.

Газета „Voce della Verita" опубликовала рядъ сенсаціонныхъ разоблаченій, имѣющихъ цѣлью доказать наличность планомѣрной и весьма обширной нѣмецкой пропаганды въ этомъ излюбленномъ итальянцами пунктѣ сѣверо-африканскаго побережья: руководительство всей кампаніи принадлежитъ будто бы нѣкому Оппенгейму, живущему въ Каирѣ; предполагается устроить линія безпроволочнаго телеграфа Константинополь—Родосъ—Триполи, съ согласія султана, нѣмецкая торговая экспедиція и т. д. „Evening Standard" дополнилъ это извѣстіе сообщеніемъ, что экспедиція эта будетъ имѣть весьма важный политическій и научный характеръ: она должна будетъ проѣхать черезъ всю страну и попытаться проникнуть черезъ пустыню до озера Чадъ.

Отправленіе германской миссіи въ Триполи, подъ предлогомъ научныхъ изысканій, вызвало сильное негодованіе въ итальянской печати и недовѣріе въ итальянскихъ политическихъ кружкахъ. Въ отправкѣ этой экспедиціи итальянцы усмотрѣли попытку германской дипломатіи запугать Италію. По ихъ мнѣнію, это ни болѣе, ни менѣе, какъ открытая угроза, предназначенная для того, чтобы дать понять Италіи, что въ случаѣ выхода ея изъ тройственнаго союза, она встрѣтится на своемъ пути съ Германіею, которая будетъ препятствовать достиженію ея законнѣйшихъ плановъ относительно Триполи.

Происходившій въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года разговоръ одного изъ вліятельныхъ въ Римѣ итальянскихъ политическихъ дѣятелей съ корреспондентомъ „Новаго Времени" [1]) даетъ понятіе о томъ, какъ постепенно накипало у Италіи

---

1) «Новое Время» 1 апрѣля 1906 г.

Digitized by Google

чувство раздраженія противъ Германіи: „Германскій императоръ никогда не соглашался предоставить намъ малѣйшую свободу дѣйствій. Онъ всѣми мѣрами противодѣйствовалъ нашему сближенію съ Франціей и въ то-же самое время не желалъ дать намъ никакихъ гарантій для охраны нашихъ интересовъ въ Сѣверной Африкѣ. Онъ приглашалъ насъ оказать содѣйствіе германскимъ интересамъ въ Марокко и отказывалъ въ поддержкѣ нашихъ интересовъ въ Триполи. Онъ требовалъ отъ насъ строгаго соблюденія лояльности по отношенію къ союзникамъ, а самъ не хотѣлъ сдѣлать малѣйшаго шага въ пользу итальянцевъ, живущихъ въ Австріи. Онъ налагалъ на насъ обязательства по отношенію къ Австро-Венгріи, отъ Австріи же онъ никогда не требовалъ лояльнаго отношенія къ Италіи. Въ тройственномъ союзѣ Германія и Австрія всегда были вдвоемъ противъ Италіи и злоупотребляли своей силой и перевѣсомъ надъ нами, чтобы навязать намъ свою волю. Всякій разъ, когда въ томъ или иномъ политическомъ вопросѣ возникали сомнѣнія о будущемъ образѣ дѣйствій, являлся германскій императоръ и, какъ всевластный распорядитель политическихъ судебъ, давалъ намъ приказанія или осыпалъ насъ упреками. Все это подрывало престижъ нашего правительства и въ концѣ концовъ вызвало всеобщее раздраженіе противъ назойливаго вторженія императора въ наши дѣла.

„Когда Висконти-Веноста отправлялся въ Алжезирасъ, ему была дана короткая и ясная инструкція. „Попытаться примирить требованія Германіи съ притязаніями Франціи, не жертвуя интересами одной стороны въ пользу другой“... На первомъ же засѣданія конференціи Висконти-Веноста убѣдился, что роль его очень нелегка. Какъ только онъ попробовалъ высказаться въ пользу Франціи, берлинскій кабинетъ началъ бомбардировать Римъ депешами, похожими на приказанія германскіе офиціозы начали громко кричать противъ поведенія Италіи, обвиняя ее въ отсутствіи лояльности къ своему союзнику. Одновременно съ этимъ Австро-Венгрія предложила свой проектъ, принятіе котораго дало бы ей моральную побѣду надъ Италіей и парализовало бы всѣ усилія Веносты. Франція не могла принять этотъ проектъ во всемъ объемѣ и Италія была одного мнѣнія съ ней. Такимъ образомъ вскрылось внутреннее противорѣчіе тройственнаго союза. Германская печать продолжала обвинять насъ, утверждая, будто мы обманули Германію, на самомъ дѣлѣ Германія пыталась провести насъ. Она бросила новое яблоко раздора между нами

Digitized by Google

и Австріей. Теперь пунктомъ раздора и несогласій является не только вопросъ объ Албаніи, но вообще вся международная политика. Что же касается до возможныхъ послѣдствій, то газета „Leipziger Tageblatt“ напечатала: „Австрія проявила себя истиннымъ другомъ Германіи; если Италія окажется въ числѣ нашихъ враговъ, убытки придется платить не намъ“. Конечно, это пустыя слова. Если Италія вступитъ въ союзъ съ Франціей и Англіей, тогда она не будетъ нуждаться ни въ Австріи, ни въ Германіи“.

IV.

По окончаніи работъ алжезирасской конференціи, результаты которой, въ особенности въ смыслѣ создавшейся новой группировки державъ, далеко не могли удовлетворить Германіи, императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ графу Голуховскому: „Примите мою искреннюю признательность за непоколебимую поддержку, оказанную германскимъ представителямъ. Это славный поступокъ вѣрнаго союзника. Вы показали себя блестящимъ секундантомъ на полѣ поединка и можете расчитывать, въ случаѣ надобности, на подобную же услугу съ моей стороны“.

Телеграмма эта встрѣтила суровую оцѣнку со стороны печати почти всего міра, увидѣвшей въ ней несдержанную вспышку гнѣва, а американская газета „New York Times“ охарактеризовала ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Эта телеграмма была оскорбительна для Франціи и весьма мало лестна для Австро-Венгріи. Она въ то-же время явилась обидой для Италіи и циническимъ признаніемъ отсутствія искренности въ мирныхъ заявленіяхъ императора, которыя дѣлались въ Алжезирасѣ“..

Особенно сильное раздраженіе было вызвано въ Италіи, гдѣ считали, что телеграмма императора обозначаетъ конецъ тройственнаго союза, тѣмъ болѣе, что изъ цивилизованныхъ государствъ цѣлаго міра одна Германія не выразила прискорбія и соболѣзнованія пострадавшимъ отъ происшедшаго тогда изверженія Везувія. Сильное неудовольствіе высказывалось и въ Соединенныхъ Штатахъ: тамошняя печать протестовала противъ инсинуаціи, будто другія нейтральныя державы, кромѣ Австріи, не выполнили обязанностей добрыхъ секундантовъ. Неудовольствіе проявлялось даже въ Австріи, гдѣ телеграмма Вильгельма II только увеличила число против-

Digitized by Google

никовъ графа Голуховскаго, обвиняемаго въ чрезмѣрной услужливости Германіи.

Возникшая по этому поводу газетная полемика между нѣмецкими и итальянскими публицистами побудила сенатора де Мартино обратиться въ засѣданіи сената 11/24 апрѣля къ министру иностранныхъ дѣлъ, Гуиччардини съ категорическимъ запросомъ относительно того, въ какой степени вѣрны сообщаемые въ печати слухи о предстоящемъ распаденіи тройственнаго союза. „Я полагаю,—сказалъ де Мартино,—что для Италіи не можетъ быть сомнѣнія въ необходимости оставаться вѣрной тройственному союзу и это по тремъ основаніямъ: первое потому, что Италія, отказавшись отъ союза, могла бы нанести вредъ общему миру въ Европѣ, второе потому, что Италіи необходимо поддерживать status quo на Балканскомъ полуостровѣ, и третье потому, что Германія, быть можетъ, единственная европейская держава, съ которой у Италіи никогда не было прямого столкновенія интересовъ".

Въ виду всего этого, де Мартино полагаетъ, что тройственный союзъ долженъ остаться неизмѣннымъ и непоколебимымъ основаніемъ иностранной политики Италіи. Поэтому, онъ просилъ въ своей интерпелляціи точныхъ указаній относительно того, насколько поведеніе итальянскаго уполномоченнаго въ Алжезирасѣ соотвѣтствовало или не соотвѣтствовало духу тѣхъ соглашеній, которыя соединяютъ Италію съ остальными европейскими державами.

Если относительно двухъ первыхъ основаній, выставляемыхъ де Мартино, можно допустить, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, что они не лишены справедливости, то по поводу третьяго нельзя не замѣтить, что де Мартино забываетъ, вѣроятно, что въ экономической области нѣмцы захватили въ свои руки почти всѣ торговыя предпріятія сѣверной Италіи и что быстро развивающаяся промышленность Германіи съ каждымъ днемъ создаетъ сильную конкурренцію самой Италіи на заграничныхъ и въ особенности на африканскихъ рынкахъ. Онъ забываетъ, что на Балканскомъ полуостровѣ и въ Адріатикѣ Италіи мѣшаетъ не Австрія, а пангерманизмъ. Въ Тріестѣ—нѣмцы тѣснятъ итальянскій элементъ: Боснія и Герцеговина наводнены нѣмцами въ ущербъ славянамъ и когда эта работа германизаціи будетъ выполнена, Далмація и все побережье Адріатики попадутъ въ нѣмецкую пасть. Ничто иное, какъ пангерманизмъ, толкаетъ Австро - Венгрію къ Новому Базару и онъ же захватитъ въ свои цѣпкія руки Албанію подъ самымъ носомъ итальянцевъ.

Digitized by Google

Сущность заявленій Гуиччардини сводится къ тому, что не отрицая и не уменьшая значенія тройственнаго союза, какъ важнаго фактора европейскаго мира, онъ подчеркнулъ значеніе итало-французскаго и итало-англійскаго спеціальныхъ соглашеній въ такой категорической формѣ, которая рѣдко употребляется въ официальныхъ рѣчахъ: „Искренне вѣрные тройственному союзу, мы сохранимъ традиціонную близость съ Англіей и сердечную дружбу съ Франціей, дабы этимъ путемъ сохранить значеніе умиротворяющей и связующей державы".

Несмотря на эти официальныя завѣренія, общественное мнѣніе Европы не могло отдѣлаться отъ мысли, что, благодаря фактическому ослабленію связи съ Италіей, тройственный союзъ склоняется къ закату, что для него настали уже сумерки, когда всѣ предметы теряютъ рѣзкую опредѣленность очертаній. Поводомъ къ новымъ коментаріямъ по тому же вопросу послужило посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Вѣны.

По словамъ „Globe", „все съ несомнѣнностью доказываетъ, что визитъ императора германскаго вызванъ опасеніемъ за результаты англо-русскаго соглашенія и желаніемъ повліять на холодность венгерцевъ къ тройственному союзу.....Склонившись за послѣднее время передъ силою вещей, Германія измѣнила своей агресивной политикѣ и устремила свои усилія на закрѣпленіе узъ съ Австро-Венгріей. Поспѣшный визитъ Вильгельма II Векерле, указываетъ на то, что главная основа взаимнаго довѣрія лежитъ въ лояльности Франца-Іосифа, съ уходомъ котораго съ политической сцены сближеніе съ Венгріей, давшей уже доказательства своей „независимости", можетъ оказаться крайне полезнымъ. Италія, въ виду балканскаго вопроса, представляется еще менѣе надежной союзницей".

Подъ вліяніемъ сложившагося убѣжденія въ сомнительной надежности Италіи, императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ попытку личнаго воздѣйствія и, по его иниціативѣ, была послана итальянскому королю за подписью императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа слѣдующая телеграмма: „При нашей встрѣчѣ шлемъ нашему третьему вѣрному союзнику выраженіе нашей неизмѣнной дружбы". Король Викторъ-Эммануилъ отвѣтилъ телеграммой, адресованной императору Францу-Іосифу: „Раздѣляю радость вашего величества и императора германскаго по поводу вашей встрѣчи. Прошу моихъ двухъ союзниковъ принять мою благодарность за любезное привѣтствіе и увѣренность въ моей вѣрной, неизмѣнной дружбѣ".

Digitized by Google

Обмѣнъ этихъ телеграммъ вызвалъ немалый шумъ во всей Европѣ. Въ итальянской печати мнѣнія раздѣлились: одни находили, что тройственный союзъ продолжаетъ существовать, другіе восхваляли императора Вильгельма за его попытку изгладить дурное впечатлѣніе отъ его телеграммы о „секундантѣ", наконецъ, третьи подчеркивали дипломатическое искусство отвѣта короля Виктора-Эммануила (который ограничился вѣжливымъ поздравленіемъ *двухъ* союзниковъ) и подтверждали свое отвращеніе къ тройственному союзу.

Среди итальянскаго народа толеграмма короля встрѣтила полное одобреніе. Всѣ нашли, что онъ отвѣтилъ съ большимъ искусствомъ, сохранивъ за собой полную свободу и въ то же время отдавъ долгъ вѣжливости двумъ императорамъ, приносившимъ ему поздравленія.

Въ Европѣ занялись, главнымъ образомъ, попыткою разъяснить вопросъ — посылалъ ли король Викторъ-Эммануилъ привѣтъ *своимъ* союзникамъ или просто *обоимъ* союзникамъ.

Исключительное значеніе, приданное западною печатью этой, казалось бы, мелочи, свидѣтельствуетъ, что прочность тройственнаго союза не важна, если нуждается въ такихъ формальныхъ доказательствахъ и византійскихъ тонкостяхъ. Насколько германская печать отнеслась серьезно къ этому вопросу, видно изъ того, что вслѣдствіе весьма добросовѣстной, хотя и безрезультатной провѣрки сомнительнаго текста, телеграмма эта появилась въ берлинскихъ газетахъ на двѣнадцать часовъ позднѣе, чѣмъ въ остальныхъ газетахъ Европы, а оффиціальный ея текстъ не появлялся и доселѣ.

Какъ „Vossische Zeitung", такъ и другія газеты очень сдержанно обсуждали отвѣтъ короля Италіи, находя, что тройственный союзъ потерялъ нынѣ свое прежнее значеніе и что союзничество Италіи приняло вообще проблематическій характеръ. „Hamburger Nachrichten" высказывались даже въ томъ смыслѣ, что императору Вильгельму лучше было бы не предпринимать поѣздки въ Вѣну, что отпаденіе Италіи отъ тройственнаго союза является только вопросомъ времени, и что отвѣтъ итальянскаго короля представляетъ уже теперь отреченіе отъ союза съ обѣими имперіями.

Сопоставляя всѣ эти статьи съ отзывами печати остальныхъ странъ, можно заключить, что, судя по главной звучащей въ нихъ нотѣ, императору Вильгельму, по иниціативѣ котораго, какъ сказано выше, была послана упомянутая телеграмма, не удалось устранить существующій между Италіей и Германіей разладъ.

Digitized by Google

IV.

Заявленіе итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ сенатѣ о вѣрности Италіи тройственному союзу не положили все же конца обсужденію въ европейской печати отношеній, существующихъ въ данный моментъ между различными членами этого союза, и указаніемъ на критическое положеніе, имъ переживаемое, тѣмъ болѣе, что печать итальянская не скрывала, что тройственный союзъ былъ Италіею возобновленъ только для того, чтобы обезопасить себя со стороны Германіи и Австріи, а что нынѣ союзъ этотъ значится лишь на бумагѣ и ни къ чему ихъ не обязываетъ.

Вліятельная лондонская газета „Globe“ замѣтила, что „послѣднее свиданіе императора Вильгельма съ Францемъ-Іосифомъ въ Вѣнѣ—событіе громадной важности въ политикѣ центральной Европы. Однако, ближайшіе результаты свиданія показали, что тройственный союзъ не можетъ заставить Италію подчиниться той политикѣ, которую онъ считаетъ враждебной своимъ интересамъ. Съ другой стороны, что касается Австріи, то поддержка Италіи будетъ имѣть для нея цѣну только какъ нѣкоторая задержка процесса распаденія Австро-венгерской имперіи. Со всѣхъ точекъ зрѣнія можно считать тройственный союзъ силой, уже переставшей существовать: она принадлежитъ только прошлому!“ По мнѣнію той же газеты, обезпечить миръ въ Европѣ можетъ только союзъ пяти западныхъ государствъ: Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи и Португаліи.

Офиціально, Австро-Венгрія устами графа Голуховскаго въ засѣданіи комиссіи венгерской делегаціи заявила о продолжающейся неизмѣнности тройственнаго союза, причемъ австрійскій премьеръ призналъ въ то же время, что съ Италіей имѣли мѣсто небольшія размолвки.

Издающійся же въ Вѣнѣ еженедѣльникъ „Parlamentär“ органъ австрійскихъ славянъ, помѣстилъ обширную статью, въ которой, между прочимъ, говорилъ: „Средне-европейскій тройственный союзъ пережилъ самъ себя и сталъ ненужнымъ. Отдѣльные, входящіе въ составъ его члены тяготятся имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не оправдалъ своей цѣли и своего назначенія. Созданіе Бисмарка, Андраши и Криспи должно было защитить вновь основанную съ Пруссіей во главѣ, германскую имперію отъ французской республики и русской имперіи, въ случаѣ если бы европейскій Западъ и европейскій Востокъ

Digitized by Google

заключили союзъ. Тройственный союзъ дѣйствительно породилъ эту новую политическую комбинацію, но, такъ какъ этотъ славяно-романскій и республиканско-монархическій союзъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія нарушить существующій въ Европѣ порядокъ вещей и оставлялъ германскую имперію въ покоѣ, то между отдѣльными членами тройственнаго союза началось постепенное охлажденіе и отдаленіе, такъ какъ у каждаго изъ нихъ были свои особыя нужды и потребности. Италію соединяла съ Австро-Венгріею только Пруссія, итальянскія симпатіи къ романской Франціи проявлялись все яснѣй и яснѣй. Союзъ Италіи съ Пруссіей былъ чисто историческимъ воспоминаніемъ, когда Италія соединялась съ Пруссіей противъ Австро-Венгріи, и союзъ Италіи съ этой послѣдней, при посредствѣ Германіи, былъ совершенно неестественнымъ. Распаденіе должно было произойти и начало было сдѣлано младшимъ членомъ тройственнаго союза — Италіей. Марокканская конференція доказала, что Италія принадлежитъ къ союзу только по имени. Но опасность тройственному союзу грозитъ также и со стороны Австро Венгріи, гдѣ, послѣ введенія всеобщаго избирательнаго права, рано или поздно, нужно будетъ ожидать славянскаго большинства въ парламентѣ, а отношеніе славянъ къ тройственному союзу хорошо извѣстно".

По мнѣнію другихъ наблюдателей, послѣдній часъ для тройственнаго союза пробьетъ со стороны Венгріи. До сихъ поръ обращали мало вниманія на тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть для международнаго положенія движеніе, происходящее въ Венгріи. Симпатіи между итальянцами и мадьярами существуютъ издавна и постоянно подогрѣваются общей враждой къ Австріи и потому понятно, что Венгрія должна сыграть крупную роль въ разрушеніи тройственнаго союза и въ созданіи новыхъ союзныхъ сочетаній.

Такимъ образомъ, судя по всему, тройственный союзъ осужденъ на разрушеніе, которое произойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе наступитъ измѣненіе нынѣшняго status quo въ Австро-Венгріи. Въ Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ политическіе круги убѣждены въ чрезвычайной близости и внезапности переворота. Въ предисловіи къ недавно вышедшей „Исторіи войны за австрійское наслѣдство", фельдмаршалъ лордъ Робертсъ сравниваетъ нынѣшнее положеніе Европы съ предшествовавшимъ описываемой въ книгѣ войнѣ. Въ 1906 году, какъ и въ 1740, судьбы обширнаго, но полнаго центробѣжныхъ стремленій государства зависятъ отъ одной жизни маститаго государя. Теперь, какъ и тогда, есть петерпѣливый, хорошо во-

Digitized by Google

оруженный сосѣдъ, претендующій на значительную часть наслѣдства. Британскій фельдмаршалъ взываетъ къ Англіи и Европѣ не дать застать себя врасплохъ, быть готовыми защищать цѣлость габсбургской имперіи и равновѣсіе Европы.

Россія болѣе, быть можетъ, чѣмъ кто-либо другой, должна готовиться къ надвигающимся случайностямъ, въ особенности въ виду положенія, уже занятаго Италіей. Соглашенія этой державы съ Франціей и Англіей, дополняемыя ея временнымъ и фактическимъ примиреніемъ съ папствомъ, гарантировавъ ей безопасность извнѣ, какъ и внутри, позволяетъ ей вести энергичную иностранную политику, одною изъ главныхъ чертъ которой является союзъ съ юго-славянами, благодаря чему эти послѣдніе прямо или косвенно очутятся въ зависимости отъ Италіи, а можетъ ли великая славянская держава, хотя временно и ослабленная, равнодушно взирать на переходъ южныхъ славянъ отъ государства со многими народностями къ государству, строго національному и централизованному?

В. Тепловъ.

VYTAUTO DIDŽ. UNIV. BIBLIOTEKA

Digitized by Google

Условія пріема объявленій въ «Русскомъ Вѣстникѣ»:

1) За объявленіе, напечатанное въ началѣ книжки и занимающее цѣлую страницу, взимается 30 р., за занимающее половину страницы—15 р. за одинъ разъ; за объявленіе, напечатанное въ концѣ книжки на цѣлой страницѣ—20 р., на половинѣ страницы—10 р. за одинъ разъ.

2) Чтобъ объявленіе могло быть напечатано или приложено къ книжкѣ журнала, выходящаго ежемѣсячно, 1-го числа, объявленіе должно быть доставлено въ контору журнала не позже 20-го числа текущаго мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ отдѣльныхъ приложеній для разсылки ихъ при журналѣ взимается: за 1000 экземпляровъ приложеній вѣсомъ не болѣе 1 лота каждое, по 7 р. 50 к., вѣсомъ отъ 1 до 2 лотовъ—10 руб., отъ 2 до 3 лотовъ—12 р. 50 к., отъ 3 до 4 лотовъ — 15 р. и т. д.

4) Объявленія печатаются въ журналѣ или разсылаются при немъ не иначе, какъ по полученіи въ конторѣ журнала причитающейся за то платы.

М. Н. КАТКОВЪ.
Полное собраніе передовыхъ статей

„Московскихъ Вѣдомостей“ 1863 — 1887 .

Изданіе С. П. Катковой.

Изданіе состоитъ изъ 25 томовъ, отъ 35 до 60 листовъ въ каждомъ. Цѣна безъ пересылки 62 р. 50 к., съ пересылкою 75 р. Съ требованіями обращаться въ контору «Владиміра Чичерина» въ Москвѣ, Малая Лубянка, домъ Страхового Общества „Россія“.

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ (Рочестеръ).

Свѣточи Чехіи.

Истор. ром. изъ эпохи пробужденія чешскаго народнаго самосознанія.

ПРОДАЕТСЯ: въ книж. магаз. «Новаго Времени» (СПБ., Москва, Харьковъ, Саратовъ, Ростовъ-на-Дону и Одесса) и проч. значительныхъ книготорговляхъ.

Цѣна 1 р. 80 к.

Выписывающіе отъ автора (СПБ., Невскій, 158) за пересылку не платятъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣлено **допустить** книгу въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ВОЗЗВАНІЕ.

Боголюбивые благотворители, дорогіе братья и сестры во Христѣ!

Именемъ Господнимъ умоляемъ васъ: во славу Божію и на молитвенное поминаніе о здравіи и благоденствіи васъ, а также и объ упокоеніи въ райскихъ обителяхъ дорогихъ вамъ вашихъ покойниковъ, помогите вашей посильной жертвой, хоть даже самой небольшой лептой, воздвигнуть намъ храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ построеніи храма нужда самая вопіющая и неотложная. Средствъ же нѣтъ, прихожане—крестьяне совершенно бѣдные. Вся надежда на вашу добрую помощь.

Господи, благослови и помоги!

Адресъ: почт. ст. **Шарковщизна**, Виленской губ. Строительному комитету по сооруженію Старо-Шарковской св.-Успенской церкви.

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ВЪ 1906 г.,

издаваемый В. В. Комаровымъ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ).

«Русскій Вѣстникъ» въ 1906 году выходить будетъ по прежней программѣ, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

1 Января 1906 года «Русскій Вѣстникъ» закончилъ первое пятидесятилѣтіе и вступилъ въ пятьдесятъ первый годъ своего изданія.

Кромѣ обширныхъ отдѣловъ беллетристики и журналистики, «Русскій Вѣстникъ» въ 1906 г. будетъ спеціально разрабатывать государственные вопросы, вызываемые къ жизни освободительнымъ движеніемъ и Высочайшимъ Манифестомъ, опредѣляющимъ бытіе Государственной Думы.

Подписная цѣна на годовое изданіе **«Русскаго Вѣстника»**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: съ доставкою въ **С.-Петербургѣ и Москвѣ** и съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи **16** р., а **за границу 20** р.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ **8** р., на 3 мѣсяца **4** р. съ пересылкою и доставкою.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** коп. съ годового экземпляра.

Подписка на сроки менѣе года принимается исключительно въ контору журнала.

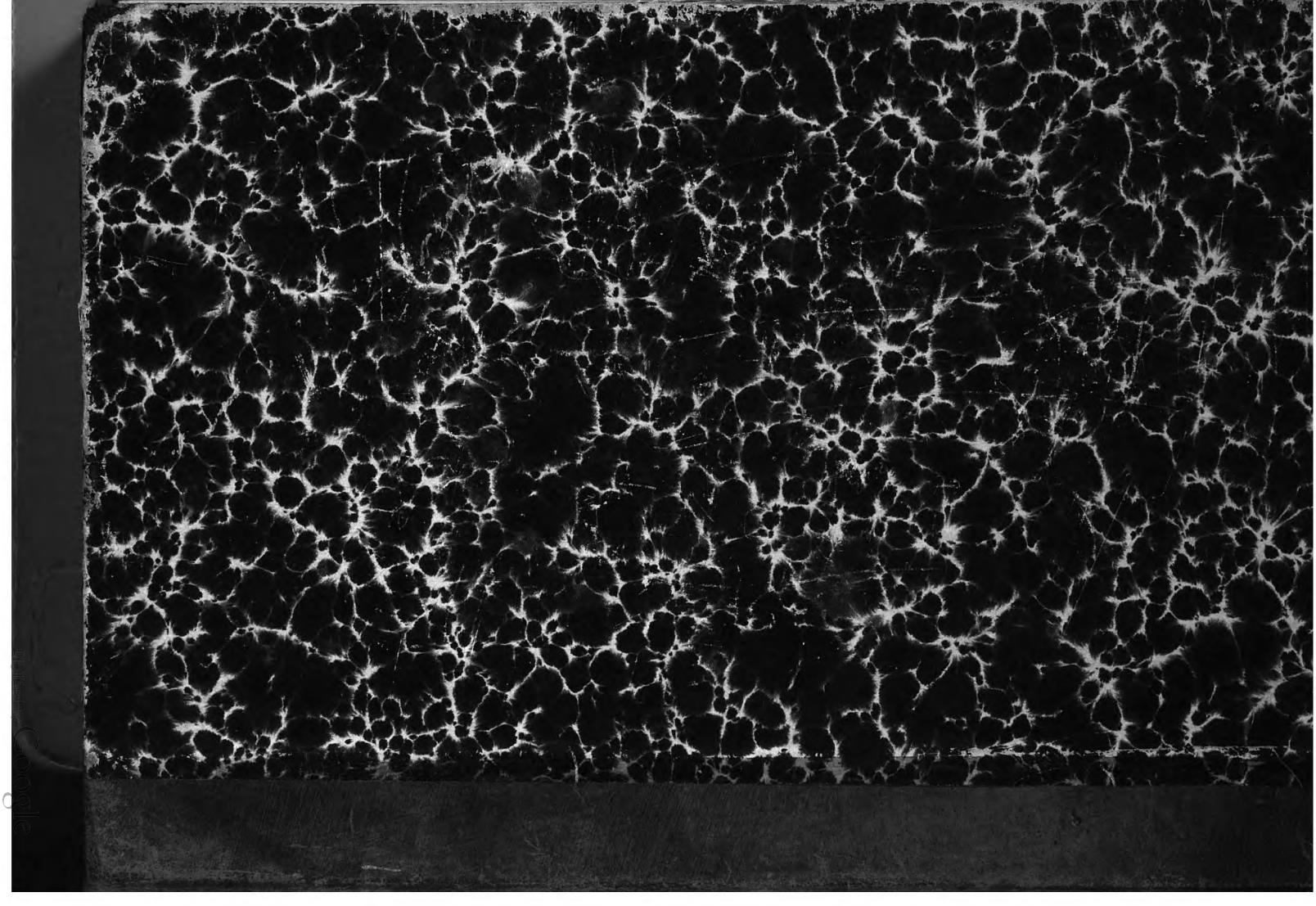
Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

Digitized by Google

Digitized by Google

6, —

Digitized by Google

Digitized by Google